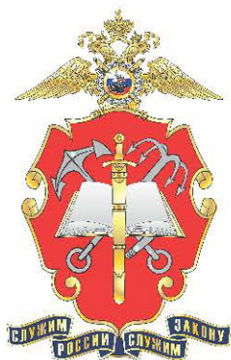

ISSN
2949-1150 online
2071-8284 print

ВЕСТНИК

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
МВД РОССИИ**

**2024
№ 3 (103)**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 3 (103) июль – сентябрь 2024 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 3 (103) July – September, 2024

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 3 (103) июль – сентябрь 2024 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Р. Е. Артамонов, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 30.09.2024 г. Формат 60 × 84/8. Объём 43,1 усл. п. л.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 3 (103) July – September, 2024

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (EI No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, R. E. Artamonov, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation.

Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 30.09.2024. Format 60 × 84/8. Volume 43,1 nom. p.p.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Сашиа, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L.V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I.V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Астраханцев И. В.</i> Транспортная безопасность современного государства как социюридический феномен	10
<i>Карпухина А. Д.</i> Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании	30
<i>Красникова Ю. Н.</i> Особенности правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века на примере Департамента уделов	38
<i>Ломова Т. В.</i> Формирование полицейско-правовой теории: анализ и оценка полицейста В. В. Ивановского	49
<i>Нижник Н. С.</i> Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности	68

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО -ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Пилявец С. В.</i> Вина юридического лица в административном праве: постановка проблемы	96
<i>Пресняков М. В.</i> Место науки конституционного права в системе юридического знания: преодоление границ формальной науки	105
<i>Сагандыков М. С.</i> Соотношение свободы труда и обязанности граждан трудиться: конституционно-правовое исследование	113

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Шавалеев Б. Э.</i> О коллизии норм гражданского законодательства в части определения порядка управления автономной некоммерческой организацией	122
---	-----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абисова К. С.</i> Методология исследования террористической деятельности. Часть 2: познавательные инструменты	131
<i>Акиев А. Р.</i> Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе методов прогнозирования	143
<i>Берестовой А. Н.</i> Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет»	152
<i>Готчина Л. В., Семенова В. В.</i> Жестокое обращение с животными с применением садистских методов	161
<i>Дронова О. Б., Севостьянова С. О.</i> Маркировка вещественных доказательств как элемент обеспечения их технической достоверности	170
<i>Кирюхин А. Б.</i> Уголовно-правовые меры специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права	179
<i>Кобец П. Н.</i> Обзор научно-педагогической деятельности и вклада отечественного ученого М.Н. Гернета в развитие уголовно-правовой и криминологической науки	191
<i>Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н.</i> Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике	200
<i>Куфлева В. Н.</i> Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы	207
<i>Лисаускайте В. В.</i> Международные договоры Российской Федерации об ограничении или запрещении средств ведения военных действий как источник толкования части 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации	217
<i>Никуленко А. В., Смирнов М. А.</i> Право на необходимую оборону при защите имущественных и личных неимущественных прав: иллюзорное или реальное	228

Пинягина Е. С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства	240
Фойгель Е. И. О некоторых аспектах выявления и расследования преступлений, совершенных в отношении половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних	248
Шевелева С. В. Перспективы противодействия уклонению от уплаты таможенных платежей в условиях гуманизации уголовного закона	257
Шевырталов Е. П. Информационное обеспечение как обязательное условие повышения раскрываемости краж и угонов транспортных средств	266
Яковлева М. А. Психологическая работа как эффективное направление ресоциализации осужденного	277

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Денисова А. Ю. Феномен рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций МВД России на этапах практик	287
--	-----

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование	300
Сорокоумова С. Н., Ганишина И. С., Рожкова В. А. Специфика психических состояний осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми	311
Стрельникова Ю. Ю. Структура психологических последствий контртеррористической деятельности: дифференцированный подход к реабилитации	322
Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Постпенитенциарный идеал личности с «чистой совестью», субъектностью и «технологией работы с собой»	336

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Astrakhantsev I. V.</i> The phenomenon of reflection of the professional experience of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the stages of practice	10
<i>Karpuhina A. D.</i> Historical and legal analysis of copyright protection in the UK	30
<i>Krasnikova Yu. N.</i> Peculiarities of law enforcement practice of legislative acts in the first half of the XIXth century on the example of the Department of Estates	38
<i>Lomova T. V.</i> Formation of police-legal theory: analysis and assessment of V. V. Ivanovsky as a specialist in the field of police law	49
<i>Nizhnik N. S.</i> Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality	68

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Pilyavets S. V.</i> The guilt of a legal entity in administrative law: problem statement	96
<i>Presnyakov M. V.</i> The place of the science of constitutional law in the system of legal knowledge: overcoming the boundaries of formal science	105
<i>Sagandykov M. S.</i> Relation between freedom of work and the obligation of citizens to work: a constitutional-legal research	113

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Shavaleev B. E.</i> On conflicts of civil legislation regarding the determination of the procedure for managing an autonomous non-profit organization	122
--	-----

CRIMINAL SCIENCE

<i>Abisova K. S.</i> Methodology of terrorist activity research. Part 2: cognitive tools	131
<i>Akiev A. R.</i> Improvement of methodological and forensic support for investigating crimes against the family and minors on the basis of forecasting methods	143
<i>Berestovoi A. N.</i> Legislative regulation of issues of countering new forms of deviant behavior on the Internet	152
<i>Gotchina D. M., Semenova V. M.</i> Cruel treatment of animals with the use of sadistic methods	161
<i>Dronova O. B., Sevostyanova S. O.</i> Marking of physical evidence as an element of ensuring their technical reliability	170
<i>Kiryukhin A. B.</i> Criminal-legal measures of special prevention of violent encroachments and their realisation by the police at interbranch law competition	179
<i>Kobets P. N.</i> Review of scientific and pedagogical activities and contributions of the domestic scientist M. N. Gernet in the development of criminal law and criminological science	191
<i>Kostenko R. V., Ilyashenko A. N.</i> The future of criminal justice: the role of artificial intelligence in predictive analytics	200
<i>Kufleva V. N.</i> The person who committed the crime: modern challenges and responses	207
<i>Lisaukskaite V. V.</i> International treaties of the Russian Federation on the restriction or prohibition of means of warfare as a source of interpretation of article 356, paragraph 1, of the Criminal Code of the Russian Federation	217
<i>Nikulenko A. V., Smirnov M. A.</i> The right to necessary defense in the protection of property and personal non-property rights: illusory or real	228
<i>Pinyagina E. S.</i> The problem of assessing the materiality of harm as part of arbitrariness	240
<i>Foigel E. I.</i> On some aspects of detection and investigation of crimes committed against the sexual freedom and inviolability of minors	248
<i>Sheveleva S. V., Baumstein A. B.</i> Prospects for countering Customs evasion in the context of the Humanization of criminal law	257

Shevyrtalov E. P. Information support as a prerequisite for increasing the detection rate of vehicle thefts	266
Yakovleva M. A. The direction of psychological work as an effective direction for the resocialization of a convicted person	277

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Denisova A. Yu. The phenomenon of reflection on the professional experience at the practice stages of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	287
--	-----

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

Borodavko L. T., Silkin N. N., Korzunin V. A. The importance of the head of the service team of the internal affairs body in the formation of normative behaviour of its members: an empirical study	300
Sorokoumova S. N., Ganishina I. S., Rozhkova V. A. The specifics of the mental states of convicted women held in places of detention with young children	311
Strelnikova Yu. Yu. Structure of psychological consequences of counter-terrorist activity: a differentiated approach to rehabilitation	322
Sharanov Yu. A., Zueva E. G. Post-penitentiary ideal of a person with a “clear conscience”, subjectivity and “technology for working with oneself”	336

Теоретико-исторические правовые науки

Theoretical and historical legal sciences

Научная статья

УДК 342.5

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-10-29>

Игорь Владимирович Астраханцев

адъюнкт

<https://orcid.org/0009-0003-6868-4138>, Igor39.72@bk.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Транспортная безопасность современного государства как социоюридический феномен

Аннотация: **Введение.** Статья посвящена вопросам, касающимся транспортной безопасности – сложному социоюридическому образованию, элементу национальной безопасности государства. Осознание детерминированности транспортной безопасности политическим влиянием государства на международной арене способствовало признанию развития транспортных каналов и совершенствования транспортной инфраструктуры национальным приоритетом государства. Историографический анализ темы исследования свидетельствует о наличии научных трудов, в которых получили освещение отдельные аспекты становления идеи транспортной безопасности и ее реализации. Но транспортная безопасность современного государства как социоюридический феномен характеристики не получила. **Методы.** Исследование основано на принципах всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики. Основными методологическими подходами стали системный и ценностный. В ходе исследования были использованы методы периодизации, ретроспективного анализа, функциональный, формально-юридический методы, метод контент-анализа правовых актов. Важную роль играл социологический метод, позволивший посредством проведенных автором статьи анкетных опросов определить специфику субъектного состава системы транспортной безопасности и особенности правоприменительной практики в сфере обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации. **Результаты.** Выявлена степень разработанности в юридической науке вопросов, касающихся транспортной безопасности; в контексте представлений о современном государстве уточнено содержание понятия «транспортная

безопасность»; транспортная безопасность и обеспечение транспортной безопасности охарактеризованы как системы; органам внутренних дел дана характеристика в качестве субъекта ее обеспечения; на основе самостоятельно проведенных социологических исследований определены особенности применения правовых норм в сфере обеспечения транспортной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, транспортная безопасность, обеспечение транспортной безопасности России, субъекты обеспечения транспортной безопасности, угрозы транспортной безопасности

Для цитирования: Астраханцев И. В. Транспортная безопасность современного государства как социоюридический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 10–29; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-10-29>.

Original article

Igor V. Astrakhantsev

Graduate

<https://orcid.org/0009-0003-6868-4138>, Igor39.72@bk.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Transport security of the modern state as a socio-legal phenomenon

Abstract: Introduction. The article is devoted to the issues concerning transport security – a complex socio-juridical formation, an element of national security of the state. Awareness of the determinacy of transport security by the political influence of the state in the international sphere contributed to the recognition of the development of transport infrastructure and its improvement as a national priority of the state. The historiographical analysis of the research subject reveals a number of scientific researches, which highlighted certain aspects of the formation of the idea of transport security and its implementation. However, transport security of the modern state as a socio-legal phenomenon remains uncharacterised. **Methods.** The research is based on the principles of comprehensive study of legal processes and phenomena, the integrity of theory and practice. The main methodological approaches were systemic and value-based ones. In the course of the research methods of periodisation, retrospective analysis, functional, formal-legal methods, method of content analysis of legal acts were used. An important role belonged to the sociological method, which made it possible, through the questionnaire surveys conducted by the author of the article, to determine the specifics of the subject composition of the transport security system and the peculiarities of law enforcement practice in the field of transport security in the Russian Federation. **Results.** The degree of development in legal science of questions concerning transport security is revealed; in the context of ideas about the modern state the content of the concept of “transport security” is specified; transport security and its maintenance are characterised as systems; internal affairs bodies are described as a subject of its ensuring; on the basis of independently conducted sociological researches the features of application of legal norms in the sphere of ensuring transport security are determined.

Keywords: national security, transport security, ensuring transport security of Russia, subjects of ensuring transport security, threats to transport security

For citation: Astrakhantsev I. V. The phenomenon of reflection of the professional experience of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the stages of practice // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 10–29; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-10-29>.

Введение

XXI век процессами глобализации и цифровизации общественных отношений формирует новый облик современного государства¹ [1–3], но в то же время способствует проявлению новых вызовов² [4–8]. На современном этапе все большее внимание уделяется необходимости поиска концептуально новых подходов к обеспечению национальной безопасности страны, отвечающих характеру современных угроз и степени напряженности в данной сфере [9–13].

В Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. «О безопасности»³ безопасность была охарактеризована как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. А Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г.⁴ указала, что составляющей национальной безопасности является транспортная безопасность государства. Подтверждением значимости транспортной безопасности явились резонансные трагические ситуации и катастрофы мирового масштаба на транспорте, умышленно подготовленные и совершенные преступно настроенными лицами и группировками. Данные события помимо демонстрации уязвимости транспортной инфраструктуры и объектов транспорта повлекли гибель значительного количества людей и привели к масштабным разрушениям, вызвав тем самым самую резкую реакцию всего мирового сообщества и посеяв среди граждан различных государств настроения паники и напряженности [14–17].

Российскими учеными были установлены и описаны корреляционные связи между состоянием защищенности объектов транспорта и транспортной инфраструктуры государства с уровнем его социально-экономического развития и политического положения в международной иерархии⁵ [18–23]. Осознание данных взаимосвязей в научно-теоретическом смысле закономерно повлекло за собой масштабные законодательные преобразования в данной сфере. На ключевое значение транспорта в структуре и содержании национальных интересов указали Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. «О транспортной безопасности»⁶ (далее – ФЗ «О транспортной безопасности») и акт стратегического характера – Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года⁷, в которой отмечена важность дальнейшего поступательного развития транспортных возможностей государства в целях повышения уровня благосостояния общества и обеспечения защищенности страны от внешнего экономического вмешательства и попыток оказать негативное воздействие на промышленные, логистические и инфраструктурные возможности нашей страны.

Если в 2019 году в Российской Федерации всеми видами транспорта в совокупности было перевезено 395 млн пассажиров (из них: железнодорожным транспортом по маршрутам дальнего следования – 116,5 млн человек; авиатранспортом через аэропорты гражданской авиации – 147,5 млн человек; автомобильным транспортом – 130 млн человек; внутренним водным транспортом по маршрутам дальнего сообщения – 0,9 млн человек), то к 2035 году прогнозируется увеличение объема пассажирских перевозок до 540 млн человек⁸ и существенное увеличение объема грузовых перевозок⁹. На фоне предпринимаемых иностранными государствами попыток разрушения сложившихся транспортно-логистических связей и вмешательства в нормальное функционирова-

¹ Осветимская И. И. Государство в условиях глобализации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 132 с.; Разуваев Н. В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 413 с.; Геворкян А. И. Современное государство: подходы к определению сущностных характеристик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2 (82). – С. 20–26; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-2-20-26>.

² Дерюгин А. А., Нижник Н. С. Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России : учебное пособие / под ред. С. Г. Лысенкова. – Санкт-Петербург: СПВИ войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. – 93 с.; Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2021. – 596 с.

³ О безопасности : Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 769. – Утратил силу.

⁴ Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (ред. от 10.01.2000) // Российская газета. – 1997. – 26 декабря. – № 247. – Утратил силу.

⁵ Голиусов Ю. Ф. Государственная транспортная политика как фактор национальной безопасности России: евразийский аспект : дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2010. – 299 с.

⁶ О транспортной безопасности : Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2007. – № 7. – Ст. 837.

⁷ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // СЗ РФ. – 2021. – № 50 (ч. IV). – Ст. 8613.

⁸ Там же. – Приложение 6.

⁹ Там же. – Приложение 4, 5.

ние транспортного комплекса страны, дополнительно актуализируется необходимость оперативного принятия мер, направленных на поддержание соответствующего уровня защищенности объектов транспорта и транспортной инфраструктуры. Напряженность, спровоцированная такими процессами, придала особую значимость вопросам, связанным с привлечением требуемых резервов для формирования комплексной системы обеспечения транспортной безопасности.

Методы

Методологические принципы исследования транспортной безопасности современного государства как социоюридического феномена опираются на диалектику – общую методологию научного познания. Основными принципами исследования стали принципы всесторонности изучения юридических процессов и явлений, единства теории и практики. Основными методологическими подходами были определены системный подход, позволивший рассматривать транспортную безопасность как системное образование, и ценностный подход, позволивший выявить аксиологические детерминанты, обуславливающие формы и методы обеспечения транспортной безопасности. Метод периодизации был использован для выявления этапов формирования представлений о транспортной безопасности в отечественной правовой мысли. Метод ретроспективного (возвратного) анализа позволил при проведении историографического анализа выявить эволюцию представлений о транспортной безопасности и ее обеспечении. Системный и функциональный методы способствовали выявлению и характеристике организационно-правовых основ системы транспортной безопасности. Формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод контент-анализа правовых актов позволили изучить нормативно-правовой материал, регламентирующий государственное управление и правовое регулирование в сфере транспортной безопасности. Важную роль в исследовании играл социологический метод, дающий возможность определить специфику субъектного состава системы транспортной безопасности и особенности правоприменительной практики в сфере обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации посредством самостоятельно проведенных анкетных опросов. Методами исследования явились и иные общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов) методы правовых исследований.

Результаты

Транспортная безопасность как предмет научных исследований

Проблемы обеспечения транспортной безопасности в современных условиях, в т. ч. их теоретико-правовые и ретроспективные аспекты все чаще становятся предметом исследований.

Начало исследованиям, посвященным организационной и методологической специфике обеспечения сохранности перевозимых грузов и транспортировки пассажиров, было положено во второй половине XIX века. Содержание данных трудов отвечало уровню развития транспортных возможностей в указанный период, поскольку перевозки осуществлялись преимущественно с использованием гужевого транспорта – опыт эксплуатации железнодорожного транспорта и использования соответствующей инфраструктуры на данном этапе только начинал формироваться. Тем не менее отдельные авторы уже тогда обращали внимание на необходимость выделения специальных сил из числа личного состава уездной полиции для обеспечения безопасности функционирования объектов транспорта¹⁰.

Важность формирования соответствующих правовых основ показали трагические события конца XIX столетия. Например, происшествие, известное в истории как Тигульская катастрофа, указало на потребность в строгом распределении обязанностей лиц, привлекаемых для участия в транспортных процессах, и установлении ответственности за их нарушение [24, с. 16–20]. Трагедия была спровоцирована халатным отношением мастера дорожного рельсового полотна, который, разобрав часть пути, отправился на отдых в сторожевое помещение. В это время машинист железнодорожного состава, не подозревая о проводимых работах, направил поезд по указанному пути. В результате состав на высокой скорости сошел с рельсов, упал с отвесного обрыва и воспламенился. В катастрофе погибли следовавшие в данном подвижном составе люди, а в результате пожара был уничтожен и сам поезд, и перевозимые им грузы¹¹ [24, с. 17]. В дальнейшем на фоне иных, менее масштабных событий вопросы обеспечения транспортной безопасности постепенно

¹⁰ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени : Составлен по распоряжению министра внутренних дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным. – Санкт-Петербург: типография Министерства внутренних дел, 1872. – С. 199.

¹¹ Сухомлинов А. В. Политика обеспечения транспортной безопасности и противодействия терроризму в России : на материалах железнодорожного транспорта : дис.... канд. полит. наук. – Москва, 2012. – С. 72–74.

начали осознаваться как имеющие государственное значение¹² [25] и как связанные с реализацией прав человека в российском государстве¹³ [26, с. 61].

В рассматриваемый период транспортные магистрали начали использоваться в диверсионных и террористических целях. Так, в ноябре 1879 года было предпринято покушение на императора Александра II, не достигшее цели только потому, что в первом составе ехала свита императора, а сам царь – в следующем за ним¹⁴. Террористические акты, совершенные на объектах транспорта в конце XIX – начале XX века, указали на потребность формирования в структуре действующей полиции специального подразделения – транспортной полиции¹⁵ [27, с. 94; 28, с. 43–83; 29, с. 11–14]. Значимость этих вопросов подтвердила и Первая мировая война [28, с. 118–119].

Большое внимание обеспечению транспортной безопасности было уделено при создании и укреплении экономической мощи Советской республики. В трудах И. Д. Михайлова¹⁶, П. Н. Шестакова¹⁷, И. Королева¹⁸, И. А. Поплавского¹⁹, Н. В. Орнатского²⁰, С. Г. Писарева²¹, Н. Г. Васильева²² рассматривались вопросы организации безопасного движения транспортных средств и эксплуатации путей сообщения различного вида в Советской России и СССР [29, с. 14–15].

Новую волну интереса исследователей к оценке роли и значения транспорта в обеспечении безопасности государства вызвали попытки осмысления уроков Великой Отечественной войны²³, определение перспектив восстановления политической и экономической мощи СССР.

Рассмотрению мер по обеспечению безопасности средств транспорта, объектов транспортной инфраструктуры, персонала, обеспечивающего функционирование транспортной сети, перевозимых пассажиров, товаров и грузов посвятили свои труды В. Ф. Бабков²⁴, М. Б. Афанасьев²⁵, Е. М. Извозчиков²⁶, вопросам предотвращения преступлений и аварий в транспортной сфере – А. Н. Грачев²⁷, А. М. Белодедов²⁸, И. К. Шахриманьян²⁹, В. В. Лукьянов³⁰. На этом этапе понятие транспортной безопасности ограничивалось представлениями о безопасности дорожного движения и безопасном осуществлении транспортных процессов с целью доставки грузов и перевозки пассажиров [29, с. 15–16].

¹² Зерцалов А. Н. Обезьяне головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. : Материалы Московского архива Министерства юстиции. – Москва: Университетская типография, 1894. – 60 с.

¹³ Андреевский И. Е. Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России, читанные в Археологическом институте в 1881, 1882 и 1883 годах профессором И. Андреевским, составленные и изданные слушателем Археологического института Д. Волковым. – Санкт-Петербург, 1883. – 69 с.

¹⁴ Киракосян А. М. Терроризм на транспорте как угроза современному обществу: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2007. – С. 65–66.

¹⁵ Тимофеев Л. А. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог : Обязанности жандармской железнодорожной полиции : По жандармской полицейской части : Общие обязанности жандармской железнодорожной полиции / Сост. ст. адъютант Штаба Отделения корпуса жандармов подполковник Л. А. Тимофеев. – Санкт-Петербург: Типография Штаба Отделения корпуса жандармов, 1908. – 1238 с.; Статистический сборник Министерства путей сообщения. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1914. – Вып. 128: Железные дороги в 1913 г. – Ч. 1. – 208 с.

¹⁶ Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта 1913–1925. – Ленинград: Экономическая жизнь, 1925. – 246 с.

¹⁷ Шестаков П. Н. Принципы организации автомобильного транспорта на шоссе на дорогах. – Петроград: Редакция специального технического и экономического издательства НКПС, 1920. – 28 с.

¹⁸ Королев И. Устройство небольших деревянных мостов и труб на гужевых дорогах волостного значения. – Сталинград: Общество культсмычки, 1926. – 15 с.

¹⁹ Поплавский И. А. Методы и практика непосредственного текущего наблюдения в гужевой статистике. – Москва: Центральное статистическое управление СССР, 1926. – Ч. 1: Общие принципы и выводы. – 113 с.

²⁰ Орнатский Н. В., Некрасов В. К. Простейшая механизация содержания грунтовых дорог. – Ленинград: Государственное издательство, 1929. – 93 с.

²¹ Писарев С. Г. Городской транспорт / предисл. В. И. Говоркова и В. Н. Образцова. – Москва: Министерство коммунального хозяйства РСФСР, 1948. – 504 с.

²² Васильев Н. Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. – Москва: Воениздат, 1939. – 257 с.

²³ Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР : в 2 т. – [Москва]: Дориздат, [1951]–1957.

²⁴ Бабков В. Ф. Дорожные условия и безопасность движения. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Транспорт, 1970. – 256 с.

²⁵ Афанасьев М. Б. Водителю о дорожном движении. – Москва: Издательство ДОСААФ, 1977. – 159 с.

²⁶ Извозчиков Е. М. Внимание: автомобиль! – 2-е изд., доп. – Куйбышев: Книжное издательство, 1981. – 135 с.

²⁷ Грачев А. Н. Административные проступки в дорожном движении и их профилактика органами внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1978. – 226 с.

²⁸ Белодедов А. М. Исследование аварийности и повышения безопасности дорожного движения в Ленинграде и области : дис. ... канд. техн. наук. – Ленинград, 1979. – 236 с.

²⁹ Шахриманьян И. К. Деятельность органов внутренних дел по пропаганде безопасности дорожного движения : учебное пособие. – Москва, 1979. – 75 с.

³⁰ Лукьянов В. В. Безопасность дорожного движения. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Транспорт, 1983. – 262 с.

Важным шагом в накоплении знаний о транспортной безопасности как социоюридическом феномене явилось закрепление на законодательном уровне³¹ понятия «транспортная безопасность» и сопутствующих ключевых понятий. ФЗ «О транспортной безопасности» трактует транспортную безопасность как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Факт того, что текст закона в 2007–2024 гг. подвергался изменениям 26 раз, свидетельствует о том, что единый подход к решению концептуальных и прикладных вопросов еще не выработан [29, с. 16]. Только за последнее десятилетие в российской юридической науке проблемам транспортной безопасности были посвящены несколько десятков монографий и учебников, более 400 статей, защищены более десятка диссертаций по этой тематике. Но в условиях трансформации детерминант внутригосударственного и международного характера требуется проведение непрерывной исследовательской работы, создающей фундамент для совершенствования законодательства в сфере транспортной безопасности, в т. ч. вопросов, касающихся теоретико-правовой характеристики транспортной безопасности как социоюридического феномена.

«Транспортная безопасность»: содержание понятия

Терминологическая конструкция, образованная в результате симбиоза терминов «транспорт» и «безопасность», отражает эволюцию представлений о транспорте и безопасности [22, с. 13–15; 30].

Формирование понятия «транспорт» было связано с перемещением людей и грузов на дальние расстояния с помощью возов, телег, повозок, кораблей. В истории отечественного государства в XIV – начале XVII века вопросы создания транспортных путей, приспособленных для перемещения людей, грузов, товаров, и обеспечения их безопасности приобрели особую актуальность: складывалось единое централизованное государство, формировался единый внутригосударственный рынок.

При перемещении людей, грузов и товаров складывались правила их транспортировки и обеспечения безопасности – сначала обычаи делового оборота, а потом и правовые нормы. Так, в Судебник Ивана III 1497 года³² была включена статья 30 «Указ о езде», которая устанавливала тарифы для пересылки почтовых грузов из столицы в другие города. Судебник Федора Иоанновича 1589 года³³ регламентировал технические требования по содержанию дорог, а также предусматривал ответственность за невыполнение данных мер³⁴.

Задачи транспортировки грузов определенного вида в Московском государстве решал, в частности, Ямской приказ³⁵, который был организован в 1555 году для доставки почты в виде государственной и частной переписки³⁶. Непосредственными полномочиями Ямского приказа были определены обеспечение сохранности почтовых отправок, разработка маршрутов перемещения ямщиков, создание системы почтовой доставки [28, с. 29].

Соборное уложение 1649 года³⁷, закрепив свободу судоходства по рекам и введя запрет на строительство плотин и мельниц, затрудняющих проход лодок, расширили понятие «транспорт» и представления об организации транспортного сообщения в России.

Стремительное техническое развитие в Российской империи (от активного кораблестроения и усложнения морской навигации в эпоху Петра I до внедрения в общественную жизнь железнодорожного транспорта, наземных и водных транспортных средств (автомобилей, пароходов, паромов) и летательных аппаратов (дирижаблей, экспериментальных самолетов) вносили изменения в представления о транспорте и транспортной безопасности, как и факты человеческих жертв в случаях нарушения требований безопасности

³¹ СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

³² Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / сост. В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк ; под ред. Л. В. Черепнина // Памятники русского права. – Москва: Госюриздат, 1955. – Вып. 3. – С. 341–416.

³³ Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. : по списку собрания Ф. Ф. Мазурина. – Москва: Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел, 1900. – С. 14.

³⁴ Транспорт России: история правового регулирования // Сборник транспортных уставов и кодексов : в 2 т. / сост. А. Ю. Синенко. – Москва: А2–А4, 2007. – Т. 1. – С. 334.

³⁵ Нижник Н. С. История отечественного государства и права. Древняя и Средневековая Русь (IX–XVI вв.) : учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. – С. 152.

³⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Поверстная и Указная книги Ямского приказа. – Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1890. – 16 с.; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справочник. – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 76.

³⁷ Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова ; отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва: Юридическая литература, 1985. – Т. 3: Акты Земских соборов. – С. 257–446.

на транспорте. Требования к организации и безопасности функционирования транспорта различных видов (сухопутного, водного, железнодорожного) различались, но общим было требование соблюдения правил, предотвращающих причинение вреда жизни и здоровью людей, многие из которых получили законодательное закрепление. Стремительное технологическое развитие в XX–XXI вв. способствовало появлению новых видов транспорта, расширению сети транспортных путей и маршрутов³⁸. В Конституции Российской Федерации³⁹ закреплено, что федеральный транспорт и пути сообщения находятся в ведении Российской Федерации (ст. 71).

Понятие «безопасность» на разных этапах исторического развития государства наполнялось различным содержанием [4, с. 69–73; 30, с. 21–31]. Не раскрывал понятие «безопасность» и Федеральный закон «О безопасности»⁴⁰, в котором были перечислены лишь отдельные виды безопасности (безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности).

Представления о транспортной безопасности нашли отражение в Воздушном кодексе Российской Федерации⁴¹, использующем понятие «авиационная безопасность», которым обозначается состояние защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации (ст. 3); в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации⁴², включившем в обязанности капитана морского порта (ст. 76) обеспечение им транспортной безопасности акватории морского порта; в Уставе железнодорожного транспорта Российской Федерации⁴³, упоминающего о транспортной безопасности в статьях об ответственности грузоперевозчика, пассажиров и грузополучателей. Впервые понятие «транспортная безопасность» получило законодательное закрепление в ФЗ «О транспортной безопасности», определившем, что транспортная безопасность – это «состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства» (ст. 1), а обеспечение транспортной безопасности – это «реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства» (ст. 1).

Исходя из содержания и степени осмысления транспортной безопасности на теоретическом и законодательном уровнях, можно выделить несколько *этапов формирования представлений о транспортной безопасности в отечественной правовой мысли*:

1) период ранней государственности (IX–XIV вв.): появление предпосылок для формирования представлений о транспортной безопасности;

2) период средневековой государственности (XIV – начало XVII в.): формирование базовых представлений о транспортной безопасности, обусловленное появлением новых видов транспорта и расширением транспортных путей;

3) период Российской империи (начало XVIII – начало XX в.): формирование представлений о транспортной безопасности, обусловленное угрозами, возникающими в процессе эксплуатации различных видов транспорта, и массовостью общественно опасных последствий нарушения требований безопасности эксплуатации транспортных средств и транспортных путей;

4) период современного государства (с 20-х годов XX в. до настоящего времени): формирование системных представлений о транспортной безопасности, обусловленное усложнением транспортных процессов, в т. ч. в мировом масштабе, формированием отдельной сферы правоотношений в сфере использования различных видов транспорта для перевозки пассажиров и доставки грузов.

Выделение этих этапов может выступить общетеоретическим фундаментом для дальнейшего исследования транспортной безопасности в контексте национальной безопасности

³⁸ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров [и др.]. – Москва: РОССПЭН, 2008. – Т. 2. – С. 96.

³⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Интернет-портал правовой информации : [официальный сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴⁰ О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

⁴¹ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

⁴² Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.

⁴³ Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СЗ РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 170.

государства [4–6; 14] с учетом особенностей научно-технологического развития и глобализационных процессов современного мира.

Транспортная безопасность как система

Транспортная безопасность является неотъемлемым элементом национальной безопасности государства, сложным многоаспектным явлением, непосредственно определяющим состояние защищенности граждан и национальных интересов государства в сфере функционирования транспортной системы страны.

Система в широком смысле понимается как совокупность элементов, необходимых для достижения поставленных целей и подбираемых в соответствии со спецификой обеспечиваемых процессов [31–33]; в узком смысле – как набор элементов, находящихся между собой во взаимодействии в рамках определенных явлений, событий либо изучаемых феноменов [34, с. 14; 35, с. 135].

С учетом того, что транспортная безопасность является сложным феноменом [5, с. 156], система ее обеспечения подлежит рассмотрению в широком смысле – в качестве совокупности элементов, необходимых для достижения состояния защищенности транспортного комплекса страны от актов незаконного вмешательства и обеспечения защиты интересов личности, общества и государства в сфере его функционирования.

Понятие «система обеспечения транспортной безопасности» до настоящего времени остается часто используемой, но законодательно не закрепленной категорией. Ее содержание представляется возможным определить, руководствуясь нормами различных правовых актов и результатами практической деятельности по обеспечению транспортной безопасности. Результаты аналитической работы свидетельствуют, что система обеспечения транспортной безопасности включает в себя: субъекты, участвующие в обеспечении транспортной безопасности; реализуемые ими меры правового, организационного, информационно-идеологического, экономического и иного характера; применяемые в этих целях силы, средства и приемы объединения совместных усилий субъектов данной системы [36–40].

Учитывая, что меры обеспечения транспортной безопасности, применяемые средства и приемы взаимодействия не могут применяться в отрыве от субъектов, можно утверждать, что именно субъекты транспортной безопасности являются основой и ключевым элементом системы ее обеспечения. Обращаясь к содержанию ФЗ «О транспортной безопасности», необходимо обратить внимание на то, что в перечне основных понятий, используемых в тексте документа в соответствии с выбранной законодателем юридической техникой, не содержится термина «субъекты транспортной безопасности». При этом в терминологическом списке, представленном в ст. 1, содержится ряд смежных определений: «компетентные органы в области обеспечения транспортной безопасности», «подразделения транспортной безопасности», «силы обеспечения транспортной безопасности», «специализированные организации в области обеспечения транспортной безопасности», «субъекты транспортной инфраструктуры». Однако перечисленные участники обеспечения транспортной безопасности, имея непосредственное отношение к реализации определенных мер, выполняя отдельные функции и реализуя предоставленные действующим законодательством полномочия в данной сфере, тем не менее не образуют состав субъектов, а сформулированные в данном виде положения ФЗ «О транспортной безопасности» не способствуют ясности в вопросе определения и конкретизации перечня субъектов транспортной безопасности.

Особое значение имеет ст. 4 ФЗ «О транспортной безопасности», посвященная конкретно обеспечению транспортной безопасности. Однако она сформулирована с применением общих формулировок, не позволяющих конкретизировать список субъектов системы обеспечения транспортной безопасности [40].

Перечень субъектов транспортной безопасности можно составить на основании Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве⁴⁴ (далее – Правила взаимодействия), предусматривающих порядок совместных действий при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного

⁴⁴ Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, субъектов транспортной инфраструктуры и перевозчиков при проверке информации об угрозе совершения акта незаконного вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 августа 2018 г. № 943 // СЗ РФ. – 2018. – № 34. – Ст. 5488.

вмешательства на объекте транспортной инфраструктуры и (или) транспортном средстве, отсылка к которому содержится в п. 7 ст. 4 ФЗ «О транспортной безопасности». Учитывая, что в качестве основной цели обеспечения транспортной безопасности, сформулированной в ст. 2, обозначена «защита интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства»⁴⁵, данный подзаконный нормативный правовой акт в полном объеме соотносится по смыслу и содержанию с основным назначением федерального закона, конкретизируя, уточняя и раскрывая его положения.

Так, в соответствии с п. 2 Правил взаимодействия к субъектам взаимодействия при обеспечении транспортной безопасности относятся:

- федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные Правительством Российской Федерации осуществлять функции по оказанию государственных услуг в области обеспечения транспортной безопасности;
- территориальные органы ФСБ России, МВД России и Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор);
- органы военного управления Министерства обороны;
- органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации;
- исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований (местная администрация);
- субъекты транспортной инфраструктуры;
- перевозчики.

Субъекты транспортной безопасности можно классифицировать и выделить следующие их виды:

- *субъекты, обладающие распорядительно-властными полномочиями*: федеральные органы исполнительной власти федерального (Правительство Российской Федерации) и регионального значения (высшие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации); Федеральная служба по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор); Министерство транспорта Российской Федерации (Минтранс);
- *субъекты, обладающие правоохранными и силовыми полномочиями*: МВД России, ФСБ России, Министерство обороны России;
- *субъекты, непосредственно заинтересованные в обеспечении безопасности объектов транспортной системы*: субъекты транспортной инфраструктуры; перевозчики; пассажиры и пр. [40].

Столь обширный перечень субъектов транспортной безопасности определяется ее стратегически важным значением в общей структуре национальной безопасности и, как следствие, невозможностью ее всестороннего обеспечения силами какого-либо одного субъекта, потребностью в консолидации совместных усилий, сил и средств в достижении задач обеспечения транспортной безопасности. Кроме того, на концептуально важное значение транспортной безопасности в качестве отдельного направления сосредоточения усилий государства в лице его специально уполномоченных субъектов указывает и перечень принципов ее обеспечения, перечисленных в ст. 3 ФЗ «О транспортной безопасности».

Обеспечение транспортной безопасности как система

Важной характеристикой системы обеспечения транспортной безопасности являются *принципы организации и функционирования системы обеспечения транспортной безопасности*. Несмотря на существенные трансформации государственно-правовых систем в условиях глобализации и цифровизации общественных отношений [41; 42], основным принципом реализации права продолжает оставаться принцип законности [28; 43]. В рамках научного исследования для определения значимости принципов обеспечения транспортной безопасности практическими работниками, осуществляющими правоприменительную практику в этой сфере, автором статьи в период с марта 2023 по февраль 2024 года было проведено социологическое исследование в форме анкетирования (респондентами стали 416 сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) на транспорте из 19 субъектов Российской Федерации) [40].

Результаты анкетирования свидетельствуют о следующем. При ответе на вопрос об определении наиболее важных принципов обеспечения транспортной безопасности (при возможности одновременного выбора не более трех вариантов из предложенных)

⁴⁵ СЗ РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

значительное число респондентов среди принципов, представленных в ст. 3 ФЗ «О транспортной безопасности», выделили принципы законности (86 %) и взаимодействия субъектов (81 %). Другие принципы, представленные в данной норме, получили значительно меньше внимания респондентов: непрерывность – 61 %; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства – 43 %; взаимная ответственность личности, общества и государства в области обеспечения транспортной безопасности – 32 %; интеграция в международные системы безопасности – 22 %. В то же время из числа дополнительно определяемых принципов обеспечения транспортной безопасности сотрудниками ОВД были активно поддержаны следующие: интегрированность транспортной безопасности в структуру национальной безопасности – 93 %; принцип единоначалия (наличие основного субъекта обеспечения транспортной безопасности) – 91 %; контролируемость государством – 82 %; гарантированность безопасности субъектов обеспечения транспортной безопасности – 76 %; взаимная заинтересованность – 73 %; консолидированность усилий всех субъектов обеспечения транспортной безопасности – 70 %; строгая субординация – 69 % [40, с. 80–81].

Практические работники осознают, с одной стороны, невозможность достижения целей в сфере обеспечения транспортной безопасности усилиями одного субъекта (государственного органа, ведомства либо хозяйствующего субъекта) и, с другой стороны – необходимость строгого разграничения компетенции, полномочий и сфер ответственности каждого субъекта и формирования данной системы по принципу единоначалия (наличие основного субъекта обеспечения транспортной безопасности, отвечающего за координацию совместных усилий, налаживание и поддержание взаимодействия).

Необходимость строгого разграничения функций, выполняемых субъектами транспортной безопасности, поддерживается и учеными. В частности, С. А. Семенов настаивает на необходимости разграничения между субъектами функций нормативно-правового регулирования, контроля, оказания государственных услуг, прогнозирования, оперативных, силовых и функций обеспечения системы [44, с. 71–91].

Органы внутренних дел как субъект обеспечения транспортной безопасности

Важное место в системе обеспечения транспортной безопасности занимают ОВД. Являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в сфере внутренних дел, Министерство внутренних дел Российской Федерации реализует широкий объем полномочий, направленных на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, противодействие преступности, охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности⁴⁶. Нормативные акты указывают на правоохранный и силовой характер деятельности ведомства, что также подтверждается его принадлежностью к органам, в которых предусмотрена военная служба, и субъектам, наделенным полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Описываемая компетенция позволяет определить два основных блока *полномочий ОВД по обеспечению транспортной безопасности*:

– обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на объектах транспортного комплекса страны (пресечение и документирование административных правонарушений, выявляемых в сфере транспортной безопасности; контроль за границами зон транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, доступ посторонних лиц в которые ограничен; анализ материалов и изображений, фиксируемых инженерно-техническими системами обеспечения транспортной безопасности (видеонаблюдения, рентгено-телевизионных установок, стационарных и ручных металлодетекторов, газоанализаторов и пр.)); реагирование на информацию, сообщаемую работниками служб авиационной безопасности аэропортов, дежурными вокзалов, диспетчерами и иными сотрудниками объектов транспортной инфраструктуры);

– комплексное противодействие угрозам транспортной безопасности государства в целом (информационный обмен об угрозах и фактах совершения актов незаконного вмешательства; работа с лицами, нарушающими установленные на объектах транспортной инфраструктуры режимы; возбуждение и расследование уголовных дел по фактам совершения

⁴⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900; Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 05.02.2024) // СЗ РФ. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

преступлений на объектах транспортного комплекса; выявление потенциально опасных предметов и предметов, ограниченных в гражданском обороте; проведение досмотра лиц, грузов и транспортных средств; осуществление оперативно-розыскной деятельности и ведение агентурной работы в данной сфере);

– обеспечение транспортной безопасности в особых условиях (контроль режима въезда-выезда с территории, на которую распространяется режим военного положения либо иной специальный режим; охрана стратегических и гражданских объектов военного, социального и инфраструктурного назначения; организация эвакуации населения с использованием транспортной инфраструктуры и средств транспорта, расположенных на территориях с действующим режимом военного положения) [45–47].

Противоправная активность на объектах транспортного комплекса наиболее высока в регионах страны с максимальной плотностью населения и разветвленностью транспортных путей. Акты незаконного вмешательства, совершаемые на объектах транспортной инфраструктуры именно в Центральном федеральном округе, в случае их реализации способны привести к наиболее значимой и продолжительной дестабилизации нормальной работы транспортного комплекса, а следовательно, причинить наиболее значительный ущерб, что соответствует преступным замыслам исполнителей данных преступлений. На это указывает и характер трансформации преступных устремлений субъектов. Если изначально (в период с февраля по декабрь 2022 года) ими в подавляющем большинстве случаев совершались акты незаконного вмешательства в виде заведомо ложных сообщений о террористических актах, то с начала 2023 года – путем совершения диверсий.

Трудности обеспечения транспортной безопасности в современных условиях

Трудности, с которыми столкнулся транспортный комплекс страны в период 2022–2024 гг., в условиях проведения специальной военной операции, действия санкций в отношении Российской Федерации, изоляции России от внешнеэкономических, торговых и промышленных связей стали объектом пристального внимания со стороны руководства страны и профильных ведомств.

В зависимости от сферы проявления *трудности, с которыми столкнулся транспортный комплекс России*, можно разделить на два блока:

– *военно-политического характера* (реализация рядом недружественных стран угроз военного характера в сфере транспортной безопасности России: совершение диверсий, угроз и прямых актов агрессии в отношении объектов транспорта и транспортной инфраструктуры; ведение агрессивных наступательных боевых действий с применением беспилотных летательных аппаратов и иных дистанционных средств вооружения в непосредственной близости от важных транспортных узлов, и вызванная в связи с этим необходимость прекращения их функционирования; проявление актов агрессии, в т. ч. военного характера, в отношении российских морских судов, железнодорожных и автотранспортных подвижных составов, следующих через акватории и территории иностранных государств; попытки несанкционированного проникновения в воздушное пространство Российской Федерации и др.);

– *экономического характера* (прекращение сервисного обслуживания и поставки комплектующих деталей для объектов транспорта в соответствии с ранее заключенными контрактами и договорами; сворачивание программ повышения квалификации специалистов (пилотов воздушных и морских судов, специалистов по транспортной безопасности и охране труда в данной сфере и т. д.), непосредственно участвующих в обеспечении транспортных процессов; блокирование объектов транспорта, а также перевозимых ими товаров и грузов, находящихся в экономическом пространстве иностранных государств; активное воспрепятствование торгово-экономическим связям в приграничных регионах России путем введения дополнительных квот, правил и требований, связанных с перемещением товаров и грузов как с территории Российской Федерации, так и ввоза на территорию страны из-за рубежа.

Выявленные затруднения требуют поиска эффективных путей их преодоления, что способствует эффективному использованию внутренних ресурсов государства, расширению инновационных, промышленных и производственных возможностей его хозяйствующих субъектов. Так, например, по состоянию на начало 2024 года в Российской Федерации отмечен рост производственной активности в сфере машино- и вагоностроения по обеспечению потребностей в общественном транспорте страны, расширении его мощностей

и повышении пассажиропотока, а также повышение уровня транспортной безопасности в условиях его эксплуатации⁴⁷.

Анализируя возникшие на современном этапе угрозы военного характера, необходимо обратить внимание на практику, связанную с совершением актов незаконного вмешательства с применением взрывных устройств различной поражающей мощности, применяемых преступно настроенными лицами на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. Обобщение этой практики позволяет констатировать, что осуществляться данные действия могут как лицами (в т. ч. гражданами России), завербованными иностранными спецслужбами, так и специально подготовленными диверсионными группами противника. Например, происшествие на Крымском мосту⁴⁸ указывает на то, что использование злоумышленниками в преступных целях транспортных средств способствует усилению результативности действий, поскольку, во-первых, позволяет маскировать взрывчатые вещества, а во-вторых, повышает оперативность действий преступников. При этом поражающее воздействие на объект транспортной инфраструктуры оказывается масштабным и разрушительным, поскольку объем перевозимых и используемых для террористического акта веществ ограничен только объемом и вместимостью транспортного средства.

В сложившихся военно-политических условиях целями актов незаконного вмешательства все чаще становятся не конкретные объекты транспорта, а стратегически важные объекты транспортной инфраструктуры (мосты, пассажирские и грузовые терминалы, путепроводы, газо- и нефтепроводы, в т. ч. международного значения, находящиеся в экономических пространствах и под юрисдикцией иностранных государств). Наглядно проявляется специфика преступных умыслов радикально настроенных лиц, реализуемых в сфере транспортной безопасности страны, по нанесению максимального урона объектам транспортного комплекса, расположенным не только на территории приграничных субъектов России, непосредственно примыкающих к линии боевого соприкосновения с силами противника, но и на всей территории Российской Федерации.

Особенности применения правовых норм в сфере обеспечения транспортной безопасности

Применение норм, касающихся транспортной безопасности в Российской Федерации, имеет особенности, детерминированные:

- громоздкостью законодательства в сфере обеспечения транспортной безопасности;
- наличием множества нормативных правовых актов, правовые предписания которых дублируются;
- наличием правовых коллизий и ситуаций правовой неопределенности;
- неконкретностью ключевых дефиниций и положений, закрепленных в законодательстве, например, понятия «транспортная безопасность» [40; 48, с. 15–21; 49].

Для выявления проблем объективного и субъективного характера в сфере обеспечения транспортной безопасности нами было проведено социологическое исследование методом опроса – методом сбора первичной информации, основанном на опосредованном взаимодействии исследователя с опрашиваемыми, – анкетирования [40, с. 80–81]. Исследование было проведено в январе – апреле 2023 года. Респондентами стали 128 сотрудников полиции, в соответствии со своими должностными обязанностями принимающие участие в обеспечении транспортной безопасности на Северо-Западе России.

Результаты анкетирования показали, что действующие сотрудники ОВД на транспорте обращают внимание на ряд трудностей, связанных с несовершенством правовой регламентации обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации. Так, трудности правового характера по мнению 24 % респондентов, обусловлены разрозненностью

⁴⁷ В настоящее время девять из десяти вагонов метро в России изготовлены в Подмоскovie на предприятии «Метровагонмаш» в Мытищах (Сообщение пресс-службы Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области // Ведомости : [сайт]. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/02/19/devyat-iz-desyati-vagonov-metro-v-rossii-izgotovleni-v-podmoskove (дата обращения: 12.03.2024)). Помимо изготовления подвижного состава «Метровагонмаш» поставляет запасные части, осуществляет капитальный ремонт и модернизацию, а также сервисное обслуживание своей продукции (Председатель Государственной Думы Российской Федерации Вячеслав Володин побывал на заводе по производству трамвайных вагонов в Тверской области // Первый канал : [сайт]. – URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-11/472519-vyacheslav-volodin_v-tverskoy-oblasti-pobyval_na-zavode_po-proizvodstvu-tramvaynyh-vagonov (дата обращения: 12.03.2024)).

⁴⁸ По данным следствия, в ночь на 17 июля 2023 г. в результате теракта, совершенного спецслужбами Украины, была повреждена одна из секций Крымского моста, погибли мужчина и женщина, ехавшие на легковом автомобиле по мосту, их несовершеннолетняя дочь получила ранения (СК возбудил дело о теракте после атаки на Крымский мост // Российская газета : [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2023/07/17/sk-vozbudil-delo-o-terakte-posle-ataki-na-krymskij-most.html>. (дата обращения: 01.03.2024)).

и несистемностью нормативных правовых актов, регулирующих вопросы ее обеспечения; 22 % респондентов полагают, что они определяются чрезмерным нагромождением и сложностью законодательства в указанной сфере; 19 % – связывают их с устареванием основных положений ФЗ «О транспортной безопасности»; 18 % – оопределяют дублированием положений ФЗ «О транспортной безопасности» в ведомственных нормативных правовых актах; 17 % – настаивают на важности отсутствия законодательного закрепления основного субъекта обеспечения транспортной безопасности [40, с. 80].

Исследование показало следующее:

- детерминанты правового регулирования транспортной безопасности многочисленны;
- при поиске научно обоснованных путей разрешения проблем в сфере обеспечения транспортной безопасности должен быть учтен весь их комплекс.

В общей системе обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации отсутствует ключевой (ведущий, основной) субъект, ответственный за организацию совместной деятельности всех субъектов ее обеспечения. В связи с этим необходимо определить и законодательно закрепить основной субъект обеспечения транспортной безопасности, его функции и контролирующие полномочия по принципу единоначалия. Реализация данной законодательной инициативы должна способствовать одновременному достижению позитивных изменений в различных направлениях, позволив:

- упорядочить взаимодействие субъектов системы обеспечения транспортной безопасности;
- назначить субъект, ответственный на федеральном уровне за эффективность и результативность функционирования системы обеспечения транспортной безопасности;
- урегулировать вопросы взаимодействия между субъектами в разных системах координат (по вертикали и по горизонтали);
- придать всей системе обеспечения транспортной безопасности характер цельной, логично выстроенной и последовательной системы, функционирующей по принципам подчинения, ответственности и взаимной скоординированности усилий.

Региональная специфика обеспечения транспортной безопасности

Региональная специфика обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации во многом обусловлена геополитическим расположением отдельных ее регионов. Характер и интенсивность реализуемых в сфере транспортной безопасности угроз зависит от плотности населения, развитости транспортного комплекса и общей протяженности транспортных путей в границах определенного федерального округа. Представляют интерес результаты исследования, проведенного путем опроса сотрудников ОВД, непосредственно занятых обеспечением транспортной безопасности⁴⁹. Так, на вопрос: «Зависят ли, по мнению участников опроса, качество и эффективность обеспечения транспортной безопасности государства от специфики отдельных субъектов Российской Федерации?» утвердительно ответили 72 % респондентов; ответ: «В определенной мере» выбрали 15 % опрошенных сотрудников; 9 % полагают, что данная зависимость несущественна; и только 4 % не усматривают данной зависимости.

При этом в качестве основных специфических региональных особенностей, оказывающих воздействие на качество и эффективность обеспечения транспортной безопасности государства, 68 % опрошенных отметили приграничный характер субъекта Российской Федерации; 53 % – удаленность региона от крупных промышленных центров; 39 % – удаленность региона от Москвы.

Кроме этого, 46 % респондентов полагают, что к особенностям относится наличие в регионе выходов к морю; 45 % – наличие у субъекта статуса особой экономической зоны, свободного порта либо иного особого правового режима; 32 % – отмечают наличие в регионе крупных речных каналов и речных портов.

76 % респондентов рассматривают в качестве особенности специфику геополитического положения региона; 57 % – инфраструктурную оснащённость субъекта (наличие дорог, транспортная доступность территории, развитость транспортной сети и пр.); 54 % – указывают на протяженность и территорию региона.

Приведенные данные свидетельствуют о высоком уровне осознания действующими сотрудниками ОВД региональной специфики обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации. При этом, несмотря на многообразие представленных характерных

⁴⁹ Ответы на поставленные вопросы предполагали возможность выбора одновременно не более двух вариантов из числа предложенных, а также исключали возможность ответа на него респондентов, ответивших отрицательно на предыдущий вопрос.

региональных особенностей, по результатам опроса сложно выделить исчерпывающий перечень наиболее значимых из них, что дополнительно свидетельствует о многоаспектности и сложности транспортной безопасности государства в качестве элемента национальной безопасности в целом.

Стратегическое значение и геополитическое положение различных регионов Российской Федерации в условиях сегодняшней международной и внешнеполитической ситуации требуют определять региональную специфику каждого субъекта федерации для того, чтобы обеспечить транспортную безопасность Российской Федерации как современного государства.

Заключение

Транспортная безопасность современного государства представляет собой сложно организованный многоуровневый социоюридический феномен. Организационные основы обеспечения транспортной безопасности в Российской Федерации на современном этапе характеризуются:

- выраженной региональной спецификой, определяемой стратегическим значением и геополитическим положением субъектов федерации в контексте настоящей международной и внешнеполитической обстановки с учетом того, что характер и интенсивность угроз транспортной безопасности детерминирована плотностью населения, развитостью транспортного комплекса и общей протяженностью транспортных путей в границах определенного федерального округа;

- трансформацией преступных замыслов лиц, посягающих на транспортную безопасность страны, от действий по устрашению населения, дестабилизации общественного порядка и отвлечению внимания и ресурсов правоохранительных органов в сторону совершения фактических тяжких и особо тяжких преступлений – умышленного повреждения транспортной инфраструктуры, диверсий, террористических актов;

- несистемностью и разрозненностью действий, предпринимаемых отдельными субъектами системы обеспечения транспортной безопасности, приводящими к обнажению наиболее уязвимых мест в ней, являющихся объектами повышенной заинтересованности преступно настроенных лиц;

- наличием трудностей обеспечения транспортной безопасности современной России, имеющих военно-политический и экономический характер;

- множеством субъектов обеспечения транспортной безопасности государства, в числе которых органам внутренних дел придано ключевое и системообразующее значение, обусловленное пересечением сферы транспортной безопасности, определяемой законодательно сформулированными целями, задачами и пределами ее обеспечения, со сферой деятельности органов внутренних дел, законодательно закрепленной в их предназначении и компетенциях.

Выявленные особенности транспортной безопасности современного российского государства требуют осмысления теоретико-правовых аспектов существования социоюридического феномена и поиска средств для обеспечения устойчивости транспортной безопасности современной России.

Список литературы

1. Чиркин В. Е. Современное государство : монография. – Москва: Международные отношения, 2001. – 411 с.

2. Варламова Н. В. Государство как правопорядок и правопорядок без государства // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2 (54). – С. 89–114.

3. Захаров А. В. Государство, право, общество в условиях глобализирующегося мира : монография / отв. ред. А. В. Захаров. – Москва: Проспект, 2017. – 333 с.

4. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика / Международное сообщество и глобализация угроз безопасности : сборник научных докладов : в 2 ч. / отв. ред.: В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2008. – С. 69–88.

5. Нижник Н. С. Безопасность личности, общества и государства: плюрализм подходов к моделированию системы обеспечения / Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации

- последствий стихийных бедствий : материалы круглого стола, 4 июня 2014 г. / под общ. ред. Э. Н. Чижикова, А. В. Малько, С. Б. Немченко ; сост. А. А. Смирнова, Н. И. Уткин. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2016. – С. 109–114.
6. *Ирошников Д. В.* Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание // *Юридическая наука.* – 2011. – № 2. – С. 65–70.
7. *Ирошников Д. В.* Становление и развитие теории безопасности в России // *Транспортное право и безопасность.* – 2021. – № 3 (39). – С. 64–80.
8. *Ирошников Д. В.* Безопасность как правовая категория: концептуальная модель : монография. – Москва: Русайнс, 2023. – 456 с.
9. *Национальная безопасность России: состояние, угрозы, перспективы развития* : материалы межвузовской научно-практической конференции, 28 апреля 2022 г. / под ред. В. Ю. Голубовского; сост.: И. Ю. Никодимов. – Москва: Дашков и К°, 2022. – 304 с.
10. *Национальная безопасность России: внутренние и внешние угрозы* : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 10 марта 2023 г. / под ред. Г. В. Синцова, Е. Б. Казаковой. – Пенза: Издательство ПГУ, 2023. – 96 с.
11. *Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций* : монография / под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. – Москва: Русайнс, 2023. – 388 с.
12. *Современные вызовы и угрозы национальной безопасности* : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, 5 декабря 2023 г. / ред. кол.: Н. Н. Орлова [и др.]. – Тверь: Университетская книга, 2023. – 318 с.
13. *Шипицина В. В.* Современные угрозы национальной безопасности и пути их разрешения // *Теория и практика общественного развития.* – 2023. – № 7 (183). – С. 279–285; <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.7.39>.
14. *Ирошников Д. В.* Методологические аспекты исследования транспортной безопасности в юридической науке // *Национальная безопасность / Nota Vene* : сетевое издание. – 2019. – № 6. – С. 34–43; <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2019.6.31733>. – URL: https://nbpublish.com/nbmag/contents_2019.html.
15. *Ирошников Д. В.* Теоретические проблемы легального определения транспортной безопасности и смежных с ней категорий // *Вопросы безопасности* : сетевое издание. – 2020. – № 1. – С. 17–29; <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.31878>. – URL: https://nbpublish.com/e_nb/contents_2020_1.html.
16. *Сидоркин А. И., Ирошников Д. В., Землин А. И., Корякин В. М. [и др.]* Правовое обеспечение транспортной безопасности в России : монография. – Москва: Российский университет транспорта, 2021. – 264 с.
17. *Астраханцев И. В.* Транспортная безопасность – элемент национальной безопасности Российской Федерации / *Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты* : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 апреля 2023 г. / науч. ред. А. Е. Смирнов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Издательство Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. – С. 100–104.
18. *Ковтунов А. В., Котляренко А. Ф., Куренков П. В.* Роль транспортной системы России в геополитике, геоэкономике, геологистике. – Самара: Сам-ГАПС, 2003. – 634 с.
19. *Алабердеев Р. Р. [и др.]* Что такое «криминализация экономики» и как с ней бороться? : монография / гл. ред. А. А. Крылов. – Москва: Экономика, 2010. – 625 с.
20. *Колесников В. В.* Проблема экономической безопасности в эпоху глобализации: выявление детерминант / *Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения* : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, 2 апреля 2014 г. / сост.: Ю. А. Кудрявцев. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2014. – С. 7–13.
21. *Ирошников Д. В.* Правовые проблемы обеспечения безопасности личности на транспорте в условиях использования индивидуального электротранспорта // *Правовое государство: теория и практика.* – 2019. – № 4 (58). – С. 40–50.
22. *Астраханцев И. В.* Основные трудности в сфере обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации на современном этапе и пути их преодоления / *Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие* : сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, 23 ноября 2023 г. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 13–20.

23. Борисов А. В. Криминологическая теория транспортной безопасности Российской Федерации : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 180 с.
24. Астраханцев И. В. «Транспортная безопасность»: об особенностях формирования понятия в российском праве / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы Всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, 23 декабря 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 16–22.
25. Нижник Н. С. Концептуальные основания деятельности полиции в государственно организованном обществе / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, 6–7 июня 2019 г. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. – С. 310–313.
26. Васильева Т. А., Алексенко А. В., Варламова Н. В., Воронина Н. А. [и др.] Права человека: между прошлым и будущим : монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2022. – 448 с.
27. Рыжова Ю. В. Некоторые аспекты обеспечения транспортной безопасности Российской империи // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 94–97.
28. Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю. [и др.] Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве : монография. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – 292 с.
29. Астраханцев И. В. Защищенность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства как предмет исследований в российской юридической науке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 10–20.
30. Ирошников Д. В. Эволюция категории «безопасность» и производных от нее понятий в отечественном законодательстве периода российской империи // Военное право. – 2021. – № 4 (68). – С. 21–32.
31. Садовский В. Н. Основания общей теории систем : логико-методологический анализ. – Москва: Наука, 1974. – 276 с.
32. Тихонова Ж. К. Понятие «система» в юриспруденции и в других научных дисциплинах // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 111–114.
33. Россинский Б. В. Проблемы государственного управления с позиций теории систем : монография. – Москва: Норма, 2021. – 264 с.
34. Ключников С. А. Использование эволюционного направления системного подхода для изучения социума // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 12–18; <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2018-9-3-%25p>.
35. Подройкина И. А. Понятие системы уголовных наказаний с позиции общей теории систем // Юристъ–Правоведъ. – 2018. – № 2 (85). – С. 132–136.
36. Зырянов С. М., Кузнецов В. И. Транспортная безопасность и система субъектов ее обеспечения // Журнал российского права. – 2012. – № 12. – С. 5–12.
37. Гиммельрейх О. В. Классификация субъектов обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 239–245.
38. Иванов Д. В. Система субъектов обеспечения транспортной безопасности // Мир экономики и права. – 2018. – № 9. – С. 83–91.
39. Зайкова С. Н. Транспортная безопасность в Российской Федерации: понятие и система // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 3 (140). – С. 81–92; <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-3-81-92>.
40. Астраханцев И. В. Система обеспечения транспортной безопасности: правовые основы функционирования в Российской Федерации / Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I Всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, 15 июня 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 78–83.
41. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L. [et al.] State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”, Kaliningrad, December 11, 2020. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – Vol. 108. – P. 01015; <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110801015>. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/19/shsconf_blf2021_01015/shsconf_blf2021_01015.html.

42. *Нижник Н. С., Алиев Я. Л.* Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, 26 марта 2021 г. / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.

43. *Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А. [и др.]* Законность как основополагающее начало российского права : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.

44. *Семенов С. А.* Подразделения транспортной безопасности как субъект административного права : монография. – Санкт-Петербург: Издательство ГУМРФ им. адмирала С. О. Макарова, 2023. – 164 с.

45. *Потапенкова И. В.* Роль полиции в обеспечении транспортной безопасности Российской Федерации как одного из элементов системы национальной безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 182–185.

46. *Ирошников Д. В.* Полиция в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы Юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 99–105.

47. *Целих А. Л., Махина С. Н.* Вопросы компетенции в деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 1. – С. 23–27.

48. *Николаева Н. В.* Транспортная безопасность: проблема определения понятия и содержания // Международный правовой курьер. – 2016. – № 1 (13). – С. 15–21.

49. *Астраханцев И. В.* Особенности нормативного закрепления понятия «транспортная безопасность» в российском законодательстве / Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: XI Балтийский юридический форум : материалы Международной научно-практической конференции, 16 декабря 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 84–85.

References

1. *Chirkin V. Ye.* Sovremennoye gosudarstvo. – Moskva : Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2001. – 411 s.

2. *Varlamova N. V.* Gosudarstvo kak pravoporyadok i pravoporyadok bez gosudarstva // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2016. – № 2 (54). – S. 89–114.

3. *Zakharov A. V.* Gosudarstvo, pravo, obshchestvo v usloviyakh globaliziruyushchegosya mira : monografiya / отв. ред. А. V. Zakharov. – Moskva : Prospekt, 2017. – 333 s.

4. *Nizhnik N. S.* Natsional'naya bezopasnost': kontseptual'nyye osnovaniya i fenomenologicheskaya kharakteristika / Mezhdunarodnoye soobshchestvo i globalizatsiya ugroz bezopasnosti : sbornik nauchnykh dokladov : v 2 ch. / отв. ред.: V. V. Grokhotova, B. N. Kovalev, Ye. A. Makarova. – Velikiy Novgorod: Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2008. – S. 69–88.

5. *Nizhnik N. S.* Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: plyuralizm podkhodov k modelirovaniyu sistemy obespecheniya / Pravovaya politika v sfere obespecheniya pozharnoy bezopasnosti, grazhdanskoj oborony, chrezvychaynykh situatsiy i likvidatsii posledstviy stikhiynykh bedstviy : materialy kruglogo stola, 4 iyunya 2014 g. / pod obshch. red. E. N. Chizhikova, A. V. Mal'ko, S. B. Nemchenko ; sost. A. A. Smirnova, N. I. Utkin. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet GPS MCHS Rossii, 2016. – S. 109–114.

6. *Iroshnikov D. V.* Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossiyskoy Federa-tsii: ponyatiye i sodержaniye // Yuridicheskaya nauka. – 2011. – № 2. – S. 65–70.

7. *Iroshnikov D. V.* Stanovleniye i razvitiye teorii bezopasnosti v Rossii // Transportnoye pravo i bezopasnost'. – 2021. – № 3 (39). – S. 64–80.

8. *Iroshnikov D. V.* Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya: kontseptual'naya model' : monografiya. – Moskva: RUSAYNS, 2023. – 456 s.

9. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: sostoyaniye, ugrozy, perspektivy razvitiya* : materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28 aprelya 2022 g. / pod red. V. Yu. Golubovskogo; sost.: I. Yu. Nikodimov. – Moskva: Dashkov i K°, 2022. – 304 s.

10. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: vnutrenniye i vneshniye ugrozy* : sbornik statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiyem), 10 marta 2023 g. / pod red. G. V. Sintsova, Ye. B. Kazakovoy. – Penza: Izdatel'stvo PGU, 2023. – 96 s.
11. *Novyye vyzovy i ugrozy bezopasnosti RF v usloviyakh global'nykh i loka-l'nykh transformatsiy* : monografiya / pod obshch. red. S. V. Ustinkina, A. V. Nikitina. – Moskva: RUSAYNS, 2023. – 388 s.
12. *Sovremennyye vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti* : sbornik nauchnykh trudov po materialam VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 5 dekabrya 2023 g. / red. kol.: N. N. Orlova [i dr.]. – Tver': Universitetskaya kniga, 2023. – 318 s.
13. *Shipitsina V. V. Sovremennyye ugrozy natsional'noy bezopasnosti i puti ikh razresheniya* // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2023. – № 7 (183). – S. 279–285; <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.7.39>.
14. *Iroshnikov D. V. Metodologicheskiye aspekty issledovaniya transportnoy bezopasnosti v yuridicheskoy nauke* // *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene* : setevoye izdaniye. – 2019. – № 6. – S. 34–43; <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2019.6.31733>. – URL: https://nbpublish.com/nbmag/contents_2019.html.
15. *Iroshnikov D. V. Teoreticheskiye problemy legal'nogo opredeleniya transportnoy bezopasnosti i smezhnykh s ney kategoriy* // *Voprosy bezopasnosti* : setevoye izdaniye. – 2020. – № 1. – S. 17–29; <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2020.1.31878>. – URL: https://nbpublish.com/e_nb/contents_2020_1.html.
16. *Sidorkin A. I., Iroshnikov D. V., Zemlin A. I., Koryakin V. M. [i dr.] Pravovoye obespecheniye transportnoy bezopasnosti v Rossii* : monografiya. – Moskva: Rossiyskiy universitet transporta, 2021. – 264 s.
17. *Astrakhantsev I. V. Transportnaya bezopasnost' – element natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii / Pragmatika gumanitarnogo znaniya: sotsial'no-pravovyye i filosofskiy aspekt* : materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 aprelya 2023 g. / nauch. red. A. Ye. Smirnov. – Irkutsk: Irkutskiy yuridicheskii institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii; Izdatel'stvo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2023. – S. 100–104.
18. *Kovtunov A. B., Kotlyarenko A. E., Kurenkov P. V. Rol' transportnoy sistemy Rossii v geopolitike, geoeconomike, geologistike*. – Samara: Sam-GAPS, 2003. – 634 s.
19. *Alaberdeyev R. R. [i dr.] Chto takoye «kriminalizatsiya ekonomiki» i kak s ney borot'sya?* : monografiya / gl. red. A. A. Krylov. – Moskva: Ekonomika, 2010. – 625 s.
20. *Kolesnikov V. V. Problema ekonomicheskoy bezopasnosti v epokhu globalizatsii: vyyavleniye determinant* / *Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya* : materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2 aprelya 2014 g. / sost.: Yu. A. Kudryavtsev. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2014. – S. 7–13.
21. *Iroshnikov D. V. Pravovyye problemy obespecheniya bezopasnosti lichnosti na transporte v usloviyakh ispol'zovaniya individual'nogo elektrotransporta* // *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2019. – № 4 (58). – S. 40–50.
22. *Astrakhantsev I. V. Osnovnyye trudnosti v sfere obespecheniya transportnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape i puti ikh preodoleniya / Ekstremal'nyye situatsii, konflikty, sotsial'noye soglasiye* : sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23 noyabrya 2023 g. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. – S. 13–20.
23. *Borisov A. V. Kriminologicheskaya teoriya transportnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii* : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2023. – 180 s.
24. *Astrakhantsev I. V. «Transportnaya bezopasnost'»: ob osobennostyakh formirovaniya ponyatiya v rossiyskom prave / Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy* : materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ad'yunktov, aspirantov i soiskateley, 23 dekabrya 2022 g. / sost. E. R. Mirgorodskaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 16–22.
25. *Nizhnik N. S. Kontseptual'nyye osnovaniya deyatelnosti politzii v gosudarstvenno organizovannom obshchestve / Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* : sbornik materialov XXIV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 6–7 iyunya 2019 g. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2019. – S. 310–313.
26. *Vasil'yeva T. A., Aleksenko A. V., Varlamova N. V., Voronina N. A. [i dr.] Prava cheloveka: mezhdum proshlym i budushchim* : monografiya / pod red. T. A. Vasil'yevoy, N. V. Varlamovoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: Norma, 2022. – 448 s.

27. Ryzhova Yu. V. Nekotoryye aspekty obespecheniya transportnoy bezopasnosti Rossiyskoy imperii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2015. – № 1 (33). – S. 94–97.
28. Nizhnik N. S., Kvitchuk A. S., Andreyeva I. A., Chimarov S. Yu. [i dr.] Obespecheniye bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: genezis sistemy v Rossiyskom gosudarstve : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – 292 s.
29. Astrakhantsev I. V. Zashchishchennost' ob"yektov transportnoy infrastruktury i transportnykh sredstv ot aktov nezakonnogo vmeshatel'stva kak predmet issledovaniy v rossiyskoy yuridicheskoy nauke // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2023. – T. 9 (75), № 3. – S. 10–20.
30. Iroshnikov D. V. Evolyutsiya kategorii «bezopasnost'» i proizvodnykh ot neye ponyatiy v otechestvennom zakonodatel'stve perioda rossiyskoy imperii // Voyennoye pravo. – 2021. – № 4 (68). – S. 21–32.
31. Sadovskiy V. N. Osnovaniya obshchey teorii sistem : Logiko-metodologicheskiy analiz. – Moskva: Nauka, 1974. – 276 s.
32. Tikhonova Zh. K. Ponyatiye «sistema» v yurisprudentsii i v drugikh nauchnykh distsiplinakh // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. – 2017. – T. 3, № 1. – S. 111–114.
33. Rossinskiy B. V. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsiy teorii sistem : monografiya. – Moskva: Norma, 2021. – 264 s.
34. Klyuchnikov S. A. Ispol'zovaniye evolyutsionnogo napravleniya sistemnogo podkhoda dlya izucheniya sotsiuma // Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravleniye. – 2018. – T. 9, № 3. – S. 12–18; <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2018-9-3-%25p>.
35. Podroykina I. A. Ponyatiye sistemy ugolovnykh nakazaniy s pozitsii obshchey teorii sistem // Yurist"–Pravoved". – 2018. – № 2 (85). – S. 132–136.
36. Zyryanov S. M., Kuznetsov V. I. Transportnaya bezopasnost' i sistema sub"yektov yeye obespecheniya // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2012. – № 12. – S. 5–12.
37. Gimmel'reykh O. V. Klassifikatsiya sub"yektov obespecheniya bezopasnosti na zheleznodorozhnom transporte // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 1 (33). – S. 239–245.
38. Ivanov D. V. Sistema sub"yektov obespecheniya transportnoy bezopasnosti // Mir ekonomiki i prava. – 2018. – № 9. – S. 83–91.
39. Zaykova S. N. Transportnaya bezopasnost' v Rossiyskoy Federatsii: ponyatiye i sistema // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2021. – № 3 (140). – S. 81–92; <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-3-81-92>.
40. Astrakhantsev I. V. Sistema obespecheniya transportnoy bezopasnosti: pravovyye osnovy funktsionirovaniya v Rossiyskoy Federatsii / Sankt-Peterburgskiy vstrechi molodykh uchenykh : materialy I vserossiyskogo kongressa ad"yunktov, aspirantov i soiskateley uchenykh stepeney, 15 iyunya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universite MVD Rossii, 2023. – S. 78–83.
41. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L. [et al.] State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences : IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium", Kaliningrad, December 11, 2020. – Kaliningrad: EDPsciences, 2021. – Vol. 108. – P. 01015; <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110801015>. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/19/shsconf_blf2021_01015/shsconf_blf2021_01015.html.
42. Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoynauchno-prakticheskoy konferentsii, 26 marta 2021 g. / podobshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universite MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.
43. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A. [i dr.] Zakonnost' kak osnovopolagayushcheye nachalo rossiyskogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universite MVD Rossii, 2021. – 328 s.
44. Semenov S. A. Podrazdeleniya transportnoy bezopasnosti kak sub"yekt administrativnogo prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo GUMRF im. admirala S. O. Makarova, 2023. – 164 s.
45. Potapenkova I. V. Rol' politsii v obespechenii transportnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii kak odnogo iz elementov sistemy natsional'noy bezopasnosti strany // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 12. – S. 182–185.
46. Iroshnikov D. V. Politsiya v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii,

23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 99–105.

47. *Tselikh A. L., Makhina S. N.* Voprosy kompetentsii v deyatelnosti politsii po obespecheniyu transportnoy bezopasnosti // Problemy pravookhranitel'noy deyatelnosti. – 2019. – № 1. – S. 23–27.

48. *Nikolayeva N. V.* Transportnaya bezopasnost': problema opredeleniya ponyatiya i sodержaniya // Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer. – 2016. – № 1 (13). – S. 15–21.

49. *Astrakhantsev I. V.* Osobennosti normativnogo zakrepleniya ponyatiya «transportnaya bezopasnost'» v rossiyskom zakonodatel'stve // Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii: XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16 dekabrya 2022 g. / otv. red. S. V. Veklenko. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2023. – S. 84–85.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted June 24, 2024; approved after reviewing July 19, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-30-37>

Асият Джабраиловна Карпухина

аспирант

<http://orcid.org/0009-0002-4876-4678>, asyatzulpikarova@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании

Аннотация: Введение. История зарождения и развития авторского права, механизмов его защиты самым тесным образом связана со сменой парадигм, трансформацией общества, появлением в нем качественно новых общественных отношений. Выявление общих исторических закономерностей, а также существенных различий позволяет не только четче охарактеризовать проблемы, возникающие в связи с защитой авторского права, но и, основываясь на событиях прошлого, определить тенденции дальнейшего развития данного института. Перед автором была поставлена многосоставная задача настоящего исследования – систематизация знаний о предмете исследования с выявлением особенностей и исторических закономерностей, связанных с появлением института авторского права в Великобритании. Существенное значение для обоснования существования авторских прав в современных реалиях приобретает необходимость уяснения концептуальных идей и традиций литературной и художественной собственности в правотворчестве европейских государств XIX – начала XX века, особенно в Великобритании. В статье проводится сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об авторском праве в его историческом контексте с выявлением особенностей каждого этапа, начиная от первых королевских привилегий до современных подходов по защите авторских прав в Великобритании. **Методы.** Решение задач, стоящих перед исследователем, стало возможным с учетом использования методов анализа, синтеза, аналогии в сочетании со сравнительно-правовым, формально-юридическим, системным методами, а также проблемно-теоретического и историко-правового приемов исследования. **Результаты.** Полученные результаты проведенного историко-правового анализа дополняют знания по теории и истории зарубежного государства и права, уточняют особенности природы авторского права в его историческом контексте. **Заключение.** Выявление и установление историко-правовых связей, общих исторических закономерностей зарождения, становления и дальнейшего развития института авторского права в Великобритании (его защиты) позволит очертить ряд вопросов, возникающих в авторском праве в современном мире, и определить тенденции дальнейшего развития данного института.

Ключевые слова: авторское право Великобритании, исключительные права, «Статут королевы Анны», «королевские книгопечатники», статут

Для цитирования: Карпухина А. Д. Историко-правовой анализ защиты авторских прав в Великобритании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 30–37; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-30-37>.

Original article

Asiat D. Karpuhina

Graduate

<http://orcid.org/0009-0002-4876-4678>, asyatzulpikarova@gmail.com

Saint Petersburg State University

7/93, Universitetskaya quay, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Historical and legal analysis of copyright protection in the Great Britain

Annotation: Introduction. The history of origin and development of copyright, mechanisms of its protection is closely related to the change of paradigms, transformation of society, and emergence of qualitatively new social relations in it. The identification of general historical regularities as well as significant differences allows not only to characterise more clearly the problems arising in connection with copyright protection, but also, based on the events of the past, to identify trends in the further development of this institution. The author was given a multi-faceted task of this study – the systematization of knowledge about the subject of research with the identification of features and historical patterns associated with the emergence of the copyright institute in the UK. Essential to substantiate the existence of copyright in modern realities is the need to clarify the conceptual ideas and traditions of literary and artistic property in the law making of European states of the XIX – historical context, identifying the peculiarities of each stage, from the first royal privileges to modern approaches to copyright protection in Great Britain. **Methods.** The solution of the problems faced by the researcher was possible taking into account the use of methods of analysis, synthesis, analogy in combination with comparative-legal, formal-legal, systemic methods, as well as problem-theoretical and historical-legal methods of research. **Results.** The obtained results of the conducted historical and legal analysis supplement the knowledge on the theory and history of foreign state and law, clarify the peculiarities of the nature of copyright in its historical context. **Conclusion.** Identification and establishment of historical and legal connections, general historical regularities of origin, formation and further development of the institute of copyright in Great Britain (its protection) will allow to outline a number of issues arising in copyright in the modern world and to determine the trends of further development of this institute.

Keywords: UK copyright law, exclusive rights, “Queen Anne’s Statute”, “royal printers”, statute

For citation: Karpuhina A. D. Historical and legal analysis of copyright protection in the Great Britain // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 30–37; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-30-37>.

Введение

Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений, т. к. научных трудов, предметом изучения которых становится не только понятийно-категориальный аппарат в области защиты интеллектуальных прав, но и рассматриваемые и принимаемые законодательные новеллы, целью которых выступает совершенствование правового регулирования трансграничных авторских отношений как одного из средств защиты интеллектуальной деятельности, в настоящее время явно недостаточно. В данной статье автором предпринята попытка осмысления такого феномена, как защита авторского права, через призму зарождения, становления и развития института защиты авторских прав в Великобритании – одной из стран-«первооткрывателей» в данном вопросе. С этой целью было проведено сравнительно-правовое исследование различных актов Великобритании, которые в совокупности можно назвать первыми в истории законами об авторском праве в современном его понимании.

В начале XXI века особую ценность приобрели отношения, связанные с интеллектуальной собственностью. Объекты авторского права и смежных прав в настоящее время получают широкое распространение во всех сферах человеческой жизни – в науке, медицине, обороне, безопасности государства и т. д.

Особую актуальность данная тема приобретает в связи с динамичным развитием различных ресурсов, используемых посредством доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих размещение отдельных объектов института защиты интеллектуальной собственности. В XXI веке перед государствами, в лице органов государственной власти, поставлены новые задачи, сущность которых детерминирована появлением информационных технологий и порождаемых ими результатов интеллектуальной деятельности. В связи с интенсивным развитием робототехники, искусственного интеллекта, усложнением «интернет-пространства» существенно изменились и продолжают меняться условия создания, использования результатов интеллектуальной собственности,

а также распоряжения исключительными правами на них. Они оказывают интенсивное влияние на все сферы деятельности человека, образуя новые вызовы перед экономикой и правом.

Существует точка зрения, в соответствии с которой первые представления об авторском праве появились в Древней Греции и Риме [1, с. 117]. В научных трудах по изучению данного правового института встречается тезис о том, что первые известные упоминания о защите интеллектуальной собственности можно найти в Древней Греции (в греческой колонии Сибарис некоторым поварам были предоставлены годовые монополии на создание особых кулинарных блюд) [2, с. 125].

Среди ученых, изучавших вопросы авторского права и его создания, общепризнано, что необходимость в охране авторских прав возникла с изобретением печатного станка, то есть с получением возможности воспроизведения результатов интеллектуального труда с помощью промышленной печати. Это способствовало быстрому их распространению и широкому охвату аудитории.

Большой вклад в развитие книгопечатания в Европе внес Иоганн Гутенберг (1400–1468), ставший немецким первопечатником и первым типографом Европы в середине XV века [3, с. 3]. Один пресс Гутенберга мог производить около 240 оттисков в час, возможно, 2000–3000 страниц в день, что в 100 раз быстрее, чем ручная печать или ручное копирование, и это резко снижало стоимость печати. Внедрение этого пресса было довольно быстрым: в 1457 году в одной из типографий Майнца стоял единственный пресс, а к 1480 году в Европе их насчитывалось уже 110. Любому желающему мог купить или арендовать пресс, а поскольку в то время в Европе не существовало закона об авторском праве, новые произведения быстро переиздавались конкурирующими типографиями. В краткосрочной перспективе это привело к некоторым положительным социальным изменениям (цены на переиздания были низкими, объемы производства росли в геометрической прогрессии, у малообеспеченных граждан появилась возможность приобретения произведений печати, что, в свою очередь, стало одной из детерминант быстрого роста грамотности).

Со временем правительства ряда стран Европы создали систему лицензионного контроля над типографиями, выдавая отдельным печатникам эксклюзивные лицензии на печать определенного произведения в течение определенного времени. Это не позволяло другим печатникам воспроизводить то же произведение в течение этого периода.

Тезис о том, что становление института авторских прав в Великобритании повлияло на развитие права интеллектуальной собственности в целом, можно считать истинным, т. к. именно в этой стране впервые законодательно были закреплены положения, регулирующие данный институт [4, с. 76]. Период активного развития законодательства в сфере защиты авторских прав характеризуется вступлением в силу в 1710 году в Великобритании первого полноценного правового акта, регулирующего сферу авторского права – «Статута королевы Анны» (*Copyright Act, 1710*), в связи с чем особый интерес представляет процесс эволюции авторского права в этой стране.

Перед автором поставлена задача в формате представленной статьи с помощью сравнительно-правового анализа проследить основной путь развития авторского права Великобритании как одной из наиболее развитых стран современного мира, оказавшей влияние и на другие страны континента. Нельзя не согласиться, что история авторского права Великобритании началась намного раньше 1710 года: королевская привилегия была предоставлена одному из первых английских книгопечатников Ричарду Пинсону в 1518 году. В это время в стране выдавались привилегии на производство того или иного характера («привилегии королевского печатника», «привилегии Гильдии книготорговцев») [5, с. 249].

Однако общеизвестно, что тема авторского права в Великобритании зародилась как минимум на столетие раньше, чем в других странах. До появления печатного станка такого понятия как «авторское право» не существовало. В то время человек мог владеть физической рукописью, но не ее текстом или содержанием.

Методы

В статье проводится анализ зарубежного законодательства об авторском праве в его историческом контексте, с выявлением особенностей каждого этапа, начиная от первых королевских привилегий до современных подходов по защите авторских прав в Великобритании. Решение задач, стоящих перед исследователем, стало возможным с учетом использования сравнительно-правового, формально-юридического и системного методов. В исследовании использовались проблемно-теоретический и историко-правовой приемы исследования, а также сочетание методов анализа, синтеза и аналогии.

Результаты

Перейдем к рассмотрению основных значимых этапов развития института защиты авторского права Великобритании.

В 1517 году печатник Джон Растелл получил от Генриха VIII королевский патент на издание латинской грамматики. К середине века такие патенты распространяются на целые классы книг, в т. ч. на книги, связанные со сферой права.

В 1530 году Корона (институт монарха как главы государства) начинает требовать одобрения до и регистрации после публикации каждой книги, напечатанной в Англии (т. е. создается механизм цензуры и защиты прав собственности на текст).

В 1557 году королева Мария дарует хартию компании канцелярских служащих (*Stationers' Company*), ограничивая возможность печати в Лондоне для всех, кроме членов этой гильдии. После того как печатник или издатель легально приобретал рукопись и получал необходимые лицензии, он регистрировал «копию» своей печатной книги, что давало ему исключительное право на воспроизведение текста. У авторов такого права не было, но они имели возможность получения королевского патента на монополию на воспроизведение произведения.

Большое значение также имеет привилегия, предоставленная Вильяму Коннингэму в 1559 году (*John Day's privilege for printing William Conningham's. The Cosmographical Glass, 1559*). Данный случай является прецедентным, так как впервые Корона предоставила защиту произведениям не только королевских печатников, но и других хозяйствующих субъектов [5, с. 251].

В 1580–1620-е годы, в «золотой век» Елизаветинской эпохи и Якобинской диктатуры, например, право на исполнение пьесы отличалось от права ее печатного издания – театр владел исключительным правом на исполнение произведения.

В 1624 году был принят Статут о монополиях (*Statute of Monopolies*), который устанавливал, что получение патента возможно только на действительно оригинальные изобретения. Так, например, запрещалось получать патент на печать целого класса книг, частей Библии, литургий, копий юридических документов и т. д. До начала XIX века на территории Великобритании выдача патентов была урегулирована наряду с общим правом (*common law*) и судебной практикой отдельными положениями Статута 1623 г. [6, с. 101].

В 1662 году вступил в силу Закон о лицензировании (*Licensing Act*), направленный на урегулирование отношений, связанных с предоставлением авторам определенных привилегий. Данный вопрос был подведомственен Гильдии книготорговцев. Также согласно данному правовому акту был введен запрет на распространение нелицензированных экземпляров произведений. В 1695 году Закон о лицензировании утратил силу, что было обусловлено нарастающей оппозиционной активностью, связанной с критикой обязательного лицензирования (цензуры) и монополиями (патентами) до публикации.

В 1709 году был принят известный «Статут королевы Анны» («Акт о поощрении обучения путем передачи копий напечатанных книг авторам или покупателям этих копий в течение упомянутых в нем сроков»¹), вступивший в силу в 1710 году. Именно «Статут королевы Анны» впервые нормативно закрепил такую категорию, как «авторские права», отменил государственную цензуру до публикации. Согласно положениям Статута, издатель приобретал исключительное право на новое произведение в течение 14 лет (и 21 года для книг, которые уже были изданы), и только после истечения этих сроков право «возвращалось» к автору произведения. Был введен запрет на воспроизведение, распространение и импорт литературных произведений без разрешения автора или книготорговца. В частности, были анонсированы новые положения об обязательной регистрации всех произведений в Гильдии книготорговцев до их публикации и о передаче трех экземпляров каждой новой книги в Королевскую библиотеку, библиотеки Оксфорда и Кембриджа.

Среди ученых-правоведов сформировалось не столь однозначное отношение к данному правовому акту. Часть представителей научной общественности действительно считают его значительным шагом в развитии института защиты авторских прав в Великобритании. Однако существует и противоположная точка зрения, согласно которой значение Статута сильно преувеличено. Несмотря на то, что Статут подтверждал права авторов и издателей на основе ранее выданных срочных привилегий, он не включал в себя понятия «авторское право», следовательно, его, как полагают некоторые ученые, нельзя назвать законом об авторском праве в прямом смысле.

¹ An Act for the Encouragement of Learning, by Vesting the Copies of Printed Books in the Authors or Purchasers of such Copies, during the Times therein mentioned // HistoryofInformation.com : [сайт] URL: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?entryid=3389> (дата обращения: 25.06.2024).

В 1737 году был закреплен принцип пожизненной охраны литературных произведений с дополнительным одиннадцатилетним сроком охраны произведения после смерти автора после рассмотрения и принятия «Законопроекта о книготорговцах» (*Booksellers' Bill*). Законопроект затрагивал интересы представителей четырех разных профессий: авторов, книготорговцев, юристов и политиков. Разработка законопроекта и его последующее рассмотрение было инициировано лондонскими книготорговцами, т. к. именно эта категория отвечала за издание, а не просто за продажу книг. Центральное место в их бизнесе занимала купля-продажа «копий» – то, что позже было названо авторскими правами.

Таким образом, торговые отношения, сопряженные с продажей книг, были связаны с правом собственности на копии. Несмотря на закрепление статутного авторского права («Статут королевы Анны», 1709), лондонские книготорговцы также имели право на тираж копий (позже его стали называть авторским правом по общему праву). Эти права на копии часто делились на доли, причем большинство лондонских книготорговцев имело долю в более прибыльных книгах. Проще говоря, решение палаты лордов по делу Донолдсона против Беккета (*Donaldson v. Beckett*) означало, что авторское право на старые книги (те, которые больше не охранялись «Статутом королевы Анны») отсутствует. Именно эту ситуацию хотели изменить лондонские книготорговцы внесением данного законопроекта, чтобы «воскресить» свое «старое» авторское право².

Особо следует отметить прецедентную практику Великобритании по вопросам защиты произведений литературы. Так, в деле «Баллер против Уотсона» автор предпринял досудебную процедуру предотвращения нарушения авторского права. Вынесенное судебное решение в пользу автора послужило прецедентом для предотвращения незаконного воспроизведения произведений других авторов³.

В рамках прецедентного права стоит выделить судебное разбирательство «Миллар против Тейлора» (*Millar v. Taylor*) в 1769 году. Несмотря на Статут 1709 года, издатели сопротивлялись временным ограничениям, и судебные споры между издателями и авторами, а также между конкурирующими издателями происходили довольно часто. Так, например, издатель Миллар, купивший права на «Времена года» Джеймса Томсона в 1729 году, подал иск в суд на издателя Тейлора, когда последний опубликовал новое издание в 1763 году, хотя авторские права Миллара истекли двадцатью годами ранее. Суд вынес решение в пользу Тейлора, тем самым закрепляя принцип, согласно которому авторы имеют право на свою интеллектуальную собственность по общему праву.

Особое место в становлении авторского права Великобритании занимает «Закон об авторском праве» 1801 года (*Copyright Act, 1801*), который, во-первых, распространил юридическую силу «Статута королевы Анны» на Ирландию и, во-вторых, впервые ввел само понятие «авторское право» [5, с. 254].

Далее в Великобритании вносятся поправки в действующее законодательство, постепенно увеличивающие срок действия исключительного авторского права автора. В 1814 году этот срок составлял 28 лет или срок жизни автора, в зависимости от того, какой из них был больше, а в 1842 году – 42 года или срок жизни автора и 7 лет после его смерти, в 1911 году авторское право в Великобритании продлено до срока жизни автора и еще 50 лет после его смерти⁴.

В настоящее время в Великобритании при условии, что произведение является «оригинальным», авторское право возникает автоматически, как только произведение создано и зафиксировано в материальной форме, без необходимости регистрации. Важно отметить, что идеи не охраняются авторским правом – охраняется только выражение этих идей, зафиксированное в материальной форме.

Поскольку авторское право возникает автоматически, хорошей практикой является ведение записей и доказательств создания любых материалов или произведений и времени их создания («авторский след»), которые могут потребоваться для установления существования и принадлежности авторского права в ходе судебного спора по вопросу его нарушения. Владельцу авторских прав рекомендуется пометать авторские материалы при их публикации международным символом авторского права ©, за которым следует имя владельца

² Johnson P. *Booksellers' bill 1774 legislating in the 18th century: a view from sir Henry Cavendish's parliamentary diary*. – England and Wales: Wiley & Sons Ltd, 2022. – P. 521.

³ Deazley R. *Commentary on Baller v. Watson (1737) // Primary Sources on Copyright (1450-1900)*. Bently L. Kretschmer M. (eds.) / – UK, Cambridge: Cambridge University Press, 2008 – URL: http://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord?id=commentary_uk_1737a (дата обращения: 25.06.2024).

⁴ Copyright Act 1911 // legislation.gov.uk. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/1-2/46/enacted> (дата обращения: 25.06.2024).

авторских прав и год публикации (например, © [OWNER] [YEAR]) (хотя в Великобритании такое «уведомление об авторском праве» не является обязательным требованием)⁵.

Вторая половина XVIII и начало XIX века явились периодом, в который сформировалась основа правового регулирования в области авторского права, и где одно из центральных мест занимала Великобритания. С этого времени можно говорить о существовании законодательства об авторском праве как о самостоятельном правовом институте. В этот период законодатели начали активно разрабатывать правовые механизмы, обеспечивающие защиту прав авторов, регулирующие правоотношения в сфере создания произведений и их использования [7, с. 156].

Заключение

На основании вышесказанного можно с уверенностью заявлять о том, что уже в середине 1500-х годов в Великобритании стала зарождаться правовая традиция по защите своего «ремесленного дела» гражданами этой страны, которая впоследствии как раз и стала тем самым прообразом будущего авторского и патентного права. Как известно, позднее по аналогии со «Статутом королевы Анны» стали появляться нормативно закрепленные термины и формулировки в соглашениях и конвенциях международного уровня и в законодательстве других стран [8, с. 98]. Однако, рассматривая вопрос о возможном заимствовании положительного опыта зарубежных стран (в том числе в сфере защиты интеллектуальной собственности), нельзя не согласиться с мнением относительно препятствий для эффективного заимствования в связи с наличием отличительных черты англо-саксонской правовой семьи [9, с. 101].

Можно предположить, что появление международных механизмов регулирования отношений, связанных с предоставлением правовой охраны, использованием результатов творческой деятельности и защитой прав на них, стало следствием активизации культурного взаимодействия, в связи с чем была разработана и принята Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 года, в рамках которой были урегулированы вопросы признания и охраны исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности авторов (создателей) на территории других государств [10, с. 53].

Можно наблюдать, как с XV века авторское право претерпевало изменения. Постепенно были расширены границы действия авторских прав от территории одного государства до трансграничных отношений, а сегодня – до безграничного пространства интернета [11, с. 147].

Следует отметить, что законодательству Великобритании в вопросах защиты «авторского права» было свойственно поступательное развитие, что позволило при необходимости вносить своевременные изменения. Небезосновательно полагают, что внимание законодателя того времени было больше обращено в сторону издателя, так как именно он наделял произведение автора публичностью и общедоступностью. Следовательно, законы были ориентированы на защиту интересов издателей, а автор выступал как некий факультативный элемент, и не всегда его интересы были достаточно эффективно защищены. Данное столкновение интересов и созданные правовые коллизии, послужили основанием для того, чтобы законодатель в дальнейшем в рамках правотворчества учел следующие особенности: что же должно регулировать авторское право, кто является носителем этого права и каковы предмет и объект регулирования в авторско-правовых отношениях.

Также нельзя не согласиться, что становление и развитие авторского права Великобритании продолжается и в настоящее время, вбирая в себя все новые и ранее неизвестные праву объекты авторского права из самых разных областей [12, с. 79]. Например, при решении проблемы, возникающей в связи с установлением права авторства на произведения, созданные в результате взаимодействия искусственного интеллекта и человека, ученые ссылаются на Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года (*Copyright, Designs and Patents Act*) [13, с. 50]. Великобритания также внесла вклад в развитие законодательства и правоприменения в области использования орфанных объектов путем введения национальной схемы лицензирования орфанных произведений [14, с. 113]. Следует отметить роль Великобритании в защите результатов интеллектуальной собственности путем активного участия в международных организациях [15, с. 232].

До настоящего времени попытки научного осмысления понятия интеллектуальной собственности, правового регулирования связанных с ней отношений, правового режима результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, отраслевой

⁵ Literatures in English: Copyright (History and Current Law) – URL: <https://ucsd.libguides.com/c.php?g=123619&p=809164> (дата обращения: 25.06.2024).

принадлежности права интеллектуальной собственности и других связанных с ним вопросов порождают серьезные разногласия среди юристов. Перечисленные основные вехи в истории авторского права Великобритании, их особенности, проведенный анализ основных документов, регулирующих отношения в сфере авторских прав, выявленные основные тенденции развития авторских прав в Великобритании, – это результат проведенного исследования. Полагаем, он внесет научный вклад в теоретико-правовое осмысление подходов к изучению такого феномена, как авторское право.

Список литературы

1. Полянская Е. М., Кадовбенко В. Д. История возникновения и развития авторского права в Российской Федерации и в зарубежных странах // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 115–122; <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-115-122>.
2. Круглов Г. В., Акиева П. Х. Понятие интеллектуальной собственности: историческая ретроспектива // Образование и право. – 2023. – №3. – С. 124–129; <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-124-129>.
3. Соколова Г. А., Зимарин Д. А., Калашникова Е. А. К вопросу о развитии «немецкого» письма // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 3 (31). – С. 1–4.
4. Коротченкова М. В., Сметана Н. В. Становление и развитие авторского права в Великобритании и США: сравнительно-правовой анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 11-2. – С. 76-79; <https://doi.org/10.23672/i2703-4858-6875-k>.
5. Лазарева Ю. А., Щедрин Г. А. Эволюция авторского права в Великобритании // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 14. – С. 248–255.
6. Афанасьев Д. В. Основные положения современного патентного права: предпосылки формирования и развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17, № 6. – С. 91–104; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.068>.
7. Карелина М. М., Бузова Н. В. История формирования института авторского права // Правосудие. – 2020. – Т. 2, №4. – С. 153–175; <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2020.4.153-175>.
8. Кузнецова И. А. Историко-правовой аспект и перспективы развития авторских и смежных прав в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 1. – С. 97–99.
9. Миняйленко Н. Н., Зеничев Н. А. Особенности системы источников права, регулирующих принудительное исполнение судебных решений по гражданско-правовым спорам, в странах англо-саксонской правовой семьи // Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 101–106.
10. Бузова Н. В. Международно-правовое регулирование отношений, связанных с объектами смежных прав: современное состояние и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 3. – С. 51–67; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.019>.
11. Москаленко И. А. Значение лицензий Creative commons для эволюции авторских прав в трансграничных отношениях // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 9 (130). – С. 141–148; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.130.9.141-148>.
12. Хасанов Э. Р. Становление и развитие авторского права в Англии // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 78–79.
13. Исакова Ж. Т., Кашкин С. Ю. Современное авторское право и проблемы развития искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2020. – № 2 (66). – С. 43–52; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.66.2.043-052>.
14. Костина О. В. Проблема использования отдельных объектов авторского права, правообладатели которых неизвестны: зарубежный опыт, пути решения // Управление наукой и наукометрия. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 102–123; <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2024.19-1.102-123>.
15. Хасанов Э. Р. Роль международных организаций в сфере охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 11 (191). – С. 232–234; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_232.

References

1. Polyanskaya Ye. M., Kadovbenko V. D. Istoriya vzniknoveniya i razvitiya avtorskogo prava v Rossiyskoy Federatsii i v zarubezhnykh stranakh // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. – 2018. – T.4, №4. – S. 115–122; <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-115-122>.

2. *Kruglov G. V., Akiyeva P. Kh.* Ponyatiye intellektual'noy sobstvennosti: istoricheskaya retrospektiva // *Obrazovaniye i pravo.* – 2023. – №3. – S. 124–129; <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-3-124-129>.
3. *Sokolova G. A., Zimarin D. A., Kalashnikova Ye. A.* K voprosu o razvitii «nemetskogo» pis'ma // *Russian Linguistic Bulletin.* – 2022. – № 3 (31). – S. 1–4.
4. *Korotchenkova M. V., Smetana N. V.* Stanovleniye i razvitiye avtorskogo prava v Velikobritanii i SShA: sravnitel'no-pravovoy analiz // *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki.* – 2021. – № 11-2. – S. 76-79; <https://doi.org/10.23672/i2703-4858-6875-k>.
5. *Lazareva Yu. A., Shchedrin G. A.* Evolyutsiya avtorskogo prava v Velikobritanii // *Voprosy rossiyskoy yustitsii.* – 2021. – № 14. – S. 248–255.
6. *Afanasyev D. V.* Osnovnyye polozheniya sovremennogo patentnogo prava: predposylki formirovaniya i razvitiya // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya.* – 2021. – T. 17, № 6. – S. 91–104; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.068>.
7. *Karelina M. M., Buzova N. V.* Istoriya formirovaniya instituta avtorskogo prava // *Pravosudiye.* – 2020. – T. 2, №4. – S. 153–175; <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2020.4.153-175>.
8. *Kuznetsova I. A.* Istoriko-pravovoy aspekt i perspektivy razvitiya avtorskikh i smezhnykh prav v Rossiyskoy Federatsii // *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki.* – 2020. – № 1. – С. 97–99.
9. *Minyaylenko N. N., Zenichev N. A.* Osobennosti sistemy istochnikov prava, reguliruyushchikh prinuditel'noye ispolneniye sudebnykh resheniy po grazhdansko-pravovym sporam, v stranakh anglo-saksonskoy pravovoy sem'i // *Yuridicheskaya nauka.* – 2020. – № 9. – S. 101–106.
10. *Buzova N. V.* Mezhdunarodno-pravovoye regulirovaniye otnosheniy, svyazannykh s ob'yektami smezhnykh prav: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya.* – 2020. – № 3. – S. 51–67; <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.019>.
11. *Moskalenko I. A.* Znachenije litsenziy Creative commons dlya evolyutsii avtorskikh prav v transgranichnykh otnosheniyakh // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* – 2021. – T. 16, № 9 (130). – S. 141–148; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.130.9.141-148>.
12. *Khasanov E. R.* Stanovleniye i razvitiye avtorskogo prava v Anglii // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* – 2020. – № 6 (186). – S. 78–79.
13. *Iskakova Zh. T., Kashkin S. Yu.* Sovremennoye avtorskoye pravo i problemy razvitiya iskusstvennogo intellekta // *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina.* – 2020. – № 2 (66). – S. 43–52; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.66.2.043-052>.
14. *Kostina O. V.* Problema ispol'zovaniya otidel'nykh ob'yektov avtorskogo prava, pravoobladateli kotorykh neizvestny: zarubezhnyy opyt, puti resheniya // *Upravleniye naukoy i naukometriya.* – 2024. – T. 19, № 1. – S. 102–123; <https://doi.org/10.33873/2686-6706.2024.19-1.102-123>.
15. *Khasanov E. R.* Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy v sfere okhrany intellektual'noy sobstvennosti v Rossiyskoy Federatsii // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.* – 2020. – № 11 (191). – S. 232–234; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_232.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 28, 2024; approved after reviewing August 5, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 342.2

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>

Юлия Николаевна Красникова

доктор исторических наук, доцент

<http://orcid.org/0000-0002-1883-1553>, julia2404@mail.ru

*Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5*

Особенности правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века на примере Департамента уделов

Аннотация: Введение. Статья посвящена рассмотрению выявленных особенностей в правоприменительной практике законодательства первой половины XIX века на примере высшего государственного учреждения – Департамента уделов, который обеспечивал содержание членов императорской фамилии. В истории изучаемого ведомства проявилась противоречивая природа монархической власти. Император, являясь высшим законодателем, находился перед сложной дилеммой: как соблюсти баланс общегосударственных и личных интересов. Управляя собственным хозяйством, он корректировал под интересы Департамента общегосударственную правоприменительную практику, уточняя ее резолюциями. **Методы.** Основными методами исследования стали структурно-функциональный и герменевтический. Они позволили не только поработать с текстом и его смыслами, но и увидеть то особенное, чем выделялось изучаемое нами ведомство в общегосударственной системе высших учреждений Российской империи первой половины XIX века. **Результаты.** Автор пришел к выводу, что особенности правоприменительной деятельности Департамента уделов в первую очередь определялись специфичностью его задач. Правоприменительная деятельность размывалась интересами членов императорской фамилии и общегосударственными задачами. Невнятности (двусмысленности) добавляло отсутствие некоторых управленческих решений в нормативно-правовых актах, их закрепление лишь в виде резолюций к документам. Это приводило к противоречиям правоприменительной деятельности и осложняло взаимодействие Департамента уделов с другими государственными учреждениями Российской империи.

Ключевые слова: Департамент уделов, императорская фамилия, правоприменительная практика, законодательство первой половины XIX века, Российская империя

Для цитирования: Красникова Ю. Н. Особенности правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века на примере Департамента уделов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 38–48; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>.

Original article

Yulia N. Krasnikova

Dr. Sci. (Hist.), Docent

<http://orcid.org/0000-0002-1883-1553>, julia2404@mail.ru

*Institute of History of Saint Petersburg State University
5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation*

Peculiarities of law enforcement practice of legislative acts in the first half of the XIXth century on the example of the Department of Estates

Abstract: Introduction. The article is devoted to the consideration of the revealed peculiarities in the law enforcement practice of the legislation of the first half of the XIXth century on the example of the highest state institution – the Department of Estates, which ensured the allowance of the members of the imperial family. In the history of the Department under consideration the contradictory nature of monarchist power was revealed. The emperor, being the supreme legislator, was faced with a difficult dilemma: how to keep a balance between national and personal interests. While managing his own economy, he adjusted the state law enforcement practice to the interests of the Department, clarifying it with his resolutions. **Methods.** The main research methods were structural-functional and hermeneutic ones. They made it possible not only to work with the text and its meanings, but also to understand the peculiarities that distinguished the Department of Estates in the state system of higher institutions of the Russian Empire of the first half of the XIXth century. **Results.** The author concluded that the peculiarities of the law enforcement activity of the Department of Estates were primarily determined by the specificity of its tasks. Law enforcement activity was blurred by the interests of the members of the imperial family and general state tasks. The absence of some managerial decisions in normative legal acts and their fixation only in the form of resolutions to documents created unclearness (ambiguity). It caused contradictions in law enforcement activities and complicated the interaction of the Department of Estates with other state institutions of the Russian Empire.

Keywords: Department of Estates, imperial family, law enforcement practice, legislation of the first half of the XIXth century, Russian Empire

For citation: Krasnikova Yu. N. Peculiarities of law enforcement practice of legislative acts in the first half of the XIXth century on the example of the Department of Estates // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 38–48; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-38-48>.

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в настоящее время правоприменительной деятельности (как на современном этапе, так и в историческом контексте) уделяется все меньше внимания [1, с. 227].

Законодатель, совершая правотворческую деятельность, должен завершить ее принятием правоприменительного акта, т. е. «применить правовую норму к конкретному жизненному случаю» [2, с. 87], воздействуя своей силой не только на субъекты правоотношений, но и на объекты правоприменительной деятельности [3, с. 114]. Анализируя правоприменение в историческом контексте, мы наблюдаем в ряде случаев такие же существенные недостатки, как и на современном этапе его развития: «...прямое нарушение правовых предписаний, правоприменительные ошибки, неприменение норм права или неправильное их толкование. Указанные отклонения в процессе правоприменения влияют на его итог и, как правило, получают формальное закрепление в дефектном правоприменительном акте» [4, с. 74]. Это приводит к трудностям в реализации права и избыточной делопроизводственной нагрузке на управляющие структуры. Процесс правоприменения требует от правоприменителя совершить действия для установления всех деталей дела, истолковать его, иногда преодолев пробелы в правовом регулировании [5, с. 73].

В Российской империи законодательство, регулируя наиболее важные сферы общественной жизни, закрепляло систему общеобязательных правил для всех участников правовых отношений. В частности, правовое регулирование делало прозрачной и контролируемой сферу управления, ограничивая действия служащих «по силе закона» и регламентируя порядок принятия управленческих решений. В первой половине XIX века в связи с реформой центрального аппарата управления усиливалась вертикаль власти, обрастая новыми правовыми принципами принятия управленческих решений. После эпохи коллегиальности стали обнаруживаться противоречия в системе законов, требовались уточнения и разъяснения. С изданием Свода Законов Российской империи казалось, что в сфере законности наступил должный правовой порядок. Но со временем стало понятно, что закон лишь условно очерчивает границы должного, правоприменение могло

носить достаточно вольный характер. Сам законодатель, требовавший от своих подданных неукоснительного исполнения нормативных правовых актов, в некоторых случаях не следовал им «не в пример другим».

Исследование историко-правовой традиции позволяет изучить механизмы законодательного регулирования и правоприменительной практики в дореволюционной России, а это в свою очередь способствует углублению понимания природы и преемственности государственного регулирования в правовой сфере.

Цели и задачи исследования заключаются в выявлении и изучении тех противоречий, которые проявились в правоприменительной практике первой половины XIX века. Объектом исследования стало высшее центральное учреждение Российской империи – Департамент уделов.

Историография вопроса достаточно скудна. Особенности правоприменительной практики Департамента уделов ранее не становились объектом отдельного исследования. При этом историки права отмечают особый интерес изучения монархического периода в истории науки русского государственного права, отмечая, что наибольшая законодательная активность в этой сфере наблюдалась со второй половины XIX века [6, с. 109]. Авторы выделяют и комплекс проблем правоприменительной практики в Российской империи изучаемого периода, который осложнялся противоречивостью законодательства в силу активного правотворчества, а также отсутствием «логически выстроенной системы в области правового регулирования», наличием большого количества правовых актов, «устаревших, дублирующих и противоречащих друг другу» [7, с. 100]. Не была осуществлена проверка предыдущих нормативных правовых актов, в связи с этим не сформировалась единая система законодательства, основанная на преемственности правотворческой традиции [8, с. 154, 158].

Исследователи, изучавшие правоприменительную практику в Российской империи, выделяют наличие характерных именно для нее правовых традиций и особенностей генезиса [9, с. 56]. Правоприменение даже таких значимых нормативно-правовых актов, как Устав о наследии престола от 5 (16) февраля 1722 г.¹, в эпоху дворцовых переворотов исполнялся вольно, основываясь не на внутренней логике нормы, а на расстановке «политических сил и симпатии дворянства» [10, с. 71].

В изучаемый нами период в государственном праве появилась и закрепились идея о «самодержавной власти монарха, которая не имеет ограничений» [7, с. 102]. Император, осуществляя общегосударственное правотворчество, определял и правоприменительную деятельность в Российской империи, и это имело общеобязательный характер для всех подданных. Но в управлении своим собственным хозяйством он считал эти правовые границы условными, что привело, по нашему мнению, к появлению интересного феномена правового дуализма: монарх как помещик и как император [11, с. 371]. Позиционируя удельную деревню как образцовую, правители первой половины XIX века хотели воплотить в ней те идеалы, которые не могли реализовать на общегосударственном уровне в силу разных обстоятельств. В истории изучаемого ведомства проявилась противоречивая природа монархической власти: император, являясь высшим законодателем, находился перед дилеммой как соблюсти баланс общегосударственных и личных интересов.

Статья основана на архивных документах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, и нормативно-правовых актах изучаемого периода. В исследовании рассмотрены документы трех фондов архивохранилища: Общей канцелярии министра финансов (Ф. 560), Департамента уделов (Ф. 515) и Непременного (Государственного) совета (Ф. 1147). Впервые вводится в научный оборот массив межведомственных и внутриведомственных документов делопроизводственного характера: отчетов, докладных записок, рапортов, адресов.

Методы

Основным методом исследования стал герменевтический метод. Он позволил исследовать правовые документы и делопроизводственные тексты не только со стороны разработки прямого управленческого действия, но и смыслов. Структурно-функциональный подход, хорошо себя показавший при изучении систем государственного управления, позволил оценить всю систему управления в целом и изучить отдельные ее элементы.

¹ Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. VI : 1720–1722. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 496–497.

Департамент уделов не являлся изолированной структурой, так или иначе он взаимодействовал с другими учреждениями Российской империи. Нами были выявлены механизмы влияния Департамента уделов на другие государственные учреждения.

Применение подхода исторического толкования в правоприменительной деятельности вполне себя оправдывает как в современной юриспруденции, так и при изучении содержания правовых предписаний в прошлом. Оно позволяет «прогнозировать направления развития права на основании знаний об исторических условиях разработки и принятия толкуемой нормы, оценивать возможности возрождения отмененных норм в повторяющихся социально-экономических и политико-правовых условиях» [12, с. 15].

Для понимания воли законодателя следует применять «способы толкования юридических норм, т. е. систему однородных приемов и правил, с помощью которых анализируется содержание правовых предписаний, раскрывается смысл всех составных элементов нормы права, нормативного правового акта в целом и иных актов правотворчества» [13, с. 20]. В контексте изучения Российской империи важно подвергнуть историческому толкованию и содержание самой нормы, которое изначально было заложено законодателем, и то, как эту норму трактовали субъекты, реализующие ее предписания. При этом особый интерес вызывают случаи, когда сам правотворец в разных случаях дифференцированно трактует свою же норму, исходя из личных предпочтений, что допустимо в рамках монархической формы правления. Несмотря на то, что правоприменитель понимает смысл и суть правового предписания, он неоднократно уточняет у законодателя его субъективный взгляд на смысловое значение нормы.

Результаты

Особенности правоприменительной практики Департамента уделов обуславливались в первую очередь его обособленным положением в структуре государственных учреждений Российской империи, а это определялось предметом его ведения: в компетенции ведомства входило стратегическое управление бюджетом членов императорской фамилии. Перед ведомством ставились задачи составления расписания выдачи сумм членам императорской фамилии и управления хозяйственной инфраструктурой.

В соответствии с Учреждением об императорской фамилии 1797 года², которым и создавалось ведомство, Павел I четко прописал размер выдачи содержания для каждого члена императорской фамилии в зависимости от степени родства. Сам же Павел Петрович первым его и нарушил, определив «суммы сверх расписания». Его потомки следовали уже сложившейся правоприменительной практике в расходовании средств удельного бюджета, увеличивая эту статью расходов год от года, при этом нормативный акт от 1797 года не утратил своей юридической силы вплоть до последней четверти XIX века [14, с. 33].

Законодатель, предписывая определенные правила поведения в конкретных жизненных обстоятельствах, ожидал от подданных точного им следования. Правоприменитель предлагал конкретному субъекту определенный вариант поведения, который соответствовал сословной принадлежности и текущей ситуации. Если применение общего законодательства слишком часто требовало учитывать конкретные обстоятельства, то вносились изменения в правовые нормы закреплением новых правоприменительных практик, варианты поведения уточнялись. В истории Департамента уделов противоречия между принятыми общегосударственными нормами и их применением наиболее ярко проявились в отношении к подведомственным удельным крестьянам.

Эта категория сельского населения появилась в соответствии с Учреждением об императорской фамилии 1797 года. Законодатель не заложил четкого правового статуса удельных крестьян, что являлось принципиальным положением в рамках сословного государства, когда за каждой категорией населения закреплялся свой «багаж» прав и обязанностей. Эволюция правового регулирования социального статуса удельных крестьян растянулась на всю первую половину XIX века. По мере обнаружения неясностей и затруднений в правоприменительной практике издавались уточняющие нормативные правовые акты.

В самом Учреждении об императорской фамилии было заложено правовое противоречие: в поземельном отношении Законодатель приравнивал удельных крестьян к помещичьим, но уточнил, что к разряду частновладельческих они не относятся, а составляют

² ПСЗ. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. XXIV: 1796–1798. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 525–569.

отдельную категорию – удельные³. Чтобы проследить эволюцию правового положения удельных крестьян, возьмем для примера их брачные права и проследим трансформацию в регулировании гражданско-правовых отношений этой группы сельского населения Российской империи в первой половине XIX века.

С 1777 года крестьянки дворцового ведомства, которые также были переданы уделам в 1797 году, могли выходить замуж за крестьян других государственных селений (например, за экономических, конюшенных, государевых) без уплаты выкупа. А вот при переходе девушки после замужества в помещичье имение уплачивались выводные деньги в размере 5 рублей⁴. Удельные крестьянки при выходе замуж за крестьян любого ведомства совершали выход беспрепятственно (т. е. бесплатно). Таким же правом пользовались государственные крестьяне. Требовалось только письменное согласие общины, наличие которого проверялось приходским священником при венчании. Сельские старосты должны были проводить беседы о пользе выбора женихов из удельных крестьян, но оговаривалось, чтобы «и в сем случае принуждения никакого не чинить»⁵.

С 1800 года вводилось новое правило в отношении браков с представителями городских сословий, купцами или мещанами: отпускать крестьянок по «праву помещичьему», т. е. с уплатой первыми выводных денег в размере 100 рублей⁶. Возникло правовое противоречие: в отношении браков между крестьянами действовало законодательство о государственных крестьянах, а при заключении браков с представителями свободных сословий – нормативные акты, касавшиеся помещичьих крестьян. Такой дуализм в правоприменительной практике приводил к тому, что чиновники удельного ведомства были вынуждены в каждом случае спрашивать, как им поступить. Так, в Санкт-Петербургском удельном отделении удельная крестьянка выходила замуж за плотника адмиралтейской команды, и начальство попросило разъяснение, надо ли брать выводные деньги. Департамент еще раз уточнил, что деньги взимаются только при выходе замуж за купца или мещанина.

Указанный выше правовой дуализм приводил к размыванию границ правовой нормы и в правоприменительной практике: и удельные чиновники, и сами крестьяне достаточно вольно интерпретировали установленные правила. Поэтому случались венчания удельных крестьянок с лицами не их ведомственной принадлежности или иного социального статуса без свидетельства от приказов, равно как и без платежа выводных денег. За этим последовал ряд нормативных актов, которые обязывали исполнять уже принятые правила, с определением санкции за нарушение предписаний⁷. Если семья выдала замуж дочь за купца или мещанина и с последних не взяли выводных денег, то обязанность их выплатить накладывалась на семейство крестьянки.

Департамент очень строго следил за взиманием выводных денег, отмечая это в своих отчетах. И все же исключения из правил были. В 1804 году купеческий сын тайно женился на удельной крестьянке, принадлежавшей Тамбовской экспедиции. На оплату положенной суммы у него денег не было, о чем он заблаговременно взял свидетельство у местного начальства. Сын купца предложил взамен отдать свою сестру замуж за удельного крестьянина. Его предложение было отклонено и принято решение «денег не взимать»⁸.

В 1820 году был изменен порядок выдачи удельных крестьянок замуж за помещичьих крестьян. Департамент предписал при таком браке брать с владельцев последних обязательство о согласии выдать свою крепостную за удельного крестьянина, а «при совершении такой замены возвращать это обязательство и брать от помещика выводное письмо на его крепостную...»⁹, т. е. присутствовал своего рода обмен. В дальнейшем процедура выдачи удельных крестьянок замуж так и не была окончательно урегулирована. Департамент уделов, с одной стороны, не собирался лишать крестьян их права на выход в замужество в другие сословия, а с другой – максимально сократил выход из-под удельной юрисдикции, сохраняя сельский контингент.

³ Там же.

⁴ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. – Санкт-Петербург, 1901. – Т. II. – С. 11–12.

⁵ История уделов за столетие их существования. 1797–1897. – Санкт-Петербург, 1902. – Т. 2. – С. 480.

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 20.

⁷ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 13; ПСЗ. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – Т. XXVII: 1802–1803. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – С. 881–882.

⁸ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 55–56.

⁹ История уделов за столетие ... – Т. 2. – С. 481.

Такие же правовые коллизии присутствовали и в других вопросах гражданско-правового регулирования. Чтобы разгрузить удельное начальство от постоянной делопроизводственной переписки по вопросам уточнения законодательства и внести ясность в правоприменительную практику, уточнив правовой статус удельных крестьян, со второй четверти XIX века начался процесс постепенного правового уравнивания этой категории сельского населения с помещичьими крестьянами, но он так и не был доведён до своего логического завершения вплоть до реформы 1863 года, а удельные крестьяне сохраняли неопределённый, своего рода промежуточный, правовой статус [15, с. 81–82].

Особенности правоприменительной практики в отношении общегосударственного законодательства выражались и в нивелировании общегосударственных интересов, если они сталкивались с интересами Департамента уделов, что вызывало удивление руководителей других центральных учреждений Российской империи. Как было сказано выше, особое положение ведомства определялось задачами, которые перед ним ставились: увеличение бюджета членов императорской фамилии отвечало и желанию самого императора. Поэтому не удивительно, что ведомство пользовалось властным ресурсом, который был сосредоточен у верховного правителя.

Департаменту уделов в 1797 году было передано имущество в разных губерниях, имения находились на приличном расстоянии, что осложняло управление. Практически сразу возникла идея территориального сосредоточения удельных имений. При Александре I в 1801 году министр уделов Н. Б. Юсупов предложил проект размена земель между уделами и казной¹⁰, что вызвало недовольство других ведомств и части дворянства. Политическая ситуация начала XIX столетия отложила реализацию плана более чем на четверть века. С приходом к власти Николая I вновь вернулись к обсуждению вопроса об укрупнении удельного хозяйства и территориальной концентрации.

Сначала Департамент уделов выступил с предложением безвозмездно передать территории государственных деревень в выбранных губерниях в состав уделов. При этом ведомство провело предварительный мониторинг этих имений и выбрало наиболее доходные из них. Министерство финансов и Министерство государственных имуществ Российской империи категорично высказались против безвозмездной передачи. Начались довольно сложные переговоры, которые сохранились в межведомственной переписке. Удалось договориться о «промене» государственных и удельных имений; были определены территории, которые готовились к передаче¹¹.

Но равноценного обмена не получилось. Он решал преимущественно проблемы Департамента уделов, но не государственной казны: была компактно сосредоточена четвертая часть удельных имений, до этого разбросанная по стране; удешевлялось хозяйственное управление имениями и др. Более того, из архивных документов следует, что в основном к обмену из состава удельных имений предназначались (по данным самого ведомства) малоокладные и малоэффективные. За некоторыми территориями, которые передавались казне, к тому же числились большие недоимки. Например, в Псковском удельном имении на крестьянах, переданных в казенное ведомство, числилось 3 594 037 рублей ассигнациями 72 копейки недоимок, которые резолюцией императора в 1837 году были «сложены»¹².

Сделка, проходившая по инициативе министра Департамента уделов, увеличила доходность удельного хозяйства более чем на 20 %¹³. По мнению ряда исследователей, такой обмен был больше похож на «практически безвозмездную передачу государственных земель и крестьян»¹⁴. Министр финансов Е. Ф. Канкрин пытался возражать против дополнительного отвода земли в Оренбургской губернии, которая служила резервом переселения государственных крестьян. Министр императорского двора П. М. Волконский заручился поддержкой Николая I и обмен состоялся, нарушив, по мнению министров финансов и государственных имуществ, правовой принцип следования государственным интересам.

Интересны факты особого правоприменения в отношении некоторых чиновников центрального аппарата управления, но, как нам представляется, это не было особенностью только изучаемого нами ведомства. Конкретный вариант поведения определялся

¹⁰ РГИА. – Ф. 1147. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 88–109.

¹¹ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 11–12.

¹² РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 191–192.

¹³ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 160–161; там же. – Д. 46. – Л. 126; там же. – Д. 47. – Л. 26–70.

¹⁴ Седов А. В. Удельные крестьяне Нижегородской губернии (1797–1863 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Горький, 1954. – С. 6.

субъектами правоприменительной деятельности в четко определенной жизненной ситуации. Так, граф Л. А. Перовский, вице-президент Департамента уделов, должен был лично присутствовать на заседания Сената по всем делам, касающимся удельного ведомства, на основании указа 20 июля 1831 г.¹⁵ Но по его личной просьбе в этом же году император освободил его от присутствия на заседаниях Сената, которые проходили в Москве. Перовскому разрешили присылать заключения по гражданским и межевым делам¹⁶. Видимо, ему не хотелось часто ездить в Москву по служебным делам.

Льва Александровича Перовского, который находился с Николаем Павловичем в дружеских отношениях, в нарушение правила прохождения государственной службы наградили знаком отличия беспорочной службы, засчитав за выслугу, по личной резолюции императора, время лечения за границей (с 1821 по 1826 гг.)¹⁷. Это давало ему право на получение дополнительной пенсии, а после смерти чиновника его вдова приобретала право получать пенсию супруга в течение года.

Насколько границы правоприменительной деятельности в отдельных конкретных случаях были размыты, показывает пример поступившей на высочайшее имя просьбы от крестьянки выпустить ее сына, способного мальчика, из крестьянского сословия для продолжения обучения в гимназии. Николай I закрепил строгий сословный принцип получения образования, поэтому ответил просительнице, что «сие противно постановлениям удельного департамента, в чем объявить просительнице с запрещением впредь утруждать не основательными просьбами»¹⁸. Но оказалось, что крестьянка была кормилицей сына императора Николая Павловича, поэтому на повторную ее просьбу поступила резолюция: выпустить сына Авдотьи Карцовой в мещанство, но «не в пример другим», с рассрочкой платежа отпускных денег в размере 2 000 руб. на 2 года.

Еще одна особенность правоприменительной практики Департамента в структуре государственных учреждений Российской империи выявилась во взаимоотношениях между удельными и губернскими властями. Первоначально Павел I встроил новое ведомство в структуру государственных учреждений Российской империи. Поэтому часть компетенций в отношении управления передаваемого в уделы сельского населения осталась за губернскими властями, которые действовали на основании общегосударственного законодательства. Постепенно Департамент уделов начал формировать собственную нормативную базу, переводя механизмы управления крестьянством и имуществом (например, лесами) под свой контроль и выводя из-под общегосударственного управления. Во второй четверти XIX века было окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору. Нередко норма права по удельному ведомству закреплялась не отдельным актом, а лишь резолюцией императора в делопроизводственном документе, что затрудняло их применение. Только с изданием в 1840-е гг. свода удельных постановлений¹⁹ нормативные акты, касавшиеся Департамента уделов, были систематизированы в едином документе.

Приведем еще один пример. В 1827 году в среде удельных крестьян были обнаружены представители молоканского религиозного течения. По специальной норме, принятой на такой случай императором Александром I, следовало их переселить в специально отведенное место в Таврической губернии. Чиновники Департамента, как и было положено порядком делопроизводства, запросили разрешение на переселение, но Николай I в своей резолюции повелел удельных крестьян-молокан отправлять в рекруты без зачета, а неспособных к военной службе подвергать аресту. Санкции распространялись и на молоканские семейства: детей мужского пола отправляли в военные кантонисты, а женщин – на поселение на Кавказскую линию или в Сибирь²⁰. В правовой норме четко указывалось, что резолюция по делу о молоканах 1827 года, среди которых оказались не только удельные крестьяне, но и государственные, касалась исключительно крестьян удельного ведомства. В решении было указано с удельными крестьянами поступить согласно решению императора, а с казенными было предложено разбираться Министерству внутренних дел²¹. Удельные власти несколько раз уточняли волю императора, правильно ли она была

¹⁵ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 108.

¹⁶ Там же. – Л. 115–115.

¹⁷ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 25–26.

¹⁸ Там же. – Д. 40.

¹⁹ Свод удельных постановлений : ч. 1–6. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1843.

²⁰ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 115.

²¹ Там же.

понята, т. к. противоречила действующей правовой норме. После получения подтверждения были разработаны внутренние правила отправки выявленных крестьян-молокан в соответствии с резолюцией. Видимо такое суровое наказание должно было сдерживать распространение вероучения молокан в удельной деревне, позиционировавшейся императором как образцовая.

Отдельного нормативно-правового закрепления резолюции не последовало. Это привело к сложным взаимодействиям и пространной многостраничной переписке между удельными и губернскими властями, т. к. последние продолжали выполнять общегосударственные предписания. Сами же крестьяне опирались на пересуды и слухи, которые до них доходили²².

Более того, резолюция императора, касавшаяся крестьян-молокан, была распространена и на представителей других неправославных течений удельной деревни. Под ее действие попали в 1828 году иноки Иргизских старообрядческих монастырей, которые оказали неповиновение при присоединении их к Единоверческой церкви. Министерство уделов за Высочайшей подписью повелело «совершеннолетних отдать на военную службу, неспособных калек – на поселение, тяжелобольных оставить под присмотр губернского начальства, а детей, которые по возрасту подходят, сдать Начальству военносиротского отделения»²³.

Правоприменительная деятельность в отношении этого решения постепенно была смягчена, а столь суровое наказание к перешедшим в молоканство применялось недолго. В дальнейшем оно распространялось только на руководителей раскольников, проповедников и «наиболее упорствующих»²⁴. В некоторых случаях даже руководителей не ссылали, а переселяли в Таврическую губернию, т. е. действовали в соответствии с общегосударственным правилом²⁵.

Таким образом, трактование общегосударственных узаконений удельным ведомством находилось в прямой зависимости от резолюций императора, при этом многие распоряжения так и не были оформлены в юридические акты, что усложняло межведомственное взаимодействие.

Интересна и переписка 1853 года между Министерством финансов, Департаментом разных податей и сборов и Министерством императорского двора по вопросу переуступки между удельными крестьянами рекрутских квитанций без совершения крепостных актов.

Суть вопроса заключалась в следующем. Удельный крестьянин купил за своего сына рекрутскую квитанцию. Симбирская казённая палата переправила эту квитанцию, как и было положено на основании ст. 467, 468 Устава о рекрутах²⁶, в Симбирское губернское рекрутское присутствие, которое настаивало, что «передача между государственными крестьянами квитанций производится посредством купчих актов, у крепостных дел совершаемых», соответственно, должна быть уплачена положенная по закону пошлина за совершение купчей. Губернатор дал знать управляющему Сызранской удельной конторы, что крестьянин должен приобрести квитанцию «по точной силе» закона²⁷.

Департамент уделов, в свою очередь, настаивал, что согласно ст. 453 Устава о рекрутах передача рекрутских квитанций посредством купчих, совершаемых в уездном суде или гражданской Палате, производится собственно между мещанами и государственными крестьянами, а «удельным крестьянам таковая переуступка на основании удельных постановлений дозволяет без совершения крепостной записи, с засвидетельствованием только губернской конторы»²⁸. На это Палата объявила, что удельные крестьяне, как и государственные, должны действовать по силе закона и совершать купчие, а соответственно и оплачивать необходимые пошлины: «... казна не должна быть лишена следующих ей пошлин. По сему, в отклонение на будущее время подобных недоразумений, и для соблюдения казенной пользы, могущей простирается до весьма значительной суммы»²⁹. На это Департамент уделов дал свой ответ, что «при передаче рекрутских квитанций между

²² Там же. – Оп. 12. – Д. 568. – Л. 130–131.

²³ Там же. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 178–179.

²⁴ Там же. – Оп. 12. – Д. 513. – Л. 20–32, 39–43, 154–156.

²⁵ Там же. – Л. 154–156, 170–172.

²⁶ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный : Свод уставов о повинностях рекрутской и земских. – Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – Т. 4. – С. 1–132.

²⁷ РГИА. – Ф. 560. – Оп. 1. – Д. 1411. – Л. 2.

²⁸ Там же. – Л. 3.

²⁹ Там же. – Л. 5.

удельными крестьянами совершения крепостных записей законом не требуется..., относится только к мещанам и государственным крестьянам разных наименований и не распространена на крестьян удельных», которые, по мнению ведомства, составляют особую категорию сельского населения, а вопрос передачи рекрутских квитанций «есть частная, хозяйственная мера по управлению удельными именьями»³⁰. Переписка между ведомствами продолжалась почти два года. Несмотря на то, что министр финансов настаивал на том, что есть прямая выгода государственной казне в поступлении сборов от совершения купчих актов, действительный тайный советник граф Л. А. Перовский настаивал, что удельные крестьяне могут передавать между собой зачетные рекрутские квитанции без крепостных актов с разрешения лишь своего начальства: «Такая переуступка, как одна из мер внутреннего управления удельных имений, дозволяется в видах хозяйственных, к возможному облегчению крестьян в рекрутской повинности, и по многолетнему опыту дознано, что это право, не стесняемое затруднительными формами, приносит им существенную пользу», квитанции остаются в удельном ведомстве, поэтому так и нужно оставить, т. к. «удельные крестьяне пользуются с древнего времени»³¹.

Решение Совета министра финансов выглядело больше вынужденным: хоть и надо собирать с удельных крестьян пошлыны, как это делают государственные крестьяне и мещане, это принесло бы пользу государственному бюджету, но «по не имению узаконения о передаче зачетных рекрутских квитанций между удельными крестьянами по крепостным актам, – оказывается неудобным обязывать сих крестьян совершать таковые акты на означенную переуступку квитанции»³². Это решение получило нормативное закрепление, положительную резолюцию императора и стало основой правоприменительной деятельности по регулированию отношений между удельными крестьянами по вопросу передачи рекрутских квитанций.

Заключение

Исследование правоприменительной практики законодательных актов в первой половине XIX века в Российской империи на примере государственного учреждения Департамента уделов показывает, во-первых, что наличие правоприменительного акта не обеспечивало его точного исполнения. Границы правоприменительного действия размывались абсолютным характером монархической власти. Во-вторых, император в отношении своего имущества, являясь законодателем, мог менять по своему усмотрению нормативное регулирование, иногда нарушая заложенные в общегосударственном регулировании принципы. В-третьих, не прописывая альтернативные варианты применения законодательных актов, их вариативность в правоприменительной практике, самодержавие не позволяло сделать акценты на региональных особенностях, что дало бы российской монархии большую вариативность в нормотворчестве. В-четвертых, несмотря на то, что имелось четкое предписание закона, удельным чиновникам приходилось постоянно уточнять мнение высокородного владельца, что наращивало внутреннюю нормативно-правовую базу. Специфика принятия управленческого решения в удельном ведомстве, когда император мог в любой момент его изменить, требовала от удельного начальства терпения и многократного уточнения. Это также усложняло межведомственную переписку и взаимодействие с другими государственными учреждениями Российской империи, что в итоге привело к обособлению коронного ведомства.

Несмотря на то, что в целом в Российской империи в XIX веке наблюдались тенденция к упорядочиванию правовой системы и следованию закону, резолюции императора на документах, нарушающие общегосударственные правовые принципы, встречались не только в отношении уделов. В архиве скопилось немалое количество различных просьб, и каждый просил сделать отступление от установленного порядка именно в отношении него.

Список литературы

1. Самусевич А. Г. Понятие и значение стадий правоприменения // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 227–232; <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.29.4.019>.
2. Самусевич А. Г., ШUTOVA В. Н. К вопросу о понимании и сущности конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 4 (70). – С. 84–98; https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. – Л. 7, 12.

³² Там же. – Л. 13.

3. Палеха Р. Р. Правоприменительный акт – завершающий этап правоприменительной деятельности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (42). – С. 114–116.

4. Шаповалова Я. В. Соотношение понятий «правоприменительная ошибка» и «дефект правоприменительного акта» (теоретико-правовой анализ) // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 10 (128). – С. 74–77; <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.10.12>.

5. Вопленко Н. Н., Рожнов А. П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2004. – 202 с.

6. Данилевская И. Л. История науки русского государственного права и современность // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 109–111; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_109.

7. Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX века: свод законов Российской империи // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 100–104.

8. Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 154–160.

9. Шепелева А. С. Особенности правоприменительной деятельности в Российской империи: проблемы обеспечения эффективности (на примере авторского права) // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 56–59.

10. Нагих С. И., Шершнева-Цитильская И. А. Институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти в истории российского права (XV – начало XX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 56–79; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.56.79>.

11. Красникова Ю. Н. Николай I: император и помещик (противоречивость политического лидерства в России) // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2014. – № 35. – С. 371–376.

12. Минникес И. А., Минникес И. В. Историческое толкование в праве: содержание и виды // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 5–18; [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\)](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2)).

13. Кожевников В. В. Толкование юридических норм: системный подход // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 15–28; <https://doi.org/10.17223/22253513/29/2>.

14. Красникова Ю. Н. К вопросу о формировании удельной системы хозяйствования в начале XIX в. // Вопросы истории. – 2022. – № 11–2. – С. 28–37.

15. Красникова Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений : монография. – Санкт-Петербург: ФГБОУ ВПО СПбГАУ, 2014. – 199 с.

References

1. Samusevich A. G. Ponyatiye i znacheniye stadiy pravoprimereniya // Teoriya gosudarstva i prava. – 2022. – № 4 (29). – S. 227–232; <https://doi.org/10.47905/MATGIP.2022.29.4.019>.

2. Samusevich A. G., Shutova V. N. K voprosu o ponimani i sushchnosti konstitutsionnogo pravoprimereniya // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4 (70). – S. 84–98; https://doi.org/10.35231/18136230_2022_4_84.

3. Palekha R. R. Pravoprimeritel'nyy akt – zavershayushchiy etap pravoprimeritel'noy deyatelnosti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2006. – № 2 (42). – S. 114–116.

4. Shapovalova Ya. V. Sootnosheniye ponyatiy «pravoprimeritel'naya oshibka» i «defekt pravoprimeritel'nogo akta» (teoretiko-pravovoy analiz) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2018. – № 10 (128). – S. 74–77; <https://doi.org/10.24158/tpor.2018.10.12>.

5. Voplenko N. N., Rozhnov A. P. Praoprimeritel'naya praktika: ponyatiye, osnovnyye cherty i funktsii : monografiya. – Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, 2004. – 202 s.

6. Danilevskaya I. L. Istoriya nauki russkogo gosudarstvennogo prava i sovremennost' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 11 (215). – S. 109–111; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_109.

7. Samarskiy A. N., Zhulanov A. V. Sovershenstvovaniye zakonodatel'stva Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka: svod zakonov Rossiyskoy imperii // Filosofiya prava. – 2020. – № 1 (92). – S. 100–104.

8. Mitskevich A. V. Sistematzatsiya zakonov Rossiyskoy imperii M. M. Speranskim // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2001. – № 5. – С. 154–160.

9. *Shepeleva A. S.* Osobennosti pravoprimeritel'noy deyatelnosti v Rossiyskiy imperii: problemy obespecheniya effektivnosti (na primere avtorskogo prava) // *Pravo i praktika*. – 2019. – № 4. – S. 56–59.

10. *Nagikh S. I., Shershneva-Tsitul'skaya I. A.* Instituty naslednika, upravitel'ya (preyemnika) i vospriyemnika verkhovnoy vlasti v istorii rossiyskogo prava (XV – nachalo XX vv.) // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. – 2023. – T. 16, № 4. – S. 56–79; <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.56.79>.

11. *Krasnikova Yu. N.* Nikolay I: imperator i pomeshchik (protivorechivost' politicheskogo liderstva v Rossii) // *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2014. – № 35. – S. 371–376.

12. *Minnikes I. A., Minnikes I. V.* Istoricheskoye tolkovaniye v prave: sodержaniye i vidy // *Pravoprimereniye*. – 2022. – T. 6, № 2. – S. 5–18; [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\)](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2)).

13. *Kozhevnikov V. V.* Tolkovaniye yuridicheskikh norm: sistemnyy podkhod // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. – 2018. – № 29. – S. 15–28; <https://doi.org/10.17223/22253513/29/2>.

14. *Krasnikova Yu. N.* K voprosu o formirovani udel'noy sistemy khozyaystvovaniya v nachale XIX v. // *Voprosy istorii*. – 2022. – № 11–2. – S. 28–37.

15. *Krasnikova Yu. N.* Udel'nyye krest'yane Severo-Zapada Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX veka: iz istorii agrarnykh otnosheniy : monografiya. – Sankt-Peterburg: FGBOU VPO SPbGAU, 2014. – 199 s.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted November 13, 2023; approved after reviewing July 12, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 340.15
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-49-67>

Татьяна Владимировна Ломова

адъюнкт

<https://orcid.org/0009-0004-5781-4985>, t.lomova90@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Формирование полицейско-правовой теории: анализ и оценка полицейста В. В. Ивановского

Аннотация: Введение. Статья посвящена творчеству видного правоведа Российской империи, полицейста, социолога Виктора Викторовича Ивановского (1854–1926), научная деятельность которого была тесно связана с Казанским Императорским университетом. Вклад В. В. Ивановского в развитие полицейского и административного права, политической социологии, теории местного самоуправления, методологии правовых исследований существенно повлиял на развитие в России полицейско-правовой теории. Однако его идейное наследие до настоящего времени не получило комплексного анализа. **Методы.** Методологические принципы исследования – принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического – опираются на диалектику, которая выступает общей методологией научного познания. Основными методологическими подходами исследования стали системный и ценностный подходы. Использовались общенаучные (исторический, функциональный) и специальные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы правовых исследований. Большое значение имел метод проблемно-теоретической реконструкции и интерпретации правовых идей. **Результаты.** Исследование показало, что В. В. Ивановский проявил себя как правовед, науковед и историограф: охарактеризовал становление полицейско-правовой теории и выявил особенности представлений о средствах государственного управления, моделях взаимоотношений государственных органов и населения западноевропейских и отечественных мыслителей; выявил взаимообусловленность наук полицейского и административного права; определил особенности зарождения догматики административного права; обосновал необходимость смены принципа регулирования общественных отношений и перехода от властеотношений к правоотношениям и, как следствие, перехода от полицейского государства к правовому, от полицейского права к административному.

Ключевые слова: В. В. Ивановский, Казанский Императорский университет, полицейстика, полицейско-правовая теория, западноевропейская полицейстика, российская полицейстика, полицейское государство, история административного права

Для цитирования: Ломова Т. В. Формирование полицейско-правовой теории: анализ и оценка полицейста В. В. Ивановского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 49–67; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-49-67>.

Original article

Tatiana V. Lomova

Graduate

<https://orcid.org/0009-0004-5781-4985>, t.lomova90@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Formation of police-legal theory: analysis and assessment of V. V. Ivanovsky as a specialist in the field of police law

Abstract: Introduction. The article is devoted to the work of Viktor Viktorovich Ivanovsky (1854-1926), a prominent jurist of the Russian Empire, specialist in police law, sociologist, whose scientific activity was closely connected with the Kazan Imperial University. The contribution of V. V. Ivanovsky to the development of police and administrative law, political sociology, the theory of local self-government, and the methodology of legal research significantly influenced the development of police law theory in Russia. However, his ideological heritage has not yet received a comprehensive analysis. **Methods.** Methodological principles of research – the principles of unity of theory and practice, objectivity, complexity, comprehensiveness of the study of social processes and phenomena, the unity of historical and logical – are based on dialectics, acting as a general methodology of scientific cognition. The main methodological approaches of the study were systemic and value approaches. General scientific (historical, functional) and special (formal-legal, historical-legal, comparative-legal) methods of legal research were used. The method of problem-theoretical reconstruction and interpretation of legal ideas was very important. **Results.** V. V. Ivanovsky has showed himself as a jurist, scientist and historiographer. He characterised the formation of police-legal theory and identified the features of ideas about the means of public administration, models of relations between state bodies and the population of Western European and domestic thinkers. He revealed the interdependence of the sciences of police and administrative law; identified the features of the origin of the dogmatics of administrative law; substantiated the need to change the principle of regulation of public relations and the transition from the rule of law to the principle of administrative law.

Keywords: V. V. Ivanovsky, Kazan Imperial University, police science, police-legal theory, Western European police science, Russian police science, police state, history of administrative law

For citation: Lomova T. V. Formation of police-legal theory: analysis and assessment of V. V. Ivanovsky as a specialist in the field of police law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 49–67; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-49-67>.

Введение

Функционирование современного государства и механизмы правового регулирования общественных отношений в условиях современности находятся в центре внимания правоведов. Несмотря на то, что государство в XXI веке обретает новые характеристики и выполняет новые задачи, его важнейшей функцией остается определение оптимальных моделей государственного управления и взаимодействия государственных органов власти и общественности. Сегодня внимание ученых, государственных, общественных и политических деятелей направлено на исследование фундаментальных проблем управления государством, учет и оценку актуальности опыта, уже накопленного в государственно-правовой истории и истории политико-правовой мысли.

Важную часть теоретического наследия российских мыслителей составляет полицейско-правовая теория, сосредоточивавшая идеи, касавшиеся внутреннего управления. Полицейско-правовая теория – составная часть полицейского права, которая в современной историко-правовой науке получила название полицейистики. В становлении российской полицейистики в XVII – начале XX века могут быть выделены несколько этапов, отличающихся глубиной осмысления проблем в сфере государственного управления, кругом исследуемых вопросов, самостоятельностью предложений по совершенствованию механизма государственного управления Российским государством.

К середине XIX века российское полицейское право превратилось в самостоятельную национальную юридическую науку, в рамках которой решались и проблемы прикладного характера, и теоретико-правовые задачи фундаментального характера [1]. Важную часть российской полицейистики составляли вопросы, касающиеся осуществления государственной

власти, сущности полицейской деятельности, границ использования мер государственного принуждения [2; 3]. Механизмы управления государством и проблемы местного управления в России получили рассмотрение в работах отечественных полицейстов – И. Е. Андреевского, И. Т. Тарасова, В. В. Ивановского, Э. Н. Берендтса, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова.

Различные аспекты становления науки полицейского права в России являлись предметом исследований современных ученых: А. В. Корнева¹, А. В. Горожанина², А. Ш. Гасаналиева³, Ю. Н. Овсянникова⁴, И. И. Мушкета⁵, Н. С. Нижник [4–6], С. Ю. Дергиловой⁶ [7–12], Н. И. Биюшкиной [13], Д. С. Геворкян⁷ [14–16], Е. Н. Козинниковой⁸ [17; 18], Н. К. Тарасова⁹ [19]. Теоретическое наследие российских полицейстов стало предметом исследований М. Л. Тихомировой¹⁰, Н. Ю. Егорова¹¹ [20–23], С. А. Никифоровой¹² [24; 25], Т. В. Ломовой [26–28].

Как свидетельствуют результаты исследования российской полицейско-правовой теории, видным российским полицейстом конца XIX – начала XX века является юрист, социолог Виктор Викторович Ивановский (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.). Его вклад в развитие полицейского и административного права, политической социологии, теории местного самоуправления, методологии правовых исследований существенно повлиял на развитие в России полицейско-правовой теории.

В. В. Ивановский окончил Казанский Императорский университет (1878). На кафедре полицейского права Казанского Императорского университета под руководством доктора полицейского права Я. С. Степанова подготовил и защитил диссертацию по теме «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России» (1882). Продолжив исследование проблем внутреннего управления государством, В. В. Ивановский защитил докторскую диссертацию на тему «Организация самоуправления во Франции и Пруссии» (1886) и был принят на кафедру государственного права Императорского Казанского университета в качестве ординарного профессора¹³. В 1906 году, 1916–1917 годах являлся деканом юридического факультета, а в 1907 году стал проректором Императорского Казанского университета¹⁴.

¹ Корнев А. В. Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1995. – 228 с.

² Горожанин А. В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 426 с.

³ Гасаналиев А. Ш. Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX – начала XX веков : дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 1999. – 129 с.

⁴ Овсянников Ю. Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 206 с.

⁵ Мушкет И. И. Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России (историко-теоретический анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 452 с.

⁶ Дергилова С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – 450 с.; Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (62). – С. 66–73; Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 37–43.

⁷ Дергилова С. Ю., Геворкян Д. С. Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торговом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 31–37.

⁸ Козинникова Е. Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 18–23; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-18-23>; Козинникова Е. Н. Отечественное государственное право конца XIX – начала XX века о полицейской деятельности в чрезвычайных правовых режимах : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 269 с.

⁹ Тарасов Н. К. Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 4 (84). – С. 51–60; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-4-51-60>.

¹⁰ Тихомирова М. Л. Развитие И. Е. Андреевским концепции полицейского права : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 165 с.

¹¹ Егоров Н. Ю. Государственно-правовые воззрения И. Т. Тарасова : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 282 с.

¹² Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – 283 с.

¹³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета : За сто лет (1804–1904) : в 2 ч. / под ред. заслуж. орд. проф. Н. И. Загоскина. – Казань, 1904. – Ч. 2. – С. 32.

¹⁴ Ивановский Виктор Викторович // Татарская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Х. Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. – Т. 2: Г–И. – С. 523.

Труды В. В. Ивановского¹⁵ получили одобрение научной общественности в имперской России и за рубежом. Но в 1917 году, в условиях трансформации политико-правовой системы России отношение к правоведам изменилось. В советской республике опыт профессоров-юристов оказался невостребованным. Некоторое время В. В. Ивановский еще продолжал работать в Казанском университете, но фактически его работы были преданы забвению.

Обращения к трудам В. В. Ивановского в советской юридической науке были крайне редки. В числе работ, содержащих оценку политико-правового наследия В. В. Ивановского, – труды В. Д. Зорькина [29] и Н. Я. Куприца [30]. Ученые постсоветской России – М. В. Баглай¹⁶ и С. В. Куликов [31] обратили внимание на особое место В. В. Ивановского в истории российского государственоведения. Ю. П. Соловей [32], Ю. Н. Стариков [33], К. С. Бельский [34] отметили важный вклад В. В. Ивановского в теорию административного права.

Оригинальный подход к разрешению различных исследовательских задач, продемонстрированный В. В. Ивановским, привлек внимание к его теоретическому наследию современных ученых¹⁷ [35–40]. При этом, несмотря на то, что В. В. Ивановский упоминается и во всех современных учебниках, освещающих историю российской политико-правовой мысли, и в изданиях, посвященных истории развития административного права, его идейное наследие до настоящего времени не получило комплексного анализа [29]. Не изучен в должной мере вклад ученого в социологию, политологию, историю, юриспруденцию; предметом специального исследования современных ученых не стали взгляды В. В. Ивановского на возникновение и развитие государства, его природу и социальную сущность; не охарактеризован вклад В. В. Ивановского в развитие представлений о предмете и назначении наук полицейского и административного права; не проанализирован вклад В. В. Ивановского в развитие методологии юридической науки; представлений о роли и назначении системы административно-полицейских учреждений в государстве и теории социального государства; не представлена система взглядов В. В. Ивановского о принуждении, применяемом полицией в целях предупреждения и пресечения преступлений; не исследованы проблемные вопросы развития бюрократии, государственного аппарата в интерпретации В. В. Ивановского, не смотря на то, что идеи В. В. Ивановского сохраняют потенциал для решения актуальных проблем государственно-правового развития современной России.

¹⁵ Ивановский В. В.: 1) Административное устройство наших окраин. – Казань: Типография Императорского Университета, 1891. – 47 с.; 2) Общие начала в устройстве губернских властей // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете (далее – Журнал Юридического общества). – 1895. – Кн. 1. – С. 47–94; 3) Черты из истории просвещения в Западной Европе // Русская мысль. – 1896. – Кн. 7. – С. 165–186; 4) Социология как наука и как предмет преподавания во Франции // Русская мысль. – 1896. – Кн. 12. – С. 33–55; 5) Общество и государство // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 1 (36). – С. 54–81; 6) Некоторые общие начала в структуре современных государств // Журнал Юридического общества. – 1897. – Кн. 6. – С. 89–110. 7) Верховная власть и ее органы. Ч. 2 : Местные установления // Русское государственное право. – Казань: Типография Императорского университета, 1898. – 679 с.; 8) Классификация государственных норм // Журнал Министерства юстиции. – 1898. – № 7. – С. 79–113; 9) Вопросы государственоведения, социологии и политики. – Казань: Типография Императорского университета, 1899. – С. 3–31; 189–243; 244–269; 10) Юридический метод и его применение в политических науках // Журнал Министерства юстиции. – 1902. – № 3. – С. 47–67; 11) Нравственная ответственность общественных властей // Русская мысль. – 1902. – Кн. 8. – С. 1–18; 12) Бюрократия, как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. – 1903. – Кн. 8. – С. 1–21; 13) Наука административного права в её прошлом и настоящем // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 11. – С. 286–329; 14) Учебник административного права. – Казань: Типография Императорского университета, 1904. – 578 с.; 15) Избирательное право и избирательная техника // Русская мысль. – 1905. – Кн. 11. – С. 1–20; 16) Народное представительство и основные права граждан : Общедоступное изложение. – Казань: Типография Императорского университета, 1906. – 32 с.; 17) Лекции по государственному праву. – Казань: Издание группы студентов Императорского университета, 1906. – 228 с.; 18) Бюрократия // Политическая энциклопедия : в 3 т. / под ред. Л. З. Слонимского. – Санкт-Петербург: Ключ, 1907. – Т. 1. – Вып. 3 (Бразилия-Выборы). – С. 358–361; 19) Конституционная монархия // Политическая энциклопедия : в 3 т. / под ред. Л. З. Слонимского. – Санкт-Петербург: Ключ, 1907. Т. 2. – Вып. 7. (Кавказ - Национализация земли). – С. 863–866; 20) Учебник государственного права. – Казань: Типография Императорского университета, 1908. – 511 с.; 21) Учебник государственного права. – 2-е изд. – Казань: Типография Императорского университета, 1909. – 500 с.; 22) Учебник государственного права. – 3-е изд. – Казань: Типография Императорского университета, 1910. – 511 с.; 23) Приёмы психологического изучения государства // Журнал Министерства юстиции. – 1911. – № 10. – С. 261–278; 24) О государстве, власти и праве с социологическо-психологической точки зрения // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – № 3. – С. 27–74.

¹⁶ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. – 3-е изд., изм. и доп. – Москва: НОРМА, 2002. – 784 с.

¹⁷ Ивановский В. В. Понятие о законе / публ. подг. С. В. Кодан // Российский юридический журнал. – 2006. – № 2 (50). – С. 158–163; Нигматуллин А. Р. Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В. В. Ивановского : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – 157 с.; Ивановский Виктор Викторович // Правовая наука и юридическая идеология России : энциклопедический словарь биографий : в 4 т. / отв. ред. и рук. авт. кол. В. М. Сырых. – Москва: Юрист, 2009. – Т. 1: XI – начало XX в. – С. 278–281.

Методы

Методологические принципы исследования теоретического наследия В. В. Ивановского опираются на диалектику, которая выступает общей методологией научного познания. Основными принципами исследования явились принципы единства теории и практики, объективности, комплексности, всесторонности изучения социальных процессов и явлений, единства исторического и логического. Основными методологическими подходами исследования стали системный и ценностный подходы. Исследование осуществлялось общенаучными (историческим, функциональным) и специальными (формально-юридическим, историко-правовым, сравнительно-правовым) методами правовых исследований. Применялся метод проблемно-теоретической реконструкции и интерпретации правовых идей, позволивший охарактеризовать труды западноевропейских и отечественных полицейстов, в т. ч. В. В. Ивановского.

Результаты

Научные интересы В. В. Ивановского были сосредоточены на разнообразных вопросах государственного и полицейского (административного) права. В. В. Ивановский внес важный вклад в рассмотрение вопросов государственного управления [27], организации местного самоуправления [37], социального обеспечения [6] и безопасности [28], выступил как науковед и историограф. Методология исследований, включавшая методы и эмпирический материал юриспруденции, социологии и политологии, позволяет характеризовать труды В. В. Ивановского как имеющие междисциплинарный характер.

О зарождении полицейско-правовой теории в Западной Европе

Опыт решения проблем внутреннего управления государством с XVII века концентрировался в рамках науки полицейского права. Систематизация знаний об управлении государством стала предметом научных исследований В. В. Ивановского. Отметив важную роль западноевропейских мыслителей в развитие полицейского права в России и серьезное влияние их идей на становление российской полицейстики, В. В. Ивановский ряд своих трудов посвятил оценке достижений западноевропейских полицейстов в области полицейского (административного) права¹⁸.

Нелинейное развитие полицейского права В. В. Ивановский считает обусловленным разнообразием содержания науки и «затруднениями в пользовании правильными методологическими приёмами»¹⁹, полагая, что только в эпоху Возрождения открылся путь для научного осмысления государственно-правовых проблем, и государственная деятельность стала объектом научного исследования. Опираясь на труды греческих мыслителей, в которых «слово *“πολιτεία”* обозначало вообще государственное искусство»²⁰, В. В. Ивановский выяснил, что вся совокупность мероприятий по государственному управлению в странах, где формой правления утвердилась абсолютная монархия, стала называться политикой и полицией.

В связи с тем, что самостоятельность государства должна быть обеспечена решением и вопросов внутренней жизни государства, и проблем международных отношений, государственная деятельность, направленная на обеспечение успешного взаимодействия с другими государствами, стала называться политикой, а деятельность, направленная на устройство внутренней жизни, защиту и охрану общественного порядка – полицией.

Господствовавшая в XVII–XVIII вв. философия эвдемонизма определяла цель государства как достижение общего блага и счастья [41–43]. Поиск средств достижения этой цели составлял задачу науки полицейского права, предметом которой стало обеспечение государственной безопасности и благосостояния. Органы государства присвоили себе право безграничного вмешательства в частную жизнь с целью облагодетельствования граждан. Полицейское право обосновывало обязанность государственных органов осуществлять принудительную деятельность, охраняя безопасность и создавая условия благосостояния.

В. В. Ивановский отметил, что эти идеи нашли развитие в трудах западноевропейских полицейстов XVIII века: Н. Деламара, И. Г. фон Юсти, Й. фон Зонненфельса, Г. Гогенталя, Ф. Пфейффера, Ф. Фишера, К. Г. Рессинга, Г. Г. фон Берга.

¹⁸ Ивановский В. В. Наука административного права в её прошлом и настоящем // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 9. – С. 286–329; Его же. Учебник административного права : (Полицейское право. Право внутреннего управления). – 4-е изд., испр. и доп. – Казань: Братья Башмаковы, 1911. – 506 с.

¹⁹ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 286–329.

²⁰ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 287.

В. В. Ивановский обратил внимание на идеи И. Г. Г. фон Юсти, касающиеся организации судебной власти: судебные учреждения, по Юсти, должны быть подчинены полицейским, так как судебная деятельность – часть государственной деятельности²¹. Полиция и юстиция – две части одного целого, поэтому их осуществление должно быть возложено на один орган. Отмечая, что И. Г. Г. фон Юсти «находился под сильным влиянием административной жизни, не дававшей места строгому разграничению полиции и юстиции»²², разграничению полицейской и финансовой деятельности, полицейских и финансовых законов, В. В. Ивановский аргументирует свою мысль о необходимости разделения полицейской и судебной деятельности.

Оценивая вклад западно-европейской полицистики в систему знаний о государственном управлении, В. В. Ивановский подчеркнул, что Й. фон Зонненфельс²³ акцентировал внимание на учении о полиции безопасности; П. Гогенталь обосновал необходимость отделения полиции от юстиции²⁴; Ф. Пфейффер подверг критическому осмыслению функционирование немецких государств и средства достижения ими своих целей; Ф. Фишер определил соотношение полицейского права, полицейской деятельности и полицейского законодательства германских государств, подчеркнув, что в систему полицейского права входит множество вопросов государственного, финансового и гражданского права²⁵; К. Г. Рессинг охарактеризовал науку полицейского права как политику управления, отличающуюся от наук государственного, финансового и судебного права²⁶; Г. Г. фон Берг обосновал отделение задач благосостояния от задач безопасности²⁷, которое было продолжено Г. Циммерманом, И. К. Блюнчли, К. Л. Т. Братером.

Науку полицейского права XVIII века В. В. Ивановский охарактеризовал как политику законодательства и управления, обращая внимание на то, что не все поставленные вопросы получили разъяснение, что определение системы полицейского права в XVIII веке завершено не было.

О развитии западноевропейской полицистики

Первую половину XIX века В. В. Ивановский называет «переходным временем для науки полицейского права»²⁸. В это время осуществлялись попытки юридизировать полицейское право, разработать полицейское законодательство, уточнить предмет полицейской деятельности, определить метод полицейского права²⁹. Важной детерминантой этих процессов была смена формы правления в европейских государствах: абсолютная монархия уступила место монархии конституционной. Менялись и взгляды на государственное управление и полицейскую деятельность.

В это время, подчеркивает В. В. Ивановский, как самостоятельные науки формируются государственное и конституционное право. Стремительно развивается промышленность, а вместе с ней – политическая экономия, которая благодаря трудам А. Смита, Д. Рикардо, Ж. Б. Сея, Ж. А. Бланки, П. Л. Э. Росси пытается стать самостоятельной наукой, отличающейся по методу и целям от хозяйственной политики. Углубление знаний в этой сфере обогащало полицейское право. «Постепенно должна была выясниться истина, что учение о главных государственных учреждениях, каково бы ни было их влияние на безопасность или благосостояние населения, должно относиться к наукам о государстве. Равным образом указания политической экономии на то, что хозяйственная жизнь следует своим собственным законам, должны были известным образом отозваться не только на характере государственной деятельности, но и на науке полицейского права, представители которой теперь

²¹ Justi J. H. G. von. Grundsätze der Polizeiwissenschaft in einen vernünftigen, auf den Endzweck der Polizei gegründeten, Zusammenhang und zum Gebrauch Academischer Vorlesungen abgefasst. – Göttingen: Vandenhoeck, 1756. – 348 s.; Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния : в 4 ч. / пер. с нем. И. Богаевский. – Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1772. – Ч. 1. – 762 с.

²² Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 290.

²³ Sonnenfels J. F. von. Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft. – 3-te Auf. – Wien: bey Joseph Kurzboeck, 1770. – 472 p.

²⁴ Hohenthal W. P. K. von. Liber de Politia, adpersis observationibus, de causarum politiae et iustitiae differentiis. – Leipzig: apud Christ. Gottlob Hilscherum, 1776. – 363 p.

²⁵ Fischer F. C. J. Lehrbegrif sämtlicher Kameral – und Polizeyrechte : Sowol von Teutschland überhaupt als insbesondere von den Preußischen Staaten. – Frankfurt an der Oder : Strauß, 1785. – 899 p.

²⁶ Rössig K. G. Lehrbuch der Polizeywissenschaft. – Jena: In der acad. Buchhandlung, 1786. – 539 p.

²⁷ Berg G. H. von. Handbuch des deutschen Polizeirechts : bd. 1–7. – Hannover: Hahn, 1799–1809.

²⁸ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 291.

²⁹ Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Систематизация знаний об управлении обществом и становление науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 37–43.

не так уже щедро расточают свои советы по поводу тех или других мер и средств достижения благосостояния. Это касается не только хозяйственной, но и всякой другой деятельности в области внутреннего управления»³⁰. Политический характер науки полицейского права, признающего властотношения основой общественных отношений, должен был смениться юридическим (догматическим) характером, обусловленным признанием правоотношений. Теорию эвдемонизма должна была заменить теория права, провозглашавшая свободу и доминирование правоотношений, нашедших описание в трудах И. Канта.

Признавая, что право и справедливость должны лежать в основе всякого благополучия, а справедливость не должна достигаться пожертвованием, В. В. Ивановский характеризовал правовое государство «в противоположность полицейскому»³¹. Различиями полицейского и правового государства В. В. Ивановский объяснял стремление сузить сферу принудительной деятельности государства и определить границы ответственности государства, подчеркивая, что применение государственной властью принуждения должно определяться задачами обеспечения безопасности, ведь только таким способом можно обеспечить неприкосновенность прав граждан от нарушений их со стороны самого государства.

В. В. Ивановский подчеркивает, что одним из первых полицейстов юридического направления в XIX веке являлся М. Вебер, который аргументировал идею разделения полиции безопасности и попечительной деятельности государства, обращая внимание на необходимость определения границ возможного принуждения со стороны государства.

Ф. Е. Лотц, акцентировав внимание на принудительной полицейской власти, приоритетными считал не вопросы безопасности граждан, а общее совершенствование государственно-правовой системы, в обеспечении которой безопасность является только средством. В. В. Ивановский полагал, что эти утверждения Ф. Е. Лотца опираются на опасения злоупотреблений принудительной полицейской власти. При этом Ф. Е. Лотц, по мнению В. В. Ивановского, внес важный вклад в обоснование необходимости отделения полицейской власти от судебной и законодательной, определение места полицейской власти в системе государственной власти, не предполагающего самостоятельного издания ею законов. В. В. Ивановский подчеркивает, что Ф. Е. Лотц попытался определить границу принудительной власти полиции, но ему это не удалось. «Принуждение, по мнению Лотца, уместно только там, где существует разумное убеждение в существовании опасности; так как ... разумность убеждения есть нечто весьма субъективное и относительное, то и граница для принуждения остается весьма неопределённой»³². Стремление Ф. Е. Лотца определить пределы государственного принуждения «приближает его к представителям юридического направления, хотя по основным своим приёмам он и недалеко ушел от политиков»³³ XVIII века.

В. В. Ивановский обращает внимание на труды Л. Х. Якоба³⁴, в которых цели государства характеризуются как сохранение и усовершенствование правового порядка, а затем – личное и материальное развитие. Средствами для достижения этих целей служат законы и учреждения. Полиция – деятельная забота государства о достижении целей, определяемых правом. Границами полицейской деятельности Л. Х. Якоб считает закон. Средства полицейской деятельности определяются им с учетом развития государства, поэтому они неодинаковы, но при любых обстоятельствах должны основываться на принципах, которые требуют не нарушать права граждан, не противоречить нравственности, не нарушать свободу частных лиц. «Если еще и сейчас мы встречаемся с взглядами, по которым государственная деятельность не должна находиться в зависимости от требований этики, если современная государственная практика нас убеждает, что эти требования действительно весьма часто игнорируются, то заявление о том, что полицейская деятельность не должна противоречить ни праву, ни морали, в устах писателя начала XIX века заслуживает, конечно, особенного внимания»³⁵, констатировал В. В. Ивановский.

И. П. Харль полицию рассматривает как ветвь государственного управления, имеющую целью предупреждать опасность от людей и природы, грозящую государству в личном и материальном отношениях³⁶. Объект полицейского права – не столько средства достижения государственных целей, сколько принципы государственной деятельности.

³⁰ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 291–292.

³¹ Там же. – С. 292.

³² Там же. – С. 293.

³³ Там же. – С. 294.

³⁴ Jacob L. H. von. Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten. – Charcow: Beym, 1809. – 735 p.

³⁵ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 294.

³⁶ Harl J. P. Vollständiges Handbuch der Polizei-Wissenschaft, ihrer Hülfquellen und Geschichte: mit vorzüglicher Rücksicht sowohl auf die neuesten Entdeckungen und Erfahrungen, als auch auf die neueste Gesetzgebung in Frankreich und in den Rheinischen Bundesstaaten und Litteratur der Polizei. – Erlangen: Palm, 1809. – 736 p.

В. В. Ивановский характеризует труды немецких ученых, которые способствовали приобретению полицейским правом юридического характера. Р. фон Моль, утверждая, что наряду с полицией должны существовать предупредительная и восстановительная юстиция³⁷, задачу полиции видел в устранении препятствий для благосостояния, создаваемых природой. Предупредительная юстиция должна охранять права, предупреждая их нарушение людьми. Рассуждая о принципах полицейской деятельности, Р. фон Моль стремился определить границы полицейской деятельности³⁸: только когда индивидуальная и общественная деятельность оказывается недостаточной для устранения препятствий для благосостояния, может быть использована полицейская деятельность государства³⁹.

В. В. Ивановский отмечает вклад в становление полицейского права Й. Пецля⁴⁰, Г. Циммермана⁴¹, Т. Ферстемана⁴², которые определили главные принципы организации и деятельности полиции – бюрократическое устройство полицейских учреждений и строгая централизация их деятельности.

Полицейстов XIX века В. В. Ивановский охарактеризовал как выразителей переходного направления от политики к догматике административного права. «Этот переходный характер выражается в том, что ... писатели, считая задачей науки указание наиболее целесообразных средств и способов достижения государственных целей ... одной из высших государственных целей считают защиту и охрану прав частных лиц и всего правопорядка и в то же время стремятся определить границами права пределы деятельности государственных органов при достижении означенной цели»⁴³, констатировал В. В. Ивановский, подчеркивая, что XIX век стал временем развития полицейского права, трансформации науки полицейского права в науку административного права.

О становлении догматики административного права во Франции и Германии

В XIX веке полицейсты обосновали необходимость замены властеотношений правоотношениями и перехода от полицейского государства к правовому [44]. Переход от властеотношений к правоотношениям означал переход от полицейского права к праву административному, переход от государства полицейского к государству правовому [3].

Неслучайно В. В. Ивановский в круг своих научных интересов включил компаративистский анализ доктрин административного права Германии и Франции.

Французская политико-правовая мысль, по мнению В. В. Ивановского, с 1830-х гг. специализировалась на догматике административного права. Первыми представителями французского административного права В. В. Ивановский считает Ж. М. де Жерандо, Л. А. Макареля, А. Ф. Вивьена, М. Ф. Ж. Лаферьера.

Ж. М. де Жерандо предложил систему науки, предусматривавшую разделение административного права на материальную и формальную части⁴⁴. М. Ф. Ж. Лаферьер систему административного права представил состоящей из трех частей: общей, местной и административной юстиции⁴⁵. Цель администрации – охрана существующего и его дальнейшего развития, а задача полиции – предупреждение опасностей. Подобным образом определял задачи полиции и администрации А. Ф. Вивьен, подчеркивавший, что самостоятельной задачей полиции является частная и общественная безопасность⁴⁶.

Вклад в развитие административного права во второй половине XIX века внес А. П. Батби⁴⁷. Представленная им система административного права включала в себя учения о субъектах права, об объектах права и способах приобретения. Такой подход вызвал возражения В. В. Ивановского, который подчеркнул, что частноправовой элемент, возможно, и имеет причастность к административному праву, но в административном праве преобладает публично-правовой элемент. При этом стремление найти аналогию между институтами

³⁷ Mohl R. von. Die Polizeiwissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates: bd.1–2. – Tübingen: H. Laupp, 1832–1833.

³⁸ Mohl R. von. Encyclopädie der Staatswissenschaften. – Tübingen: H. Laupp, 1859. – 760 p.

³⁹ Mohl R. von. Staatsrecht, Völkerrecht und Politik : Monographien. – Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1869. – Bd. 2–3: Politik.

⁴⁰ Pözl J. von. Grundriß zu Vorlesungen über Polizei Polizeigesetzgebung Bayern. – München: Literarisch-artistische Anstalt (Cotta), 1866. – 179 p.

⁴¹ Zimmermann G. Die deutsche Polizei im neunzehnten Jahrhundert : bd. 1–3. – Hannover: Schlüter, 1849. – Bd. 3: Ueber die Organisation der Polizei nach dem reformirten Zuschnitt. – 1346 p.

⁴² Förstemann Th. A. Prinzipien des preußischen Polizeirechts. – Berlin: Verlag von Gustav Hempel, 1869. – 486 p.

⁴³ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 295.

⁴⁴ Gérando J. M. Institutes du droit administratif français, ou Éléments du code administratif. SUPPL (1829–1836) : en 2 t. – Paris: Chez Nève, 1829–1836.

⁴⁵ Laferrière M. F. Cours de droit public et administratif par. – Paris: Joubert, Librairie-Editeur, 1841. – 657 p.

⁴⁶ Vivien A. F. Études administratives. – Paris: Guillaumin et Cie, 1859. – 436 p.

⁴⁷ Batbie A. P. Traité théorique et pratique de droit public et administratif: en 9 t. – Paris: Larose et Forcel, 1885.

гражданского и административного права В. В. Ивановский счел одной из заслуг разработчиков французского административного права.

В. В. Ивановский обратил внимание на работы П. П. Фодере⁴⁸, обосновывавшего необходимость разделять исполнительную деятельность государства на административную и судебную. Главной задачей администрации П. П. Фодере считал охрану безопасности, поддержание публичного порядка и удовлетворение потребностей общества. Не возражая против такого подхода к характеристике задач администрации, В.В. Ивановский обратил внимание на нечеткость определения понятий, использованных П. П. Фодере.

Работу Т. Г. А. Дюкрока В. В. Ивановский характеризует как изложение административного права, содержащее комментарий действующего административного законодательства⁴⁹. Систему административного права Т. Г. А. Дюрок видит состоящей из частного права (гражданского, торгового и процессуального) и публичного права (внешнего и внутреннего). Административное право, по мнению Дюкрока, регламентирует деятельность всех должностных лиц и административных судов; определяет характер применения административных законов в целях обеспечения общих интересов; регламентирует функционирование юридических лиц. Критика таких представлений В. В. Ивановским основывалась прежде всего на нечеткости понятийного аппарата, на выявлении попыток Т. Г. А. Дюкрока охарактеризовать материальную часть излагается посредством основных прав граждан, которые, по утверждению В. В. Иванова, привели «к большой путанице», в результате чего «предметы, не имеющие между собой ничего общего соединены в одном разделе, а предметы однородные разделены по разным разделам»⁵⁰.

Вклад М. Ориу⁵¹ в развитие административно-правовых идей В. В. Ивановский видит в анализе различных административных институтов. Под административным правом М. Ориу понимает совокупность юридических норм, определяющих организацию и деятельность публичных должностей и устанавливающих контроль за деятельностью публичных корпораций. В административной деятельности, по М. Ориу, необходимо выделять общую административную деятельность, обеспечивающую интересы всего государства, местную административную деятельность, обеспечивающую интересы местной жизни, и специальную административную деятельность, обеспечивающую интересы отдельных групп населения. Акцентируя внимание на юридической стороне административной деятельности, М. Ориу понимает, что эта деятельность определяется не только правовыми предписаниями, но опирается на народные потребности, разделение труда и чувство справедливости.

Разрабатывая догматически французское административное право, Л. Ж. Б. А. Бартелеми обращает внимание на необходимость определения границ вмешательства государства в жизнь граждан, стремящегося к созданию условий благосостояния⁵²: в условиях войны, при обеспечении деятельности полиции и суда такое вмешательство допустимо, в других случаях – факультативно. Сущностными функциями государства Л. Ж. Б. А. Бартелеми считает военное управление, полицейское управление и управление государственным имуществом. В. В. Ивановский возражал такому подходу разделения функций государства на обязательные и факультативные, опираясь на представления о том, что вмешательство государства в удовлетворение народных потребностей обусловлено уровнем хозяйственной, духовной и политической культуры народа. Заслугой Л. Ж. Б. А. Бартелеми В. В. Ивановский считает разработку отдельных вопросов административной юстиции, государственной службы государственных учреждений и юридических лиц, проблем взаимодействия органов государственной власти и общественности.

Осуществив глубокое изучение становления административного права в странах Западной Европы⁵³, В. В. Ивановский сделал вывод о том, что разработка административного законодательства в Германии и Франции «доведена до высокого совершенства»⁵⁴, а теория административного права в XIX веке была еще не сформирована, о чем свидетельствовали различные представления об объеме административного права, ее системе и методологии.

⁴⁸ Pradier-Fodéré. P. Précis de droit administratif. – Paris: A. Durand et Pédone Laurel, 1872. – 802 p.

⁴⁹ Ducrocq T. Cours de droit administratif, contenant l'exposé et le commentaire de la législation administrative dans son dernier état. – Paris: E. Thorin, 1881. – 816 p.

⁵⁰ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 313.

⁵¹ Hauriou M. Précis de droit administratif et de droit public, à l'usage des étudiants en licence (2e et 3e années) et en doctorat ès sciences politiques. – Paris, 1914. – 1032 p.

⁵² Berthélemy H. Traité élémentaire de droit administratif. – Paris: A. Rousseau, 1901. – 977 p.

⁵³ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – 506 с.

⁵⁴ Ивановский В. В. Наука административного права ... – С. 315.

Так, в Германии при разработке права внутреннего управления военное, финансовое, судебное право рассматривалось в рамках различных самостоятельных наук, а во Франции представления об административном праве опирались на ее понимание как единого целого, объединяющего все направления регламентации внутренней жизни страны.

В. В. Ивановский выявил вклад западноевропейских мыслителей в систематизацию знаний в сфере управления государством, сделав вывод о том, что идеи западноевропейской полицейстики стали основой для дальнейшего развития полицейского (административного) права не только в Европе, но и в России.

О предпосылках зарождения административно-правовой доктрины в России

В. В. Ивановский делает вывод о том, что развитие полицейского права, возникновение и эволюция административного права в России находились под непосредственным влиянием западноевропейской юридической науки. Первыми мыслителями, которые положили начало зарождения науки административного права, В. В. Ивановский называет Ю. Крижанича⁵⁵ и И. Т. Посошкова⁵⁶, обосновывавших право государства на вмешательство во все сферы общественной жизни.

Как «более самостоятельную» В. В. Ивановский охарактеризовал работу профессора Харьковского университета И. В. Платонова о благоустройстве и государственном благочинии⁵⁷. «Не представляя собой изложение полной системы науки ... сочинение богато критическими взглядами автора и многочисленными литературными указаниями»⁵⁸, отметил В. В. Ивановский.

«Если в Западной Европе разработка административного права принимала иногда значительную окраску экономической науки ... то в России ... мы встречаемся с тем же направлением в лице ... профессора Н. Бунге и А. Антоновича»⁵⁹, подчеркнул В. В. Ивановский, охарактеризовав Н. Х. Бунге⁶⁰ и А. Я. Антоновича⁶¹ как экономистов, уделяющих внимание и экономической политике, и политической экономии, и статистике; использующих в своих исследованиях историко-догматические приемы, методы политических и социологических наук.

Особое значение В. В. Ивановский придает трудам профессора Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевского⁶², в которых полицейская деятельность рассматривалась как особая государственная задача. Достоинством исследований И. Е. Андреевского В. В. Ивановский считает использование сравнительно-правового метода, опираясь на который «автор сравнительно исторически излагает законодательство различных государств, обращая особенное внимание на Россию, в отношении которой он не ограничивается изложением законов, но в значительной мере захватывает распорядительную деятельность органов общественного управления»⁶³. Субъектами полицейской деятельности И. Е. Андреевский называл граждан, организации и государственные органы. «Требование к органам государства действовать только в рамках закона, сформулированное И. Е. Андреевским, способствовало формированию в российском правоведении основ административного права» [2, с. 71].

⁵⁵ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века : рукопись времен царя Алексея Михайловича : в 2 ч. – Москва: типография Александра Семена, 1859–1860; Его же. Экономические и политические взгляды / с предисловием В. И. Пичета. – Санкт-Петербург: Энергия, 1904. – 127 с.; Его же. Политика / пер. и коммент. А. Л. Гольдберг. – Москва: Новый свет, 1997. – 527 с.

⁵⁶ Посошков И. Т. Завещание отеческое / под ред. и с предисл. Е. М. Прилежаева. – новое изд., доп. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1893. – 388 с.; Посошков И. Т. Зеркало очевидное : По рукописному списку, хранящемуся в библиотеке Казанской духовной академии : в 2 т. – Казань: Типография Императорского Университета, 1895–1900; Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве / ред., вступит. ст. и прим. Б. Б. Кафенгауза. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 352 с.

⁵⁷ Платонов И. В. Вступительные понятия в учение о благоустройстве и благочинии государственном. – Харьков: Университетская типография, 1856. – 143 с.

⁵⁸ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – С. 34.

⁵⁹ Там же. – С. 34–35.

⁶⁰ Бунге Н. Х. Полицейское право : Курс : в 2 т. – Киев: Университетская типография, 1873. – Т. 1: Введение и государственное благоустройство. – 146 с.; Бунге Н. Х. Основания политической экономии. – Киев: [б. и.], 1870. – 136 с.

⁶¹ Антонович А. Я. Полицейское право и политическая экономия. – Киев: Университетская типография, 1883. – 14 с.; Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права) : в 2 ч. – Киев: типография В. И. Завадского, 1890; Антонович А. Я. Основания политической экономии. – Киев: типография 2-й Артели, 1914. – Т. 1: Введение и основные силы, действующие в национальном хозяйстве. – 654 с.

⁶² Андреевский И. Е. Курс полицейского права : Вып. 1. – [Санкт-Петербург]: Издательство Рабинович, 1886–1886. – 160 с.; Андреевский И. Е. Полицейское право : в 2 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: типография В. В. Пратц, 1874–1876; Репетиториум полицейского права, составленный по курсу проф. Андреевского : в 2 ч. – Харьков: Университетская типография, 1888.

⁶³ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – С. 35.

Представления о полицейском праве профессора Новороссийского университета М. М. Шпилевского⁶⁴ В. В. Ивановский считает сформированными под влиянием идей немецкого ученого Г. Реслера, который особое внимание уделял общественному управлению. Однако создать новую науку – общественное право, по мнению В. В. Ивановского, не удалось ни Г. Реслеру, ни М. М. Шпилевскому. «Общественное право ... в отличие от полицейского или административного права есть право общества на развитие и охранение его интересов при содействии и под надзором правительства. Из этого определения довольно явно обнаруживается несостоятельность воззрения автора. Субъектом общественного права автор признает общество ... [но] оно в качестве целого не существует. Сама по себе идея общественного права не должна быть отрицаемой ввиду того, что разного рода общественные союзы могут быть субъектами права, могут стоять в известного рода правоотношениях как с государственными учреждениями, так и с частными лицами, следовательно, совокупность юридических норм, определяющих эти отношения, может быть названа общественным правом. Автор рассматриваемого труда близко подходит к такому пониманию, когда говорит о праве социальной организации народа и когда он указывает на различные формы общественного союзов, но при рассмотрении вопроса об общественной деятельности он имеет в виду деятельность целого народа, отождествляя в то же время интересы отдельной человеческой личности с интересами всего народа»⁶⁵. Принимая во внимание и работы В. Н. Лешкова⁶⁶, попытку создания особой науки – общественного права В. В. Ивановский признает неудачной.

К трудам, внесшим вклад в становление административного права в России, В. В. Ивановский относит работы профессора Московского университета И. Т. Тарасова⁶⁷. Полицейское право И. Т. Тарасов рассматривает как науку о правовых нормах, определяющих полицейскую деятельность государства, а полицию – как деятельность, обеспечивающую публичную и частную безопасность. В. В. Ивановский обратил внимание на попытку И. Т. Тарасова охарактеризовать систему полицейского права и выделить в ней общую и особенную части. В. В. Ивановский критикует И. Т. Тарасова, рассматривающего в отделе о безопасности вопросы общественного презрения и благотворительности, но при этом отмечает разнообразие использованных И. Т. Тарасовым методологических приемов, в числе которых юридический, политический, описательно-социологический методы.

Особое место в становлении административного права В. В. Ивановский отвел Э. Н. Берендтсу, который систему административного права представил состоящей из трех частей: 1) объективное административное право (устанавливает границы прав и обязанностей органов власти и иных субъектов государственного общения при защите ими частных и публичных интересов); 2) субъективное административное право государственной власти и ее органов (организация учреждений и определение мер юридической ответственности органов государственной власти); 3) субъективное административное право участников государственного общения⁶⁸. В. В. Ивановский, возражая такому подходу, подчеркивает, что так как субъективное право не может быть противопоставлено объективному, в системе административного права целесообразно выделять не три, а две части. Труд Э. Н. Берендтса не считает предложением новой системы административного права, хотя признает значение рассмотрения основных понятий. К такому же выводу пришли и современные исследователи⁶⁹ [25]. В. В. Ивановский критиковал методы Э. Н. Берендтса, подчеркнув, что «вопреки своим принципиальным заявлениям относительно юридического метода, дает нам сведения, не имеющие никакого юридического характера, затем излагает историю управления,

⁶⁴ Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. – Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1875. – 196 с.

⁶⁵ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – С. 35.

⁶⁶ Лешков В. Н. Программа лекций по предмету общественного права. 1864–65 г. – Москва: лит. Е. А. Астахова, 1864. – 16 с.; Лешков В. Н. Общественное право. 1876–1877 г.: лекции. – Москва: издательство Маковского, Ханенко и Ждан-Пушкина, 1868–1869; Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. – Москва: Университетская типография, 1858. – 613 с.

⁶⁷ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права: конспект лекций: в 2 т. – Ярославль: типография Г. Фальк, 1888; Тарасов И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву: в 3 т. – Москва: типография Московского университета, 1908–1913; Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права: пособие для слушания лекций и для приготовления к экзамену. – Москва: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1897. – 702 с.; Тарасов И. Т. Учебник науки полицейского права: в 4 т. – Москва: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1891–1896.

⁶⁸ Берендтс Э. Н. Программа курса русского государственного права. – Ярославль: Типография Э. Г. Фальк, 1896. – 62 с.; Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права: Т. 1: Обзор истории административного права и истории его литературы. – Ярославль: типография Э. Г. Фальк, 1898. – 247 с.

⁶⁹ Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – 279 с.

главным образом, в России, останавливается на характере правительственной политики и ... далеко выходит за пределы историко-догматического метода»⁷⁰.

Анализируя работы В. Ф. Дерюжинского⁷¹, В. В. Ивановский обратил внимание на определение понятия «внутреннее управление», под которым В. Ф. Дерюжинский понимал и деятельность, и предмет науки о внутреннем управлении. Внутреннее управление – часть государственного управления, охватывающее широкую группу управленческих отношений в сфере социальной действительности. Множественность «задач государства обусловила охват множества сфер социальной действительности управленческой деятельностью и выделение финансового управления, управления внешними делами, военного управления, судебного управления и внутреннего управления (управления в собственном смысле)» [2, с. 71–72]. Во внутреннем управлении В. Ф. Дерюжинский выделял «отрасли государственной и общественной деятельности, которые имели своим предметом различные стороны хозяйственной жизни», «отрасли государственной и общественной деятельности, которые имели задачей содействие духовно-интеллектуальному развитию населения», «отрасль государственной деятельности, которая проявлялась в охране общественного порядка»⁷².

В. В. Ивановский, проанализировав вклад ученых Российской империи в развитие полицейского права и становление административного права, сделал вывод о том, что право внутреннего управления и полицейское право тождественны и являются разделами административно-правовой науки. Право внутреннего управления (полицейское право) – наука, «имеющая дело с государственными нормами или законами и распоряжениями, определяющими характер и содержание мероприятий, применяемых в целях организации условий безопасности и благосостояния»⁷³ [21, с. 5]. Задача полицейского права как науки – систематизация норм, регламентирующих обеспечение безопасности и благосостояния. Представления о полицейском праве в узком смысле были тождественны представлениям об административном праве. Административное право в широком смысле, по В. В. Ивановскому, предполагало включение всей совокупности норм, регулирующих государственную деятельность во всех сферах общественной жизни, кроме предписаний, закрепляющих государственное устройство, судебную деятельность и судоустройство. А так как в систему административного права В. В. Ивановский включал международное, финансовое, военное, церковное и внутреннее управление, то в его концепции административное право выступало составной частью государственного управления.

В структуре административного права В. В. Ивановский выделял: 1) общую часть, сосредоточивавшую вопросы в сфере административной организации и форм административной деятельности; 2) особенную часть, объединяющую нормы, регулирующие отношения в сфере обеспечения безопасности, внутреннего управления, народного здоровья, интеллектуальной жизни личности; касающиеся народного продовольствия, общественного призрения, добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и торговли⁷⁴. Структуру особенной части В. В. Ивановский определил исходя из главной идеи внутреннего управления, заключающейся в том, что «государство при помощи всех находящихся в его обладании средств и способов приходит на помощь частным лицам в деле достижения ими возможно высшей степени благосостояния»⁷⁵.

Заключение

В. В. Ивановский внес важный вклад не только в рассмотрение вопросов государственного управления и безопасности, но и выступил как ученый и историограф, выявивший особенности становления административного права в Западной Европе и России как правовой реальности, отрасли права и науки.

В. В. Ивановский на основе изучения широкого круга источников, позволяющих оценить эволюцию политико-правовой мысли в Западной Европе и России, охарактеризовал становление полицейско-правовой теории и выявил особенности представлений о государстве, средствах государственного управления, моделях взаимоотношений государственных органов и населения западноевропейских и отечественных мыслителей.

В. В. Ивановский подверг анализу труды западноевропейских полицейистов XVIII века: Н. Деламара, И. Г. фон Юсти, Й. фон Зонненфельса, Г. Гогенталя, Ф. Пфейффера, Ф. Фишера, К. Г. Рессинга, Г. Г. фон Берга и сделал вывод о том, что их идеи имели большое значение для обоснования закономерности перехода от полицейского государства к государству

⁷⁰ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – С. 39.

⁷¹ Дерюжинский В. Ф. Лекции по полицейскому праву. – Санкт-Петербург: Н. Фалеев, 1899. – 286 с.; Его же. Полицейское право : пособие. – 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1908. – 552 с.

⁷² Дерюжинский В. Ф. Полицейское право ... – 552 с.

⁷³ Ивановский В. В. Учебник административного права ... – С. 5.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. – С. 65.

правовому. Отмечая, что не все актуальные для управления государством вопросы получили рассмотрение в XVIII веке, система науки полицейского права не получила завершеного определения. Но в XIX веке полицейско-правовая теория достигла вершины своего развития, включив в исследовательское поле полицейского права широкий круг вопросов обеспечения внутренней безопасности и благосостояния народа. Оценивая вклад полицейистов XIX века М. Вебера, Ф. Е. Лотца, И. П. Харля, Р. фон Моля, Л. Х. Якоба, И. Пецля, Г. Циммермана, Т. Ферстемана в развитие полицейско-правовой теории, В. В. Ивановский выявил взаимообусловленность полицейского и административного права и определил особенности зарождения догматики административного права. Важный вклад в становление административного права, по мнению В. В. Ивановского, внесли французские мыслители: Ж. М. де Жерандо, Л. А. Макареель, А. Ф. Вивьен, М. Ф. Ж. Лаферьер, А. П. Батби, П. П. Фодере, Т. Г. А. Дюкрок, М. Ориу, Л. Ж. Б. А. Бартеlemi и российские полицейисты: Ю. Крижанич, И. Т. Посошков, И. В. Платонов, В. Н. Лешков, М. М. Шпилевский, Н. Х. Бунге, А. Я. Антонович, И. Т. Тарасов, Э. Н. Берендтс, В. Ф. Дерюжинский.

В. В. Ивановский отмечал, что на развитие российской полицейско-правовой теории существенное влияние оказала западноевропейская мысль.

В рамках полицейско-правовой теории была обоснована необходимость смены принципа регулирования общественных отношений и перехода от властеотношений к правоотношениям и, как следствие, перехода от полицейского государства к правовому, от полицейского права к административному.

Совершенствование государственно-правовой системы в настоящее время требует учета всего накопленного опыта решения внутренних проблем государства. В условиях глобализации и цифровизации общественных отношений изменяются механизмы взаимодействия государства и общества, возможности использования государством принуждения, формы взаимоотношений правоохранительных органов и общественности. Теоретическое наследие полицейистов может быть использовано при определении наиболее эффективных средств государственного управления и укрепления правового государства.

Список литературы

1. *Нижник Н. С.* Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 239–250.

2. *Нижник Н. С.* Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицейистики // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 67–86; <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.24883>.

3. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства / Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов пятой международной научной конференции, 3–4 мая 2019 г. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. – С. 155–163.

4. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции : в 2 т., 28 апреля 2016 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. – Т. 2, С. 228–235.

5. *Нижник Н. С.* Полицейстика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции : в 2 ч., 21 декабря 2018 г. / под ред. В. Л. Кубышко: – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – Ч. 1. – С. 220–240.

6. *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / Man, Society, Communication : Proceedings of International Scientific and Practical Conference Man. Society, 23–24 April, 2020, Veliky Novgorod, Russian Federation. – London, United Kingdom: European Publisher, 2021. – P. 1826–1835; <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.228>. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/bibliographic-information>.

7. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2020. – Т. 45, № 4. – С. 750–760; <https://doi.org/0.18413/2712-746X-2020-44-4-750-760>.

8. *Дергилева С. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Аркадий Иванович Елистратов // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2015. – № 6. – С. 844–859; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16394>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16394.html.
9. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государственное управление: концепции и практика их реализации в условиях кардинальных перемен политико-правовой системы России / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования : сборник трудов II Ежегодных научных чтений, посвящённых памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича, 25 ноября 2015 г. : в 2 т. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2015. – Т. 1. – С. 169–173.
10. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова : монография. – Москва: ЮРЛИТИНФОРМ, 2017. – 376 с.
11. *Дергилева С. Ю.* Проблемы применения мер чрезвычайного характера в трудах отечественных ученых-полицистов / Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы международной научной конференции, 28–29 апреля 2020 г. : в 2 ч. / под ред. Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург, 2020. – Ч. 1. – С. 277–286.
12. *Дергилева С. Ю.* Механизм государственного управления: предпосылки трансформации в начале XX века / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции, 28–29 апреля 2022 г. : в 2 ч. / под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 359–368.
13. *Биюшкина Н. И.* Становление российской науки полицейского права (XVII век – 80-годы XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1. – С. 11–14.
14. *Геворкян Д. С.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2015. – № 6. – С. 813–827; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16395>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16395.
15. *Геворкян Д. С.* Благотворительность в контексте осмысления функций государства (по работам В. Ф. Дерюжинского) // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2017. – № 11. – С. 122–132; <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.23749>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23749.
16. *Геворкян Д. С.* Общественное призвание – сфера полицейской деятельности (по работам В. Ф. Дерюжинского) / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 319–322.
17. *Козинникова Е. Н.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2016. – № 6. – С. 96–107; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.17901>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17901.
18. *Козинникова Е. Н.* Отечественные государствоведы об ограничении свободы печати как мере обеспечения режима исключительного положения в Российской империи в конце XIX века / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко [и др.]. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 54–60.
19. *Тарасов Н. К.* Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX – начала XX века // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 3 (31). – С. 18–24.
20. *Егоров Н. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2015. – № 6. – С. 801–812; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16396>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16396.html.
21. *Егоров Н. Ю.* Государственно-правовые воззрения И. Т. Тарасова: вклад в развитие полицейско-правовой теории / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, 19 мая 2023 г. : [Электронный ресурс] / редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 51–59.

22. *Егоров Н. Ю.* Представления о социальной сущности государства в западноевропейской полицейско-правовой теории XVIII–XIX вв. в оценке И. Т. Тарасова // *История, теория, практика российского права.* – 2019. – № 12. – С. 267–277.
23. *Егоров Н. Ю.* И. Т. Тарасов: вклад в становление административно-правовой науки / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции : в 2 ч., 28–29 апреля 2022 г.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – Ч. 1. – С. 1826–1833.
24. *Никифорова С. А.* Российская полицистика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // *Genesis: исторические исследования : сетевое издание.* – 2015. – № 6. – С. 828–843; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16389>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16389.html.
25. *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса : монография. – Москва: ЮРЛИТИНФОРМ, 2019. – 225 с.
26. *Ломова Т. В.* Российская полицистика второй половины XIX века: определение актуальных проблем управления государством / *Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, 23 декабря 2022 г. / сост. Э. Р. Миргородская.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 92–97.
27. *Ломова Т. В.* Виктор Викторович Ивановский: вклад в развитие теории государственного управления / *XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 16 декабря 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко.* – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 88–89.
28. *Ломова Т. В.* Государственно-правовые воззрения В. В. Ивановского как предмет исследования российских юристов (опыт историографического анализа) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.* – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 553–562.
29. *Зорькин В. Д.* Позитивистская теория права в России. – Москва: Издательство МГУ, 1978. – 269 с.
30. *Куприц Н. Я.* Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). – Москва: Издательство МГУ, 1980. – 168 с.
31. *Куликов С. В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. / *Проблемы истории общества, государства и права : сборник научных трудов, 26 мая 2019 г. / гл. ред. А. С. Смыкалин.* – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – Вып. 7. – С. 139–269.
32. *Соловей Ю. П.* Российское полицейское право: история и современность // *Государство и право.* – 1995. – № 6. – С. 75–85.
33. *Старилов Ю. П.* Административная юстиция : Теория, история, перспектива. – Москва: НОРМА, 2001. – 292 с.
34. *Бельский К. С.* Концепция административного права профессора В. В. Ивановского // *Государство и право.* – 2019. – № 4. – С. 112–122; <https://doi.org/10.31857/S013207690004660-8>.
35. *Стрекалин А. В.* Российская полицистика в лицах: Виктор Викторович Ивановский // *Genesis: исторические исследования : сетевое издание.* – 2015. – № 6. – С. 787–800; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16412>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16412.
36. *Апольский Е. А.* Государственно-правовые учения XIX столетия в диссертациях Казанского университета // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки.* – 2017. – Т. 159, № 2. – С. 307–323.
37. *Ломова Т. В.* Вопросы организации местного самоуправления в государственно-правовой концепции В. В. Ивановского / *Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2022 г.* – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2023. – Вып. 3. – С. 82–86.
38. *Ломова Т. В.* Проблемы формирования и функционирования бюрократии в теоретическом наследии В. В. Ивановского / *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : материалы XX международной научно-теоретической конференции : в 2 ч., 27–28 апреля 2023 г.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 257–266.

39. Ломова Т. В. Проблемы определения методологической основы исследования государства в теоретическом наследии полицеиста В. В. Ивановского / Санкт-Петербургские встречи молодых ученых : материалы I всероссийского конгресса адъюнктов, аспирантов и соискателей ученых степеней, 15 июня 2023 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 126–132.

40. Ломова Т. В. В. В. Ивановский о методологии изучения государства как социоюридического феномена / Прагматика гуманитарного знания: социально-правовые и философские аспекты : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 апреля 2023 г. / науч. ред. А. Е. Смирнов. – Иркутск: Издательство Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2023. – С. 126–130.

41. Нижник Н. С. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования : сетевое издание. – 2016. – № 6. – С. 183–194; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.21223>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21223.

42. Нижник Н. С. Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицеистов) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции, Новороссийск, 22–23 сентября 2016 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 30–34.

43. Алексеенко А. В., Варламова Н. В., Васильева Т. А. [и др.] Права человека: между прошлым и будущим : монография / под редакцией Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.

44. Нижник Н. С. Полицейское государство – социоюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 6. – С. 123–130.

References

1. Nizhnik N. S. Vzaimootnosheniya vlasti, obshchestva i lichnosti kak predmet politseysko-pravovoy teorii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 239–250.

2. Nizhnik N. S. Omnipotentsiya politseyskogo gosudarstva v otsenke rossiyskoy politseistiki // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 67–86; <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.24883>.

3. Nizhnik N. S. Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva / Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchnykh trudov pyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 3–4 maya 2019 g. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2019. – S. 155–163.

4. Nizhnik N. S. Politseysko-pravovaya teoriya: osnovnyye etapy stanovleniya v Rossii / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii) : materialy mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii : v 2 t., 28 aprelya 2016 g. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2016. – T. 2, S. 228–235.

5. Nizhnik N. S. Politseistika: osnovnyye etapy razvitiya politseysko-pravovoy teorii v Rossii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : sbornik statey Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii : v 2 ch., 21 dekabrya 2018 g. / pod red. V. L. Kubyshko: – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – Ch. 1. – S. 220–240.

6. Nizhnik N. S. Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State / Man, Society, Communication : Proceedings of International Scientific and Practical Conference Man. Society, 23–24 April, 2020, Veliky Novgorod, Russian Federation. – London, United Kingdom: European Publisher, 2021. – P. 1826–1835; <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.228>. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol108-msc-2020/bibliographic-information>.

7. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Politseysko-pravovaya teoriya kontsa XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub'yekte publichno-pravovykh otnosheniy v politseyskom gosudarstve // Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2020. – T. 45, № 4. – S. 750–760; <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-4-750-760>.

8. *Dergileva S. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Arkadiy Ivanovich Yelistratov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2015. – № 6. – S. 844–859; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16394>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16394.html.

9. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Gosudarstvennoye upravleniye: kontseptsii i praktika ikh realizatsii v usloviyakh kardinal'nykh peremen politiko-pravovoy sistemy Rossii / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya : sbornik trudov II Yezhegodnykh nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha, 25 noyabrya 2015 g. : v 2 t. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. – T. 1. – S. 169–173.

10. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh A. I. Yelistratova : monografiya. – Moskva: YURLITINFORM, 2017. – 376 s.

11. *Dergileva S. Yu.* Problemy primeneniya mer chrezvychaynogo kharaktera v trudakh otechestvennykh uchenykh-politseistov / Gosudarstvo. Pravo. Voyna (k 75-letiyu Pobedy sovet-skogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne) : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 28–29 aprelya 2020 g. : v 2 ch. / pod red. N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg, 2020. – Ch. 1. – S. 277–286.

12. *Dergileva S. Yu.* Mekhanizm gosudarstvennogo upravleniya: predposylki transformatsii v nachale XX veka / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, 28–29 aprelya 2022 g. : v 2 ch. / pod red. N. S. Nizhnik; sost.: N. S. Nizhnik, M. V. Savel'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – S. 359–368.

13. *Biyushkina N. I.* Stanovleniye rossiyskoy nauki politseyskogo prava (XVII vek – 80-gody XIX veka) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2011. – № 1. – S. 11–14.

14. *Gevorkyan D. S.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Fedorovich Deryuzhinskiy // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2015. – № 6. – S. 813–827; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16395>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16395.

15. *Gevorkyan D. S.* Blagotvoritel'nost' v kontekste osmysleniya funktsiy gosudarstva (po rabotam V. F. Deryuzhinskogo) // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2017. – № 11. – S. 122–132; <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2017.11.23749>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23749.

16. *Gevorkyan D. S.* Obshchestvennoye prizreniye – sfera politseyskoy deyatel'nosti (po rabotam V. F. Deryuzhinskogo) / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii, 23–25 aprelya 2018 g. / pod red. N. S. Nizhnik. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 319–322.

17. *Kozinnikova Ye. N.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Matveyevich Gessen // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2016. – № 6. – S. 96–107; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.17901>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=17901.

18. *Kozinnikova Ye. N.* Otechestvennyye gosudarstvovedy ob ogranichenii svobody pečati kak mere obespecheniya rezhima isklyuchitel'nogo polozheniya v Rossiyskoy imperii v kontse XIX veka / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnaushenko [i dr.]. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2020. – S. 54–60.

19. *Tarasov N. K.* Mery gosudarstvennogo prinuzhdeniya: plyuralizm podkhodov k klassifikatsii v teoreticheskoy yurisprudentsii Rossii kontsa XIX – nachala XX veka // Altayskiy yuridicheskii vestnik. – 2020. – № 3 (31). – S. 18–24.

20. *Yegorov N. Yu.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Ivan Trofimovich Tarasov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2015. – № 6. – S. 801–812; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16396>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16396.html.

21. *Yegorov N. Yu.* Gosudarstvenno-pravovyye vozzreniya I. T. Tarasova: vklad v razvitiye politseysko-pravovoy teorii / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 maya 2023 g. : [Elektronnyy resurs] / redkol.: I. A. Demidova (otv. red.) [i dr.]. – Mogilev: Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus', 2023. – 1 elektron. opt. disk (SD-R). – S. 51–59.

22. *Yegorov N. Yu.* Predstavleniya o sotsial'noy sushchnosti gosudarstva v zapadnoyevropeyskoy politseysko-pravovoy teorii XVIII–XIX vv. v otsenke I. T. Tarasova // *Istoriya, teoriya, praktika rossiyskogo prava.* – 2019. – № 12. – S. 267–277.
23. *Yegorov N. Yu.* I. T. Tarasov: vklad v stanovleniye administrativno-pravovoy nauki / *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR) : materialy XIX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii : v 2 ch., 28–29 aprelya 2022 g.* – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – Ch. 1. – S. 1826–1833.
24. *Nikiforova S. A.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Eduard Nikolayevich Berendts // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye.* – 2015. – № 6. – S. 828–843; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16389>. – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_16389.html.
25. *Nizhnik N. S., Nikiforova S. A.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh E. N. Berendtsa : monografiya. – Moskva: YURLITINFORM, 2019. – 225 s.
26. *Lomova T. V.* Rossiyskaya politseistika vtoroy poloviny XIX veka: opredeleniye aktual'nykh problem upravleniya gosudarstvom / *Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy : materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ad'yunktov, aspirantov i soiskateley, 23 dekabrya 2022 g.* / sost. E. R. Mirgorodskaya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 92–97.
27. *Lomova T. V.* Viktor Viktorovich Ivanovskiy: vklad v razvitiye teorii gosudarstvennogo upravleniya / XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii» : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kaliningrad, 16 dekabrya 2022 g. / otv. red. S. V. Veklenko. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2023. – S. 88–89.
28. *Lomova T. V.* Gosudarstvenno-pravovyye vozzreniya V. V. Ivanovskogo kak predmet issledovaniya rossiyskikh yuristov (opyt istoriograficheskogo analiza) // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki.* – 2023. – T. 9 (75), № 3. – S. 553–562.
29. *Zor'kin V. D.* Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii. – Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1978. – 269 s.
30. *Kuprits N. Ya.* Iz istorii gosudarstvenno-pravovoy mysli dorevolyutsionnoy Rossii (XIX v.). – Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1980. – 168 s.
31. *Kulikov S. V.* Gosudarstvenno-pravovoy diskurs, imperatorskoye pravitel'stvo i dumsкая oppositsiya v nachale XX v. / *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh trudov, 26 maya 2019 g.* / gl. red. A. S. Smykalin. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2019. – Vyp. 7. – S. 139–269.
32. *Solovey Yu. P.* Rossiyskoye politseyskoye pravo: istoriya i sovremennost' // *Gosudarstvo i pravo.* – 1995. – № 6. – S. 75–85.
33. *Starilov Yu. P.* Administrativnaya yustitsiya : Teoriya, istoriya, perspektiva. – Moskva: NORMA, 2001. – 292 s. 34. *Bel'skiy K. S.* Kontseptsiya administrativnogo prava professora V. V. Ivanovskogo // *Gosudarstvo i pravo.* – 2019. – № 4. – S. 112–122; <https://doi.org/10.31857/S013207690004660-8>.
35. *Strekalin A. V.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Viktor Viktorovich Ivanovskiy // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye.* – 2015. – № 6. – S. 787–800; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2015.6.16412>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=16412.
36. *Apol'skiy Ye. A.* Gosudarstvenno-pravovyye ucheniya XIX stoletiya v dissertatsiyakh Kazanskogo universiteta // *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki.* – 2017. – T. 159, № 2. – S. 307–323.
37. *Lomova T. V.* Voprosy organizatsii mestnogo samoupravleniya v gosudarstvenno-pravovoy kontseptsii V. V. Ivanovskogo / *Problemy yurisprudentsii i pedagogiki vysshey shkoly v rabotakh molodykh uchenykh : sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 noyabrya 2022 g.* – Belgorod: Belgorodskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii im. I. D. Putilina, 2023. – Vyp. 3. – S. 82–86.
38. *Lomova T. V.* Problemy formirovaniya i funktsionirovaniya byurokratii v teoreticheskom nasledii V. V. Ivanovskogo / *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (k 25-letiyu Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii) : materialy XX mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii : v 2 ch., 27–28 aprelya 2023 g.* – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – Ch. 1. – S. 257–266.
39. *Lomova T. V.* Problemy opredeleniya metodologicheskoy osnovy issledovaniya gosudarstva v teoreticheskom nasledii politseista V. V. Ivanovskogo / *Sankt-Peterburgskiy vstrechi molodykh uchenykh : materialy I vserossiyskogo kongressa ad'yunktov, aspirantov i soiskateley uchenykh*

stepeney, 15 iyunya 2023 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2023. – S. 126–132.

40. *Lomova T. V. V. V. Ivanovskiy o metodologii izucheniya gosudarstva kak sotsioyuridicheskogo fenomena / Pragmatika gumanitarnogo znaniya: sotsial'no-pravovyye i filosofskiy aspekty : materialy III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 aprelya 2023 g. / nauch. red. A. Ye. Smirnov. – Irkutsk: Izdatel'stvo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2023. – S. 126–130.*

41. *Nizhnik N. S. Politseyskoye gosudarstvo – gosudarstvo «vseobshchego blagodenstviya i vseobshchego schast'ya» // Genesis: istoricheskiye issledovaniya : setevoye izdaniye. – 2016. – № 6. – S. 183–194; <https://doi.org/10.7256/2409-868X.2016.6.21223>. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21223.*

42. *Nizhnik N. S. Politseyskoye gosudarstvo kak sredstvo dostizheniya vseobshchego schast'ya (po stranitsam rabot politseystov) / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novorossiysk, 22–23 sentyabrya 2016 g. / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdatel'skiy Dom – Yug, 2017. – S. 30–34.*

43. *Alekseyenko A. V., Varlamova N. V., Vasil'yeva T. A. [i dr.] Prava cheloveka: mezhdru proshlym i budushchim : monografiya / pod redaktsiyey T. A. Vasil'yevoy, N. V. Varlamovoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.*

44. *Nizhnik N. S. Politseyskoye gosudarstvo – sotsioyuridicheskiy fenomen: kharakteristika sushchnostnykh chert v otechestvennoy politseysko-pravovoy teorii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2018. – № 6. – S. 123–130.*

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 17, 2024; approved after reviewing July 10, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 34.023

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-68-95>

Надежда Степановна Нижник

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>, n.nishnik@bk.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности

Аннотация: **Введение.** Одна из разновидностей деформации правосознания – правовой инфантилизм, характеризующийся недостаточностью правовых знаний и отсутствием четко определенных правовых установок, – в XXI веке получил широкое распространение в различных странах мира и может быть охарактеризован как социальная пандемия. Несмотря на то, что правовой инфантилизм, наряду с правовым нигилизмом и правовым идеализмом, чаще других форм деформированного правосознания упоминается в российской научной и учебной литературе, и уже становится предметом обсуждения в ходе судебных разбирательств, до настоящего времени этот социоюридический феномен должного рассмотрения в юридической науке не получил. **Методы.** Основой методологии исследования правового инфантилизма как явления современной правовой реальности явилась диалектика, основными принципами исследования – принцип всесторонности изучения юридических процессов и явлений; принципы единства теории и практики, сознания и деятельности; принцип детерминизма. Исследование осуществлялось на основе системного и ценностного подходов. Методы целостности и ретроспективного анализа позволили при проведении историографического анализа определить разработанность темы исследования, выявить представления ученых различных научных специальностей о детерминантах формирования правового инфантилизма, его признаках и проявлениях в современной России. Важную роль играл социологический метод, позволивший охарактеризовать субъекты – носители правового инфантилизма. Используются общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов) методы правовых исследований. **Результаты.** Правовой инфантилизм рассмотрен как проявление деформации правосознания – разновидность социального инфантилизма. Определены предпосылки формирования правового инфантилизма, его отличительные черты; приведены примеры проявления в обыденной, профессиональной, научной деятельности; выявлены особенности правового инфантилизма молодежи как особой социальной группы. Сделан вывод о необходимости комплексного научного исследования правового инфантилизма как явления современной правовой действительности, как результата пробельного или недостаточного системного усвоения индивидом и социальной группой правовых норм и правовых ценностей. Обоснован вывод о том, что правовой инфантилизм представляет собой угрозу для поступательного прогрессивного развития государства и общества, в связи с чем в контексте определения направлений совершенствования государственно-правовой системы современной России правовой инфантилизм нужно рассматривать как общественную опасность.

Ключевые слова: деформация правосознания, социальный инфантилизм, правовой инфантилизм, криминальный инфантилизм, правовая безграмотность, практический правовой инфантилизм, инфантилизм современной молодежи

Для цитирования: Нижник Н. С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 68–95; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-XX-XX>.

Original article

Nadezhda S. Nizhnik

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3369-9490>. n.nishnik@bk.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality

Abstract: Introduction. Legal infantilism being one of the varieties of legal conscience deformation is characterised by insufficient legal knowledge and the lack of well-defined legal attitudes. It has been widely spread throughout the world in the XXI century and can be defined as a social pandemic. Despite the fact that legal infantilism, along with legal nihilism and legal idealism is more frequently described in Russian scientific and educational publications and has become a matter of concern in court proceedings, so far this socio-legal phenomenon has not received proper attention in legal science. **Methods.** The methodology of the research of legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality is based on dialectics. The main methods of the research were the principle of comprehensive study of legal processes and phenomena, the principles of unity of theory and practice, consciousness and activity, the principle of determinism. The research was carried out on the basis of system and value approaches. Methods of integrity and retrospective analysis made it possible to determine the development of the research topic, to identify the ideas of various scientific areas concerning the determinants of the formation of legal infantilism, its characteristics and manifestations in modern Russia during the historiographical analysis. The sociological method was an important one, it enabled to characterise the subjects - bearers of legal infantilism. General scientific (analysis, synthesis, generalisation, abstraction, historical) and special (historical-legal, interpretation of normative legal acts) methods were used. **Results.** Legal infantilism is examined as the manifestation of legal conscience deformation being a type of social infantilism. The paper defines the prerequisites for the development of legal infantilism, its distinctive features. It gives examples of manifestation in everyday, professional and scientific activities; and reveals the peculiarities of legal infantilism of the youth as a special social group. The study reveals the need for a comprehensive scientific analysis of legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality, as the result of a gap or insufficient systematic assimilation of legal norms and legal values by an individual and a social group. It is proved that legal infantilism is a threat to the progressive development of the state and society, in this regard, in the context of determining the ways to improve the state-legal system of modern Russia, legal infantilism should be considered as a public danger.

Keywords: legal conscience deformation, social infantilism, legal infantilism, criminal infantilism, legal illiteracy, practical legal infantilism, infantilism of the modern youth

For citation: Nizhnik N. S. Legal infantilism as a phenomenon of modern legal reality // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 68–95; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-68-95>.

Введение

Создание государства, в котором граждане будут чувствовать себя в безопасности и комфорте, возможно только благодаря общим усилиям. Построение правового государства, обеспечивающего права и свободы каждого человека, учитывающего интересы общества, отдельных групп и каждой личности, требуют активного участия всего населения страны. Результативным этот процесс может быть, если его движущей силой становятся граждане с активной жизненной позицией, проявляющие личную инициативу и стремящиеся решать социально значимые задачи. «Только по личной убежденности, в силу личного решения, [по собственной инициативе можно стать] честным, законопослушным, – подчеркивал И. А. Ильин, – без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке»¹.

«Задача права и правосознания» – «организовать мирное и справедливое сожительство людей на земле»². Правосознание – совокупность убеждений, идей, теорий, чувств и переживаний людей, которые отражают их отношение к праву и всему, что с ним связано, играет ключевую роль в правовом поведении. «Каждый, кто осознает, что на свете кроме

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания / сост. и авт. вступ. ст. И. Смирнов. – Москва: Парог, 1993. – С. 34.

² Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва: Зерцало, 2003. – С. 162.

него есть другие люди, [имеет правосознание], – пояснял И. А. Ильин. – Человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением»³. Именно правосознание определяет выбор модели правового поведения личности. Правомерное поведение, как правило, является результатом поэтапного формирования правосознания в соответствии с логической схемой: знание нормы права – признание социальной ценности правовой нормы – выполнение требований нормы права [1, с. 114]. Однако основой правового поведения могут быть и мотивационные составляющие, когда субъект: не знает содержания правовой нормы и не выполняет ее предписания; знает содержание нормы права, но ее требования не выполняет; знает содержание нормы права, признает ее социальную ценность, но требования нормы не выполняет⁴ [2].

Определению особенностей формирования правосознания и потенциала правосознания как регулятора правового поведения способствуют исследования, касающиеся правового сознания отдельных социальных групп: лиц, осуществляющих функции государственного управления⁵, лиц, осуществляющих юридическую деятельность⁶ [3], лиц, осуществляющих правозащитную деятельность⁷, сотрудников уголовно-исполнительной системы⁸, лиц, осуществляющих педагогическую деятельность⁹, молодежи¹⁰ [4], курсантов образовательных организаций МВД России¹¹, спортсменов¹² и др.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания ... – С. 78–80.

⁴ Яковлев А. М. Социальная структура общества и право : учебное пособие. – Москва: Норма, 2009. – 368 с.

⁵ Повный Д. А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011. – 203 с.; Акимова Т. И. Правовое сознание государственных гражданских служащих: теоретико-правовой анализ современных тенденций : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – 225 с.; Берзегова С. А. Правовая культура государственных служащих в контексте развития гражданского общества: на материале Республики Адыгея : дис. ... канд. соц. наук. – Майкоп, 2016. – 163 с.; Пожарский Д. В., Корабельникова Ю. Л., Степкин Е. Ю., Андреева И. А. [и др.] Правовое обеспечение государственного и муниципального управления : практическое пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 146 с.; Дробот М. А. Формирование социально-правовой позиции будущего государственного служащего : дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2023. – 213 с.

⁶ Гуренко Д. В. Социокультурные особенности профессионального правосознания в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 193 с.

⁷ Мельниченко Р. Г. Адвокатура России и зарубежных стран : учебник. – Волгоград: ПринТерра, 2007. – 199 с.; Ступак Н. Е. Методологический инструментарий управления условиями маркетинговой среды российского сегмента рынка услуг адвокатуры : дис. ... канд. экон. наук. – Сочи, 2007. – 154 с.; Грамматиков В. В. Деформация профессионального правосознания в современной России: на примере адвокатской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 241 с.

⁸ Шерменев М. А. Деформации профессионального правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы: общеправовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006. – 173 с.; Евстафеева Е. А. Правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными личностными характеристиками : дис. ... канд. психол. наук. – Челябинск, 2015. – 217 с.; Усев Р. З. Обеспечение безопасности : практикум. – Самара: Самарский юридический институт, 2021. – 100 с.

⁹ Панова Н. В. Психолого-педагогические условия снижения рисков профессиональных деформаций педагога : научно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: ИПКСПО, 2008. – 223 с.; Муслумов Р. Р. Психолого-педагогические условия развития правового сознания будущих учителей : дис. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 251 с.

¹⁰ Мартынов Л. В. Социальная адаптация студенчества российского среднепромышленного города: нормативно-ценностный аспект : дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – 125 с.; Ишкильдина Г. Р. Правосознание молодежи: Проблемы становления и эволюции в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2002. – 164 с.; Сунгатуллина Г. А. Формирование ценностных ориентаций молодежи на нравственный семейный образ жизни и здоровье : Опыт социального эксперимента : дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2004. – 271 с.; Иванова Т. М. Воспитание гражданственности студента в образовательном процессе : дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2005. – 191 с.; Косенко Ю. Л. Правовая социализация студенчества технических вузов: интеграционный аспект : дис. ... канд. социол. наук. – Новочеркасск, 2005. – 139 с.; Кротов Д. В. Социальный капитал российской молодежи: проблема воспроизводства : дис. ... д-ра социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 251 с.; Шайдуллин Т. Т. Состояние и тенденции развития политической культуры студенческой молодежи в современном обществе: социально-философский анализ : дис. ... канд. философ. наук. – Уфа, 2010. – 152 с.; Иванова Т. Н. Социально-трудовая мобильность современной молодежи: состояние и перспективы (региональная специфика) : дис. ... д-ра социол. наук. – Саратов, 2012. – 428 с.; Михайлюк А. Н. Особенности ценностно-смысловой сферы молодых людей – представителей различных молодежных субкультур : дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 177 с.; Пелевин С. И. Молодежь России в современном политическом процессе: технологии институционализации общественно-политической активности : дис. ... канд. полит. наук. – Армавир, 2012. – 162 с.; Магомедова Р. М. Организационно-педагогические условия формирования правового сознания студентов неюридического вуза : дис. ... канд. пед. наук. – Махачкала, 2013. – 172 с.; Шелест В. И. Социально-психологические детерминанты политического интеллекта у молодежи : дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2013. – 204 с.; Хисамов А. Р. Формирование правовой культуры как фактор развития личностного потенциала современной студенческой молодежи : дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2015. – 245 с.; Руденко К. И. Социологическое исследование деформаций правосознания российской молодежи в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI в. : дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2015. – 173 с.

¹¹ Безносов Д. С. Отношение к праву как проявление правового сознания курсантов вузов МВД РФ : дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 234 с.; Иванова А. М. Психосемантика индивидуального правосознания курсантов образовательных учреждений МВД России : дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 154 с.; Игнатов В. М. Формирование правосознания будущих экономистов правоохранительных органов в вузе МВД России : дис. ... канд. психол. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 162 с.; Крыжевская Н. Н. Психологические особенности предупреждения профессиональной деформации личности курсантов вузов МВД : дис. ... канд. психол. наук. – Ставрополь, 2012. – 195 с.

¹² Москалева Л. Н. Формирование правовой культуры у студентов физкультурного вуза : дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2006. – 159 с.; Рекша Ю. М. Методические основы формирования правовой культуры спортсменов в процессе профессиональной подготовки : дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2009. – 145 с.

Если человек не понимает, как функционирует правовая система, не признаёт ценность права, не следует правовым нормам, есть основания говорить о деформации его правосознания на разных уровнях: познавательном, аксиологическом, регулятивном.

Детерминантами деформации правосознания сегодня являются: множество и противоречивость модернизационных процессов в современном государстве, которые усложняют процесс правовой социализации граждан, включающий приобретение ими представлений о праве, усвоение навыков правомерного поведения, формирование установок на соблюдение закона; несовершенство правового языка и отдельных нормативных правовых актов, допускающее неоднозначную интерпретацию правовых предписаний и формирующее чувство незащищенности законом; юридическая безграмотность, не позволяющая верно толковать правовые нормы и, следовательно, отстаивать свои права и требовать исполнения обязанностей от других в рамках многообразных правовых отношений [5, с. 59–60]; другие факторы, не позволяющие гражданину существенно (позитивно) влиять на протекающие в обществе процессы.

Деформация правосознания – «изменение правосознания, связанное с нарушением адекватного восприятия сферы правового, приданием праву неправовых свойств» [6, с. 29], обуславливает формирование у субъекта ошибочной системы восприятия и оценки качеств права, способствует приданию праву вымышленных свойств. Деформации может быть подвержено правосознание и гражданина, стремящегося к познанию права и реализации правовых норм в повседневной жизни, и гражданина, допускающего нарушение правовых предписаний. Деформированное правосознание искажено отражает реальную общественную и личную правовую действительность, формирует негативное отношение к действующей системе права, законности и правопорядку в целом [7]. Человек, в сознании которого создан ложный образ права, способен использовать модель противоправного правового поведения.

Деформации правового сознания относятся к отдельному индивиду, но это не исключает того, что они могут проявляться в масштабе общества.

Деформация правосознания может проявляться на всех его уровнях – в обыденном, профессиональном, научном правосознании. Профессиональное правосознание выступает как идеал, а деформация – как любое отклонение от этого идеала [8, с. 11; 9, с. 99].

Используя различные критерии для систематизации проявлений деформации правосознания, ученые выделяют множество видов деформации правосознания: правовой идеализм, правовой романтизм, правовая демагогия, правовой фетишизм, правовой дилетантизм, правовой инфантилизм, нравственно-правовой конформизм, правовой эгоцентризм, правовой цинизм, правовой практицизм (прагматизм), правовой пессимизм, правовой популизм, правовую безответственность, негативно-правовой радикализм, правовой субъективизм, правовой нигилизм, правовой негативизм, перерождение правосознания.

Одна из разновидностей деформации правосознания – правовой инфантилизм – в XXI веке приобрел такое широкое распространение, что в условиях «радикальных изменений в тенденциях развития личности ... инфантилизм [стал] ... претендовать на титул социальной пандемии» [10, с. 228]. Однако до настоящего времени правовой инфантилизм должного рассмотрения в юридической науке не получил¹³ [1; 11–13].

Методы

Методологические принципы исследования правового инфантилизма как явления современной правовой реальности опираются на диалектику – общую методологию научного познания. Основными принципами исследования явились принцип всесторонности изучения юридических процессов и явлений; принцип единства теории и практики, сознания и деятельности; принцип детерминизма. Основными методологическими подходами исследования были определены системный подход (позволяющий охарактеризовать правовой инфантилизм как социоюридический феномен, являющийся подсистемой социального инфантилизма и элементом национальной правовой культуры) и ценностный подход (позволяющий определить ценности правового сознания, подвергающиеся деформации, в результате которой формируются атрибутивные черты правового инфантилизма). Методы целостности и ретроспективного анализа позволили при проведении историографического анализа определить степень разработанности темы исследования, выявить представления ученых различных научных специальностей о детерминантах формирования правового инфантилизма, признаках правового инфантилизма и его проявлениях в современной России. Важную роль при проведении исследования играл социологический метод, позволяющий на основе материалов

¹³ Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм (опыт теоретико-правового анализа социоюридического феномена) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 55–68; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-55-68>.

социологических опросов¹⁴ охарактеризовать субъекты – носители правового инфантилизма. При проведении исследования были использованы общенаучные (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, исторический) и специальные (историко-правовой, интерпретации нормативных правовых актов) методы правовых исследований.

Результаты

1. Правовой инфантилизм как научная проблема

Правовой инфантилизм как социоюридический феномен в научной литературе получил лишь фрагментарное описание, несмотря на то, что упоминания о нем содержатся в многочисленных трудах, посвященных проблемам правовой культуры, правосознания, деформирования правового сознания, характеристике правосознания отдельных социальных групп. Поэтому при определении степени разработанности темы исследования необходимо привлечение широкого круга работ по различным научным специальностям.

Признание права ценностью привлекло внимание исследователей к проблемам, касающимся его сущности и реализации. Было выявлено, что важную роль в формировании и реализации права играет правосознание. Правосознание выступает детерминантой всех преобразований правовой реальности от правотворчества до претворения правовых предписаний в жизнь. Меры, принимаемые для совершенствования национальной государственно-правовой системы, могут быть эффективными только при условии учета особенностей состояния правосознания и специфики его исторического развития.

Исследуя процессы социализации¹⁵ [14; 15], ученые выявили, что нормальная правовая социализация личности гражданина имеет исключительное значение при построении правового государства¹⁶; что правосознание, являющееся результатом правовой социализации, выступает фактором, способным либо существенно содействовать поступательному развитию государственно-правовой системы, либо являться детерминантой противодействия реформаторским преобразованиям.

Правосознание охарактеризовано как источник правового поведения личности¹⁷; как совокупность структурных элементов – правовой психологии и правовой идеологии, отражающая восприятие личностью ценностных ориентаций и определяющая стратегии правового поведения и правовой активности личности¹⁸.

Предметом исследования российских ученых стали факторы, оказывающие существенное воздействие на процессы формирования правосознания¹⁹, особенности правового сознания

¹⁴ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты : Аналитический доклад. – Москва: Институт социологии РАН, 2007. – 143 с.; Андреев А. Л. [и др.] Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – Москва: Весь Мир, 2011. – 325 с.; Культурный фронт: запросы и возможности [2017] // WCIOM : сетевое издание. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116048> (дата обращения: 29.03.2024); Радостные занятия [2018] // Левада-Центр (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) : [сайт]. – URL: <https://www.levada.ru/2018/05/24/radostnye-zanyatiya/> (дата обращения: 11.02.2024); Валерия Касамара : Современные студенты живут в «энергосберегающем режиме» // Российская газета. – 2018. – 8 ноября. – № 252 (7715); Конституция РФ: наши права и свободы [2018] // WCIOM : сетевое издание. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rf-nashi-prava-i-svobody> (дата обращения: 29.03.2024); Путешествие по отечественной истории [2023] // WCIOM : сетевое издание. URL: – <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁵ Орлова З. Н. Культура и антикультура в процессе социализации личности : дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 2004. – 185 с.; Рашева Н. Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 234 с.; Аминев А. Т. Механизм воздействия норм права на личность: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 219 с.; Игнатюк Ю. Л. Благо как критерияльное основание аутентичности культуры : дис. ... канд. филос. наук. – Тюмень, 2013. – 139 с.; Майкова Э. Ю. Социально-философская концепция автономии личности : дис. ... д-ра филос. наук. – Москва, 2016. – 317 с.

¹⁶ Рубчевский К. В. Социализация в современных условиях : Социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. – Красноярск, 2003. – С. 11, 31.

¹⁷ Шейфетдинова Н. А. Правосознание в механизме обеспечения экологической безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 248 с.; Денисенко И. К. Влияние правовой компетентности на правовое поведение личности в условиях трансформации современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2012. – 147 с.; Босхамд-жиева Н. А. Административно-правовые основы обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2013. – 369 с.

¹⁸ Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 181 с.; Фролов А. Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2018. – 284 с.

¹⁹ Пеклова А. Г. Социокультурные метаморфозы правового сознания : дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 136 с.; Баширов Т. А. Социально-философские аспекты становления и развития российского правосознания : дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2005. – 169 с.; Гирько А. А. Влияние российского менталитета на правовое сознание граждан в современных условиях : дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2006. – 180 с.; Осипов Р. А. Правовая информированность и правосознание граждан: вопросы теории : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – 215 с.

и проблемы его формирования в современной России²⁰. Методами различных наук была определена важная регулятивная роль правовой культуры и правосознания в трансформационных процессах современного государства, выявлены значение правовой установки и правовой инициативы в реализации права, а также предпосылки деформации правосознания и виды деформированного правового сознания. Предприняты попытки характеристики правового сознания отдельных социальных групп²¹ и населения отдельных регионов России [16; 17].

Определено, что отличительной чертой российского менталитета на различных этапах его исторического развития являлось многообразие проявлений деформированного правосознания различных видов²² [18], прежде всего правового нигилизма²³. Наиболее распространенными видами проявления деформации правового сознания в условиях становления и развития российской правовой системы в научной литературе также выделены правовой инфантилизм, правовой фетишизм, правовой идеализм, правовой релятивизм, правовой субъективизм и перерожденное правосознание.

2. Правовой инфантилизм – разновидность социального инфантилизма

Особенностью общественной жизни российского социума учеными был назван социальный инфантилизм²⁴ [19–24]. Название этого феномена опирается на понятие «инфантилизм», которое в научный оборот ввел французский психиатр Э. Ш. Ласег (1864), обозначая им «относительно планомерную задержку психического и физического развития» [11, с. 208; 25]. Медицинский термин был воспринят иными науками, и сохранение у личности привычек, поведения, нехарактерных для определенного возраста, получило название социального инфантилизма²⁵.

Психологи рассматривают социальный инфантилизм как сохранение в психике и повседневном поведении взрослого человека социально-психологических характеристик ребенка²⁶ [26–29]. Социологи анализируют инфантильность как социологическую проблему, рассматривая инфантильность как социальную болезнь и отдельный тип мировосприятия²⁷, обращают внимание на взаимосвязь социального инфантилизма и конформности, считая, что конформная стратегия поведения личности заключается в изменении собственных предпочтений, установок,

²⁰ Бондаренко М. В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 158 с.; Рябов Е. А. Правовое сознание и проблемы его формирования в современной России: социально-философский аспект : дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2003. – 181 с.; Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и стратегий поведения населения современной России : дис. ... д-ра социол. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 361 с.; Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 202 с.; Тамберг А. А. Правосознание в трансформируемой России: сущность, эволюция, преемственность : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – 179 с.; Скалина А. Н. Гражданственность в современной России: сущность, структура, типология : дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2009. – 165 с.; Балаклеев И. И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2012. – 252 с.; Муртазалиев М. М. Трансформация правовой культуры в контексте модернизации российского общества : дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2016. – 207 с.; Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2022. – 367 с.

²¹ Пшва В. В. Особенности правосознания жителей сельской местности : По материалам Краснодарского края : дис. ... канд. юрид. наук. – Майкоп, 2005. – 219 с.; Иванова Т. Н. Указ соч.

²² Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 222 с.; Евстратов А. М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920–1930-е годы: историко-теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 374 с.; Пермякова Т. В. Истоки российского тоталитарного сознания в контексте культуры : дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2004. – 140 с.; Гулипп А. А. Деформационные процессы в правосознании гражданского населения в постсоветский период : дис. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2005. – 147 с.; Бахарева А. Н. Формирование правосознания молодежи в 20-е годы XX века в Советской России: на примере Северо-Западного региона : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 159 с.; Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2009. – 404 с.

²³ Гулина О. Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России : дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2002. – 180 с.; Радьков О. С. Правовой нигилизм в России (Конец XX – начало XXI вв.) : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 170 с.; Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века : дис. ... канд. юрид. наук. – Грозный, 2020. – 205 с.

²⁴ Ткаченко В. Б. Российский правовой нигилизм : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2000; Радьков О. Н. Указ. соч.; Арбузов А. А. Правовой нигилизм: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2006. – 209 с.; Гуляихин В. Н. Правовая культура в России: природа и форм правовой культуры : дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 349 с.; Кумыкова Л. Г. Правовой нигилизм в сфере прав человека как форма деформации правового сознания : дис. ... канд. юрид. наук. – Нальчик, 2006. – 189 с.; Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 187 с.

²⁵ Павленок П. Д. Введение в профессию «Социальная работа» : курс лекций. – Москва: Инфра-М, 1998. – 172 с.

²⁶ Микляева А. В. Социально-психологический инфантилизм: закономерности формирования и проявления на различных этапах жизненного пути личности // Отчет о НИР. – Российский гуманитарный научный фонд. – 2018. – № 16-06-50031.

²⁷ Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры (Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь) : Критический анализ : учебное пособие / отв. ред. . В.А. Карпушин. – Москва: Наука, 1980. – 264 с.

мнений в угоду тем установкам, предпочтениям и мнениям, которые приняты большинством в данном обществе или группе людей [1, с. 115]. Успешная адаптация личности к новой социальной реальности, к новым общественным отношениям будет свидетельствовать о социальной зрелости человека, о проявлении социальной активности, толерантности, креативности, социальной ответственности, умении принимать сложные решения и поддерживать межличностные отношения. Инфантильная личность отличается иными характеристиками. В их числе: «безответственность, несамостоятельность, зависимость, социальная пассивность, маргинальность, аморальность, творческая стагнация и профессиональная и личностная деградация» [27, с. 195].

Детерминанты социального инфантилизма

Формирование социального инфантилизма во многом детерминировано особенностями функционирования общества, семьи, иных значимых для индивида социальных групп и связано с воспитанием личности и применением его родителями деструктивных стилей воспитания (деспотического воспитания, чрезмерной опеки, повышенного родительского контроля, постоянной необоснованной критики). С учетом новых реалий общества цифровизации «Интернет-общение, удаленные виды обучения и работы, различные мессенджеры часто являются детерминантами формирования инфантильных черт. ... Информационные технологии способны мгновенно передавать информацию о культурных ценностях, потребностях и т. д., теряя при этом часть своей глубины и уменьшая свою ценность для развития личности и самосознания человека»²⁸ [28, с. 65]. В молодежной среде социальный инфантилизм проявляется в образовательной деятельности как приоритетное стремление получить диплом об образовании, а не качественные знания; в научно-исследовательской работе – как подготовка «авторских» работ методом компиляции чужих произведений с отсутствием новых (своих) идей; в профессиональной деятельности – как длительный пассивный поиск работы, непрофессионализм и безынициативность; в общественной жизни – как полное отсутствие гражданской позиции [1, с. 116]. Инфантильная личность стремится к непринятию новых обязанностей, связанных с процессом взросления, и ответственности, избегая быть обремененной обязанностями²⁹ [29].

Социальный инфантилизм: распространение «без границ»

Социальный инфантилизм не имеет национального характера. Его проявления описаны учеными разных стран мира. Американский психолог Д. Кайли в работе «Синдром Питера Пэна: мужчины, которые так и не повзрослели» [30] охарактеризовал состояние молодых людей, которые боятся взрослой жизни с необходимостью самостоятельных решений и ответственности за их принятие и предпочитают «застрять» в детстве (1983). Растущие ряды «потерянных детей», по Д. Кайли, – свидетельство распространяющегося социального инфантилизма, при описании которого в научной и популярной литературе с конца XX века широко используют термин «синдром Питера Пэна», характеризующего социально незрелого взрослого человека.

Японский психиатр Т. Сайто как проявление социального инфантилизма в японском варианте описал феномен хикикомори (1998). В его работе «Хикикомори: бесконечная юность» [31] хикикомори (букв. «нахождение в уединении») – молодые люди, стремящиеся к социальному затворничеству, к полной социальной изоляции. У них нет умственной отсталости и психических патологий. Они сами себя добровольно и сознательно изолируют от окружающих и могут годами (и даже десятилетиями) не покидать дома. Находясь на иждивении у родителей, хикки отказываются учиться или зарабатывать на жизнь [32].

Отказ молодых людей заниматься постоянной работой, их стремление иметь временную или неполную занятость (в перспективе – в мире музыки или театра) стало реальностью общественной жизни Японии еще в 1980-х гг. Такую молодежь стали называть фритерами (*Freeters*) и в Европе, где социальный инфантилизм получил широкое распространение [33]. В начале XXI века для обозначения социальных затворников в Великобритании начали использовать аббревиатуру *NEET*, обозначающую «*Not in Employment, Education or Training*»

²⁸ Абдрахимова Р. Г., Григорьев В. А. Социальный инфантилизм молодежи как фактор, затормаживающий развитие современного общества // Социально-экономическое и научно-технологическое развитие: прогноз и перспективы : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, 22 декабря 2016 г. / ред. Н. А. Краснова. – Волгоград: Профессиональная наука, 2016. – С. 250–254.

²⁹ Павленок П. Д. Краткий словарь по социологии. – Москва: Инфра-М, 2000. – 270 с.; Степанищенко О. В. Политический инфантилизм как характеристика электорального поведения (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2006. – 175 с.; Абдрахимова Р. Г., Григорьев В. А. Указ. соч.

(не в образовании, занятости или обучении), в США – *basement dwellers* (букв. «обитатель подвалов»). Социально замкнутые молодые люди отождествляют себя с японскими хикикомори в Италии [34], Франции³⁰, Финляндии [35], Великобритании³¹, Южной Корее и Китае³², США и Австралии [36; 37]. Социальное затворничество самоопределяющихся хикикоморисов получило распространение в различных странах мира [38] и свидетельствует об интернациональном характере проблемы социальной изоляции [39].

К. Рейко, директор по исследованиям в Японском институте политики и обучения в сфере труда, констатировала, что, по данным правительства Японии, в 2010 году в стране насчитывалось 700 000 человек, ведущих образ жизни хикикомори, средний возраст которых составлял 31 год [33]. В числе хикикомори – возрастные затворники старше 40 лет (их называют первым поколением хикикомори), стаж изоляции которых более 20 лет. В государстве закономерно возникает обеспокоенность: как они будут интегрироваться в общество, когда их родители начнут умирать, а самим хикикомори будет по 60 лет, 40 из которых они провели в добровольной изоляции? Эта проблема получила в Японии название «Вызов 2030 года». Несмотря на то что установление точного числа хикикомори – задача чрезвычайной сложности, правительство Японии подсчитало, что в 2019 году в стране зафиксировано 1,15 млн хикикомори в возрасте от 15 до 64 лет [40, с. 118]. Это около 1 % населения всей страны. В 2020 году больше половины всех хикикомори перешагнули 40-летний возраст [40, с. 121], а тенденция роста числа социальных затворников приобрела устойчивость³³ [41]. Актуальность «Вызова 2030 года» обретает все большую остроту.

Стратегии безответственного поведения

Тревожный симптом инфантилизма – нежелание взрослеть – проявляется и в России. Исследование проблем, касающихся социального инфантилизма, в современной отечественной науке осуществляется в контексте рассмотрения вопросов: о социальной зрелости как балансе между адаптацией человека в социуме и обособления в нем³⁴ [42]; о формировании социальной зрелости личности во время обучения в образовательных организациях³⁵; о политической инфантильности как детерминанте гражданской позиции молодежи в современной России³⁶ [43–46]; о преодолении социально-профессионального инфантилизма обучающихся³⁷. Разработаны методика выявления уровня выраженности инфантилизма «Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи» (А. А. Серегина³⁸), диагностики сформированности социальной зрелости (А. А. Реан³⁹ [47; 48], Р. Г. Гурова⁴⁰ [49], Н. П. Лебедик [50], Н. А. Жесткова [51]).

Выявлены стратегии безответственного поведения, широко используемые в современной социальной действительности: «ангелочек» (умелое использование эмоций невинности и жалости к себе), «хам» (стратегия «нападение – лучшая защита», использование эмоционального шантажа и психологического насилия), «слепоглухонемой» (игнорирование просьб и требований, откладывание дел), «душка» (участие в помощи чужим, но бездействие в собственной семье) [10, с. 231–232].

³⁰ Gozlan M. Des cas d'«hikikomori» en France // Le Monde. – 2012. – 7 juin. – P. 3.

³¹ Хикикомори. – URL: https://vk.com/wall92616484_9645 (дата обращения: 11.06.2024).

³² Roemer K. Shutting Themselves In // The New York Times. – 2006. – Jan. 15.

³³ Корейша Д. 90 тысяч молодых японцев ежегодно испаряются без следа. В Японии даже существуют компании, помогающие всем желающим «навсегда исчезнуть» // Комсомольская правда. – 2023. – 23 октября.

³⁴ Мудрик А. В. Социальная педагогика : учебник. – Москва: Academia, 1999. – 184 с.; Мудрик А. В. Социализация человека : учебное пособие. – Москва: Академия, 2004. – 304 с.

³⁵ Каменова Е. Г. Развитие социальной зрелости студентов педагогического вуза : дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург, 2004. – 184 с.; Руднева И. А. Практико-ориентированные ситуации как средство формирования социальной зрелости студентов : дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 2011. – 205 с.; Руднева И. А., Серенко М. Н. Методика организации волонтерской деятельности молодежи: вопросы теории и практики : учебное пособие. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2014. – 191 с.

³⁶ Кулешова И. Н. Социально-психологические особенности политического мировоззрения студенческой молодежи: на примере провинциальных ВУЗов центра России : дис. ... канд. псих. наук. – Иваново, 2006. – 218 с.; Степанищенко О. В. Указ. соч.

³⁷ Шевченко А. Н. Педагогические технологии преодоления социально-профессионального инфантилизма учащихся колледжа : дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2005. – 162 с.

³⁸ Серегина А. А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи : дис. ... канд. псих. наук. – Москва, 2006. – 205 с.

³⁹ Реан А. А. Психология личности : социализация, поведение, общение : учебно-практическое пособие. – Москва: АСТ, 2007. – 407 с.

⁴⁰ Гурова Р. Г., Макарова Е. И. Педагогические проблемы социального формирования выпускников сельских школ : учебное пособие. – Иркутск: ИГУ, 1980. – 89 с.

Использование этих стратегий позволяет выделить различные модели социального взаимодействия:

– иждивенческий социальный инфантилизм: полное нежелание нести ответственность за себя и свою жизнь;

– социальный инфантилизм, проявляющийся в отдельных сферах общественной жизни (отстраненность от решения вопросов бытового жизнеобеспечения (бытовой инфантилизм); отстраненность от политической жизни, политическая безграмотность (политический инфантилизм); профессиональный (субъектно-деятельностный) инфантилизм; и др.) [52, с. 4–5].

Иждивенческий социальный инфантилизм демонстрируют лица различных возрастов. Учебно-научная социологическая лаборатория при кафедре общей и экономической социологии Тюменского государственного университета предприняла попытку выявить ценностные ориентации старшеклассников. Для этого было проведено социологическое исследование (декабрь 2013 – март 2014 года), респондентами которого стали 1 502 учащихся 10–11-х классов общеобразовательных учреждений Тюменской области (включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), Свердловской и Курганской областей. Для определения уровня социального инфантилизма школьникам был задан вопрос о значимости для них общественно-полезного труда: «Хотели бы вы жить, не занимаясь общественно полезным трудом, если бы такая возможность была?». Утвердительно ответил каждый четвертый старшеклассник (24 %), категорически отрицательно на данный вопрос отреагировала треть опрошенных (33 %), остальные затруднились с ответом (43 %) [52, с. 9]. «Полученные данные свидетельствуют о достаточно большом количестве потенциальных социальных иждивенцев, ориентированных на ценности потребления, а не созидания» [52, с. 9]. Среди тех, кто планировал продолжить обучение, каждый пятый рассчитывал на иждивенчество (22 %), а из тех, кто не собирался получать образование после школы, 46 % ориентировались на иждивенческий образ жизни. Жить, не занимаясь общественно полезным трудом, хотели бы 61 % респондентов-юношей и 39 % опрошенных девушек [52, с. 9]. Результаты социологического исследования позволили ученым сделать вывод о том, что на иждивенческую позицию ориентирована значительная часть молодежи. Число потенциальных иждивенцев с годами меньше не становится, а ориентация на иждивенчество стала обыкновением (в телевизионной рекламе в 2023 году на вопрос «Деда, а что тебе больше нравится – рыбачить или мастерить?» следует ответ: «Получать пенсию», и любознательный школьник восторженно восклицает: «Хочу быть, как деда, – не работать и получать деньги», и желает папе, чтоб тот тоже «был, как деда, – богатый и на пенсии!»).

Проявления социального инфантилизма в отдельных сферах общественной жизни имеют широкий спектр. В научном и повседневном дискурсе обсуждаются различные *виды социального инфантилизма* и социальной незрелости: личностный инфантилизм, учебный инфантилизм, профессиональный инфантилизм, правовой инфантилизм, политический инфантилизм, бытовой инфантилизм, регуляторный инфантилизм, нравственный инфантилизм, рефлексивный инфантилизм. При этом в большинстве случаев феномен социального инфантилизма изучается как определённый симптомокомплекс личностных черт, детерминирующих проявления незрелости в социальных отношениях [1; 48; 53], хотя учеными уже предложена методология научного исследования, основанная на принципах социального конструкционизма [54], позволяющая «анализировать данный феномен как продукт социального взаимодействия людей, в процессе которого осуществляется конструирование социокультурных представлений о критериях нормативного и ненормативного социального развития» [26, с. 148].

3. Правовой инфантилизм как атрибут современной правовой действительности

Разновидность социального инфантилизма – правовой инфантилизм. Несмотря на то, что правовой инфантилизм чаще других форм деформированного правосознания упоминается в российской научной и учебной⁴¹ литературе наряду с правовым нигилизмом и правовым

⁴¹ Например: Балковая В. Г. Основы теории государства и права : учебное пособие. – Владивосток: РТА, 2008. – С. 76; Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология : учебное пособие. – Москва: Питер, 2012. – С. 243; Горячковская Ю. М., Шабалина Е. В. Теория государства и права : учебное пособие. – Белгород: Издательство Белгородского университета кооперации, экономики и права, 2017. – С. 95; Ковалева В. В., Шаповалова Я. В. Теория государства и права : учебно-методическое пособие. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2017. – С. 79; Цечоев В. К., Швандерова А. Р. Теория государства и права : учебник. – Москва: Прометей, 2017. – С. 306; Чистяков Н. М. Теория государства и права : учебное пособие. – Москва: КНОРУС, 2017. – С. 202; Карташов В. Н. Теория государства и права : учебник. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2018. – 359 с.; Гриценко М. В., Летушева Н. И. Теория государства и права : учебник. – 14-е изд., перераб. и доп. – Москва: Академия, 2023. – С. 190; Никитин А. Ф., Никитина Т. И., Акчурин Т. Ф. Право. 10–11 класс. – Москва: Просвещение, 2022. – С. 53; Чернова Э. Р., Амиров Р. З. Теория государства и права : учебное пособие. – Уфа: Уфимский юридический институт, 2022. – С. 145.

идеализмом и уже становится предметом обсуждения в ходе судебных разбирательств⁴², этот социюридический феномен исследован мало⁴³.

«Современные авторы – исследователи деформаций правового сознания ограничиваются дефинированием понятия “правовой инфантилизм”, не проводя анализ предпосылок появления, признаков и видового разнообразия данной деформации правового сознания» [11, с. 209]. «Правовой инфантилизм представляется актуальной, но в то же время не имеющей всесторонней изученности и конкретизированных обоснований проблемой детской среды, ввиду чего представляется необходимым изучить данный феномен с точки зрения юридических наук, психологии, педагогики, культурологии, социологии, иных дисциплин и направлений»⁴⁴, – заключили участники круглого стола «Правовой инфантилизм: причины, факторы и способы профилактики», состоявшегося 30 августа 2023 г. в Челябинске⁴⁵, считая необходимым организовать научные исследования феномена правового инфантилизма.

Признаки правового инфантилизма

Правовой инфантилизм характеризуется несформированностью правового сознания, обусловленной недостаточностью правовых знаний и отсутствием четко определенных правовых установок (П. П. Баранов⁴⁶). Инфантильная личность отличается отсутствием потребности в юридической осведомленности, в получении знаний о своих правах и свободах, неготовностью поступать в соответствии с требованиями правовых норм, нежеланием реализовать предоставленные государством права и свободы, закрепленные в действующем законодательстве.

Отсутствие желания у конкретного индивида изучать правовые нормы, соблюдать их и вести себя в соответствии с ними не исключает участия в многочисленных и разнообразных правоотношениях. При этом индивид заинтересованности в изучении юридических основ общественной жизни не проявляет, желания получить информацию о своих правах и свободах не демонстрирует, реализовать свои права и свободы не стремится.

Для социально зрелого поведения субъект должен обладать знаниями о юридических фактах, юридически значимых связях и зависимостях, составляющими систему. Знание выступает в формах: «1) понимания идеи права, его логики, структуры, общих тенденций его развития; 2) обладания необходимой правовой информацией о способах и приемах реализации своих прав (технологии поведения), о практике защиты личностных свобод (в суде, в органах правопорядка, на месте происшествия и т. п.); методах решения важнейших юридических проблем, могущих возникнуть в настоящем и будущем»⁴⁷.

Полное отсутствие знаний о каком-либо элементе правовой действительности или забывание таких знаний составляет особую разновидность дефектности правосознания – пробел правосознания [55, с. 16]. Пробельность имеет место в условиях, когда из целостной системы знаний выпадают существенные ее элементы, прежде всего позитивное отношение к закону и другим правовым ценностям [55, с. 16]. От права такая личность отстраняется, относится к нему безразлично, воспринимая право как аморфное образование с неясными очертаниями и предназначением.

Различные проявления правового инфантилизма в современной науке характеризуют как правовую безграмотность и практический правовой инфантилизм. В случаях рассогласованности поведения индивидов с нормами права, отклонения правомерного поведения под влиянием традиционных или социально аффективных образцов говорят о правовой аномии⁴⁸ [56].

⁴² См.: Решение Курского районного суда Ставропольского края от 20.07.2018 г. № 2-262/18 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-stavropolskii-kraevoi-sud-stavropolskii-krai/> (дата обращения: 17.05.2024); Решение Ногинского городского суда Московской области № 2-2/19 от 29.01.2019 г. // Гражданское законодательство : [сайт]. – URL: [\(https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie_-2-2_19-ot-29.01.2019-noginskogo-gorodskogo-suda-\(moskovskaya-oblast\)](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/reshenie_-2-2_19-ot-29.01.2019-noginskogo-gorodskogo-suda-(moskovskaya-oblast)) (дата обращения: 17.05.2024); Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска № 1-672/20 от 18.03.2021 г. // Гражданское законодательство : [сайт]. – URL: [\(https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/prigovor_-1-672_20-ot-18.03.2021-lomonosovskogo-rayonnogo-suda-g.-arhangelska-\(arhangelskaya-oblast\)](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/prigovor_-1-672_20-ot-18.03.2021-lomonosovskogo-rayonnogo-suda-g.-arhangelska-(arhangelskaya-oblast)) (дата обращения: 17.05.2024).

⁴³ Кордобовская К. Е. Указ. соч.

⁴⁴ Вестник федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2023. – № 4. – С. 126.

⁴⁵ В Челябинске эксперты обсудили причины и способы профилактики правового инфантилизма у детей // Правительство Челябинской области : [официальный сайт]. – URL: <https://pravmin.gov74.ru/prav/news/view.htm?id=11263558> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴⁶ Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородской ВШ МВД Российской Федерации, 1993. – С. 482.

⁴⁷ Марченко Д. Э. Деаксиологическое правовое сознание и его формы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. – С. 46.

⁴⁸ Бороздина М. С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 148 с.; Геращенко Д. Г. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение : дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – 148 с.

Правовой инфантилизм существенно затрудняет возможность осуществления правосознанием его познавательной, оценочной и регулятивной функций. Четкая правовая установка на совершение правомерных или противоправных деяний у субъекта отсутствует [57, с. 172]. Д. Э. Марченко обращает внимание на то, что правовой инфантилизм дезавуирует базовые ценности: ценность знания правовых норм и принципов, способов и приемов их реализации; ценность позитивного ответственного отношения личности к своим правам и обязанностям, действиям, имеющим конкретные правовые последствия; ценность личной активности и гражданской инициативы⁴⁹.

Детерминанты правового инфантилизма

Предпосылки формирования правового инфантилизма разнообразны. Важную роль играют исторические детерминанты формирования общественного сознания и особенности национального менталитета.

Длительно существовавшее в России крепостное право закрепило установку на то, что народу думать ни о чём не нужно (все решения принимают барин и государь), упрочило осознание права как беспрекословного веления государственной власти. «Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа»⁵⁰, подчеркивал Б. А. Кистяковский, а ведь право – «единственная социально дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом; дисциплинированное общество и общество с развитым социальным порядком – тождественные понятия»⁵¹. Отстраненность широких слоев населения от права превратилась в особенность национального менталитета.

Стереотип безынициативности и конструкция «инициатива наказуема» (не только необходимостью реализации предложенного) окрепла в условиях безответственности коллективизма и возможности пожить за чужой счет в годы Советской власти, когда формировалась и уверенность в том, что о соблюдении прав советского гражданина должно заботиться государство. Годами возвращенная леность мысли и поступков – предпосылка социального (прежде всего правового) инфантилизма.

Постсоветская Россия призвала своих граждан к самостоятельным действиям. Однако граждане, общество и государство оказались к ним не готовы. «Общество уже не гарантирует и даже не обещает коллективных средств избавления от индивидуальных неудач. Людям предлагается (скорее даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [58, с. 201]. Энтропия и хаотизация общественной жизни конца XX века в начале нового тысячелетия сменились состоянием современной России, когда часто решение проблемы или реализация прав гражданина во многом или полностью зависят от чиновников, а не собственных усилий.

Предпосылками формирования правового инфантилизма в современной России стали:

- объективно существующее несовпадение публичных и частных интересов (для осознания личностью необходимости принимать во внимание интересы государства и общества требуются серьезные аргументы, основанные на разнообразных знаниях о правовой действительности и состоянии государственно-правовой системы страны);
- случаи наполнения законов правовыми нормами, не соответствующими интересам граждан;
- отсутствие в России четкого и прозрачного механизма исполнения законов (несовершенство механизма реализации правовых предписаний вызывает скепсис населения и в отношении законодательных органов, и в отношении органов исполнительной власти; имеют место случаи, когда лица, в чьи полномочия входит контроль за соблюдением реализации норм права, сами игнорируют правовые нормы);
- неэффективность системы наказаний, в рамках которой вынесенные решения на стадии исполнения не реализуются;
- коррумпированность и криминализация государственных органов и правоохранительных структур;
- сохранение представлений об отсутствии единого правового пространства в стране («Одни граждане находятся как бы выше закона, а другие – фактически вне закона, – комментирует

⁴⁹ Марченко Д. Э. Указ. соч. – С. 86.

⁵⁰ Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. – Москва, 1909. – С. 106.

⁵¹ Там же. – С. 141.

реалии правовой жизни современной России адвокат А. Г. Кучерена. – ... Люди, построившие свои дома на совершенно законных основаниях, получают судебное предписание, требующее снести эти строения за свой счет, только потому, что они каким-то образом помешали некоей могущественной корпорации. А коль скоро закон не защищает конкретного человека, этот человек также не считает нужным соблюдать закон. Зачем, скажем, платить налог с доходов, получаемых со сдачи квартиры, когда, во-первых, всё равно не проверят, а во-вторых, если и проверят, всегда можно будет сказать, что в квартире живет приятель, который ничего за нее не платит?»⁵²).

В таких условиях возникает стремление к «сильной руке». А это – свидетельство несформированности или деформации правосознания, наличия правового инфантилизма и правового нигилизма, которые ослабляют процессы правового регулирования, указывают на фрустрацию членов общества, укрепляют чувство незащищенности и способствуют распространению среди граждан противоправного поведения.

Общество, в котором распространены правовой инфантилизм и правовой нигилизм, имеет место правовая аномия – распад морально-ценностной системы, отличают индикаторы, в числе которых: «дисфункциональность системы государственного управления; существование теневого права; резкое падение легитимности власти в восприятии общества и, как следствие, высокий уровень недоверия населения к власти; растущий разрыв между социальными ожиданиями населения и реальным положением дел и результатами проводимых властью реформ, недостаточное реагирование власти на требования граждан; отсутствие гарантий соблюдения прав и свобод граждан, что влечет повышение уровня тревожности населения в связи с невозможностью получить реальную защиту своих прав по справедливости; критическая масса ошибок правосудия; равнодушие населения к судьбе своей страны и устранение граждан от участия в жизни своего государства»⁵³.

Правовой инфантилизм как элемент социальной реальности

Примерами проявления правового инфантилизма, характеризующегося как правовая безграмотность и практический правовой инфантилизм, являются многочисленные факты отсутствия знаний в области права. Белорусский исследователь А. В. Бреган сообщил о результатах социологического исследования, проведенного в 2007 году в Беларуси: 39,1 % респондентов указывали на недостаток знаний об основах действующего законодательства. На вопросы об источнике власти в Республике Беларусь правильно ответили 43,7 % опрошенных; о конституционных полномочиях Президента Республики Беларусь – 61,26 %. Было выявлено, что значительная часть молодых людей не понимает смысла важнейших юридических терминов (объяснить, что такое презумпция невиновности, смогли только 24,14 % опрошенных) и отличается несформированностью правовых установок (при ранжировании преступлений по степени их общественной опасности измену государству из 10 возможных позиций 43 % опрошенных поставили на 5–7-е места, еще 19,94 % – на 9–10-е места) [59, с. 16]. Учитывая, что доступность юридической информации, ее точность способны повысить уровень правовой культуры общества и отдельной личности, снизить распространенность деформаций правового сознания, в Республике Беларусь была разработана государственная программа правового информирования, направленная на снижение уровня правовой безграмотности и предусматривавшая создание более 180 бесплатных электронных банков правовой информации во всех населенных пунктах страны [59, с. 16–17].

В 2018 году Всероссийский центр изучения общественного мнения осуществил исследование, направленное на выявление того, насколько хорошо граждане России знакомы с содержанием Конституции своей страны⁵⁴. Большинство россиян сочли себя информированными о содержании Конституции Российской Федерации и ее основных положениях: 69 % респондентов зафиксировали наличие общих представлений об Основном законе государства, 6 % – наличие хороших знаний содержания Конституции. При этом почти четверть опрошенных (23 %) заявили об отсутствии каких бы то ни было представлений о статьях Конституции современной России.

⁵² Кучерена А. Г. Правовой нигилизм и инфантилизм // TRINON.RU : [сайт]. – URL: https://trinon.ru/chto-takoe-pravovoy-infantilizm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 17.03.2024).

⁵³ Чернобровкина И. С. В правовом ли государстве мы живем? Знаем ли мы свои права? Деформация правового сознания граждан. Правовой аспект социальной аномии. – URL: <https://www.9111.ru/questions/7777777722418453/> (дата обращения: 11.04.2024).

⁵⁴ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucziya-rf-nashi-prava-i-svobody> (дата обращения: 29.03.2024).

Изучение Конституции респонденты связывали с обучением в вузе (38 %) и школе (30 %). По собственной инициативе Конституцию штудировал каждый четвертый (23 %), а для 15 % опрошенных изучение Конституции было необходимо для осуществления профессиональной деятельности. Каждый пятый (18 %) не изучал Конституцию Российской Федерации совсем, а среди тех, кто получил неполное среднее образование, число не знакомых с Конституцией составило 42 %.

В каком году была принята Конституция России, две трети респондентов (66 %) не знают. Правильный ответ – в 1993 году – назвали только 13 % участников опроса. Еще 9 % опрошенных назвали 1991 год, а 5 % – 1992 год. При этом 22 % респондентов полагали, что в год принятия Конституции произошел августовский путч 1991 года, а 10 % утверждали, что в этот год приняли Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Каждый десятый (9 %) назвал дефолт. О конфликте Верховного Совета Российской Федерации и Президента Российской Федерации вспомнили 9 % наших сограждан.

Наиболее важными правами и свободами, провозглашенными в Конституции, опрошенные сочли: право на охрану здоровья (49 %), право на образование (45 %), право на труд (40 %), право на социальное обеспечение (38 %). Интерес к основам Конституции выразили 14 % опрошенных⁵⁵. Незнание положений Основного закона страны, отсутствие внимания к общегосударственным интересам – условие для укрепления правового инфантилизма.

Правовой инфантилизм демонстрируют граждане, которые, например, не знают, что им положен налоговый вычет при покупке жилья; молодые мамы, не представляющие, какие выплаты от государства или работодателя им положены; студенты, не имеющие информации о том, какие социальные программы для молодежи действуют в их регионе.

Пренебрежение правилами дорожного движения, невыполнение судебных решений, нарушение авторских прав дополняются сегодня негативными проявлениями правового инфантилизма в интернет-пространстве, случаями онлайн-буллинга и кибермоббинга, возможными благодаря отсутствию ответственности виртуальных пользователей.

Примерами проявления правового инфантилизма сегодня являются факты подписания гражданами различных договоров купли-продажи (приобретения жилья, автомобиля, зарубежного тура, медицинской страховки и т. д.), получения микрокредита без предварительного прочтения этих договоров. Удивительно потом их искреннее изумление от сложности созданной ситуации и невозможности разрешения проблемы «со временем само собой». Известный российский адвокат А. Г. Кучерена, профессионально занимаясь проблемами обманутых дольщиков, неоднократно подчеркивал, что истоки этих проблем не только в несовершенном законодательстве и сознательном мошенничестве недобросовестных застройщиков, но и в отсутствии должных знаний у дольщиков, которые, «прежде чем подписывать соответствующий договор, могли бы посоветоваться с юристом»⁵⁶.

О пробельности правовых знаний и нежелании граждан их самостоятельно получить для решения своих проблем часто сообщают практикующие юристы. Один из них описал типичную ситуацию: «Пришел клиент [40-летний мужчина]: нужно составить заявление на отмену судебного приказа. Похоже, до меня где-то уже был, ибо пришел в предпоследний день и основательно подготовленным – с характеристикой с места работы, справкой 2-НДФЛ и т. д. ... Печатаю заявление, он пока изучает свою справку 2-НДФЛ. И вдруг возмущенно подскакивает: “Это что, я за прошлый год заплатил налогов на 60 000 рублей???!?”. Схватил бумажку и ручку и путем нехитрых подсчетов выяснил, что это больше 10 % в месяц, то есть за год набегает полторы его месячных зарплаты. Возмущению гражданина не было предела ... вспомнил всех от Брежнева до Путина, обвинил во всем олигархов. Пока я дописывал заявление, думал об одном: рассказать ему еще про взносы в ПФР, ФОМС, ФСС или пусть спит себе спокойно? Решил не рассказывать...»⁵⁷.

Практический правовой инфантилизм – отсутствие оценочного правового мышления демонстрирует гражданин, который знает, что ему положен налоговый вычет при покупке жилья, но не понимает, как им воспользоваться. О неготовности поступать в соответствии с требованиями правовых норм свидетельствуют случаи, когда «гражданин, громко и справедливо возмущающийся беззаконием власть имущих, находит для себя возможным заклеить

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ URL: https://trinion.ru/chto-takoe-pravovoy-infantilizm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 17.03.2024).

⁵⁷ Юридические истории #68: Правовой нигилизм. – URL: https://pikabu.ru/story/yuridicheskie_istorii_68_pravovoy_nigilizm_6348213 (дата обращения: 11.03.2024).

номер автомобиля на платной стоянке, предложить взятку сотруднику ГИБДД, соглашается на получение “серой” зарплаты, приобретает заведомо контрафактную продукцию»⁵⁸. В таких условиях безразличного отношения к правовым предписаниям беззаконие будет воспроизводиться и процветать в новых и подчас экзотических формах.

Правовая безответственность формируется как результат несоответствия правовых ценностей индивида основным принципам действующего права. Правовая пассивность выражается в правовой безынициативности, в безразличии к нарушениям закона. Использование собственных прав граждан избегает: в выборах не участвует, не реализуя свое право на избирательную деятельность; право на судебную защиту при покупке некачественного товара не использует, а если ему становится известно о совершении правонарушений в отношении других лиц, то никаких действий для предотвращения правонарушения он не предпринимает.

Правовой инфантилизм в профессиональной деятельности

В профессиональной деятельности правовой инфантилизм проявляется в виде неряшливости выполнения служебных обязанностей, ремесленничества при осуществлении профессиональной деятельности, придания ей нетворческого характера, в допущении ошибок и брака, должностного произвола, основанного на незнании действующего законодательства и представлениях о своей служебной деятельности как не связанной правовыми обязательствами.

Незнание рождает в сознании субъекта лауну, касающуюся конкретной области правового регулирования, которая либо заполняется посредством бытового опыта и обыденного миропонимания, не во всех случаях соответствующими правовым предписаниям, либо так и остается незаполненной. Пробел в правовых знаниях в силу личностных качеств может быть использован для удовлетворения личных эгоистичных потребностей, совершения корыстных действий, наносящих вред общественному благосостоянию.

Инфантильные личности «часто живут в своем маленьком мире, порой боясь выйти наружу»⁵⁹, но при этом преуспевают по службе, потому что, с одной стороны, послушными, неконфликтными работниками начальству проще управлять, а с другой – профессиональные качества, отличные от личностных характеристик и состояния правосознания, бывают хорошо развиты (такие личности часто прекрасные креативщики – художники, дизайнеры, музыканты, рекламные копирайтеры)⁶⁰.

Правовой инфантилизм возможен и при наличии документа о юридической профессиональной подготовке: юридическое образование является «не гарантией сформированного профессионального правосознания, а первичным источником его формирования» [9, с. 99]. Правосознание профессиональных юристов, как и лиц других профессий, может быть подвержено деформации: в процессе профессиональной деятельности личность может приобретать такие качества и навыки, которые оказывают отрицательное влияние на решение профессиональных задач и ведут к нарушениям нравственно-этических и правовых норм. Деформация профессионального правосознания юристов представляет собой вероятное, но не обязательное следствие формирования и развития личности юриста.

Детерминантами профессиональной деформации являются прежде всего факторы, объективно отражающие особенности трудовой деятельности юристов: постоянный многосторонний контроль за профессиональной деятельностью юриста со стороны государственных органов; многократное участие в конфликтных ситуациях при взаимодействии с гражданами; постоянное общение с правонарушителями, иными недобросовестными участниками юридических процессов, вызывающее эмоциональное перенапряжение; высокая интенсивность труда, постоянная нехватка времени и нестабильный график работы; монотонность и однообразие труда; повышенная ответственность за результаты профессиональной деятельности⁶¹ [3; 60; 61]. Важными детерминантами профессиональной деформации личности юриста являются и факторы субъективного социально-психологического характера: недостаточная профессиональная подготовленность; эмоциональное выгорание; приобретение синдрома асоциальной перцепции – восприятия окружающих как потенциальных правонарушителей; разочарование в профессии [62, с. 119].

⁵⁸ URL: https://trinion.ru/chto-takoe-pravovoy-infantilizm?utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 17.03.2024).

⁵⁹ Что такое правовой инфантилизм. – URL: <https://aromolux.ru/articles/chto-takoe-pravovoy-infantilizm.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Кузнецов Р. А. Деформация профессионального правосознания юристов : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 194 с.; Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов и законность : учебное пособие. – Москва: Проспект, 2014. – 156 с.

Проявления деформаций профессионального правосознания работников правоохранительных органов может повлечь за собой серьезные последствия для гражданина⁶². Ошибки и произвол в работе следователя, судьи, прокурора, «установка на правоохранительное бездействие и непринятие необходимых по закону мер, административный зуд, произвольное толкование закона ... следование клише на обвинение (обвинительный уклон), установка на непогрешимость собственных актов и действий, стереотип закрытости, социальной засекреченности, ориентация на ужесточение наказания»⁶³, – проявления правового инфантилизма в профессиональной деятельности. Чертами профессиональной деятельности прокурора может стать ориентация на обвинение; у следователя может сформироваться правовая подозрительность, у оперативного работника – агрессивность [63, с. 24].

Случаи профессиональной деформации участников юридических процессов получают публичную оценку. Столкнувшись «с фактом профессиональной деформации компетентного юриста, а также с фактом абсолютного и демонстративного неуважения к ... выборному органу адвокатского самоуправления», само адвокатское сообщество констатирует наличие «опасной тенденции, которая порождается распространением среди части адвокатов ложной идеи о том, что суд – это “враг” адвоката, что с ним можно бороться, применяя любые средства, в том числе использование в публичных выступлениях ряда приемов – резких оценок, обобщений, метафор, гипербол, броских заголовков, призванных создать в общественном сознании “образ врага”»⁶⁴. Подобные выступления адвокатов следует рассматривать «не как конструктивную критику с целью исправления недостатков в работе судебных органов, а как стремление к дискредитации судебной власти»⁶⁵, игнорирование «закрепленных традициями российской адвокатуры и Кодексом профессиональной этики адвоката правил о том, что адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии, уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц»⁶⁶.

Ошибки юристов в процессе составления правовых актов или интерпретации правовых норм могут нарушать права и интересы граждан. Правовой инфантилизм юристов не безобиден: правонарушение не совершено, но результатом такого правомерного поведения могут стать искалеченные человеческие судьбы.

В условиях интенсивной юридизации многих сфер общественной жизни и увеличения количества частных отношений современный юрист может испытывать недостаток профессиональных знаний. Поэтому не случайно одним из важнейших требований, предъявляемых к профессии юриста, является самостоятельное постоянное и систематическое изучение нового законодательства и научной литературы по специальности. Однако, «как свидетельствует практика, для многих специалистов окончание учебы в вузе становится окончанием формирования профессионального интеллекта. Навыки практической деятельности, почерпнутые из сомнительных с точки зрения законности источников (например, в виде “опыта дяди Вани”), могут отрицательно сказываться, разрушать и без того хрупкий каркас правовой информированности, приобретенной в вузе. Личность специалиста останавливается в своем развитии и даже может деградировать в интеллектуальном отношении»⁶⁷. Безусловно, на возможности саморазвития накладывают отпечаток «чрезмерная служебная загруженность, специализация по рассмотрению однообразных юридических дел, накопление жизненной усталости, влияние социальной среды»⁶⁸ и другие факторы, но без самообразования успешная профессиональная деятельность в сфере практической юриспруденции невозможна.

⁶² Коробка В. Н. Деформация профессионального правосознания следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 9; Мещерякова А. В. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебно-методическое пособие. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2002. – С. 116; Черепашкин А. С. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции общественной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004. – С. 14; Бологаева О. С. Формирование профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел в условиях становления информационного общества : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2011. – С. 138; Копцов С. В. Эмпирические социологические исследования как инструмент оптимизации деятельности служб участковых уполномоченных полиции (на материалах Краснодарского края) : дис. ... канд. соц. наук. – Краснодар, 2017. – С. 13; Пересадына О. В. Теоретико-правовой анализ профессионального правосознания : На примере правосознания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 126.

⁶³ URL: <https://aromolux.ru/articles/chto-takoe-pravovoy-infantilizm.html> (дата обращения: 11.03.2024).

⁶⁴ Профессиональная деформация компетентного юриста. 2 ноября 2017 г. // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации : [сайт]. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/professionalnaya-deformatsiya-kompetentnogo-yurista/> (дата обращения: 26.02.2024).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Деформация правосознания. – URL: <https://helpiks.org/8-2364.html> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶⁸ Там же.

Криминально-правовой инфантилизм

Научные представления о правовом инфантилизме получили развитие в трудах психолога Д. В. Сочивко [64–71]. Вводя в научный оборот термины «криминальный инфантилизм» и «криминально-правовой инфантилизм», Д. В. Сочивко охарактеризовал криминальный инфантилизм не как «недоразвитие человека, а напротив, [как] сложившуюся форму взрослого (по существу, потребительского) сознания, обеспечивающую ему адаптацию к условиям жизнедеятельности, если окружение это позволяет» [23, с. 24].

Осуществляя поиск стратегических направлений психологической поддержки индивидуального развития человека и коррекции деструктивных отклонений, Д. В. Сочивко охарактеризовал криминальные и правопослушные типы личности и инфантилизма:

– криминальный инфантил – «маменькин сынок, потребитель, иногда тунеядец, не гнушается ложью и мелким (не опасным) воровством, которое нередко приводит к судимости из-за недооценки криминального содержания поступка» [23, с. 25–26]; его отличают социальная трусость, отсутствие сформированных морально-нравственных норм; имеет плохое образование; демонстрирует эгоцентризм, эгоизм, поверхностность во всем;

– правопослушный инфантил – «маменькин сынок, потребитель, иногда тунеядец, но способен оценить опасность лжи и воровства, поэтому делает это очень скрытно, иногда проявляя смекалку в устройстве собственных интересов за счет других» [23, с. 26], его отличает социальная трусость; имеет неплохое образование, проявляя глубину знаний в узкоспециальной области; демонстрирует эгоцентризм, эгоизм, поверхностность в мировоззрении и морали (вероятность судимости невелика);

– криминальная личность – «высокий уровень криминальной деструктивности личности; возможны варианты и хорошо скрываемого криминала, ловкий уход от уголовной ответственности» [23, с. 26]; его отличает осторожность; интеллект выше среднего, может иметь хорошее образование; демонстрирует хитрый эгоизм (вероятность судимости велика; на «зоне» – авторитетная личность) (учитывая способность к личностному росту, возможно психологическое исправление);

– правопослушная личность – «низкая криминальная деструктивность, способность к самореализации, глубокое осознание морально-нравственных норм, признание интересов других, духовная способность отдавать» [23, с. 26].

Криминально-правовой инфантилизм, по Д. В. Сочивко, являясь формой взрослого сознания и соответствующего (потребительского) поведения как способа адаптации к окружающей действительности, воздействует на разные стороны личности.

Для исследования индивидуального правосознания Д. В. Сочивко разработал опросную методику, позволяющую выявить личностные особенности: шкала «Правовой нигилизм» предназначена для оценки готовности отрицать правовые нормы при принятии решений в различных ситуациях [23, с. 32], наличия нигилистической установки нарушать правовые нормы всегда, когда это не грозит большой опасностью [23, с. 35]; шкала «Правовая безответственность» предназначена для оценки готовности отвечать за свои и своего ближайшего окружения поступки [23, с. 33] при уверенности в том, что все «необходимые решения нужно продавливать силой», пренебрегая знанием правовых норм и законностью действий [23, с. 29]; шкала «Правовая культура» предназначена для оценки личностной установки на знание правовых норм и их реализацию [23, с. 29, 30]; шкала «Правовой авантюризм» позволяет оценить потенциальные возможности «игр с законом» [23, с. 29, 30].

Д. В. Сочивко выделил типы поведения, сопряженные с криминально-правовым инфантилизмом:

1) формирующийся криминальный инфантилизм (духовное личностное состояние – неосознанность асоциального поведения; поведенческий девиз: «А что я такого сделал?»);

2) личностно-криминальный инфантилизм (духовное личностное состояние – проба и принятие асоциального поведения; поведенческий девиз: «Главное – чтобы никто не узнал»);

3) подавляемый криминальный инфантилизм (духовное личностное состояние – осознание и стыдливость асоциального поведения; поведенческий девиз: «Наплевать! Кому какое дело?! Мелочь, никто не заметит!»);

4) криминально-правовой инфантилизм (духовное личностное состояние – асоциальное поведение – норма; поведенческий девиз: «Если очень хочется (нужно), то все можно»);

5) правопослушный инфантилизм (духовное личностное состояние – стремление к нивелированию последствий асоциального поведения; поведенческий девиз: «Как-нибудь поосторожнее (что-то эгоистически нарушить)»);

6) постинфантильная личность (духовное личностное состояние – преодоление потребности асоциального поведения; поведенческий девиз: «Кто я: достойный человек или прохиндей?») [23, с. 26].

Проведенные исследования позволили сделать вывод о том, развитие правовой культуры позволяет реализовать потенциал позитивного влияния на личность. Системные интрапсихические взаимосвязи психодинамических типов криминально-правового инфантилизма личности и индивидуального правосознания создают основания для определения стратегических направлений психологической поддержки человека и коррекции его деструктивных отклонений – инфантилизация и криминализации личности.

Правовой инфантилизм как проявление деформации правосознания различных уровней

Большинством исследователей правовой инфантилизм рассматривается как «достаточно мягкая разновидность деформации правового сознания личности» [11, с. 209]. С учетом того, правосознание по глубине отражения правовой действительности может быть обыденным, профессиональным и научным, правовой инфантилизм по-разному может проявляться в правовом сознании разного уровня.

«Инфантилизм даже не следует относить к деформации правового сознания, – полагают А. М. Исмаилов и Н. В. Даничев. – Он является естественным при обыденном правосознании человека, его стихийном формировании. Рядовой гражданин не может иметь исчерпывающую базу знаний и профессиональных навыков в сфере юриспруденции ... Вполне естественно, что у “обычного” человека нет систематизированных и полных знаний, вследствие чего и возникают дилетантизм, пробелы в правовой базе, недостаточная сформированность взглядов, идей и концепций» [72, с. 118]. Недостаточность правовых знаний в условиях современного информационного поля – явление скорее естественное и закономерное, чем уникальное. Но оно становится свидетельством проявления правового инфантилизма при отсутствии правовых установок, позволяющих индивиду быть полноценным участником правовых отношений. Если потребности в получении знаний о своих правах и свободах нет, реализовать предоставленные государством права и свободы лицо не сможет. «Каждый взрослый гражданин все же должен обладать определенным обязательным минимумом правовых знаний, навыков и умений, которые позволяли бы ему быть полноценным участником общественных отношений» [11, с. 209].

Характеристику правового инфантилизма как разновидности только профессиональной деформации⁶⁹, черты правосознания только профессионального уровня следует признать зауженной. В основе проявлений правового инфантилизма в правосознании профессионального уровня, действительно, «лежит пробельность и невоспитанность правового сознания, определяемые недостаточными для успешной профессиональной деятельности юридическими знаниями и навыками выполнения служебных функций»⁷⁰, и правовой инфантилизм выражается «в несформированности личности как профессионального работника»⁷¹. Но правовой инфантилизм проявляется не только в сфере профессиональной деятельности и является характеристикой личности не только в сфере трудовых отношений.

Е. С. Зайцева полагает, что «учитывая, что правовой инфантилизм предполагает отсутствие или недостаточную сформированность правовых знаний, вряд ли это понятие можно использовать применительно к характеристике научного правосознания, поскольку научное правосознание формируется на базе глубоких правовых обобщений, знания закономерностей и специальных исследований социально-правовой действительности» [9, с. 98]. Е. С. Зайцева считает, что «правовой инфантилизм можно рассматривать как явление, характеризующее обыденное правосознание, но говорить о том, что это форма его деформации, вряд ли возможно, так как нет четких критериев необходимых правовых знаний, достаточных и нормальных для обычного гражданина. Для субъекта профессионального правосознания, имеющего юридическое образование и занимающегося профессиональной деятельностью, правовой инфантилизм следует понимать не как форму деформации правосознания, а как проявление несформированности профессионального правосознания» [9, с. 100]. Незрелость рационального компонента правосознания – правовой идеологии, действительно, может свидетельствовать о несформированности правосознания, а изменения эмоциональной составляющей правосознания – правовой психологии – о деформации правового сознания. Научный уровень правосознания, безусловно, предполагает глубокие систематизированные знания о правовой действительности. Но «нормальное правосознание», по словам И. А. Ильина, «отнюдь не сводится к верному знанию положительного права»⁷², правовое знание, лишенное структурно-логической

⁶⁹ Влияние стажа профессиональной деятельности на возникновение профессиональной деформации у сотрудников прокуратуры. – URL: <https://3uch.ru/textbook/iet/finb/rforiththevr#:~:text=Правовой%20инфантилизм%20представляет%20собой%20достаточно,и%20навыками%20выполнения%20служебных%20функций> (дата обращения: 17.05.2024).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Ильин И. А. О сущности правосознания ... – С. 23.

основы и практического компонента, может не сопровождаться реализацией известных правовых установок и следованием стереотипам социально активного правомерного поведения.

Особенности проявления правового инфантилизма на обыденном, профессиональном и научном уровнях правового сознания требуют исследования и научного осмысления.

Правовой инфантилизм как индикатор социальной зрелости молодежи

В числе актуальных проблем современной юриспруденции находится комплекс вопросов, связанных с формированием, проявлением и трансформациями правового инфантилизма у молодежи. Молодежь занимает особое место в социальной стратификации. Объективно она отличается особыми характеристиками: физиологически человек уже сформирован, но «его социально-культурное становление еще продолжается, активизируется освоение новых социальных ролей, адаптация к социально-образовательной и социально-профессиональной деятельности» [52, с. 8].

Правовой инфантилизм молодежи проявляется как пробельные знания о праве и современном государстве, которые не позволяют правильно осознавать правовую действительность, оценивать ее и выстраивать в соответствии с этой оценкой свое поведение. Типичным оказывается пример, приведенный сотрудником образовательной организации: «В прошлом году я была приглашена в судебное заседание для характеристики личности подсудимого, которого обвиняли по ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконный сбыт наркотических средств). Юноша, наш студент, целеустремленный, из хорошей полной семьи, пытался сбыть 0,36 грамма гашиша, при этом наивно полагая, что ему за это ничего не будет, так как “в Голландии легкие наркотики легализованы”. Когда он осознал, находясь в СИЗО, что ему грозит 3 года лишения свободы, с ним случился нервный срыв» [5].

Правовой инфантилизм молодежи формируется под мощным информационным воздействием различных средств массовой пропаганды, которая призывает: «Потребляй больше, думай меньше». Подростков и молодежь «призывают пить кока-колу, жевать жвачку и мечтать о навороченных смартфонах»⁷³. Неудивительно, что сформировалось «поколение пепси», так легкомысленно относящееся к жизни⁷⁴, а в общественном сознании укрепилась ориентация на стратегию потребления, а не созидания. В таких условиях молодежь утрачивает статус пионера нового, имеющего потенциал совершенствования государственно-правовой действительности. Молодые люди, не работая по своей профессии, а порой и не работая вообще, не генерируют новые блага, не развивают технологии, не влияют на окружающий их мир, стремясь «плыть по течению как можно дальше». Общество готовит ленивых и изнеженных представителей, большая часть которых становятся рядовыми потребителями, что в целом сказывается негативно на темпах развития страны.

Инфантилизм молодежи, как фиксируют исследования ценностей в современной России, нарастает, – констатировала политолог, социолог В. Касамара. Социологические исследования позволили выявить **особенности правосознания российской молодежи**:

– *пробельность знаний о государственно-правовых явлениях* (излагая последовательность исторических событий, современный молодой человек говорит, что «была Великая Отечественная война, а потом появился Владимир Путин»⁷⁵. Знания о советском периоде российской истории или отсутствуют, или минимизированы до незначительности. «Но если он не знает ничего про свою страну, то возникает вопрос: как можно испытывать эмоциональную привязанность к тому, чего ты не знаешь?»⁷⁶. По данным ВЦИОМ (март 2023 года), «молодежь 18–24 лет чаще представителей других возрастных групп заявляла, что скорее не интересуется историей своей страны (24 % vs. 8 % среди 25–34-летних, 10 % среди 35–44-летних, по 3 % в группах 45–59 лет и 60+)»⁷⁷ и готова к переписыванию истории, утверждая, что «написание истории – это бесконечный процесс, исторические события должны переосмысливаться»⁷⁸. Логичным в таких условиях является стремление руководства страны, чтобы знать историю России стало для молодежи не навязываемой необходимостью, а осознанной потребностью; чтобы на основании этой потребности, этого интереса к прошлому своей страны можно было воспитывать ответственного гражданина);

⁷³ Правовой инфантилизм как фактор негативного влияния на уровень правосознания в России. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/law/00133242_0.html (дата обращения: 10.02.2024); Российская газета. – 2018. – 8 ноября. – № 252 (7715).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Российская газета. – 2018. – 8 ноября. – № 252 (7715).

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ URL: – <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii> (дата обращения: 29.03.2024).

⁷⁸ Там же.

– *стремление отодвинуть срок вступления в новые социальные роли* («десять лет назад мы активно отговаривали студентов, которые спешили выйти на рынок труда ... на младших курсах; призывали их учиться. Сейчас же ребята не слишком торопятся пойти на работу. Они очень берегут себя. Они не хотят выходить из зоны комфорта. Они готовы в каникулы, скорее, отдыхать, чем пойти, например, на стажировку по своей специальности. То есть они живут в “энергосберегающем режиме” и максимально откладывают встречу с жизнью. Их родители говорят: ты учишься, а я буду продолжать кормить-поить тебя, твоя главная задача сегодня – учиться. Поэтому как же можно пойти работать, скажем, официантом, когда в это время ты должен книжки умные читать. Получается, что у них возможностей много, но они ими не воспользуются, пока учатся. А когда получают диплом о высшем образовании, у них существует искаженное представление о себе, как правило, очень завышенное. Ведь родители постоянно внушали, что они замечательные и распрекрасные. В итоге встреча с жизнью у них вызывает стресс»⁷⁹);

– *неготовность включаться в трудовую деятельность* (жизненным приоритетом молодые люди провозглашают самореализацию. Но встречу с жизнью максимально откладывают. Это показывает анализ позиции студентов, готовых уже на 2–3 курсе стажироваться и начинать работать. По результатам социологических исследований, таких сейчас немного. «Например, молодому человеку предлагают стажировку на нефтяном месторождении. Он на полном серьезе спрашивает, а дадут ли ему вертолет, чтобы он туда долетел, потому что он же победитель олимпиады. Или, бывает, человек говорит: вы мне предлагаете стажировку в июле, это все очень интересно, но я не могу в июле, давайте с сентября. Или даже так: “Мне нафиг не нужна ваша стажировка!”»⁸⁰);

– *неумение сочетать частные и публичные интересы* («хотят отдыхать, чем приводят в раздражение руководителей компаний ... Слово “надо”, которое было волшебным для многих предыдущих поколений, для нынешних молодых ничего не значит. У них есть “хочу – не хочу”, “нравится – не нравится”. И происходит столкновение двух миров – мира “надо” и мира “хочу – не хочу”»⁸¹);

– *стремление не брать на себя лишнюю нагрузку и ответственность* («они – прагматики; ... очень трезво оценивают свои силы, и сразу хотят понимать: если я это сделаю, что мне за это будет? Это прагматизм повсеместный. Вплоть до того, что когда вы даете учебное задание, тут же следует вопрос: если я его выполню, что мне за это будет?»⁸². Они боятся нового дела, потому что новое дело связано с риском, дополнительными нагрузками и обязанностями);

– *стремление жить в государстве-опекуне* (они – патерналисты: «все время говорят, что им хотелось бы стабильности и такого государства, которое бы их опекало, о них заботилось»⁸³. «Разделяют традиционные советские представления о социальной роли государства: ... государство должно заботиться обо всех гражданах, гарантировать им приличную работу; они ждут социальных гарантий и поддержки»⁸⁴. При этом им не чужда ориентация на рыночную экономику).

Увеличение числа инфантильных личностей составляет серьезную проблему для общества: «У нас сейчас кризис, потому что, с одной стороны, все понимают, что без самостоятельных, инициативных, готовых что-то взять на себя людей мы погибнем как страна, как цивилизация. А с другой – такие самостоятельные не нравятся начальникам. С инфантильными ведь проще – цыкнул и все»⁸⁵, – констатировала психолог Н. Толстых.

На смену поколениям, воспитанным на принципе «я должен» (своей семье, своей стране, Богу...), в разных странах мира пришло поколение «я хочу» (совокупляться, курить марихуану, быть свободным от семейных обязательств...). Чертой наступившей «эры свободы» стал рост преступности, который заставил вернуть смертную казнь, отмененную ранее как свидетельство признания ценности права на жизнь.

Социальное значение правового инфантилизма

Правовой инфантилизм обуславливает различные последствия для общества: субъекты – носители правового инфантилизма, не обладая правовой информацией полного объема, не могут оценить соответствие своих действий правовым предписаниям; не придавая

⁷⁹ Российская газета. – 2018. – 8 ноября. – № 252 (7715).

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ URL: https://otherreferats.allbest.ru/law/00133242_0.html (дата обращения: 10.02.2024).

должного значения правовым нормам, не реализуют свои возможности в разных сферах общественной жизни; не обладая знаниями о правовой действительности, легко становятся жертвами мошенников и вовлекаются в коррупционные схемы; не осознавая важность моральных ценностей, руководствуются лишь собственными желаниями и интересами, проявляя эгоизм и непринятие правил сообщества; не осознавая своей ответственности перед законом и обществом, нарушают права и свободы других граждан; не соблюдая законы в сфере налогообложения или защиты прав собственности, способствуют ухудшению делового климата и уменьшению инвестиций; пренебрегая ответственностью за правонарушения, пытаются избежать наказания, используя различные уловки и обман; и т. д. В итоге в обществе снижается авторитет моральных ценностей, получает распространение безнравственное поведение, снижается осознанность гражданами своих прав и обязанностей, растет число правонарушений и действий преступного характера, снижается доверие к государственной власти и ее правовым предписаниям, подрывается вера граждан в справедливость. Правовой инфантилизм осложняет функционирование механизмов правового регулирования, препятствует развитию правовой культуры, способствует появлению и усилению социальных и экономических проблем⁸⁶ [73–75]. Правовой инфантилизм выступает предпосылкой для формирования атмосферы неуважения к закону и деятельности правоохранительных органов, восприятию права как совокупности произвольных действий представителей исполнительной власти и оправдания беззакония, антисоциального поведения молодежи. Безусловно, связь между проявлениями правового инфантилизма и ростом социальных проблем не всегда является прямой и очевидной, но сомневаться в ее существовании оснований нет.

Обеспокоенность общественности распространением правового инфантилизма выразилась в придании этим проблемам открытого гласного характера, требующего внимания к их решению. 30 августа 2023 г. в Челябинске был организован и проведен круглый стол «Правовой инфантилизм: причины, факторы и способы профилактики». С экспертными докладами выступили представители аппарата Уполномоченного по правам человека в Челябинской области, Главного управления юстиции региона и Следственного управления Следственного комитета России. В дискуссии приняли участие ведущие юристы области, представители Адвокатской палаты и Ассоциации юристов России, психологи и медиаторы, охарактеризовавшие тенденции распространения правового инфантилизма. Участниками круглого стола стали активисты школьных самоуправлений, участники движения детей и молодежи «Движение Первых»⁸⁷.

Участники круглого стола «Правовой инфантилизм: причины, факторы и способы профилактики», приняли резолюцию, в которой подчеркнули, что «осознавая актуальность проблемы развивающегося правового инфантилизма, выраженного в низком уровне правосознания, чувства ответственности относительно поведения в рамках права, несформированности, недостаточности правовых знаний и установок и учитывая необходимость формирования новых подходов в правовом просвещении и повышении правового активности подрастающего поколения»⁸⁸, необходимо:

- организовать исследования феномена правового инфантилизма;
- проанализировать реализацию правового просвещения в общеобразовательных организациях;
- определить векторы формирования целостной непрерывной системы правового просвещения;
- актуализировать содержание и восприятие правового просвещения;
- разработать новые и актуальные материалы в рамках правового просвещения, в т. ч. в рамках медиа- и цифровых ресурсов;
- организовать просвещение родительской общественности в области защиты, реализации и поощрения прав и свобод ребенка;
- увеличить объемы правового просвещения в отдаленных территориях;
- содействовать открытости и прозрачности государственных и правоохранительных органов для детей;

⁸⁶ Способы преодоления правового инфантилизма. – URL: <https://vitavision.ru/sposoby-preodoleniya-pravovogo-infantilizma> (дата обращения: 10.02.2024).

⁸⁷ URL: <https://pravmin.gov74.ru/prav/news/view.htm?id=11263558> (дата обращения: 17.07.2024); Вестник федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2023. – № 4. – С. 126; «Давайте услышим детей!». – URL: https://t.me/fondprav_russia/122 (дата обращения: 18.06.2024).

⁸⁸ Вестник федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2023. – № 4. – С. 126.

- демонстрировать имеющиеся формы позитивной правовой активности детей как альтернативы деструктивному поведению;
- проработать способы правовой адаптации детей, находящихся в социально опасном положении и нарушивших нормы права;
- изучить форматы создания системы правового наставничества;
- сформировать механизмы приоритетной поддержки инициатив детей, направленных на защиту, реализацию и поощрение прав и свобод ребенка;
- определить и актуализировать способы правового информирования и консультирования детей⁸⁹.

Широкий круг участников мероприятия, постановка в дискуссии социально значимых вопросов, формулировка предложений, направленных на профилактику правового инфантилизма детей, развитие методов правового просвещения и повышение правовой активности подрастающего поколения свидетельствуют о придании проблеме распространения правового инфантилизма значения общественной опасности.

Заключение

Правовой инфантилизм, являясь формой проявления деаксиологического правового сознания, является индикатором уровня правовой социализации и маргинальности сознания индивида и социальной группы. Д. Э. Марченко, предлагая пути преодоления деаксиологического правового сознания [76], обращает внимание на значение консолидирующей ценностно-ориентированной идеологии, способной «заполнить ценностно-смысловой “вакуум”, возникший на платформе социалистической идеологии, не отрицая предыдущего опыта, а вбирая в себя все лучшие ценностные и правовые конструкции»⁹⁰. Консолидирующая правовая идеология должна быть направлена на рациональные и иррациональные компоненты правовой психологии с целью формирования адекватных ценностных стереотипов, основанных на потребностях и интересах общества и отдельной личности⁹¹, акцентировать внимание на положительных сторонах действительности и аккумулировать информацию, обладающую консолидирующим эффектом.

Перед юридической наукой стоит задача комплексного исследования правового инфантилизма как явления современной правовой действительности, как результата пробельного или недостаточного системного усвоения индивидом и социальной группой правовых норм и правовых ценностей, безответственного отношения к правовым предписаниям и ценностям права.

Правовой инфантилизм представляет собой угрозу для поступательного прогрессивного развития государства и общества, в связи с чем в контексте определения направлений совершенствования государственно-правовой системы современной России правовой инфантилизм нужно рассматривать как общественную опасность.

Список литературы

1. *Нижник Н. С.* Правовой инфантилизм как вид деформации правового сознания: атрибутивные черты и особенности проявления / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей, 17 мая 2024 г. / редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. – С. 113–122.
2. *Мороз Р. В.* О правовом инфантилизме и правовом нигилизме военнослужащих // Право в вооруженных силах. – 2004. – № 4 (82). – С. 54–58.
3. *Пересадына О. В.* Профессиональное правосознание юристов : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2020. – 131 с.
4. *Гусейнов А. Ш., Шиповская В. В.* Молодежный экстремизм: психологические факторы риска, система профилактики и преодоления : монография. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – 330 с.
5. *Киселева Л. А.* Правовой инфантилизм и правовой нигилизм / Российская повседневность: история, современное состояние и перспективы развития: материалы Первой Всероссийской конференции, посвященной Году истории в России / редкол.: Е. В. Бородина, Е. Ю. Литвинец, А. В. Чевардин. – Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2013. – С. 59–61.
6. *Лагун Д. А.* Кризис и деформация правосознания / Право и демократия : сборник научных трудов. – Минск: Белорусский государственный университет, 2015. – Вып. 26. – С. 22–37.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Марченко Д. Э. Указ. соч. – С. 133.

⁹¹ Там же. – С. 132–141.

7. Ковалев С. А. Деформация правосознания как фактор противоправного поведения личности // История государства и права. – 2009. – № 13. – С. 35–38.
8. Горбатова М. К., Домнина А. В. Профессиональное правосознание как элемент правовой культуры общества // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 9–12.
9. Зайцева Е. С. Правовой инфантилизм: проблемные вопросы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 3 (62). – С. 98–100.
10. Михайлова О. Б., Агафонов М. С. Прогрессирующий инфантилизм личности: ретроспектива причин и современные направления профилактики // Человеческий капитал. – 2022. – № 7 (163). – С. 228–235; [https:// doi.org/10.25629/НС.2022.07.25](https://doi.org/10.25629/НС.2022.07.25).
11. Осипов Р. А. Правовой инфантилизм как деформация правосознания личности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 207–214; [https:// doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214).
12. Кордобовская К. Е. Правовой инфантилизм как проявление правового сознания / Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, 19 мая 2023 г. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. – С. 85–88.
13. Кордобовская К. Е. Дефекты и деформация правосознания как проявления его деаксиологизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – С. 53–63.
14. Антонян Ю. М., Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М. Современное рабство : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 175 с.
15. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация : сборник. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 348 с.
16. Правовое сознание населения Республики Саха (Якутия) в социологическом измерении: данные, анализ, дискуссии : сборник / отв. ред. В. Б. Игнатьева. – Якутск: Издательство Института проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН, 2004. – 101 с.
17. Немировский В. Г., Немировская А. В., Кочина Е. А. [и др.] Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009—2011 гг.) : монография. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – 221 с.
18. Абдурахманова И. И. Массовое правосознание в России в начале XX в.: факторы формирования и механизм трансформации (1900–1917 гг.) : монография. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2007. – 379 с.
19. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3–25.
20. Гуляихин В. Н. Правовой нигилизм в России : монография. – Волгоград: Перемена, 2005. – 279 с.
21. Марченко Д. Э. Правовой нигилизм, правовой идеализм и правовой инфантилизм как формы деаксиологического правового сознания : монография. – Самара: Научно-технический центр, 2006. – 113 с.
22. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 4(87). – С. 17–33.
23. Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 2. – С. 24–39.
24. Букина Е. Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм / Философия, социология, право: традиции и перспективы : сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН, 19–20 ноября 2020 г. – Новосибирск: Офсет, 2020. – С. 191–196.
25. Абдрахимова Р. Г. Исторические аспекты возникновения термина «инфантильность» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 3(45), ч. 5. – С. 6–10; [https:// doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.068](https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.068).
26. Микляева А. В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2 (95). – С. 147–157; [https:// doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157](https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157).
27. Михайлова О. Б. Инфантилизм молодежи как проблема современного общества / Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Ялта, 13–15 октября 2021 г. – Симферополь: Ариал, 2021. – С. 195–199.

28. Башкирцев В. И. Исследование феномена «инфантилизм» в зарубежной науке // Социальные отношения. – 2022. – № 1 (40). – С. 60–71.
29. Демиденко А. С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10, № 3-1. – С. 143–149; <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-143-149>.
30. Kiley D. The Peter Pan syndrome: men who have never grown up. – New York: Dodd, Mead, 1983. – 298 p.
31. Tamaki S. Hikikomori: adolescence without end (Shakaiteki Hikikomori: Owaranai Shishunki) / Angles J. (trans.). – Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota Press, 2013. – 187 p.
32. Horiguchi S. Hikikomori: adolescence without end (Shakaiteki Hikikomori: Owaranai Shishunki) // Social Science Japan Journal. – 2015. – Vol. 18. no 1. – P. 138–141; <https://doi.org/10.1093/ssjj/jyu026>.
33. Reiko K. Youth Employment in Japan's Economic Recovery: "Freeters" and "NEETs" // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. – 2006. – Vol. 4. no 5. – URL: <https://apjff.org/kosugi-reiko/2022/article> (дата обращения: 15.07.2024).
34. Beccaria F., Scavarda A., Roggero A., Rabaglietti E. Protective and risk factors for social withdrawal in adolescence // Modern Italy. – 2022. – Vol. 27, no 3. – P. 259–276; <https://doi.org/10.1017/mit.2022.10>.
35. Husu H.-M., Välimäki V. Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish 'Hikikomori' // Journal of Youth Studies. – 2017. – Vol. 20, no 5 – P. 605–621; <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1254167>.
36. Войскунский А. Е., Солдатова Г. У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. – № 3 (105). – С. 22–43; <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>.
37. Mikhailova O. B., Gutvajn N. Growing infantilism in modern adolescents and young people: symptoms and causes // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 39–53; <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53>.
38. Salminen-Tuomaala M., Haasio A., Naka H. Meaning of the family and family communication – Experiences of Hikikomoris // Clinical Nursing Studies. – 2021. – Vol. 9, no 2. – P. 1-12; <http://doi.org/10.5430/cns.v9n2p1>.
39. Coeli G., Planas A., Soler P. The relevance of educational contexts in the emergence of Social Withdrawal (hikikomori). A review and directions for future research // International Journal of Educational Development. – 2023. – Vol. 99, no 1. – P. 102756; <http://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2023.102756>.
40. Кэммоку А., Кузнецова Е. Безвыходное положение // Вокруг света. – 2020. – № 6. – С. 116–123.
41. Нагорнова А. Ю. Характеристика ценностей японской молодежи и синдром хикикамори // Социальная компетентность. – 2018. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 84–88.
42. Мудрик А. В. Социализация и воспитание. – Москва: Сентябрь, [1997]. – 96 с.
43. Степанищенко О. В. Политехнический инфантилизм и его влияние на формирование системы ценностей в современном обществе : монография. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2008. – 152 с.
44. Степанищенко О. В. Молодежь как объект государственной политики : монография. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2011. – 100 с.
45. Степанищенко О. В. Политические ценности в системе ценностных ориентаций : монография. Краснодар: [б. и.], 2011. – 148 с.
46. Степанищенко О. В. Политические ценности молодежи Краснодарского края (по материалам исследований 2008–2010 гг.) : монография. – Краснодар: Кубанский государственный технологический университет, 2011. – 100 с.
47. Реан А. А. Психология личности. – Москва: Питер, 2016. – 286 с.
48. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности : Анализ. Теория. Практика. – Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.
49. Социальная зрелость выпускников сельских средних школ : сборник научных трудов / под ред. Р. Г. Гуровой. – Москва: НИИ общей педагогики, 1981. – 112 с.
50. Лебедик Н. П. Методика определения типа социальной зрелости школьника // Школьные технологии. – 2016. – № 2. – С. 131–140.
51. Жесткова Н. А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2 (14). – С. 128–136.

52. *Ефимова Г. З.* Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества // *Наукоеведение : сетевое издание.* – 2014. – № 6 (25). – С. 9; <http://doi.org/10.15862/09PVN614>. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf>.
53. *Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л.* Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация // *Образование и наука.* – 2016. – № 3 (132). – С. 89–106.
54. *Герген К. Дж., Вархус Л., Уортэм С.* Социальная конструкция в контексте / [пер. с англ. А. А. Киселева, Ю. С. Вовк]. – Харьков: Гуманитарный центр, 2016. – 328 с.
55. *Антонова А. В.* Правовой инфантилизм как форма деформации правосознания // *Вестник научных конференций.* – 2017. – № 9-3 (25). – С. 16–17.
56. *Малько А. В.* Юридическая аномия: общетеоретический анализ // *Юридическая наука.* – 2023. – № 8. – С. 257–262.
57. *Малиновский А. А.* Правовой эгоцентризм как разновидность деформации индивидуального правосознания // *Правоеведение.* – 2008. – № 6. – С. 171–181.
58. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. – Москва: Логос, 2002. – 324 с.
59. *Бреган А. В.* Правовой инфантилизм / *Белорусское право во времени и пространстве: сборник материалов республиканской научно-теоретической конференции студентов и аспирантов «Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации», 23 октября 2007 г. и студенческой научно-теоретической конференции «Каштоўнасці і ідэалы бел. паліт.-прав. думкі эпохі Рэнэсанса і сучаснасць», 18 декабря 2007 г. / редкол. И. В. Вишневская (отв. ред.) [и др.].* – Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2008. – С. 15–17.
60. *Кузнецов Р. А., Шабуров А. С., Плетников В. С.* Деформация профессионального правосознания юристов : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2008. – 102 с.
61. *Бреднева В. С.* Деформация профессионального правосознания юристов и технологии ее преодоления : монография. – Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2019. – 195 с.
62. *Яфаева А. З., Сатарова А. С., Егорышева Е. А.* Профессиональная деформация личности юриста: факторы влияния и пути ее предупреждения // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2021. – № 5-3 (56). – С. 119–121; <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-3-119-121>.
63. *Воробьева М. А.* Профессиональная деформация специалистов и ее профилактика // *Педагогическое образование в России.* – 2015. – № 2. – С. 22–26.
64. *Сочивко Д. В.* Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад // *Прикладная юридическая психология.* – 2008. – № 1. – С. 131–141.
65. *Сочивко Д. В., Полянин Н. А.* Криминальные идеологемы современных молодежных субкультур // *Прикладная юридическая психология.* – 2009. – № 4. – С. 62–70.
66. *Сочивко Д. В.* Понятие криминального инфантилизма в его отношении к воспитанию в высшей школе / *Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве : сборник статей, Москва – Самара, 24 октября 2014 г. / под общ. ред. О. К. Поздняковой.* – Москва: Московский психолого-социальный университет, 2014. – Т. 3. – С. 293–301.
67. *Сочивко Д. В.* Криминально-правовой инфантилизм : монография. – Рязань: Приз, 2015. – 136 с.
68. *Сочивко Д. В.* Психодинамика криминально-правового инфантилизма как новая форма адаптации личности в современной реальности // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* – 2016. – № 1 (12). – С. 6–20.
69. *Сочивко Д. В.* Экзистенциально-психодинамические типы личности: методология и метод исследования // *Прикладная юридическая психология.* – 2020. – № 1 (50). – С. 9–22; [http://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).009-022](http://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).009-022).
70. *Сочивко Д. В.* Экзистенциальная психодинамика исправления личности осужденного / *Коченовские чтения – 2020 : Психология и право в современной России : сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием, 11–13 ноября 2020 г. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2020. – С. 59–60.*
71. *Сочивко Д. В.* Психодинамическая типология просоциального правосознания / *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов III Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России, 8–9 апреля 2021 г. –*

Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – Ч. III. – С. 140–146.

72. *Исмаилов А. М., Даничев Н. В.* Правовой инфантилизм / Инновационное развитие науки и образования : сборник статей V Международной научно-практической конференции, 23 марта 2019 г. – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 117–120.

73. *Бальтанова Г. Ж.* Правовой нигилизм и правовой инфантилизм в правосознании / Образование и наука в современных условиях: материалы X Международной научно-практической конференции, 12 марта 2017 г. / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. – Т. 1 (10). – С. 335–336.

74. *Котляров В. С., Власов В. А.* Правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой конформизм в среде молодежи // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 241–242.

75. *Кордобовская К. Е.* Правовой инфантилизм как явление современной правовой действительности / Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : XI Балтийский юридический форум : материалы международной научно-практической конференции, 16 декабря 2022 г. / отв. ред. С. В. Векленко. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023. – С. 86–87.

76. *Марченко Д. Э., Марченко С. В.* Деаксиологическое правовое сознание и его формы : монография. – Самара: Самарский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 112 с.

References

1. *Nizhnik N. S.* Pravovoy infantilizm kak vid deformatsii pravovogo soznaniya: atributivnyye cherty i osobennosti proyavleniya / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : sbornik nauchnykh statey, 17 maya 2024 g. / redkol.: I. A. Demidova (otv. red.) [i dr.]. – Mogilev: Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus', 2024. – S. 113–122.

2. *Moroz R. V.* O pravovom infantilizme i pravovom nigelizme voyennosluzhashchikh // Pravo v vooruzhennykh silakh. – 2004. – № 4 (82). – S. 54–58.

3. *Peresadina O. V.* Professional'noye pravosoznaniye yuristov : monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2020. – 131 s.

4. *Guseynov A. Sh., Shipovskaya V. V.* Molodezhnyy ekstremizm: psikhologicheskiye faktory riska, sistema profilaktiki i preodoleniya : monografiya. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. – 330 s.

5. *Kiseleva L. A.* Pravovoy infantilizm i pravovoy nigelizm / Rossiyskaya povsednevnost': istoriya, sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya : materialy Pervoy Vserossiyskoy konferentsii, posvyashchennoy Godu istorii v Rossii / redkol.: Ye. V. Borodina, Ye. Yu. Litvinets, A. V. Chevardin. – Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy lesotekhnicheskii universitet, 2013. – S. 59–61.

6. *Lagun D. A.* Krizis i deformatsiya pravosoznaniya / Pravo i demokratiya : sbornik nauchnykh trudov. – Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2015. – Vyp. 26. – S. 22–37.

7. *Kovalev S. A.* Deformatsiya pravosoznaniya kak faktor protivopravnogo povedeniya lichnosti // Istoriya gosudarstva i prava. – 2009. – № 13. – S. 35–38.

8. *Gorbatova M. K., Domnina A. V.* Professional'noye pravosoznaniye kak element pravovoy kul'tury obshchestva // Rossiyskaya yustitsiya. – 2010. – № 5. – S. 9–12.

9. *Zaytseva Ye. S.* Pravovoy infantilizm: problemnyye voprosy // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2015. – № 3 (62). – S. 98–100.

10. *Mikhaylova O. B., Agafonov M. S.* Progressiruyushchiy infantilizm lichnosti: retrospektiva prichin i sovremennyye napravleniya profilaktiki // Chelovecheskiy kapital. – 2022. – № 7 (163). – S. 228–235; [https:// doi.org/10.25629/HC.2022.07.25](https://doi.org/10.25629/HC.2022.07.25).

11. *Osipov R. A.* Pravovoy infantilizm kak deformatsiya pravosoznaniya lichnosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2022. – № 3. – S. 207–214; [https:// doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214](https://doi.org/10.24412/1608-8794-2022-3-207-214).

12. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovoy infantilizm kak proyavleniye pravovogo soznaniya / Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve : sbornik nauchnykh statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 19 maya 2023 g. – Mogilev: Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus', 2023. – S. 85–88.

13. *Kordobovskaya K. Ye.* Defekty i deformatsiya pravosoznaniya kak proyavleniya yego deaksiologizatsii // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2024. – Т. 10 (76), № 1. – S. 53–63.

14. *Antonyan Yu. M., Kurguzkina Ye. B., Polyanskaya Ye. M.* Sovremennoye rabstvo : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 175 s.

15. *Mamardashvili M. K.* Soznaniye i tsivilizatsiya : sbornik. – Sankt-Peterburg: Azbuka, 2019. – 348 s.
16. *Pravovoye soznaniye naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) v sotsiologicheskoy izmerenii: dannyye, analiz, diskussii* : sbornik / otv. red. V. B. Ignat'yeva. – Yakutsk: Izdatel'stvo Instituta problem malochislennykh narodov Severa YANTS SO RAN, 2004. – 101 s.
17. *Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V., Kochina Ye. A. [i dr.]* Sotsiokul'turnyye protsessy v Vostochnoy Sibiri (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy v Krasnoyarskom kraye i Respublike Khakasiya v 2009—2011 gg.) : monografiya. – Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2011. – 221 s.
18. *Abdurakhmanova I. I.* Massovoye pravosoznaniye v Rossii v nachale KHKH v.: faktory formirovaniya i mekhanizm transformatsii (1900–1917 gg.) : monografiya. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet «RINKH», 2007. – 379 s.
19. *Matuzov N. I.* Pravovoy nigelizm i pravovoy idealizm kak dve storony «odnoy medali» // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye.* – 1994. – № 2. – S. 3–25.
20. *Gulyaikhin V. N.* Pravovoy nigelizm v Rossii : monografiya. – Volgograd: Peremena, 2005. – 279 s.
21. *Marchenko D. E.* Pravovoy nigelizm, pravovoy idealizm i pravovoy infantilizm kak formy deaksiologicheskogo pravovogo soznaniya : monografiya. – Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, 2006. – 113 s.
22. *Matuzov N. I.* Pravovoy nigelizm kak obraz zhizni // *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii.* – 2012. – № 4(87). – S. 17–33.
23. *Sochivko D. V., Simakova T. A.* Teoriya i metodika issledovaniya individual'nogo pravosoznaniya i yego infantilizatsii i kriminalizatsii // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2015. – № 2. – S. 24–39.
24. *Bukina Ye. Ye.* Filosofskoye osmysleniye form pravovogo otchuzhdeniya: pravovoy nigelizm, pravovoy fetishizm, pravovoy infantilizm / *Filosofiya, sotsiologiya, pravo: traditsii i perspektivy* : sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 30-letiyu Instituta filosofii i prava SO RAN, 19–20 noyabrya 2020 g. – Novosibirsk: Ofset, 2020. – S. 191–196.
25. *Abdrakhimova R. G.* Istoricheskiye aspekty vozniknoveniya termina «infantil'nost'» // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal.* – 2016. – № 3(45), ch. 5. – S. 6–10; <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.45.068>.
26. *Miklyayeva A. V.* Sotsial'no-psikhologicheskoye podkhod k issledovaniyu lichnostnogo infantilizma // *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki.* – 2019. – № 2 (95). – S. 147–157; <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2019-095-02-147-157>.
27. *Mikhaylova O. B.* Infantilizm molodezhi kak problema sovremennogo obshchestva / *Profilaktika deviantnogo povedeniya detey i molodezhi: regional'nyye modeli i tekhnologii* : sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yalta, 13–15 oktyabrya 2021 g. – Simferopol': Arial, 2021. – S. 195–199.
28. *Bashkirtsev V. I.* Issledovaniye fenomena «infantilizm» v zarubezhnoy nauke // *Sotsial'nyye otnosheniya.* – 2022. – № 1 (40). – S. 60–71.
29. *Demidenko A. S.* Sotsial'naya infantil'nost' rossiyskoy molodezhi: spetsifika nauchnogo diskursa // *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'.* – 2018. – T. 10, № 3-1. – S. 143–149; <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-143-149>.
30. *Kiley D.* The Peter Pan syndrome: men who have never grown up. – New York: Dodd, Mead, 1983. – 298 p.
31. *Tamaki S.* Hikikomori: adolescence without end (Shakaiteki Hikikomori: Owaranai Shishunki) / *Angles J. (trans.).* – Minneapolis, Minnesota: University of Minnesota Press, 2013. – 187 p.
32. *Horiguchi S.* Hikikomori: adolescence without end (Shakaiteki Hikikomori: Owaranai Shishunki) // *Social Science Japan Journal.* – 2015. – Vol. 18, no 1. – P. 138–141; <https://doi.org/10.1093/ssjj/jyu026>.
33. *Reiko K.* Youth Employment in Japan's Economic Recovery: “Freeters” and “NEETs” // *Asia-Pacific Journal: Japan Focus.* – 2006. – Vol. 4, no 5. – URL: <https://apjff.org/kosugi-reiko/2022/article> (дата обращения: 15.07.2024).
34. *Beccaria F., Scavarda A., Roggero A., Rabaglietti E.* Protective and risk factors for social withdrawal in adolescence // *Modern Italy.* – 2022. – Vol. 27, no 3. – P. 259–276; <https://doi.org/10.1017/mit.2022.10>.
35. *Husu H.-M., Välimäki V.* Staying inside: social withdrawal of the young, Finnish ‘Hikikomori’ // *Journal of Youth Studies.* – 2017. – Vol. 20, no 5 – P. 605–621; <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1254167>.

36. *Voyskunskiy A. Ye., Soldatova G. U.* Epidemiya odinochestva v tsifrovom obshchestve: khikikomori kak kul'turno-psikhologicheskii fenomen // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. – 2019. – T. 27. – № 3 (105). – S. 22–43; <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270303>.
37. *Mikhailova O. B., Gutvajn N.* Growing infantilism in modern adolescents and young people: symptoms and causes // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. – 2022. – T. 19, № 1. – S. 39–53; <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53>.
38. *Salminen-Tuomaala M., Haasio A., Naka H.* Meaning of the family and family communication – Experiences of Hikikomoris // *Clinical Nursing Studies*. – 2021. – Vol. 9, no 2. – P. 1-12; <http://doi.org/10.5430/cns.v9n2p1>.
39. *Coeli G., Planas A., Soler P.* The relevance of educational contexts in the emergence of Social Withdrawal (hikikomori). A review and directions for future research // *International Journal of Educational Development*. – 2023. – Vol. 99, no 1. – P. 102756; <http://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2023.102756>.
40. *Kemmoku A., Kuznetsova Ye.* Bezvykhodnoye polozheniye // *Vokrug sveta*. – 2020. – № 6. – S. 116–123.
41. *Nagornova A. Yu.* Kharakteristika tsennostey yaponskoy molodezhi i sindrom khikikomori // *Sotsial'naya kompetentnost'*. – 2018. – T. 3. – № 3 (9). – S. 84–88.
42. *Mudrik A. V.* Sotsializatsiya i vospitaniye. – Moskva: Sentyabr', [1997]. – 96 s.
43. *Stepanishchenko O. V.* Politekhnicheskii infantilizm i yego vliyanie na formirovaniye sistemy tsennostey v sovremennom obshchestve : monografiya. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 2008. – 152 s.
44. *Stepanishchenko O. V.* Molodezh' kak ob'yekt gosudarstvennoy politiki : monografiya. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 2011. – 100 s.
45. *Stepanishchenko O. V.* Politicheskiye tsennosti v sisteme tsennostnykh oriyentatsiy : monografiya. Krasnodar: [b. i.], 2011. – 148 s.
46. *Stepanishchenko O. V.* Politicheskiye tsennosti molodezhi Krasnodarskogo kraya (po materialam issledovaniy 2008–2010 gg.) : monografiya. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 2011. – 100 s.
47. *Rean A. A.* Psikhologiya lichnosti. – Moskva: Piter, 2016. – 286 s.
48. *Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A.* Psikhologiya adaptatsii lichnosti : Analiz. Teoriya. Praktika. – Sankt-Peterburg: Praym-YEVROZNAK, 2006. – 479 s.
49. *Sotsial'naya zrelost' vypusknikov sel'skikh srednikh shkol* : sbornik nauchnykh trudov / pod red. R. G. Gurovoy. – Moskva: NII obshchey pedagogiki, 1981. – 112 s.
50. *Lebedik N. P.* Metodika opredeleniya tipa sotsial'noy zrelosti shkol'nika // *Shkol'nyye tekhnologii*. – 2016. – № 2. – S. 131–140.
51. *Zhestkova N. A.* Metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu sotsial'noy zrelosti i sotsial'nogo infantilizma lichnosti // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. – 2013. – № 2 (14). – С. 128–136.
52. *Yefimova G. Z.* Sotsial'nyy infantilizm studencheskoy molodezhi kak faktor protivodeystviya modernizatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva // *Naukovedeniye : setevoye izdaniye*. – 2014. – № 6 (25). – S. 9; <http://doi.org/10.15862/09PVN614>. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf>.
53. *Sabel'nikova Ye. V., Khmeleva N. L.* Infantilizm: teoreticheskii konstrukt i operatsionalizatsiya // *Obrazovaniye i nauka*. – 2016. – № 3 (132). – S. 89–106.
54. *Gergen K. Dzh., Varkhus L., Uortem S.* Sotsial'naya konstruksiya v kontekste / [per. s angl. A. A. Kiseleva, Yu. S. Vovk]. – Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr, 2016. – 328 s.
55. *Antonova A. V.* Pravovoy infantilizm kak forma deformatsii pravosoznaniya // *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. – 2017. – № 9-3 (25). – S. 16–17.
56. *Mal'ko A. V.* Yuridicheskaya anomiya: obshcheteoreticheskii analiz // *Yuridicheskaya nauka*. – 2023. – № 8. – S. 257–262.
57. *Malinovskiy A. A.* Pravovoy egotsentrizm kak raznovidnost' deformatsii individual'nogo pravosoznaniya // *Pravovedeniye*. – 2008. – № 6. – S. 171–181.
58. *Bauman Z.* Individualizirovannoye obshchestvo / [per. s angl. pod red. V. L. Inozemtseva]. – Moskva: Logos, 2002. – 324 s.
59. *Bregan A. V.* Pravovoy infantilizm / Belorusskoye pravo vo vremeni i prostranstve : sbornik materialov respublikanskoj nauchno-teoreticheskoy konferentsii studentov i aspirantov «Problemy pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy v usloviyakh globalizatsii», 23 oktyabrya 2007 g. i studencheskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii «Каштоўнасці і ідэалы бел. паліт.-прав. думкі эпохі Рэнэсанса і сучаснасць», 18 dekabrya 2007 g. / redkol. I. V. Vishnevskaya (otv. red.) [i dr.]. – Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet, 2008. – S. 15–17.

60. *Kuznetsov R. A., Shaburov A. S., Pletnikov V. S.* Deformatsiya professional'nogo pravosoznaniya yuristov : monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2008. – 102 s.

61. *Bredneva V. S.* Deformatsiya professional'nogo pravosoznaniya yuristov i tekhnologii yeye preodoleniya : monografiya. – Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – 195 s.

62. *Yafayeva A. Z., Satarova A. S., Yegorysheva Ye. A.* Professional'naya deformatsiya lichnosti yurista: faktory vliyaniya i puti yeye preduprezhdeniya // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk.* – 2021. – № 5-3 (56). – S. 119–121; <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-3-119-121>.

63. *Vorob'yova M. A.* Professional'naya deformatsiya spetsialistov i yeye profilaktika // *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii.* – 2015. – № 2. – S. 22–26.

64. *Sochivko D. V.* Psikhologiya molodezhnykh subkul'tur, ili «Khleba i zrelishch» na sovremenny lad // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2008. – № 1. – S. 131–141.

65. *Sochivko D. V., Polyatin N. A.* Kriminal'nyye ideologemy sovremennykh molodezhnykh subkul'tur // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2009. – № 4. – S. 62–70.

66. *Sochivko D. V.* Ponyatiye kriminal'nogo infantilizma v yego otnoshenii k vospitaniyu v vysshey shkole / *Vospitaniye v sovremenom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve : sbornik statey, Moskva – Samara, 24 oktyabrya 2014 g. / pod obshch. red. O. K. Pozdnyakovoy.* – Moskva: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy universitet, 2014. – T. 3. – S. 293–301.

67. *Sochivko D. V.* Kriminal'no-pravovoy infantilizm : monografiya. – Ryazan': Priz, 2015. – 136 s.

68. *Sochivko D. V.* Psikhodinamika kriminal'no-pravovogo infantilizma kak novaya forma adaptatsii lichnosti v sovremennoy real'nosti // *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye.* – 2016. – № 1 (12). – S. 6–20.

69. *Sochivko D. V.* Ekzistentsial'no-psikhodinamicheskiye tipy lichnosti: metodologiya i metod issledovaniya // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* – 2020. – № 1 (50). – S. 9–22; [http://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1\(50\).009-022](http://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.1(50).009-022).

70. *Sochivko D. V.* Ekzistentsial'naya psikhodinamika ispravleniya lichnosti osuzhdenного / *Kochenovskiy chteniye – 2020 : Psikhologiya i pravo v sovremennoy Rossii : sbornik tezisov uchastnikov Vserossiyskoy konferentsii po yuridicheskoy psikhologii s mezhdunarodnym uchastiyem, 11–13 noyabrya 2020 g. – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy psikhologo-pedagogicheskoy universitet, 2020. – S. 59–60.*

71. *Sochivko D. V.* Psikhodinamicheskaya tipologiya prosotsial'nogo pravosoznaniya / *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya : sbornik materialov III Vserossiyskogo simpoziuma psikhologov s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennogo 30-letiyu so dnya obrazovaniya psikhologicheskogo fakul'teta Akademii FSIN Rossii, 8–9 aprelya 2021 g. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022. – Ch. III. – S. 140–146.*

72. *Ismailov A. M., Danichev N. V.* Pravovoy infantilizm / *Innovatsionnoye razvitiye nauki i obrazovaniya : sbornik statey V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 23 marta 2019 g. – Penza: Nauka i Prosveshcheniye, 2019. – S. 117–120.*

73. *Bal'tanova G. Zh.* Pravovoy nigilizm i pravovoy infantilizm v pravosoznanii / *Obrazovaniye i nauka v sovremennykh usloviyakh : materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 12 marta 2017 g. / redkol.: O. N. Shirokov [i dr.]. – Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plyus», 2017. – T. 1 (10). – S. 335–336.*

74. *Kotlyarov V. S., Vlasov V. A.* Pravovoy nigilizm, pravovoy infantilizm, pravovoy konformizm v srede molodezhi // *Molodoy uchenyy.* – 2021. – № 50 (392). – S. 241–242.

75. *Kordobovskaya K. Ye.* Pravovoy infantilizm kak yavleniye sovremennoy pravovoy deystvitel'nosti / *Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii : XI Baltiyskiy yuridicheskiy forum : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16 dekabrya 2022 g. / otv. red. S. V. Veklenko. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2023. – S. 86–87.*

76. *Marchenko D. E., Marchenko S. V.* Deaksiologicheskoye pravovoye soznaniye i yego formy : monografiya. – Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – 112 s.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 7, 2024; approved after reviewing July 27, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки Public legal (state legal) sciences

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-96-104>

Светлана Витальевна Пилявец

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0009-0008-9019-8247>, svetlanapilyavets@mail.ru

*Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
Российская Федерация, 236006, Калининград, ул. Генерала Галицкого, д. 30*

Вина юридического лица в административном праве: постановка проблемы

Аннотация: Введение. В статье рассматриваются основные противоречия правового регулирования института вины юридического лица в административном праве. Актуальность темы обусловлена отсутствием законодательной определенности в конструировании вины юридического лица, что приводит к неоднозначной правоприменительной практике, нарушению принципов справедливости и презумпции невиновности при привлечении указанного субъекта к административной ответственности. Целью статьи является анализ «моделей» вины юридического лица в административном, налоговом, гражданском законодательстве, а также обозначение проблемы гармонизации действующего законодательства, правоприменительной практики, в том числе в целях смены вектора фискальной направленности государственной политики при привлечении к административной ответственности юридического лица. **Методы.** Общенаучные (анализ, синтез, систематизация) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы научного познания позволили переосмыслить теоретические, практические аспекты и подходы к определению вины юридического лица в административном праве. **Результаты.** В исследовании сформулированы основные проблемы правового регулирования института вины в административном праве. Представляется, что в целях приведения правоприменительной практики в соответствие с основополагающими принципами административной ответственности – законности, справедливости, презумпции невиновности – вина юридического лица как правовая категория нуждается в гармонизации. Законодательная конструкция модели вины юридического лица должна обеспечивать соблюдение баланса частных и публичных интересов государства в целях экономической и политической стабильности.

Ключевые слова: вина юридического лица, «поведенческая» и «психологическая» концепции, воля юридического лица, субстрат юридического лица, синергия, государственный административный надзор, баланс частных и публичных интересов

Для цитирования: Пилявец С. В. Вина юридического лица в административном праве: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 96–104; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-96-104>.

Original article

Svetlana V. Pilyavets

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0009-0008-9019-8247>, svetlanapilyavets@mail.ru

*Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia
30, Generala Galitskogo str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation*

The guilt of a legal entity in administrative law: problem statement

Abstract: Introduction. The author considers the main contradictions of legal regulation of the institute of guilt of a legal entity in administrative law. The relevance of the problem is due to the lack of legislative certainty in the construction of the guilt of a legal entity, which leads to ambiguous law enforcement practice, violation of the principles of justice and presumption of innocence in bringing the specified subject to administrative responsibility. The purpose of the article is to analyse the ‘models’ of guilt of a legal entity in administrative, tax, civil legislation, as well as to identify the problem of harmonisation of current legislation, law enforcement practice, including in order to change the vector of fiscal orientation of state policy when bringing to administrative responsibility of a legal entity. **Methods.** General scientific (analysis, synthesis, systematisation) and private-scientific (formal-legal, comparative-legal) methods of scientific cognition allowed to rethink theoretical, practical aspects and approaches to the definition of guilt of a legal entity in administrative law. **Results.** The main problems of legal regulation of the institute of guilt in administrative law are formulated in this research. It seems that in order to bring law enforcement practice in line with the fundamental principles of administrative responsibility – legality, fairness, presumption of innocence – the guilt of a legal entity, as a legal category needs to be harmonised. The legislative construction of the model of guilt of a legal entity should ensure that the balance of private and public interests of the state is observed for the purpose of economic and political stability.

Keywords: the guilt of a legal entity, ‘behavioural’ and ‘psychological’ concepts, will of a legal entity, substratum of a legal entity, synergy, state administrative supervision, balance of private and public interests

For citation: Pilyavets S. V. The guilt of a legal entity in administrative law: problem statement // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 96–104; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-96-104>.

Введение

Важнейшее место в системе защиты прав и свобод человека, национальных интересов государства занимает эффективный механизм юридической ответственности, принципиальное значение для наступления которой имеет наличие в противоправном деянии вины. Однако правовая доктрина сегодня не может предложить четкую концепцию, в соответствии с которой на системном уровне отражалась бы идея о том, что лежит в основании вины: психологический аспект внутреннего сознания и воли человека (группы людей), социальная упречность, конфликт или что-то иное. Хотя следует признать, что психологическая концепция вины является превалирующей в современном законодательстве.

Многолетние споры в научной среде вызывает проблема установления вины коллективных субъектов права – юридических лиц. В частности, в административном праве

институт вины коллективных субъектов (юридических лиц) не имеет теоретической и законодательной определённости, что порождает крайне противоречивую правоприменительную практику и отрицательно отражается на стабильности политической и экономической сфер жизни общества.

Следует констатировать, что конструкция вины юридического лица, сформулированная законодателем в ч. 2 ст. 2.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ), имеет признаки смешения субъективной и объективной сторон состава правонарушения, что позволяет правоприменителю делать вывод о виновности, руководствуясь фактически принципом объективного вменения.

Методы

Исследование построено на анализе норм действующего административного, налогового, уголовного и гражданского законодательства, изучении судебной практики, научных трудов, что позволило переосмыслить теоретические, практические аспекты и подходы к определению вины юридического лица в административном праве. Методологически исследование строится на основе сочетания комплексного и системного подходов к анализу «моделей» вины юридического лица в научной литературе и правоприменительной практике. К числу методов исследования относится совокупность общенаучных (анализ, синтез, систематизация) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов научного познания.

Результаты

Коллективный субъект административно-правовых отношений является юридической «личностью», и очевидно, что «оценивать» характер совершаемых действий, «предвидеть» наступление вредных последствий и иметь «внутреннее отношение» к содеянному в традиционном субъективном понимании сущности вины такая «личность» не может.

Попытки разрешить проблемы определения вины юридического лица неоднократно предпринимались учеными в различных отраслях права². К настоящему времени единой концепции так и не выработано. Противоречивы как научные подходы к определению института вины юридического лица, так и законодательные формулировки в нормативных правовых актах, судебная и правоприменительная практика органов власти.

Юридическая наука пытается осмыслить и найти решение указанных проблем, выработав несколько подходов к пониманию вины коллективных субъектов. Мнения специалистов в научной литературе сводятся к следующим основным концепциям: субъективная («психологическая») концепция; «поведенческая» концепция [1]. Встречается сочетание указанных двух концепций – поведенческо-психологическая теория вины [2]. Некоторые исследователи выделяют теорию социальной вины (ответственность юридических лиц перед обществом за вину работника) [3, с. 35].

Сторонники субъективного подхода вину юридических лиц определяют через вину должностного лица. Вина рассматривается как психологическая категория, как отношение организации в лице ее представителей (работников, администрации, должностных лиц и т. д.) к противоправному деянию, совершенному этой организацией [1].

В. Д. Сорокин подвергал критике указанную концепцию, указывая, что «в связке “юридическое лицо – виновное физическое лицо”, образно говоря, виноватым названо только физическое лицо, а в отношении другого члена этой связки – лица юридического закон воздерживается от прилагательного “виновное”. Это фактически означает привлечение юридического лица к административной ответственности без вины, что, однако, противоречит ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, согласно которой юридическое лицо подлежит ответственности только за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина» [4, с. 630].

И. В. Панова справедливо отмечает, что «психологическая» концепция связывает вину юридического лица только с наличием вины его работника, должностного лица, совершившего то или иное административное правонарушение. Здесь действует презумпция: если нет вины работника, то нет и вины юридического лица [1].

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

² Матвеев Г. К. Вина как основание гражданско-правовой ответственности по советскому праву : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Киев, 1951. – 40 с.; Солдатов А. П. Проблемы административной ответственности юридических лиц : дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2000. – 346 с.; Иванцов П. П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 194 с.; Идрисов Х. В. Вина как условие ответственности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – 182 с. и др.

«Психологическая» конструкция вины нашла отражение в современном Налоговом кодексе Российской Федерации³ (далее – НК РФ), где в ч. 4 ст. 110 установлено, что вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения.

На противоречия такой конструкции справедливо указывал В. Д. Сорокин. В частности, п. 4 ст. 108 НК РФ гласит: «Привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц при наличии соответствующих оснований от административной, уголовной или иной ответственности, предусмотренной законами Российской Федерации»⁴. «...Значит, опираясь на п. 4 ст. 108 НК РФ, привлекаем организацию к ответственности за налоговое правонарушение и решаем вопрос об административной ответственности ее должностных лиц. Но мы не можем этого сделать, ибо согласно п. 4 ст. 110 НК РФ, прежде чем привлечь эту самую организацию к упомянутой ответственности, надо, естественно, определить ее вину (куда без вины денешься). Но определить вину организации возможно только по форме вины соответствующих должностных лиц, а также и представителей, как того требует п. 4 ст. 110 НК РФ...» [4, с. 604].

Следует констатировать, что в действующем НК РФ содержание дефиниции «вина» отсутствует вовсе, а в ст. 111 указанного нормативного акта предусмотрены три обстоятельства, исключающих вину лица в совершении налогового правонарушения, которые отношения к вине не имеют. На основании указанных положений правоприменитель оценивает характер и степень виновности деяний юридического лица при привлечении его к административной ответственности. Такую законодательную конструкцию следует считать противоречивой.

Очевидно, что законодательное регулирование нуждается в гармонизации. Здесь уместно привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу, который в постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П указывает на то, что при оценке вины юридического лица необходимо учитывать взаимосвязь между самим коллективным субъектом и деянием физического лица, входящего в структуру этого субъекта и допустившего нарушение норм и правил, но не отождествлять их «автоматически». Конституционный Суд Российской Федерации аргументирует свою позицию тем, что «действия юридического лица всегда производны от действий лиц физических, не будучи, однако, в своем правовом измерении тождественны им», а также тем, что «конечной целью наказания юридического лица со всей очевидностью является воздействие на волю и сознание связанных с ним физических лиц, с тем, чтобы добиться частной превенции административных правонарушений»⁵. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации считает недопустимым привлечение юридического лица без установления его вины.

Действующий КоАП РФ воспринял так называемую «поведенческую» концепцию: юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были предприняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1.).

Существующая конструкция вины позволяет «легитимировать» объективное вменение, которое В. Д. Сорокин назвал «весьма опасным явлением», несовместимым с «правовым государством и обществом, поскольку начисто в угоду “ведомственному интересу” отрицает также основополагающие категории, как вина, презумпция невиновности, бремя доказывания и т. п.» [4, с. 380].

Актуальность обозначенных проблем подтверждается судебной практикой. В решениях арбитражных судов Российской Федерации систематически встречаются следующие формулировки, указывающие, по мнению суда, на доказанность вины юридического лица: «Таким образом, при решении вопроса о виновности юридического лица в совершении административного правонарушения именно на него возлагается обязанность по доказыванию принятия всех зависящих от него мер по соблюдению правил и норм»⁶. «Доказательств

³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

⁴ Там же.

⁵ СЗ РФ. – 2020. – № 20. – Ст. 3221.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.02.2021 г. № Ф05-23677/2020 по делу № А40-75308/2020 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (далее – СПС КонсультантПлюс). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=379716#bhpQbIUWWTlBrhAl> (дата обращения: 17.12.2023).

того, что обществом приняты все зависящие от него меры для соблюдения требований законодательства о техническом регулировании и аккредитации, обществом не представлено, как и не представлено доказательств отсутствия возможности соблюсти установленные законом требования, на основании чего суды пришли к обоснованному выводу о том, что вина общества в совершении правонарушения доказана»⁷. Очевидно, что при такой позиции суда происходит изъятие из принципа презумпции невиновности. Нарушение принципа справедливости при назначении наказания не способствует уважительному отношению к правоприменительным органам, судебной системе и государству в целом. При этом следует обратить внимание на тот факт, что, в отличие от гражданско-правового отношения, в административно-правовом отсутствует равенство субъектов и, следовательно, принцип презумпции невиновности получает особое гарантирующее свойство и значение.

Б. В. Россинский, оценивая существующий в КоАП РФ подход к определению вины юридического лица, справедливо отмечает: «Он не продуман с необходимой глубиной и всесторонностью, не основан на должной теоретической проработке вопросов, что является субъективной стороной состава административного правонарушения, допущенного в работе юридического лица, и следует ли вообще при назначении наказания юридическому лицу говорить о его вине?» [5, с. 104].

Действующее уголовное законодательство основано на субъективном подходе к оценке вины физического лица, которая разделяется на две формы: умысел и неосторожность, что оправданно при квалификации противоправных деяний и назначении наказания. В гражданском и административном законодательстве разделение вины на формы также существует (ст. 2.2. КоАП РФ «Формы вины» и п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ (далее – ГК РФ) «Основания ответственности за нарушение обязательства»), но при квалификации противоправного деяния юридического лица это деление принципиального значения не имеет. Гражданско-правовая ответственность основана на неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства. В данном случае суд оценивает степень заботливости и осмотрительности лица, совершившего деликт (п. 2 ст. 401 ГК РФ⁹), а также устанавливает причинную связь между нарушением обязательства и наступившими последствиями, размер ущерба. Как замечает профессор И. В. Панова, в целом определение вины по «поведенческой» концепции подходит для обязательственных, но не для деликтных правоотношений, где необходимые или требуемые действия невозможно определить заранее [1].

Существующая модель вины юридического лица в административно-деликтном законодательстве вобрала в себя оба подхода (цивилистический – «ответственности без вины», по сути – «объективного вменения», и традиционный – «субъективного вменения»), что искажает доктринальное понимание дефиниции «вина».

Таким образом, объективно-противоправное деяние и ответственность с неустановленной виной, основанной только на факте несоблюдения нормы – это разные категории, нельзя смешивать и отождествлять вину и противоправность (состоит из оценки действий субъекта), это расширяет основания «виновности» и, соответственно, административной ответственности юридического лица по сравнению с оценкой деяния другого субъекта административной ответственности – физического лица.

В. П. Очередыко и И. С. Кокорин замечают, что поведенческая концепция считает вину субъективным основанием ответственности и пользуется объективными категориями поведения участников гражданского оборота [6, с. 271].

Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 14 апреля 2020 г. № 17-П, «вина в конституционном смысле – как универсальная категория для всех видов юридической ответственности и для всех субъектов права, включая физических и юридических лиц, – представляет собой основанные на характеристиках субъекта права пределы, в которых он может нести такую ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности»¹⁰.

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.05.2021 г. № Ф05-10035/2021 по делу № А40-171065/2020 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=380669&cacheid=1C8E7DEBC21BD8DCA2E40B5337A57719&mode=splus&rnd=TnR4AQ#wslRbIUshGjDjS7v> (да-та обращения: 17.06.2023).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁹ Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

¹⁰ СЗ РФ. – 2020. – № 20. – Ст. 3221.

Поведенческо-психологическая (смешанная) концепция предполагает определять вину юридического лица в зависимости от наступивших последствий. Субъективное понимание вины может применяться в случае привлечения организаций к ответственности за правонарушения, имеющие материальный характер; объективное же понимание вины должно охватывать только неосторожную форму проявления и распространяется на формальные составы коллективных поступков¹¹.

Зарубежная практика использует и другие подходы. Например, концепция социальной вины, которая берет свое начало в европейском праве. Так, Уголовный кодекс Франции трактует вину корпораций в нормативном смысле, как упречность со стороны общества и государства. Указанная концепция рассматривается как обоснование отхода от традиционных концепций вины, виновности и установление уголовной ответственности в отношении коллективных субъектов¹².

Однако, если все же отталкиваться от традиционных для отечественной правовой науки психологической и поведенческой концепций, неизбежно встает вопрос о воле юридического лица. И здесь также нет единства мнений среди ученых. Так, С. Н. Братусь, развивая теорию коллектива, сформулированную А. В. Венедиктовым, определяет, что воля субъекта формируется поведением органа управления коллективного образования. Согласно положениям этой теории, субстратом юридического лица является коллектив рабочих и служащих. Каждое юридическое лицо представляет собой, как утверждал А. В. Венедиктов, не что иное, как «реальный коллектив живых людей» [7]. По мнению Д. Н. Захарова, сводить понимание юридического лица исключительно к совокупности людей, его составляющих, неправомерно, поскольку «коллектив людей есть некая целостная совокупность отдельных личностей, характер которого полностью ими определяется. Заменяв одних членов коллектива на других, мы получим совершенно иной коллектив. Но того же самого нельзя сказать в отношении организации и ее правовой формы – юридического лица. Даже полная замена коллектива рабочих и служащих какой-либо организации не влияет на аутентичность соответствующего юридического лица» [7].

Еще одной популярной теорией сущности юридического лица является теория фикции, имеющая сходные черты с теорией коллектива, где волю субъекта формируют люди, стоящие «за» юридическим лицом, которое отрицается как самостоятельный носитель прав и обязанностей.

Интересен пример советской концепции оценки противоправного деяния государственных коллективных субъектов, так называемая теория «директора», автором которой являлся Ю. К. Толстой. Основывалась она на том, что единственным субъектом, управомоченным выражать волю госоргана в сфере правоотношений, является его руководитель – директор, воля которого определяется волей государства и в то же время не зависит от воли работников [8, с. 88].

Ю. Х. Калмыков, говоря о социально-психологическом подходе к определению воли и вины юридического лица, писал, что «сознательно и соответственно со своими интересами может действовать не только отдельный индивидуум, но и организация, коллектив как единое целое, поскольку коллективная воля и коллективная деятельность не могут быть сведены к элементарной совокупности или просто к единичному проявлению усилий членов коллектива, организаций» [7].

В целом следует отметить, что в юридической науке представлен широкий плюрализм мнений относительно волевого момента в субъективной стороне деятельности юридического лица. Имеются противоположные воззрения на природу воли в данном контексте: от тех, кто отрицает ее наличие (теория фикции) до сторонников «коллективной воли». Дальнейшие исследования проблемы требуют использования научных разработок других отраслей знаний, в частности, теории управления, а именно, явление синергии. Данная парадигма позволяет рассматривать целое не как сумму отдельных частей, а как новое качество, имеющее присущие только ей свойства, признаки и отношения. Иными словами, воля юридического лица – это не сумма воли его участников, а новый самостоятельный феномен. Этот подход нам видится интересным в силу того, что, рассуждая о воле (а, соответственно, о вине, субъективной стороне) юридического лица, необходимо выйти из шор отождествления воли и вины юридического лица с психическими переживаниями лица физического.

¹¹ Петров М. П. Административная ответственность организаций (юридических лиц) : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – С. 94–95.

¹² Более подробно о порядке и основаниях привлечения к уголовной ответственности юридического лица (см.: Меньших А. А. Новое в уголовном законодательстве Франции: ответственность юридических лиц // Правовые исследования во Франции : сборник научных трудов / под общ. ред. В. В. Маклакова. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2007. – С. 191–207).

Таким образом, проблема понимания, определения сущности и правовой природы вины юридического лица в административном праве остается неразрешенной. Думается, что исследование института вины юридического лица и создание ее типовой модели требует сочетания различных концепций понимания и предполагает межотраслевой подход. Как справедливо заметил В. А. Ойгензихт, анализируя сущность (субстрат) юридического лица, «индивидуализация исследования и одноотраслевой замкнутый подход не всегда результативны, да и просто невозможны. Необходимы комплексные исследования на стыке различных отраслей, и не только права. Именно такой характер исследования позволяет раскрыть сущность категории юридического лица»¹³.

Следует отметить, что в научной среде много лет ведется дискуссия об установлении в России уголовной ответственности в отношении юридических лиц.

В исторической ретроспективе такие меры ответственности юридических лиц не являются исключительным явлением современности. В России уголовные санкции применялись к юридическим лицам с глубокой древности и сохранялись вплоть до первой половины XX века [9].

В свое время выдающийся русский юрист Н. С. Таганцев на вопрос об уголовной ответственности юридического лица отмечал: «Субъектом преступного деяния может быть лишь физическое лицо» [10, с. 166]. Обосновывая ответственность коллективных субъектов, ученый писал, что в таких случаях нет речи об ответственности юридических лиц, а имеется в виду проявление виновности толпы, масс, то есть простой совокупности лиц физических, особая форма коллективной вины, разновидность соучастия» [10, с. 166].

Настоящая проблема требует отдельного и большого анализа. Однако отметим, что, в общем признавая публичную деликтоспособность юридического лица, ученые высказывают кардинально противоположные мнения, и «главное препятствие, через которое еще никому не удалось перешагнуть – это вопрос о вине юридического лица» [11, с. 80].

Наряду с обоснованием целесообразности и органичности для отечественной правовой системы введения уголовной ответственности юридического лица [12] одновременно в научной среде высказываются мнения о существенной трансформации административной ответственности юридического лица. Так, Ю. П. Соловей в рамках дискуссии о реформировании законодательных основ об административной ответственности, высказывает позицию о том, что институт административной ответственности юридических лиц выступает во многом неправовым и несоразмерным средством давления на бизнес, и наряду с его отменой следует усилить административную ответственность должностных лиц [13].

Схожей позиции придерживается А. И. Каплунов: «Установлением административной ответственности юридических лиц (организаций, которые имеют обособленное имущество и отвечают этим имуществом по своим обязательствам), по сути дела, легализована коллективная административная ответственность работников данного юридического лица, несмотря на то что административная ответственность является индивидуальным видом юридической ответственности. Такая позиция основана на “политической целесообразности”, уходящей корнями в идеологию “лихих 90-х”, а не на базовых юридических принципах административной ответственности и элементарном здравом смысле» [14].

Однако, по справедливому замечанию Б. В. Россинского, институт административной ответственности юридических лиц состоялся и играет важную роль в развитии социально-экономических процессов в стране. Поворот назад в обозримой перспективе невозможен, ибо административная ответственность юридических лиц в современных условиях – мощный рычаг государственного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов [15]. Сложно с ним не согласиться, если рассуждать с точки зрения превалирования национальных интересов государства как публично-правовой организации, заботящейся о всеобщем благе.

Следует констатировать, что проблема установления вины юридического лица актуальна не только в производстве по делам об административных правонарушениях, но и для осуществления эффективной правоприменительной надзорной деятельности государственных органов власти в целом. А. В. Мартынов отмечает, что общие надзорные полномочия выражаются в предоставлении различных прав государственным органам и их должностным лицам совершать действия по обеспечению законности и дисциплины в деятельности организаций и граждан; безопасности в различных сферах государственного управления; поддержании общественного порядка (общественной безопасности и общественного благоустройства); пресечении противоправных действий организаций и граждан; привлечении виновных лиц к юридической ответственности [16, с. 19–20].

¹³ Ойгензихт В. А. Юридическое лицо и трудовой коллектив : сущность, поведение, ответственность : учебное пособие. – Душанбе, 1988. – 116 с.

Так вырисовывается еще одна проблема, которая требует научного осмысления, и заключается она в том, что перед современным институтом административной ответственности стоит не только правоохранительная, но и регулирующая, поддерживающая экономическую стабильность задача. В трудных современных условиях государству целесообразно поддержать субъекты экономической деятельности, предпринимательство и изменить фискальную направленность административно-деликтной политики. Законодательная модель вины юридического лица в административном праве должна сводить к минимуму возможность правоприменителя нарушить баланс частных и публичных интересов в государственном управлении.

В контексте рассматриваемой проблемы показательна встреча главы государства и председателя Верховного Суда Российской Федерации, в ходе которой был затронут аспект соблюдения баланса между экономическим развитием и охранной функцией государства. Позиция судей Верховного Суда состоит в том, чтобы отграничить противоправные деяния в сфере предпринимательской деятельности от остальных. При этом речь идет как о гуманизации законодательства, так и правоприменительной практике¹⁴.

Заключение

Таким образом, основная задача законодателя сводится к созданию правовой модели, в которой безопасность не должна превалировать над развитием. В то же время экономические преференции для предпринимателей не должны стать фактором, ослабляющим стабильность и защищенность прав и интересов общества, личности и государства. Необходимо также отметить, что институт вины юридического лица не исчерпывается только субъектами экономических отношений.

Рассматриваемая проблематика носит концептуальный характер и затрагивает фундаментальные аспекты привлечения к ответственности юридических лиц.

Разрешение обозначенных законодательных и правоприменительных проблем и противоречий позволит повысить социальную значимость института вины в административном праве, будет способствовать гармонизации административной ответственности юридического лица в соответствии с такими основополагающими принципами как законность, презумпция невиновности, соразмерность, справедливость.

Список литературы

1. *Панова И. В.* Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2007. – № 8. – С. 1–30.
2. *Трубин Е. М.* Вина юридического лица. Заметки об административной ответственности. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=34045#EiLcbIU4MNFENyIq1> (дата обращения: 15.02.2024).
3. *Панов А. Б.* Административная ответственность юридических лиц : монография. – Москва: Норма, 2019. – 192 с.
4. *Сорокин В. Д.* Избранные труды / предисл.: Д. Н. Бахрах, В. В. Денисенко. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 665 с.
5. *Россинский Б. В.* Административно-правовые аспекты государственного управления в России : Системные подходы : монография. – Москва: Норма, 2023. – 168 с.
6. *Очередько В. П., Кокорин И. С.* От теоретической неопределенности к противоречивости судебной практики при определении вины и административной ответственности юридических лиц // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 267–277.
7. *Захаров Д. Н.* Понятие воли юридического лица и проблема ответственности // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 7. – С. 69–72.
8. *Толстой Ю. К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1955. – 220 с.
9. *Латифский В. И., Семькина О. И.* Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса “pro at contra” // Журнал российского права. – 2014. – № 2 (206). – С. 5–13.
10. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : в 2 ч. – Москва: Юрайт, 2024. – Ч. 1. – 414 с.
11. *Зырянов С. М.* К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 79–85.

¹⁴ Встреча с Председателем Верховного Суда Вячеславом Лебедевым // Президент Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/73390> (дата обращения: 12.02.2024).

12. *Квашис В. Е., Случевская Ю. А.* Институт уголовной ответственности юридических лиц как новый этап развития уголовного права // Журнал российского права. – 2016. – № 12 (240). – С. 79–90.

13. *Соловей Ю. П.* Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 2 (2). – С. 56–63.

14. *Каплунов А. И.* Административная ответственность как форма административного принуждения // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 4. – С. 518–524; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-4-518-524>.

15. *Россинский Б. В.* Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 139–143.

16. *Мартынов А. В.* Административный надзор в России: теоретические основы построения : монография / под науч. ред. Ю. Н. Старилова. – Москва: Юнити, 2010. – 183 с.

References

1. *Panova I. V.* Yeshche raz o dvukh tendentsiyakh, razrushayushchikh tselostnost' instituta administrativnoy otvetstvennosti // Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii. – 2007. – № 8. – С. 1–30.

2. *Trubin Ye. M.* Vina yuridicheskogo litsa. Zametki ob administrativnoy otvetstvennosti. // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus»: [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=34045#EiLcbIU4MNFHEHy1q1> (data obrashcheniya: 15.02.2024).

3. *Panov A. B.* Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits : monografiya. – Moskva: Norma, 2019. – 192 s.

4. *Sorokin V. D.* Izbrannyye trudy / predisl.: D. N. Bakhrakh, V. V. Denisenko. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. – 665 s.

5. *Rossinskiy B. V.* Administrativno-pravovyye aspekty gosudarstvennogo upravleniya v Rossii : Sistemnyye podkhody : monografiya. – Moskva: Norma, 2023. – 168 s.

6. *Ochered'ko V. P., Kokorin I. S.* Ot teoreticheskoy neopredelennosti k protivorechivosti sudebnoy praktiki pri opredelenii viny i administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2015. – № 4. – С. 267–277.

7. *Zakharov D. N.* Ponyatiye voli yuridicheskogo litsa i problema otvetstvennosti // Fundamental'nyye issledovaniya. – 2005. – № 7. – С. 69–72.

8. *Tolstoy Yu. K.* Soderzhaniye i grazhdansko-pravovaya zashchita prava sobstvennosti v SSSR. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1955. – 220 c.

9. *Latifskiy V. I., Semykina O. I.* Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v otechestvennom zakonodatel'stve: k istorii voprosa "pro at contra" // Zhurnal Rossiyskogo prava. – 2014. – № 2 (206). – С. 5–13.

10. *Tagantsev N. S.* Russkoye ugolovnoye pravo : v 2 ch. – Moskva: Yurayt, 2024. – Ch. 1. – 414 s.

11. *Zyryanov S. M.* K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 6. – С. 79–85.

12. *Kvashis V. Ye., Sluchevskaya Yu. A.* Institut ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits kak novyy etap razvitiya ugolovno go prava // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2016. – № 12 (240). – С. 79–90.

13. *Solovey Yu. P.* Rossiyskoye zakonodatel'stvo ob administrativnoy otvetstvennosti nuzhdayetsya v sovershenstvovanii // Vestnik universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA). – 2014. – № 2 (2). – С. 56–63.

14. *Kaplunov A. I.* Administrativnaya otvetstvennost' kak forma administrativnogo prinuzhdeniya // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2019. – № 4. – С. 518–524; <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2019-16-4-518-524>.

15. *Rossinskiy B. V.* Vnov' o vine yuridicheskogo litsa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 6. – С. 139–143.

16. *Martynov A. V.* Administrativnyy nadzor v Rossii: teoreticheskiye osnovy postroyeniya : monografiya / pod nauch. red. Yu. N. Starilova. – Moskva: YUNITI, 2010. – 183 s.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 11, 2024; approved after reviewing July 12, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 342
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>

Михаил Вячеславович Пресняков

доктор юридических наук, доцент

<http://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, M.V.Presnyakov@yandex.ru

*Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Московская, д. 164 в/г № 2*

*Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, 410056, Саратов, ул. Вольская, д. 1*

Место науки конституционного права в системе юридического знания: преодоление границ формальной науки

Аннотация: Введение. Статья посвящена исследованию роли современного конституционного права в системе отраслевых юридических наук. Автор отмечает, что юриспруденция в целом является формальной наукой, предмет которой составляют формальные системы, которые, во многом, постулируются ею самой – конкретные отрасли права. До определенного времени (образования Конституционного Суда Российской Федерации и принятия новой Конституции Российской Федерации) государственное право также можно было считать отраслевой наукой, предметом которой являлась, преимущественно система организации государственной власти. Между тем, в отличие от математики (которая тоже является формальной наукой), юриспруденция обладает регулятивным потенциалом и связана с воздействием на поведение человека. В этом смысле она не может капсулироваться исключительно в системе юридических конструкций вне связи с «жизненным миром». **Методы исследования.** В работе применялся комплекс методов: анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход, метод сравнительного правоведения. **Результаты.** Автор доказывает, что особая роль науки конституционного права на современном этапе развития заключается в том, что, с одной стороны, благодаря процессам конституционализации иных отраслей права конституционное право претендует на роль общеотраслевой системы. В известном смысле наука конституционного права постепенно занимает в юридической гносеологии место теории права.

Ключевые слова: юриспруденция, формальная наука, теория права, догма права, философия права, жизненный мир, конституционное право, государственное право, конституционализм

Для цитирования: Пресняков М. В. Место науки конституционного права в системе юридического знания: преодоление границ формальной науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 105–112; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>.

Original article

Mikhail V. Presnyakov

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<http://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, M.V.Presnyakov@yandex.ru

*Volga Institute of Management named after P. A. Stolypin –
a branch of the Russian Academy of National Economy and State Service
under the President of the Russian Federation
164 v/g № 2, Moskovskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation*

*Saratov State Law Academy
1, Vol'skaya str., Saratov, 410056, Russian Federation*

Place of the science of constitutional law in the system of legal knowledge: overcoming the boundaries of formal science

Аннотация: Introduction. The article is devoted to the study of the role of modern constitutional law in the system of sectoral legal sciences. The author notes that jurisprudence in general is a formal science, the subject of which are formal systems, which, mainly, it postulates itself - specific branches of law. Until a certain period (the formation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the adoption of the new Constitution of the Russian Federation) state law could also be considered as a sectoral science, the subject of which was mostly the system of state power organisation. However, unlike mathematics (which is also a formal science), jurisprudence possesses regulatory potential and relates to the impact on human behavior. In this way it cannot be encapsulated exclusively in the system of legal constructions outside the «life world». **Research methods.** A set of methods was used in the work: analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, method of comparative jurisprudence. **Results.** The author proves that the special role of constitutional law in the modern stage of development is that, on the one hand, through processes of constitutionalisation of other branches of law constitutional law claims to be a general system. In a certain sense, the science of constitutional law is gradually taking the place of theory of law in legal epistemology.

Keywords: jurisprudence, formal science, theory of law, dogma of the right, philosophy of law, life world, constitutional law, state law, constitutionalism

For citation: Presnyakov M. V. Place of the science of constitutional law in the system of legal knowledge: overcoming the boundaries of formal science // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 105–112; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-105-112>.

Введение

1. Введение: юриспруденция как формальная наука

В чем специфика предмета юридической науки? Если говорить о системе естественного знания, то его предметом выступают явления объективного мира: материя, поле, вещество и т. п. Таким образом, предмет исследования является внешним по отношению к системе научного знания объектом, а процесс познания предполагает определенное воздействие на этот предмет – опыты, измерения, наблюдение и т. п.

Предметом гуманитарного знания являются «человекообразные» объекты, т. е. являющиеся продуктом деятельности самого человека или общества: язык, социальное устройство, литературные произведения и т. п. Такие объекты, в отличие от естественных или природных, создаются самим человеком, но от этого не становятся имманентными знанию о них. Иначе говоря, несмотря на то, что история творится людьми, ее научное познание предполагает изучение извне, поиск объективных законов и причин событий.

Даже если мы будем говорить о тех областях научного знания, которые являются, на первый взгляд, максимально близкими к юридической науке и изучают действие социально-регулятивных систем, например, религиоведении, этике и др., то предмет изучения все равно остается внешним по отношению к самому познанию. Система религиозных или моральных установок не является результатом сознательного («научного») конструирования и для познающего субъекта выступает *terra ignota*.

Особняком стоят так называемые «формальные науки» (математика, логика, информатика и др.), которые изучают собственные эпистемологические объекты: в значительной степени они сами создают предмет своего научного исследования, которое, по сути, представляет собой своего рода «научную рефлексию»¹.

Как нам представляется, юриспруденция также относится к формальным, а не к гуманитарным наукам, поскольку ее предметом выступают юридические конструкции, которые она же и продуцирует. Оговоримся, что речь идет именно о предмете научного изучения, а не о предмете правового регулирования. Так, предметом любой отрасли права

¹ Классификация наук // Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с.

является совокупность отношений, которая этой отраслью регулируется, что логично, поскольку право, по сути, представляет собой социальный регулятор и единственное, на что оно может воздействовать, – это поведение человека.

А вот предметом отраслевых юридических наук выступают сами отрасли права. Так, например, «система науки трудового права – это совокупность теоретических взглядов, суждений по проблемам правового регулирования общественных отношений в сфере труда»². Предметом же науки трудового права является само регулирование труда (российское, зарубежное, международно-правовое). Однако, как отмечают некоторые авторы, «его исследование только с помощью средств трудового права как юридической науки будет неполным. Необходимо применение также средств социологии труда, экономики труда, психологии труда и других наук...» [1, с. 60].

Методы

1. Теория права и юридическая догматика

Несколько особняком в данном случае стоит наука теории права, которой... нечего изучать, поскольку такой отрасли, как «право вообще», не существует. Теория права идентифицирует себя как «как один из видов юридической науки, представляющей совокупность знаний о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права»³.

Уже из этого хрестоматийного определения видно, что предмет теории права возникает (создается) путем абстрагирования «наиболее общих» закономерностей правовой действительности. В этом смысле теория права представляет своего рода научную рефлексию по отношению к различным отраслевым юридическим наукам. В этом заключается ее особое значение в ряду юридического познания, которое сложно переоценить.

Вместе с тем теория права также является формальной наукой, которая изучает формальные, «сконструированные» системы с той разницей, что ее предмет представляет собой систему научных абстракций, производных от отраслевых наук или продуцируемых самой теорией права. В условиях жесткой методологической установки на разграничение «правового» и «неправового», которая была характерна для теории права советского периода («нормативный подход») она превращается в догму права.

В целом понятие «догма» (от греч. – мнение, решение, учение, постановление) означает доктрину или отдельные её положения, принимаемые за истинные без доказательства, опытного обоснования или практической проверки, а лишь на основе веры или подчинения авторитету⁴. Таким образом, изначально догма носит «антинаучный характер».

Легальное понимание догмы права в юридической науке несколько иное: еще С. А. Муромцев понимал под догмой права «систематическое изложение начал (принципов) действующего права какой-либо страны и какого-либо времени» [2, с. 8]. Сходным образом С. С. Алексеев рассматривал догму права как «наиболее точную формулировку многообразного поля смыслов, четкий ответ, даваемый “здесь и сейчас”» [3, с. 20].

В этом контексте догма права представляет собой, своего рода, «юридическую азбуку» – систему понятий, принципов, основных положений, выработанных консенсуальным путем в данном обществе и в данный исторический период. Такое понимание догмы права в значительной степени лишает ее изначально негативного и «антинаучного» содержания.

При этом, как отмечают и сами представители науки теории государства и права, «теоретическая наука по своей природе может иметь дело, по сути, только с идеальными объектами. Поэтому у любого понятия теории права есть все основания для существования и без представленности реальным объектом» [4, с. 15].

Вместе с тем тот же Сергей Андреевич Муромцев отмечал, что «догма права превратила “организм” права в простую логическую систему понятий и определений» [5, с. 35], поскольку была предоставлена «полному господству формально-логического приема» [5, с. 37].

² Колобова С. В., Сергеенко Ю. С. Трудовое право России : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2018. – 404 с.

³ Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Маркет ДС корпорейшн, 2009. – 546 с.

⁴ Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв [и др.]. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.

Интересно, что известная работа С. С. Алексеева, в которой рассматриваются данные вопросы называется «Право – Азбука, Теория, Философия». Теория права в данной цепочке занимает место между азбукой (догмой права) и философией права. Именно философия права позволяет избежать превращение догмы права как части научного познания в догму в ее изначальном семантическом значении.

Здесь нужно заметить, что некоторыми авторами предпринимаются попытки обоснования новой – конституционно-правовой догматики, исходя из логики формальной науки: «положения конституции трактуются как основные элементы системы права, подобно тому, как в формальных науках аксиомы рассматриваются в качестве основоположений, задающих главные черты формальной системы» [6, с. 4].

Подобный подход представляется нам весьма сомнительным, поскольку представляет собой попытку «извлечь» из текстуального содержания конституции то, что находится в ней не может. Вся аксиоматика юриспруденции не может вмещаться в тексте конституции. Здесь, скорее, следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что «конституционный прогресс России, не ограниченный чисто внешними, формально-организационными изменениями, а предполагающий выход страны на качественно иной уровень правовой культуры и практики, во многом связан с демифологизацией общественного (как и профессионального) правосознания, преодолением максималистских иллюзий формально-догматического подхода» [7, с. 131].

2. Философия права и возврат к человеку

Формально-догматический подход, который был характерен для юридической науки советского периода и отчасти оказался унаследован современной теорией права видит «опасность размывания предмета юридической науки за счет “неюридической” тематики. Поэтому актуализируется вопрос о критериях разграничения “юридических” и “неюридических” аспектов правовых исследований» [8, с. 21].

Философия права уже не является формальной наукой (многие ученые вообще считают ошибочным называть философию наукой), поскольку представляет собой «науку о праве в жизни людей, в человеческом бытии» [9, с. 2]. Философия права выводит юридическое познание за рамки формальной системы «правового» (догмы права) и устанавливает связь между сугубо правовыми понятиями и явлениями объективной действительности.

Для прояснения последнего тезиса можно привести следующий пример. Так, профессор В. В. Ершов выступил против юридической концептуализации категории «правовая определенность» (как и принципа правовой определенности), назвав ее «теоретически дискуссионной» и «практически контрпродуктивной». Валентин Валентинович полагает «теоретически обоснованным, а практически необходимым» использование понятия «определенность права» «как категории, “наиболее достоверной из всех”, объективно характеризующей качественное состояние права, а не других социальных явлений, в т. ч. позволяющей разграничить право и неправое» [10, с. 34].

И ведь действительно понятие «правовая определенность» не является «сугубо правовым» или юридическим: скорее оно соединяет правовое и неправовое, образует связь между юридической действительностью и «жизненным миром». Категория «правовая определенность» не просто является более широкой по отношению к понятию «определенность права», но и, безусловно, содержит в себе интенцию к выходу за рамки собственно позитивного права [11, с. 303]. Аналогичным образом «правовая безопасность» (Кого? Человека) не может быть сведена к понятию «безопасность права», хотя такие попытки и предпринимались в теории права [12].

Категория жизненного мира, введенная Гуссерлем, была призвана вырвать человека как познающего субъекта из системы научных абстракций, его подменяющих. Он полагал, что возврат к жизненному миру окажется продуктивным как в сфере гуманитарного, так и в сфере естественнонаучного познания. С этим можно спорить, однако, по нашему мнению, именно в юриспруденции возврат к жизненному миру видится не только востребованным, но и необходимым.

Современная юриспруденция (в особенности, теория права) если можно так выразиться, «бесчеловечна» в том смысле, что человек как субъект в ней отсутствует. Человек является неоперациональным концептом для юриспруденции. О человеке как таковом закон говорит только в том случае, когда он выступает объектом какого-либо действия, имеющего юридическое значение: «похищение человека», «трансплантация органов человека» и т. п.

«Человек» сам по себе как биологическое существо в правовой реальности отсутствует и получает юридическую концептуализацию как «лицо» или «субъект».

Юриспруденция в принципе не в состоянии оперировать понятиями реальной личности со всеми ее индивидуальными страстями и интересами, как математика не может охватить мир реальных явлений, где нет идеального круга, прямой или точки. Поэтому она так же, как и математика, создает свой концептуально-категориальный аппарат, посредством которого формирует собственную «картину мира»: появляется субъект права, субъективные права и обязанности, психические переживания замещаются понятиями умысла и т. п.

В рамках этой реальности нет места человеку как таковому: вместо него появляется субъект права – носитель абстрактных прав и обязанностей. Кстати, в данной реальности нет и «прав человека»: даже сам термин «права человека» характерен только для конституционного и, пожалуй, международного права – в текущем же отраслевом законодательстве, как правило, речь идет о правах собственника, работника, подозреваемого и т. п.

Поскольку человек объективно отсутствует в «реальности права» и замещается «лицом» или «субъектом», то и «права человека» не могут быть порождением этой юридической среды – для их возникновения необходим акт трансгрессии за пределы «реальности права». На наш взгляд, попытки такой трансгрессии сегодня можно заметить в науке конституционного права.

Результаты

Конституционное и государственное право

Общеизвестно, что наименование как отрасли, так и науки – «конституционное право» – прижилось в нашей стране в период перестройки, хотя и в советский период возможность такого наименования также обосновывалась. Но речь в данном случае идет не о терминах или словах, а о предмете как конституционного (государственного?) регулирования, так и научного исследования соответствующих явлений. Слова же «конституционное» и «государственное» выступают символическим отображением тех процессов, которые произошли при переходе к новому (современному) этапу развития конституционного права.

В этом смысле интересна статья Н. А. Бобровой с «говорящим» названием – «Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права?» [13]. В ней автор анализирует различные научные позиции относительно соотношения конституционно-правовых и государственно-правовых отношений. Несмотря на то, что в итоге Наталья Алексеевна декларирует, что «конституционные и государственно-правовые отношения составляют двуединый предмет конституционного (государственного) права, как две стороны одной медали» [13, с. 24], из общего контекста ее рассуждений вырисовывается односторонний характер этой самой медали.

Фактически здесь обосновывается решительный и безоговорочный примат государственно-властных отношений в предмете конституционного права совершенно в духе «лассалевской» конституции (впрочем, автор и не скрывает симпатии к этому подходу). Судите сами: «Сущность конституции состоит не только и не столько в привлекательных принципах и даже не в правах личности (все это – демократический декор, хотя и важный для содержания конституции), сколько в устройстве, механизме власти» [13, с. 19].

Права человека не были изобретены в Конституции 1993 года⁵: если мы сравним ее положения с Конституцией СССР 1977 года⁶, то найдем там фактически тот же набор прав и свобод (за исключением положений, касающихся частной собственности и свободы экономической деятельности). В чем же тогда отличие этих основных законов? Да в самом подходе к конституционной концептуализации этих прав и свобод, обеспечению их конституционной действительности.

Конституция СССР 1977 года содержит позитивистскую модель такой концептуализации: в основном законе перечисляются некие «этикетки» или «наименования» прав и свобод, которые затем мудрый и справедливый законодатель воплощает в правовую реальность. Нам же остается поверить ему на слово и довольствоваться известной максимой “*Dura lex sed lex*”.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

⁶ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) Доступ из информационно-правового портала «Гарант.ру» (далее – ИПП «Гарант.ру»): сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/1592893/> (дата обращения 20.12.2023). – Прекратила действие.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 года, права и свободы являются непосредственно действующими, т. е. гражданин может потребовать соблюдения его именно что конституционных прав, а не их проекций на отраслевое законодательство. Но сказать так мало – необходимо обеспечить адекватный механизм защиты таких прав. Собственно, создание сначала Комитета конституционного надзора СССР, а затем и Конституционного Суда и сделало юридической реальностью непосредственно конституционные (а не отраслевые) права и свободы.

Кстати, в этом смысле вызывает сомнения аргумент Н. А. Бобровой против признания конституционного правосудия характерным признаком конституционных отношений (в отличие от государственно-правовых) на том основании, что «граждане обращаются в Конституционный Суд РФ и конституционные (уставные) суды субъектов РФ за защитой прав самой разной отраслевой принадлежности» [13, с. 22]. Скорее уж граждане обращаются в этот Суд в связи с неконституционным характером норм различной отраслевой принадлежности, которые нарушают их конституционные права.

Более остро и тревожно звучат «практические» аргументы Натальи Алексеевны, связанные с тем, что властью «формируется программа идеологической обработки населения и вырабатываются ювелирные изменения избирательного, информационного и иного законодательства с целью недопущения к власти реальной (внесистемной) оппозиции» [13, с. 21]. Все так, но, во-первых, хотелось бы отметить, что социальный прогресс неостановим и охватывает в т. ч. и сферу права, что дает основания надеяться на утверждение демократических начал российского государственного и общественного устройства.

Во-вторых, любая наука оперирует «идеальными» моделями и образцами: нет, и не будет нигде полной реализации принципа разделения властей или полной независимости судебной власти, однако это не означает, что указанные модели должны отторгаться наукой конституционного права. Так и нарушение конституционных прав не означает их отсутствия.

Заключение

Подводя некий итог, можно отметить, что в настоящее время особое место конституционного права в системе юридического знания обусловлено, во-первых, таким феноменом, как конституционализм, который позволяет оценивать систему права не с позиции логики формально-догматических конструкций, а в корреляции с перспективным смыслом конституционных положений, причем этот смысл не может быть найден в тексте Конституции Российской Федерации, а только внесен извне путем активной познавательно-преобразовательной деятельности. «При этом и судебное толкование в целом, и собственно конституционная интерпретация отраслевого законодательства сходным образом, но с различными по значению следствиями нацелены на преодоление безосновной нормативности обеспечивающих правовое упорядочение законоположений за счет их смысловой интеграции с конституционными ценностями и принципами» [14, с. 11].

Во-вторых, особенностью конституционного права является включение в предмет правового регулирования прав человека, которые никогда не бывают столь же определенными в юридическом смысле как «отраслевые» права. Раскрытие содержания основных прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, невозможно путем простой дедукции или субзумпции: «отраслевые» права не следуют прямо из конституционных, а требуют иного, творческого осмысления. Реальная отраслевая модель реализации того или иного конституционного права всегда в чем-то «ущербна». Она всегда представляет собой многоугольник, вписанный в круг [15, с. 9].

После осознания самостоятельной реальности прав человека «пуповина» между ними и позитивным правом оказалась разорвана: вдруг выяснилось, что «математика права» не в силах преодолеть многообразие и сущностную неопределенность «жизненного мира». Единое конституционное пространство, прежде всего как пространство общепризнанных прав и свобод состоялось как демифологизация человека – возвращение от «персоны» к человеку [16, с. 47].

Отмеченные два вектора развития конституционного права, как представляется, выводят его из категории формальных наук: предмет науки конституционного права более не замыкается на системе правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения. Для осознания конституционных процессов и явлений мало не только самого конституционного права как отрасли права, но и юриспруденции в целом. Кстати, поэтому именно в науке конституционного права наибольшее количество аллюзий к философии,

социологии, психологии и иным сферам гуманитарного знания. Конечно, иногда такие отсылки к иным сферам научного познания носят спекулятивный характер, но в целом это естественный путь развития конституционного права в современном мире.

Список литературы

1. Вишновецкая С. В. К вопросу о назначении методологии науки трудового права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3 (21). – С. 58–64.
2. Муромцев С. А. Что такое догма права? / Сочинения. – Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1885. – 35 с.
3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия : Опыт комплексного исследования : монография. – Москва: Статут, 1999. – 709 с.
4. Тарасов Н. Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6 (105). – С. 9–21.
5. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступ. статья, коммент. Ю. И. Гревцова. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 223 с.
6. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 3–8.
7. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Российский конституционализм: к обретению идеала // Журнал российского права. – 2013. – № 3 (195). – С. 131–141.
8. Кожевина М. А. Размышления о предметной определенности научных специальностей и формировании новых юридических наук // Российский юридический журнал. – 2021. – № 5 (140). – С. 18–24; https://doi.org/10.34076/20713797_2021_5_18.
9. Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – Москва: Норма, 1997. – 329 с.
10. Ершов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» / Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики : материалы XII международной научно-практической конференции: в 3-х ч., 17–21 апреля 2017 г. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2018. – Ч. I. – С. 12–42.
11. Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 302–309.
12. Дрейшев Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 2 (221). – С. 11–19.
13. Боброва Н. А. Конституционные и государственно-правовые отношения: одна или две отрасли права? // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 16–29; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/2>.
14. Крусс В. И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 5–12.
15. Пресняков М. В. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ее отраслевая интерпретация // Гражданин и право. – 2014. – № 11. – С. 3–14.
16. Пресняков М. В. Человек и его права как высшая ценность: о проблеме определенности человека в юридической картине мира / Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. В. В. Строева, Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 45–48.

References

1. Vishnovetskaya S. V. K voprosu o naznachenii metodologii nauki trudovogo prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2013. – № 3 (21). – S. 58–64.
2. Muromtsev S. A. Chto takoye dogma prava? / Sochineniya. – Moskva: Tipografiya A. I. Mamontova i K^o, 1885. – 35 s.
3. Alekseyev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya : Opyt kompleksnogo issledovaniya : monografiya. – Moskva: Statut, 1999. – 709 s.
4. Tarasov N. N. K voprosu o predmete obshchey teorii prava i teoreticheskikh ponyatiyakh // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2015. – № 6 (105). – S. 9–21.

5. *Muromtsev S. A.* Opredeleniye i osnovnoye razdeleniye prava / vstup. stat'ya, komment. Yu. I. Grevtsova. – 2-ye izd., dop. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. – 223 s.
6. *Ogleznev V. V., Surovtsev V. A.* Konstitutsiya kak aksiomatischeeskaya sistema // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2015. – № 5. – S. 3–8.
7. *Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V.* Rossiyskiy konstitutsionalizm: k obreteniyu ideala // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2013. – № 3 (195). – S. 131–141.
8. *Kozhevina M. A.* Razmyshleniya o predmetnoy opredelennosti nauchnykh spetsial'nostey i formirovaniy novykh yuridicheskikh nauk // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2021. – № 5 (140). – S. 18–24; https://doi.org/10.34076/20713797_2021_5_18.
9. *Alekseyev S. S.* Filosofiya prava: istoriya i sovremennost'. Problemy. Tendentsii. Perspektivy. – Moskva: Norma, 1997. – 329 s.
10. *Yershov V. V.* Parnyye kategorii «opredelennost' prava» i «neopredelennost' prava» / Opredelennost' i neopredelennost' prava kak parnyye kategorii: problemy teorii i praktiki : materialy XII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 3-kh ch., 17–21 aprelya 2017 g. – Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2018. – Ch. I. – S. 12–42.
11. *Veliyeva D. S., Presnyakov M. V.* Sushchnost' printsipa pravovoy opredelennosti: v poiskakh konstitutsionno-pravovogo smysla // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo. – 2019. – T. 19, № 3. – S. 302–309.
12. *Dreyshev B. V.* Pravovaya bezopasnost' i problemy yeye obespecheniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 1998. – № 2 (221). – S. 11–19.
13. *Bobrova N. A.* Konstitutsionnyye i gosudarstvenno-pravovyye otnosheniya: odna ili dve otrasli prava? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2020. – № 36. – S. 16–29; <https://doi.org/10.17223/22253513/36/2>.
14. *Kruss V. I.* Konstitutsionnoye pravoponimaniye i praktiko-oriyentiruyushchaya sostoyatel'nost' sovremennoy teorii prava // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2018. – № 11. – S. 5–12.
15. *Presnyakov M. V.* Pryamoye deystviye Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i yeye otraslevaya interpretatsiya // Grazhdanin i pravo. – 2014. – № 11. – S. 3–14.
16. *Presnyakov M. V.* Chelovek i yego prava kak vysshaya tsennost': o probleme opredelennosti cheloveka v yuridicheskoy kartine mira / Pravo i prava cheloveka v sovremennoy mire: tendentsii, riski, perspektivy razvitiya : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora F. M. Rudinskogo, Moskva, 15 aprelya 2021 g. / pod obshch. red. V. V. Stroyeva, D. A. Pashentseva, N. M. Ladnushkinoy. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2021. – S. 45–48.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 5, 2024; approved after reviewing August 5, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 342.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-113-121>

Михаил Сергеевич Сагандыков
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>, sagandykovms@susu.ru

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, д. 76*

Соотношение свободы труда и обязанности граждан трудиться: конституционно-правовое исследование

Аннотация: Введение. Поправки 2020 г. к Конституции Российской Федерации обозначили проблему изменения государственного подхода к взаимодействию личности, общества и государства. Основное содержание свободы труда не должно отождествляться с правом человека не осуществлять никакой общественно полезной деятельности. В то же время конституционная концепция взаимных прав и обязанностей личности и государства не может строиться на тех же принципах, что в советское время. Цель работы – выявление конституционно-правового смысла положений об обязанностях гражданина трудиться или осуществлять иную общественно полезную деятельность и определение перспектив установления соответствующих обязательств в законодательстве России в современный период. **Методы.** Основными методами научного исследования стали: системный анализ, формально-юридический метод. В рамках историко-правового и сравнительно-правового методов были подвергнуты анализу нормы Конституций РСФСР 1918, 1925, 1937 и 1978 годов и конституций зарубежных стран в сравнении с соответствующими положениями Конституции Российской Федерации. **Результаты.** На основе анализа конституционного и трудового законодательства России и зарубежных стран изложено авторское отношение к возможности установления в Конституции Российской Федерации и специальном законодательстве обязательств граждан, связанных с участием в общественно полезной деятельности. Выявлены условия для установления таких обязательств в будущем, которые должны иметь конституционную основу. Обозначены вопросы теоретического характера, возникшие после принятия поправок 2020 г. в Конституцию Российской Федерации, которые могут служить направлением дальнейших конституционно-правовых исследований. Сформулированы выводы о нецелесообразности введения в настоящее время каких-либо принудительных мер по отношению к лицам, не осуществляющим никакой общественно полезной деятельности, и условия для их появления в законодательстве в будущем.

Ключевые слова: Конституция, свобода труда, обязанность трудиться, общественно полезный труд, взаимодействие личности и государства

Для цитирования: Сагандыков М. С. Соотношение свободы труда и обязанности граждан трудиться: конституционно-правовое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 113–121; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-113-121>.

Original article

Mikhail S. Sagandykov
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-5510-817X>, sagandykovms@susu.ru

*South Ural State University (National Research University)
76, V. I. Lenina Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation*

Relation between freedom of work and the obligation of citizens to work: a constitutional-legal research

Abstract: Introduction. Amendments to the Constitution of 2020 of the Russian Federation have marked the problem of changing the state approach to the interaction of the individual, society and the state. The basic content of freedom of work should not be identified with the right of a person not to carry out any socially useful activity. At the same time, the constitutional concept of mutual rights and obligations of the individual and the state cannot be built on the same principles as in the Soviet times. The purpose of the work is to identify the constitutional and legal meaning of the provisions on the obligations of a citizen to work or carry out other socially useful activities and to determine the prospects for establishing the relevant obligations in the legislation of Russia in the modern period. **Methods.** The main methods of scientific research are: system analysis, formal-legal method. Within the framework of historical-legal and comparative-legal methods the norms of the Constitutions of the RSFSR of 1918, 1925, 1937 and 1978 and constitutions of foreign countries were analysed in comparison with the corresponding provisions of the Constitution of the Russian Federation. **Results.** Based on the analysis of constitutional and labour legislation of Russia and foreign countries the author's attitude to the possibility of establishing in the Constitution of the Russian Federation and special legislation the obligations of citizens related to participation in socially useful activities. The conditions for the establishment of such obligations in the future, which should have a constitutional basis, are revealed. The theoretical issues that arose after the adoption of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation are outlined, which can serve as a direction for further constitutional and legal research. The conclusions are formulated about the inexpediency of introducing at present any coercive measures in relation to persons who do not perform any socially useful activity, and the conditions for their appearance in the legislation in the future.

Keywords: Constitution, freedom of labour, duty to work, socially useful labour, interaction between the individual and the state

For citation: Sagandykov M. S. Relation between freedom of work and the obligation of citizens to work: a constitutional-legal research // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 113–121; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-113-121>.

Введение

В юридической литературе, посвященной основополагающим конституционным положениям в сфере труда, традиционно обращается внимание на то, что главным достижением Конституции Российской Федерации в этой области является провозглашение свободы труда в противовес общему конституционному подходу советского периода, выраженному в обязанности каждого гражданина трудиться¹. Некоторые авторы даже приходят к выводу, что свойственное советскому периоду единство принципа свободы труда и принципа всеобщности труда сегодня перестало быть актуальным [1, с. 101–103].

Л. Ю. Бугров ранее, чем была принята Конституция Российской Федерации, писал: «Личности принадлежит право выбора между занятостью и незанятостью» [2, с. 27]. Со словами автора трудно не согласиться, но означают ли они отсутствие у гражданина каких-либо обязательств юридического или социального характера перед обществом, государством, своими близкими, выраженных в ответственном отношении к реализации гарантированной государством свободы труда?

Действительно, принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации² исключила какие бы то ни было обязательства гражданина по отношению к государству в части осуществления трудовой деятельности. Однако, по истечении 30-летнего срока действия Основного закона нашей страны, дискуссия о соотношении понятий «свобода труда», «право на труд» и «обязанность трудиться» возрождается с новой силой. Поводом к ней стали

¹ Коншаков В. М. Проблемы конституционализации правового регулирования социально-трудовых отношений : дис... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 60–61.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации³, олицетворяющие изменение государственного подхода к роли труда и человека труда в обществе, к системе взаимоотношений между личностью, обществом и государством.

Методы

Основными методами научного исследования стали: системный анализ, формально-юридический метод. В рамках историко-правового и сравнительно-правового методов были подвергнуты анализу нормы Конституций РСФСР 1918, 1925, 1937 и 1978 гг. и конституций зарубежных стран, устанавливающих обязательства граждан осуществлять трудовую и иную общественно полезную деятельность, в их соотношении с положениями Конституции Российской Федерации, в т. ч. с внесенными в нее поправками 2020 года. Анализу преимущественно подвергались конституции стран, которые в социально-экономическом смысле противоположны РСФСР и имеют общие черты с постсоветской Россией.

Результаты

Все конституции советского периода закрепляли дуализм права советского человека на труд и его обязанность трудиться на благо социалистического государства и общества [3, с. 36]. Последнее, по мнению большинства авторов, отрицает саму возможность существования в Советской России свободы труда⁴.

Необходимо отметить, что конституционно-правовое выражение обязанности гражданина трудиться постепенно менялось [4, с. 6].

Наиболее жесткие формулировки, выражающие суть обязанности граждан трудиться, содержатся в Конституциях РСФСР 1918 и 1937 гг. (ст. 18 и 12 соответственно). Ранее они нашли отражение в нескольких трудах В. И. Ленина и сводятся к формуле, являющейся, по его мнению, основой социализма: «Кто не работает, тот не ест»⁵. Одинаковые на первый взгляд нормы, по нашему мнению, отличаются своим смыслом. Так, в Конституции РСФСР 1918 года используется формулировка «Не трудящийся, да не ест!»⁶. Другими словами, норма предполагает отказ гражданину в возможности «есть» не только, и даже не столько потому, что он «не работает», а потому, что он не относится к категории «трудящихся». С таким смыслом конституционная норма приобретает политический и идеологический оттенок. Недаром одной из задач молодого Советского государства провозглашается «уничтожение паразитических слоев общества»⁷. Наконец, для обозначения обязанности граждан трудиться в этом же пункте Основного закона 1918 года используется термин «повинность», перешедший в Конституцию вместе с Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа [5, с. 128], принятой также в 1918 году, но чуть ранее⁸.

Кроме того, в Конституции РСФСР 1937 года принцип «Кто не работает, тот не ест», не встречающийся в более поздних конституциях, дополнен основным принципом социализма: «От каждого по его способностям, каждому – по его труду»⁹, повторяющийся в ст. 14 Конституции РСФСР 1978 года¹⁰.

Следует также отметить, что в Конституции РСФСР 1937 года, наравне с работой по трудовому договору признается возможность граждан получать доход в иных формах (ст. 9). Эти возможности, безусловно, существенно ограничены запретом «эксплуатации чужого труда», но включают в себя право заниматься личным трудом в рамках частного

³ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Федеральный конституционный закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

⁴ Русских Т. В. Свобода сторон трудового договора при его заключении, изменении, расторжении и пределы ее ограничения : дис ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2011. – С. 53.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – изд. 5. – Москва: Госполитиздат, 1959. – Т. 6: Январь – август 1902. – С. 357.

⁶ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Доступ из информационно-правового портала «Гарант.ру» (далее – ИПП «Гарант.ру») : сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 20.12.2023). – Прекратила действие.

⁷ Пункт «е» ст. 3 Конституции РСФСР 1918 года.

⁸ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (принята III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 25 января 1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – № 15. – Ст. 215.

⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // ИПП «Гарант.ру» : сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/> (дата обращения 20.12.2023). – Прекратила действие.

¹⁰ Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) // ИПП «Гарант.ру» : сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/> (дата обращения 20.12.2023). – Прекратила действие.

хозяйства, что сегодня в некотором смысле можно было бы назвать «самозанятостью». Вообще, вопреки общему мнению, мелкое хозяйствование в России развивалось не только в период НЭПа, но и в более поздние годы¹¹, несмотря на то, что в Конституции РСФСР 1978 года норм, подобных ст. 9 Конституции РСФСР 1937 года, уже не было.

Конституционное закрепление обязанности граждан трудиться не имело бы столь важного политико-идеологического и социально-экономического значения в советское время без одновременного провозглашения важнейшего социалистического принципа – запрета частной собственности, – в том или ином виде нашедшего отражения во всех Конституциях РСФСР. Например, в соответствии со ст. 4 Конституции РСФСР 1937 года экономическая основа базируется на признании социалистической собственности и, напротив, отмене частной собственности и эксплуатации человека человеком [6, с. 87]. Другими словами, в условиях отсутствия частной собственности человек не имеет другой возможности получать доход, кроме как занимаясь трудовой деятельностью в интересах государства – единственного собственника. В такой ситуации даже отсутствие прямого указания в Конституциях о всеобщей обязанности трудиться положение советского гражданина не сильно бы изменило, поскольку иных форм получения средств к существованию у него не было, если не считать те формально и фактически скромные возможности занятия личным трудом, о которых сказано выше.

С. А. Авакьян отмечает право гражданина получать доход, например, в форме процентов от капитала, имея вклад в банке или ценные бумаги, и даже выигрывая деньги в казино [7, с. 11]. Таким образом, гражданин, возможно, не осознавая этого, инвестирует в российскую экономику. Деньги, находящиеся в банке, например, служат источником кредитов для развития бизнеса или строительства. Кроме того, с 2023 года граждане, имеющие доход со вкладов выше налогооблагаемой суммы, обязаны платить налоги (ст. 214.2 Налогового кодекса Российской Федерации¹²).

В советское время, напротив, многие из таких способов получения доходов, за исключением, пожалуй, банковских депозитов, были отнесены к нетрудовым доходам, находились под запретом, в т. ч. на конституционном уровне (например, ст. 13 Конституции 1978 года) и не снимали обязанности работать на благо Отечества.

Ответственность человека за свое и общественное благосостояние, обязанность своим трудом обеспечивать себя, членов своей семьи – не уникальная характеристика социалистического государства и общества. Эта концепция появилась задолго до создания Советского государства и его философско-идеологической основы.

Еще в Новом завете, во Втором послании к Фессалоникийцам апостола Павла сказано: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»¹³. Идея обязательности труда прослеживается в работах европейских философов Т. Мора и Э.-Г. Морелли задолго до возникновения марксизма-ленинизма [8, с. 26]. На законодательном уровне уже в «Ордонансе о рабочих и слугах» (1349) осуществлялось принуждение к труду, запрещалось необоснованное прекращение трудовых отношений, не допускалась материальная поддержка лиц, уклоняющихся от работы [9, с. 22]. Имеются и другие примеры подобного подхода к наемному труду в истории европейского законодательства [10, с. 91]. Другими словами, традиции некоего государственного и общественного принуждения к осуществлению полезной деятельности в странах Европы имеются. Наверное, поэтому всеобщность труда, обязанность каждого гражданина работать на благо общества не чужды конституционному правотворчеству этих государств. Нередко соответствующие положения встречаются в конституциях стран и других частей света.

Можно выделить три подхода к закреплению рассматриваемых норм в конституциях разных государств.

В некоторых конституциях содержится прямое указание гражданам трудиться, соседствующее с правом на труд по примеру рассмотренных ранее Конституций РСФСР. Причем таким образом сформулированные обязанности встречаются не только в конституциях стран социалистического блока (например, ст. 42 Конституции КНР¹⁴), но и в основных законах стран Европы, капиталистических государств Востока. Так, в ч. 1 ст. 35 Конституции

¹¹ Андрюхин Е. А. Предпринимательская деятельность населения СССР в 50–80-е годы XX века : автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Курск, 2011. – 26 с.

¹² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

¹³ Протоиерей Валентин Уляхин. Священное Писание Нового Завета. Апостол. – [б. м.]: ПСТГУ, 2017. – 496 с.

¹⁴ Конституция КНР (принята 14.12.1982) (ред. от 11.03.2018) // Chinalaw. Center : [сайт]. – URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения 20.12.2023).

Испании сказано: «Все испанцы обязаны трудиться и имеют право на труд»¹⁵. Аналогичное определение содержится в ст. 27 Конституции Японии¹⁶. Преамбула к Конституции Франции 1946 года также гласит: «Каждый обязан работать и имеет право на получение должности»¹⁷.

Конституции ряда других стран обязывают граждан вносить своим трудом вклад в развитие общества. Так, например, в ст. XI Конституции Венгрии закреплено: «Каждый должен способствовать благосостоянию сообщества посредством их работы в соответствии с их навыками и возможностями»¹⁸. Похожая норма имеется в ст. 4 Конституции Италии: «Каждый гражданин в соответствии со своими возможностями и по своему выбору обязан осуществлять деятельность или выполнять функции, способствующие материальному или духовному развитию общества»¹⁹. Другими словами, в приведенных примерах от гражданина требуется приносить пользу обществу любым способом, и не обязательно посредством собственно трудовой деятельности в ее традиционном понимании.

Наконец, еще один вариант конституционной обязанности трудиться представлен в более мягкой форме и отталкивается от обязанности государства обеспечивать существование человека, но только в тех случаях, когда он не может это сделать сам. Например, в п. 3 ст. 35 Конституции Словакии установлена обязанность государства предоставлять «в соразмерном объеме ... материальное обеспечение гражданам, которые не по своей вине не могут осуществлять право на труд»²⁰. Подобные обязательства государства при условии добросовестного отношения гражданина к труду закреплены в Конституциях Македонии²¹ (ст. 32), Чехии²² (ст. 26) и других стран.

Вместе с тем, несмотря на некоторое внешнее сходство конституционных норм современных европейских государств и Советской России в сфере соотношения свободы труда и обязанности трудиться, есть важное отличие, вытекающее из специального законодательства. Трудно согласиться с мнением, согласно которому обязанности граждан в сфере труда в конституциях западных стран имеют более моральный, чем правовой характер²³, поскольку указанные нормы имеют важнейшее политико-идеологическое и социально-экономическое значение, отражают подход государства к его взаимодействию с личностью и обществом, порождают некоторые правовые последствия для гражданина. В то же время каких-либо правовых санкций за нарушение данных обязанностей, кроме возможного отказа в материальной помощи, в законодательстве этих стран не предусмотрено. Пожалуй, единственным примером европейской страны, в законодательстве которой предусматривается какая-либо имущественная ответственность за отказ от посильного вклада в общее дело, является Республика Беларусь. Впрочем, речь идет не об уголовной или административной ответственности, а об обязанности граждан Беларуси оплачивать услуги, субсидируемые государством, в полном размере по экономически обоснованным тарифам²⁴.

¹⁵ Constitución de la Monarquía Española // Sesión plenaria celebrada el sábado 6 de julio de 1929 // Diario de las sesiones. Asamblea nacional. – № 48. – Apéndice I. – URL: http://www.congreso.es/docu/PHist/docs/06asam/DSapendice1_1929.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁶ The Constitution of Japan (Promulgated on November 3, 1946. Came into effect on May 3, 1947) // Prime Minister's Office of Japan. – URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁷ Конституция Французской республики 1958 года (с изм. от 23.07.2008) // Конституционный совет Французской республики : [сайт]. – URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁸ Constitution /Basic law of Hungary (April 25, 2011) // LEGISLATIONLINE : OSCE/ODIHR database of legal reviews and legislation. – URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2023-09/constitution%20of%20hungary.pdf> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁹ The Constitution of the Italian Republic // Italian Government Presidency of the Council of Ministers. – URL: <https://www.governo.it/en/fundamental-principles/11825> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁰ Конституция Словацкой Республики // Судебный совет Словацкой Республики : [сайт]. – URL :https://www.sudnarada.gov.sk/data/files/527_constitution-of-the-slovak-republic.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

²¹ Конституция Республики Северная Македония // Assembly of the republic of North Macedonia : [сайт]. –URL: https://www.sobranie.mk/the-constitution-of-the-republic-of-macedonia-ns_article-constitution-of-the-republic-of-north-macedonia.nsprx (дата обращения: 20.12.2023).

²² The Constitution of the Czech Republic (No. 1/1993 Coll. adopted on December 16, 1992) // Chamber of Deputies Parliament of the Czech Republic. – URL: <https://www.psp.cz/en/docs/laws/constitution.html> (дата обращения: 20.12.2023).

²³ Страшун Б. А., Алебастрова И. А., Рябов С. В., Будагова А. Ш. [и др.] Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть : учебник / рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. – 4-е изд., обновл. и дораб. – Москва: ИНФРА-М, 2010. –С. 212.

²⁴ Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2015 г. № 3 «О содействии занятости населения» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.12.2023).

В Советском Союзе, по верному замечанию П. А. Астафичева, «уклонение от общественно полезного труда, равно как и владение частным капиталом, объявлялись противоправными и наказуемыми» [11, с. 7]. В 60-х гг. XX века были приняты нормативные акты, устанавливающие административное преследование²⁵ и уголовную ответственность (ст. 209 и 209.1 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года²⁶) за правонарушения в области уклонения от общественно полезного труда.

Кроме того, отсутствие свободы труда в ее современном понимании подтверждается нормами трудового законодательства советского периода. Например, одно из важных прав работника, наполняющего конституционный принцип свободы труда, – возможность увольнения по собственному желанию²⁷ – было существенно ограничено в советское время, особенно, до конца 1950-х гг. прошлого века [12, с. 74–83]. Вплоть до 1 февраля 2002 г. расторжение срочного трудового договора по инициативе работника допускалось только при наличии уважительных причин, например, в случае болезни или инвалидности (ст. 32 Кодекса законов о труде Российской Федерации²⁸).

Еще одним важным смысловым отличием конституционной обязанности трудиться в социалистической России и зарубежных странах является придание ей политического характера в Конституциях РСФСР. Свобода труда как конституционное право и принцип неразрывно связана с другими конституционными ценностями. Обязанность трудиться при наличии политической, идеологической, духовно-культурной свободы приобретает совершенно другие целевые установки, тогда как в период РСФСР указанная обязанность являлась прямым выражением политической несвободы, идеологического однообразия и социально-культурной зависимости.

В действующей российской Конституции никаких упоминаний об обязанностях граждан России трудиться, или иным образом вносить вклад в общее благо, приносить пользу обществу не закреплено. Нет никаких ограничений, аналогичных тем, что существовали в советское время, и в трудовом законодательстве. Тем более, ни административное, ни уголовное право никаких рычагов воздействия на нежелающих трудиться граждан не имеют.

Считаем необходимым сразу прояснить свою позицию. Введение какой-либо юридической ответственности за отказ осуществлять трудовую деятельность в той или иной форме является нецелесообразным, юридически не обоснованным, идеологически и социально-экономически малоэффективным, особенно, если наказания будут заключаться в форме обязательного труда в том или ином виде [3, с. 37].

Необходимо согласиться с В. М. Коншаковым в том, что юридическое понятие свободы труда следует отличать от фактической необходимости человека работать для удовлетворения своих жизненных потребностей, а также в связи с наличием моральных обязательств перед обществом, семьей²⁹.

Являются ли эти обязательства только моральными?

Государство гарантирует гражданину получение бесплатного образования, медицинской помощи, организует жилую инфраструктуру, охрану общественного порядка, безопасность. Все эти блага, во-первых, возможны благодаря общественно-полезной деятельности граждан, во-вторых, оплачиваются из средств бюджетов различных уровней, формируемых во многом за счет налогов с различных видов деятельности граждан – трудовой, предпринимательской и иной. В связи с этим не только у государства, но и у общества есть и моральные, и правовые основания требовать от всех граждан участия в создании общего блага, конечно, с учетом физических и иных возможностей и способностей. В этом смысле правило ст. 14 Конституции РСФСР 1978 года «от каждого по его способностям, каждому – по его труду»³⁰ актуально и сегодня.

²⁵ См., например: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 18. – Ст. 273.

²⁶ Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. – Прекратил действие.

²⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2022 г. № 2243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Косачева Александра Петровича на нарушение его конституционных прав статьей 394 Трудового кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=732225#v9LMNzTLFmopZr25> (дата обращения: 21.12.2023).

²⁸ Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. Верховным Советом РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1971. – № 50. – Ст. 1007.

²⁹ Коншаков В. М. Указ. соч. – С. 56–57.

³⁰ URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/> (дата обращения: 20.12.2023).

Безусловно, выстраивание такой системы взаимоотношений между личностью, обществом и государством должно быть основано на конституционном закреплении взаимных обязательств между субъектами взаимодействия. С. А. Авакьян предлагает усилить конституционную ценность системы прав человека его обязанностями перед государством и обществом. Ему импонирует положение ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь 1996 года³¹: «Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответственен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией» [13, с. 46]. В этом же акте после поправок 2022 года появилась еще одна заслуживающая внимания и одобрения норма: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства»³². В статье 12 Конституции Турции содержится примерно такой же смысл: «Основные права и свободы подразумевают также обязанности и ответственность гражданина перед обществом, его семьей и другими лицами»³³. К сожалению, в Конституции Российской Федерации подобные положения отсутствуют.

Нельзя не согласиться с В. В. Жернаковым в том, что свобода труда – это воплощение естественного права «человека на свободное развитие, получившее конституционное закрепление» [14, с. 92]. В свою очередь свободное развитие – это естественный путь к достоинству личности, которое в контексте свободы труда выражается, по словам С. А. Авакьяна, в стремлении гражданина, несмотря на возможность получения помощи от государства, добиваться поставленных целей собственными силами, в ответственном отношении к своим возможностям обеспечить себя, свою семью и внести вклад в общее благо [15, с. 25–27]. Актуально выглядит утверждение Л. Ю. Бугрова: «Без ответственности перед обществом и своим коллективом свобода равнозначна произволу и ... рано или поздно обращается в “несвободу”»³⁴.

Чувство собственного достоинства исключает иждивенчество, потребительское отношение гражданина к обществу и государству, но в то же время предполагает наличие определенных обязательств последнего перед личностью, создание условий для свободного выбора общественно полезной деятельности в отсутствие всех форм принуждения, а также при гарантировании государством всех прав, наполняющих конституционную ценность свободы труда. Другими словами, государство вправе требовать от гражданина отдавать долг обществу, но при условии обеспечения ключевых конституционных принципов – свободы и достоинства личности, равноправия, справедливости. Только в таких условиях гражданин будет сам осознавать необходимость трудовой деятельности, считая это не принуждением, а свободой труда.

Заключение

Сказанное выше позволяет сделать вывод, в соответствии с которым введение сегодня какой-либо обязательности труда, «налога на безработных» или иной любой формы принуждения к лицам, не осуществляющим ни трудовой, ни предпринимательской, ни какой-либо иной общественно полезной деятельности, является преждевременным, но в перспективе возможным. Условиями для столь жестких мер должны стать как минимум гарантированное трудоустройство в соответствии со способностями гражданина, его квалификацией, а также обеспечение достойных условий труда на рабочих местах. Только в этом случае свобода труда будет сочетаться с обязанностью гражданина вносить посильный вклад в общественное благополучие.

Указанные выше взаимные обязательства личности и государства должны иметь конституционную основу, о чем ранее уже было сказано. Поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации, на наш взгляд, страдают некоторой недосказанностью. С одной стороны, положения ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1 Конституции стоит оценить положительно. В то же время смысл некоторых положений до конца не ясен. Например, не совсем понятно, что имеется ввиду под социальной и экономической солидарностью. Может быть,

³¹ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г., 17.10.2004 г. и 27.02.2022 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 20.12.2023).

³² Там же.

³³ Конституция Турецкой Республики (принята на всенародном референдуме 07.11.1982 г.) // Великое национальное собрание Турции : [сайт]. – URL: <https://global.tbmm.gov.tr/constitution> (дата обращения: 20.12.2023).

³⁴ Бугров Л. Ю. Проблема свободы труда в советском трудовом праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1992. – С. 15.

именно в этих словах скрыты взаимные обязательства между личностью, обществом и государством? Почему говорится о сбалансированности прав и обязанностей гражданина, но не государства? Видимо, на эти и многие другие вопросы в ближайшем будущем придется ответить Конституционному Суду Российской Федерации. Вместе с тем было бы целесообразно выстроить в Конституции Российской Федерации концепцию взаимодействия личности, общества и государства с четким распределением их взаимных прав и обязанностей.

Список литературы

1. Ахметьянов Д. В. Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права // Российский юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 94–107; https://doi.org/10.34076/20713797_2022_1_94.
2. Бугров Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1992. – 236 с.
3. Винокуров В. А. Конституционное право человека и гражданина на труд: возможность и необходимость ограничения // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 11. – С. 35–38.
4. Гейхман В. Л. Конституция РФ и право на труд // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 3–5.
5. Дзарасов М. Э. Конституционные права в сфере труда и их законодательное регулирование (1917–1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2011. – № 3. – С. 127–141.
6. Шульженко Ю. Л. Учебник советского государственного права под редакцией А.Я. Вышинского 1938 г. // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 77–99; <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-1-shulzhenko>.
7. Авакьян С. А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 7–14; <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-7-14>.
8. Васьков П. В. Право на труд как основное социально-экономическое право граждан и обязанность граждан трудиться в советских конституциях // История государства и права. – 2007. – № 19. – С. 25–27.
9. Черняева Д. В. Трудовые отношения в странах англосаксонского права. – Москва: ВолтерсКлувер, 2010. – 208с.
10. Ахметьянов Д. В. Свобода труда от древнейших обществ и до Нового времени // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 1 (15). – С. 87–98; <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2023-1-87-98>.
11. Астафичев П. А. Приоритеты развития конституционных социально-экономических прав человека и гражданина в СССР и современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 8. – С. 7–13; <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-7-13>.
12. Бугров Л. Ю. Свобода труда и увольнение по инициативе работника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – Вып. 1 (7). – С. 74–103.
13. Авакьян С. А. Глобализация, общие конституционные ценности и национальное регулирование // Национальные интересы. – 2001. – № 4. – С. 44–47.
14. Жернаков В. В. Свобода труда и запрещение принудительного труда в современном трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – Вып. 3 (21). – С. 89–95.
15. Авакьян С. А. Проблемы активизации личности в социальном государстве / Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции, Минск, 3–4 октября 2019 г. / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 23–28.

References

1. Akhmet'yanov D. V. Ponimaniye svobody truda v sovetskoy i rossiyskoy nauke trudovogo prava // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 1. – S. 94–107; https://doi.org/10.34076/20713797_2022_1_94.
2. Bugrov L. Yu. Problemy svobody truda v trudovom prave Rossii. – Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 1992. – 236 s.
3. Vinokurov V. A. Konstitutsionnoye pravo cheloveka i grazhdanina na trud: vozmozhnost' i neobkhodimost' ogranicheniya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2019. – № 11. – S. 35–38.

4. *Geykhman V. L.* Konstitutsiya RF i pravo na trud // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1. – S. 3–5.
5. *Dzharasov M. E.* Konstitutsionnyye prava v sfere truda i ikh zakonodatel'noye regulirovaniye (1917–1940 gg.) // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2011. – № 3. – S. 127–141.
6. *Shul'zhenko Yu. L.* Uchebnik sovetskogo gosudarstvennogo prava pod redaktsiyey A. Ya. Vyshinskogo 1938 g. // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2022. – T. 17, № 1. – S. 77–99; <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-1-shulzhenko>.
7. *Avak'yan S. A.* Sotsial'nost' kak obshchestvennaya i konstitutsionno-pravovaya kategoriya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. – 2021. – № 3. – S. 7–14; <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2021-3-7-14>.
8. *Vas'kov P. V.* Pravo na trud kak osnovnoye sotsial'no-ekonomicheskoye pravo grazhdan i obyazannost' grazhdan trudit'sya v sovetskikh konstitutsiyakh // Istoriya gosudarstva i prava. – 2007. – № 19. – S. 25–27.
9. *Chernyayeva D. V.* Trudovyye otnosheniya v stranakh anglosaksonskogo prava. – Moskva: Volters Kluver, 2010. – 208 s.
10. *Akhmet'yanov D. V.* Svoboda truda ot drevneyshikh obshchestv i do Novogo vremeni // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. – 2023. – № 1 (15). – S. 87–98; <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2023-1-87-98>.
11. *Astafichev P. A.* Prioritety razvitiya konstitutsionnykh sotsial'no-ekonomicheskikh prav cheloveka i grazhdanina v SSSR i sovremennoy Rossii // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2021. – № 8. – S. 7–13; <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-8-7-13>.
12. *Bugrov L. Yu.* Svoboda truda i uvol'neniye po initsiative rabotnika // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2010. – Vyp. 1 (7). – S. 74–103.
13. *Avak'yan S. A.* Globalizatsiya, obshchiye konstitutsionnyye tsennosti i natsional'noye regulirovaniye // Natsional'nyye interesy. – 2001. – № 4. – S. 44–47.
14. *Zhernakov V. V.* Svoboda truda i zapreshcheniye prinuditel'nogo truda v sovremennom trudovom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. – 2013. – Vyp. 3 (21). – S. 89–95.
15. *Avak'yan S. A.* Problemy aktivizatsii lichnosti v sotsial'nom gosudarstve / Konstitutsionno-pravovyye osnovy razvitiya Respubliki Belarus' kak sotsial'nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Minsk, 3–4 oktyabrya 2019 g. / redkol.: G. A. Vasilevich (otv. red.) [i dr.]. – Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 23–28.

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; одобрена после рецензирования 06.02.2024; принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted December 25, 2023; approved after reviewing February 6, 2024; accepted for publication June 14, 2024.

Частно-правовые (цивилистические) науки Private legal (civilistic) sciences

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-122-130>

Булат Эдуардович Шавалеев

<https://orcid.org/0000-0003-4934-4034>, shavaleev.bulat@gmail.com

*Казанский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 420108, Казань, ул. Магистральная, д. 35*

О коллизии норм гражданского законодательства в части определения порядка управления автономной некоммерческой организацией

Аннотация: Введение. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм гражданского законодательства, устанавливающих требования к управлению автономной некоммерческой организацией, что позволило выявить коллизию отдельных положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Федерального закона (далее – ФЗ) «О некоммерческих организациях». Разрешение выявленных противоречий требует внесения изменений в специальное законодательство о некоммерческих обществах для приведения его в соответствие с требованиями ГК РФ. Целью работы является предложение способов совершенствования российского законодательства о некоммерческих обществах, в частности, посвященного определению порядка управления автономной некоммерческой организацией. **Методы.** При написании статьи автором использовался диалектический метод познания, общенаучные методы познания, а именно, анализ и синтез, а также такие частнонаучные методы, как сравнительно-правовой, формально-логический и другие методы. **Результаты.** На основе проведенного исследования норм ГК РФ и ФЗ «О некоммерческих организациях» предложены меры по разрешению выявленной коллизии в части определения управления автономной некоммерческой организацией. Так, руководствуясь принципом приоритета кодифицированного нормативного акта, автор предлагает исключить из ФЗ «О некоммерческих организациях» нормы, противоречащие ГК РФ, что позволит разграничить конкурирующие нормы приведенных правовых актов и сохранить нормы, касающиеся публично-правовых аспектов статуса некоммерческого общества.

Ключевые слова: юридическое лицо, автономная некоммерческая организация, коллизия, управление, орган управления

Для цитирования: Шавалеев Б. Э. О коллизии норм гражданского законодательства в части определения порядка управления автономной некоммерческой организацией // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-122-130>.

Original article

Bulat E. Shavaleev

<https://orcid.org/0000-0003-4934-4034>, shavaleev.bulat@gmail.com

*Kazan Law Institute of the MIA of Russia
35, Magistral'naya str., Kazan, 420108, Russian Federation*

On the conflict of civil legislation norms in terms of determining the procedure for managing autonomous non-profit organizations

Abstract: Introduction. The article is devoted to the comparative legal analysis of the civil legislation norms establishing the requirements to the management of an autonomous non-profit organisation, which allowed us to identify the conflict of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law 'On Non-Profit Organisations'. Resolving the identified contradictions requires amendments to the special legislation on non-profit organisations to bring it into line with the requirements of the Civil Code of the Russian Federation. The aim of the work is to propose improvements to the Russian legislation on non-profit organisations, in particular, determining the procedure for managing autonomous non-profit organisations. **Methods.** When writing the article, the author used the dialectical method of cognition, general scientific methods of cognition, namely, analysis and synthesis, as well as such specific scientific methods as comparative-legal, formal-logical and other methods. **Results.** Based on the study of the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law 'On Non-Profit Organisations', the measures to resolve the identified conflict regarding the definition of management of an autonomous non-profit organisation are proposed. Guided by the principle of priority of a codified normative act, the author proposes to exclude from the Federal Law 'On Non-Profit Organisations' the norms that contradict the Civil Code of the Russian Federation, which will make it possible to distinguish the competing norms of the above legal acts and preserve the norms concerning public legal aspects of the status of a non-profit society.

Keywords: legal entity, autonomous non-profit organisation, conflict, management, governing body

For citation: Shavaleev B. E. On the conflict of civil legislation norms in terms of determining the procedure for managing autonomous non-profit organizations // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 3 (103). – P. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-122-130>.

Введение

Законодательство Российской Федерации о некоммерческих организациях (далее – НКО) постоянно совершенствуется и дополняется, однако фрагментарный и несистемный характер такой работы приводит к возникновению множества коллизий и пробелов, а также к проблемам в сфере правоприменения, особенно в процессе государственной регистрации некоммерческих организаций.

В юридической литературе выделяется почти три десятка организационно-правовых форм НКО [1], к числу наиболее распространенных относится автономная некоммерческая организация (далее – АНО), что обусловлено особенностями ее правового статуса и удобства для реализации различных проектов. Согласно Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹ (далее – ФЗ «О некоммерческих организациях»), АНО признается не имеющая членства НКО, созданная в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных сферах.

По мнению А. В. Габова, предпосылки выделения АНО как вида НКО не были полностью объяснены [2, с. 134]. Действительно, в период до внесения изменений в законодательство о некоммерческих организациях лишь отдельные ученые-правоведы указывали на потенциальную возможность того, что АНО может стать предпочтительной формой

¹ О некоммерческих организациях : федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 3. – Ст. 145.

для НКО в областях образования, культуры, искусства, здравоохранения и других сферах². Аналогичной позиции придерживался Е. А. Суханов, который подчеркивал, что выделение АНО как самостоятельной формы НКО вызывало сомнения в своей обоснованности ввиду того, что из положений действующего на тот момент законодательства следовала полная идентичность его гражданско-правового статуса и фонда [3, с. 119].

В сентябре 2014 г. гражданское законодательство в области регламентации правового статуса НКО было значительно реформировано. Так, сохранение и поддержание центральной роли норм Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) стало основным направлением совершенствования гражданского законодательства, что потребовало уточнения признаков НКО, ограничения их возможностей при осуществлении предпринимательской деятельности, пересмотра их организационно-правовых форм [4, с. 30].

Однако следует констатировать, что в результате проведенной реформы далеко не все коллизии и правовые проблемы были решены, а действующее законодательство по-прежнему уделяет недостаточно внимания нормам об АНО, в связи с чем возникают некоторые проблемы на этапе регистрации такой НКО.

Очевидна проблема коллизии норм в части организации управления АНО при условии ее регистрации единственным учредителем.

Методы

Методологической основой настоящего исследования выступил всеобщий диалектический метод познания. Автором были также использованы общенаучные методы познания, а именно, системно-структурный анализ, метод дифференциации, обобщение, сравнение, метод формализации и т. д. Так, в частности, анализ действующего российского законодательства позволил установить основы нормативного регулирования и требования, предъявляемые к регистрации АНО, тогда как посредством сравнения установлены отличия в требованиях ГК РФ и ФЗ «О некоммерческих организациях» к организации управления в данной организационно-правовой форме НКО.

Частнонаучные методы познания представлены логико-юридическим и сравнительно-правовыми методами, что позволило установить содержание управленческих функций в автономном некоммерческом обществе.

Сочетание общенаучных и частнонаучных методов позволило раскрыть содержание нормативных правовых актов, устанавливающих особенности обеспечения управления в АНО, выявить и определить проблемы, обусловленные наличием пробелов в российском законодательстве, а также предложить способы их преодоления.

Результаты

Некоммерческие организации, в частности, создаваемые в форме АНО, выполняют важную функцию в обществе, являясь платформой для развития гражданского общества и решения общественно-значимых проблем.

Важность поддержки деятельности НКО отмечается в п. е.1 ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации, согласно которому Правительство Российской Федерации должно осуществлять меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе НКО, в целях обеспечения их участия в выработке и проведении государственной политики⁴.

Достижение целей, для которых создавалось АНО, осуществляется путем организации управления. Одним из ключевых аспектов управления АНО является правовая база, на которой они строят свою деятельность.

Управление юридическим лицом осуществляется в соответствии с требованиями законодательства путем распределения полномочий и компетенций между специально создаваемыми для этого органами.

По мнению Д. А. Сумского, орган юридического лица выступает его структурно обособленной частью, наделенной внутри организации властными полномочиями, которые реализуются в рамках установленной компетенции⁵.

² Краснопольская Е. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности автономной некоммерческой организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – С. 2.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

⁵ Сумской Д. А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2007. – С. 32.

О. В. Дмитриев считает, что органом юридического лица следует считать лицо (единоличный орган) или совокупность лиц (коллегиальный орган), которые в установленном законодательством и локальными нормативными актами порядке наделены полномочиями в отношении данного юридического лица [5, с. 96].

В свою очередь разграничение полномочий и компетенций между органами юридического лица имеет большое значение при распределении ответственности рассматриваемого органа, в связи с чем гражданское законодательство устанавливает требования к организации управления в юридическом лице.

По мнению С. В. Соловьевой, юридическое лицо принимает участие в гражданских правоотношениях посредством своих органов, что требует четкого разграничения их функций и полномочий. В свою очередь требования законодательства установлены в отношении структуры органов управления, однако ст. 53 ГК РФ не учитывает разработанную доктринальной классификацию органов юридического лица, в результате чего функции органов его управления часто смешиваются в их компетенции [6, с. 88].

Как отмечает К. П. Павлова, состав и компетенция органов управления формируют «модель управления юридическим лицом», представляющую собой конкретную структуру управления, включающую определенный набор органов управления юридического лица, от которого зависит объем компетенции каждого из них⁶.

Реформа гражданского законодательства о юридических лицах, проведенная в 2014 году, безусловно, положительно сказалась на качестве нормативного регулирования данной сферы общественных отношений, однако многие вопросы остались неразрешенными.

Например, вопреки оценкам многих ученых-правоведов о несостоятельности АНО как вида НКО, данная организационно-правовая форма не только не была исключена из законодательства, но и в ст. 123.25 ГК РФ был установлен порядок организации управления такой организацией, поскольку ранее применялись лишь общие нормы об управлении аналогично иным видам НКО.

Управление деятельностью АНО осуществляют ее учредители в порядке, установленном ее уставом. Как следует из п. 1 ст. 123.24 ГК РФ, АНО может быть создана одним лицом, т. е. иметь единственного учредителя⁷.

В доктрине гражданского права традиционно органы управления в АНО делятся на три уровня, а именно, учредители, высший орган управления и исполнительные органы [7, с. 146].

Предусмотрена также возможность по решению учредителей создать в АНО постоянно действующий коллегиальный орган управления, а также закрепляется обязанность создания единоличного исполнительного органа (п. 2, 3 ст. 123.25 ГК РФ).

А. В. Абросимова в связи с этим отмечает, что учредитель сам по себе не имеет функций органа управления, в отличие, например, от общего собрания участников в обществах с ограниченной ответственностью или акционеров в акционерных обществах соответственно [8, с. 8]. Автор не согласен с данным утверждением, поскольку считает, что учредители выступают самостоятельным элементом в системе организации управления НКО, в частности, созданном в форме АНО.

Как писал Г. Ф. Шершеневич, идея создания юридического лица и разработка плана для ее реализации принадлежат учредителям⁸. В. Ф. Яковлев также отмечает, что учредитель АНО рассматривается в российском законодательстве как лицо, осуществляющее управление [9, с. 71].

В течение продолжительного периода существовал пробел по вопросу исключения из состава учредителей умершего физического лица или юридического лица, прекратившего свое существование, что также находило отражение в судебной практике. Например, Арбитражный суд г. Москвы в решении по делу № А40-234767/2016 отказал АНО в иске об исключении юридического лица из состава учредителей этой организации, мотивируя свое решение тем, что истец не представил доказательств определения собранием его учредителей порядка исключения таких учредителей. Суд подчеркнул, что действующим на тот момент законодательством не был предусмотрен иной порядок выхода учредителя из состава АНО, кроме выхода по собственному усмотрению⁹.

⁶ Лескова Ю. Г., Серова О. А., Диденко А. А., Долгов С. Г. [и др.]. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Справочно-правовая система «Гарант» (далее – СПС «Гарант»). – URL: <https://base.garant.ru/77555726/> (дата обращения: 26.12.2023).

⁷ СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁸ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Типография товарищества печатного и издательского дела «Труд», 1908. – Т. 1: Введение : Торговые деятели. – С. 404.

⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 января 2017 г. по делу № А40-234767/2016 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/n5b7fftlbs6C/> (дата обращения: 26.12.2023).

Лишь в декабре 2023 года ФЗ «О некоммерческих организациях» был дополнен положениями о том, что умерший учредитель физическое лицо или учредитель юридическое лицо, в случае прекращения деятельности в связи с ликвидацией или исключением из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) по решению регистрирующего органа, может быть исключен из состава учредителей по решению высшего органа управления АНО.

Однако в настоящее время данная проблема сохраняется применительно к ситуациям, когда такой учредитель был единственным в АНО.

В такой организационно-правовой форме НКО как «учреждение», права собственности передаются по наследству, тогда как в случае с АНО законодательством до настоящего времени никак не урегулирован вопрос передачи права управления, в связи с чем такое АНО фактически прекращает свою деятельность, поскольку орган управления отсутствует, а для ликвидации необходимы предусмотренные законом основания.

Октябрьский районный суд г. Саратова в своем решении по делу № 2-155/202 отмечает, что общие правила изменения состава учредителей в АНО установлены п. 6 ст. 123.24 ГК РФ и п. 3 ст. 15 ФЗ «О некоммерческих организациях», однако возможность и порядок исключения из ЕГРЮЛ сведений об учредителях НКО – физических лицах в связи с их смертью, равно как и о юридических лицах, правоспособность которых прекращена, действующим законодательством не предусмотрены, в связи с чем указанные сведения в ЕГРЮЛ изменению не подлежат. Исходя из этого, суд сделал вывод, что прием в состав учредителей АНО нового лица взамен умершего единственного учредителя не представляется возможным¹⁰.

Коллегиальный орган в АНО формируется с целью обеспечения управления деятельностью организации для достижения установленных в учредительных документах целей. Он относится к высшим органам управления АНО и в его компетенцию входит решение множества вопросов [10, с. 119].

Следовательно, из буквального понимания положений гражданского законодательства в случае если АНО создается по решению единственного учредителя, данный учредитель и осуществляет управление организацией.

Однако, исходя из п. 8 ст. 123.24 ГК РФ, правовое положение АНО, а также права и обязанности их учредителей, устанавливаются законом в части, не урегулированной ГК РФ, а именно, в ФЗ «О некоммерческих организациях».

А. В. Габов в этой связи пишет, что ФЗ «О некоммерческих организациях» в результате реформы законодательства об НКО должен был прекратить существование, однако действует до сих пор [2].

Так, согласно п. 1 ст. 28 ФЗ «О некоммерческих организациях», учредительными документами НКО устанавливаются структура, компетенция, порядок формирования и срок полномочий органов управления, порядок принятия ими решений и выступления от имени НКО, тогда как в п. 1 и 5 ст. 29 ФЗ «О некоммерческих организациях» говорится, что высшим органом управления для АНО является коллегиальный высший орган управления, который не может состоять из работников этой НКО более чем на одну треть.

Министерством юстиции России придерживается аналогичной правовой позиции, согласно которой высший орган управления автономной некоммерческой организации может быть только коллегиальным¹¹.

Из анализа приведенных положений действующего законодательства вырисовывается коллизия между нормами ГК РФ и ФЗ «О некоммерческих организациях», поскольку единственный учредитель АНО не может выступать высшим органом управления организации. В связи с этим распространена точка зрения, что в автономной некоммерческой организации должны быть сформированы как минимум два органа управления: коллегиальный высший орган управления и единоличный исполнительный орган.

Возникает вопрос, положения какого нормативного акта подлежат применению в части организации управления в АНО? Согласно подп. 1 п. 1 ст. 23.1 ФЗ «О некоммерческих организациях», НКО может быть отказано в государственной регистрации в случае, если представленные документы противоречат действующему законодательству.

Данная позиция также широко представлена в судебной практике, поскольку суды применяют ст. 29 ФЗ «О некоммерческих организациях» для обоснования установленного

¹⁰ Решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 24 марта 2021 г. по делу № 2-155/2021 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zVS4Wsnm5fgl/> (дата обращения: 26.12.2023).

¹¹ Письмо Министерства юстиции Российской Федерации от 2 ноября 2015 г. № 11-126260/15 «О подготовке обзора применения законодательства при решении проблемных вопросов в сфере государственной регистрации и при осуществлении контроля за деятельностью общественных объединений, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций» // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/71264114/> (дата обращения: 26.12.2023).

законодательством порядка управления в НКО. Например, данная позиция представлена в следующих судебных актах: Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 2 октября 2023 г. по делу № 2а-9826/2023¹²; Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Сахалинского областного суда от 1 февраля 2024 г. по делу № 33а-62/2024¹³.

По общему правилу учредитель имеет значительные права по управлению АНО. В юридической литературе в связи с этим отмечается, что способ создания некоммерческих организаций, категории возможных учредителей, их права в отношении организаций обусловлены характером интереса учредителя, равно как и принципы формирования их имущества, варианты его обособления¹⁴.

Однако в данном случае возникает сложность при определении нормативного акта, подлежащего применению, являющаяся следствием более серьезной проблемы – несоответствия актуальной редакции ФЗ «О некоммерческих организациях» действующему ГК РФ.

Разрешение обозначенных проблем, по нашему мнению, должно основываться на положениях ГК РФ, поскольку отдельные положения законодательных актов не могут ему противоречить.

Согласно ст. 3 ГК РФ, гражданское законодательство включает в себя непосредственно ГК РФ и принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, причем нормы гражданского права, содержащиеся в этих законах, не должны противоречить Кодексу.

Нормативные правовые акты, регламентирующие сферу деятельности НКО, не претерпели соответствующих изменений с момента реформирования данной сферы в 2014 году. Внутренние противоречия в законодательстве об НКО приводят к недостаточной системности регулирования конституционного права граждан на объединение. Следовательно, совершенствование законодательства в данной сфере должно осуществляться системно.

Несмотря на то, что в ФЗ «О некоммерческих организациях» неоднократно вносились изменения, направленные на обеспечение его соответствия ГК РФ, законодатель оставил без внимания нормы, противоречащие статьям, посвященным, в частности, управлению в НКО, поскольку последние изменения в ст. 29 данного нормативного правового акта вносились в 1998 году. В связи с этим необходимо отметить авторов, также подчеркивающих необходимость внесения изменений в российское законодательство об НКО (например, Ю. В. Гросул, О. А. Серову, Ю. Г. Лескову и др. [11–14]).

Следует согласиться с Т. В. Сойфер, которая отмечает, что оптимизация организационно-правовых форм НКО не достигла ожидаемых результатов, т. к. перечень таких форм, предусмотренных ГК РФ, неоднократно расширялся. При этом выделенные самостоятельные правовые формы часто не обладают значимыми индивидуализирующими характеристиками, и эти отличительные аспекты гражданско-правового статуса юридических лиц, созданных в формах НКО, не нашли отражения в ГК РФ [4, с. 39].

Выявленные недостатки законодательства об НКО, в частности, в области организации управления, указывают на необходимость проведения нового этапа реформирования законодательства о юридических лицах, при котором основное внимание должно быть уделено именно НКО. Так, требуется пересмотреть нормы, определяющие условия осуществления деятельности НКО, урегулировать вопросы исключения его учредителей, организации управления и ряд других.

Аналогичной позиции придерживается, например, А. Н. Борисов, который пишет, что положения ФЗ «О некоммерческих организациях» до приведения его в соответствие с положениями ГК РФ должны применяться постольку, поскольку они не противоречат положениям указанных статей, посвященных АНО¹⁵.

Альтернативное мнение представлено в работе К. А. Гайдарова, который считает, что, поскольку ФЗ «О некоммерческих организациях» является специальным законодательным актом по отношению к ГК РФ, его нормы имеют приоритет перед ГК РФ в тех случаях, когда диспозитивные нормы ГК РФ противоречат императивным нормам ФЗ «О некоммерческих организациях» [15, с. 195].

¹² Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 02 октября 2023 г. по делу № 2а-9826/2023 // Доступ из СПС «Гарант». – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/336376192/paragraph/1:1> (дата обращения: 03.09.2024).

¹³ Апелляционное определение СК по административным делам Сахалинского областного суда от 01 февраля 2024 г. по делу № 33а-62/2024 // СПС «Гарант». – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/338385835/paragraph/1:0> (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁴ Сойфер Т. В. Концепция некоммерческих организаций в российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 37.

¹⁵ Борисов А. Н. Комментарий к главе 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации «Юридические лица» (постатейный) // СПС «Гарант». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17730#mOqjMUWAoOEPKCA> (дата обращения: 26.12.2023).

Указанная проблема по существу отсылает правоприменителей к более общей проблеме – коллизии гражданско-правовых норм ГК и других федеральных законов.

Так, П. А. Фалилеев и В. Б. Козлов рассматривают установленный приоритет ГК РФ перед другими федеральными законами как «необычный» и неоправданный. По их мнению, включение нормы п. 2 ст. 3 в ГК РФ свидетельствует о пренебрежении юридической теорией и логичностью правовой системы со стороны законодателя. В связи с этим предлагается отменить эту норму, т. к. соотношение общих и специальных нормативных актов должно определяться в соответствии с принципом *lex specialis derogat legi generali* (лат. – *специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон*), по которому специальное законодательство может противоречить ГК РФ и при этом иметь приоритет [6, с. 89].

По нашему мнению, приоритетом обладают именно нормы ГК РФ ввиду установленного приоритета над нормами иных федеральных законов, регулируемыми отношения, указанные в п. 1 ст. 2 ГК РФ.

Об этом также свидетельствует п. 4 ст. 3 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ¹⁶, согласно которому впредь до приведения законодательных и иных нормативных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, в соответствие с положениями ГК РФ, законодательные и иные нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, применяются постольку, поскольку они не противоречат положениям ГК РФ.

Косвенно данную позицию подтверждает ст. 123.24 ГК РФ, в которой говорится, что положения иных нормативных актов применяются по вопросам, прямо не урегулированным в ГК РФ.

В связи с этим предлагаем внести изменения в действующее законодательство об НКО, а именно, сформулировать общие основы нормативно-правового регулирования, управления и отчетности для всех НКО в Российской Федерации, что потребует также переосмысления ряда нормативных правовых актов, например, федеральных законов «Об общественных объединениях»¹⁷, «О свободе совести и религиозных организациях»¹⁸, «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»¹⁹ и т. д.

В частности, считаем, что из ФЗ «О некоммерческих организациях» необходимо исключить положения, противоречащие ГК РФ, и оставить исключительно нормы, касающиеся публично-правовых аспектов статуса НКО.

Кроме того, предлагаем установить возможность и регламентировать порядок передачи права управления в АНО в случае единственного учредителя.

Обсуждение

Анализ российского законодательства об АНО позволяет отметить ряд существенных недостатков, которые препятствуют эффективному функционированию и развитию организаций в данной организационно-правовой форме.

В частности, разрешение выявленной коллизии норм об организации управления в АНО требует внесения изменений в ФЗ «О некоммерческих организациях» для приведения его в соответствие с положениями ГК РФ, что положительно скажется на качестве нормативного правового регулирования деятельности НКО в Российской Федерации, а также на правоприменительной практике регистрирующих органов, а следовательно, и на обеспечении конституционного права граждан на объединение.

Заключение

Как итог проведенного исследования отметим следующее.

Учитывая современную значимость НКО в российском гражданском обществе, необходимо обеспечить качественное нормативное правовое регулирование их деятельности, однако законодательство Российской Федерации в данной сфере по-прежнему имеет ряд недостатков. Например, нами выявлена коллизия норм об определении порядка управления в автономной некоммерческой организации, а также отсутствие законодательно установленной возможности и порядка исключения из ЕГРЮЛ сведений об учредителях

¹⁶ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

¹⁷ Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

¹⁸ О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

¹⁹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

некоммерческой организацией – физических лицах в связи с их смертью, а также о юридических лицах, правоспособность которых прекращена.

Исходя из того, что особенности организации порядка управления автономной некоммерческой организацией определены в ГК РФ, а отдельные нормы установлены в ФЗ «О некоммерческих организациях», возникает необходимость проведения следующего этапа реформирования законодательства об НКО, в частности, путем исключения противоречащих Кодексу норм из иных нормативных актов, посвященных некоммерческим организациям, с сохранением норм, касающиеся публично-правовых аспектов статуса и особенностей деятельности НКО.

Считаем, что гармонизация законодательства об НКО требует системной работы и концептуальной основы для разграничения основ нормативного правового регулирования. В свою очередь, совершенствование законодательства об АНО будет способствовать развитию гражданского общества, повышению эффективности деятельности некоммерческого сектора и реализации социально-полезных целей.

Список литературы

1. *Сумской Д. А.* Некоммерческие организации в теории российского гражданского права // Российская юстиция. – 2009. – № 6. – С. 13–17.
2. *Габов А. В.* Переход прав учредителя автономной некоммерческой организации // Закон. – 2021. – № 9. – С. 131–139.
3. *Суханов Е. А.* Комментарий к ст. 65.1-65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14, № 3. – С. 107–132.
4. *Сойфер Т. В.* Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (153). – С. 30–39.
5. *Дмитриев О. В.* Органы управления в системе органов юридических лиц // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 3 (24). – С. 95–99.
6. *Козлов В. Б., Фалилеев П. А.* Соотношение общих и специальных правовых норм на примере гражданского и морского права : (Критика современного законодательства) // Государство и право. – 1997. – № 11. – С. 82–94.
7. *Алексеев С. С.* Компетенция органов управления автономной некоммерческой организации в период добровольной ликвидации // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 9 (142). – С. 144–153; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.142.9.144-153>.
8. *Абросимова А. В.* Порядок формирования и деятельность коллегиального органа управления автономной некоммерческой организации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1 (24). – С. 7–9.
9. *Яковлев В. Ф.* О Концепции развития гражданского законодательства // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 4. – С. 6–101.
10. *Петров В. А.* Нюансы управления АУ и АНО // Автономные организации: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2009. – № 1. – С. 113–127.
11. *Лескова Ю. Г.* Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений : монография. – Москва: Статут, 2013. – 384 с.
12. *Гросул Ю. В.* О праве некоммерческих организаций на занятие предпринимательской деятельностью // Право и бизнес. – 2013. – № 3. – С. 16–18.
13. *Серова О. А.* Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России : монография. – Москва: Юрист, 2011. – 327 с.
14. *Петров М. П., Палагин М. С.* Законодательство о некоммерческих организациях в публичной сфере в аспекте системности и эффективности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – №3. – С. 201–212.
15. *Гайдаров К. А.* Управление в некоммерческих организациях / Актуальные вопросы современной науки и практики : сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, 13 апреля 2021 г. – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 194–205.

References

1. *Sumskoy D. A.* Nekommercheskiye organizatsii v teorii rossiyskogo grazhdanskogo prava // Rossiyskaya yustitsiya. – 2009. – № 6. – S. 13–17.
2. *Gabov A. V.* Perekhod prav uchreditelya avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii // Zakon. – 2021. – № 9. – S. 131–139.

3. *Sukhanov Ye. A.* Kommentariy k st. 65.1-65.3 GK RF // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2014. – T. 14, № 3. – S. 107–132.
4. *Soyfer T. V.* Nekommercheskiye organizatsii: problemy grazhdanskoy pravosub'yektnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2018. – №. 1 (153). – S. 30–39.
5. *Dmitriyev O. V.* Organy upravleniya v sisteme organov yuridicheskikh lits // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2010. – № 3 (24). – S. 95–99.
6. *Kozlov V. B., Falileyev P. A.* Sootnosheniye obshchikh i spetsial'nykh pravovykh norm na primere grazhdanskogo i morskogo prava : (Kritika sovremennogo zakonodatel'stva) // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 11. – S. 82–94.
7. *Alekseyev S. S.* Kompetentsiya organov upravleniya avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii v period dobrovol'noy likvidatsii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2022. – T. 17, № 9 (142). – S. 144–153; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.142.9.144-153>.
8. *Abrosimova A. V.* Poryadok formirovaniya i deyatelnost' kollegial'nogo organa upravleniya avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2016. – № 1 (24). – S. 7–9.
9. *Yakovlev V. F.* O Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva // Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiyskoy Federatsii. – 2009. – № 4. – S. 6–101.
10. *Petrov V. A.* Nyuansy upravleniya AU i ANO // Avtonomnyye organizatsii: bukhgalterskiy uchet i nalogooblozheniye. – 2009. – № 1. – S. 113–127.
11. *Leskova Yu. G.* Kontseptual'nyye i pravovyye osnovy samoregulirovaniya predprinimatel'skikh otnosheniy : monografiya. – Moskva: Statut, 2013. – 384 s.
12. *Grosul Yu. V.* O prave nekommercheskikh organizatsiy na zanyatiye predprinimatel'skoy deyatelnost'yu // Pravo i biznes. – 2013. – № 3. – S. 16–18.
13. *Serova O. A.* Teoretiko-metodologicheskiye i prakticheskiye problemy klassifikatsii yuridicheskikh lits sovremennogo grazhdanskogo prava Rossii : monografiya. – Moskva: Yurist, 2011. – 327 s.
14. *Petrov M. P., Palagin M. S.* Zakonodatel'stvo o nekommercheskikh organizatsiyakh v publichnoy sfere v aspekte sistemnosti i effektivnosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2009. – №3. – S. 201–212.
15. *Gaydarov K. A.* Upravleniye v nekommercheskikh organizatsiyakh / Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki i praktiki : sbornik nauchnykh statey po materialam V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 13 aprelya 2021 g. – Ufa: Nauchno-izdatel'skiy tsentr "Vestnik nauki", 2021. – S. 194–205.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted January 11, 2024; approved after reviewing August 29, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Уголовно-правовые науки Criminal science

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-131-142>

Публикация подготовлена в рамках гранта Государственного Совета Республики Крым молодым учёным Республики Крым

Кристина Сергеевна Абисова

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 295053, Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14*

Методология исследования террористической деятельности. Часть 2: познавательные инструменты

Аннотация: Введение. Статья является логическим продолжением публикации «Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования»¹. Статья посвящена описанию конкретных методологических инструментов исследования террористической деятельности. Очевидно, что ввиду сложности террористической деятельности, усложнения в динамике социального развития, многообразия видов и форм терроризма в современном транзитивном обществе необходимо применение эффективных подходов к исследованию. **Методы.** Методологическую основу исследования составили фундаментальные основы и постулаты философской методологии: всеобщие категории, принципы и закономерности диалектического, и деятельностного подходов, общенаучная методология системного подхода, а также комплексный инструментарий общелогических методов познания. **Результаты.** Обосновано, что диалектический метод позволяет изучить противоречивость терроризма, проявляющуюся в динамике террористической деятельности в контексте социально-исторического развития. Понимание сложности, многообразия видов и форм, технологичности террористической деятельности как современного социально-правового явления, ее места и роли в динамике социального развития современного транзитивного общества, а также необходимости системного противодействия ей определяет необходимость применения системного подхода.

¹ Абисова К. С. Методология исследования террористической деятельности. Часть 1: основы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

Использование методологического инструментария интервального подхода позволяет всесторонне исследовать террористическую деятельность в ее сущности и проявлениях в различных проекциях и измерениях, синтез знаний каждого из них позволяет получить интервальную модель террористической деятельности. Применение деятельностного подхода позволяет рассматривать террористическую деятельность как реализуемое на систематической основе преступное поведение, включая допреступные и посткриминальные с точки зрения совершения непосредственно террористического акта деяния.

Ключевые слова: терроризм, террористическая деятельность, система, методологический инструментарий, интегративность, интервальный подход

Для цитирования: Абисова К. С. Методология исследования террористической деятельности. Часть 2: познавательные инструменты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 131–142; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-131-142>.

Original article

This work has been prepared as a part of a grant from the State Council of the Republic of Crimea to young scientists of the Republic of Crimea

Kristina S. Abisova

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-7922-5744>, abisova@inbox.ru

*Crimea branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia
14, Academica X. X. Stevena str., Simferopol, 295053, Russian Federation*

Methodology of terrorist activity research. Part 2: cognitive tools

Abstract: Introduction. The article is a logical continuation of the publication “Terrorism Research Methodology. Part 1: Research Fundamentals”². The article is devoted to the description of specific methodological tools of terrorist activity research. On account of the complexity of terrorist activity, the increasing complexity in the dynamics of social development, the diversity of types and forms of terrorism in modern transitional society, it is necessary to apply effective approaches to research. **Methods.** The methodological basis of the research was formed by the fundamental bases and postulates of philosophical methodology: universal categories, principles and regularities of dialectical and activity approaches, general scientific methodology of system approach, as well as a set of general logical methods of cognition. **Results.** The author substantiates that the dialectical method makes it possible to study the contradictory nature of terrorism, manifested in the dynamics of terrorist activity in the context of socio-historical development. The understanding of the complexity, diversity of types and forms, technological nature of terrorist activity as a modern socio-legal phenomenon, its place and role in the dynamics of social development of modern transitional society, as well as the need for systemic counteraction to it determines the requirement for applying a systemic approach. The use of the methodology of the interval approach provides a comprehensive study of the terrorist activity and its manifestations in various aspects and dimensions, the synthesis of knowledge of each of them helps to obtain an interval model of terrorist activity. Application of the activity approach reveals terrorist activity as criminal behaviour implemented on a systematic basis, including pre-criminal and post-criminal actions from a standpoint of committing a terrorist act.

Keywords: terrorism, terrorist activity, system, methodology, integrativity, interval approach

For citation: Abisova K. S. Methodology of terrorist activity research. Part 2: cognitive tools // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 3 (103). – P. 131–142; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-131-142>.

² Abisova K. S. Metodologiya issledovaniya terroristicheskoy deyatel'nosti. Chast' 1: osnovy issledovaniya // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 2 (102). – S. 122–130; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-122-130>.

Введение

Будучи сложным и противоречивым социальным феноменом, терроризм получил свое специфическое развитие на фоне развития и усложнения общества, претерпел изменения в социокультурной динамике нескольких столетий, трансформировавшись от отдельных способов борьбы социальных групп за свои права в особый вид международной преступности современного мира [1, с. 356]. Противоречивость феномена терроризма уходит корнями в глубокую древность, когда он применялся в качестве инструмента диктатуры в целях государственного управления (например, в Римской империи), с одной стороны, и в качестве механизма борьбы с государственной властью (например, в средневековой Сирии) – с другой³. Сложность терроризма отражается в динамике террористической деятельности (от традиционных к современным формам), в изменчивости (рост технологичности и масштабности), трансформативности (от религиозного – к идеологическому), ввиду чего его разнообразные проявления в социокультурных, исторических и географических характеристиках объективно обуславливают субъективность познания данного феномена. В свою очередь, субъективность в познании способствует появлению различных трактовок в понимании исследуемого феномена, что указывает на необходимость выбора соответствующего объекту познания проверенного и эффективного инструментария научного познания.

Методы и результаты

Именно *диалектический метод* позволяет изучить противоречивость терроризма, проявляющуюся в динамике террористической деятельности в контексте социально-исторического развития, что подразумевает возможность проследить эволюцию данного явления и его трансформацию от зарождения до наших дней (от государственного и религиозного – к идеологическому, национальному, политическому и транснациональному).

Как отмечают отечественные и зарубежные ученые и философы, исследующие специфику современной социальной реальности, важнейшей особенностью нынешнего общества, называемого транзитивным, т. е. переходным (Ф. Уэбстер, Е. А. Тюгашев), постиндустриальным (Д. Белл, А. Тоффлер, В. Иноземцев и др.), информационным (К. Шеннон, Н. Винер, Д. фон Нейман, А. Тьюринг, Р. Абдеев и др.), является его уникальная динамика. Имеют место быстрое нарастание и синтез различных трансформационных процессов: социально-политические и экономические изменения, глобализация, а также тотальная технологизация [2, с. 3]. Мир становится более сложным и все большее количество изменений происходит под воздействием человеческой деятельности, которая также усложняется и трансформируется, обрастает новыми формами взаимодействий и инструментами: от региональных и локальных до глобальных, от реально-предметных до виртуально-цифровых. В этих специфических условиях и происходит становление и развитие современной террористической деятельности, которая осваивает новые технологические, социальные, экономические и прочие ресурсы и возможности [3, с. 84]. Ее последствия становятся все менее предсказуемыми, а усилия по предотвращению, компенсированные новыми социальными условиями и обеспеченные сверхновыми разноплановыми инструментами, а также непредвиденными реакциями различных глобальных социальных субъектов или воздействием сил природы, могут значительно ухудшить ситуацию. Пытаясь ответить на подобные вызовы, ученые еще в прошлом веке осознали необходимость поиска новых стратегий и подходов мышления и деятельности в подобных непростых ситуациях. В рамках таких поисков и возник системный подход – методология постижения сложных объектов как систем, в которых все взаимосвязано. Сегодня существует множество школ системного подхода, которые утверждают, что развитие системного мышления – важнейший фактор выживания человечества в современном трансформирующемся мире [4].

В юридической науке получило широкое распространение применение системного подхода к анализу преступности в работах таких авторов, как В. М. Дрёмин, А. Н. Игнатов, С. В. Иванцов, В. В. Макаров, С. В. Матюшенко, А. В. Шахматов и др.⁴ [5–9; 10, с. 3, 20–22].

Необходимость применения системного подхода к исследованию террористической деятельности обуславливается сложностью этого явления, его усложнением в динамике

³ Терроризм: история и причины возникновения // Министерство по чрезвычайным ситуациям Камчатского края : [официальный сайт]. – URL: <https://www.kamgov.ru/minsp/protivodejstvie-terrorizmu-i-ekstremizmu/terrorism> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Дрёмин В. Н. Институциональная теория преступности и криминализация общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Одесса, 2010. – С. 7.

социального развития, многообразием видов и форм терроризма в современном транзитивном обществе. Например, одной из ключевых особенностей современного социума, как мы уже писали, является технологизация, которая оказывает существенное влияние и на характер терроризма: «Конец XX – начало XXI века ознаменовались существенными изменениями в средствах и способах осуществления террористических акций. Вследствие вовлечения в боевые организации некоторой части высокопрофессиональной и высокообразованной интеллигенции на службу терроризму поставлены самые современные высокие технологии. В связи с этим возросла угроза производства и применения во время терактов оружия массового поражения. Объектом воздействия террористов стали не только политический, военный и экономический потенциалы страны, но и управленческая и информационная сфера. Технологизация общества привела к росту опасности террористических актов. На объектах промышленности, транспорта возникла угроза применения террористами мер провоцирования экологических катастроф»⁵. Одним из важнейших принципов противодействия терроризму, согласно ст. 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон № 35-ФЗ), в Российской Федерации является принцип системности, предполагающий «...комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму...»⁶. Сегодня в юридической литературе терроризм и террористическая деятельность рассматриваются как особо опасные явления современного мира⁷: «терроризм относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы»⁸, имеющих системный характер: «...по совокупности организационно-тактических характеристик терроризм – это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха и отличающееся бивалентностью объекта воздействия, различными способами действий»⁹. Таким образом, понимание сложности, технологичности терроризма как современного социально-правового явления, а также необходимости системного противодействия ему способствует осознанию уместности применения системного подхода к изучению террористической деятельности.

Система – это сложное множество простых элементов, составляющих единство, образующих связи и взаимодействия друг с другом и внешней средой и формирующих присущую данной системе целостность, качество, функциональную и целевую направленность¹⁰. Применяя базовые концепты, а также общие системные закономерности к исследованию террористической деятельности, можем констатировать, что террористическая деятельность носит системный характер.

Любой субъект террористических отношений (взаимодействия) является членом общества как биосоциальной системы, т. е. выступает одним из ее элементов [11, с. 65]. Указанный субъект в своей преступной деятельности использует основной инструмент – террор (насилие) и преследует определенную цель – воздействие на общество. Террористическая деятельность представляет собой разновидность биосоциальной системы, элементарный состав которой формируют субъекты терроризма, а также возникающие между ними и биосоциальной средой (обществом и природой), ее элементами, в данном случае – объектами терроризма, т. е. людьми, отношения. Субъекты терроризма объединяются в организацию, для которой характерны такие системообразующие качества, как структура, иерархия, цель, управление, синергия. Таким образом, террористическая деятельность как система – *это сложное множество субъектов терроризма, составляющих преступное единство и целостность, образующих криминальные связи и взаимодействия друг с другом и обществом, реализующее функцию насилия (в форме террора) над обществом и его членами с целью управления последними в своих интересах. Закономерности ее функционирования системны и сводятся к следующим принципам:*

⁵ Грачев С. И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории : учебное пособие / под общ. ред. О. А. Колобова : [Электронный ресурс]. – Нижний Новгород: ФМО/ИСИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. – С. 6.

⁶ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

⁷ Терроризм в современном мире : Информационно-аналитический вестник / под ред. А. П. Кошкина. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. – Вып. 5. – 108 с.

⁸ Грачев С. И. Указ. соч. – С. 3.

⁹ СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

¹⁰ Горохов А. В. Основы системного анализа : учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2024. – С. 32–33.

– интегративность, означающая наличие существенных устойчивых преступных взаимосвязей между субъектами террористической деятельности, имеющих системообразующий и системообразующий характер, превосходящий по силе и степени зависимости их иные взаимосвязи: с объектами терроризма и с обществом в целом (например, террористическая группа (организация), в рамках которой террористы демонстрируют свою взаимосвязь как элементы террористической системы);

– целостность, раскрываемая в сложном единстве множества простых взаимосвязанных между собой субъектов террористической деятельности, обособленных от социальной среды и взаимодействующих с ней как единое целое (например, идеология и пропаганда терроризма, насилия, объединяющая всех террористов; у каждой террористической организации есть своя обособленная от среды и других организаций структура, где террористы представлены как целостное единство, организованная группа с общностью интересов, задач и целей);

– холизм, эмерджентность, синергичность – взаимосвязанные параметры, представляющие собой соответственно:

а) структурный, организационный и функциональный приоритет террористической деятельности как системы перед ее субъектами как отдельными частями;

б) наличие усиливающего эффекта взаимодействия внутри террористической деятельности как системы, превосходящего простую сумму действий отдельных субъектов террористической деятельности;

в) наличие у террористической деятельности свойств, не присущих субъектам террористической деятельности по отдельности, или принципиально не сводимых характеристик террористической деятельности как системы к сумме характеристик составляющих ее субъектов (например, террористическая стратегия, а конкретнее: совместные согласованные действия нескольких террористов могут быть организованы так, что будут иметь эффект взаимного усиления; каждая террористическая организация подчинена реализации общей цели);

– иерархичность – террористическая деятельность имеет свою упорядоченную структуру на организационном уровне (например, у каждой террористической организации есть своя упорядоченная структура взаимоотношений, система управления и субординации, подчинения и доминирования). Более того, она может рассматриваться как элемент (подсистема) биосоциальной надсистемы (системы) общества.

Общенаучная методология системного подхода имеет особую ценность в понимании феномена террористической деятельности, о чем свидетельствует не только проведенный выше анализ, но и научные результаты современных исследователей терроризма. Например, Ю. Д. Мишин и Е. А. Кочнев доказывают его особую эффективность в сочетании с диалектическим методом [12, с. 118]. Поддерживая общую интенцию указанных авторов, добавим, что для постижения сущности и специфики современной террористической деятельности как сложного феномена трансформирующегося общества важно обратиться к достижениям философской методологии последнего столетия – методологическому инструменту *интервального подхода*, разработанному на основе диалектического и системного подходов в рамках постнеклассического типа научной рациональности, соответствующему последней стадии развития научного знания. Это позволяет всесторонне раскрыть характеристики современного терроризма как многомерного социально-правового явления и особенности его реализации в террористической деятельности с учетом социокультурной динамики данного феномена.

За несколько последних десятилетий в среде представителей социально-гуманитарного знания сформировался большой интерес к такому интеллектуальному феномену мыслительной культуры, как многомерное мышление. Причина этого интереса восходит к особенностям современного этапа общественного развития, связанного с вовлечением человечества в глобальные экономические, социально-политические и информационно-технологические процессы, ставшие важнейшей составляющей «общества знаний» и техногенной цивилизации в целом. Ученые все чаще сталкиваются с усложняющимися объектами исследования, с динамичными и сложнопрогнозируемыми явлениями. Безусловно, это породило острую потребность в поиске соответствующих интеллектуальных ресурсов для постижения таких феноменов. Ответом на данный вызов, по словам современного философа М. К. Трифоновой, стало обращение многих специалистов к понятию многомерного мышления, одной из методологических версий которого выступает интервальный подход [13, с. 202]. С точки зрения Е. Б. Ильинович, современный тип рациональности – постнеклассический – открывает новые измерения для познания такого феномена,

как человек, который теперь требует особого исследования в рамках специфического проблемного поля – комплекса «человекоразмерных» систем [14, с. 303].

Причина интереса к многомерному типу мышления имеет также внутринаучные основы. По мнению философов и методологов, в прошлом столетии изменился сам стиль мышления. Он начал ориентироваться на такие принципы, как относительность, множественность, интервализм, глобальный эволюционизм. Под воздействием этого стиля в самой науке начали формироваться такие теоретико-методологические парадигмы, как структурализм, постпозитивизм, постмодернизм, синергетика, интервальный подход [15, с. 199].

Интервальный подход был разработан Ф. В. Лазаревым и М. М. Новоселовым в 60–70-е гг. прошлого столетия, но его эвристические возможности раскрываются на наших глазах. Об этом свидетельствует динамическая практика применения указанного методологического инструмента в современном научном дискурсе: от естественнонаучного знания до социально-гуманитарного, в частности в юридической науке в области криминологии [15, с. 7]. Так, интервальная методология применяется в междисциплинарном ракурсе: на границе философского и исторического знания – в публикациях М. В. Масаева¹¹; философско-методологического и юридического знания – в работах Е. Б. Ильинович¹²; в криминологической науке интервальная методология успешно применяется в трудах последних пяти лет А. Н. Игнатова, А. А. Кашкарова, Ю. Е. Пудовочкина и других ученых¹³.

Как пишут современные исследователи феномена насилия, использующие интервальную методологию в криминологическом познании, сама идея интервальности заключается в отражении объекта в многомерной проекции, т. е. дает возможность рассмотреть знакомый нам объект через иные плоскости или незнакомый – через области знания, предметы и явления, которые нам ранее были знакомы. Вся эта совокупность отражает принципиально новый взгляд на структуру объекта исследования [16, с. 97].

Автор интервального подхода Ф. В. Лазарев утверждает, что «интервал – это любая самозамкнутая целостность в структуре реальности, имеющая как внешний, так и внутренний аспект своего существования... Часто интервал рассматривают как пространство актуализации того или иного свойства исследуемого предмета. Но это лишь одна сторона дела... Речь идет о пространстве, в котором неопределенное становится определенным, непрерывное – прерывным, бесконечное – конечным, а также происходит разбивка характеристик предмета на варианты и инвариантные» [17, с. 132]. Таким образом, интервал – это то, что определяет вещь здесь и сейчас, он отражает всеобщую диалектику вещи, отображая ее вариативные (меняющиеся) или инвариантные (неизменные, сущностные) свойства. В связи с этим можно утверждать, что интервальная диалектика позволяет «схватить» познаваемый объект как целое, в полноте его сущностных и присущих ему характеристик.

Интервальная диалектика как отдельный метод, а также интервальный подход как специфическая методология – это частная и общая познавательные модели, которые необходимо наполнить соответствующими эмпирическими данными, чтобы учесть все интервалы абстракции. С нашей точки зрения, это может обеспечить целостность, полноту, сложность и, что важнее всего, многомерность постижения исследуемых объектов. В рамках настоящего исследования такое наполнение предполагает рассмотрение террористической деятельности в ее сущности и проявлениях в различных проекциях и измерениях (интервалах), что предопределяет использование научных методов различной степени общности. Речь идет о применении общенаучных методов – общелогических и частнонаучных – историческом, социологическом, статистическом. Данное комплексное использование разнообразных методов с применением философской методологии, диалектического

¹¹ См.: Масаев М. В. Проблемы диалога культур и народов многонационального Крыма в ракурсе проблем философии социума // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней : сборник материалов конференции ХLI Международного научного чтения, 23–24 ноября 2016 г. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2017. – С. 18–20; Масаев М. В. Феномен идеологии в контексте практической философии: социально-философский анализ // Практическая философия: состояние и перспективы : сборник материалов II научной конференции, 27–28 мая 2019 г. / гл. ред. О. А. Габриелян. – Ялта: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. – С. 30–36.

¹² См.: Ильинович Е. Б. Философская антропология: от истоков к горизонту 4.0 // Практическая философия: состояние и перспективы : сборник материалов научной конференции, 27–28 мая 2021 г. – Симферополь: Ариал, 2021. – С. 49–55; Игнатов А. Н., Ильинович Е. Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129–133.

¹³ См.: Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 55–60; Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Интервальный подход как методологическая основа исследования преступности // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем : III Московский юридический форум : X Международная научно-практическая конференция [Кутафинские чтения] : в 4 ч., 6–9 апреля 2016 г. – Москва: Проспект, 2016. – Ч. 3. – С. 189–194.

и интервального подходов поможет обеспечить междисциплинарный подход в криминологическом исследовании, конвергенцию научных результатов различных сфер постижения террористической деятельности в целях ее глубокого и всестороннего изучения.

С научной и практической позиций проблема терроризма и его практической стороны реализации в террористической деятельности является актуальной и довольно динамической, ввиду чего не до конца исследованной составляющей проблемного поля криминологического дискурса. Заявленная проблематика деятельно рассматривается как в естественнонаучном, так и в социально-гуманитарном знании в различных плоскостях их измерений, в рамках исследования соответствующих наук. Ввиду многогранности и сложности детерминации современного терроризма данная проблема является популярной и дискуссионной в современном социально-гуманитарном знании. Предметом дискуссионных изысканий зачастую являются истоки и причины терроризма (природные, социальные, этногенетические, геополитические, культурные, политические, экономические и пр.). В связи с этим терроризм и террористическая деятельность исследуются в рамках разнообразных сфер знания, в различных проекциях измерений.

Как указывает Ф. В. Лазарев, абстракция – это важнейший, даже незаменимый познавательный инструмент, посредством которого субъект познания может теоретически расчленять реальность в соответствии с ее структурой. Данный тезис мыслитель обосновывает следующим образом: «Многовековые размышления философов и опыт исследований в науке показали, что реальность, это чрезвычайно сложное сплетение связей и опосредований, представляет собой диалектическое единство части и целого, конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного и т. д. Как распутать это сплетение? Познание реальности было бы в принципе невозможно, если субъект не обладал бы искусством отделять одно от другого, если бы он не умел расчленять целое на части, фиксировать устойчивость в текучем, а абсолютное – в относительном» [18, с. 139]. Искусство данного «отделения» кроется в абстракции, применение которой с позиций интервального подхода является необходимым в познании, а выделение интервалов абстракции – важнейшим условием многомерного «схватывания» познаваемой реальности.

Для всестороннего изучения проблемы детерминации и предупреждения террористической деятельности, а также ее концептуализации в криминологическом аспекте необходимо выйти за рамки предметной сферы криминологии для возможности использования в целях познания того методологического инструментария, посредством применения которого возможно решить комплексную исследовательскую задачу – познание природы и закономерностей детерминационного комплекса террористической деятельности. В качестве такого инструментария мы видим возможным использование интервальной методологии, которая зародилась в результате взаимодействия философского методологического сознания с общенаучной методологической культурой. Террористическая деятельность в данной исследовательской работе рассматривается как многоплановый феномен, познаваемый посредством потенциала интервального подхода, с помощью которого появляется возможность познания целостной системы через различные аспекты ее проявления.

Особое внимание стоит обратить на неопределенность и многоаспектность понятия терроризма и, соответственно, вытекающего из него понятия террористической деятельности, а также стоящую за данными феноменами противоречивую и многоаспектную социально-правовую реальность. Необходимо отдавать себе отчет в том, что изучаемый нами объект входит в теоретические поля различных сфер знания о человеке, а сама террористическая деятельность определяется разнообразными закономерностями природы человека и общества.

Системный подход дает возможность рассмотреть террористическую деятельность в контексте различных интервалов человеческой деятельности, т. е. в его природной корреляции с разнообразными сферами жизни социума: экономической, политической, культурной, социальной, правовой, а также этногенезом и пр. При апробации интервального подхода, основанного на многомерном мышлении, появляется возможность сформулировать универсальное для криминологической науки и адекватно отражающее природу и специфику детерминации понятие террористической деятельности как целостного, сложного феномена с учетом множества его сущностных предпосылок и свойств, развертываемых в различных интервалах, а значит, универсальный методологический инструментарий исследования закономерностей существования и проявления данного феномена.

Высказанные методологические принципы и замечания обращают наше исследование в междисциплинарную область. Таким образом, изучение феномена терроризма и террористической деятельности как предметно-практической стороны его реализации, попытка раскрыть многомерную сущность данных явлений, не злоупотребляя одним из их сущностных измерений, требует применения особого теоретико-методологического аппарата. Таким аппаратом выступает, на наш взгляд, интервальная диалектика, разработанная на базе интервального подхода, как методология многомерного постижения объектов и реальности, исходя из многомерной природы последних, а также самого мышления и познания.

Интервальный подход основывается на совокупности базовых понятий (интервал, интервал абстракции, многомерное мышление, познавательная позиция субъекта и др.), методологических приемов и познавательных процедур (интервализация, концептуальная разверстка, концептуальная сборка, конститутивная рефлексия и пр.).

С позиций интервального подхода терроризм, а также конституируемую им террористическую деятельность следует рассматривать как многомерный объект. Ни одна из его трактовок, существующая в юридическом и в целом в социально-гуманитарном знании, не должна признаваться универсальной, претендующей на абсолютную истину. Абсолютизация того или иного сущностного измерения терроризма не позволяет понять террористическую деятельность во всей целостности и полноте ее индивидуально-психологических и социально-правовых характеристик. Поэтому можно предположить, что различные теоретические картины, т. е. знания и подходы к терроризму, необходимо учитывать в качестве множества элементов единого проблемного поля междисциплинарного характера. При этом все эти элементы должны не просто сливаться, а формировать сложно организованную по принципу иерархии и корреляции интервальную модель, в которой каждый отдельный *интервал абстракции*, или *интервал рассмотрения*, терроризма открывает собственную истину о нем в своих границах, взаимодополняя другие интервалы с их «истинами». Таким образом, для описания терроризма в разных познавательных ситуациях (в разных науках и подходах) необходимо использовать различные образы реальности и представления о ней, соответствующие этим разным условиям познания. Например, у криминолога – одни представления о терроризме, у социолога – вторые, у психолога – третьи. И все они в случае соблюдения гносеологических принципов и критериев научности имеют равное право на истину с позиций интервальности. Только в своей сложной интервальной совокупности они исчерпывают знание о терроризме. При этом истины одних интервалов могут быть в особых случаях преобразованы в истины других. Таким образом, всякое истинное знание о терроризме возможно в контексте той или иной системы идей и только в рамках определенного интервала (абстракции).

Интервальный подход обеспечивает многомерную теоретическую «оптику», четко отображает специфику объекта в рамках познавательной позиции, заданной интервалом. Как отмечают А. Н. Игнатов, Е. Г. Семенова и Е. Б. Ильянович, «...интервальный подход продемонстрировал, что любая обоснованная позиция, трактовка, модель, понятие имеют объективные основания, если они выдают инвариантные истины с точек зрения, заданных условиями их опыта (существования), т. е. такие истины, которые в аналогичных познавательных, социальных, культурных и прочих реалиях выдавал бы любой субъект познания, деятельности, отношений. В данном случае интервальность опирается на общеизвестный философский принцип об объективной относительности свойств вещей и их инвариантных соотношениях как основе их познания» [16, с. 96].

Актуальность рассмотрения любого феномена, в т. ч. и терроризма, через призму его практической стороны, а именно деятельности в целом и террористической деятельности в частности, проявляется в том, что современная человеческая жизнь выявляет себя исключительно через деятельность людей, которая характеризуется разнообразными видами и формами проявления [19, с. 527]. Предметно-практическая сторона терроризма находит отражение в террористической деятельности, которая направлена на реализацию идей и целей терроризма, что определяет необходимость применения инструментария деятельностного подхода в исследовании данного феномена [20, с. 67].

Деятельность является характерным процессом для жизни человека, имеющего строго определенную и осознаваемую цель. Деятельность как форма человеческой активности имеет цель удовлетворения широкого спектра потребностей, ввиду чего удовлетворение потребностей посредством совершения одноразового действия не представляется возможным, что обуславливает совершение ряда поведенческих актов. Реализация определенных потребностей,

провоцирующая изменения в окружающем мире или в самом деятеле, составляет систему поведенческих актов, что и является деятельностью [19, с. 71].

Криминологически значимой, как уже отмечалось нами ранее, является необходимость понимания террористической деятельности не как разрозненных преступных актов, а напротив, как человеческого поведения, носящего системный характер. Социальные практики (вся деятельность человека в его историческом развитии) в современном развивающемся обществе нередко трансформируются в неправовые формы, что представляет собой отражение социальной аномии.

Деятельность, как подчеркивал В. Е. Кемеров, не может осуществлять человек «вообще», ее реализуют конкретные индивиды, совместно или автономно. Человеческая индивидуальность включена в социальный процесс не только через прямые контакты с другими людьми, не только из общения с ними, но и через множество предметных опосредований, среди которых человеческая индивидуальность оказывается наиболее важным связующим звеном¹⁴.

Реализация социальной практики предполагает не только совокупность действий, но и взаимодействие по поводу преобразования окружающей среды. «Человек разумный», а равно «человек социальный», будучи отдельной единицей и воспроизводя индивидуальную деятельность, в то же время является членом общества, принимая участие в групповой деятельности, и рассматривается как часть общей системы. Однако не стоит умалять роль индивидуального аспекта человеческой деятельности, который в сравнении с групповой деятельностью по своему содержанию может показаться второстепенным, хотя, по сути, является «ядром» всей деятельности.

Как следствие всемирной глобализации (интеграции стран в мире), деятельность все чаще характеризуется именно групповой формой воспроизведения. Высокий уровень коммуникационных способностей современного общества, его мобильность способствуют созданию транснациональных организаций, участники которых становятся субъектами групповой деятельности.

Криминальная деятельность как итог социального процесса по обмену результатами предметной деятельности характеризуется свойством воспроизводства преступности. Преступная деятельность одних индивидов, вовлекая в свою орбиту третьих лиц, устанавливает зависимость от этой деятельности, тем самым способствуя созданию криминальной среды (групповой деятельности).

Анализируя социальную практику в свете воспроизводства криминальных и некриминальных видов деятельности как примера социального обмена предметной деятельностью, следует отметить, что групповая преступная деятельность не является простым расширением индивидуальной деятельности. Необходимо говорить о специфической взаимовлияющей форме коммуникации индивидуальных субъектов.

В криминологическом смысле групповая преступная деятельность многократно увеличивает индивидуальные криминальные способности субъектов, а также усиливает мотивационную составляющую, поскольку опосредованно проецирует преступное поведение на всех участников, вследствие чего становится возможным осуществление тех видов преступной деятельности, которые по своей сложности невозможны для осуществления индивидуально [21, с. 118].

Среди всей массы форм криминального поведения террористическая деятельность отличается особой сложностью. Цели терроризма зачастую не могут быть достигнуты путем совершения единичного действия, в связи с чем совершается ряд преступных поведенческих актов, образующих систему. В силу распространенности терроризма, группового характера исполнения и международного уровня функционирования преступного сообщества он по своей сути уже не может рассматриваться как вид преступного поведения, который реализуется в единичных актах.

Таким образом, методологический инструментальный деятельностного подхода позволяет рассматривать террористическую деятельность как реализуемое на систематической основе преступное поведение, включая допреступные и посткриминальные с точки зрения совершения непосредственно террористического акта деяния.

Тезис о масштабности, сложности, системности террористической деятельности получает свое подкрепление в Концепции коллективной безопасности государств-участников

¹⁴ Кемеров В. Е. Предметная деятельность – принцип развития общественных отношений // *Философия. Люди. Жизнь* : К 40-летию кафедры философии УГТУ-УПИ / редкол.: В. Е. Кемеров (отв. ред.) [и др.]. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. – С. 54.

Договора о коллективной безопасности¹⁵, где в разделе I в качестве одного из источников военной опасности государства-участники наравне с отдельными странами, организациями называют и террористические группы. В свою очередь, в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации отмечается повышение уровня организованности террористической деятельности и ее обеспеченности¹⁶.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Познание внутренней специфики терроризма, а также особенностей его проявления в террористической деятельности предполагает применение действенных, проверенных познавательных инструментов в виде принципов, подходов и методов исследования.

Гносеологическую основу исследования террористической деятельности составляют следующие основополагающие принципы познания: 1) познаваемости, 2) объективности, 3) определяющей роли практики в познании; 4) творческой активности субъекта познания.

Данные принципы могут служить верным методологическим ориентиром в познании и адекватно отображать суть современного терроризма не только в теоретическом аспекте, но и в правоприменительной практике – правотворчестве, толковании и применении правовых норм. Практика показывает, что, придерживаясь имеющегося на сегодня довольно размытого и методологически не выверенного представления о терроризме и практической стороне его реализации, невозможно эффективно разрешить актуальные проблемы по осуществлению противодействия данному феномену хотя бы по причине международной несогласованности в его определении, разнообразия и несогласованности методик его эмпирического изучения, статистического анализа и пр.

Методологическую основу исследования террористической деятельности составляют фундаментальные основы философской методологии, а именно: всеобщие категории и принципы диалектического, интервального и деятельностного подходов, общенаучная методология системного подхода, а также комплексный инструментарий общелогических методов (анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения (конкретизации), дедукции и индукции, систематизации, классификации, описания и определения, логико-семантический, типологизации и пр.) и конкретно-научных (социологические, статистические методы).

Результаты системного применения разнообразных методологических принципов и методов исследования различных сфер и уровней знания могут лечь в основу теоретической модели, необходимой для формирования комплексного подхода к анализу проблемы детерминации и предупреждения террористической деятельности.

Список литературы

1. *Игнатов А. Н., Абисова К. С.* Эволюционные трансформации сущности и проявлений терроризма как угрозы национальной безопасности / Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т., 10–11 июня 2020 г. / под общ. ред. Н. Н. Колюки. – Симферополь: Амирит, 2020. – Т. I. – С. 354–359.
2. *Ильянович Е. Б.* Техногенная цивилизация: основные ракурсы концептуализации понятия // Научный вестник Крыма : электронный журнал. – 2016. – № 2 (2). – С. 6. – URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/26/html>.
3. *Игнатов А. Н.* Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2. – С. 82–89.
4. *Sterman J. D.* Business Dynamics : Systems Thinking and Modeling for a Complex World. – Boston: Irwin/McGraw-Hill, 2000. – 982 p.
5. *Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашкаров А. А.* Интервальная методология в исследовании преступности: сущность, преимущества и перспективы // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 55–60.
6. *Иванцов С. В.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности в контексте системности правового регулирования / Актуальные проблемы учения о преступлении : тезисы докладов и сообщений международной

¹⁵ Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности : Решение Совета коллективной безопасности (принято в г. Алма-Ате 10.02.1995) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 10. – С. 3–8.

¹⁶ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – 20 октября. – № 198.

научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева, 28 февраля 2020 г. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 214–219.

7. Дремин В. Н. К вопросу о предмете институциональной криминологии: от криминальной практики к социальному институту // Митна справа. – 2010. – № 6. – С. 68–73.

8. Макаров В. В. Закономерности влияния криминогенных и антикриминогенных факторов воспроизводства преступности // Научный портал МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 35–38.

9. Матюшенко С. В., Нагаева А. И. Свойства преступности с позиций системного подхода в криминологии // Национальные приоритеты России. – 2015. – № 1 (15). – С. 21–24.

10. Шахматов А. В. Преступность: методические указания для применения системного и вероятностного методов исследования: монография. – Ленинград: [б. и.], 1978. – 70 с.

11. Игнатов А. Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. – № 1. – С. 63–73.

12. Мишин Ю. Д., Кочнев Е. А. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-3 (60). – С. 118–123.

13. *Философия мышления* : сборник статей / редкол. Л. Н. Богатая, И. С. Добронравова, Ф. В. Лазарев ; отв. ред. Л. Н. Богатая. – Одесса: Печатный дом, 2013. – 444 с.

14. *Ильянович Е. Б. Постнеклассическая методология в антропологических исследованиях / Философия в современном мире : диалог мировоззрений : материалы VI Российского философского конгресса, 27–30 июня 2012 г. : в 3 т. / редкол.: В. С. Степин [и др.]. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2012. – Т. 1. – С. 303–304.*

15. *Кремнинский А. И. Интервальная методология в контексте современной науки и культуры : монография. – Симферополь: Синтагма, 2011. – 384 с.*

16. Игнатов А. Н., Семенова Е. Г., Ильянович Е. Б. Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 94–104.

17. Лазарев Ф. В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии = Truth and the structure of reality. Fundamentals of interval methodology : монография. – Симферополь: Ариал, 2019. – 456 с.

18. Лазарев Ф. В. Интервальная методология: логика становления, базовые концепты и методы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68), № 3. – С. 136–139.

19. Дремин В. Н. Теоретические основы концепции преступной деятельности в криминологии / Актуальные проблемы державы и прав : сборник наук. праць. / редкол.: С. В. Кивалов (глав. ред.) [та ин.], видп. за вип. В. М. Докторин. – Одесса: Юридическая литература, 2012. – Вип. 65. – С. 527–539.

20. Абисова К. С. Деятельностный подход в исследовании террористических форм преступного поведения / Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции, 11 сентября 2020 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 66–69.

21. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 311. – С. 116–119.

References

1. Ignatov A. N., Abisova K. S. Evolyutsionnyye transformatsii sushchnosti i proyavleniy terrorizma kak ugrozy natsional'noy bezopasnosti / Krymskiye yuridicheskiye chteniya. Razvitiye konstitutsionalizma v Rossii : sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2 t., 10–11 iyunya 2020 g. / pod obshch. red. N. N. Kolyuki. – Simferopol': Amirit, 2020. – Т. I. – С. 354–359.

2. Ilyanovich Ye. B. Tekhnogennaya tsivilizatsiya: osnovnyye rakursy kontseptualizatsii ponyatiya // Nauchnyy vestnik Kryma : elektronnyy zhurnal. – 2016. – № 2 (2). – С. 6. – URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/26/html>.

3. Ignatov A. N. Informatsionno-kognitivnyye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestupleniy // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2020. – № 11-2. – С. 82–89.

4. Sterman J. D. Business Dynamics : Systems Thinking and Modeling for a Complex World. – Boston: Irwin/McGraw-Hill, 2000. – 982 p.

5. *Pudovochkin Yu. Ye., Ignatov A. N., Kashkarov A. A.* Interval'naya metodologiya v issledovanii prestupnosti: sushchnost', preimushchestva i perspektivy // *Obshchestvo i pravo.* – 2020. – № 2 (72). – S. 55–60.
6. *Ivantsov S. V.* Aktual'nyye problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti v kontekste sistemnosti pravovogo regulirovaniya / Aktual'nyye problemy ucheniya o prestuplenii : tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Martseva, 28 fevralya 2020 g. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. – S. 214–219.
7. *Dromin V. N.* K voprosu o predmete institutsional'noy kriminologii: ot kriminal'noy praktiki k sotsial'nomu institutu // *Mitna sprava.* – 2010. – № 6. – S. 68–73.
8. *Makarov V. V.* Zakonomernosti vliyaniya kriminogennykh i antikriminogennykh faktorov vosproizvodstva prestupnosti // *Nauchnyy portal MVD Rossii.* – 2014. – № 2 (26). – S. 35–38.
9. *Matyushenko S. V., Nagayeva A. I.* Svoystva prestupnosti s pozitsiy sistemnogo podkhoda v kriminologii // *Natsional'nyye priority Rossii.* – 2015. – № 1 (15). – S. 21–24.
10. *Shakhmatov A. V.* Prestupnost': metodicheskiye ukazaniya dlya primeneniya sistemnogo i veroyatnostnogo metodov issledovaniya : monografiya. – Leningrad: [b. i.], 1978. – 70 s.
11. *Ignatov A. N.* O biosotsial'noy prirode prestupnosti // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo.* – 2016. – № 1. – S. 63–73.
12. *Mishin Yu. D., Kochnev Ye. A.* Aktual'nost' ispol'zovaniya sochetaniya sistemnogo i dialekticheskogo podkhodov v ponimanii terrorizma // *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki.* – 2015. – № 10-3 (60). – S. 118–123.
13. *Filosofiya myshleniya* : sbornik statey / redkol. L. N. Bogataya, I. S. Dobronravova, F. V. Lazarev ; otv. red. L. N. Bogataya. – Odessa: Pechatnyy dom, 2013. – 444 s.
14. *Ilyanovich Ye. B.* Postneklassicheskaya metodologiya v antropologicheskikh issledovaniyakh / *Filosofiya v sovremennom mire : dialog mirovozzreniy : materialy VI Rossiyskogo filosofskogo kongressa, 27–30 iyunya 2012 g. : v 3 t.* / redkol.: V. S. Stepin [i dr.]. – Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. – T. 1. – S. 303–304.
15. *Kreminskiy A. I.* Interval'naya metodologiya v kontekste sovremennoy nauki i kul'tury : monografiya. – Simferopol': Sintagma, 2011. – 384 s.
16. *Ignatov A. N., Semenova Ye. G., Ilyanovich Ye. B.* Interval'naya metodologiya v kriminologicheskoy issledovanii fenomena nasiliya // *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskoye i obshchestvennyye nauki.* – 2019. – № 3. – S. 94–104.
17. *Lazarev F. V.* Istina i struktura real'nosti. Osnovy interval'noy metodologii = Truth and the structure of reality. Fundamentals of interval methodology : monografiya. – Simferopol': Arial, 2019. – 456 s.
18. *Lazarev F. V.* Interval'naya metodologiya: logika stanovleniya, bazovyye kontsepty i metody // *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya.* – 2016. – T. 2 (68), № 3. – S. 136–139.
19. *Дрёмин В. Н.* Теоретические основы концепции преступной деятельности в криминологии / Актуальные проблемы державы и прав : сборник наук. праць. / редкол.: С. В. Кивалов (глав. ред.) [та ин.], видп. за вип. В. М. Докторин. – Одесса: Юридическая литература, 2012. – Вип. 65. – С. 527–539.
20. *Abisova K. S.* Deyatel'nostnyy podkhod v issledovanii terroristicheskikh form prestupnogo povedeniya / *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 11 sentyabrya 2020 g.* – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 66–69.
21. *Prozumentov L. M., Shesler A. V.* Obshchestvennaya opasnost' gruppovoy prestupnosti // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2008. – № 311. S. 116–119.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted April 1, 2024; approved after reviewing July 23, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.98
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-143-151>

Арби Русланович Акиев
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>, melhi530@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе методов прогнозирования

Аннотация: Введение. Данные официальной статистики МВД России за последние 5 лет свидетельствуют о росте преступных посягательств на интересы семьи и несовершеннолетних, защита которых – обязанность государства, закрепленная в Основном законе Российской Федерации. Несмотря на предпринимаемые меры, эффективность отдельных из них, в т. ч. в части обеспечения неотвратимости наказания за совершенное деяние, вызывает вопросы и свидетельствует о необходимости совершенствования работы правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений против семьи и несовершеннолетних. **Методы.** Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других. **Результаты.** На основе анализа научной литературы и данных анкетирования сотрудников органов предварительного расследования автор приходит к выводу, что предлагаемые сегодня следственной практике методические рекомендации по расследованию отдельных видов (групп) преступлений нередко содержат пробелы, а в некоторых случаях не успевают за трансформацией преступной деятельности и, к сожалению, не выполняют своей функции по обеспечению практических подразделений необходимой методико-криминалистической поддержкой. В целях решения имеющихся проблем по противодействию преступлениям против семьи и несовершеннолетних автор обосновывает необходимость использования методов криминалистического прогнозирования в целях разработки новых и совершенствования имеющихся частных методик расследования преступлений исследуемой группы.

Ключевые слова: криминалистическое прогнозирование, прогностика, прогностическая методика, прогностическая функция криминалистики, криминалистическое обеспечение, расследование преступлений, преступления против семьи и несовершеннолетних

Для цитирования: Акиев А. Р. Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе методов прогнозирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 143–151; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-143-151>.

Original article

Arbi R. Akiev
Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>, melhi530@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Improvement of methodological and forensic support for investigating crimes against the family and minors on the basis of forecasting methods

Abstract: Introduction. The data of official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the last 5 years reveal the growth of criminal encroachments on the interests of the family and minors, whose protection is the duty of the state, fixed in the Fundamental Law of the Russian Federation. Despite the measures being undertaken, the effectiveness of some of them, including those to ensure inevitability of punishment for a committed act, raises questions and proves the urgency of improving the work of law enforcement agencies in the detection, investigation and prevention of crimes against the family and minors. **Methods.** The methodological basis of the research was formed by general scientific and private-scientific methods of cognition: dialectical, formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction), historical, systemic, comparative study, hermeneutic one and others. **Results.** On the basis of the analysis of scientific literature and questionnaire data of the preliminary investigation bodies' staff, the author comes to the conclusion that the methodological recommendations on the investigation of certain types (groups) of crimes that are currently available in the investigative practice often contain gaps, and in some cases do not keep up with the transformation of criminal activity and, unfortunately, do not fulfil their function of providing practical units with the necessary methodological and forensic support. In order to solve the existing problems on counteraction to crimes against the family and minors, the author substantiates the necessity of using the methods of criminalistic forecasting in order to develop new techniques and improve the existing private methods of investigating crimes against the group under consideration.

Keywords: forensic forecasting, prognostics, prognostic methodology, prognostic function of criminology, forensic support, crime investigation, crimes against family and minors

For citation: Akiev A. R. Improvement of methodological and forensic support for investigating crimes against the family and minors on the basis of forecasting methods // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 143–151; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-143-151>.

Введение

Анализ официальной правовой статистики показывает, что количество преступных посягательств в отношении семьи и несовершеннолетних в России продолжает оставаться высоким, более того, в последние годы имеет тенденцию к росту, несмотря на некоторое снижение в 2023 году. Так, в России в 2020 году было совершено 47 503, в 2021 – 58 814, 2022 – 59 093, а в 2023 – 57 621 преступление¹, предусмотренное главой 20 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ). И это при том, что с криминалистической точки зрения преступная деятельность против семьи и несовершеннолетних охватывает ряд составов преступлений, предусмотренных другими главами УК РФ, где потерпевшим является несовершеннолетний либо затрагиваются интересы других членов семьи [1, с. 69; 2, с. 65].

Приведенные данные позволяют сделать вывод о необходимости принятия более активных мер, направленных на криминалистическое обеспечение деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Эффективность и своевременность методико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности не всегда удается обеспечить только традиционными подходами к изучению уже сформировавшихся механизмов рассматриваемого вида преступной деятельности и особенностей соответствующей следственно-судебной практики. Все более

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2020–2023 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lov97uzoda272606033> (дата обращения: 03.05.2024).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

важную роль в современных условиях приобретает активное применение методов криминалистического прогнозирования как научно-информационной основы совершенствования методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, разработки опережающих методов противодействия такой преступности.

Методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический, системный, сравнительного исследования, герменевтический и ряд других.

Результаты

Особое место в структуре рассматриваемого криминалистического обеспечения занимают комплексы методических рекомендаций (частных методик) раскрытия и расследования преступных деяний против семьи и несовершеннолетних. Разработка таких методик (групповой, видовых) периодически выступает объектом криминалистических научных исследований³ [3]. Отмечая научную и практическую значимость результатов таких исследований, в то же время необходимо подчеркнуть, что предлагаемые следственной практике методические рекомендации нередко содержат пробелы, быстро устаревают, а в некоторых случаях попросту не успевают за изменениями и трансформацией этой группы преступлений и их отдельных видов.

Например, разработанные более десяти лет назад криминалистические методики расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и другую антиобщественную деятельность⁴ [4; 5], в настоящее время уже не способны полностью обеспечить органы предварительного расследования необходимой методико-криминалистической поддержкой. Это во многом связано с тем, что в последние годы существенно изменилась структура и механизм таких преступлений. Так, все чаще указанные деяния совершаются с использованием дистанционных способов воздействия. Очевидна дальнейшая трансформация такой преступной деятельности со все более активным использованием цифровых и телекоммуникационных средств и технологий [6]. Схожие тенденции сопровождают изменения в структуре ряда других видов преступлений против семьи и несовершеннолетних. Выявление, расследование и предупреждение подобных преступлений, установление и доказывание вины лиц, их совершивших, вызывает существенные сложности у следователей и сотрудников органов дознания.

Как следствие, методико-криминалистическое обеспечение должно отвечать требованиям постоянной готовности к совершенствованию, исходя из изменений преступной деятельности отдельных групп и видов, а также практики ее раскрытия, расследования и предупреждения.

В криминалистической литературе такая готовность связывается с принципом инновационности криминалистических методик. В частности, А. В. Варданян и О. В. Айвазова справедливо отметили, что «появление новых преступлений, актуализация ранее не типичных или более усложненных способов совершения ранее неизвестных преступлений, а также выявление новых криминалистических, организационно-тактических и иных возможностей, внедрение различных научных наработок, новых креативных технологий обуславливает потребность в их адаптации в рамках криминалистических методик с целью существенного повышения результативности расследования преступлений» [7, с. 21].

Представляется, что инновационность и результативность методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних

³ Куемжиева С. А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2020. – 496 с.; Кушпель Е. В. Специфика расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних : учебное пособие. – Волгоград : Волгоградская акад. МВД России, 2005. – 64 с.; Слюсарева Н. Д. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против семьи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – 28 с.; Серова Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против личности : учебное пособие : Ч. 5: Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 76 с. и др.

⁴ Флоря Д. Ф. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2002. – 194 с.; Сажаев А. М. Методика расследования вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 18 с.; Поликашина О. В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 26 с. и др.

должна обеспечиваться более активным применением результатов криминалистического прогнозирования и совершенствованием имеющихся и разработке новых методик расследования таких деяний. И здесь видится дискуссионным мнение В. Е. Новичкова, который, с одной стороны, справедливо отмечает, что прогнозирование борьбы с преступностью является важным направлением и средством обеспечения уголовной политики, а с другой, выделяя в структуре такого прогнозирования только четыре отраслевых вида (криминологическое, уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и пенитенциарное)⁵, необоснованно исключает из него криминалистическое прогнозирование. Думается, что использование методов криминалистического прогнозирования выступает важным элементом противодействия преступности в целом и преступлениям против семьи и несовершеннолетних в частности.

Возможность использования прогностических методов в совершенствовании методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений неоднократно отмечалась в юридической литературе. Так, Н. П. Яблоков подчеркивал, что криминалистическая наука может выполнять функцию предвидения событий и процессов, проявление которых возможно в криминальной сфере, и своевременно обеспечивать практику правоохранительных органов адекватными приемами, средствами и методами в целях ведения эффективной борьбы с преступностью. В этом в том числе выражается прогностическая функция криминалистики⁶. По мнению С. Г. Павликова, выводы прогностического характера весьма важны для развития и совершенствования методики расследования и для превращения ее в гибкую систему, способную реагировать на любые изменения криминалистических характеристик [8]. В. В. Бирюков отмечает, что прогнозирование является «реальным резервом оптимизации научного обоснования содержания и формирования криминалистических методик» [9, с. 19].

Однако, как показал анализ криминалистической литературы, несмотря на очевидную теоретическую и практическую значимость, за последние три десятилетия предпринимались лишь отдельные попытки разработки прогностических (опережающих)⁷ методик расследования преступлений отдельных групп и видов⁸. К схожему выводу пришли и другие авторы. Например, С. Ю. Журавлев констатировал, что «примеры опережающих криминалистических исследований по формированию прогностических методик расследования являются скорее исключением, чем правилом» [10, с. 19]. Следует добавить, что применительно к методико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних такие исследования не проводились.

В числе причин сложившегося положения – недостаточная определенность теоретических основ прогностических методик расследования преступлений и, в частности, оснований (источников) формирования и совершенствования методико-криминалистических рекомендаций на основе прогнозных методов.

Ю. П. Гармаевым в этой связи было высказано мнение, что источниками прогностической (опережающей) методики расследования выступают преимущественно данные «неуголовной» практики⁹. Иными словами, криминалистической науке предлагается реагировать путем формирования прогностических методик на складывающиеся условия, определенные действия (бездействие), значимые негативные последствия для общественных отношений которых скорее всего в ближайшей перспективе могут привести к решению законодателя криминализировать те или иные деяния. В настоящее время в числе обсуждаемых проблем, в частности, можно выделить предложения об установлении или усилении уголовной ответственности за рецидив преступлений против несовершеннолетних, вовлечение молодежи, молодежных объединений в экстремистскую и другую противоправную

⁵ Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2005. – С. 9.

⁶ Яблоков Н. П. Научные основы методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика социалистических стран / В. Я. Колдин, Д. П. Поташник, Э. Штельцер [и др.] ; под ред. В. Я. Колдина. – Москва: Юридическая литература, – 1986. – С. 116.

⁷ Применительно к целям настоящего исследования термины «прогностические» и «опережающие» криминалистические методики расследования преступлений представляется возможным рассматривать как научные синонимы.

⁸ Трошкин А. А. Криминалистическое прогнозирование дорожно-транспортных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1994. – 20 с.; Крепышева С. К. Формирование прогностической методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001. – 23 с.

⁹ Гармаев Ю. П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=5420#pMhLMJUwSV3ZSYE5> (дата обращения: 03.07.2024).

деятельность, побои, умышленное причинение легкого вреда здоровью и ряд иных преступлений, в которых определяющим должен быть такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления в отношении членов семьи и иных близких лиц»¹⁰.

По мнению Н. А. Подольного, особенности формирования опережающей методики выражаются в том, что такая методика создается без учета практики раскрытия и расследования конкретного вида преступления, поскольку подобная практика на момент ее создания отсутствует. При этом автором опережающая частная методика расследования преступлений была определена как информационная модель, включающая в себя теоретические положения и созданные на их основе рекомендации по организации и проведению раскрытия и расследования преступлений, практики раскрытия и расследования которых еще нет. В дальнейшем по мере накопления опыта расследования опережающая методика эволюционирует в традиционную [11].

С приведенной позицией следует согласиться, особенно в том, что ожидание формирования правоохранительной практики и накопления следственного опыта до начала научной разработки или принятия других мер по совершенствованию методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних не позволит криминалистике своевременно реагировать на современные вызовы и потребности, оперативно решать возложенные на нее задачи.

Впрочем, термин «опережающая методика расследования» в некоторых случаях подвергается критике со стороны ученых-криминалистов [12, с. 31]. В основном указанная критика связана с не всегда корректным отождествлением таких методик и в некоторой степени дискуссионной идеи формирования и использования «единого метода расследования» или «единой универсальной модели методики расследования преступлений»¹¹ [13]. И здесь стоит согласиться с представленным в криминалистической литературе мнением о том, что «попытка создания какой-то универсальной методики расследования, ориентированной не на определенный вид преступлений, а на некоторую абстрактную преступную деятельность, лишнюю для всех преступлений набора характерных черт, вряд ли может быть успешной»¹².

Основываясь на изложенном, представляется возможным сделать вывод, что использование методов криминалистического прогнозирования в разработке новых и совершенствовании имеющихся криминалистических методик расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних представляется оправданным и необходимым. Отметим, что абсолютное большинство следователей, дознавателей и сотрудников оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел, интервьюируемых в ходе проводимого исследования, подтверждают необходимость разработки новых и совершенствования имеющихся криминалистических методик на основе прогноза появления новых видов преступлений против семьи и несовершеннолетних и способов их совершения¹³.

В теории криминалистического прогнозирования представлены различные подходы к систематизации прогностических методов, используемых в решении научных и прикладных криминалистических задач. Так, Л. Г. Горшенин выделял в их числе метод дельфи, методы экстраполяции, метод коллективной генерации идей, патентный метод прогнозирования, метод составления сценариев, метод прогнозирования с помощью экономических моделей, методы нормативного прогнозирования (дерево целей, блок-схемы последовательности выполнения задач)¹⁴. По мнению Н. П. Яблокова, в криминалистическом прогнозировании используются методы экстраполяции, моделирования, экспертных оценок, аналогии, индукции, дедукции, статистические, рефлексивных суждений и ряд других. При этом автор справедливо отмечал возможности решения криминалистических прогностических задач с использованием других методов¹⁵.

Использование прогностических методов для получения научно-криминалистических данных позволят преодолеть (восполнить) «эмпирический вакуум», имеющийся на определенном этапе решения задач методико-криминалистического обеспечения раскрытия,

¹⁰ Бастрыкин: Число дел о преступлениях экстремистской направленности выросло // Следственный комитет Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1646758/> (дата обращения: 03.07.2024).

¹¹ Чурилов С. Н. Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений : дис... д-ра юрид. наук. – Москва, 1995. – 358 с.; Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2004. – С. 16.

¹² Яблоков Н. П., Головин А. Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма, 2009. – С. 208.

¹³ В ходе исследования проведено интервьюирование (анкетирование) 120 сотрудников органов следствия и дознания, принимавших участие в раскрытии и расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних.

¹⁴ Горшенин Л. Г. Теория криминалистического прогнозирования : дис. ... д-ра юрид. наук. – Минск, 1994. – С. 97.

¹⁵ Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник. – Москва: ЛексЭст, 2003. – С. 81.

расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. При этом потребность в применении прогностических методов в указанных целях может быть обусловлена рядом факторов (оснований).

В их числе введение в уголовное законодательство Российской Федерации новых составов преступлений, внесение в него других изменений, требующих разработки новых или совершенствования имеющихся криминалистических методик. Например, в мае 2024 года в ч. 4 ст. 150 УК РФ были внесены изменения, уточнившие и расширившие круг квалифицированных составов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления¹⁶. Как следствие, отсутствие на момент вступления в силу указанных изменений научной возможности изучения деяний, которые должны квалифицироваться по-новому, а также практики их раскрытия и расследования, предполагает использование прогностических методов (например, моделирования возможного преступного поведения, аналогии, экспертных оценок и др.) для совершенствования криминалистических рекомендаций по их расследованию в ближайший период до формирования более обширной практики их расследования, а также уточненной криминалистической характеристики указанных деяний.

Более того, основанием для применения методов криминалистического прогнозирования и разработки на этой основе прогностических рекомендаций методико-криминалистического характера могут выступать не только уже принятые изменения в уголовное, уголовно-процессуальное и другое законодательство, оказывающее влияние на процесс расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, но и соответствующие правотворческие инициативы с высокой вероятностью их принятия.

В числе рассматриваемых оснований также необходимо особо выделить появление новых способов, средств и технологий, потенциально применимых в преступной деятельности, в том числе при совершении и сокрытии преступлений против семьи и несовершеннолетних. В их числе цифровые и телекоммуникационные средства и технологии передачи информации и общения, психологического воздействия. Само появление таких средств и технологий, их активное проникновение во все сферы общественной жизни, включая семейные отношения, отношения с участием несовершеннолетних, дает основание прогнозировать их возможное применение в криминальных целях. Например, активное развитие игровых технологий обучения и мотивации (побуждения) к определенным действиям (поведению), в том числе цифровых, массовая увлеченность подростков компьютерными играми закономерно привели к их использованию в криминальных целях. Такие технологии стали использоваться прежде всего в целях вовлечения несовершеннолетних в преступную и другую противоправную деятельность, формирования у них стойких антиобщественных установок. Уже есть примеры создания компьютерных игр (в т. ч. копирующих популярные игры), не только имитирующих совершение различных преступлений (массовых убийств, диверсий, террористических актов и пр.), но и по сути содержащих инструкции по совершению таких деяний в конкретных местах (например, в образовательных учреждениях, религиозных объектах, местах массовых мероприятий, размещения правоохранительных и других государственных органов, объектах инфраструктуры и пр.), в отношении определенных лиц, с изготовлением взрывных устройств и т. д.¹⁷ Подобные цифровые продукты, вовлекая в игровой процесс несовершеннолетних, обеспечивают их криминальными знаниями и позволяют формировать и тренировать определенные преступные навыки. Более того, игровые процессы могут дополняться психологическим воздействием на несовершеннолетнего во внутриигровых чатах, сетевых группах и иных интернет-ресурсах, связанных с подобными играми. Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершаемых с использованием приведенных или других современных средств и технологий, должно в обязательном порядке обеспечиваться опережающими методико-криминалистическими рекомендациями, основанными на результатах криминалистического прогнозирования появления и развития высокотехнологичных способов преступной деятельности.

На основе прогностических методов можно предвидеть появление новых субъектов преступлений против семьи и несовершеннолетних, увеличение числа преступлений с участием определённых лиц. Как пример, можно привести вовлечение несовершеннолетних

¹⁶ О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ // СЗ РФ. – 2024. – № 23 (ч. I). – Ст. 3049.

¹⁷ В ФСБ заявили, что террористы создают клоны компьютерных игр с имитацией терактов // Газета.ru : [сайт]. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2021/06/23/n_16144208.shtml?updated (дата обращения: 03.07.2024).

в преступную деятельность дистанционными способами (через социальные сети, мессенджеры и пр.). В совершении такой преступной деятельности стали принимать участие лица, на профессионально-криминальной основе осуществляющие составление баз данных неблагоприятных семей на территории различных регионов Российской Федерации, вербовку подростков для совершения преступлений и последующую передачу (продажу) таких данных преступным сообществам (специализирующимся на мошенничестве и других преступлениях против собственности, незаконном обороте наркотических и психотропных средств, торговле людьми, организации проституции, изготовлении и распространении детской порнографии и др.), а также спецслужбам недружественных стран (например, для вовлечения несовершеннолетних в совершение диверсий, террористическую деятельность на территории России и пр.). Пока выявляются отдельные случаи таких преступлений¹⁸, что тем не менее может рассматриваться как основание разработки прогностических методических рекомендаций по установлению и доказыванию вины подобных субъектов преступлений против семьи и несовершеннолетних как элемента криминалистических методик их расследования.

В числе оснований для применения методов криминалистического прогнозирования и разработки на этой основе прогностических рекомендаций методико-криминалистического характера также можно выделить появление определенных молодежных (в т. ч. подростковых) течений, движений и субкультур, идеология которых имеет или может принять криминальный характер (явный или маскируемый), ориентирована на вовлечение несовершеннолетних в преступную и другую антиобщественную деятельность, совершение преступлений в отношении семейных ценностей, а также других несовершеннолетних. Примерами таких движений и субкультур последних лет являются так называемые «АУЕ»¹⁹, «ЧВК Редан» и некоторые другие. В современных условиях подобные движения и субкультуры получают активное информационное сопровождение и популяризацию, в том числе в социальных сетях, мессенджерах и других ресурсах интернета. Как отмечают эксперты, вокруг «ЧВК Редан» в кратчайшие сроки в мессенджере «Telegram» и социальной сети «ВКонтакте» появились сотни каналов с миллионной аудиторией преимущественно несовершеннолетних²⁰. Не исключено появление новых движений и субкультур, так или иначе приводящих к преступным посягательствам на интересы семьи или права несовершеннолетних. Прогнозирование этих обстоятельств также обуславливает задачи криминалистики по разработке и совершенствованию методических рекомендаций по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений, связанных с подобными движениями и субкультурами.

В ряде случаев в основу разработки и совершенствования методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних могут быть положены обстоятельства места или обстановки совершения таких деяний. Например, современные исследования подтверждают угрозы формирования таких источников миграционной преступности на территории России, как этнические анклавы [14; 15], на территории которых, помимо прочего, могут совершаться преступные деяния против семьи и несовершеннолетних (например, 12 июля 2024 г. в Уфе возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 127 УК РФ, ч. 2 ст. 117 УК РФ, ст. 156 УК РФ, по факту незаконного лишения свободы, применения незаконных методов воспитания и жестокого обращения с шестнадцатью несовершеннолетними в возрасте от 4 до 16 лет, часть из которых граждане Республики Таджикистан. Как было установлено в рамках проверки, дети были воспитанниками подпольного медресе, открытого мигрантами. Несовершеннолетних туда отправляли родители²¹). Эта проблема также требует оперативного изучения и решения в криминалистической науке.

Заключение

Использование методов криминалистического прогнозирования в целях разработки новых и совершенствовании имеющихся частных методик расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних выступает важным элементом криминалистического обеспечения работы правоохранительных органов по противодействию этому виду преступности.

¹⁸ Игла – в куклы: подстрекатель школьных убийств скрывается в Германии // Известия : [сайт]. – URL: <https://iz.ru/1672835/ivan-petrov/igla-v-kukly-podstrekatel-shkolnykh-ubiistv-skrivaetsia-v-germanii> (дата обращения: 03.07.2024).

¹⁹ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 г. движение «АУЕ» («Арестантское уголовное единство») признано экстремистским и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

²⁰ Новая субкультура. Надо ли бояться «пауков» и как остановить драки «Редан» // Российская газета : [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2023/03/02/krov-dlia-anime.html> (дата обращения: 05.07.2024).

²¹ Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан : [официальный сайт]. – URL: <https://surb.sledcom.ru/news/item/1899428/> (дата обращения: 14.05.2024).

Прогностические методики (комплексы прогностических рекомендаций) по расследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних призваны оперативно восполнять пробелы в криминалистическом обеспечении деятельности органов предварительного расследования на период формирования следственно-судебной практики, ее криминалистического изучения, обобщения и описания, разработки и совершенствования традиционных частных криминалистических методик.

Основаниями применения методов криминалистического прогнозирования в целях совершенствования методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних могут выступать произошедшие или планируемые изменения уголовного, уголовно-процессуального и другого законодательства, оказывающие влияние на процесс расследования рассматриваемой преступной деятельности, появление новых способов, средств и технологий, потенциально применимых при совершении и сокрытии этих преступлений, новых субъектов преступлений, молодежных (в т. ч. подростковых) течений, движений и субкультур, идеология которых имеет или может принять криминальную направленность на семейные отношения или права несовершеннолетних, и ряд других условий.

Список литературы

1. Акиев А. Р. Критерии классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних в уголовно-правовой и криминалистической доктрине // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (52). – С. 64–70; https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_3_64.
2. Акиев А. Р. Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Юрист-Правоведъ. – 2017. – № 2 (81). – С. 64–70.
3. Кручинина Н. В., Пятибратова Н. Д. Расследование преступлений против семьи : монография. – Москва: Проспект, 2019. – 136 с.
4. Гавло В. К., Яцечко О. В. Криминалистическая методика предварительного расследования и судебного разбирательства вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 196 с.
5. Сокол В. Ю., Сокол Е. В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений : монография. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2009. – 183 с.
6. Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – С. 24–30; <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.2.3>.
7. Варданян А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-2. – С. 17–23.
8. Павликов С. Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Российский судья. – 2012. – № 10. – С. 45–47.
9. Бирюков В. В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 17–22.
10. Журавлев С. Ю. О сущности криминалистического мышления в расследовании и его соотношении с квалификационным пониманием события преступления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 3 (7). – С. 17–22.
11. Подольный Н. А. Опережающая частная методика расследования преступлений // Российский следователь. – 2011. – № 14. – С. 5–8.
12. Варданян А. В., Грибунов О. П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–35.
13. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений : монография. – Иркутск: Иркутский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2003. – 341 с.
14. Букалерова Л. А., Кашанов Р. М., Букалерова, Л. А. Этнические анклавы как источник миграционной преступности: сравнительный анализ методов противодействия России и Дании // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 10-1. – С. 97–107; <https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.82.011>.

15. Курманалиев Н. Ж. Анализ формирования замкнутых этнических и религиозных анклавов, создающих предпосылки для совершения преступлений экстремистской направленности // Академическая мысль. – 2022. – № 4 (21). – С. 195–201.

References

1. Akiyev A. R. Kriterii klassifikatsii prestupleniy protiv sem'i i nesovershennoletnikh v ugovolno-pravovoy i kriminalisticheskoy doktrine // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 3 (52). – S. 64–70; https://doi.org/10.51980/2542-1735_2023_3_64.
2. Akiyev A. R. Struktura glavy o prestupleniyakh protiv sem'i i nesovershennoletnikh // Yurist''-Pravoved''. – 2017. – № 2 (81). – S. 64–70.
3. Kruchinina N. V., Pyatibratova N. D. Rassledovaniye prestupleniy protiv sem'i : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – 136 s.
4. Gavlo V. K., Yatsechko O. V. Kriminalisticheskaya metodika predvari-tel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva vovlecheniya nesovershennoletnego v soversheniye prestupleniya (st. 150 UK RF) : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2011. – 196 s.
5. Sokol V. Yu., Sokol Ye. V. Rassledovaniye vovlecheniya nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy : monografiya. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2009. – 183 s.
6. Golovin A. Yu., Akiyev A. R., Golovina Ye. V. Distantсионное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 2 (76). – S. 24–30; <https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.2.3>.
7. Vardanyan A. V., Ayvazova O. V. Printsipy formirovaniya chastnykh kriminalisticheskikh metodik: sovremennoye sostoyaniye i puti sovershenstvovaniya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. – 2016. – № 1-2. – S. 17–23.
8. Pavlikov S. G. K voprosu o znachenii teorii kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy // Rossiyskiy sud'ya. – 2012. – № 10. – S. 45–47.
9. Biryukov V. V. Kriminalisticheskoye prognozirovaniye, yego znacheniye v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2018. – № 1 (43). – S. 17–22.
10. Zhuravlev S. Yu. O sushchnosti kriminalisticheskogo myshleniya v rassledovanii i yego sootnoshenii s kvalifikatsionnym ponimaniyem sobytiya prestupleniya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. – 2018. – № 3 (7). – S. 17–22.
11. Podol'nyy N. A. Operezhayushchaya chastnaya metodika rassledovaniya prestupleniy // Rossiyskiy sledovatel'. – 2011. – № 14. – S. 5–8.
12. Vardanyan A. V., Gribunov O. P. Sovremennaya doktrina metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya ot-del'nykh vidov prestupleniy // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 2 (81). – S. 23–35.
13. Garmayev Yu. P. Teoreticheskiye osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy : monografiya. – Irkutsk: Irkutskiy yuridicheskii institut General'noy prokuratury RF, 2003. – 341 s.
14. Bukaleroва L. A., Kashapov R. M. Bukaleroва, L. A. Etnicheskiye anklavy kak istochnik migratsionnoy prestupnosti: sravnitel'nyy analiz metodov protivodeystviya Rossii i Danii // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2023. – T. 13, № 10-1. – S. 97–107; <https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.82.011>.
15. Kurmanaliyev N. Zh. Analiz formirovaniya zamknutykh etnicheskikh i religioznykh anklavov, sozdayushchikh predposylki dlya soversheniya prestupleniy ekstremistской направленности // Академическая мысль. – 2022. – № 4 (21). – S. 195–201.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 15, 2024; approved after reviewing July 19, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>

Андрей Николаевич Берестовой

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

*Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5*

Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет»

Аннотация: Введение. В статье рассматривается проблема законодательного противодействия появившимся в последнее время в информационном пространстве сети «Интернет» новым формам девиантного поведения. Наибольшую общественную опасность среди существующих в настоящее время его разновидностей представляют треш-стримы. С применением общенаучного и частно-научных методов, а также метода системного формально-юридического анализа сделана попытка определения некоторых общих положений, касающихся возможности привлечения организаторов и участников треш-стримов к уголовной, а также в некоторых случаях к административной ответственности. С позиции теории уголовно-правовой науки, а также имеющейся в настоящее время правоприменительной практики проанализирован ряд законопроектов, подготовленных общественностью и законодателями, которые рассматриваются в настоящее время в качестве законодательных инициатив. В частности, законопроект о внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство, предлагающий установить уголовную ответственность за совершение подобных деяний в сети. Предметом исследования выступают федеральные законы, нормативные акты и документы, регулирующие общественные отношения в сфере борьбы с криминальными проявлениями девиантного поведения в сети «Интернет». Материальную базу исследования составили работы отечественных ученых-криминалистов по исследуемой проблеме, а также материалы периодической печати и судебной-следственной практики. **Методы.** Методологическую основу данного исследования составили базовые положения диалектического метода познания, общенаучные и частно-научные методы, такие как сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический, позволившие сформулировать некоторые общие выводы. **Результаты.** В результате исследования установлена актуальность системного формально-юридического подхода, начиная с законодательного закрепления понятий, относящихся к признакам треш-стримов, сделана попытка сформулировать общие условия криминализации подобного рода явлений, названы и проанализированы законодательные инициативы и предложения, направленные на борьбу с треш-стримингом. Кроме того, делается вывод о сложности уголовно-правовой квалификации треш-стрима в качестве деяния, закрепленного в Уголовном кодексе Российской Федерации в виде конкретной уголовно-правовой нормы в связи с формальным отсутствием признака общественной опасности и противоправности, а также о необходимости дополнительной работы над законопроектами, учитывая в т. ч. мнение научной общественности.

Ключевые слова: социальная сеть, треш-стрим, общественная опасность, противоправность, предупреждение, общественная нравственность, насилие, уголовный закон

Для цитирования: Берестовой А. Н. Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 152–160; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>.

Original article

Andrey N. Berestovoi

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

*North-West Branch of the Russian State University of Justice
5, Alexandrovsky Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation*

Legislative regulation of the issues of counteraction to new forms of deviant behavior on the Internet

Аннотация: Introduction. The article deals with the problem of legislative counteraction to new forms of deviant behavior that have recently appeared in the information space of the Internet. Trash streams represent the greatest public danger among its currently existing varieties. With the application of general scientific and private scientific methods, as well as the method of systemic formal-legal analysis, an attempt was made to determine some general provisions concerning the possibility of bringing the organizers and participants of trash streams to criminal, as well as in some cases to administrative responsibility. From the position of the theory of criminal legal science, as well as the currently available law enforcement practice, a number of draft laws prepared by the public and legislators, which are currently being considered as legislative initiatives, have been analyzed. In particular, the draft law on introducing alterations and additions to criminal legislation, proposing to establish criminal liability for committing such acts on the Internet. The subject of the study is federal laws, regulations and documents governing social relations in the field of combating criminal manifestations of deviant behavior on the Internet. The material base of the study was formed by the works of domestic forensic scientists devoted to the problem under study, as well as periodical press materials, judicial and investigative practice. **Methods.** The methodological basis of the study was formed by the basic provisions of the dialectical method of cognition, general scientific and private scientific methods, such as comparative-legal, concrete-sociological, formal-logical, systemic and historical, which made it possible to state some general conclusions. **Results.** As a result of the research the relevance of the systemic formal-legal approach has been established, starting from the legislative fixation of the concepts related to the signs of trash streaming, an attempt has been made to formulate the general conditions of criminalization of this kind of phenomena, legislative initiatives and proposals aimed at combating trash streaming have been named and analyzed. In addition, the conclusion is drawn of the complexity of criminal legal qualification of trash streaming as an act enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation in the form of a specific criminal law norm due to the formal absence of indicia of public danger and illegality, as well as the need for further work on draft laws, taking into account, among other things, the opinion of the scientific community.

Keywords: social network, trash stream, public danger, illegality, prevention, public morality, violence, criminal law

For citation: Berestovoi A. N. Legislative regulation of the issues of counteraction to new forms of deviant behavior on the Internet // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 152–160; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160>.

Введение

Интернет – это среда общения интернет-пользователей с постоянно растущим охватом различных групп населения и огромным потенциалом. Бесспорно, что, являясь одновременно продуктом технического прогресса и культуры, она также оказывает на них огромное и зачастую неоднозначное влияние. Без сомнения, интернет – это также один из важнейших источников информации, которая, по мнению большинства пользователей, позволяет им получать наиболее достоверные сведения или данные о происходящих событиях, сопоставляя ее с подаваемой новостной повесткой официальных средств массовой информации. Интернет-пространство – это также средоточие развлечений на любой вкус для огромного числа пользователей, подавляющее большинство которых составляет молодежь. «Виртуальная среда не просто облегчила коммуникацию, позволила ускорить

решение организационных, технических, экономических и иных вопросов. Она все больше становится альтернативной средой существования человека, причем для многих людей гораздо более комфортной, где иллюзия приобретает черты реальности, а оптимизация рабочих процессов сочетается с возможностью заработать приличные, а порой большие деньги, не выходя из дома»¹.

Методы

Как отмечают исследователи, многие ограничения и запреты социальных регуляторов, к которым человек привык в повседневной жизни, не являются обязательными в интернет-пространстве. Прежде всего, здесь речь идет об общепринятых нормах морали и нравственности, что связано с отсутствием правового регулирования общественных отношений в интернете. Второе обстоятельство, которое также невозможно сбросить со счетов, – бытующее среди подавляющего числа пользователей мнение о том, что интернет – это особая форма киберпространства, в котором неприменимы законы государств, что накладывает определенный отпечаток и на применяемые исследовательские методы. Помимо общих, применяемых в научных исследованиях, методах познания – таких как базовые положения диалектического метода, применялись общенаучные и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, конкретно-социологический, формально-логический, системный и исторический), позволившие сформулировать некоторые общие выводы по исследуемой проблеме. Что касается нравственных запретов, то здесь дела обстоят на много сложнее. Творящаяся в интернет-пространстве вседозволенность, связанная с оскорблениями, нецензурной лексикой, неуважением ко всему, провокациями, буллингом, троллингом и иными подобными действиями скорректировала в худшую сторону и искажила общечеловеческие нормы морали. Сознание многих пользователей «освободилось» от моральных ограничений, они не испытывают никаких угрызений совести [1, с. 274–294].

Результаты

Социологические исследования, проводимые в различных странах, красноречиво свидетельствуют о том, что подавляющая часть респондентов (как правило, это молодежь) безапелляционно признает, что именно в интернете они черпают знания, через него заводят и поддерживают знакомства, формируют социальные связи, находят примеры для подражания. Так называемая виртуальная реальность воплощает в себе все основные черты постмодернистского мира – эклектичности, вневременности, релятивизации. Здесь могут самореализоваться профессионалы и любители, найдется место и великим талантам, и узурпаторам, и спорщикам, и активистам, и пассивным наблюдателям. Кроме того, феномен псевдопопулярности, в условиях шоу-цивилизации, когда легче всего обратить на себя внимание аудитории некими эпатажными действиями [2, с. 14], и к которому так стремятся новоявленные «звезды» интернета, позволяет им монетизировать свой интернет-образ – «как посредством прямых интеграций с рекламодателями, так и путем взаимодействия с поклонниками (сбор донатов – добровольных пожертвований пользователей сети в пользу блогера), перехода в иной формат (участие в телепередачах, концертах, частных вечеринках) и т. д.» [3]. Свою нишу нашли и создатели онлайн-записей, содержащих вульгарный, оскорбительный или непристойный контент, называемые патостримами (треш-стримами), которые, размещая видеоролики на интернет-порталах (особенно на “YouTube”), пропагандируют ценности из круга субкультуры насилия. Некоторые наиболее вопиющие и резонансные случаи треш-стриминга неоднократно описывались в научных статьях по данной теме [4; 5]. Данная статья посвящена анализу основных направлений противодействия общественно опасным проявлениям девиантного поведения в интернет-пространстве. Сразу оговоримся, что треш-стрим не единственная форма девиантного поведения, существующая в настоящее время, но, наверное, в современных условиях представляющая наибольшую опасность для общества. В своей работе А. В. Поливанов определяет признаки девиантного поведения, которые присущи всем его формам: «негативная оценка со стороны социума, наличие прямого умысла, повторяемость действий и признак социальной дестабилизации» [6, с. 101–102]. Исследователи девиантного поведения личности в своих работах раскрывают признаки и сущность некоторых их видов, таких как, например, пранки [6], тренинги по пикапу [7]. Здесь следует сделать небольшую ремарку: не все подобного рода девиантные проявления отражены в действующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ). Связано это, на наш взгляд, и с тем, что вопросы

¹ Руднев В. П. Быть и казаться. – Москва: Добросвет, 2019. – С. 85.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

криминализации общественно опасных деяний требуют серьезной проработки и зачастую довольно продолжительного времени, необходимого для конструирования законодательных норм. И второе обстоятельство, которое также нельзя сбрасывать со счетов: в постоянно меняющемся современном мире подобного рода проявления девиантного поведения подвержены постоянным изменениям и трансформации. Треш-стримеры и подобные им интернет-блогеры живо реагируют на изменение конъюнктуры и мгновенно приспосабливаются к новым условиям. Это касается и вопросов, связанных с возможностью избежать уголовной или административной ответственности, и самое главное с попытками найти новые формы стримов, которые бы приносили большой доход.

Еще один проблемный вопрос, так или иначе связанный с треш-стримом и необходимостью введения уголовной ответственности за подобные действия: нужно ли учитывать согласие потерпевшего при треш-стриме на причинение ему вреда и каковы границы такого согласия? То, что такое согласие (при его наличии) должно быть добровольным и осознанным, сомнения не вызывает. Тем не менее, вопрос о допустимости такого согласия вообще и возможность определения тех прав, которыми готов поступиться человек, требует определенной научной дискуссии [8]. Это касается не только прав на охрану жизни и здоровья лица, как это может показаться на первый взгляд. Думается, речь здесь должна идти обо всей совокупности личных субъективных прав человека, в том числе и на охрану личной и семейной тайны, которая также может быть предметом уголовно-правовой охраны и которой также может быть причинен вред в ходе треш-стриминга, и на защите которой в т. ч. стоит действующее уголовное законодательство [9. с. 12].

Непреложным в уголовно-правовой доктрине является утверждение, что теория криминализации является тем краеугольным камнем, который лежит в основе введения уголовной ответственности за те или иные деяния, которые, по мнению законодателя, обладают для этого достаточной степенью общественной опасности. В юридической литературе научно обоснованная криминализация давно считается «первым и необходимым условием результативности права вообще и уголовного права в частности»³ [10], что, без сомнения, относится и к проблеме обоснования введения уголовной ответственности за различные формы девиантного поведения, которые регулярно появляются в повседневной жизни социума. Общеизвестно, что Уголовный кодекс является эффективно действующим, в полной мере выполняющим стоящие перед ним задачи и способным гибко и оперативно реагировать на вновь возникающие вызовы только в том случае, когда он адекватно отражает характер и степень общественной опасности деяний, является своеобразным нормативным орудием сдерживания таких антиобщественных проявлений и при этом полностью способным охватить весь спектр деяний, борьбу с которыми государство считает целесообразной [11, с. 108–109; 12, с. 124; 13].

В статье Ю. В. Грачевой и С.В. Маликова обоснованы с научных позиций и определены условия криминализации треш-стримов [14, с. 207]. К ним авторы относят: относительную распространенность подобного рода общественно опасного деяния; соответствие уголовно-правового запрета нравственным представлениям населения; соотношение положительных и отрицательных последствий введения уголовно-правового запрета. Принимая во внимание все описанные выше обстоятельства, согласимся с мнением ученых, что сейчас имеются все достаточные и необходимые условия и основания для криминализации треш-стримов [14]. При этом предложенный учеными вариант криминализации исследуемого явления представляется более предпочтительным, чем, например, дополнение уже имеющихся нормы УК квалифицирующими признаками. Если в ходе совершения действий по организации или проведению прямых эфиров, подпадающих под действие предлагаемой авторами статьи, будет причинен вред другим правоохраняемым интересам, квалификация таких действий возможна по совокупности преступлений.

Следующее, на что следует обратить внимание, – то, что «часть совершаемых в процессе треш-стримов деяний уже имеет самостоятельную уголовно-правовую оценку» [14, с. 207], предусмотренную в других нормах УК РФ, либо эти деяния могут содержать составы административных правонарушений, предусмотренных соответственно нормами административного законодательства. Даже беглый взгляд на сообщения средств массовой информации позволяет усмотреть в совершенных действиях организаторов или участников треш-стримов составы причинения вреда здоровью, различной степени тяжести

³ Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. – Москва: Наука, 1983. – С. 9.

(ст. 111–118 УК РФ), лишения жизни человека (ст. 105, 109 УК РФ), угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), изнасилования или насильственных действий сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ), публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280³ УК РФ), а возможно, и целого ряда других статей. Тем не менее в составах, о которых идет речь, отсутствуют признаки, связанные с публичностью действий и использованием сети «Интернет». Вот только один недавний пример подобного рода стрима, который можно найти в новостных лентах средств массовой информации. Ярославские стримеры в своих трансляциях «набирали» целый букет из статей УК РФ. Шокирующие кадры треш-стримов Аслана Дурдиева и Владислава Пеконида в очередной раз всколыхнули общественное информационное пространство. В созданном в Ярославле в квартире наркоманском притоне местные стримеры под руководством Аслана Дурдиева «накачивают несовершеннолетних девочек наркотой, а потом избивают их на камеру»⁴. Действия же, которые содержат в себе признаки административно наказуемых правонарушений, таких как нанесение побоев (ст. 6.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ (далее – КоАП РФ)), оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), а также некоторых других составов отражены в нормах административного законодательства. Понятно, что в случае принятия данного законопроекта возникли бы сложности правоприменения, связанные в первую очередь с отграничением от имеющихся уже составов преступлений и составов административных правонарушений, предусмотренных нормами административного права.

В российском юридическом сообществе на протяжении довольно продолжительного времени велись дискуссии, связанные с определением наиболее эффективных способов противодействия данному роду негативным общественно опасным проявлениям девиантного поведения в интернете. Итогом этих дискуссий стала выработка целого ряда предложений, которые, по мнению их авторов, могли в какой-то мере способствовать решению проблемы криминальных треш-стримов.

Кроме того, в юридическом сообществе превалирует мнение, что одной из первоочередных задач в этом направлении является своеобразное юридическое оформление деятельности в сфере предоставления образовательных услуг блогерами через дистанционные информационно-консультативные услуги. Представители рабочей группы Госдумы, созданной по инициативе вице-спикера Петра Толстого («Единая Россия») и первого зампреда комитета по просвещению Яны Лантратовой («Справедливая Россия – За правду») обращают внимание, что подобного рода меры необходимы для обеспечения качества информационных продуктов и предотвращения вреда общественным отношениям⁶. Изменения, которые планирует внести группа в КоАП РФ и УК РФ, коснутся блогеров, предоставляющих информационные услуги без необходимой аккредитации. Смысл подобного рода нововведений, помимо прочего, видится во введении максимального контроля со стороны государства за деятельностью всего интернет-сообщества путем регулирования данного вида деятельности и создания своего рода реестра участвующих в ней лиц для получения еще одного рычага воздействия на указанную сферу деятельности.

Помимо различных запретительных мер и технических средств пресечения распространения подобного рода информации, сенаторы предлагают ввести уголовно-правовой запрет на такие действия. Юридическая общественность, ученые-криминалисты предлагают несколько вариантов решения этой задачи.

Обсуждение

Первый вариант, предложенный сенаторами, состоит в расширении ст. 282 УК РФ. Предлагалось ввести в содержание данной статьи части 3, в которой бы предусматривалась криминализация действий, «унижающих человеческое достоинство с применением насилия или угрозы его применения, физических издевательств, оскорблений и различных

⁴ URL: <https://t.me/readovkanews/74026> (дата обращения: 08.08.2024).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

⁶ «Известия»: для блогеров хотят ввести отдельные наказания в КоАП и УК / Смотрим : сетевое издание. – URL: <https://smotrim.ru/article/3862580> (дата обращения: 25.03.2024).

иных форм хулиганского поведения, умаляющего достоинство личности, совершенные публично с использованием сети «Интернет» в режиме реального времени или видеозаписи с целью получения материальной (наращивание популярности) выгоды. За совершения таких действий законодатели предлагали установить наказание в виде штрафа от 300 до 600 тыс. рублей, также предусматриваются принудительные работы на срок от двух до пяти лет, либо тюремное заключение на срок от 3 до 6 лет»⁷.

Следует также отметить, что в Совете Федераций, который активно работает в направлении законодательного закрепления возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающихся организацией, проведением и пропагандой треш-стримов, рассматривалось еще одно предложение. Суть его состояла во введении этого деяния в качестве квалифицирующего признака в уже имеющиеся в УК РФ составы преступлений, что позволило бы более гибко реагировать на новые его проявления, о которых говорилось выше, и даже те, которые, может быть, мы увидим в будущем. Хотя в данном предложении законодателя мы также можем усмотреть и некоторые спорные моменты. Связаны они с тем, что квалифицирующие признаки, «с одной стороны, не должны являться конструктивными для основного состава, закрепленного в кодексе, а с другой стороны, существенно изменять типовую степень общественной опасности преступления по сравнению с основным составом» [15, с. 162–163]. Предложения законодателей, юридической общественности и юристов, привлеченных к законотворческой деятельности по данной проблеме, нашли отражение в проекте федерального закона, который был направлен в Верховный Суд Российской Федерации для получения официального отзыва.

Сегодня для законодателя приоритетным является путь внесения в УК РФ изменений, касающихся перечня отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ. В частности, «предлагается дополнить ч.1 ст. 63 УК РФ пунктом “т”, содержащим новое, для действующего кодекса отягчающее наказание обстоятельство, заключающееся в совершении преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”»⁸. Разработанный депутатами законопроект также предполагает возможность закрепления данного обстоятельства, как квалифицирующего признака в некоторых составах преступлений. В первую очередь, на наш взгляд, речь должна идти о составах убийства, умышленного причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, побоев, истязания, угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, похищения человека, незаконного лишения свободы и использования рабского труда. Кроме того, представленный проект нормативного документа содержит изменение санкций ст. 111, 112, 115–117, 127 УК РФ, которое предполагает включение в них дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В отзыве на представленный депутатами законопроект Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание на необходимость и целесообразность использования при конструировании норм уголовного закона более точных формулировок. Применительно к предлагаемому законопроекту это пункт «т» части 1 ст. 63 УК РФ, согласно которому соответствующим отягчающим обстоятельством (квалифицирующим признаком) признается «совершение преступления, сопряженного с публичной демонстрацией процесса его осуществления с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»»⁹.

О важности данной проблемы, ее приоритетном значении говорит и тот факт, что, несмотря на загруженность Государственной Думы, запрет на треш-стримы депутаты рассмотрели в приоритетном порядке в весеннюю сессию. В частности, Председатель Государственной Думы Вячеслав Володин отметил: «Недопустимо, что треш-стримы порождают жестокость и насилие в обществе»¹⁰. Согласно внесенным законодателем предложениям, онлайн-платформы должны будут выявлять и удалять противоправный контент.

Ранее депутаты приняли в первом чтении два законопроекта, которым предшествовала серьезная дискуссия в юридическом сообществе. В результате обмена мнениями в ходе дискуссии и появились два законопроекта о наказании за треш-стримы, предусматривающие

⁷ В Совфеде предложили наказывать за треш-стримы лишением свободы / Российская газета. – 2021. – 21 января : [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/01/21/v-sovfede-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy-lisheniem-svobody.html> (дата обращения: 03.02.2022).

⁸ URL: <https://t.me/readovkanews/66346> (дата обращения: 24.09.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Принят законопроект о противодействии распространению треш-стримов // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/58816/> (дата обращения: 10.03.2024).

в числе всего прочего штрафы до 700 тыс. рублей и усиление уголовной ответственности за онлайн-трансляцию совершения преступления.

В настоящее время, выполняя данные ранее обещания по ускорению работы над нормативными правовыми актами, призванными оградить общество от общественно опасного интернет-контента треш-стримеров, Государственная Дума Российской Федерации сразу во втором и третьем чтении приняла законопроект, который прямо запрещает распространение в Российской Федерации информации, содержащей изображение противоправных и насильственных действий. Отныне за такие действия лица, распространяющие подобного рода контент, могут быть подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом. Под данное в законопроекте понятие информации, запрещенной к распространению, попадают в т. ч. и треш-стримы¹¹. С удовлетворением можно отметить, что данный нормативный акт делает то, о чем давно и настоятельно говорила юридическая общественность, а именно, уточняет формулировки, относящиеся к треш-стриму. Теперь законодательно закреплено, что «треш-стрим – это информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображения действий с признаками противоправных, в т. ч. насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений»¹².

Законопроект предполагает внесение изменений в т. ч. и в действующие нормативные правовые акты. В частности, вносятся изменения в ст. 13.15 КоАП РФ, дополняя ее частью 12. Согласно этому пункту, к административной ответственности привлекаются лица, выложившие в сеть фото и видео с правонарушениями или призывами к ним, в т. ч. по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти. Штраф для привлеченных к административной ответственности по данной статье составит от 200 тыс. до 600 тыс. рублей, для должностных лиц соответственно от 300 тыс. до 700 тыс. рублей. Кроме того, предусмотрена конфискация оборудования, используемого при производстве запрещенного контента.

Заключение

Несмотря на широкий общественный резонанс наиболее вопиющих случаев треш-стриминга, которые освещались и освещаются в средствах массовой информации, огромную работу, проделанную юридическим сообществом для определения наиболее эффективных направлений в борьбе с этим общественно опасным явлением, широкое вовлечение общественности в дискуссию и разработку правовых норм, огромного числа законотворческих инициатив, направленных на противодействие треш-стримингу, мы находимся в самом начале пути создания действительно эффективной законодательной базы, которая бы позволила искоренить данное явление. Это объясняется тем, что треш-стриминг – относительно новое явление, появившееся и связанное с развитием новых технологий в сети «Интернет». А все новое, как известно, приобретает интерес у аудитории. Кроме того, до настоящего времени отсутствовала какая-либо законодательная база даже на понятийном уровне, которая бы позволяла начать работу не с нуля. Хочется также обратить внимание, что процесс законотворчества в Российской Федерации стал намного эффективнее и гибче реагировать на новые общественно опасные и деструктивные поведенческие акты, которые появляются в жизни российского общества. Это в полной мере относится и к освещаемой нами проблеме треш-стрима. Мы уже говорили о методах противодействия треш-стримеров попыткам ограничения распространяемого ими контента. Зачастую они бывают довольно успешны. С удовлетворением можно отметить, что и со стороны государства работа по противодействию обретает определенную результативность. Имеется в виду, что наряду непосредственно с принятием новых правовых норм, ограничивающих или прямо запрещающих под страхом уголовного наказания проведение треш-стримов, в последнее время в борьбе с этим негативным явлением государство использует аппарат Федеральной налоговой службы, которая посредством доступных ей инструментов делает практически невозможной и – самое главное – лишенной всякого экономического смысла деятельность треш-стримеров.

О социальном и психологических аспектах данного явления также неоднократно говорилось в научных публикациях по этой теме [4, с. 85]. Тем не менее, еще раз хочется

¹¹ Госдума приняла закон о запрете треш-стримов // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/30/07/2024/66a900529a7947db2c16a592> (дата обращения: 08.08.2024).

¹² Там же.

обратить внимание, что хотя проблема треш-стримов обсуждается не первый год, в последнее время появляется все больше деструктивного контента, чьи создатели ничем не гнушаются, чтобы набрать аудиторию и заработать¹³.

Разработанные и принятые Государственной Думой законопроекты, безусловно, имеют огромное значение. Это определенно значимый и существенный шаг в противодействии треш-стримингу в теперешних его проявлениях.

Список литературы

1. Березина Н. В., Богданов И. Я., Великая Н. М. [и др.] Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году : монография. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. – 549 с.
2. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? : монография. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014. – 198 с.
3. Капитонова Е. А. Пранки, треш-стримы и другие формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2024. – № 2 (162). – С. 24–34; https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24.
4. Берестовой А. Н., Сысолина Н. С. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети интернет // Философия права. – 2023. – № 3 (106). – С. 85–93.
5. Берестовой А. Н. Вопросы криминализации девиантного поведения в сети интернет (уголовно-правовой аспект) // Юристы-правоведы. – 2023. – № 4 (107). – С. 96–101.
6. Поливанов А. В. Пранк, как новая форма девиантного поведения // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3 (35). – С. 98–103.
7. Шипунова Т. В. Особенности социального контроля девиантности: общее и специфическое (на примере интернет-проекта «пикап») // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 127–136.
8. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий // Правоведение. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 19–42.
9. Озерова А. С. Личная и семейная тайна как предмет уголовно-правовой охраны: проблемы судебной практики // Уголовное право. – 2022. – № 3 (139). – С. 30–38.
10. Коробеев А. И. Криминализация и пенализация деяний как основное содержание уголовно-правовой политики / Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1988. – С. 10–14.
11. Злобин Г. А., Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Проблемы правосудия и уголовного права / редкол.: А. М. Ларин, В. М. Савицкий, М. М. Славин, А. М. Яковлев. – Москва: Издательство ИГ и П АН СССР, 1978. – С. 102–119.
12. Коган В. М. Изучение эффективности уголовно-правовых норм: аспекты и уровни анализа / Проблемы правосудия и уголовного права / редкол.: А. М. Ларин, В. М. Савицкий, М. М. Славин, А. М. Яковлев. – Москва: Издательство ИГ и П АН СССР, 1978. – С. 119–130.
13. Кудрявцев В. Н. Криминализация: оптимальные модели / Уголовное право в борьбе с преступностью. – Москва: Издательство ИГ и П АН СССР, 1981. – С. 3–6.
14. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6 (127). – С. 202–210; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210>.
15. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: НОРМА, 2000. – 400 с.

References

1. Berezina N. V., Bogdanov I. Ya., Velikaya N. M. [i dr.] Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh global'noy mnogopolyarnosti. Sotsial'no-politicheskoye polozheniye Rossii v 2022 godu : monografiya. – Moskva: Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, 2023. – 549 s.
2. Il'chenko S. N. Shou-tsivilizatsiya: konets real'nosti? : monografiya. – Sankt-Peterburg: IVESEP, 2014. – 198 s.

¹³ Госдума наложит депутатский запрет на трешовый контент // ComNews : сетевое издание. – URL: <https://www.comnews.ru/content/230973> (дата обращения: 08.08.2024).

3. *Kapitonova Ye. A.* Pranki, tresh-strimy i drugiye formy deviantnykh deystviy, sovershayemykh v pogone za populyarnost': problemy kvalifikatsii // *Ugolovnoye pravo*. – 2024. – № 2 (162). – S. 24–34; https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24.
4. *Berestovoy A. N., Sysolina N. S.* Voprosy kriminalizatsii deviantnogo povedeniya v seti internet // *Filosofiya prava*. – 2023. – № 3 (106). – S. 85–93.
5. *Berestovoy A. N.* Voprosy kriminalizatsii deviantnogo povedeniya v seti internet (ugolovno-pravovoy aspekt) // *Yurist"-pravoved"*. – 2023. – № 4 (107). – S. 96–101.
6. *Polivanov A. V.* Prank, kak novaya forma deviantnogo povedeniya // *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. – 2021. – № 3 (35). – S. 98–103.
7. *Shipunova T. V.* Osobennosti sotsial'nogo kontrolya deviantnosti: obshcheye i spetsificheskoye (na primere internet-proyekta «pikap») // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. – 2014. – № 12. – S. 127–136.
8. *Arzamastsev M. V.* Ugolovno-pravovyye garantii dostoinstva cheloveka i razvitiye biotekhnologiy // *Pravovedeniye*. – 2022. – T. 66, № 1. – S. 19–42.
9. *Ozerova A. S.* Lichnaya i semeynaya tayna kak predmet ugolovno-pravovoy okhrany: problemy sudebnoy praktiki // *Ugolovnoye pravo*. – 2022. – № 3 (139). – S. 30–38.
10. *Korobeyev A. I.* Kriminalizatsiya i penalizatsiya deyaniy kak osnovnoye sodержaniye ugolovno-pravovoy politiki / *Voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-pravovogo regulirovaniya*. – Sverdlovsk: Izdatel'stvo Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta, 1988. – S. 10–14.
11. *Zlobin G. A., Kelina S. G.* Nekotoryye teoreticheskiye voprosy kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyaniy / *Problemy pravosudiya i ugolovnogo prava* / redkol.: A. M. Larin, V. M. Savitskiy, M. M. Slavin, A. M. Yakovlev. – Moskva: Izdatel'stvo IG i P AN SSSR, 1978. – S. 102–119.
12. *Kogan V. M.* Izucheniye effektivnosti ugolovno-pravovykh norm: aspekty i urovni analiza / *Problemy pravosudiya i ugolovnogo prava* / redkol.: A. M. Larin, V. M. Savitskiy, M. M. Slavin, A. M. Yakovlev. – Moskva: Izdatel'stvo IG i P AN SSSR, 1978. – S. 119–130.
13. *Kudryavtsev V. N.* Kriminalizatsiya: optimal'nyye modeli / *Ugolovnoye pravo v bor'be s prestupnost'yu*. – Moskva: Izdatel'stvo IG i P AN SSSR, 1981. – S. 3–6.
14. *Gracheva Yu. V., Malikov S. V.* Tresh-strim: sotsial'naya obuslovlennost' kriminalizatsii // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*. – 2021. – № 6 (127). – S. 202–210; <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210>.
15. *Lesniyevski-Kostareva T. A.* Differentsiatsiya ugolovnoy otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatelnaya praktika. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Moskva: NORMA, 2000. – 400 s.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted July 4, 2024; approved after reviewing August 9, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.58
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-161-169>

Лариса Владимировна Готчина

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-4477-6559>, lgotchina@yandex.ru

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44*

Виктория Вячеславовна Семенова

кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-2424-3520>, vsemenova17@inbox.ru

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 96*

Жестокое обращение с животными с применением садистских методов

Аннотация: Введение. Актуальность исследования обосновывается потребностями современной правоприменительной практики в установлении критериев определения жестокого обращения с животными и ограничения его от жестокого обращения с животными с применением садистских методов. При исследовании названной темы выявлена проблема – отсутствие единого подхода к установлению названных деяний, обусловленная тем, что жестокое обращение с животными и жестокое обращение с животными с применением садистских методов являются оценочными категориями. Цель исследования: изучение сложившейся практики квалификации жестокого обращения с животными и жестокого обращения с животными с применением садистских методов и разработка критериев разграничения названных деяний. **Методы.** Для достижения цели использованы методы анализа, синтеза, обобщения, контент-анализа документов, сравнительно-правовой, формально-логический и системный. **Результаты.** Основными результатами работы явились выявленные правоприменительные проблемы, связанные с квалификацией жестокого обращения с животными, на основе анализа правоприменительной практики квалификации уголовно наказуемых деяний определены критерии разграничения жестокого обращения с животными и такого же деяния, но совершенного с применением садистских методов, и сформулированы рекомендации по их квалификации, в чем заключается теоретическое и практическое значение исследования.

Ключевые слова: жестокое обращение, животные, садистские методы, правоприменительная практика, гибель, увечье

Для цитирования: Готчина Л. В., Семенова В. В. Жестокое обращение с животными с применением садистских методов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 161–169; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-161-169.

Original article

Larisa V. Gotchina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0003-4477-6559>, lgotchina@yandex.ru

*Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation
44, Liteynyy ave., Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

Viktoriya V. Semenova

Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0002-2424-3520>, vsemenova17@inbox.ru

*Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
96, quay river River, Saint Petersburg, 190000, Russian Federation*

Cruel treatment of animals with the use of sadistic methods

Abstract: Introduction. The relevance of the research is grounded by the needs of modern law enforcement practice in establishing criteria for determining cruel treatment of animals and differentiating it from cruel treatment of animals with the use of sadistic methods. The research of the subject reveals a problem - the lack of a unified approach to the establishment of the acts in question, due to the fact that cruel treatment of animals and cruel treatment of animals with the use of sadistic methods are evaluative categories. **The purpose of the research** is to analyse the existing practice of qualification of cruelty to animals and cruelty to animals with the use of sadistic methods and to develop criteria for differentiating the acts in question. **Methods.** The methods of analysis, synthesis, generalisation, content analysis of documents, comparative-legal, formal-logical and systemic ones were used. **Results.** The main results of the research are the revealed law enforcement issues related to the qualification of cruel treatment of animals. On the basis of the analysis of law enforcement practice of qualification of criminally punishable acts, the criteria of differentiation between cruel treatment of animals and the same act, but committed with the use of sadistic methods are determined. Recommendations for their qualification are formulated. These results are considered to be of theoretical and practical importance of the research.

Keywords: cruel treatment, animals, sadistic methods, law enforcement practice, death, mutilation

For citation: Gotchina D. M., Semenova V. M. Cruel treatment of animals with the use of sadistic methods // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 161–169; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-161-169.

Введение

В Российской Федерации насилие наказуемо. Его применение к животным в виде жестокого обращения с ними является важной социальной проблемой [1, с. 65] и противоречит принципу гуманности. Его соблюдение является одним из показателей общественного прогресса и социальной нравственности [2, с. 51]. Поэтому одним из приоритетов государственной политики следует признать недопустимость осуществления насилия в отношении животных [3, с. 10–15], которые, согласно российскому законодательству, относятся к разновидностям имущества¹, способным чувствовать и воспринимать болевые ощущения [4, с. 6]. Одушевленность животных предопределила применение к ним помимо общих правил владения особого порядка приобретения и прекращения права собственности при ненадлежащем обращении².

Конституция Российской Федерации³ обязанность по осуществлению мер, направленных на формирование в обществе ответственного отношения к животным, возложила на Правительство Российской Федерации⁴; в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ закреплены принципы обращения с животными, требования к их содержанию и использованию. За нарушения таких требований в российском законодательстве предусмотрена административная⁶ (ч. 2 ст. 8.52 Кодекс Российской Федерации

¹ Статья 137 Гражданского кодекса Российской Федерации (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301).

² Часть 2 ст. 231, ст. 241 Гражданского кодекса Российской Федерации.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Интернет-портал правовой информации : [официальный сайт]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Пункт е. 5 ч. 1 ст. 114 введен Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. (О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416).

⁵ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8424.

⁶ Ст. 8.52 «Несоблюдение требований к содержанию животных» КоАП РФ введена Федеральным законом от 13 июня 2023 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (СЗ РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4419).

об административных правонарушениях⁷ (далее – КоАП РФ)) и уголовная (ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации⁸ (далее – УК РФ)) ответственность.

Цель исследования состоит в разработке критериев определения жестокого обращения с животными и жестокого обращения с животными с применением садистских методов в результате изучения сложившейся практики квалификации таких деяний в зависимости от наличия разных квалифицирующих признаков. Для ее достижения были сформулированы следующие задачи исследования:

- проанализировать практику квалификации жестокого обращения с животными, в т. ч. с применением садистских методов;
- охарактеризовать объективные и субъективные признаки жестокого обращения с животными при применении садистских методов;
- разработать научно обоснованные рекомендации по квалификации преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Методы

В работе применялись методы анализа, синтеза, обобщения и контент-анализа материалов следственной и судебной практики по делам о жестоком обращении с животными. Примеры из практики, представляющие наибольший научный интерес, приведены в тексте. Сравнительно-правовой метод позволил выявить различия при квалификации преступлений, формально-логический – уточнить рассуждения следователя, обосновывавшие квалификацию преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, системный – проанализировать преступление как целое, состоящее из взаимодействующих обязательных элементов его состава.

Результаты

Основными результатами работы явились выявленные правоприменительные проблемы, связанные с оценочными категориями в виде жестокого обращения с животными и жестокого обращения с ними с применением садистских методов. Их квалификация в судебной практике различна.

Субъективные признаки преступления (цель – причинения животному боли или страданий, хулиганские или корыстные побуждения) являются криминообразующими при установлении состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ.

Термин «садистские методы» в теории и практике носит неопределенный характер. Для квалификации преступления садистский метод необходимо рассматривать не только в качестве изощренного способа жестокости, но и мотивационного побуждения субъекта к совершению деяния, носящего, как правило, длящийся характер; данный способ обусловлен побуждением субъекта преступления получить удовольствие от его применения.

Обсуждение

Ученые-юристы при подготовке научных исследований неоднократно обращали внимание на несовершенство нормы, предусмотренной ст. 245 УК РФ [4, с. 99; 5, с. 144].

Средства массовой информации периодически публикуют фабулы преступлений, совершенных на территории России в отношении животных. Такие дела становятся громкими, вызывают общественный резонанс, негодование у населения, подтверждая падение уровня нравственности у некоторых граждан, рост жестокости, распространение насилия.

Так, в России отмечается ежегодный рост числа совершения преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ. Согласно статистическим наблюдениям, за 2022 год зарегистрировано 709 исследуемых общественно опасных деяний, что на 6,7 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Количество зарегистрированных преступлений в 2022 году представляет наибольший показатель за последние пять лет, по сравнению с 2018 годом рост составил 59 %. При этом, согласно статистическим данным, в 74 % случаев о жестоком обращении с животными сотрудниками правоохранительных органов выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела⁹, а также большая часть деяний, сопряженных с жестоким обращением с животными, остается латентной.

Причин такого положения дел несколько. Во-первых, сама жертва не может завить о факте насилия, родственники и знакомые, которым стало известно о таких фактах, зачастую тоже молчат, т. е. не считают нужным обратиться в правоохранительные органы. Учитывая достаточно высокий процент искусственного вида латентности, позволим

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁹ Агентство социальной информации : [сайт]. – URL: <https://asi.org.ru> (дата обращения: 23.05.2024).

предположить, что рецидивность преступности в виде жестокого обращения с животными, в т. ч. с применением садистских методов, высокая. Уход виновных от ответственности создает чувство безнаказанности, в результате формируется такая субкультура насилия, приживающаяся, к сожалению, прежде всего среди малолетних и несовершеннолетних.

Обратим внимание, что сцены жестокого обращения с животными очень часто фиксируются с помощью фото- и видеоустройств, а затем распространяются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая интернет). Особенно распространено их тиражирование в различных социальных сетях. Видеоролики о жестоком обращении с животными набирают большое количество просмотров, они ориентированы на специальную аудиторию – несовершеннолетних, которые в силу несформированности личности подвержены негативному влиянию, у них под воздействием просмотров формируется ожесточение, проявляется толерантное отношение к субкультуре насилия и пыток. Сцены жестокого обращения даже некоторыми малолетними воспринимаются как что-то интересное и увлекательное, что впоследствии подвигает их повторить акты жестокости. Об этом свидетельствует большое количество видеороликов, на кадрах которых несовершеннолетние показывают свой криминальный опыт, вызывающий большой общественный резонанс.

Так, две несовершеннолетние в прямой трансляции в интернете добивались смерти котенка, которого неоднократно бросали об стену, пока он не погиб от полученных травм. При этом эти девочки пытались вовлечь в акт насилия над котенком младшую малолетнюю сестру¹⁰. Такие случаи освещают в прессе то в одном, то в другом российском регионе.

Учитывая такую негативную практику, законодатель не мог не отреагировать на происходящее и внес в российское законодательство значительные изменения, разъясняя некоторые дефиниции и понятия.

Так, под жестоким обращением с животным понимается такое обращение, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая его истязание, в т. ч. голодом, жаждой, побоями, иными действиями), нарушение требований к содержанию животных, установленных Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ¹¹, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, причинившее вред здоровью животного, либо неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии¹².

Деяние, обладающее меньшей степенью общественной опасности, не связанное с целью причинения животному боли или страданий, а равно из хулиганских или корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье подпадают под признаки состава административного правонарушения (ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ). За иные общественно опасные деяния в отношении животного предусмотрена уголовная ответственность (ст. 245 УК РФ).

Объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность и гуманное обращение с животными, дополнительным объектом могут быть психическое здоровье малолетних и отношения собственности. Предметом являются животные (позвоночные), обладающие развитой нервной системой (млекопитающие, птицы и др.), способные к чувственному восприятию негативных болевых ощущений, вне зависимости от их отнесения к категории диких, домашних либо содержащихся в неволе или полувольных условиях, форм собственности на них [6, с. 78]. Объективная сторона характеризуется жестоким обращением с животным, повлекшим его гибель или увечье, а субъективная выражается в прямом умысле и наличии специальной цели (мотивов).

Объективные признаки преступления (последствия – гибель или увечье) и субъективные (цель – причинения животному боли или страданий, хулиганские или корыстные побуждения) являются криминообразующими для установления состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Указанные признаки преступления, являлись предметом исследования многих ученых [7–9], в связи с чем нет необходимости останавливаться подробно на позициях авторов по этому вопросу в настоящем исследовании.

Рассмотрим основные категории, по которым происходит разграничение жестокого обращения с животными от жестокого обращения с применением садистских методов.

¹⁰ В Самарской области дети транслировали в Сети убийство кота // 63.ru : Самара онлайн : [сайт]. – URL: <https://63.ru/text/gorod/2017/08/15/50896861/> (дата обращения: 23.05.2024).

¹¹ Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8424.

¹² Статья 3 Федерального закона от 27.12.2018 г. № 498-ФЗ.

Расшифровывая название статьи, которое вводит в научный обиход основное понятие, укажем, что под жестоким обращением с животными понимаются умышленные действия (бездействия), выражающиеся в нанесении им побоев или истязаний, т. е. может состоять в нанесении ударов, удушении, сечении животного, причиняющих физическую боль, совершении иных насильственных действий, влекущих страдания (вырывание шерсти, оставление без пищи, воды, во вредных для животного условиях).

Такое обращение подразумевает как однократное, так и систематические действия (бездействия), содержащие признаки жестокости¹³. При этом *не может рассматриваться как жестокое обращение с животными*: охота на них и умерщвление их без излишних мучений для получения мяса и шкур; мероприятия, связанные с предотвращением размножения животных; их эвтаназия при оказании ветеринарных услуг и уничтожение по санитарно-эпидемиологическим соображениям¹⁴.

Согласно разъяснениям судебной практики, под «жестоким обращением с животным» понимается систематическое избивание, оставление без пищи и воды на длительное время, использование в различных схватках, натравливание их друг на друга, охота негуманными способами¹⁵, мучение животных или издевательство над ними, причинение им страданий¹⁶, использование для ненаучных опытов, причинение неоправданных страданий при научных опытах¹⁷, содержание в невыносимых условиях, препятствующих нормальному функционированию организма, т. е. причинение страданий животным на протяжении определенного времени, и иной мучительный способ умерщвления (например, падение с высоты)¹⁸, который приводит к их гибели или увечью (случайное или целенаправленное телесное повреждение, сопровождающееся частичной или полной утратой способности к выполнению конкретной функции организма животного)¹⁹.

Например, *Ф. действовал умышленно для причинения боли и страданий животным, осознавая факт жестокого обращения с собаками, предвидя их гибель после падения с высоты четвертого этажа на твердую поверхность и допуская наступление таких последствий. Между действиями Ф. и наступлением гибели собак имеется прямая причинная связь*²⁰.

Применение субъектом преступления изощренных способов мучительства является обстоятельством, повышающим степень общественной опасности деяния, и требует квалификации с учетом квалифицирующего признака с применением садистских методов [10, с. 25]. Термин «садистские методы» носит неопределенный характер и не имеет нормативно-содержательного определения применительно к данной норме.

Отметим, что в первоначальной редакции диспозиция ч. 1 ст. 245 УК РФ содержала в себя ряд альтернативных действий «жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, если это деяние совершено из хулиганских побуждений, или из корыстных побуждений, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних». Жестокое обращение с животными с применением садистских методов причиняет глубокие нравственные страдания людям, способствует формированию чувства равнодушия к страданиям живых существ, закрепляя в поведении субъекта стремления к агрессивности и насилию к окружающим, что повышает общественную опасность

¹³ Бурлаков В. Н., Готчина Л. В., Плоткина Л. Н., Семенова В. В. Защита здоровья населения и общественной нравственности в уголовном праве: законодательный и правоприменительный аспекты : учебное пособие / под. ред. В. Н. Бурлакова. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2023. – С. 166–167.

¹⁴ Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 09.09.2011 г. по делу № 44у-93/11 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (далее – СПС «КонсультантПлюс»). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=14212#T09VXJUuYU00NNW11> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2021 г. № 77-1558/2021 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50140#ihh7sLUywwO8CnES> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁶ Апелляционное определение от 12 марта 2018 г. по делу № 22-1700/2018 Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=50140&cacheid=803070F787280D87D753E4E34EA861AE&mode=splus&rnd=FkD3Xg#T8xVXJUleM1cFn5> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.09.2022 г. № 2187-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагина Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 20 декабря 2017 года № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=732967&cacheid=E56F920D6555CE40E8452F859455A8ED&mode=splus&rnd=FkD3Xg#8aFWXJUi7Vq4XaR11> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2007 г. № 4-О07-13 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=243019&cacheid=659389D34593A4782A04F31CA7CF81A7&mode=splus&rnd=FkD3Xg#nlhWXJUawfNG7htP> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁹ ГОСТ Р 58436-2019. Ветеринарная экспертиза механических повреждений у непродуктивных животных. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 17 с. (Национальный стандарт Российской Федерации).

²⁰ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 г. № 77-240/2021 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=25800&cacheid=F3197F575AD4E2094B2B3284C9B3F2B3&mode=splus&rnd=FkD3Xg#vSNZXJUwccqeh5qq> (дата обращения: 23.05.2024).

деяния, а также наносит значительный ущерб общественной морали. Поэтому была усилена уголовная ответственность за данные деяния, расширена вторая часть исследуемой статьи, куда были перенесены садистские методы.

В доктрине уголовного права под садистскими методами понимается такое жестокое обращение с животными, когда им причиняются особые мучения в процессе лишения жизни или причинения вреда здоровью (нанесение множественных повреждений, поджигание, отравление мучительно действующим ядом, сдирание шкуры с живого) [11, с. 179], в данном случае садистский метод выступает в качестве критерия проявления особой жестокости. При этом некоторые ученые указывают на необходимость совокупности способа совершения и осознания виновным факта садизма и желания действовать именно таким способом для получения удовольствия от мучений и страданий животного [12, с. 22; 13, с. 57; 14, с. 76] и (или) страданий иных лиц (например, собственника животного) [15, с. 39].

Анализ судебной практики показывает неоднозначный подход к определению признака «садистские методы». Одни и те же способы жестокого обращения с животными в одних случаях рассматривают как садистские, в других таковыми их не признают. Некоторые правоприменители считают достаточным способ совершения преступления. Например, *гр. К. нанес множество ударов об стены и двери дома по туловищу и различным частям тела кошки, затем бросил ее на пол и придавил ее своим телом. Указанные действия свидетельствуют о причинении животному особых страданий и мучений, мучительном умерщвлении кошки, а, следовательно, о жестоком обращении с ним путем применения садистских методов. На это же указывают результаты осмотра трупа кошки, смерть которой наступила в результате многочисленных гематом головы, кровоизлияний, перелома основания черепа*²¹.

Другие правоприменители указывают на необходимость установления мотивационного побуждения субъекта преступления. Так, суды, их учитывающие, считают, что под *жестоким обращением* с животным, повлекшим его гибель или увечье, под *применением садистских методов* понимается применение мучительных способов обращения с животными, причиняющих им особые страдания, особо длительную боль, особые и изощренные физические способы воздействия на животных (например, мучительное умерщвление или членовредительство, пытки, сожжение живым, удушение, истязание и т. п.)²², совершенные в целях получения болезненного самоудовлетворения²³; получения субъектом преступления болезненного (эмоционального) наслаждения от мучений животного; желания видеть мучения животного²⁴.

Так, *гр. К. нанес собаке не менее четырех ударов кочергой по телу, один удар ножом в правый ее глаз. При этом, воткнув нож в правый глаз по рукоять, повернул его в глазнице. Затем вытащил нож, раздвинул им пасть собаке и нанес многократные порезы пасти. После дополнил три удара ножом в область задней части шеи собаки, которая в период причинения ей боли и страданий скулила и выла. Гр. К., видя мучения собаки, не прекращал своих действий, наоборот, наблюдал за ее страданиями и получал от этого удовольствие*²⁵.

Такой способ совершения преступления, когда виновный наслаждается болью, страданиями беззащитного животного и получает от этого процесса удовольствие, радостные эмоции, удовлетворение, кроме того, запечатлевает происходящее с целью сохранения на видео и рад поделиться съемкой, представляя содеянное как что-то героическое, достижение, а не порок, мы относим к садистскому.

Таким образом, в основу термина «садизм» положены человеческие пороки, склонность к насилию и получению удовольствия от унижения и мучения других, упоению

²¹ Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 18.12.2018 г. № 44у-271/2018 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=254341&cacheid=34E7EE591F23B1DEC9233BB5FEA0691D&mode=splus&rnd=FkD3Xg#p00dXJUm02daBNJd1> (дата обращения: 23.05.2024).

²² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2023 г. № 77-4139/2023 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=116450&cacheid=0F8B514EF547CD463D2CD9DB481EFA79&mode=splus&rnd=FkD3Xg#edpdXJUAjHTeFEKt> (дата обращения: 23.05.2024).

²³ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2021 г. № 77-767/2021 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=27498&cacheid=5A39554D7690EB06AB7A663C449F1A33&mode=splus&rnd=FkD3Xg#FA7eXJUI557R2Wjr> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁴ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 14.02.2017 г. № 22-1334/2017 по делу № 1-521/2016 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=27498&cacheid=5A39554D7690EB06AB7A663C449F1A33&mode=splus&rnd=FkD3Xg#FA7eXJUI557R2Wjr> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁵ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 13.03.2023 г. по делу № 33-2947/2023 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=306003#L2lkXJUmShXA0jBx> (дата обращения: 23.05.2024).

чужим страданием, болью. Проявление садизма обусловлено побуждением субъекта преступления к получению удовольствия, что, в конечном счете, выражает не способ совершения деяния, а его мотивацию, которая является факультативным признаком субъективной стороны преступления [12, с. 22], в силу чего садизм рассматривается не только в качестве изощренного метода жестокости, но и мотивационного побуждения субъекта к совершению деяния [16], т. е. это особый вид изощренной жестокости, который выступает в качестве самоцели, ведущего мотива противоправных действий. Следовательно, применение садистских методов выражается в причинении животному особых мучений и страданий, носящих, как правило, длящийся характер, и данный способ обусловлен побуждением субъекта преступления получить удовольствие от его применения.

Заключение

Несмотря на проделанную законодателем работу по совершенствованию нормы, предусмотренной ст. 245 УК РФ, отметим наличие сохранившихся недостатков в ее диспозиции. Специалисты по-прежнему отмечают проблемы по квалификации жестокого обращения с животными и рекомендуют законодателю пересмотреть предложенные санкции.

Конечно, необходимо констатировать, что усиливающееся внимание к исследуемой теме и со стороны общественности, и со стороны юристов связано прежде всего с увеличением общего уровня агрессии населения, усиления жестокости в целом и к животным в частности. Отрицательной тенденцией является рост числа несовершеннолетних, применяющих садистские методы, связанные с гибелью и увечьями животных. Первопричины такого криминального представительства кроются в минимизации родительского воспитания и совместного досуга родителей и малолетних, отсутствия за последними контроля либо сведение его до минимума. Факторами, вызывающими такое положение дел, являются усугубляющиеся в отрицательную сторону социальные условия воспитания малолетних, несовершеннолетних и, как следствие, выросшей молодежи. Увеличение числа расторжения браков в России ведет к безотцовщине, как отрицательная тенденция отмечается рост числа случаев жестокого поведения женщин, что сначала проявляется в отношении к животным, а затем порой и к детям. Поэтому сегодня необходима активизация профилактики жестокого поведения в семье; правовая пропаганда, доносящая знания о российском законодательстве, восстановление нравственных канонов и нравственных норм, увеличение толерантности, снижение жестокости, озлобленности и враждебности.

Разъяснительная работа с несовершеннолетними и малолетними требует систематичности, как со стороны родителей, так и от сферы образования. От статуса последней как услуги нужно отказаться. В силу этого обстоятельства нуждаются в совершенствовании нормы, регламентирующие сферу образования. Сегодня необходимо в сознание детей заложить чувства любви в прекрасному, ближнему, развить чувства ответственности за свое поведение и своих близких.

Зачастую родители не способны восполнить такой нравственный вакуум, значит, решение этой задачи следует возложить на иные социальные институты. Велика роль и общественных организаций в исследуемой сфере, в т. ч. правозащитных.

Осознание каждым боли, причиненной в результате садистского обращения с животным как возможной своей боли, может остановить ряд преступников от совершения таких деяний в будущем. Нужна систематическая профилактическая работа, направленная на уважение всего живого, будь то животное или растительный мир.

Имеющиеся уголовно-правовые проблемы, в частности, по квалификации деяний, обладающих признаками применения садизма при обращении с животными, возможно устранить при условии конкретизации такого метода совершения преступления, который предлагается предусмотреть законодательно.

Таким образом, при ограничении жестокого обращения с животным от жестокого обращения с животным с применением садистских методов следует исходить из того, что во втором случае преступление характеризуется совокупностью особых объективного и субъективного критериев. К первому относится – животному причиняется боль и мучения, к субъективному – направленность мотивации субъекта преступления на получение удовольствия от мучения животного. При этом при решении вопроса о направленности мотивации следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ преступления, количество, характер и локализацию повреждений (увечий), длительность причиняемых мучений (страданий) (например, сжигание, отрезание конечностей) и т. д.

Список литературы

1. *Muratova A. Zh., Smanova A. B., Daurembekov E. K.* Animal cruelty as an indicator of domestic violence // Вестник евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Право. – 2023. – № 3 (144). – С. 63–70; <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-144-3-63-70>.
2. *Шарапов Р. Д.* Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1 (47). – С. 51–60.
3. *Пейсикова Е. В.* Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 4. – С. 10–15.
4. *Богатова Е. В.* Предупреждение жестокого обращение с животными : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2012. – 110 с.
5. *Китаева В. Н.* Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование : монография. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2010. – 284 с.
6. *Шабалина М. А.* Проблемы квалификации жестокого обращения с животными // Уголовное право. – 2020. – № 6 (124). – С. 77–82.
7. *Неведицына Е. В.* Проблемы правоприменительной практики в сфере жестокого обращения с животными // Modern Science. – 2023. – № 10-1. – С. 14–18.
8. *Ермакова О. В., Шаганова О. М.* Сложности толкования объективных и субъективных признаков состава жестокого обращения с животными // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93) – С. 71–81; <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10031>.
9. *Семенов К. П.* Жестокое обращение с животными: критический взгляд на модернизацию основного состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ / Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, 16–17 мая 2018 г. / под ред. А. Г. Хлебушкина, Т. Н. Тиминной. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 196–200.
10. *Семенов К. П.* Жестокое обращение с животными: некоторые проблемы квалификации преступлений // Научный портал МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 22–27.
11. *Михеева И. Е., Сушицына Т. П., Гуттаковский Я. А.* Ответственность за жестокое обращение с животными: уголовно-правовой аспект // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2022. – № 10 (98). – С. 174–182; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.98.10.174-182>.
12. *Танага И. В., Миллеров Е. В.* Вопросы совершенствования юридической ответственности за жестокое обращение с животными // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3 (41). – С. 20–24.
13. *Хайбрахманова Р. Р.* Проблема квалификации жестокого обращения с животными // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (62). – С. 55–58.
14. *Мотонкуев А. Б.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с жестоким обращением с животными // Вестник науки и образования. – 2019. – № 19-1 (73). – С. 74–77.
15. *Конин В. В., Корсаков К. А., Сидоренко Е. В.* Некоторые вопросы методики расследования и предмета доказывания жестокого обращения с животными // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (38). – С. 37–44.
16. *Козлов А. Е.* Садистский метод как квалифицирующий признак жестокого обращения с животными // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2020. – № 2. – С. 9–12.

References

1. *Muratova A. Zh., Smanova A. B., Daurembekov E. K.* Animal cruelty as an indicator of domestic violence // Vestnik yevraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L. N. Gumileva. Seriya: Pravo. – 2023. – № 3 (144). – S. 63–70; <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-144-3-63-70>.
2. *Sharapov R. D.* Ugolovnaya otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2019. – № 1 (47). – S. 51–60.
3. *Peysikova Ye. V.* Zhestokoye obrashcheniye s zhiivotnymi (st. 245 UK RF): sudebnaya praktika, poisk novykh kriteriyev // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2023. – № 4. – S. 10–15.
4. *Bogatova Ye. V.* Preduprezhdeniye zhestokogo obrashcheniye s zhiivotnymi : monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2012. – 110 s.
5. *Kitayeva V. N.* Zhiivotnyye i prestupleniya: ugolovno-pravovoye i kriminalisticheskoye issledovaniye : monografiya. – Irkutsk: Izdatel'stvo BGUEP, 2010. – 284 s.
6. *Shabalina M. A.* Problemy kvalifikatsii zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi // Ugolovnoye pravo. – 2020. – № 6 (124). – S. 77–82.
7. *Neveditsyna Ye. V.* Problemy pravoprimenitel'noy praktiki v sfere zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi // Modern Science. – 2023. – № 10-1. – S. 14–18.

8. *Yermakova O. V., Shaganova O. M.* Slozhnosti tolkovaniya ob"yektivnykh i sub"yektivnykh priznakov sostava zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2 (93) – S. 71–81; <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10031>.

9. *Semenov K. P.* Zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi: kriticheskiy vzglyad na modernizatsiyu osnovnogo sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 245 UK RF / Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16–17 maya 2018 g. / pod red. A. G. Khlebushkina, T. N. Timinoy. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 196–200.

10. *Semenov K. P.* Zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi: nekotoryye problemy kvalifikatsii prestupleniy // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2019. – № 1 (45). – S. 22–27.

11. *Mikheyeva I. Ye., Suspitsyna T. P., Guttakovskiy Ya. A.* Otvetstvennost' za zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi: ugolovno-pravovoy aspekt // Vestnik universiteta im. O. Ye. Kutafina. – 2022. – № 10 (98). – S. 174–182; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.98.10.174-182>.

12. *Tanaga I. V., Millerov Ye. V.* Voprosy sovershenstvovaniya yuridicheskoy otvetstvennosti za zhestokoye obrashcheniye s zhivotnymi // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 3 (41). – S. 20–24.

13. *Khaybrakhmanova R. R.* Problema kvalifikatsii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 1 (62). – S. 55–58.

14. *Motonkuyev A. B.* Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, svyazannykh s zhestokim obrashcheniyem s zhivotnymi // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – № 19-1 (73). – S. 74–77.

15. *Konin V. V., Korsakov K. A., Sidorenko Ye. V.* Nekotoryye voprosy metodiki rassledovaniya i predmeta dokazyvaniya zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 2 (38). – S. 37–44.

16. *Kozlov A. Ye.* Sadistskiy metod kak kvalifitsiruyushchiy priznak zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2020. – № 2. – S. 9–12.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted April 12, 2024; approved after reviewing July 24, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-170-178>

Ольга Борисовна Дронова

доктор юридических наук, профессор

<http://orcid.jrg/0000-0003-4604-1644>, nio-va@rambler.ru

Светлана Олеговна Севостьянова

<http://orcid.jrg/0009-0002-7257-8285>, sievostianova1986@mail.ru

Волгоградская академия МВД России

Российская Федерация, 400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130

Маркировка вещественных доказательств как элемент обеспечения их технической достоверности

Аннотация: Введение. Статья посвящена рассмотрению вопроса целесообразности внедрения в уголовное судопроизводство процедуры маркировки вещественных доказательств динамическими QR-кодами, генерируемыми в условиях изъятия следовой информации после заполнения цифровой индивидуальной карты на каждый объект. Работу с закодированной информацией предлагается осуществлять с использованием программы «Проверка технической достоверности вещественных доказательств», обеспечивающей доступ авторизованного на постоянной или временной основе пользователя к первичным и дополненным сведениям о маркированном вещественном доказательстве, формируемым в ходе работы с объектом, оснащенный QR-кодом. К их числу относятся фактографические данные о территориально-временных параметрах и условия изъятия объектов, их локализации, информация о субъектах работы с вещественными доказательствами, технико-криминалистические средства и методы, примененные в процессе обнаружения, фиксации, изъятия, предварительного и экспертного исследования, учетно-регистрационной деятельности. Авторы акцентируют внимание на необходимости создания систем автоматической идентификации вещественных доказательств с использованием QR-кодов, позволяющих проследить весь жизненный цикл объектов. Отмечается, что разработка и внедрение в практическую деятельность передовых программных продуктов может способствовать созданию современной системы прослеживаемости работы с маркированным объектом, направленной на предупреждение противоправной деятельности, связанной с интеллектуальным или материальным подлогом вещественных доказательств. **Методы.** В качестве методологической базы исследования выступает универсальный диалектический метод научного исследования, а также основывающаяся на нем совокупность различных методов общенаучной и познавательной направленности, в т. ч., логический, сравнительно-правовой и другие частные методы исследовательского характера. **Результаты.** Авторами обоснована целесообразность внедрения в деятельность правоохранительных органов процедуры маркировки каждого вещественного доказательства, приобщаемого к материалам уголовного дела, посредством использования динамических QR-кодов, призванных обеспечить техническую достоверность каждого объекта, приобщаемого к материалам уголовного дела за счет полноценной прослеживаемости всех действий, осуществляемых в процессе работы с ним при расследовании преступлений.

Ключевые слова: маркировка, идентификация объектов, QR-код, техническая достоверность, вещественное доказательство

Для цитирования: Дронова О. Б., Севостьянова С. О. Маркировка вещественных доказательств как элемент обеспечения их технической достоверности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 170–178; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-170-178.

Original article

Olga B. Dronova

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<http://orcid.jrg/0000-0003-4604-1644>, nio-va@rambler.ru

Svetlana O. Sevostyanova

<http://orcid.jrg/0009-0002-7257-8285>, sievostianova1986@mail.ru

Volgograd Academy of the MIA of Russia

130, Istoricheskaya str., Volgograd, 400075, Russian Federation

Labelling of physical evidence as an element of ensuring its technical authenticity

Abstract: Introduction. The article is devoted to the issue of introducing into criminal justice system the procedure of labelling physical evidence with dynamic QR codes generated in the conditions of seizure of trace information after filling in a digital individual map for each object. Working with the encoded information is suggested to be carried out with appliance of the programme 'Verification of technical authenticity of physical evidence' providing access of the user authorised on a permanent or temporary basis to the primary and supplemented information on the labelled physical evidence, formed in handling the object equipped with a QR code. These data include factographic data on territorial-temporal parameters and conditions of seizure of objects, their localisation, information on the persons involved in processing physical evidence, technical and forensic means and methods applied in the process of detection, fixation, seizure, preliminary and expert investigation, accounting and registration activities. The authors emphasise the necessity of creation of systems of automatic identification of physical evidence with appliance of QR codes making it possible to trace the whole life cycle of objects. It is noted that the development and introduction of advanced software into practice can contribute to the creation of a modern system of traceability of handling a labelled object, aimed at preventing illegal activities related to intellectual or material forgery of physical evidence. **Methods.** The universal dialectical method of scientific research, as well as a set of various methods of general scientific and cognitive orientation, including logical, comparative-legal and other private methods of research are used as a methodological basis of the study. **Results.** The authors have substantiated the reasonability of introducing into the activity of law enforcement bodies the procedure of labelling each physical evidence, attached to the materials of a criminal case by using dynamic QR codes. This means provides technical reliability of each object, attached to the materials of a criminal case due to full traceability of all manipulations, carried out in processing it when investigating crimes.

Keywords: labelling, object identification, QR code, technical reliability, physical evidence

For citation: Dronova O. B., Sevostyanova S. O. Labelling of physical evidence as an element of ensuring its technical authenticity // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 170–178; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-170-178.

Введение

Современные цифровые технологии стремительно замещают традиционные средства обеспечения уголовного судопроизводства, тем самым повышая эффективность деятельности правоохранительных органов. Цифровизация стала неотъемлемым инструментарием достижения цели и решения промежуточных и основных задач раскрытия и расследования преступлений, в т. ч. касающихся работы с вещественными доказательствами. Однако изучение материалов судебно-следственной практики, связанной с фальсификацией вещественных доказательств, показало, что проблема интеллектуальных и материальных изменений объектов, приобщаемых к материалам уголовных дел, по-прежнему остается весьма острой. Данный факт обуславливает необходимость разработки современного программно-аппаратного инструментария, обеспечивающего прослеживаемость жизненного цикла каждого вещественного доказательства с фиксацией всех возможных изменений его

внешнего вида, характеристик, свойств и признаков, возникающих в связи с осуществлением правомерных действий с ним в процессе следственных действий, предварительных и экспертных исследований, учетно-регистрационной и иных видов регламентированной деятельности.

Современная правовая доктрина предусматривает обязательную всестороннюю оценку каждого вещественного доказательства, полученного по результатам проведения следственных действий [1, с. 73], на предмет их соответствия принципам допустимости, относимости и достоверности.

В свою очередь достоверность, рассматриваемая в правосудии в качестве «предпосылки формирования собственно предметной области процессуального знания, совмещающей в себе и множественность элементов, и их единство»¹, может быть представлена в правовой (полнота, объективность, достаточность) и технической форме.

Под технической формой достоверности традиционно понимают полное или частичное совпадение общих и индивидуализирующих данных, характеризующих вещественное доказательство, закрепленных посредством применения описательного, фотографического, инструментального и иных технико-криминалистических методов и средств в процессуальных документах в которых они нашли первоначальное отражение, с фактически имеющимся объектом, приобщенным к материалам уголовного дела в натурной форме или в виде производного отображения. Оценка технической достоверности каждого вещественного доказательства должна реализовываться на всех последующих стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Полное совпадение предусматривает абсолютное соотнесение качественно-количественных свойств, морфологических, структурных характеристик и индивидуализирующих признаков искомого объекта, которые могут быть отображены в протоколе следственного действия и приложениях к нему (фототаблицах, схемах), постановлении о назначении экспертизы, экспертном исследовании и иллюстрационных таблицах, прилагаемых к заключению эксперта, и т. п.

Частичное совпадение может иметь место в случаях, когда в ходе расследования преступления принимались организационные решения о целесообразности применения разрушающих методов экспертных исследований, которые привели к полной или частичной утрате объекта (изменению его первоначального внешнего вида), либо же имели место случайные или целенаправленные преступные действия лиц, имевших доступ к вещественным доказательствам.

Результаты правомерных (санкционированных) действий, повлекших полную или частичную трансформацию вещественных доказательств, должны быть детально отражены в заключении эксперта и приложениях к нему.

К числу случайных причин, повлекших изменение внешнего вида, признаков и свойств объекта, могут быть отнесены температурно-влажностные, световые, временные и иные неправильные условия хранения, осмотра и исследования вещественного доказательства, несоблюдение техники безопасности [2, с. 117]. При формировании случайных негативных обстоятельств, повлекших изменение или уничтожение объекта, уполномоченными сотрудниками структурного подразделения, в котором находилось вещественное доказательство, необходимо составить соответствующий документ (справка, рапорт). В нем должны быть изложены обстоятельства, приведшие к внешним и (или) внутренним (сущностным) изменениям вещественных доказательств, и наступившие негативные последствия, проявившиеся в конкретных трансформациях. Данные документы, подписанные руководителем подразделения, должны быть приобщены к материалам уголовного дела.

К целенаправленным преступным действиям, которые могут повлечь деструктивные для вещественного доказательства последствия, относятся интеллектуальный или материальный подлог искомого объекта, который может быть осуществлён субъектами, имеющими к ним доступ на разных стадиях предварительного расследования, а также умышленные манипуляции лиц (обвиняемых, подозреваемых, защитников и т. д.), оказывающих активное противодействие расследованию.

Именно необходимость противодействия данным видам умышленных изменений внешнего вида, свойств и признаков вещественных доказательств, а также их полной замены на новые объекты обуславливают необходимость разработки и последующего внедрения в деятельность правоохранительных органов программы «Проверка технической достоверности вещественных доказательств» (далее – ПТД ВД).

¹ См. например: Григорьев И. А. Достоверность как правовой принцип судебно-экспертной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук, – Москва, 2020, – 210 с.; Попова Н. А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 26 с.; Белкин Р. С. Избранные труды. – Москва: Норма, 2008. – 768 с.

Результаты

Установление технической достоверности (подлинности) объектов, являющихся вещественными доказательствами по уголовному делу, может обеспечить внедрение в деятельность следственных, оперативных, экспертно-криминалистических и иных подразделений правоохранительных органов автоматической идентификации объектов посредством использования QR-кодов. Данный цифровой инструментарий хорошо зарекомендовал себя в логистике поставок всех видов товаров, деятельности складов, торговле, медицине и иных сферах, предусматривающих необходимость индивидуализации каждой регистрируемой единицы², а также обеспечение доступа разных категорий пользователей к информации о жизненном цикле маркируемого объекта.

Следует отметить, что в настоящее время к использованию могут быть предложены два вида QR-кодов, создаваемых с помощью приложений или онлайн-сервисов, которые могут содержать статическую и динамическую информацию. Первый вариант предусматривает однократное зашифровывание исходных данных об объекте маркировки без возможности внесения дополнительных сведений, что существенно снижает функциональные возможности его применения. Динамический вид QR-кода относится к категории модифицируемых средств, что обеспечивает возможность внесения дополнительных сведений обо всех санкционированных манипуляциях с искомым объектом (экспертном исследовании, предъявлении для опознания и т. д.), что оптимизирует технические возможности производства установленных процедур [3, с. 133].

Такой вариант маркировки более информативен и позволит на любой стадии расследования или судебного разбирательства получить исчерпывающую информацию [4, с. 86; 5, с. 72] фактографического характера о месте, времени, обстоятельствах обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и иных манипуляциях с вещественным доказательством; о его общих и индивидуализирующих признаках, отраженных в описательной форме и серии иллюстраций; о субъектах, осуществлявших регламентированные действия с применением искомого объекта и т. д.

Совокупность данной информации должна аккумулироваться в едином информационном источнике, авторизированный доступ к которому должен обеспечивать невозможность несанкционированного изучения, копирования и трансформации ранее внесенных сведений. Для решения данной задачи была разработана и зарегистрирована программа для ЭВМ ПТД ВД³, обеспечивающая контроль технической достоверности (подлинности) вещественных доказательств, путем их идентификации с использованием индивидуальных цифровых кодов [6, с. 297].

Интегрирование данной программы в единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности правоохранительных органов обеспечит возможность формирования авторизованными пользователями информационного массива объектов, приобщенных в качестве вещественных доказательств к материалам конкретного уголовного дела.

Предлагаемая программа предусматривает размещение сгенерированного динамического QR-кода, которым должно быть промаркировано каждое вещественное доказательство в условиях его изъятия, в индивидуальной карте, приобщаемой в цифровом виде к материалам уголовного дела, в которой будет отражена фактографическая информация и индивидуализирующие данные об искомом объекте.

Алгоритм формирования предлагаемого информационного массива представлен в виде системы последовательных действий, предусматривающих после описания в процессуальном документе следственного действия изъятых вещественных доказательств его регистрацию в программе ПТД ВД. Для этого субъекту расследования необходимо с помощью планшета, смартфона или иного устройства осуществить вход в рассматриваемую программу с использованием процедуры двойной аутентификации пользователя системы информационно-аналитического обеспечения деятельности правоохранительных органов и программы, интегрированной на ее платформе. После этого пользователь получает доступ к шаблону индивидуальной карты и вносит в соответствующие поля полную и достоверную информацию о вещественном доказательстве, приобщаемом к материалам уголовного дела.

² Плотников Г. Г., Конобеевских В. В., Лялевич В. Г. Автоматизированные информационные системы Министерства внутренних дел России // Автоматизированные системы специального назначения: системы фотовидеофиксации административных правонарушений : учебное пособие. – Воронеж, 2015. – С. 6–55.

³ Севостьянова С. О. Проверка технической достоверности вещественных доказательств : реестр программ для ЭВМ Российской Федерации. № 2024665433 ; 02.07.2024.

Вносимые фактографические, общие и индивидуализирующие данные могут быть следующего содержания:

- дата, время (устанавливается автоматически после занесения информации в карточку объекта);
- место изъятия (с геолокацией), обстоятельства произошедшего события (ст. УК РФ);
- вид следственного действия, в ходе которого происходило изъятие;
- локализация объекта относительно неподвижных ориентиров обстановки;
- технические средства и методы, используемые при обнаружении, фиксации и изъятии объектов (предметов);
- количество (объем), морфологические и структурные признаки (форма, цвет, размер), индивидуализирующие особенности, свойства изымаемого объекта;
- способ фиксации и изъятия (например, с предметом-носителем, с частью предмета, путем изготовления слепка и т.д.);
- ФИО сотрудника, производившего упаковку и изъятие;
- фото- или видеоизображение первоначального вида объекта и т. д.

При необходимости осуществления в отношении вещественного доказательства учетно-регистрационной деятельности по криминалистическим, розыскным и экспертно-криминалистическим учетам следователь ставит в соответствующую графу наименование информационного массива, по которому в последующем будет проведена проверка и постановка объекта на соответствующий вид учета [7, с. 160].

Заполненная индивидуальная карта сохраняется в информационном массиве, после чего система осуществляет ее шифрование в бинарную комбинацию нулей и единиц, и в режиме реального времени генерирует QR-код. Содержание закодированной информации на каждый изымаемый объект автоматически направляется для хранения в базу данных.

В целях маркировки изъятых вещественных доказательств сгенерированный QR-код распечатывается на термоэтикетках при помощи термотрансферного принтера, поскольку печать, выполненная на данном устройстве, более устойчива к климатическим и механическим воздействиям. Полученные указанным способом стикеры с маркировкой приклеиваются с учетом вида и морфологии вещественного доказательства: к самому объекту (оружие, документы, а также к большинству объектов-следоносителей и т. д.), промежуточным средствам изъятия (дактопленке, липкой ленте) или упаковке объектов (пробирки, конверты, свертки).

Вещественные доказательства, изъятые в рамках расследования одного уголовного дела, систематизируются в табличной форме, включающей их порядковый номер, наименование и изображение QR-кода. Эта таблица может храниться в электронной форме или в печатном виде быть приобщена к бумажным материалам дела в качестве приложения. В последнем случае актуальность прослеживаемости жизненного цикла вещественного доказательства будет соответствовать дате распечатывания табличных данных.

В электронном виде такая информация будет храниться в компактном виде неограниченное время и в динамическом режиме дополняться (с одновременной фиксацией сведений об авторизованном пользователе, получившем от субъекта расследования доступ к внесению дополнений в индивидуальную карту объекта) в процессе осуществления следственных и процессуальных действий.

Алгоритм последующей работы с вещественным доказательством, обеспечивающий прослеживаемость технической достоверности объекта, может быть представлен в следующем виде. В случае необходимости осуществления с маркированным объектом манипуляций, предусматривающих его направление в иные подразделения (учетно-регистрационная деятельность, экспертные исследования), следователь, у которого находится в производстве уголовное дело, выносит соответствующее постановление. При этом помимо традиционных тактических действий инициатор технико-криминалистической или судебно-экспертной деятельности должен посредством цифрового устройства с камерой или 2D-сканера штрих-кодов произвести сканирование QR-кода на вещественном доказательстве или его упаковке для обеспечения распознавания и извлечения зашифрованной информации, в процессе которой происходит автоматический перевод пользователя к вкладке прохождения процедуры аутентификации для входа в программу ПТД ВД. После доступа субъекта расследования к индивидуальной карте вещественного доказательства осуществляется ее дополнение сведениями относительно:

- а) названия органа, иницирующего направление вещественного доказательства в экспертно-криминалистическое подразделение для осуществления предварительного или экспертного исследования (постановки и проверки по экспертно-криминалистическому учету), данные инициатора (должность, звание, фамилия, имя и отчество);
- б) наименование судебно-экспертного учреждения (организации), в котором должна быть произведена судебная экспертиза или фамилия, имя и отчество конкретного эксперта;

- в) вид назначаемого экспертного исследования:
 - по предмету исследования (почерковедческая, товароведческая, лингвистическая и т. д.);
 - в зависимости от качества и последовательности производства (первичная, дополнительная, повторная);
 - по количеству экспертов (единоличная, комплексная, комиссионная);
- г) вопросы, поставленные перед экспертом;
- д) информация об образцах, предоставляемых совместно с вещественным доказательством, которые также подлежат маркировке (вносится при необходимости);
- е) если методика экспертного исследования предусматривает безальтернативное применение разрушающих методов, ставится отметка о предоставлении субъекту применения специальных знаний права на изменение первоначального внешнего вида, свойств и признаков объекта.

По окончании заполнения отмеченных данных в индивидуальной карте выбирается кнопка «сохранить» после чего автоматически генерируется время и дата, а внесенная информация сохраняется и отправляется вновь в общую информационную систему.

После поступления правоустанавливающих документов и вещественных доказательств в экспертно-криминалистическое подразделение МВД России или иное судебно-экспертное учреждение (организацию), проведения их соответствующей регистрации, а также определения эксперта (специалиста), которому будет поручено исполнение материалов, следователь предоставляет данному лицу временный индивидуальный логин и пароль для входа в программу ПТД ВД.

Субъект, получивший авторизованный доступ к работе с данными индивидуальной карты объекта, входит в ПТД ВД и сверяет сведения и иллюстрации, отображенные в цифровом формате, с данными, указанными в постановлении, и вещественными доказательствами, содержащимися в упаковке (количество, внешний вид, размерные параметры, морфология и т. д.). При выявлении несоответствий данный факт фиксируется экспертом отметкой в индивидуальной карте и докладывается непосредственному руководителю судебно-экспертного учреждения (организации) для принятия организационного решения.

По окончании работы специалиста с вещественным доказательством оно подлежит помещению в исходную или новую упаковку, но с обязательным сохранением первичного QR-кода. При этом предусмотрена процедура внесения в программу ПТД ВД следующей информации:

- дата, время (начато, приостановлено, возобновлено, окончено), номер экспертного исследования, кем проведено исследование (должность, звание при наличии, фамилия, имя и отчество);
- перечисление методов, применявшихся в процессе исследования (при санкционированном применении разрушающих методов к карте приобщаются общие и детальные иллюстрации внешнего вида объекта исследования после их применения, если в процессе исследования объект не был полностью уничтожен или израсходован);
- при получении производных объектов с использованием вещественного доказательства (например, получение экспериментальных пуль и гильз; изготовление бутокарт и т. д.) в карте делается отметка о виде полученных объектов с приложением их иллюстраций;
- какое количество (объем) вещества было израсходовано в ходе проведенного исследования;
- краткие выводы по результатам исследования;
- отметки о проверке объекта по учетно-регистрационным массивам и их результат;
- данные о постановке вещественного доказательства на учет (номер, дата, вид учета), сведения о направлении для проверки на вышестоящий уровень ведения учетно-регистрационной деятельности или размещения в качестве натурального объекта в коллекции соответствующего экспертно-криминалистического подразделения МВД России (правоустанавливающий документ, вид учета, срок размещения и т. д.).

После возвращения вещественных доказательств в распоряжение инициатора исследования они подлежат очередной сверке с исходными электронными данными.

В случае необходимости использования вещественных доказательств в ходе проведения различных следственных действий [8, с. 314] в индивидуальную карту вещественного доказательства вносятся дополнительные сведения о времени, месте и субъекте работы с ними, а также полученные результаты.

По окончании расследования уголовного дела (его приостановлении), судебного разбирательства в карту заносятся сведения о принятом решении в отношении вещественного доказательства [9, с. 314], которое может иметь следующее содержание:

- размещение в комнате хранения вещественных доказательств (дата, время, место в ячейке, срок хранения, ответственное подразделение, регистрационный номер);
- хранение в качестве натурального объекта экспертно-криминалистического учета; передача в научное или образовательное учреждение для использования в качестве объекта исследования или учебного материала; направление в музейное учреждение для выставления в качестве экспоната (дата, конкретное учреждение, срок и условия предоставления, инвентарный номер);
- возвращение в адрес подразделения по истечении ранее определенных сроков хранения (время, дата, данные, кому возвращено, состояние);
- возвращение законному владельцу;
- уничтожение (время, дата, место, способ, акт уничтожения с приложением фото- или видеоизображений).

Таким образом, вся информация о вещественном доказательстве от момента его изъятия и до принятия решения об окончательной судьбе маркированного объекта будет содержаться в единой информационной системе программы ПТД ВД, которая не предусматривает возможности внесения изменений в первоначально занесенные данные, а лишь их дополнение в результате проведения необходимых следственных или процессуальных действий [10, с. 189]. Отмеченный подход позволит проследить весь жизненный цикл вещественного доказательства на любом этапе уголовного судопроизводства и убедиться в его технической достоверности, тем самым предупредить действия, связанные с материальным или интеллектуальным подлогом, что обеспечит противодействие преступлениям, связанным с фальсификацией доказательственной информации [4, с. 73; 11, с. 337; 12].

Отметим, что внедрение предлагаемой автоматизированной программы ПТД ВД должно соответствовать принципам достоверности, разграниченного доступа и актуальности [13, с. 135].

Принцип достоверности достигается путем введения следователем в систему информации о вещественном доказательстве, соответствующей действительности. В целях обеспечения информационной безопасности и реализации принципа разграниченного доступа субъекты взаимодействия в процессе прохождения авторизации в системе наделяются соответствующими полномочиями, которые возможно представить в следующем виде:

- основной пользователь программы ПТД ВД (субъект расследования, в производстве которого находится уголовное дело) имеет полномочия вносить первоначальную и дополнительную информацию об объекте, получаемую в результате следственных действий, а также осуществлять сверку имеющихся данных с целью установления технической достоверности вещественного доказательства;

- временный пользователь программы ПТД ВД, которому в установленном порядке основным пользователем предоставлен доступ на внесение дополнительных сведений посредством предоставления индивидуального (выданного на период работы с объектом и прекращающим свое действие при возвращении искомого объекта инициатору) логина и пароля, сгенерированных в онлайн-режиме по запросу управомоченного субъекта;

- пользователь, не имеющий права вносить информацию в систему (руководитель подразделений, чьи сотрудники вносят данные в информационную систему, сотрудники прокуратуры, осуществляющие контроль над ходом расследования, местом нахождения и состоянием вещественных доказательств), имеющий возможность только просматривать сведения, отраженные в индивидуальных картах вещественных доказательств.

Принцип актуальности информации обеспечивается следователем, который на протяжении всего расследования вносит дополнительные сведения о работе, дислокации (месте нахождения) и состоянии вещественного доказательства [14, с. 247].

Соблюдение всех отмеченных принципов использования программы ПТД ВД для формирования массива предварительно маркированных QR-кодом вещественных доказательств будет способствовать обеспечению информационной прослеживаемости всех стадий работы с искомыми объектами и обеспечивать их информационную идентификацию, а также облегчит процедуры мониторинга правоприменительной практики [15, с. 91].

Заключение

Таким образом, внедрение разработанной программы ПТД ВД позволит:

1. Обеспечить получение достоверной информации обо всех вещественных доказательствах, изъятых в течение дежурных суток сотрудниками правоохранительных органов на обслуживаемой территории, а также координацию деятельности по соблюдению в отношении них установленных процедур постановки и проверки по соответствующим учетно-регистрационным массивам.

2. Установить техническую достоверность всех вещественных доказательств, приобщенных к материалам уголовного дела, что обеспечит их защиту от материальной и интеллектуальной фальсификации.

3. Осуществить контроль над действиями, осуществляемыми в отношении маркируемого объекта, на всех этапах расследования преступления с фиксацией всех изменений, которые могли произойти вследствие работы с вещественным доказательством.

4. Определить местонахождение объекта (его остатков), являвшегося вещественным доказательством по приостановленному уголовному делу.

Внедрение данной технологии в деятельность по расследованию преступлений различных категорий не только позволит осуществить проверку технической достоверности вещественных доказательств, приобщенных к материалам уголовного дела, но и упорядочит организационную, регистрационную, информационную и иные виды деятельности правоохранительных органов.

Список литературы

1. Мамедов Р. Я. Сущность, понятие, содержание вещественных доказательств // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2012. – № 2 (16). – С. 72–77.

2. Дронова О. Б., Котельников Б. В. Место происшествия как объект экспертного исследования // Юрист-Правоведъ. – 2021. – № 2 (97). – С. 115–120.

3. Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1 (60). – С. 129–134; <https://doi.org/10.25724/VAMVD.ZEFG>.

4. Свистильников А. Б., Кулешов В. И. Некоторые вопросы информационного обеспечения оперативных подразделений уголовного розыска // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2010. – № 2. – С. 71–76.

5. Финк Е. А. К вопросу о структуре информационной сферы общества // Омский научный вестник. – 2010. – № 6 (92). – С. 85–87.

6. Большаков А. П., Пупцева А. В. Виды информационного обеспечения, используемого в розыске лиц (подозреваемых, обвиняемых), скрывшихся от органов предварительного следствия и суда / Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник научных статей международной научно-практической конференции, 28–29 ноября 2013 г. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России. – 2013. – С. 295–302.

7. Пшеничный Р. В. Криминалистические учеты и их применение при расследовании и раскрытии преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 156–163; <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-1-156-163>.

8. Паутова Т. А. Особенности использования следователем вещественных доказательств при проведении допроса // Концепт : электронный журнал. – 2015. – Т. 13. – С. 1506–1510. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85302.htm>.

9. Севостьянова С. О. Обеспечение информационной прослеживаемости работы с вещественным доказательством как средство противодействия преступлениям, совершенным лицами, привлекавшимися в качестве судебных экспертов // Юрист-Правоведъ. – 2024. – № 2 (109). – С. 185–190.

10. Сидорова Е. И., Моругина Н. А. Использование, выдача и хранение вещественных доказательств по уголовному делу // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 311–316.

11. Попов С. В. Управление экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел России на основе развития современных информационно-коммуникационных технологий // Молодой ученый. – 2019. – № 25 (263). – С. 336–338.

12. Муратов К. Д. Судебные вещественные доказательства по уголовным делам: современные проблемы : монография / под ред. О. А. Зайцева. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 144 с.

13. Дронова О. Б. Современные возможности повышения эффективности противодействия обороту фальсифицированной потребительской продукции // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – С. 134–139.

14. Христенко А. А. Теоретико-правовой аспект информационной безопасности оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 246–249.

15. Муратова Н. Г. Цифровые учеты мониторинговых сведений по уголовным делам, или о Концепции единого цифрового уголовного дела (в продолжение дискуссии) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 1 (68). – С. 88–96; <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A219>.

References

1. *Mamedov R. Ya.* Sushchnost', ponyatiye, sodержaniye veshchestvennykh dokazatel'stv // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 2 (16). – S. 72–77.
2. *Dronova O. B., Kotel'nikov B. V.* Mesto proisshestiya kak ob'yekt ekspertnogo issledovaniya // Yurist»-Pravoved». – 2021. – № 2 (97). – S. 115–120.
3. *Sinkevich V. V.* Tsifrovizatsiya ugovnogo protsesssa: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2022. – № 1 (60). – S. 129–134; <https://doi.org/10.25724/VAMVD.ZEFG>.
4. *Svistil'nikov A. B., Kuleshov V. I.* Nekotoryye voprosy informatsionnogo obespecheniya operativnykh podrazdeleniy ugovnogo rozyska // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 71–76.
5. *Fink Ye. A.* K voprosu o strukture informatsionnoy sfery obshchestva // Omskiy nauchnyy vestnik. – 2010. – № 6 (92). – S. 85–87.
6. *Bol'shakov A. P., Puptseva A. V.* Vidy informatsionnogo obespecheniya, ispol'zuyemogo v rozyske lits (podozrevayemykh, obvinyayemykh), skryvshikhsya ot organov predvaritel'nogo sledstviya i suda / Aktual'nyye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya : sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 28–29 noyabrya 2013 g. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya MVD Rossii. – 2013. – S. 295–302.
7. *Pshenichnyy R. V.* Kriminalisticheskiye uchety i ikh primeneniye pri rassledovanii i raskrytii prestupleniy // Severo-Kavkazskiy yuridicheskoy vestnik. – 2019. – № 1. – S. 156–163; <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-1-156-163>.
8. *Pautova T. A.* Osobennosti ispol'zovaniya sledovatelem veshchestvennykh dokazatel'stv pri provedenii doprosa // Kontsept : elektronnyy zhurnal. – 2015. – T. 13. – S. 1506–1510. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85302.htm>.
9. *Sevost'yanova S. O.* Obespecheniye informatsionnoy proslezhivayemosti raboty s veshchestvennym dokazatel'stvom kak sredstvo protivodeystviya prestupleniyam, sovershennym litsami, privlekavshimisya v kachestve sudebnykh ekspertov // Yurist»-Pravoved». – 2024. – № 2 (109). – S. 185–190.
10. *Sidorova Ye. I., Morugina N. A.* Ispol'zovaniye, vydacha i khraneniye veshchestvennykh dokazatel'stv po ugovnomu delu // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 2. – S. 311–316.
11. *Popov S. V.* Upravleniye ekspertno-kriminalisticheskimi podrazdeleniyami organov vnutrennikh del Rossii na osnove razvitiya sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 25 (263). – S. 336–338.
12. *Muratov K. D.* Sudebnyye veshchestvennyye dokazatel'stva po ugovnym delam: sovremennyye problemy : monografiya / pod red. O. A. Zaytseva. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 144 s.
13. *Dronova O. B.* Sovremennyye vozmozhnosti povysheniya effektivnosti protivodeystviya obrotu fal'sifitsirovannoy potrebitel'skoy produktsii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2014. – № 4 (30). – S. 134–139.
14. *Khristenko A. A.* Teoretiko-pravovoy aspekt informatsionnoy bezopasnosti operativno-rozysknoy deyatel'nosti podrazdeleniy ugovnogo rozyska // Yevraziyskiy yuridicheskoy zhurnal. – 2016. – № 7 (98). – S. 246–249.
15. *Muratova N. G.* Tsifrovyye uchety monitoringovykh svedeniy po ugovnym delam, ili o Kontseptsii yedinogo tsifrovogo ugovnogo dela (v prodolzheniye diskussii) // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2024. – № 1 (68). – S. 88–96; <https://doi.org/10.25724/VAMVD.A219>.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 8, 2024; approved after reviewing August 30, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.851.3
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>

Андрей Борисович Кирюхин
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0009-0009-6448-4917>, kab010106@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Уголовно-правовые меры специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права

Аннотация: Введение. В статье рассматриваются вопросы эффективности одного из направлений деятельности полиции в сфере специальной профилактики правонарушений – пресечения наиболее опасных насильственных посягательств, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, посредством применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Отсутствие согласованности в правовом регулировании, в частности, условий правомерности необходимой обороны в Уголовном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» приводит к межотраслевой конкуренции не противоречащих друг другу норм различных отраслей права, регулирующих родственные общественные отношения в сфере защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, но – с разной степенью конкретизации правового предписания. В ряде случаев создавшееся положение ведет к снижению эффективности защиты личности от насильственных посягательств, наступлению возможных негативных последствий для личной безопасности самого представителя власти, находящегося под защитой государства от правового произвола и судебных ошибок. **Методы.** Методологическую основу исследования составили универсальные положения диалектического метода познания, а также общенаучные и частнонаучные методы (анализа и синтеза; сравнительно-правовой; формально-логический; системный подход и контент-анализ). **Результаты.** На примере применения сотрудниками полиции уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных правонарушений в ситуациях необходимой обороны и ряда других обстоятельств, исключающих преступность деяния, сформулированы основные задачи по снижению отрицательного эффекта межотраслевой конкуренции уголовного и судебного законодательства.

Ключевые слова: насильственные посягательства, полиция, меры специальной профилактики, необходимая оборона, конкуренция права

Для цитирования: Кирюхин А. Б. Уголовно-правовые меры специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 179–190; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>.

Original article

Andrey B. Kiryukhin
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0009-0009-6448-4917>, kab010106@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Criminal-legal measures of special prevention of violent encroachments and their realisation by the police at interbranch law competition

Abstract: Introduction. The article deals with the issues of effectiveness of one of the directions of police activity in the sphere of special prevention of offences – the suppression of the most dangerous violent encroachments, infliction of harm when apprehending a person having committed a crime, through the use of physical force, special means and firearms by police officers. The lack of consistency in legal regulation, in particular, in the conditions of legality of necessary defence in the Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law of 7 February 2011 No.3 “On Police”, leads to interbranch competition of non-contradictory norms of different branches of law, regulating analogous social relations in the sphere of protection of a person and the rights of the defeated or other persons, but with a different degree of specification of the legal prescription. In a number of cases, the current situation leads to a decrease in the effectiveness of the protection of an individual from violent encroachments, the appearance of possible negative consequences for the personal safety of an official himself protected by the state from legal injustice and court errors. **Methods and Results.** Based on the ideas on the dialectical connection between the state policy in the sphere of counteraction to crime and criminal law, the author critically assesses the system of legal regulation of the use of measures of special prevention of violent offences on the example of the use of firearms by police officers in the situation of necessary defence. With the use of axiological, logical-legal methods and content analysis the author’s variant of comprehensive approach to improving the mechanism of counteraction to violent offences through criminal-legal measures is given. This author’s alternative is brought for discussion by specialists of criminal-legal profile. **Keywords:** violent assaults, police, measures of special prevention, necessary defence, competition of law

For citation: Kiryukhin A. B. Criminal-legal measures of special prevention of violent encroachments and their realisation by the police at interbranch law competition // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 179–190; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>.

Введение

Защита личности, профилактика и предупреждение насильственных правонарушений и преступлений являются одними из главных направлений внутренней политики государства в сфере противодействия насильственной преступности. Субстанциональные цели этой политики вполне отвечают положениям теории стратегического управления и потому сформулированы предельно абстрактно – обеспечение безопасности личности, оптимизация вреда, причиненного объектам уголовно-правовой охраны, снижение показателей насильственной преступности и удержание ее на минимальном уровне. Такую абстракцию не стоит воспринимать критически. Напротив, она объективно необходима, поскольку представляет собой рациональную предпосылку конструктивного решения широкого спектра задач по обеспечению безопасности личности. Результатом реализации поставленных целей должно стать удовлетворение одной из основных потребностей личности – быть уверенным в максимальной защите своих основных прав и свобод от возможных угроз и опасностей современного общества. Выражая приоритет личности как объекта права, ее защита выходит далеко за границы только уголовно-правовой охраны, представляя собой одно из основных направлений внутренней политики государства в сфере профилактики правонарушений и предупреждения совершения преступлений [1, с. 105].

В отличие от целей, практические задачи политики в сфере обеспечения личной безопасности сформулированы предельно конкретно и в целом заключаются в разработке и реализации стратегии (генеральной линии) комплексного профессионального воздействия на насильственную преступность, ее производные, на самого насильника и его жертву посредством имеющихся в обществе и государстве ресурсов (финансовых, экономических, кадровых, правовых, интеллектуальных, информационных, управленческих, культурных и других), а также – наиболее эффективных общесоциальных и специальных профилактических мер. Вполне закономерно, что в основе этой стратегии – единая политика

государства в сфере противодействия всей преступности, сформированная единой правовой идеологией, носителями и выразителями которой являются, прежде всего, институты публичной власти [2, с. 13–25].

Определенным результатом взаимного влияния правовой идеологии и уголовной политики государства стало фактическое изменение всем хорошо известной лексемы – «борьба с преступностью» – на иную, более правильную по широте своего содержания, формулировку – «противодействие преступности», что предполагает участие в этой деятельности широкого круга уполномоченных субъектов [3, с. 40–49]. В их числе особый субъект – Министерство внутренних дел Российской Федерации – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной идеологии и политики, нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел¹. Особый потому, что профилактика насильственных правонарушений, предупреждение и пресечение насильственных преступлений составляют одно из главных, стратегических направлений деятельности МВД России, цель которой – обеспечение безопасности личности и общества в целом от разного рода угроз. Нет сомнения в том, что центральное место в реализации этой цели, разработке тактических приемов противодействия насильственной преступности принадлежит органам внутренних дел, поскольку именно они имеют возможность проводить криминологическую профилактику на самых подступах к преступлению, в самом начале действия криминогенных факторов [4, с. 1–5]. От качества и оперативности решения стоящих перед органами внутренних дел задач зависит практическая реализация основных направлений, форм и методов профилактики насильственных правонарушений полицией – составной части единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, главное назначение которой – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. Полиция, в силу специфики своего назначения, обладает наиболее полной информацией о криминогенных факторах и потому обязана незамедлительно приходить «на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств»². От качества деятельности полиции зависят не только безопасность человека, комфортные условия его существования, но также безопасность и нравственное состояние всего общества [5, с. 267–269]. Более того, актуальность обеспечения безопасности человека значительно возрастает в периоды радикальных социальных, политических и экономических перемен, затрагивающих все сферы общественной жизни и подчас приводящих к росту социальной напряженности и конфликтности, к возрастанию роли насилия как средства осуществления влияния «на других» [6, с. 47].

Профилактическая деятельность полиции в целом базируется на достаточно прочных юридических основаниях, содержащихся в различных источниках нормативного права, а также в ведомственных нормативных правовых актах. Даже простое перечисление различных источников формирует убеждение в «теоретическом насыщении» механизма правового регулирования профилактической деятельности полиции всей совокупностью юридически значимых средств, необходимых для эффективного решения поставленных задач [7, с. 68–70]. И прежде всего – четким определением субъективных пределов индивидуальной профилактики насильственных правонарушений, то есть – границ предмета правового регулирования, сферы определенных общественных отношений [8, с. 3–9]. Именно на этой основе формируются правовая (идеологическая) ориентация самих сотрудников полиции и механизм реализации Концепции «прав человека» в правоохранительной деятельности полиции [9, с. 35]. И если отраслевые законы и нормативные правовые акты МВД России достаточно подробно регламентируют полномочия, права и обязанности субъектов в сфере общей профилактики насильственных правонарушений, то основания и порядок применения сотрудниками полиции специальных мер профилактики требуют своего уточнения.

Методы

Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил оценить эффективность реализации мер специальной профилактики насильственных правонарушений при межотраслевой конкуренции права. Исследование

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 05.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

² О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

опирается на системный подход, общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза); специальные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический, а также метод контент-анализа.

Результаты

По смыслу Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³, отнесение ряда мер профилактики к специальным свидетельствует об их особом характере, исключительности, предназначенности только для определенных случаев⁴. Эти меры применяются «субъектами профилактики правонарушений и их должностными лицами при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению, а также лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение»⁵ (ст. 16). Основание для применения специальных мер профилактики, порядок их применения определяется законодательством Российской Федерации.

Особое место в системе специальных мер профилактики отведено крайним мерам правового реагирования – мерам пресечения наиболее опасных насильственных посягательств, задержания виновных лиц посредством применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Действия сотрудников полиции, причиняющие правомерный вред объектам уголовно-правовой охраны, связаны в большинстве случаев с реализацией права на необходимую оборону и причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании. При этом требования уголовного закона, изложенные применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, вполне информативны, обращены ко всем без исключения лицам, независимо от профессиональной или иной подготовки и служебного положения (ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ)). Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции) закрепляет право сотрудников полиции на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) (ст. 18), детально регламентирует основания и порядок применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия (ст. 23).

Казалось бы, законодательством предельно учтены все возможные ситуации правомерного причинения вреда применением огнестрельного оружия в условиях необходимой обороны; коллизия и конкуренция норм различных отраслей права, регулирующих смежные правоотношения, с учетом важности решаемой задачи, в этом случае исключаются. Однако это не совсем так. Отсутствие согласованности в правовом регулировании условий правомерности необходимой обороны в различных отраслях права в ряде случаев приводит к тому, что в условиях, когда требуется применить огнестрельное оружие для отражения посягательства на жертву или самого представителя власти, порой даже опытные сотрудники полиции не всегда проявляют необходимую решительность, уклоняясь от его применения [10]. Основной мотив такого поведения – опасение обвинительного уклона в правовой оценке своих действий и наступления возможных негативных последствий для личной безопасности представителя власти, находящегося под защитой государства от правового произвола и судебных ошибок [11, с. 190]. Ведущая причина такого опасения – дефект содержания нормативно правового регулирования применения оружия в качестве меры уголовного-правового противодействия совершению насильственного посягательства, имеющего место в положениях ст. 37 УК РФ и ст. 23 ФЗ о полиции. Дефект, который, на первый взгляд, кажется не слишком значительным, но, в любом случае, выступает причиной несовершенства нормативного правового акта, нейтрализовать который крайне сложно или даже невозможно в чрезвычайных для рядового сотрудника условиях. Несомненно также и то, что любые дефекты закона влекут последствия, прямо противоположные целям его принятия [12].

Действующее уголовное законодательство обоснованность применения огнестрельного оружия при необходимой обороне ставит в зависимость от характера и степени опасности посягательства. Правовая идея вполне понятна – чем опаснее посягательство, тем более

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

⁴ Дашиева А. Д. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика истязания и его предупреждение (по материалам Восточно-Сибирского региона) : дис ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – С. 164.

⁵ Там же.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

радикальными могут быть оборонительные действия. Если посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни сотрудника полиции или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), у обороняющегося есть все основания для применения огнестрельного оружия на поражение, в т. ч. влекущего за собой смерть посягающего. При этом, применение сотрудником полиции огнестрельного оружия должно быть согласовано с требованиями ФЗ о полиции, который расширяет условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству: «Сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие ... для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья» (п. 1 ст. 23).

Казалось бы, дополнение нормы закона признаком «насилие, опасное для здоровья» – незначительное, неспособное существенным образом повлиять на правовую оценку действий, совершенных в состоянии необходимой обороны. Однако это только на первый взгляд. В части 2 ст. 37 УК РФ определено требование соблюдения пределов необходимой обороны в случае совершения иного общественно опасного посягательства, помимо указанного в ч. 1: «Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства»⁷. Таким образом, уголовный закон ограничивает «абсолютную» оборону определенными пределами в случае, если насилие не представляет опасности для жизни обороняющегося или другого лица. В конечном итоге мы имеем конкуренцию двух не противоречащих друг другу норм, регулирующих родственные общественные отношения в сфере защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, но – с разной степенью конкретизации правового предписания [13, с. 10–16].

Абсолютно ясно, что всякая конкуренция правовых норм рано или поздно завершается ее устранением путем принятия определенного решения и его исполнения. В рассматриваемом случае правильное решение находится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: «Общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов)...»⁸ (п. 5). Однако ясно (даже без принятия участия в дискуссии о юридической силе постановлений Пленума Верховного Суда) и другое – вопрос о соотношении нормативного содержания уголовного законодательства с нормами неуголовного законодательства и, в частности, (что особенно актуально для деятельности полиции) – нормами служебного законодательства выходит за границы криминологической науки и составляет предмет науки уголовного права. Решение этого вопроса находится полностью в сфере уголовного правотворчества, на что в свое время обратил внимание В. В. Лунеев, писавший: «В этой-то уголовно-правовой материи и сосредоточены основные понятийные трудности» [14, с. 400].

Одним из вариантов решения должна стать нейтрализация законодательного дисбаланса между уголовным и служебным законодательством, а также унификация понятийного аппарата тех уголовно-правовых норм, которые определяют институт насильственных преступлений. Для этого необходимо, во-первых, устранить конкуренцию между положениями о необходимой обороне (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и основаниями применения оружия (ст. 23 ФЗ о полиции), увеличив объем содержания диспозиции статьи уголовного закона введением в нее нового признака – с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Во-вторых, без унификации понятийного аппарата насилия как способа совершения преступления невозможно добиться эффективного применения полицией мер специальной профилактики насильственных посягательств. В этой связи не потерял своей актуальности

⁷ СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ред. от 31.05.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

вывод Н. Ф. Кузнецовой, сделанный несколько десятилетий назад: «Эффективность закона зависит от четкости, логичности и грамотности его языка» [15]. Цели такой унификации вполне утилитарные: устранение терминологической путаницы уголовного закона (в общей сложности, в нормах особенной части УК РФ используется более двух десятков различных по содержанию и смыслу понятий, служащих для обозначения насильственного способа совершения преступления); двусмысленности в толковании закона; неоднозначности в понимании и трактовке основных терминов – т. е., всего того, что, в совокупности, оказывает отрицательное влияние не только на правовую оценку самого насильственного деяния, но и на эффективность деятельности субъектов профилактики насильственных правонарушений. Согласимся с тем, что правильные «Юридические термины избавляют законодателя от излишних определений, описаний, характеристик тех или иных явлений общественной жизни»⁹.

В связи с этим глубоко заблуждается тот, кто думает, что специальная юридическая терминология должна быть понятна только узкому кругу высокопрофессиональных специалистов. При таком подходе практически невозможно требовать от того же сотрудника полиции (не говоря уже о рядовом гражданине) правильного понимания уголовного закона и его реализации в сложной для сотрудника психологической ситуации применения оружия. Следует также учитывать, что далеко не каждый сотрудник обладает необходимым комплексом юридических знаний и профессиональным опытом, особенно, если он недавно поступил на службу в полицию и прослушал лишь небольшой курс правовой подготовки в специализированном профессиональном центре. По этой причине опасения сотрудников полиции в том, что в случае применения ими оружия или специальных средств они будут привлечены к уголовной ответственности за нарушение законодательства о необходимой обороне (и не только этого) далеко не беспочвенны, поскольку некоторые из них имеют весьма слабое представление об уголовном, а порой – и служебном законодательстве и их практическом применении.

Всем хорошо известен один из принципов права, ставший со временем расхожим выражением: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Конечно, в иных случаях можно подискутировать о том, есть ли основания для ответственности при нарушении «специального» закона, но это, как уже сказано, иные случаи. В нашем же случае речь идет о содержании уголовного законодательства, которое не должно иметь двойственного характера понимания общих предписаний. Можно сколько угодно принимать новых приказов, ведомственных положений и инструкций, совершенствовать служебное законодательство, но без смысловой однозначности уголовно-правовой терминологии закон не в состоянии выполнять основную свою функцию – последовательно превращать правовую возможность в реальность правоприменения, служить инструментом общего и специального предупреждения насильственных преступлений (и не только их). Как образно выразился известный теоретик права Ю. А. Тихомиров: «Реальность права – в его действии, реализации, развитии, защите и обновлении. Пока же здесь сделано мало, ибо пафос правотворчества затмил весь правовой горизонт» [16, с. 378]. И, видимо, это проблема не только современной российской правовой действительности. Схожие мысли у французского юриста А. Гарапона, полагающего, что в «законоцентричной» концепции права пробита брешь, а в роли тарана выступили два разных по природе, но взаимодействующих друг с другом явления: это, с одной стороны, обесценивание текстов законов, мало подходящих к изменчивому содержанию реальной жизни, и интеграция государств в наднациональное политическое сообщество, с другой» [17, с. 41].

В-третьих, было бы неправильно винить во всех проблемах практического правоприменения недостатки одного лишь уголовного законодательства или Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹⁰. Профилактике как таковой, не говоря уже о профилактике насильственных правонарушений, недостаточно уделяется внимания в программах подготовки сотрудников полиции на разных этапах получения ими профессионального образования. Многие сотрудники имеют весьма слабое представление о том, что вообще из себя представляет профилактика, чем она отличается от предупреждения, и наоборот. Е. Ю. Титушкина и В. Ф. Цепелев приводят пример со слушателями, обучающимися в Академии управления МВД России (т. е. они – не рядовые сотрудники, а настоящие и будущие руководители органов внутренних дел), которые на вопрос: «Известен ли им Федеральный закон “Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации”?» – чаще отвечают: «Нет», чем: «Да» [18, с. 152].

⁹ Бабаев В. К. Советское право как логическая система : учебное пособие. – Москва: Академия МВД СССР, 1978. – С. 142.

¹⁰ СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3851.

Можно только догадываться, какой тогда уровень правовых знаний у подчиненных им сотрудников.

Приведем схожий пример уже из нашей практики. Обучающихся на курсах повышения квалификации и переподготовки сотрудников (оперуполномоченные оперативных подразделений полиции; должностные лица подразделений организации: дознания; охраны общественного порядка; деятельности участковых; организации применения административного законодательства; личный состав дежурных частей и др.) попросили дать правовую оценку лишению жизни посягающего лица в ситуации необходимой обороны, когда у обороняющегося была возможность избежать посягательства или обратиться за помощью к органам власти. Около 40 % ответивших усмотрели в содеянном признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны).

В этой связи приведение правовой подготовки сотрудников полиции к практической составляющей профессионального обучения возможно только в том случае, когда практическая юриспруденция находит свое теоретическое основание, прежде всего, в теории профилактики правонарушений. А в этой области, как раз, ощутимо чувствуется дефицит нормативного закрепления требований, определяющих содержание профессиональной подготовки.

Один из вариантов повышения эффективности профессиональной подготовки – объединить все основные задачи такой подготовки в единый комплекс, включающий в себя принципы, цели и требования к профессиональной подготовке, стандарты подготовки, а также ряд других концептуальных вопросов. Компетентностно-ориентированные задачи профессиональной подготовки должны определять ориентацию каждого сотрудника на достижение личных профессиональных результатов путем овладения знаниями, умениями и навыками по правовым, социально-гуманитарным и другим профессиональным вопросам. Практико-ориентированные (специальные) задачи призваны обеспечить готовность к выполнению оперативно-служебных задач, к действиям в условиях сложной оперативной обстановки, к противодействию преступлениям посредством профилактики, предупреждения правонарушений и преступлений, и их пресечения. Наконец, функциональные задачи такой подготовки необходимы для совершенствования полученных сотрудниками профессиональных знаний, умений и навыков, приведения их в соответствие требованиям штатно-должностных категорий.

Обсуждение

Будет методологической ошибкой обсуждать предложения по повышению эффективности уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств, реализуемых полицией при межотраслевой конкуренции права, без обращения внимания на весь спектр актуальных проблем применения сотрудником полиции огнестрельного оружия в целях противодействия преступному насилию.

Как уже говорилось, правовой основой применения оружия выступают положения закона о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ). Иные уголовно-правовые основания для применения оружия предусмотрены нормами, регламентирующими ряд обстоятельств, включающих преступность деяния: причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ); физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ); обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения (ст. 41–42 УК РФ). Кроме того, основания и порядок применения огнестрельного оружия военнослужащими федеральной службы безопасности и государственной охраны, войск национальной гвардии и сотрудниками уголовно-исполнительной системы регламентируются отдельными федеральными законами: от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»¹¹; от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹²; от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»¹³, от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴.

¹¹ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

¹² О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4159.

¹³ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

¹⁴ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. – 2019. – № 40. – Ст. 5488.

Не будем перечислять все основания применения огнестрельного оружия, которые исчерпывающим образом изложены в ст. 23 ФЗ о полиции и других законах, поскольку, в общих чертах, они схожи. Остановимся на запретах его применения сотрудниками полиции (ч. 5, 6 ст. 23). Сотруднику полиции запрещается применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение «в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции» (ч. 5 ст. 23). Из этого следует, что запрет не распространяется на случаи, когда сотрудник полиции обнажает огнестрельное оружие или приводит его в боевую готовность перед лицами, указанными в ч. 5 ст. 23, но при условии возникновения такой критической обстановки, которая неминуемо потребует его применения.

Закон лишает сотрудника полиции права (но не запрещает, как в иных случаях, перечисленных в ст. 23 ФЗ о полиции) применять огнестрельное оружие «при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица» (ч. 6 ст. 23). Здесь важно отметить следующее – гибель случайного человека или причинение тяжкого вреда его здоровью не образуют преступления, совершенного при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; содеянное в полной мере охватывается признаками превышения должностных полномочий, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 5 ст. 286 УК РФ). Квалификация будет иной в случае наступления последствий в результате умышленных действий виновного – по совокупности с умышленными преступлениями против личности. Однако если сотрудник полиции полностью уверен в том, что такие последствия не наступят, он вправе применить огнестрельное оружие на поражение в качестве меры специальной профилактики насильственных посягательств, приняв все необходимые для этого меры предосторожности во избежание наступления такого рода последствий.

В этой связи, приходится констатировать наличие довольно серьезного несоответствия между правом на применение огнестрельного оружия, предоставленного сотрудникам полиции и военнослужащим Федеральной службы безопасности, государственной охраны, а также войск национальной гвардии Российской Федерации. В отличие от сотрудников полиции, последние вправе в исключительных случаях «в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти» применять огнестрельное оружие даже при значительном скоплении людей (например, ст. 14.3 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», ч. 5 ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). То есть, огнестрельное оружие вполне правомерно может применяться в указанных в законе целях и тогда, когда от этого могут пострадать случайные лица. В результате, сотрудник полиции в аналогичной ситуации оказывается в крайне уязвимом для себя состоянии, поскольку законность либо незаконность его действий (бездействия) будет оцениваться не с позиции закона, а с позиции того или иного должностного лица. В качестве примера представим ситуацию, в которой сотрудник полиции лицом к лицу встречается с вооруженным преступником. Последний, находясь в многолюдном месте, удерживает под угрозой оружия неизвестного. Абсолютно понятно, что этот неизвестный – заложник. Как поступить в этой ситуации сотруднику полиции – стоит ли ему, руководствуясь ФЗ о полиции, воздержаться от применения оружия на поражение при значительном скоплении людей или все же применить его, надеясь, что выстрел не заденет посторонних? И что вообще следует понимать под значительным скоплением людей? Сколько их должно быть – три, десять или более человек? В итоге, от быстрого и правильного решения этих вопросов зависят не только жизнь и здоровье заложника, но и, возможно, дальнейшая судьба самого сотрудника.

В этой связи полагаем, что давно назрела необходимость унификации всей системы служебного законодательства, регулирующего основания и порядок применения огнестрельного оружия, физической силы, специальных средств и служебных животных в качестве меры специальной профилактики насильственных преступлений.

Однако следует согласиться с тем, что не всякое нарушение сотрудниками полиции условий правомерности применения огнестрельного оружия должно обязательно влечь правовую ответственность. Например, ответственность может и не наступить, если содеянное рассматривать по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), при условии, что угрожающая сотруднику опасность не могла быть устранена иными средствами, а наступивший вред менее значителен, чем предотвращенный. Но, как справедливо отмечают С. Ф. Милюков и В. Ф. Побегайло: «К сожалению, прекращение за отсутствием состава преступления уголовных дел на основании дифференцированной правовой оценки действий сотрудников правоохранительных органов, правомерно обороняющихся и нарушающих при этом в силу крайней необходимости правила применения оружия, в правоприменительной практике не встречается» [19].

Как показывает практика, в большинстве случаев (не менее 50 %) сотрудники полиции применяют огнестрельное оружие в качестве крайней меры для защиты гражданина или себя от насильственного посягательства, опасного для жизни или здоровья. Все это происходит в процессе пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления или задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против личности и собственности, либо лица, оказывающего вооруженное сопротивление. Значительно реже оружие применяется в иных ситуациях, предусмотренных законом: при пресечении попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, различной специальной и боевой техникой, состоящей на вооружении полиции; для освобождения заложников; для отражения группового или вооруженного нападения на объекты недвижимости; для пресечения побега из мест содержания под стражей или побега из-под конвоя и др.

Наступление уголовной ответственности за убийство или причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК РФ) возможно только в одном случае из перечисленных выше – если огнестрельное оружие применялось для защиты другого лица либо самого сотрудника полиции от насильственного посягательства, опасного для жизни или здоровья. Круг этих посягательств невелик и включает в себя покушение на убийство (в т. ч. при смягчающих обстоятельствах, а также убийства, предусмотренного специальными нормами уголовного закона) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека (ст. 111 УК РФ). В последнем случае сотруднику полиции (как и любому человеку) особенно сложно установить признаки покушения, поскольку умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести – это, как правило, уже окончательный итог совершенного посягательства; само же посягательство на здоровье чаще всего совершается с неконкретизированным умыслом, не позволяющим обороняющемуся четко осознавать характер применяемого против него насилия. Помощь в такой ситуации может оказать положение ФЗ о полиции, раскрывающее содержание понятий – «вооруженное сопротивление» и «вооруженное нападение» (ч. 2 ст. 23). Если сотруднику полиции по объективным причинам не ясен характер применяемого против него насилия, но в руках посягающего он явственно наблюдает оружие любого вида и типа или предметы, конструктивно схожие с оружием, то применение в такой ситуации огнестрельного оружия на поражение будет вполне обоснованным. Во всех иных случаях неправомерного применения сотрудником полиции огнестрельного оружия, повлекшего вред здоровью, смерть потерпевшего или наступление других тяжких последствий, ответственность наступает по ст. 286 УК РФ либо по совокупности нескольких статей уголовного закона.

В этой связи следует хорошо понимать, что нарушение уголовного законодательства о необходимой обороне не всегда является следствием предосудительного поведения самого сотрудника полиции или незнания им буквы закона. В обстановке необходимой обороны на сотрудника полиции оказывают существенное влияние различные факторы, и прежде всего – «дистресс» (чрезмерный стресс), вызванный самой ситуацией вынужденного применения оружия против человека, а также страх от вполне реальной возможности быть привлеченным к уголовной ответственности.

Очевидно, что проблема применения уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права полностью не исчерпывается недостатками правового регулирования оснований и порядка применения огнестрельного оружия в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния. Эта проблема комплексная, масштабная и живучая. Надеемся, что рано или поздно она будет решена. Саму постановку проблемы следует рассматривать как определенный задел для ее последующего решения.

Заключение

В связи с изложенным представляется необходимым сформулировать ряд задач по повышению эффективности применения уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств полицией при межотраслевой конкуренции права:

- проведение дальнейших исследований фундаментальных основ обеспечения безопасности личности от насильственных посягательств, уточнение субъективных пределов индивидуальной профилактики насильственных правонарушений (границ предмета правового регулирования, сферы определенных общественных отношений), формирование правовой (идеологической) ориентации сотрудников полиции на реализацию Концепции «прав человека» в качестве приоритетной цели правоохранительной деятельности;
- активизация прогностических исследований эффективности применения мер специальной профилактики насильственных посягательств в деятельности полиции;
- унификация понятийного аппарата необходимой обороны и насилия в Общей и Особенной частях УК РФ в целях устранения терминологической путаницы уголовного закона, двусмысленности в понимании закона, неоднозначности в трактовке основных терминов;
- повышение эффективности профессиональной подготовки сотрудников полиции, которая не лишена существенных недостатков, особенно в условиях крайнего дефицита кадров.

Список литературы

1. Васильев П. В. О применении теории механизма правового регулирования для решения отдельных проблем оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции // Научный портал МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 102–106.
2. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17 (1). – С. 12–27.
3. Кутякин С. А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «Противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 2 (8). – С. 40–51.
4. Хотин О. В. Предупреждение насильственной преступности органами внутренних дел Центрального федерального округа // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 2. – С. 4–9.
5. Щеголева Н. В. Полиция и общество: система и люди // Молодой ученый. – 2013. – № 2 (49). – С. 267–269.
6. Царева Е. С. Проявление насилия в межличностных конфликтах как психологическая проблема // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 6 (50). – С. 44–48; <https://doi.org/10.24158/spp.2018.6.7>.
7. Мирзаева Д. М., Мирзаев М. А. Место и роль полиции в системе правоохранительных органов Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 68–70; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-68-70>.
8. Белякович Е. В. Понятие и пределы правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4 (35). – С. 3–9.
9. Клименко А. И. Полиция как элемент институционального уровня механизма правовой идеологии в условиях современного политически организованного общества // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 34–36.
10. Хун А. З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 84–87.
11. Тиханова Н. Е. Проблемные аспекты применения оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 186–190.
12. Хусаинова О. В. Дефекты в правоприменительной деятельности органов государственной власти: причины, условия, факторы // Актуальные проблемы юридической науки : сборник научных трудов. – Тольятти: ТГУ, 2008. – Вып. 5. – С. 84–95.
13. Сенякин И. Н. Техничко-юридические предпосылки конкуренции норм российского права // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 10–17.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. – 2 е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2021. – 912 с.

15. Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. – 1973. – № 3. – С. 29–33.
16. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. – Москва: Формула права, 2007. – 484 с.
17. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия / авт. предисл. П. Рикер; пер. с фр. Г. В. Чуршук; науч. ред. А. И. Ковлер. – Москва: Nota Bene, 2004. – 328 с.
18. Титушкина Е. Ю., Цепелев В. Ф. Правовое обеспечение предупреждения преступлений: проблемы законодательного регулирования и пути решения / Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 22–23 апреля 2022 г. / отв. ред. В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. – Кострома: Костромской государственный университет, 2022. – С. 150–154.
19. Миллюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 11. – С. 39.

References

1. Vasil'yev P. V. O primeneniі teorii mekhanizma pravovogo regulirovaniya dlya resheniya otdel'nykh problem operativno-sluzhebnoy deyatelnosti sotrudnikov politzii // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2015. – № 4 (32). – S. 102–106.
2. Damm I. A. Politika protivodeystviya prestupnosti kak novaya paradigma vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2024. – № 17 (1). – S. 12–27.
3. Kut'yakin S. A. Nekotoryye aspekty sovremennogo sostoyaniya razrabotki ponyatiya «Protivodeystviye prestupnosti» v yuridicheskoy nauke i zakonodatel'noy praktike // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2009. – № 2 (8). – S. 40–51.
4. Khotin O. V. Preduprezhdeniye nasilstvennoy prestupnosti organami vnutrennikh del Tsentral'nogo federal'nogo okruga // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 2. – S. 4–9.
5. Shchegoleva N. V. Politsiya i obshchestvo: sistema i lyudi // Molodoy uchenyy. – 2013. – № 2 (49). – S. 267–269.
6. Tsareva Ye. S. Proyavleniye nasiliya v mezhlichnostnykh konfliktakh kak psikhologicheskaya problema // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2018. – № 6 (50). – S. 44–48; <https://doi.org/10.24158/spp.2018.6.7>.
7. Mirzayeva D. M., Mirzayev M. A. Mesto i rol' politzii v sisteme pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii // Zakon i pravo. – 2022. – № 2. – S. 68–70; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-68-70>.
8. Belyakovich Ye. V. Ponyatiye i predely pravovogo regulirovaniya // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2006. – № 4 (35). – S. 3–9.
9. Klimenko A. I. Politsiya kak element institutsional'nogo urovnya mekhanizma pravovoy ideologii v usloviyakh sovremennogo politicheskogo organizovannogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 3. – S. 34–36.
10. Khun A. Z. Problemy pravovogo regulirovaniya neobkhodimoy oborony v deyatelnosti politzii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (30). – S. 84–87.
11. Tikhonova N. Ye. Problemnyye aspekty primeneniya oruzhiya v sostoyanii neobkhodimoy oborony // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – № 1 (32). – S. 186–190.
12. Khusainova O. V. Defekty v pravoprimenitel'noy deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti: prichiny, usloviya, faktory // Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki : sbornik nauchnykh trudov. – Tol'yatti: TGU, 2008. – Vyp. 5. – S. 84–95.
13. Senyakin I. N. Tekhniko-yuridicheskiye predposylki konkurentsii norm rossiyskogo prava // Yuridicheskaya tekhnika. – 2008. – № 2. – S. 10–17.
14. Luneyev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovyye, regional'nyye i rossiyskiye tendentsii : monografiya. – 2 ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, 2021. – 912 s.
15. Kuznetsova N. F. Effektivnost' ugolovno-pravovykh norm i yazyk zakona // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1973. – № 3. – S. 29–33.
16. Tikhomirov Yu. A. Upravleniye na osnove prava. – Moskva: Formula prava, 2007. – 484 s.
17. Garapon A. Khranitel' obeshchaniy: sud i demokratiya / avt. predisl. P. Riker; per. s fr. G. V. Churshukov; nauch. red. A. I. Kovler. – Moskva: Nota Bene, 2004. – 328 s.

18. *Titushkina Ye. Yu., Tsepelev V. F. Pravovoye obespecheniye preduprezhdeniya prestupleniy: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i puti resheniya / Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape : sbornik trudov Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii, 22–23 aprelya 2022 g. / otv. red. V. V. Gruzdev, G. G. Bril'. – Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2022. – S. 150–154.*

19. *Milyukov S. F., Pobegaylo E. F. Aktual'nyye problemy primeneniya oruzhiya sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2006. – № 11. – S. 39.*

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted May 17, 2024; approved after reviewing July 27, 2024; accepted for publication June 14, 2024.

Научная статья
УДК 343.9
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-191-199>

Петр Николаевич Кобец
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>, pkobets37@rambler.ru

*Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1*

Обзор научно-педагогической деятельности и вклада отечественного ученого М. Н. Гернета в развитие уголовно-правовой и криминологической науки

Аннотация: Введение. В данном научном исследовании предложен краткий обзор творческого пути великого российского и советского ученого, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова – Михаила Николаевича Гернета. Исходя из анализа научных трудов, подготовленных в советский период жизни и деятельности М. Н. Гернета, автор изложил личную точку зрения на его роль в эволюционировании ряда правовых отраслей, а также развитии отечественной правовой науки. Проведенное исследование позволит молодым российским ученым и практикам, а также профессионалам, специально проявляющим интерес к исследованию истоков российского права, еще лучше и подробнее понять, тщательнее осмыслить содержание юридических явлений, событий, а также законодательных процессов, разворачивающихся в настоящее время. **Методы.** Методическую основу данного исследования составили частно-научные методы, в первую очередь контент-анализ документов и правовые методы, а также общенаучные методы, в т. ч. исторический, системный анализ, обобщение, моделирование и др. **Результаты.** В процессе данного исследовательского проекта удалось убедительно доказать, что, подготовив глубокие, фундаментальные, значимые и передовые не только для своего времени научные исследования, имеющие как теоретическое, так и практическое значение, М. Н. Гернет способствовал продвижению в юридической науке криминологического направления, которое сегодня представляет подотрасль науки уголовного права и при этом оказывает весомое влияние на развитие российской уголовно-правовой теории. Кроме того, автор делает вывод, что в научных работах, подготовленных М. Н. Гернетом, большинство точек зрения автора основаны исключительно на гуманистических подходах. Даже при рассмотрении вопросов, касающихся уголовного наказания, автор стремился к расширению использования института условно-досрочного освобождения. Большинство научных идей профессора М. Н. Гернета пронизаны принципами справедливости. На протяжении всей своей жизни он стремился связать воедино теоретические научные положения с практической деятельностью.

Ключевые слова: научные взгляды в праве, анализ научной деятельности, российские правоведы, развитие отечественной юриспруденции, противодействие преступности, исследование юридической науки, исторический правовой опыт, криминологическая школа

Для цитирования: Кобец П. Н. Обзор научно-педагогической деятельности и вклада отечественного ученого М.Н. Гернета в развитие уголовно-правовой и криминологической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 191–199; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-191-199>.

Original article

Peter N. Kobets
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-6527-3788>, pkobets37@rambler.ru

*All-Russia Scientific-research Institute of the MIA of Russia
25, par. 1, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation*

Review of scientific and pedagogical activity and contribution of the Russian scientist M. N. Gernet to the development of criminal legal sciences and criminology

Abstract: Introduction. This scientific study provides a brief overview of the creative path of the great Russian and Soviet scientist, Professor of Lomonosov Moscow State University – Mikhail Nikolaevich Gernet. Based on the analysis of scientific works written during the Soviet period of M. N. Gernet's life and activity, the author outlined his personal point of view on his role in the evolving of a number of legal branches, as well as in the development of Russian legal science. This research will enable young Russian scholars and practitioners, as well as specialists interested in studying the origins of Russian law, to gain better and more thorough understanding of the content of legal phenomena, events, as well as legislative processes unfolding at the present time. **Methods.** The methodological basis of this study was formed by private-scientific methods, primarily content analysis of documents and legal methods, as well as general scientific methods, including historical, system analysis, generalisation, modelling and others. **Results.** In the course of this research project, it was possible to convincingly prove that that M. N. Gernet made a significant contribution to the development of criminology within legal science. His profound, fundamental, and advanced scientific research, both theoretical and practical, not only advanced the field for his time but also had a lasting impact on the field. Today, criminology is a sub-branch of criminal law, and its influence on Russian criminal legal theory is substantial. In addition, the author concludes that in the scientific works written by M. N. Gernet, most of the author's points of view are based solely on humanistic approaches. Even when considering issues related to criminal punishment, the author endeavoured to expand the use of the parole system. Most of Professor M. N. Gernet's scientific ideas are imbued with the principles of justice. Throughout his life, he sought to bridge the gap between theoretical scientific concepts and practical applications.

Keywords: scientific views in law, analysis of scientific activity; Russian jurists, development of national jurisprudence, countering crime, legal science research, historical legal experience, criminological school

For citation: Kobets P. N. Review of scientific and pedagogical activity and contribution of the Russian scientist M. N. Gernet to the development of criminal legal sciences and criminology // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 191–199; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-191-199>.

Введение

В этом году в нашей стране будет отмечаться 150-летие со дня рождения Михаила Николаевича Гернета. Его жизненный путь можно охарактеризовать как бескорыстную, героическую и напряженную работу во благо своего народа и государства. На протяжении пятидесяти пяти лет он не прекращал заниматься научной и преподавательской деятельностью, сумев подготовить более трехсот пятидесяти публикаций по различным отраслям правовой науки.

Научные разработки основателя российской криминологической науки М. Н. Гернета и в настоящее время востребованы не только криминологами, но и представителями других специальностей, в т. ч. уголовно-правовой науки, а также социологами. М. Н. Гернет был первопроходцем в отечественной криминологической науке, в исследованиях пенитенциарной преступности, противоправного поведения малолетних преступников и подростков, моральной статистики.

Поскольку в российской научно-исследовательской литературе по праву можно найти лишь весьма краткие обзоры научно-педагогической и творческой деятельности М. Н. Гернета, а также довольно фрагментарный, непоследовательный и разрозненный анализ отдельных его научных публикаций, автор полагает, что назрела потребность осуществления многоаспектного изучения и анализа результатов творческих и научных достижений

великого российского ученого и правоведа. В первую очередь необходим анализ фундаментальной роли М. Н. Гернета в развитии анализируемых научных направлений в советский период.

Методы

Для всестороннего анализа и многоаспектного изучения проблематики, затрагивающей деятельность прогрессивного отечественного ученого и основателя советской криминологической школы профессора М. Н. Гернета, обладавшего взглядами, носящими последовательно-прогрессивный характер и стремившегося только к научному исследованию вопросов преступности, автор использовал частно-научные методы, в первую очередь контент-анализ документов и правовые методы, а также общенаучные методы, в том числе исторический, системный анализ, обобщение, моделирование и др. Были глубоко проанализированы научные труды, освещающие жизненные и творческие этапы М. Н. Гернета, равно как и его собственные научные статьи и монографии, подготовленные в период с 1917 по 1953 год, посвященные исследованию актуальных уголовно-правовых и криминологических вопросов советского периода. Подобный подход позволил автору провести комплексное исследование творческого пути М. Н. Гернета и его основополагающей роли в становлении и совершенствовании уголовно-правовой и криминологической науки в советский период.

Результаты

Академическую деятельность М. Н. Гернета, как и его научные взгляды и исследовательскую позицию, очень сложно детально рассмотреть, не прибегая к библиографическому контексту, в котором происходило его формирование. В связи с этим хотелось бы кратко напомнить его биографию. М. Н. Гернет родился 12 июля 1874 г. в семье, проживавшей в уездном городе Ардатове (который являлся административно-территориальной единицей с 1780 по 1928 год), расположенном на западе Симбирской губернии. В 1893 году Гернет окончил Симбирскую классическую гимназию, после чего поступил в Московский университет, в котором еще с 70-х гг. XIX столетия право изучалось с позитивно-социологической позиции, с использованием естественнонаучной методологии, а преподаватели – сторонники социологического направления – стремились обучить своих студентов основам обращения со статистическими методами в процессе исследования преступных проявлений. Обучение основам социологического направления в юридической науке существенным образом сказалось на процессе формирования круга научных интересов М. Н. Гернета.

В 1897 году в связи с окончанием университета с отличием М. Н. Гернет был награжден золотой медалью и оставлен в университете, поскольку он имел все данные для того, чтобы со временем получить ученое звание по кафедре уголовного права. С 1899 года Гернет читал курс лекций о факторах преступности и одновременно заведовал факультетским криминальным музеем. В 1902 году ему присваивается звание приват-доцента, он начинает читать лекционный курс по уголовному праву. В этом же году руководство университета отправило его в двухгодичную зарубежную научную командировку с целью сбора материала для диссертационного исследования. С 1904 по 1911 год М. Н. Гернет работает в качестве «приват-доцента Московского университета, читая лекции и проводя семинары по Общей и Особенной частям уголовного права» [1, с. 587].

После отмены самодержавного строя в 1917 году М. Н. Гернет, одним из первых представителей дореволюционного профессорско-преподавательского состава высших учебных учреждений Российской империи начал трудиться в учебных заведениях и государственных учреждениях, сразу же откликнувшись на призывы к отечественным юристам включаться в строительство нового общества [2, с. 144]. После революции М. Н. Гернетом ведется не только научная, но и большая педагогическая и общественная работа. Сразу же после свержения царизма М. Н. Гернет включился в активную работу, поэтому 1917 год для него стал не менее плодотворным, чем иные дореволюционные годы. В этом году он опубликовал научную статью «Суд или самосуд в издательстве Российского союза потребительских обществ» [3], а работу «Равенство» публикуют в издательстве Д. Я. Макаевского [4]. В то же самое время он «в издательстве “Начало” опубликует работу “Революция, рост преступности и смертная казнь”» [5]. В память об отце идет подготовка рукописи работы «Борцы за свободу в Шлиссельбургской крепости» [6].

С провозглашением Советской республики изменилась и научная парадигма, в результате во всех вузах страны закрыли юридические факультеты. Однако юридический факультет Московского университета продолжил работу по подготовке специалистов в области

юриспруденции, используя старые дореволюционные программы обучения студентов, как правило, относящихся к представителям господствующего класса, враждебным советскому строю. 28 декабря 1918 г. исходя из решения Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), из-за полного устаревания и несоответствия учебных планов, а также их требованиям к научной методологии и потребностям Советского государства в высококвалифицированных специалистах, юридический факультет был закрыт. В 1919 году в университетах вместо ранее закрытых юридических факультетов приступили к открытию факультетов, изучающих общественные науки. А в Московском университете создали три отделения факультета общественных наук: историческое, юридически-политическое и экономическое. В 1925 году отделение факультета общественных наук преобразовали в факультет советского права и экономический факультет.

С 1919 по 1930 год М. Н. Гернет работал в Центральном статистическом управлении (далее – ЦСУ) в начале РСФСР, а впоследствии Советского Союза. В 1919 году он вновь стал преподавать в Московском университете, в т. ч. принимая участие в учебно-методической работе, формируя и разрабатывая новые учебные программы и методическое обеспечение с учетом материалистических подходов и марксистской методологии. В начале 1920-х гг. произошла резкая смена классовая и политической составляющей как советского студенчества, обучающегося в университете, так и самого факультета, где преподавал М. Н. Гернет. В это время им читался курс общей части уголовного права и велись семинарские занятия по вопросам изучения преступности и ее причинного комплекса.

Следует отметить, что проблематика, связанная с безработицей, ростом маргинализации отдельных слоев общества, а также ростом преступных проявлений вышла на первый план научного исследования М. Н. Гернета. В 1920-х гг. совместно с М. Н. Гернетом этими вопросами также занимались А. Герцензон, А. Жижиленко, В. Куфаев, Д. Родин. В это время активно стали публиковаться тематические сборники, как, например, «Хулиганство и хулиганы», в котором была прослежена взаимосвязь между ростом безработицы и криминализацией советского общества [7, с. 106]. Большое количество научных работ, посвященных хулиганству, объяснялось значительной его распространенностью в рамках советской системы периода НЭПа. Тогда же М. Н. Гернет занимался изучением татуировок преступников, отбывавших уголовные наказания, и доказал связь между содержанием лиц в местах лишения свободы и совершаемыми преступлениями, а также их уголовной специализацией [8].

Опираясь на своих студентов, как правило, практических работников правоохранительных органов, М. Н. Гернет активно изучал особенности совершения преступлений в г. Москве и на основе собранного статистического материала и данных о количестве совершаемых преступных деяний им были получены результаты, которые свидетельствовали о том, что больше всего в г. Москве совершается квартирных краж, проявлений бандитизма и мошеннических проявлений. Результаты, полученные в процессе развертывания большой работы, связанной с изучением преступных проявлений, а также их причинного комплекса, были опубликованы М. Н. Гернетом в работе «Преступный мир Москвы», подготовленной с его предисловием и под его редакцией в соавторстве с А. М. Ароновичем, Н. Н. Геденовым и другими авторами в 1924 году. Организацией изучения московского преступного мира М. Н. Гернет занялся после предложения, которое ему поступило в 1923 году от В. Л. Орлеанского – начальника административного отдела Моссовета. Для выполнения данного исследования М. Н. Гернет привлек около ста пятидесяти студентов Московского университета [9, с. 105].

Кроме прочего, данная работа включала собранные им статистические данные об алкоголиках, наркоманах и осужденных за тайное винокурение и самогонование.

В этой работе были также проанализированы различные противоправные деяния, совершавшиеся в Москве в начале 1920-х гг., их особая специфика, а также личностные особенности правонарушителей. Большинство эмпирических данных для этой работы были собраны М. Н. Гернетом в процессе изучения уголовных дел, которые расследовали сотрудники московской милиции. В процессе исследования М. Н. Гернет широко применял анкетирование, с помощью которого определял психические особенности злоумышленников и причинный комплекс преступности [10, с. 165].

В это время М. Н. Гернет стремился к использованию методик изучения преступности, широко применяемых за рубежом, в т. ч. немецким ученым Ф. Листом, изучавшим, каким образом соотносятся преступления и наказания, а также определявшим в качестве приоритетов профилактическую работу, по его мнению, наиболее эффективно оказывающую воздействие на снижение преступности. Впервые в истории юриспруденции исследование преступных проявлений, имевших место в 1920-х гг. в г. Москве, было проведено отечественным

ученым М. Н. Гернетом, именно с учетом научной и материалистической основы посредством обеспечения связи научно-исследовательской и практической деятельности. Поэтому работа «Преступный мир Москвы» послужила основой дальнейшего всестороннего систематического исследования причинного комплекса советской преступности.

М. Н. Гернетом также исследовал проблематику, связанную с социологией уголовного права, которая получила широкое освещение в ряде его работ. В 1922 году Центральное статистическое управление РСФСР выпустило монографию М. Н. Гернета «Моральная статистика». М. Н. Гернет регулярно ставил вопрос о важности введения моральной статистики, при помощи которой возможно бы было учитывать, наряду со всеми значимыми показателями преступности, и показатели, касающиеся самоубийств, алкоголизма, наркотизма, проституции. В этой работе автор проанализировал уголовную статистику и статистику самоубийств. М. Н. Гернет на основе редких и интересных данных провел сравнительный анализ уровней преступного поведения в разных государствах, провел исследования по корреляции противоправных деяний и самоубийств с возрастными, образовательными, половыми характеристиками, а также размерами населенных пунктов. В это же время он продолжил заниматься вопросами ювенальной юстиции и предупреждения преступности несовершеннолетних, оказал содействие А. Н. Трайнину, редактируя его комментарий к Уголовному кодексу РСФСР (далее – УК РСФСР) по хозяйственным преступлениям¹.

В 1922 году в периодическом издании «Право и жизнь» вышла работа М. Н. Гернета «Система карательных мер в Уголовном кодексе РСФСР» [11], в которой автор дал оценку мерам по исправлению лиц, отбывающих уголовные наказания. В частности, сравнивая советскую систему мер наказания с карательными дореволюционными законодательными мерами, он особо отметил, что они резко отличаются друг от друга. В частности, автор сделал акцент на различиях употребления советских и дореволюционных уголовных наказаний, а также на том, что в местах лишения свободы меры воздействия должны быть направлены на более полное исправление осужденных, а не на ужесточение карательных мер.

Под руководством М. Н. Гернета в нашей стране впервые в стране в Москве, Ленинграде, Киеве, Саратове и других городах были организованы «Кабинеты, изучающие личность преступников и преступности, а в 1925 г. при НКВД РСФСР Государственный институт по изучению преступности, в котором с 1925 г. М. Н. Гернет приступил к работе» [11, с. 172]. Помимо того, что М. Н. Гернет лично занимался подготовкой плановой научно-исследовательской работы в институте, он также вел активную редакционно-издательскую деятельность, занимаясь подготовкой научных трудов сотрудников института. В этот период под его научным руководством сотрудники Института при НКВД РСФСР подготавливают собственные научные труды, которые М. Н. Гернет начнет выпускать целыми сборниками, посвященными различным проблемам преступности, в т. ч. растратам и хулиганству.

Сменившая гражданскую войну и политику военного коммунизма новая экономическая политика принесла нашей стране немало проблем, которые власти немного сумели приглушить во время первых послереволюционных лет. Однако в начале 1920-х гг. они стали чересчур заметны. Более всего давали о себе знать безработица и уголовная преступность. В этот период институтом под редакцией М. Н. Гернета было издано немало научных трудов, в том числе четыре ежегодных выпуска научных сборников по проблемам борьбы с преступностью и научный сборник «Современная преступность». Также были подготовлены и опубликованы научные работы «Растрата и растратчики», «Хулиганы и хулиганство» и др.

В 1927 году выходит работа М. Н. Гернета «К статистике проституции», в которой подчеркивалось, что размах этого негативного социального явления должен быть увязан с уровнем развития товарно-денежных отношений. При подробном анализе рассматриваемой проблемы он активно использовал статистические данные. В результате исследователь пришел к выводу, что чрезвычайно сложно установить число женщин, занимающихся торговлей своим телом, без наличия правовых актов, которыми бы определялись форма и суть данного явления. Он также отметил, что после революции анализировать это явление стало возможным лишь на основании косвенных показателей и специальных обследований. Среди этих источников в первую очередь были названы статистические данные НКВД СССР и советских судебных органов [12].

В 1927 году М. Н. Гернет подготовил еще одно хорошо известное в юридических кругах исследование – «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» [13]. В 1928 году руководством страны заслуги М. Н. Гернета перед Родиной и народом были по достоинству оценены: ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

¹ Трайнин А. И. Хозяйственные преступления : Текст и комментарии к ст. ст. 126–141 Уголовного Кодекса РСФСР. – Москва: [б. и.], 1923. – 51 с.

В этом же году он редактировал третий выпуск «Проблем преступности», подготовленный специалистами Института по изучению преступности.

Параллельно учёный занимался исследованием зарубежного законодательства, выполняя переводы иностранных кодексов. В 1920-х гг. М. Н. Гернет продолжил изучение различных зарубежных работ уголовно-правовой тематики. В результате за его авторством вышли несколько работ о преступности в зарубежных странах. Так, например, в 1927 году была опубликована работа М. Н. Гернета «Новейшие данные о преступности в Германии, Англии и ее колониях» [14], а в 1931 году – работа «Преступность за границей и в СССР» [15]. Следующей серьезной научной работой, подготовленной М. Н. Гернетом в институте, стал научный труд, посвященный изучению зарубежного уголовного кодекса, – «От Томаса Мора до У.К.». Гернет регулярно выступал с докладами в институте, где он по-прежнему пребывал в должности заместителя директора по научной работе. В докладах, которые чуть позже публиковались в «Вестнике советской юстиции», излагались результаты зарубежных командировок.

В 1931 году М. Н. Гернет перешел на должность преподавателя в Московский юридический институт, где будет работать до 1942 года. В 1942 году М. Н. Гернет возвратился преподавать в МГУ. В это время он изучает материалы, связанные со зверствами фашистов, и тяжело переживает за судьбу страны и всего народа. Во время Великой Отечественной войны М. Н. Гернет работал на кафедре уголовного права университета, и одновременно с писал одну из самых известных своих работ «История царской тюрьмы», первый том которой был опубликован в 1941 году. Всю войну он продолжал готовить новые тома данного исследования, которые были напечатаны уже после войны.

С конца 1920-х гг. М. Н. Гернет стал постоянно жаловаться на то, что ему все сложнее различать силуэты людей, с ним беседующих. В начале 1930-х гг. он окончательно потерял зрение. Но, даже ничего не видя, он не переставал заниматься научной и педагогической деятельностью: читал лекции студентам, подготавливал научные работы, оказывал практическую помощь. Болезнь не сломила М. Н. Гернета, наоборот, эти годы стали временем его самоотверженного труда. В 1944 году в честь 70-летия со дня рождения он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1947 году стал лауреатом Государственной премии СССР.

Обсуждение

В целом советский период в творчестве М. Н. Гернета оказался не менее плодотворным и активным, чем дореволюционный. Кроме того, в это время преподавательскую и научно-исследовательскую работу М. Н. Гернет успешно совмещал с общественной работой, получившей широкое признание. Один из крупных советских ученых-правоведов и криминологов А. А. Герцензон отмечал, что научные исследования являются продуктом «колоссальной многолетней работы М. Н. Гернета, которые служат своеобразной энциклопедией уголовной статистики, сводом сведений о преступных проявлениях и репрессиях в различных государствах за все время существования уголовной статистики» [16, с. 36].

Также следует отметить, что без работ библиографического характера, подготовленных М. Н. Гернетом, невозможно эффективно заниматься научно-исследовательской деятельностью в сфере исторического анализа уголовно-правовой, статистической и криминологической тематики. В частности, это литературный указатель о преступных проявлениях малолетних преступников «Дети-преступники» [17], «Библиографические указатели по вопросам уголовного права»², «Указатель русской и иностранной литературы по статистике преступлений, наказаний и самоубийств»³ и др. Кроме того, в 1920-е гг. М. Н. Гернет подготовил ряд комментариев к УК РСФСР, в т. ч. «Практический комментарий: Хозяйственные преступления»⁴, «Практический комментарий к Общей части УК РСФСР 1922 г.»⁵. К работам подобного плана следует также отметить также подготовленный в 1925 году «Научно-популярный практический комментарий к УК РСФСР 1922 г.» и «Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями к УК РСФСР 1926 г.»⁶.

² Гернет М. Н. Библиографические указатели по вопросам уголовного права. – Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1913. – 20 с.

³ Гернет М. Н. Указатель русской и иностранной литературы по статистике преступлений, наказаний и самоубийств. – Москва: Центральное статистическое управление, 1924. – 48 с.

⁴ Трайнин А. И. Хозяйственные преступления : (Текст и комментарий к ст. 126–141 Уголовного кодекса). – Москва: [б. и.], 1923. – 51 с. (Уголовный кодекс РС.Ф.С.Р. : Практический комментарий / под общ. ред. А. М. Винавера, М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина).

⁵ Гернет А. Н., Жижиленко А. А., Исаев М. М. [и др.] Уголовный кодекс РС.Ф.С.Р. : Практический комментарий под ред. М. Н. Гернета и М. Н. Трайнина : Общая часть : С дополнениями и изменениями, внесенными постановлением ВЦИК и СНК от 11 августа 1924 г. : Ст. ст. 1–56 / под общ. ред. А. М. Винавера, М. Н. Гернета, и А. Н. Трайнина. – Москва: Право и жизнь, 1925. – 148 с.

⁶ Уголовный кодекс : Научно-популярный практический комментарий с дополнениями и изменениями по 15 августа 1927 года / сост.: М. М. Гродзинский, А. А. Жижиленко, Б. Н. Змиев, М. М. Исаев [и др.] ; под ред.: М. Н. Гернета, А. Н. Трайнина. – Москва: Право и Жизнь, 1927. – 390 с.

Заключение

Как следует из сказанного, наиболее полно и плодотворно научно-исследовательская работа М. Н. Гернетом была развернута с началом советского периода. В 1920–1930-х гг. он подготовил работы, ставшие классикой советского уголовного права, а также истории уголовного права. Будучи подлинным гуманистом, М. Н. Гернет всегда был противником неравенства в процессе назначения наказаний и разного рода дополнительных привилегий для отдельных лиц. Ему хотелось, чтобы общество было без эксплуататорского класса, без нищих, преступности и лиц, совершающих преступления. Также нужно отметить, что М. Н. Гернет всегда отличался либеральными взглядами в вопросах наказания, как и многие представители отечественной профессуры. Кроме того, он постоянно отстаивал идею предупреждения противоправных деяний посредством решения социальных проблем. О смертной казни М. Н. Гернет отзывался как об институте легального убийства и особо подчеркивал, что только самые реакционные круги России выступают в ее поддержку. Поэтому, по его мнению, данный вид уголовного наказания должен быть вычеркнут из лестницы наказаний [2, с. 143].

В научных трудах и публикациях отмеченных ученых и специалистов разбирались правовые нюансы и анализировались разного рода аспекты со ссылкой на ранее проведенные исследования в научных трудах М. Н. Гернета. В частности, это касается вопросов, рассматривающих: теоретические аспекты профилактики преступности; развития представлений о личности преступника; вопросов изучения преступных проявлений в первые годы Советской власти; детской беспризорности в 1920–1930-х гг.; отечественного юридического образования в 1920-е – начале 1930-х гг. XX в.; исторических аспектов формирования и развития криминологической науки; развития норм российского уголовного законодательства; ретроспективных анализов подходов к проблеме наркотизации молодежи; становления и развития системы различных видов наказаний; уголовно-правовых и криминологических аспектов детоубийства; состояния криминологии на рубеже 1920–1930 гг.; корней преступности и сущности преступников и др.

Особенно хочется отметить, что, сочетая научную и педагогическую практику, М. Н. Гернет с 1932 по 1938 год оказывал помощь и поддержку сотрудникам МУРа, для которых регулярно составлял анализ зарубежных изданий и делал подборки статей из зарубежной прессы, касавшихся разного рода противодействия преступным проявлениям [18, с. 25].

Анализ публикаций, подготовленных М. Н. Гернетом в советский период его жизни и научной деятельности, дает основание утверждать, что открытие М. Н. Гернетом социалистического направления социологической школы криминологии дало возможность по-новому оценить направления и подходы в изучении как преступного поведения, так и самих преступных проявлений, признания их социальных принципов, а также причинного комплекса и условий. Кроме того, большинство научных исследований, проведенных ученым-юристом в советский период, были подготовлены на основе использования большого объема практического и теоретического материала. Все его работы рассматриваемого периода пронизаны гуманистическими идеями и человеческим теплом.

Анализ литературных источников по теме исследования свидетельствует, что М. Н. Гернет в процессе своей научной деятельности сумел продемонстрировать устремленность криминологической науки исключительно к использованию упреждающих – профилактических подходов в решении проблем противодействия преступным проявлениям, в т. ч. доказав важность исследования данным научным направлением тех субъектов, которые пока что не успели нарушить нормы уголовного законодательства, но обладая антисоциальными взглядами и привычками, которые проявились у них в процессе нарушения административно-правовых норм, обладают перспективами оказаться в рядах участников криминальных правонарушений.

Большинство научных работ М. Н. Гернета пронизаны криминологическими подходами по исследованию различных преступных посягательств и индивидуальных особенностей лиц, их совершающих, а также причинного комплекса противоправных деяний, способствующего совершению преступлений. Он считал, что в перспективе общество откажется от использования такого вида уголовного наказания, как смертная казнь, и в законодательстве прогрессивных государств исчезнет рассматриваемый вид наказания. А чтобы снизить уровень преступности, общество должно разработать другие способы, которые бы стимулировали мотивацию к законопослушному поведению граждан.

Необходимо отметить, что в работах ученого отчетливо прослеживается ведущая роль М.Н. Гернета в создании криминологии и уголовной статистики как наук, а также в развитии уголовно-правовой науки.

Изучение основных положений научных исследований отечественных правоведов, развивавших как нашу правовую науку, так и в целом государственность, к числу которых

справедливо относят российского и советского правоведа, профессора М. Н. Гернета, имеет не только огромное научное, но и прикладное значение, поскольку оказывает существенное влияние на выстраивание и развитие научного мировоззрения, правовых взглядов, мышления и юридической культуры у многих практических работников, при этом давая им юридические знания, подготавливая к работе с правовой исторической информацией, формируя в них уважение к историческому наследию государственно-правовых идей, сохранению исторической памяти, почитание заслуг отечественных правоведов – основоположников российского государства и права.

Список литературы

1. Бочкарева В. И. М. Н. Гернет о смертной казни (Из истории российской «социологической школы в уголовном праве») // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6, № 1. – С. 54–66.
2. Ладыженский А. М. Памяти М. Н. Гернета. (К 90-летию со дня рождения) // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 142–144.
3. Гернет М. Н. Суд или самосуд. – Москва: Московский союз потребительских обществ, 1917. – 14 с.
4. Гернет М. Н. Равенство. – Москва: Д. Я. Маковский, 1917. – 32 с.
5. Гернет М. Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. – Москва: Начало, 1917. – 30 с.
6. Гернет М. Н. Борцы за свободу в Шлиссельбургской крепости. – Москва: Начало, 1917. – 30 с.
7. Хулиганство и хулиганы : сборник / под ред. и с предисл.: В. Н. Толмачев. – Москва: Издательство НКВД РСФСР, 1929. – 172 с.
8. Проблемы преступности : сборник / под ред.: Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. – Москва: Государственное издательство, 1927. – Вып. 2. – 357 с.
9. Захаров Д. П. Михаил Николаевич Гернет (1874–1953) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1978. – № 5. – С. 97–108.
10. Власенко Н. А., Залоило М. В. М. Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права // Журнал российского права. – 2015. – № 6 (222). – С. 161–170.
11. Кораблин К. К. М. Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 168–180; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.7.14>.
12. Гернет М. Н. К статистике проституции (по сведениям за 1924–1926 гг.) / Статистическое обозрение : ежемесячник. – Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1927. – № 7. – С. 86.
13. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее : 2-й вып. «Моральной статистики». – Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1927. – 270 с.
14. Гернет М. Н. Новейшие данные о преступности в Германии, Англии и ее колониях (Доклад пленарному собранию Государственного института) / Проблемы преступности : сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. – Москва: Государственное издательство, 1927, Вып. 2. – С. 248–264.
15. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. – Москва: Советское законодательство, 1931. – 186 с.
16. Герцензон А. А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953 гг.) / Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. / вступ. ст. А. Герцензона. – 3-е изд. – Москва: Госюриздат, 1960. – Т. 1. – С. 7–43.
17. Дети-преступники : сборник статей / с предисл. и под ред. М. Н. Гернета. – Москва: Культура, 1912. – 55 с.
18. Анощенкова С. В. М. Н. Гернет. Взгляд в прошлое // Социально-политические науки. – 2013. – № 1. – С. 24–26.

References

1. Bochkareva V. I. M. N. Gernet o smertnoy kazni (Iz istorii rossiyskoy «sotsiologicheskoy shkoly v ugovolnom prave») // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 2003. – Т. 6, № 1. – S. 54–66.
2. Ladyzhenskiy A. M. Pamyati M. N. Gerneta. (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya) // Pravovedeniye. – 1964. – № 3. – S. 142–144.
3. Gernet M. N. Sud ili samosud. – Moskva: Moskovskiy soyuz potrebitel'skikh obshchestv, 1917. – 14 s.
4. Gernet M. N. Ravenstvo. – Moskva: D. Ya. Makovskiy, 1917. – 32 s.

5. *Gernet M. N. Revolyutsiya, rost prestupnosti i smertnaya kazn'* – Moskva: Nachalo, 1917. – 30 s.
6. *Gernet M. N. Bortsy za svobodu v Shlissel'burgskoy kreposti.* – Moskva: Nachalo, 1917. – 30 s.
7. *Khuliganstvo i khuligany* : sbornik / pod red. i s predisl.: V. N. Tolmachev. – Moskva: Izdatel'stvo NKVD RSFSR, 1929. – 172 c.
8. *Problemy prestupnosti* : sbornik / pod red.: Ye. Shirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta. – Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1927. – Vyp. 2.– 357 c.
9. *Zakharov D. P. Mikhail Nikolayevich Gernet (1874–1953) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye.* – 1978. – № 5. – S. 97–108.
10. *Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. M. N. Gernet i osnovnyye vekhi razvitiya sotsiologicheskoy shkoly prava // Zhurnal rossiyskogo prava.* – 2015. – № 6 (222). – S. 161–170.
11. *Korablin K. K. M. N. Gernet – vydayushchiysya uchenyy-yurist, osnovopolozhnik otechestvennoy penitentsiarnoy nauki (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) // Zhurnal rossiyskogo prava.* – 2019. – № 7. – S. 168–180; <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.7.14>.
12. *Gernet M. N. K statistike prostitutsii (po svedeniyam za 1924–1926 gg.) / Statisticheskoye obozreniye : yezhemesyachnik.* – Moskva: Izdaniye TSSU Soyuza SSR, 1927. – № 7. – S. 86.
13. *Gernet M. N. Prestupnost' i samoubiystva vo vremya voyny i posle neye : 2-y vyp. «Moral'noy statistiki».* – Moskva: Izdaniye TSSU Soyuza SSR, 1927. – 270 c.
14. *Gernet M. N. Noveyskiye dannyye o prestupnosti v Germanii, Anglii i yeye koloniyakh (Doklad plenarnomu sobraniyu Gosudarstvennogo instituta) / Problemy prestupnosti : sbornik / pod red. Ye. Shirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta.* – Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1927, Vyp. 2. – S. 248–264.
15. *Gernet M. N. Prestupnost' za granitsey i v SSSR.* – Moskva: Sovetskoye zakonodatel'stvo, 1931. --186 s.
16. *Gertsenzon A. A. Mikhail Nikolayevich Gernet, yego zhizn', obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost' (1874–1953 gg.) / Gernet M. N. Istoriya tsarskoy tyur'my : v 5 t. / vstup. st. A. Gertsenzona.* – 3-ye izd. – Moskva: Gosyurizdat, 1960. – T. 1.– S. 7–43.
17. *Deti-prestupniki* : sbornik statey / s predisl. i pod red. M. N. Gerneta. – Moskva: Kul'tura, 1912. – 55 c.
18. *Anoshchenkova S. V. M. N. Gernet. Vzglyad v proshloye // Sotsial'no-politicheskiye nauki.* – 2013. – № 1. – S. 24–26.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 14, 2024; approved after reviewing August 5, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 347.9:004:343.1
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-200-206>

Роман Валерьевич Костенко

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>, rom-kostenko@yandex.ru

Алексей Николаевич Ильяшенко

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-4961-5589>, ailyashenko@mail.ru

*Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149*

Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике

Аннотация: Введение. В статье обращается внимание на важность и перспективы использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в предиктивной аналитике в контексте уголовного правосудия. Это обусловлено значительным развитием технологий ИИ и машинного обучения, что находит применение во множестве сфер, включая уголовное судопроизводство. Авторы подробно излагают теоретические и практические аспекты предиктивной аналитики, которая позволяет на основе статистических данных и алгоритмов машинного обучения прогнозировать будущие события. Отдельное внимание уделяется различию между ИИ и предиктивной аналитикой. Освещаются вопросы эффективности применения предиктивной аналитики в уголовном правосудии, включая оптимизацию предварительного расследования, улучшение уголовного преследования и прогнозирования результатов рассмотрения уголовных дел. **Методы.** Основу методологии исследования составляют диалектический материализм, применяемые общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы. **Результаты.** Авторами делается вывод, что ИИ охватывает более широкий спектр задач, требующих человеческого интеллекта, в то время как предиктивная аналитика концентрируется на создании предсказаний. Описываются передовые технологии, которые уже активно используются в различных странах и позволяют улучшать и оптимизировать распределение ресурсов правоохранительных и судебных органов. Рассматривается перспектива интеграции технологий виртуальной и расширенной реальности в уголовное правосудие, что может радикально изменить подходы к предиктивной аналитике и уголовному процессу в целом, обогащая визуализацию и интерактивное взаимодействие между участниками правоотношений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, правосудие, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, современные технологии

Для цитирования: Костенко Р. В., Ильяшенко А. Н. Будущее уголовного правосудия: роль искусственного интеллекта в предиктивной аналитике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 200–206; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-200-206.

Original article

Roman V. Kostenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-5807-6871>, rom-kostenko@yandex.ru

Alexey N. Ilyashenko

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-4961-5589>, ailyashenko@mail.ru

*Kuban State University
149, Stavropolskaya str., Krasnodar, 350040, Russian Federation*

The future of criminal justice: the role of artificial intelligence in predictive analytics

Abstract: Introduction. This article focuses on the importance and prospects for the use of artificial intelligence in predictive analytics in the criminal justice context. The research is motivated by the significant development of artificial intelligence and machine learning technologies, which are being used in a multitude of fields, including criminal justice. The authors detail the theoretical and practical aspects of predictive analytics, which makes it possible to predict future events based on statistical data and machine learning algorithms. Special attention is paid to the difference between artificial intelligence and predictive analytics. The effectiveness of the application of predictive analytics in criminal justice, including optimising preliminary investigations, improving criminal prosecution and predicting the outcome of criminal cases, is highlighted. **Methods.** The basis of the research methodology is dialectical materialism, applied general scientific (system-structural and formal-logical, inductive and deductive, analysis and synthesis) and special (formal-legal, comparative-legal) methods. **Results.** The authors conclude that artificial intelligence spans a wider range of tasks requiring human intelligence, while predictive analytics concentrates on making predictions. Advanced technologies that are already in active use in various countries, improving and optimising the allocation of law enforcement and judicial resources, are described. The prospect of integrating virtual and augmented reality technologies into criminal justice is considered, which can radically change approaches to predictive analytics and criminal procedure in general, enriching visualisation and interactive cooperation between participants of legal relations.

Keywords: criminal proceedings, justice, artificial intelligence, predictive analytics, modern technologies

For citation: Kostenko R. V., Ilyashenko A. N. The future of criminal justice: the role of artificial intelligence in predictive analytics // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 200–206; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-200-206.

Введение

Актуальность рассмотрения проблематики возможностей использования предиктивной аналитики в уголовном правосудии связана с растущим внедрением искусственного интеллекта (далее – ИИ) и машинного обучения в различные сферы человеческой деятельности, включая уголовное судопроизводство. Важно признать, что с появлением передовых технологий от различных компаний, прежде всего таких как *OpenAI* (флагманский продукт – *ChatGPT 4omni*), ситуация значительно изменилась. В связи с этим требуются новые подходы и оценки теоретических исследований. Помимо этого, очевидна необходимость постоянного обновления научной методологии в соответствии с последними достижениями в области ИИ.

Предиктивная аналитика представляет собой область обработки информации, использующую статистические алгоритмы и машинное обучение для прогнозирования будущих событий на основе прошлых данных. Термин «предиктивная аналитика» происходит от английского слова “*predictive*”, что означает «предсказательный», а также от латинского “*praedicere*”, где “*prae-*” означает «до» (или «перед»), а “*-dicere*” – «говорить», т. е. буквально «говорить заранее». Таким образом, предиктивная аналитика является мощным инструментом для предвидения будущих событий и планирования соответствующих мероприятий, что делает её ключевым компонентом в принятии решений в различных сферах человеческой деятельности.

Методы

Основу методологии исследования составляют диалектический материализм, применяемые общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Результаты

Предиктивная аналитика тесно связана и часто используется вместе с ИИ, несмотря на то, что они не являются одним и тем же. В отличие от предиктивной аналитики, ИИ – это обширная область компьютерных наук, которая занимается созданием систем, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта, включая обучение

(возможность учиться на основе информации), рассуждение (способность решать проблемы), восприятие (способность воспринимать окружающую среду, например через зрение или слух) и взаимодействие языка (способность общаться на человеческом языке).

Предиктивная аналитика является одним из инструментов или приложений, которые используются в рамках ИИ, особенно в области машинного обучения – подраздела ИИ, позволяющего системам автоматически учиться и улучшаться на основе опыта без явного программирования каждой задачи. В контексте предиктивной аналитики это означает использование алгоритмов и математических моделей для анализа данных и создания предсказаний о будущих событиях.

Функционирование предиктивной аналитики в рамках ИИ происходит посредством реализации следующего универсального алгоритма. *Во-первых*, вначале необходимо собрать и подготовить соответствующие данные, которые могут включать прошлую информацию, текущие показатели и другие релевантные переменные. *Во-вторых*, данные обрабатываются и трансформируются, в том числе могут быть удалены пропущенные значения, исправлены ошибки, далее данные приводятся в формат, пригодный для анализа. *В-третьих*, путём использования статистических методов и алгоритмов машинного обучения осуществляются разработка и создание моделей, которые могут улавливать закономерности и взаимосвязи в данных. *В-четвёртых*, необходима валидация модели, т. е. тестирование на новом независимом наборе данных для проверки её точности и эффективности. *В-пятых*, после проверки (валидации) и последующей настройки модель может быть использована для предсказания будущих событий.

Применительно к уголовному правосудию (в широком смысле) возможности предиктивной аналитики активно изучались и изучаются в академических кругах по всему миру. В одной из значимых работ по данной проблематике рассматривается потенциал аналитики больших данных для предсказания преступлений, различных статистических моделей и машинного обучения для прогнозирования наступления в будущем уголовно наказуемых деяний [1].

Отдельные авторы фокусируют внимание на возможностях использования машинного обучения для анализа решений Европейского суда по правам человека, показывая, как модели машинного обучения могут предсказывать исходы дел на основе представленных данных [2]. Другие – на возможности машинного обучения для предсказания рецидивов среди осуждённых. Использование различных алгоритмов позволяет определить, какие факторы наиболее важны для предсказания повторных преступлений, что помогает в разработке более эффективных программ реабилитации [3].

Можно выделить ещё несколько публикаций в зарубежных источниках [4–8]. Развивают рассматриваемую проблематику и отечественные авторы [9–15].

В современной правоприменительной деятельности к примерам успешного использования предиктивной аналитики для предварительного анализа и выявления закономерностей в сфере уголовного процесса можно отнести несколько иностранных разработок, прежде всего *PredPol*¹ – программное обеспечение, разработанное для предсказания преступлений в работе американских полицейских. *PredPol* активно используется в различных городах США, включая Лос-Анджелес, Санта-Круз и др. Эффективность *PredPol* была подтверждена множеством исследований, которые показали снижение преступности в районах с активным использованием этого программного обеспечения. Основываясь на алгоритмах машинного обучения, *PredPol* анализирует данные о прошлых преступлениях, чтобы предсказывать, где и когда вероятнее всего произойдут будущие преступления. *PredPol* применяет алгоритмы, похожие на те, которые используются в сейсмологии для предсказания афтершоков². *PredPol* предоставляет полицейским карты с обозначенными зонами, где высока вероятность совершения преступлений. Указанные данные помогают оптимизировать планирование патрулирования и распределение ресурсов. *PredPol* постоянно обновляется новыми данными, что позволяет системе адаптироваться к изменениям в преступной активности и повышать точность своих прогнозов.

Ещё одним примером применения передовых технологий в предиктивной аналитике в уголовном правосудии является *HunchLab*. Разработанная компанией *Azavea* (Филадельфия,

¹ Термин “*PredPol*” – сокращение от “*Predictive Policing*”, что переводится как «предиктивное полицейское патрулирование» (или «прогностическое полицейское патрулирование»).

² Афтершок, землетрясение, происходящее после сильного сейсмического события, называемого главным толчком. Афтершоки ничем не отличаются от обычных землетрясений. Только тот факт, что данному сейсмическому событию предшествовал главный толчок, позволяет называть это событие афтершоком. Существенной для идентификации афтершоков является их магнитуда; она должна быть меньше, чем у главного толчка (Большая российская энциклопедия : [сайт]. – URL: <https://bigenc.ru/c/aftershok-b80b0f> (дата обращения: 08.05.2024)).

США) система *HunchLab* представляет собой инновационный инструмент в арсенале правоохранительных органов, предоставляющий возможности для оптимизации работы и планирования на основе больших данных. *HunchLab* используется в нескольких странах, но наибольшее распространение получила в Соединенных Штатах Америки.

Система *COMPAS* (*Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions*) – программа предиктивной аналитики, которая используется для оценки риска повторного преступления, вероятности нарушения порядка и условий условно-досрочного освобождения и т. п.³

В Европейском Союзе (далее – ЕС) в настоящее время также используются различные технологии в области предиктивной аналитики, однако их применение варьируется в зависимости от страны⁴ и тесно связано с обеспечением соблюдения стандартов защиты данных, которые предусмотрены в *General Data Protection Regulation (GDPR)*, введённом в 2018 году⁵. GDPR устанавливает довольно строгие требования к сбору, хранению и обработке персональных данных, оказывает значительное влияние на возможность по использованию технологий предиктивной аналитики. Согласно GDPR, любое использование указанной технологии должно обеспечивать защиту персональных данных, в т. ч. путём их анонимизирования или псевдонимизирования в определённых случаях. Персональные данные должны использоваться исключительно в тех целях, для которых они были получены.

В 2024 году в ЕС принимается *Artificial Intelligence Act*⁶, в котором на законодательном уровне определяются границы использования ИИ, включая технологии, связанные с предиктивной аналитикой. В соответствии с этим нормативным актом различные модели ИИ классифицируются в зависимости от уровня риска, который они представляют. В частности, технологии с функционалом по предиктивной аналитике отнесены к категории с высоким риском, поэтому, согласно *Artificial Intelligence Act*, должны отвечать требованиям прозрачности, т. е. их возможное применение предусматривает обязанность информирования пользователей о том, что они взаимодействуют с ИИ, помимо этого, необходимо предоставлять информацию, как именно и для чего применяется ИИ.

Как показывает анализ современных разработок в области ИИ, уровень развития технологий позволяет создавать алгоритмы, которые способны синтезировать значительно больше и более сложные наборы данных, что существенно улучшает точность предиктивной аналитики по высококачественному прогнозированию будущих событий и связанных с этим потенциальных рисков. Можно констатировать, что прогрессивные технологии глубокого машинного обучения и нейронных сетей в актуальных моделях ИИ выявляют закономерности и зависимости, неочевидные и / или недоступные при использовании более ранних моделей ИИ.

По нашему мнению, использование современных моделей ИИ (например, *ChatGPT 4o mini*) в области предиктивной аналитики содержит высокий потенциал для улучшения эффективности уголовного судопроизводства, по крайней мере, видятся следующие перспективные направления.

1. Оптимизация производства предварительного расследования

Возможности ИИ в предиктивной аналитике могут быть востребованы для моделирования поведения лиц, причастных к совершению преступления. Алгоритмы позволяют на основе прошлого поведения, социальных связей и других факторов указывать на потенциальные действия подозреваемых или обвиняемых.

Для реализации целей в предиктивной аналитике современные модели ИИ способны посредством использования данных о прошлых преступлениях создавать вероятностные перспективы развития событий. Этот алгоритм помогает в планировании и определении наиболее результативных версий в расследовании.

Современные модели ИИ, «натренированные» и обученные специальным алгоритмам, могут предоставлять рекомендации следователям в вопросах доказывания, в частности, по получению определенных видов доказательств, которые наиболее вероятно приведут к установлению значимых обстоятельств совершённого преступления.

2. Улучшение уголовного преследования

Осуществление уголовного преследования с помощью ИИ и предиктивной аналитикикратно улучшает качество и обоснованность этой процессуальной деятельности. Внедрение ИИ в уголовное преследование предполагает поддержку принятия решений, связанных

³ Исследование, проведённое *ProPublica* в 2016 году, обнаружило, что «афроамериканцы» чаще, чем «белые», классифицируются *COMPAS* с высоким риском повторного преступления, даже если они не совершали новых преступлений, т. е. *COMPAS* может проявлять расовую и гендерную предвзятость.

⁴ Один из наиболее известных примеров – это система *CAS* (*Crime Anticipation System*), широко используемая в Нидерландах. В некоторых федеральных землях Германии применяются программы для прогнозирования преступлений, например *PRECOS*, которая используется для предсказания серийных краж.

⁵ URL: <https://ogdpr.eu/ru?ysclid=lvxjn9h5ee799028712> (дата обращения: 08.05.2024).

⁶ URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 08.05.2024).

с изобличением подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. К числу существенных аспектов управления уголовным преследованием с помощью ИИ также можно отнести определение приоритетов и прогнозирование производства тех или иных следственных действий, распределение ресурсов органов, осуществляющих правоприменение. ИИ может помочь в оптимизации уголовного преследования, например, путём прогнозирования времени, необходимого для расследования различных категорий преступлений и распределения следователем ресурсов в соответствии с этими оценками. Таким образом, оптимизируется время, затрачиваемое на предварительное расследование.

3. Прогнозирование результатов рассмотрения и разрешения уголовных дел

ИИ может анализировать прошлые решения по уголовным делам, чтобы предсказать потенциальные исходы текущих уголовных дел. Использование этого алгоритма позволяет подготовиться, например, стороне защиты к предстоящему судебному разбирательству (ИИ способен предсказать, какие доказательства будут наиболее убедительны для суда).

Несмотря на то, что судьи при вынесении решений по уголовным делам обязаны опираться на доказательства и своё внутреннее убеждение, на наш взгляд, возможности ИИ с предиктивной аналитикой могут быть также востребованы в судах. Используя выводы, полученные из прогностических моделей, судьи будут принимать более справедливые решения.

По нашему мнению, наиболее радикально повлиять на будущее уголовное правосудие способна интеграция в него технологий виртуальной и (или) расширенной реальности. Такие технологии предоставляют впечатляющие возможности для улучшения предиктивной аналитики в уголовном процессе. Обратим внимание на потенциал каждой из этих технологий в контексте предиктивной аналитики.

Виртуальная реальность может использоваться для создания иммерсивных тренировочных симуляций, которые воспроизводят различные правоприменительные сценарии (например, производство следственных действий, избрание мер принуждения, судебные заседания и т. п.). Эта технология позволяет обучать органы уголовного судопроизводства управлять сложными и стрессовыми ситуациями, что улучшает их аналитические навыки и способность к принятию решений.

Виртуальная реальность может предоставить трёхмерные интерактивные визуализации, связанные с совершённым преступлением, такие как географические модели места совершения преступления. Использование виртуальной реальности для визуализации планируемых к осуществлению действий в рамках уголовного процесса позволит правоприменителям проанализировать и изучить различные подходы и исходы, что может преподать ценные уроки для предиктивной аналитики.

Расширенная реальность как технология, которая накладывает сгенерированные компьютером изображения на реальный мир, обогащает восприятие реальности. Данная технология, как и виртуальная реальность, может создавать интерактивные симуляции по визуализации произошедшего преступного события.

Технология расширенной реальности может быть использована для проведения судебных заседаний в виртуальном пространстве. С помощью расширенной реальности можно будет демонстрировать доказательства и исследовать их в ходе судебного следствия. Эта технология способна реконструировать прошлое в реальном времени, что позволяет суду и участникам судебного разбирательства увидеть совершенное преступление глазами очевидцев.

Заключение

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что успешное и ответственное использование ИИ в сфере предиктивной аналитики в уголовном правосудии будет востребованным при соблюдении следующих условий:

- принятие специального законодательства в связи новыми технологиями;
- обеспечение регулярного обучения правоприменителей для адаптации к быстро меняющемуся технологическому ландшафту;
- постоянный мониторинг с целью оценки технологических инноваций, связанных с ИИ;
- внедрение механизмов контроля и аудита использования ИИ в уголовном правосудии;
- обеспечение прозрачности и открытости использования ИИ в уголовном процессе;
- разработка метрик для оценки эффективности использования аналитических инструментов ИИ, влияющих на точность предсказаний в уголовно-процессуальной сфере;
- разработка процедур проверки и (или) корректировки алгоритмических предсказаний в соответствии с общепризнанными правовыми и этическими стандартами;
- обеспечение и гарантия баланса между инновационными технологиями и соблюдением основных прав и свобод человека.

Список литературы

1. *Bachne J.* Predictive Policing: Preventing Crime with Data and Analytic. – Washington, DC: IBM Center for The Business of Government, 2013. – 38 p. – URL: <https://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Predictive%20Policing.pdf>.
2. *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. – 2016. – No 2. – e93; <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
3. *Li V., Sridharan S., Sethuraman S., Avdis G.* Predicting Recidivism With Machine Learning: An Analysis of Risk Factors and Proposal of Preventions // *Journal of Student Research*. – 2013. – Vol. 12, no 4; <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v12i4.5779>.
4. *Groff E. R., La Vigne N. G.* Forecasting the Future of Predictive Crime Mapping / Tilly N. (ed.). *Analysis for Crime Prevention*. – 2002. – Vol. 13. – P. 29–57. – URL: https://popcenter.asu.edu/sites/default/files/library/crimeprevention/volume_13/03-Groff.pdf.
5. *Bheeman S., Lavanya R., Kanisha R., Madhurusha G.* Predictive Analytics of Crime Data using Supervised and Ensemble Learning Methods / Conference: 2022, 3rd International Conference on Electronics and Sustainable Communication Systems (ICESC) (August 17–19, 2022). – Coimbatore, India: IEEE, 2022. – P. 1599–1603; <https://doi.org/10.1109/ICESC54411.2022.9885355>.
6. *Brayne S., Christin A.* Technologies of Crime Prediction: The Reception of Algorithms in Policing and Criminal Courts // *Social Problems*. – 2021. – Vol. 68, no 3. – P. 608–624; <https://doi.org/10.1093/socpro/spaa004>.
7. *Ferguson A. G.* Policing Predictive Policing // *Washington University Law Review*. – 2017. – Vol. 94, no 5. – P. 1109–1189.
8. *Rajkumar S., Sakkarai M., Soundarya J. J., Varnikasree P.* Crime analysis and prediction using data mining techniques // *Prediction analysis techniques (Special Issue)*. – 2019. – Vol. 5, no 1. – P. 602–607; <https://doi.org/10.23883/ijrter.conf.20190322.078.yi0nm>.
9. *Дремлюга Р. И., Решетников В. В.* Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2018. – Т. 20, № 3. – С. 133–144; <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/133-144>.
10. *Гаврилин Ю. В.* Технологии обработки больших объемов данных в решении задач криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности // *Российский следователь*. – 2019. – № 7. – С. 3–8.
11. *Габараев А. Ш., Новиков А. В.* Аналитическое прогнозирование в правоохранительной деятельности. Международный опыт // *Вопросы российского и международного права*. – 2022. – Т. 12, № 10-1. – С. 496–504; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.47.24.013>.
12. *Батоев В. Б.* Использование предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // *Общество и право*. – 2022. – № 4 (82). – С. 99–107.
13. *Чурикова А. Ю.* Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования // *Информационное право*. – 2023. – № 4 (78). – С. 22–25.
14. *Бормотова Л. В.* Искусственный интеллект в производстве по уголовным делам / *Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции : в 6 т., Казань, 22 сентября 2023 г. / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой [и др.]*. – Казань: Познание, 2023. – Т. 2. – С. 51–58.
15. *Буглаева Е. А.* Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в сфере судопроизводства // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 10–15; <https://doi.org/10.14529/law240102>.

References

1. *Bachne J.* Predictive Policing: Preventing Crime with Data and Analytic. – Washington, DC: IBM Center for The Business of Government, 2013. – 38 p. – URL: <https://www.businessofgovernment.org/sites/default/files/Predictive%20Policing.pdf>.
2. *Aletras N., Tsarapatsanis D., Preotiuc-Pietro D., Lampos V.* Predicting judicial decisions of the European Court of Human Rights: a Natural Language Processing perspective // *PeerJ Computer Science*. – 2016. – No 2. – e93; <https://doi.org/10.7717/peerj-cs.93>.
3. *Li V., Sridharan S., Sethuraman S., Avdis G.* Predicting Recidivism With Machine Learning: An Analysis of Risk Factors and Proposal of Preventions // *Journal of Student Research*. – 2013. – Vol. 12, no 4; <https://doi.org/10.47611/jsrhs.v12i4.5779>.
4. *Groff E. R., La Vigne N. G.* Forecasting the Future of Predictive Crime Mapping / Tilly N. (ed.). *Analysis for Crime Prevention*. – 2002. – Vol. 13. – P. 29–57. – URL: https://popcenter.asu.edu/sites/default/files/library/crimeprevention/volume_13/03-Groff.pdf.
5. *Bheeman S., Lavanya R., Kanisha R., Madhurusha G.* Predictive Analytics of Crime Data using Supervised and Ensemble Learning Methods / Conference: 2022, 3rd International Conference

- on Electronics and Sustainable Communication Systems (ICESC) (August 17–19, 2022). – Coimbatore, India: IEEE, 2022. – P. 1599–1603; <https://doi.org/10.1109/ICESC54411.2022.9885355>.
6. *Brayne S., Christin A.* Technologies of Crime Prediction: The Reception of Algorithms in Policing and Criminal Courts // *Social Problems*. – 2021. – Vol. 68, no 3. – P. 608–624; <https://doi.org/10.1093/socpro/spaa004>.
7. *Ferguson A. G.* Policing Predictive Policing // *Washington University Law Review*. – 2017. – Vol. 94, no 5. – P. 1109–1189.
8. *Rajkumar S., Sakkarai M., Soundarya J. J., Varnikasree P.* Crime analysis and prediction using data mining techniques // *Prediction analysis techniques (Special Issue)*. – 2019. – Vol. 5, no 1. – P. 602–607; <https://doi.org/10.23883/ijrter.conf.20190322.078.yi0nm>.
9. *Dremlyuga R. I., Reshetnikov V. V.* Pravovyye aspekty primeneniya prediktivnoy analitiki v pravookhranitel'noy deyatel'nosti // *Aziatsko-tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*. – 2018. – T. 20, № 3. – S. 133–144; <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2018-3/133-144>.
10. *Gavrilin Yu. V.* Tekhnologii obrabotki bol'shikh ob'yemov dannykh v reshenii zadach kriminalisticheskogo obespecheniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti // *Rossiyskiy sledovatel'*. – 2019. – № 7. – S. 3–8.
11. *Gabarayev A. Sh., Novikov A. V.* Analiticheskoye prognozirovaniye v pravookhranitel'noy deyatel'nosti. Mezhdunarodnyy opyt // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*. – 2022. – T. 12, № 10-1. – S. 496–504; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.47.24.013>.
12. *Batoyev V. B.* Ispol'zovaniye prediktivnoy analitiki v pravookhranitel'noy deyatel'nosti // *Obshchestvo i pravo*. – 2022. – № 4 (82). – S. 99–107.
13. *Churikova A. Yu.* Iskusstvennyy intellekt v ugolovnom protsesse: vozmozhnosti i riski ispol'zovaniya // *Informatsionnoye pravo*. – 2023. – № 4 (78). – S. 22–25.
14. *Bormotova L. V.* Iskusstvennyy intellekt v proizvodstve po ugolovnym delam / *Tsifrovyye tekhnologii i pravo : sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 6 t., Kazan', 22 sentyabrya 2023 g. / pod red. I. R. Begisheva, Ye. A. Gromovoy, M. V. Zaloilo, I. A. Filipovoy [i dr.]*. – Kazan': Poznaniye, 2023. – T. 2. – S. 51–58.
15. *Buglayeva Ye. A.* Perspektivy primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v sfere sudoproizvodstva // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. – 2024. – T. 24, № 1. – S. 10–15; <https://doi.org/10.14529/law240102>.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 20, 2024; approved after reviewing July 20, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.2
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>

Валентина Николаевна Куфлева
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>, val_swatch@mail.ru

*Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149*

Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы

Аннотация: Введение. Ограничивающий сферу уголовной репрессии взгляд на уголовное право, как на средство регулирования поведения свободных в своей воле людей, всегда корректировался прагматическими соображениями, связанными с необходимостью воздействовать на вредоносное поведение неличностных субъектов. В современном обществе такая необходимость возникает в связи с оценкой социально значимого вреда, источником которого выступают юридические лица и системы искусственного интеллекта, что приводит к попыткам включить их в круг субъектов уголовного права на основе сомнительной с теоретической точки зрения концепции различения субъектов преступления и субъектов уголовной ответственности. **Методы.** При изучении проблемы применялись различные методы, в т. ч. такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права и др. **Результаты.** Очевидно, что вопрос о применении мер воздействия в отношении неличностных субъектов права должен решаться с учетом и на основе философских теорий уголовного права, наиболее привлекательная из которых представляет уголовное право в качестве средства морально-го осуждения поступков, разрушающих систему ценностей, призванных гарантировать стабильность и устойчивость общества и которая не допускает применения мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, не способных к свободному моральному выбору. Сохранение существующих положений о возможности признания субъектом преступления и субъектом уголовной ответственности исключительно человека следует рассматривать как компонент системы сохранения человекомерности уголовного права и защиты права от его дегуманизации.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, субъект преступления, субъект уголовной ответственности, ответственность юридических лиц, ответственность систем искусственного интеллекта

Для цитирования: Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 207–216; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>.

Original article

Valentina N. Kufleva
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>, val_swatch@mail.ru

*Kuban State University
149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation*

Perpetrator of a crime: modern challenges and responses

Abstract: Introduction. The view of criminal law as a means of regulating the behaviour of free willed people, which limits the sphere of criminal repression, has always been corrected by pragmatic considerations related to the need to influence the harmful behaviour of non-personal subjects. In modern society there is a need for it in connection with the assessment of socially significant harm, the source of which are legal entities and artificial intelligence systems, resulting in attempts to include them in the category of subjects of criminal law on the basis of the theoretically questionable concept of distinguishing between subjects of crime and subjects of criminal liability. **Methods.** The research was carried out by means of various methods, particularly general scientific methods of cognition, such as analysis, synthesis, generalisation, as well as private scientific - formal-legal, comparative-legal, method of interpreting legal norms, etc. **Results.** It is obvious that the issue of applying measures of influence in relation to non-personal subjects of law should be resolved with regard to and on the basis of philosophical theories of criminal law, the most attractive of which presents criminal law as a means of moral condemnation of acts that destroy the system of values designed to guarantee the stability and sustainability of society, and which does not allow the application of measures of criminal law influence against persons who are not capable of free moral choice. Keeping the current provisions on the possibility of recognising the subject of crime and the subject of criminal liability as exclusively a human being should be considered as a component of the system of maintaining the human aspect of criminal law and protecting the law from its dehumanisation.

Keywords: perpetrator of a crime, subject of a crime, subject of criminal liability, liability of legal persons, liability of artificial intelligence systems

For citation: Kufleva V. N. Perpetrator of a crime: modern challenges and responses // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 3 (103). – P. 207–216; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>.

Введение

В отечественной правовой науке и практике к середине прошлого столетия мысль о возможности признания субъектом преступления, субъектом ответственности, субъектом уголовно-правового отношения и как итог – лицом в уголовном праве только человека стала не просто господствующей, но и общепризнанной, была возведена в разряд непререкаемой догмы. Как писал В. С. Орлов, «уголовное законодательство исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, т. е. физическое лицо. ... Эта принципиально правильная и научно обоснованная позиция, занимаемая уголовным законодательством СССР, вытекает из сущности социалистического общественного строя» [1, с. 206].

Между тем это достижение уголовно-правовой теории, выступая мощным ограничителем сферы применения уголовно-правового воздействия и регулирования, по причине именно своего сдерживающего характера всегда оставалось под прицелом критики со стороны некоторых специалистов, причем сила критической оценки всегда возрастала, как правило, на переломных этапах развития государства и общества. В этом отношении вполне закономерно, что трансформационные процессы конца XX века и начала века XXI ознаменовали очередной период попыток пересмотра устоявшейся концепции.

Методы

При изучении вопроса о применении мер воздействия в отношении неличностных субъектов права применялись различные методы, в т. ч. такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права и ряд других.

Результаты

Не в хронологическом, но в содержательном порядке представим некоторые суждения юристов, значимые для понимания рассматриваемой проблемы.

Так, польские исследователи А. Эльжановский (биолог) и Т. Петжиковский (юрист) в своей совместной работе выступили с решительной критикой сложившегося правового

порядка, при котором за рамки субъектов права выведены животные. Они пишут: «Полувековое царство бихевиоризма (ок. 1920–1980 гг.), в рамках которого рассмотрение психических состояний животных считалось ненаучным, сделало невозможным дискурс о субъектности животных, маргинализировало их гуманитарную защиту и сохранило (вслед за США) их беспощадную реификацию в качестве товара или инструмента производства». Между тем, по их мнению, если исходить из того, что «субъектность есть атрибут, вытекающий из когнитивной способности к сознанию», то в законодательном конструировании субъектности необходимо учитывать тот факт, что млекопитающие, птицы и некоторые другие позвоночные обладают сознанием (т. е. осознанными интересами и ожидаемыми ценностями) и волей (как осознанием собственной агентивности). В свете современного научного знания о животных и его этических импликаций, продолжают авторы, животные должны признаваться неличностными субъектами права с комплексом присущих им специфических прав. «Права животных как неличностных субъектов права, естественно, должны охватывать только определенный, относительно узкий (по сравнению с правами типичных личностных субъектов) перечень базовых прав, соответствующих таким интересам и потребностям животных, которые можно рационально определить и защите которых не препятствовала бы коллизия с другими, имеющими больший вес правами и интересами других субъектов (особенно личностных)» [2, с. 25–37]. Очевидно, что следующим шагом в развитии этой теории вполне может стать реинтеграция животных в сферу уголовно-правовых отношений и придание им статуса, сопоставимого, к примеру, со статусом лиц невменяемых и с потенциальной возможностью применения к ним мер адаптивной коррекции поведения со стороны зоопсихологов.

Не менее парадоксальным выглядит и предложение некоторых отечественных законодателей вернуться к практике коллективных уголовных наказаний, в том числе лиц, не причастных к совершению преступлений. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассматривался (и к счастью, был снят с рассмотрения) законопроект (внесен депутатом Р. И. Худяковым), которым предусматривалось дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) статьей 231, согласно которой предполагалось в случае смерти лица, совершившего преступления террористического характера, признавать виновными и подлежащими уголовной ответственности его близких родственников, если доказано их взаимодействие с этим лицом в течение одного года². При этом основными и единственными наказаниями для таких лиц предполагалась конфискация имущества, арест и конфискация денежных средств с банковского счета, запреты на свободное пересечение государственной границы.

К предложениям подобного рода, с одной стороны, можно относиться как к экзотическим флуктуационным всплескам средневекового сознания в современной общественно-политической жизни. Но, с другой стороны, их нельзя полностью игнорировать, поскольку в действительности они отражают не столько стремление к возрождению отживших правовых норм, сколько попытку использовать имеющийся исторический опыт для решения острых, актуальных проблем дня сегодняшнего.

Если не принимать во внимание признание субъектами уголовного права животных и семейных коллективов, то к числу животрепещущих проблем современности следует отнести вопросы, связанные с решением проблем уголовной ответственности за деяния, в совершении которых задействованы юридические лица и системы искусственного интеллекта.

Уголовная ответственность юридических лиц, исчезнувшая из европейского законодательства в XIX столетии, была возвращена в нормотворческую и правоприменительную практику в середине прошлого века в некоторых странах Европы и США. В теоретическом плане ее обсуждение не прекращалось на протяжении всего XX века, причем традиционно научное сообщество разделилось на сторонников и противников ответственности юридических лиц. Если Ф. Лист, например, писал, что «признание преступных деяний корпораций, поскольку признана их дееспособность, и наказание корпораций, поскольку они являются самостоятельными носителями юридических благ, не только возможно,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Законопроект № 437705-6 «О внесении изменений в главу 4, главу 5, статьи 44, 45, 56, 57 и 59 главы 9, статью 71 главы 10, статьи 205, 205-1, 205-2, 205-3, 205-4, 205-5 и 206 главы 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части ужесточения ответственности лиц, совершивших преступления против общественной безопасности, и установления уголовной ответственности близких родственников этих лиц)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/437705-6> (дата обращения: 03.07.2024).

но и вполне целесообразны»³, то Н. С. Таганцев, напротив, указывал, что «в теории уголовного права вопрос об ответственности юридических лиц давно уже разрешен в отрицательном смысле»⁴. При этом он делал важные замечания относительно возможности и необходимости применения мер воздействия в отношении юридических лиц (штрафы, прекращение деятельности и др.), полагая такие меры гражданско-правовыми, административными или политическими, но никак не уголовно-наказательными.

Не изменилась ситуация и по прошествии столетия. Как в период подготовки проектов действующего уголовного закона одни авторитеты отрасли (А. В. Наумов) поддерживали идею признания уголовной ответственности юридических лиц [3, с. 3; 4, с. 28–35], а другие (Н. Ф. Кузнецова) высказывались категорически против нее [5, с. 78–86], так и в настоящее время часть специалистов обосновывают преимущества включения юридических лиц в круг субъектов уголовного права, указывая на активизацию предупредительных и компенсационных начал отраслевого регулирования [6], в то время как иные последовательно предупреждают о непреодолимых при этом нарушении принципов уголовного права и непереносимых социальных издержках [7, с. 97–99].

Аргументы сторонников и противников введения института уголовной ответственности юридических лиц хорошо известны и, что интересно, содержательно не изменялись в принципиальном отношении на всем протяжении уже более чем вековой дискуссии. В том числе и по этой причине не видим своей задачей включаться в детальное обсуждение проблемы. Отметим лишь одно обстоятельство: во всей этой дискуссии, как представляется, крайне бледной, практически необсуждаемой или в любом случае неявно выделяемой, остается связь ответственности юридических лиц (обсуждаемой по преимуществу в прикладном аспекте) с концептуальной категорией лиц в уголовном праве. Причина этого видится в том, что уголовно-правовая доктрина в данном случае опирается на результаты разрешения соответствующих вопросов в теории гражданского права.

Аналогичная ситуация складывается и в связи с рассуждениями об ответственности за причинение вреда, совершаемого с использованием систем искусственного интеллекта, с той лишь принципиальной разницей, что в сфере гражданского права вопрос о субъектном статусе этих систем к настоящему времени принципиально не решен.

Понятие искусственного интеллекта (далее – ИИ) раскрывается в нормативных актах. Под ним понимают комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их⁵. При этом в интересующем нас аспекте наибольшие сложности вызывают так называемые сложные системы, способные к самообучению и самостоятельному принятию решения за рамками заданного алгоритма.

Криминальный потенциал систем искусственного интеллекта не может быть оспорен. Они могут быть использованы и уже реально используются при совершении едва ли не любого преступления. Однако сегодня вопрос об ответственности за вред, причиненный неуправляемой человеком технологией, остается открытым, а существующие правовые инструменты реагирования на него признаются либо неактуальными, либо недостаточными.

Как правило, специалисты говорят о том, что технологии искусственного интеллекта должны признаваться орудиями или средствами совершения преступлений, субъектами которых выступают физические лица, конструирующие, производящие или использующие такие технологии [8, с. 37; 9, с. 138; 10, с. 278–279]. Вместе с тем, как утверждают отдельные исследователи, новая реальность настоятельно диктует правовой науке необходимость разработки и новых моделей правового регулирования цифровых сущностей, и определения цифровой правосубъектности [11, с. 149], в т. ч. и нового комплексного подхода к уголовно-правовому регулированию цифрового общества, что, возможно, потребует реформирования и пересмотра некоторых концептуальных основ уголовного права [12, с. 75–76], среди которых – признание роботов в качестве субъектов права, исходя из того, что они обладают самосознанием, быстро обучаются, способны испытывать чувство тревоги, вины [13, с. 65–74].

³ Лист Ф. фон. Учебник уголовного права : Общая часть / пер. с нем. Ф. Ельяшевич ; предисл. автора и М. В. Духовского. – Москва: Товарищество типографий А. И. Мамонтова, 1903. – С. 124–125.

⁴ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права : Часть общая : Кн. 1 : Вып. 1–3. – Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1874. Вып. 1: Учение о преступлении. – С. 9.

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

К настоящему моменту в рамках гражданско-правового анализа правовой сущности систем искусственного интеллекта предложено несколько вариантов определения их статуса: признание ИИ объектом права (в т. ч. источником повышенной опасности), отождествление его статуса с положением юридических лиц, разработка и внедрение принципиально новой концепции правового статуса электронного лица [14, с. 157–170].

Очевидно, что каждый из этих подходов предполагает и корреспондирующее ему решение вопросов, связанных с ответственностью за вред, причиненный системой искусственного интеллекта. При этом юристами разрабатываются как модели ответственности систем искусственного интеллекта, основанные на какой-либо одной исходной точке, определяющей статус данных систем [9, с. 134–140], так и мультимодальный подход, признающий «плавающую» правосубъектность ИИ в зависимости от его типа, изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки⁶. Важно заметить, что в любом случае в спектре этих моделей присутствует модель прямой ответственности непосредственно самой системы искусственного интеллекта за ее самостоятельные действия, которая основана на наделении этой системы статусом автономного субъекта права. Предпосылки такого решения усматриваются в т. ч. и в историческом опыте развития права, в прецедентах, где в качестве субъектов права рассматривались существа, не принадлежавшие к человеческому роду [15, с. 46].

Без погружения в анализ предлагаемых юристами моделей ответственности систем искусственного интеллекта в контексте рассматриваемой нами категории лиц в уголовном праве стоит заметить, вслед за С. И. Архиповым, что в эпоху тотальной цифровизации классические представления о субъекте права активно подвергаются критике с двух сторон. Во-первых, со стороны тех, кто предлагает включить в их состав новых субъектов права цифровые и иные нечеловеческие «сущности» (расширить круг субъектов и соответственно пересмотреть представления о них); во-вторых, тех, кто полагает, что нас ждет бессубъектное правовое будущее (право, в котором нет субъектов, нет человека) [16, с. 9].

Проблема уголовной ответственности систем искусственного интеллекта в контексте возможного наделения их статусом субъекта права должна рассматриваться в единой связке с проблемой уголовной ответственности юридических лиц, как часть общего дискурса о лицах в уголовном праве. Это, по сути, два аспекта единой, глобальной проблемы – признания субъектами преступления, субъектами ответственности и субъектами права сущностей, отличных от человека. Более того, эти два аспекта обладают синергетическим эффектом, взаимно усиливая наступательную критику на стандартный классический тезис о том, что лицом в уголовном праве может выступать только человек.

Трактаты правовой философии традиционно рассматривали такой феномен, как «субъект права», не в последнюю (а возможно, и в первую) очередь именно в связи с наличием у потенциально правоспособного участника правовых отношений разума и воли. Сегодня же эти предпосылки правосубъектности оказываются под весьма ощутимым прессингом, а новая рациональность, связанная с искусственным интеллектом и зачастую лишенная этической основы, не просто непонятна человеку, но и зачастую грозит ему лишением фундаментальных человеческих качеств.

В связи с этим многие авторитетные юристы, рассуждая о складывающейся конфигурации субъектов права, высказывают серьезные опасения относительно перспектив нравственно-правового прогресса, постулируя феномен дегуманизации права.

Т. Я. Хабриева прямо пишет: «Дегуманизация права проявляется в становлении идейной основы и практических попытках включения в состав субъектов права квазисубъектов «нового поколения» (нового вида), порожденных технологическим укладом “цифрового” общества»; «реализация подобного сценария может привести к стиранию в праве фундаментальных различий между привычными субъектами и объектами правовых отношений – людьми и предметами. Такая тенденция уже обозначилась. Есть основания полагать, что на данном этапе человеческой истории право людей будет противостоять праву имущества на фоне продолжающейся дегуманизации права и его инфантилизации (расширения субъектного состава)» [17, с. 82, 87]. Еще более остро реагирует на ситуацию И. А. Клепицкий. «Складывается впечатление, – пишет он, – что современное наше правосознание возвращается в темные века, похоже, что скоро снова начнут жечь ведьм» [7, с. 97].

Как можно заметить, в первой четверти XXI века человечеству вновь приходится решать фундаментальные правовые задачи, которые казались давно решенными. Потребность их решения, как и ранее, предопределяется практическими соображениями. Уголовно-правовая практика, прежде всего, нуждается в ответах на вопросы о том, кто будет нести ответственность в случае причинения общественно значимого, серьезного вреда в результате

⁶ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 31–32; 36–37.

«действий» юридических лиц и искусственного интеллекта. Однако поскольку в традиционном, классическом представлении субъект ответственности и субъект преступления – одно и то же лицо, практические соображения заставляют в теоретическом плане ставить вопрос о признании нечеловеческих сущностей субъектом преступления, а, следовательно, и субъектом уголовного права. По какой бы линии (восходящей или нисходящей) не развивались рассуждения – от субъекта ответственности к субъекту права либо от субъекта права – к субъекту ответственности, положительное решение вопроса на одном из полюсов анализа с необходимостью предполагает таковой и на другом.

Однако такая линейная логика представляется не вполне приемлемой именно в силу своей прямолинейности. Возможность и необходимость применения мер воздействия к неличностным субъектам никогда и никем в истории, по большому счету, не оспаривалась. Однако отождествление субъекта ответственности и субъекта преступления влечет за собой целый комплекс теоретико-прикладных проблем, которые способны, как бы это громко ни звучало, разрушить концепцию самого уголовного права. Речь идет о том, что наделение неличностных субъектов статусом субъекта преступления «взрывает» учение о составе преступления как центральную, системообразующую отраслевую концепцию. Оно предполагает, по сути своей, разработку для таких субъектов параллельного учения о составе преступления, которое включало бы принципиально иные положения о вине, о действии, о механизме и способах причинения вреда, о причинной связи. Кроме того, оно с необходимостью предполагает фундаментальную перестройку учения об уголовно-правовых отношениях и опять же удвоение этого учения за счет разработки теории правоотношений с участием неличностных субъектов. Наконец, оно предполагает и пересмотр принципов уголовного права, прежде всего цивилизационно значимых принципов вины и личной ответственности.

Решиться на такую трансформацию уголовного права без предвидения и осознания существенных социальных издержек едва ли возможно. Но осознание самих издержек служит надежной страховкой от поспешных решений в рассматриваемой области правового регулирования.

В качестве компромиссного решения проблемы, обеспечивающего, с одной стороны, позитивное решение прагматических задач применения мер воздействия в отношении неличностных субъектов права, а с другой стороны, сохранение в неприкосновенности фундаментальных основ уголовного права, в науке предложена концепция различения субъектов преступления и субъектов ответственности.

О проблеме уголовной ответственности юридических лиц писал еще Б. В. Волженкин. «Целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности, – утверждал автор. – Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но, при определенных условиях, и юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом, и наряду с физическим лицом» [18, с. 24].

Однако при всей внешней привлекательности такого решения с теоретической точки зрения оно выглядит весьма сомнительным. Г. В. Назаренко критикует идею различения субъектов преступления и субъектов ответственности, опираясь на положения уголовного закона, и отмечает, что «при таком подходе без внимания остается законодательный концепт, закрепленный в ст. 19 УК РФ, так как в ней идет речь об общих условиях уголовной ответственности, относящихся к физическому лицу. Соответственно, законодательным концептом является “субъект уголовной ответственности”, сопоставимый с субъектом преступления, указанным в ч. 4 ст. 34 УК РФ. С точки зрения действующего УК РФ субъект уголовной ответственности и субъект преступления являются синонимичными понятиями» [19, с. 65].

Признавая право автора на собственное решение вопросов соотношения субъектов ответственности и субъектов преступления и поддерживая в целом его критический настрой, позволим себе не согласиться с системой предлагаемых аргументов. Субъект ответственности и субъект преступления – не только не синонимичные понятия, но и понятия, имеющие различную смысловую и функциональную нагрузку. Другое дело, что статус лица, подлежащего ответственности, – это один из этапов развития индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, которое должно обладать признаками субъекта преступления.

Потому гораздо более убедительными, с нашей точки зрения, выглядят в данном случае аргументы П. П. Иванцова. Он пишет: «Следует признать неверной концепцию разделения понятий “субъект преступления” и “субъект уголовной ответственности”. Поскольку ретроспективная уголовная ответственность должна пониматься как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть государственное порицание, выражающееся в негативной оценке судом самого лица и его деяния, а также понести соответствующее наказание, а такая обязанность ни при каких условиях не должна быть переложена с лица, совершившего преступление, на третье лицо, следовательно, уголовная ответственность должна быть возложена не на юридическое, а на физическое лицо, непосредственно совершившее преступление»⁷.

Таким образом, признание юридических лиц, а равно и систем ИИ субъектами уголовной ответственности без предварительного признания их лицами, совершившими преступление, то есть иными словами – субъектами уголовного права, недопустимо. Попытки решить данный вопрос на основе идеи различения понятий «субъект ответственности» и «субъект преступления» приводят к конструированию законоположений, допускающих применение мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц лишь за один факт их причастности к совершению преступления, без установления вины как общего и фундаментального основания ответственности. Именно такое решение можно наблюдать в известном законопроекте, разработанном Следственным комитетом Российской Федерации⁸, который именно в силу этого обстоятельства подвергается в доктрине развернутой и вполне обоснованной критике [20, с. 26–30]. Регламентация применения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц вне концепции вины (фактически по аналогии с мерами воздействия в отношении животных в средневековом праве), преследующая исключительно прагматические цели, создает гораздо больше проблем, нежели отсутствие правовых оснований для применения мер воздействия в отношении корпораций за совершенные ими правонарушения.

Обсуждение

Обсуждение проблем уголовной ответственности юридических лиц в российской уголовно-правовой науке, как представляется, привело к разработке и обоснованию всех возможных теоретических вариантов ее решения. Менее развито решение вопроса об уголовной ответственности систем искусственного интеллекта. Но и тут, полагаем, возможные варианты не будут принципиально отличаться. По сути, речь идет о трех мыслимых сценариях:

а) отрицание ответственности неличностных субъектов с допущением применения к ним мер воздействия за пределами отрасли уголовного права в административно-правовом или гражданско-правовом порядке;

б) признание уголовной ответственности таковых субъектов с приспособлением для этих целей имеющихся или созданием параллельных уголовно-правовых конструкций, объясняющих особенности вины, причинной связи и целей наказания;

в) разработка в рамках уголовного права отличной от традиционной, личностно ориентированной уголовной ответственности, системы «квазиуголовных» мер воздействия в отношении неличностных субъектов, вплоть до возможности их применения при отсутствии вины (как это имеет место, к примеру, в отношении невменяемых лиц).

Выбор между этими сценариями, как полагаем, не может обосновываться соображениями уголовной политики. Политика (будучи сама по себе проявлением выбора) не обосновывает выбор как таковой, не раскрывает его оснований. С прагматической точки зрения успешным может оказаться любой вариант, а потому выбор между имеющимися вариантами, как представляется, есть выбор между подчеркнуто уголовно-правовыми теориями.

На уровне высоких (и максимально абстрактных в силу своей высоты) обобщений уголовное право может быть сведено к двум группам конкурирующих теорий: инструментальные и моральные. Инструментальные теории рассматривают уголовное право как технику или инструмент, которые могут быть использованы для достижения различных возможных целей, как эффективный метод достижения стоящих перед государством задач, среди которых – бесперебойное функционирование общества и сохранение

⁷ Иванцов П. П. Проблемы ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 6–8.

⁸ Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Следственный комитет Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://sledcom.ru/document/1133> (дата обращения: 03.05.2024).

порядка. При этом для инструменталистов вопрос о том, является ли уголовное право подходящим для решения этих задач институтом, является случайным: уголовно-правовое воздействие уместно, если и потому, что оно вносит эффективный вклад в достижение целей, которые мы ставим перед государством. На другом полюсе теоретического спектра, напротив, располагаются теории, которые в центр внимания уголовного права ставят безнравственность и моральную виновность. С точки зрения моральных теорий уголовного права оно направлено на защиту свободы личности путем привлечения к ответственности только тех, у кого была справедливая возможность избежать ее, а функция уголовного права заключается в наказании всех и только тех, кто морально виновен в совершении какого-либо морально противоправного действия. Этим теориям в известной степени корреспондирует и представление об адресатах уголовного закона. Согласно мнению одних исследователей, закон не адресован гражданам, он, скорее, адресован судам, устанавливая, какие действия они должны предпринять при соблюдении определенных условий. С точки зрения других авторов, закон есть прежде всего «правила для граждан»; определяя, какие виды поведения являются преступными, а какие допустимы по закону, закон обращается ко всем нам, к тому, что мы можем делать, а что нет [21].

Именно с позиции этой дихотомии и стоит решать вопросы об уголовной ответственности юридических лиц или систем искусственного интеллекта. Разумеется, уголовное законодательство и практика его применения никогда и нигде не придерживались строго какой-либо философской теории или группы теорий. Государство в рамках реализации уголовной политики опиралось и сочетало (органично или нет – иной вопрос) любые из них. Однако и в рамках теоретических рассуждений выбор между философским пониманием сути и назначения уголовного права не может быть правильным или неправильным. Он, по сути, есть выбор мировоззренческий.

Заключение

В нашей картине мира уголовное право прежде всего система норм, призванных гарантировать социально приемлемое поведение граждан на основе общих разделяемых ценностей. Ценностная система общества, включая ценности и нормы морали, по природе своей предназначена для обеспечения самосохраняющей стабильности и создания условий для развития общества. Поведение, создающее угрозу этой стабильности, и есть социальная основа для криминализации. Последствия же этого поведения, причиняемый им конкретный имущественный, физический вред хотя и имеют значение, тем не менее не определяют самой по себе необходимости в существовании уголовного права. Такие последствия вполне могут быть компенсированы или устранены средствами гражданского права. Суть преступления не в факте их наступления (причинения), а в разрешении системы охраняющих общество ценностей и норм.

По этой причине оправдывать применение мер уголовно-правового воздействия в отношении корпораций или систем искусственного интеллекта ссылками на то, что причиняемый их действиями вред велик и не может быть эффективно возмещен мерами ответственности в отношении физических лиц, едва ли правильно. Во-первых, штрафные и компенсационные санкции не составляют сути уголовного права, они успешно могут (и должны) применяться за его рамками. А во-вторых, нормы, нарушаемые неличностными субъектами, не созданы этими субъектами или для этих субъектов, не могут восприниматься ими по вполне очевидным причинам. Более того, сами неличностные субъекты создаются человеком (в идеале, конечно) для того, чтобы укрепить, поддержать ценностно-нормативную систему человеческого общества. В связи с этим уголовное право должно реагировать не столько на причинение вреда юридическими лицами или системами искусственного интеллекта, сколько на факты использования человеком неличностных субъектов для нарушения социальных норм и в целях причинения вреда.

Список литературы

1. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1958. – 260 с.
2. Эльжановский А., Петжиковский Т. Животные как не-личностные субъекты права // Человек. – 2017. – № 5. – С. 25–37.
3. Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. – 1992. – № 11. – С. 3.
4. Наумов А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 28–35.

5. Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм уголовного кодекса // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 78–86.
6. Кибальник А. Г., Волосяк П. В., Демин С. Г. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 190 с.
7. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : монография. – Москва: Проспект, 2021. – 984 с.
8. Антонова Е. Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие/средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 14 (1). – С. 31–39; <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
9. Некрасов В. Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 134–140; <https://doi.org/10.31857/S013207690004886-6>
10. Шмяткова Н. В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 276 – 279; <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>.
11. Самольсов П. В. Цифровая правосубъектность: феномен или фикция? // Systems and Management. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 144–160.
12. Воронин В. Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52). – С. 73–80; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080>.
13. Верещагина Н. В. Роботы, искусственный интеллект и восстание машин: мифология НТР и научная фантастика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 3. – С. 65–74.
14. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.
15. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 36–55.
16. Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 4 (43). – С. 7–16; [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).01](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).01)
17. Лекторский В. А., Васильев С. Н., Макаров В. Л. [и др.] Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. – 326 с.
18. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.
19. Назаренко Г. В. Субъект преступления как понятие, концепт и действующее лицо // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2016. – № 12. – С. 63–67.
20. Есаков Г. А. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 26–30.
21. Duff A. Theories of Criminal Law / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford University, 2002. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/criminal-law> (дата обращения: 08.07.2024).

References

1. Orlov V. S. Sub'yekt prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. – Moskva: Gosyurizdat, 1958. – 260 s.
2. El'zhanovskiy A., Petzhikovskiy T. Zhivotnyye kak ne-lichnostnyye sub'yekty prava // Chelovek. – 2017. – № 5. – S. 25–37.
3. Naumov A. V. Predpriyatiye na skam'ye podsudimyykh? // Sovetskaya yustitsiya. – 1992. – № 11. – S. 3.
4. Naumov A. V. Ugolovnyy zakon v usloviyakh perekhoda k rynochnoy ekonomike // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 2. – S. 28–35.
5. Kuznetsova N. F. Tseli i mekhanizm ugovolnogo kodeksa // Gosudarstvo i pravo. – 1992. – № 6. – S. 78–86.
6. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V., Demin S. G. Voprosy ugovolnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 190 s.
7. Klepitskiy I. A. Novoye ekonomicheskoye ugovolnoye pravo : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2021. – 984 s.

8. Antonova Ye. Yu. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta – sub”yekt prestupleniya ili orudiye /sredstvo soversheniya prestupleniya? // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 14 (1). – S. 31–39; <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
9. Nekrasov V. N. Ugolovnaya otvetstvennost’ robotov: aktual’nyye problemy i napravleniya dal’neyshego razvitiya // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 5. – S. 134–140; <https://doi.org/10.31857/S013207690004886-6>
10. Shmyatkova N. V. Iskusstvennyy intellekt: sub”yekt ili sposob soversheniya prestupleniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2023. – № 5. – S. 276 – 279; <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>.
11. Samolysov P. V. Tsifrovaya pravosub”yektnost’: fenomen ili fiktsiya? // Systems and Management. – 2019. – Т. 1, № 4. – S. 144–160.
12. Voronin V. N. Ugolovno-pravovyye riski razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy: postanovka problemy i metody nauchnogo issledovaniya // Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina. – 2018. – № 12 (52). – S. 73–80; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080>.
13. Vereshchagina N. V. Roboty, iskusstvennyy intellekt i vosstaniye mashin: mifologiya NTR i nauchnaya fantastika // Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul’tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. – 2016. – № 3. – S. 65–74.
14. Arkhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel’sтва o robototekhnike: aspekty voli i pravosub”yektnosti // Zakon. – 2017. – № 5. – S. 157–170.
15. Yastrebov O. A. Pravosub”yektnost’ elektronnoy litso: teoretiko-metodologicheskiye podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2018. – Т. 13, № 2. – S. 36–55.
16. Arkhipov S. I. Sub”yekt prava v tsifrovuyu epokhu // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. – 2023. – № 4 (43). – S. 7–16; [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).01](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).01)
17. Lektorskiy V. A., Vasil’ev S. N., Makarov V. L. [i dr.] Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta / pod red. V. A. Lektorskogo. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2022. – 326 s.
18. Volzhenkin B. V. Ugolovnaya otvetstvennost’ yuridicheskikh lits. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut General’noy prokuratury RF, 1998. – 40 s.
19. Nazarenko G. V. Sub”yekt prestupleniya kak ponyatiye, kontsept i deystvuyushcheye litso // Vestnik Yessentukskogo instituta upravleniya, biznesa i prava. – 2016. – № 12. – S. 63–67.
20. Yesakov G. A. Mery ugolovno-pravovogo kharaktera v otnoshenii yuridicheskikh lits: kriticheskaya otsenka // Ugolovnoye pravo. – 2011. – № 3. – S. 26–30.
21. Duff A. Theories of Criminal Law / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford University, 2002. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/criminal-law> (дата обращения: 08.07.2024).

Статья поступила в редакцию 08.06.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted June 8, 2024; approved after reviewing August 7, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.3/.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-217-227>

Валентина Вlado Лисаускайте
кандидат юридических наук, доцент
<https://doi.org/0000-0003-3694-9966>, vlado@mail.ru

*Восточно-Сибирский институт МВД России
Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110*

Международные договоры Российской Федерации об ограничении или запрещении средств ведения военных действий как источник толкования части 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация: Введение. Часть 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет одно из наиболее общественно опасных преступлений, признанных всем мировым сообществом, – военные преступления. Диспозиция состава в качестве альтернативных действий предусматривает применение запрещенных международными договорами Российской Федерации средств ведения войны. Однако в уголовном законе не содержится конкретизации таких средств, что создает проблему для квалификации преступления. Анализ таких договоров позволяет сформировать конкретные запреты, нарушение которых следует рассматривать в качестве совершения объективной стороны военного преступления. В настоящее время данный вопрос весьма актуален, поскольку в мире происходит большое количество вооруженных конфликтов и совершаются подобные преступления. Отстаивая неотвратимость наказания за совершение военных преступлений, Россия, соблюдая нормы международного права, должна иметь юридическую возможность применения механизма такой ответственности. Поэтому представленный анализ является актуальным и интересным. **Методы.** Применены методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования. **Результаты.** Результатами работы стали итоговая оценка проанализированных международных договоров Российской Федерации, закрепляющих запреты применения конкретных средств ведения войны, и формирование рекомендаций по совершенствованию положений диспозиции ч. 1. ст. 356 Уголовного кодекса Российской Федерации для более эффективного применения и квалификации военных преступлений.

Ключевые слова: военные преступления, законы и обычаи войны, международные договоры Российской Федерации, запрещенные средства ведения войны, ограниченные средства ведения войны

Для цитирования: Лисаускайте В. В. Международные договоры Российской Федерации об ограничении или запрещении средств ведения военных действий как источник толкования части 1 статьи 356 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 217–227; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-217-227>.

Original article

Valentina V. Lisauskaite
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://doi.org/0000-0003-3694-9966>, vlado@mail.ru

*East Siberian Institute of the MIA of Russia
110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation*

International treaties of the Russian Federation on the restriction or prohibition of means of warfare as a source of interpretation of article 356, paragraph 1, of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract: Introduction. Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes one of the most socially dangerous crimes recognised by the entire world community – war crimes. The disposition of the structure as alternative actions provides for the use of means of warfare prohibited by international treaties of the Russian Federation. However, the criminal law does not specify such means, which creates a problem for the qualification of the crime. The analysis of such treaties makes it possible to form specific prohibitions, the violation of which should be considered as the commission of the objective aspect of a war crime. At present, this issue is very relevant, since a large number of armed conflicts are taking place in the world and such crimes are being committed. Defending the inevitability of punishment for war crimes, Russia, in accordance with the norms of international law, should have a legal possibility to apply the mechanism of such responsibility. Therefore, the presented analysis is relevant and interesting. **Methods.** Methods of description, analysis, comparison and systematic method of research are used. **Results.** The results of the research were the final assessment of the analysed international treaties of the Russian Federation, enshrining prohibitions on the use of specific means of warfare, and the formation of recommendations to improve the provisions of the disposition of part 1. art. 356 of the Criminal Code of the Russian Federation for more effective use and classification of war crimes.

Keywords: war crimes, laws and traditions of war, international treaties of the Russian Federation, prohibited means of warfare, limited means of warfare

For citation: Lisauskaite V. V. International treaties of the Russian Federation on the restriction or prohibition of means of warfare as a source of interpretation of article 356, paragraph 1, of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 3 (103). – P. 217–227; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-217-227>.

Введение

Целью данного исследования является анализ действующих международных договоров Российской Федерации по ограничению или запрещению средств ведения войны для понимания сути состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 356 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Поскольку сама диспозиция состава не конкретизирует запрещенные средства и особенности выполнения объективной стороны преступления, существует необходимость в их конкретизации для качественной квалификации деяния и привлечения виновных к ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 356 УК РФ преступным признается, в том числе применение в вооруженном конфликте средств (и методов), запрещенных международными договорами Российской Федерации. Однако какие именно международные договоры нашей страны необходимо рассматривать в качестве источника установленного запрета, закон не устанавливает. Данное обстоятельство подчеркивается различными экспертами [1, с. 14]. Поэтому большинство исследований по данному вопросу содержит общую характеристику таких средств без детализации положений самих международных договоров Российской Федерации и без раскрытия проблематики их применения. В рамках данного исследования представлен детальный анализ особенностей международных обязательств нашей страны, нарушение которых следует рассматривать в качестве применения запрещенных средств ведения войны в контексте объективной стороны ч. 1 ст. 356 УК РФ. Такое детальное изучение в рамках научной публикации проводится впервые.

В то же время работа основана на анализе публикаций ведущих специалистов в области международного гуманитарного права: А. Г. Кибальника, А. В. Наумова, Л. Н. Трикоз, Л. В. Иногамовой-Хегай и других авторов.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Методы

В работе использованы методы описания, анализа, сравнения и системный метод исследования. Посредством описания представлена характеристика международных договоров Российской Федерации, устанавливающих запреты применения конкретных средств ведения боевых действий. Метод анализа позволяет исследовать правила поведения, устанавливающие конкретные запреты и специфику их применения в контексте квалификации преступных деяний по ст. 356 УК РФ. Метод сравнения позволил выявить в работе достоинства и недостатки правового регулирования в рассматриваемой сфере. С помощью системного метода исследования были сформулированы итоговые выводы работы.

Результаты

Термин «средства ведения войны» юридически не закреплен ни в международных документах, ни в национальном законодательстве. Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации содержит лишь цель, для реализации которой существуют запреты и ограничения средств и методов ведения войны. В качестве таковых следует рассматривать: «избежание излишних страданий и неоправданных жертв среди гражданского населения и причинения обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде, сопряженного с боевыми действиями»².

Таким образом, толкование понятия «средства ведения войны» раскрывается только в теории международного гуманитарного права. Следует согласиться с позицией И. И. Котлярова, который подчеркивает, что в действующих международно-правовых актах не обозначены различия между методами и средствами, что затрудняет квалификацию в случае их противоправного применения [2, с. 45]. Определение средств ведения военных действий дается в Военной энциклопедии: «Различного рода вооружения, используемые в процессе ведения боевых действий. Это оружие и технические средства, обеспечивающие его применение, которые включают: боеприпасы и средства их доставки к целям; системы прицеливания, пуска, наведения и управления; устройства и приспособления технического и специального обеспечения для подготовки оружия к применению»³. Таким образом, средства ведения военных действий – это то, с помощью чего они осуществляются, различное военное оборудование. И. И. Котляров поясняет, что «средствами ведения военных действий являются оружие и боевая техника, применяемые вооруженными силами противоборствующих сторон для уничтожения живой силы, военных объектов и иных материальных средств противника, подавления его к сопротивлению» [3, с. 31].

По мнению А. Г. Кибальника, «к запрещенному средству ведения вооруженного конфликта относится использование любого вида оружия, военной техники и иных средств, используемых для причинения вреда неприятелю, если такое средство способно причинить “излишние” страдания и мучения или вызвать чрезмерные повреждения»⁴. Как правило, в литературе традиционно указывается перечень таких средств [4, с. 143; 5, с. 187], однако такой подход не позволяет установить специфику конкретного средства и особенностей его правового закрепления.

Установление ответственности за применение запрещенных или ограниченных средств ведения войны основывается на специальном принципе международного гуманитарного права, получившего закрепление в I Дополнительном Протоколе к Женевским конвенциям 1949 года (далее – Протокол). Согласно ст. 35, «1. В случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным. 2. Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания»⁵. Как отмечает Э. Давид, данный принцип изначально получил закрепление еще в Санкт-Петербургской декларации 1868 года и Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг.⁶

² Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») (утв. Министром обороны Российской Федерации 08.08.2001) // Доступ из справочно-правовой системы (далее – СПС) «Консультант Плюс». – URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/47039> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Военная энциклопедия : в 8 т. / гл. ред. комис.: П. С. Грачев – пред. [и др.]. – Москва: Воениздат, 1994. – Т. 2: Вавилония – Гюйс. – С. 266.

⁴ Наумов А. В., Кибальник А. Г., Волосюк П. В., Иванов А. Ю. Международное уголовное право : учебник / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – С. 240.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) (с изменениями и дополнениями) // Доступ из информационно-правового портала «Гарант.ру» (далее – ИПП «Гарант.ру») : сетевое издание. – URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/> (дата обращения: 10.10.2023).

⁶ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций : перевод с французского. – 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. – Москва: МКСК, 2011. – С. 357.

Эта характеристика к настоящему времени устарела, поскольку современные технологии производства средств ведения боевых действий позволяют обойти указанные в норме критерии. По мнению В. А. Фетисова и В. В. Емелина, «необходимо установить равновесие между военной необходимостью и тем ущербом, который причиняет использование воюющей стороной оружия, чтобы последствия его применения не были чрезмерными по отношению к военной необходимости» [6, с. 55–56].

Таким образом, государства обязаны выбирать те средства ведения войны, которые соответствуют указанным в норме условиям, однако доказать, что в конкретной ситуации применение конкретного вида оружия привело к таким последствиям, весьма сложно. Поэтому, на наш взгляд, необходимо иметь конкретные соглашения, детально регламентирующие такие запреты и ограничения. Подтверждением этому является и практика мирового сообщества, приведшая после действия данного обязательного принципа в течение нескольких лет к разработке и принятию специальных соглашений, устанавливающих конкретизацию видов оружия и правил их применения либо запрета. Сам принцип выступает правовой основой такой нормотворческой деятельности государств.

Еще одна форма реализации данного принципа выражается в положении ст. 36 Протокола, согласно которому при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение новых видов оружия, государства обязаны соблюдать общие требования ст. 35 Протокола. Г. А. Кибальник отмечает, что такое закрепление может объясняться невозможностью включения в договор всех видов средств ведения войны для закрепления для них запрета применения [7, с. 233].

Таким образом, государства ограничены в применении научно-технических разработок новых вооружений условиями данного принципа. Современные виды оружия не должны нарушать установленные правила относительно средств ведения военных действий. Однако указанная норма не конкретизирует требований, которые должны применяться к новым разработкам, а закрепленные термины расплывчаты и могут трактоваться по-разному. Относительно положений ст. 36 Протокола П. В. Келарь отмечает, что «статья носит общий характер, а решение вопроса предоставляется самим суверенным государствам» [8, с. 550]. Таким образом, такое закрепление принципа нуждается в конкретизации для исключения субъективного применения его на практике и установления четких правил относительно используемых средств ведения войны.

Необходимо отметить особенность международно-правового регулирования рассматриваемого вопроса – установление разных правил относительно различных видов средств ведения войны. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность на применение именно запрещенных средств, однако в международных договорах закреплены как запреты, так и ограничения таковых. В теории международного гуманитарного права все средства ведения военных действий делят на две группы: запрещенные – в отношении которых установлен полный запрет на применение и, как правило, предусмотрен процесс утилизации, либо определены ситуации и объекты, относительно которых установлен запрет; ограниченные (частично запрещенные) – в отношении которых установлены условия возможности их применения в вооруженном конфликте и соответствующие обязательства государств [9, с. 237]. Эта специфика отражена в самих международных договорах.

В теории международного гуманитарного права все средства ведения военных действий делят на обычное оружие и оружие массового поражения. Определение обоих терминов носит теоретический характер. Международные обязательства России по каждому заслуживают самостоятельного исследования. В рамках данной научной статьи остановимся на анализе одного из них.

В литературных источниках к обычному оружию относят традиционные виды оружия, боевое применение которых не приводит непосредственно к массовым потерям и разрушениям. К обычному оружию относится огнестрельное, реактивное, ракетное, бомбардировочное, торпедное и зажигательное оружие, инженерные и морские мины и другие виды оружия, средства поражения которых снаряжаются бризантными взрывчатыми или горючими веществами либо не имеют снаряжения (сплошные бронебойные снаряды, обыкновенные пули). К этому виду оружия относится также метательное и холодное оружие [3, с. 39].

Российская Федерация является участником не всех соглашений, устанавливающих запреты или ограничения средств ведения войны, соответственно, мы не можем их рассматривать в качестве источника толкования ст. 356 УК РФ. Фактически, это общий пакет

документов, взаимосвязанных между собой, поскольку в основе лежит базовая конвенция и принятые к ней протоколы. Исходя из специфики их юридического содержания, данные документы могут применяться только единым международным договором, так как конвенция устанавливает общие положения применения протоколов, без которых сами протоколы действовать не могут. К ним относятся:

1) Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие⁷ (1980);

2) Протоколы к вышеуказанной Конвенции⁸:

– протокол I о необнаруживаемых осколках;

– протокол II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств;

– протокол III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия;

– протокол IV об ослепляющем лазерном оружии⁹ (1995).

Как следует из указанного перечисления, каждый документ устанавливает правила относительно конкретного вида оружия. М. С. Перебейнов подчеркивает, что, «если речь идет о запрещенных средствах, то они запрещены фактически и чаще всего конкретными наименованиями...» [5, с. 190].

Современные виды отдельных средств ведения войны, порядок их применения, ограничения и запреты устанавливаются конкретными конвенциями. Они носят обязательный характер только для государств – участников этих соглашений. Поэтому, говоря о возможной ответственности конкретного государства (или физического лица, выступающего от имени конкретного государства, фактически выполняющего преступные действия на стороне этого государства) за применение определенного средства, нам необходимо убедиться, что это государство является участником Конвенции, установившей такой запрет или ограничение, и обязано соблюдать установленные в ней обязательства. Относительно применения данного правила возникает вопрос, как применять договорные обязательства государствам – сторонам вооруженного конфликта, если они являются участниками разных договоров об ограничении средств ведения военных действий. Общие нормы международного гуманитарного права такую ситуацию не регулируют.

Указанная выше Конвенция 1980 года содержит положение, согласно которому, если одна из сторон конфликта не является участником данного договора, то это не влияет на обязательства остальных государств-участников¹⁰. То есть страны, взявшие на себя обязательства по Конвенции, должны соблюдать их в любом случае.

Оттавская конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении 1997 года¹¹ не содержит каких-либо указаний относительно соблюдения международных обязательств в отношении государств, которые не являются участниками в настоящей Конвенции. Можно предположить, что отсутствие подобного правила обосновывается самим форматом закрепленных в соглашении обязательств – полный запрет противопехотных мин и их уничтожение. То есть, предполагается, что государства и не смогут применять данные средства ведения военных действий в отношении государств, не участвующих в рамках настоящей Конвенции, поскольку они их все утилизировали. Россия является участником только Конвенции 1980 года, поэтому на ней лежит абсолютный формат соблюдения закрепленных международных обязательств.

Поскольку средства ведения военных действий, их ограничения и запреты устанавливаются конкретными международными договорами, к этим документам применимы и общие нормы права международных договоров, то есть государства вправе делать оговорки

⁷ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие [рус., англ.] (вместе с «Протоколом о необнаруживаемых осколках», «Протоколом о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств», «Протоколом о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия») (заключена в Женеве 10.10.1980) (с изм. от 21.12.2001) // Организации Объединенных Наций (далее – ООН) : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

⁸ Там же.

⁹ Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии (Дополнительный протокол) к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Вена, 13.10.1995) // СЗ РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4969.

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

¹¹ Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных наземных мин и их уничтожении (Оттавская конвенция) [рус., англ.] (заключена в Осло 18.09.1997) // ООН : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата обращения: 10.10.2023).

к конкретным статьям соглашения, если это не запрещено нормами самого соглашения. Таким образом, в каждом конкретном случае нам необходимо также установить факт наличия или отсутствия оговорок и с учетом их содержания применять конкретные нормы международного гуманитарного права. Так, в 2009 году США сделали оговорку к Протоколу III к Конвенции (1980) о том, что сохраняют за собой право применять зажигательное оружие против военных объектов, расположенных в районе сосредоточения гражданского населения в случае, если имеется оценка, что такие действия могли бы повлечь меньше жертв или нанести меньший ущерб, чем использование альтернативного оружия. На данное заявление ряд государств высказали возражения [10, с. 59].

Это означает, что в соответствии с Конвенцией о международных договорах 1969 года¹² государство, сделавшее оговорку, и государство, возразившее на нее, должны договориться о правиле, которое будет применяться между ними относительно спорного положения. Возникает вопрос: в ситуации, когда стороны не провели таких переговоров и не договорились по оговорке, какие нормы соглашения и как они должны применяться в случае столкновения обязательств? Сама Конвенция 1980 года не содержит конкретизации относительно оговорок или их запрета как в Оттавской конвенции 1997 года, поэтому применяются общие правила оговорок по Конвенции 1969 года.

Представленные выше особенности международно-правового закрепления, с одной стороны, носят публичный характер, поскольку речь идет об обязательствах государств. С другой стороны, конкретные действия по применению определенных средств ведения войны, запрет или ограничение на которые установлены международным договором, осуществляются физическими лицами, которые и могут быть привлечены к ответственности за совершение военных преступлений. Поэтому для государств – участников того или иного соглашения – важно продумать и закрепить различные правила, чтобы комбатантам не пришлось нести ответственность за действия самого государства.

Вернемся к содержанию международного договора Российской Федерации – Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 года и Протоколов к ней, и проанализируем отдельные их положения.

Как уже было отмечено ранее, сама Конвенция и Протоколы представляют собой единый международный договор, поскольку каждый из них привязан к самому соглашению общими правилами, а оно – к ним. Однако согласно его положениям, государства вправе выбрать, участниками каких Протоколов они хотят быть, но не менее двух (в настоящее время Протоколы 5, Протоколы 4 и 6 вносят изменения в принятые ранее Протоколы и Конвенцию). Следовательно, при установлении факта применения оружия, запрещенного рассматриваемыми протоколами, необходимо определить, является ли государство – гипотетический нарушитель – участником этого Протокола.

По мнению ученых [3, с. 43; 11, с. 38], положения данной Конвенции и Протоколов к ней представляют собой реализацию п. 2 ст. 35 I Дополнительного Протокола к Женевским конвенциям 1949 года – «Запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания»¹³.

Рассматриваемая нами Конвенция является рамочной, то есть она устанавливает общие положения исполнения государствами своих международных обязательств в области ограничения или запретов оружия, а сами ограничения и запреты относительно конкретных видов обычных вооружений функционируют в виде самостоятельных Протоколов к этой Конвенции. По мере потребности в Конвенции могут приниматься новые протоколы по новым видам обычных вооружений. Фактически сами правила ограничения / запрещению средств обычного оружия определены в Протоколах Конвенции.

Таким образом, применение Конвенции невозможно без Протоколов, а самих Протоколов – без Конвенции. Эта ситуация чем-то похожа на нормы гаагского права, принятые в рамках 1-й Мирной Гаагской конференции, и похожа тем, что договор был разделен на 13 соглашений в необходимой сфере регулирования. Как и в приведенном примере была создана только базовая договорная платформа, и Конвенция 1980 года как единый международный договор состоит из нескольких документов.

¹² Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23.05.1969) // ООН : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.10.2023).

¹³ URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/> (дата обращения: 10.10.2023).

Следует отметить, что изначально Конвенция распространялась только на международные вооруженные конфликты. В итоге это привело к злоупотреблению со стороны государств, на территории которых происходили внутренние вооруженные конфликты. Статистика впоследствии подтвердила, что большая часть запрещенных или ограничиваемых рассматриваемой Конвенцией средств ведения войны причиняет существенный вред именно в рамках внутренних конфликтов.

По этой причине в 2001 году в документ были внесены поправки, однако формулировка внесенных изменений весьма специфична. Согласно ей, Конвенция и Протоколы не применяются к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности. Сюда были отнесены беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогического характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами.

Таким образом, можно предположить, что в случае внутреннего вооруженного конфликта, если государство не признает данную ситуацию таковой, т. е. официально не заявляет, что на его территории происходит вооруженный конфликт немеждународного характера, а считает это беспорядками, то оно и не обязано соблюдать положение Конвенции и Протоколов относительно запретов и ограничений используемых средств.

Представим краткую характеристику Протоколов к Конвенции.

Протокол I содержит лишь одну формулировку: «Запрещается применять любое оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей»¹⁴. К необнаруживаемым осколкам можно отнести кусочки стекла или, например, пластмасс.

Протокол II устанавливает ограничения и запреты относительно мин, мин-ловушек и других устройств, используемых на суше¹⁵. Здесь запрет установлен на применение данных средств в отношении гражданского населения: запрещено его неизбирательное применение, если оно применяется в отношении невоенного либо гражданского объекта. Стороны конфликта обязаны фиксировать все установки таких мин, а по окончании войны передавать друг другу информацию о расположении мин и мин-ловушек, способствовать разминированию этих объектов. То есть, установлены определенные ограничения, поскольку закреплены условия применения мин и мин-ловушек. Как отмечают эксперты, новая система регулирования применения мин, созданная данным Протоколом (с поправками), основывается на комплексе сложных технических ограничений, которые подкреплены нормами, направленными на обеспечение эффективности выполнения протокола [12, с. 144].

Протокол III регламентирует запрет на применение зажигательного оружия. Это любое оружие и боеприпасы, которые в первую очередь предназначены для поджога объектов или причинения людям ожогов посредством действия пламени, тепла или того и другого вместе, возникающих в результате химической реакции вещества, доставленного к цели¹⁶. Согласно терминологическому словарю МЧС России, «зажигательное оружие – это вид оружия, воздействующего на противника зажигательными горящими веществами непосредственно или вызываемыми ими пожарами; включает зажигательные боеприпасы и средства доставки их к цели. К таким боеприпасам относят зажигательные бомбардировочные средства поражения (зажигательные авиабомбы), зажигательные артиллерийские снаряды и мины, зажигательные боевые части ракет, гранаты, капсулы, пули. В качестве средств доставки рассматриваются самолеты и вертолеты, артиллерийские орудия, пусковые установки, гранатометы, стрелковое оружие и др.»¹⁷.

Запрет действует на применение в отношении гражданского населения и гражданских объектов, а также военных объектов, расположенных среди гражданских объектов посредством бомбардировки зажигательным оружием. Также установлен запрет использования зажигательного оружия в отношении окружающей природной среды, кроме случаев нахождения там комбатантов. Запрет на данный вид оружия, как отмечает ряд авторов, связан с его признанием в качестве оружия, причиняющего излишние страдания [13, с. 117].

Протокол IV содержит запрет на применение ослепляющего, лазерного оружия, предназначенного для использования в боевых, военных действиях. Ю. Коробовский отмечает,

¹⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁵ Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками, внесенными 3 мая 1996 года (Протокол II с попр. от 03.05.1996), прилагаемый к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие // СЗ РФ. – 2005. – № 44. – Ст. 4472.

¹⁶ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conweapons.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁷ Терминология : Оружие зажигательное // МЧС России : [официальный сайт]. – URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/1890> (дата обращения: 10.10.2023).

что документ запрещает применение одной из категорий лазерного оружия [12, с. 140]. Так, запрет не распространяется на лазерные системы, не предназначенные специально для причинения постоянной слепоты человеку. Однако участниками данного Протокола является небольшое количество государств. Соответственно, и запрет распространяется не на всех участников самой Конвенции. В данном случае мы сталкиваемся с проблемой, о которой уже говорилось выше.

В качестве относительного обоснования такой ситуации можно рассматривать позицию Роберта Дж. Матьюза, который отмечает, что «решение о запрете применения этого оружия было достигнуто прежде, чем оно было применено в бою» [14, с. 223]. То есть государства не спешили присоединиться к данному Протоколу, поскольку не обладали таким оружием и не видели для него каких-либо перспектив.

Таким образом, положения Конвенции 1980 года и Протоколов к ней закрепляют группы запретов и ограничений средств ведения военных действий. В рассмотренных международных соглашениях, участником которых является Россия, запрет устанавливается не на сами средства, а на их применение в конкретных ситуациях, которые описываются в Протоколах. То есть запрет – это изъятие конкретного средства ведения военных действий из применения в отношении определенной группы объектов без каких-либо условий. С учетом данных обстоятельств к запрещенным средствам следует отнести:

- 1) оружие, основное действие которого заключается в нанесении повреждений осколками, которые не обнаруживаются в человеческом теле с помощью рентгеновских лучей;
- 2) мины, мины-ловушки:
 - используемые против гражданского населения или отдельных гражданских лиц;
 - в виде безвредного переносного предмета (сумка);
 - соединенные с международными эмблемами, знаками или сигналами;
 - соединенные с больными, ранеными или мертвыми;
 - соединенные с медицинскими объектами, медицинским оборудованием, материалами или санитарным транспортом;
 - в виде детских игрушек, продуктов питания или напитков;
 - соединенные с кухонной утварью или принадлежностями;
 - соединенные с предметами религиозного характера, объектами исторического, культурного или религиозного наследия;
 - соединенные с животными или их трупами;
- 3) зажигательное оружие, применяемое:
 - в отношении гражданских объектов и гражданского населения;
 - в отношении военного объекта, расположенного среди гражданской инфраструктуры;
 - с воздуха (бомбардировка с воздуха);
- 4) лазерное оружие, предназначенное для использования в боевых действиях исключительно или в том числе для того, чтобы причинить постоянную слепоту органам зрения человека, не использующего оптические приборы.

Рассматриваемый пакет соглашений устанавливает и достаточно большое количество ограничений относительно использования конкретных средств ведения военных действий – т. е. указываются условия, при наличии или отсутствии которых возможно применение регулируемого средства. К ограниченным средствам ведения военных действий следует отнести:

1. Использование мин и мин-ловушек на военном объекте или в непосредственной близости от военного объекта, принадлежащего противной стороне или находящегося под его контролем. При этом должны быть приняты меры по защите гражданских лиц от их воздействия (установление предупредительных знаков).
2. Использование дистанционно устанавливаемых мин в районе военного объекта, или в котором установлены военные объекты, при условии обязательной регистрации их расположения и нанесения на карты. Такие мины должны иметь механизм самоликвидации или дистанционный механизм обезвреживания или уничтожения мины, когда боевая задача утрачена.
3. Использование зажигательного оружия только в отношении военных объектов, расположенных отдельно от гражданских объектов и населения, с применением мер предосторожности для ограничения зажигательного воздействия.
4. Использование мин в отношении военных объектов, укрытых в лесу или ином растительном покрове, если последние используются именно для сокрытия военных объектов и комбатантов¹⁸;

¹⁸ Дополнительный протокол к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии) [рус., англ.] (подписан в Вене 13.10.1995) // СЗ РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 4969.

5. Применение лазерных систем в военных целях, в т. ч. против оптического оборудования. Несмотря на относительную конкретизацию характеристик отдельных средств ведения военных действий по критериям запрета или ограничения их применения, на практике для квалификации допустимости использования относительно каждого из этих средств следует проводить детальное расследование и экспертизы, поскольку необходимо определить следующие факты:

- отсутствие нарушений ст. 35 Дополнительного Протокола I (1977) к Женевским конвенциям о защите жертв военных действий¹⁹ (1949);
- применение конкретного средства в установленных международными нормами условиях;
- оценка последствий, позволяющая определить применение всех мер предосторожности;
- критерий допустимости относительно объекта нападения и др.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В международном праве в настоящее время действует несколько соглашений, устанавливающих ограничения или запреты конкретных средств ведения военных действий, а также применяются специальные принципы международного гуманитарного права, получившие закрепление в рамках Женевских конвенций 1949 года и Протоколов к ним. В то же время Россия является участником далеко не всех этих соглашений. Применительно к каждому указанному выше запрету или ограничению средства ведения военных действий необходимо установление критериев, которые указаны в международном договоре относительно них.

Конвенция об обычном оружии 1980 года и Протоколы к ней²⁰ не закрепляют абсолютного запрета в отношении какого-либо средства ведения военных действий, т. е. неприменение и дальнейшую утилизацию этого средства. Данные обстоятельства также усложняют оценку законности действий в вооруженном конфликте относительно соблюдения международных обязательств по договорам Российской Федерации. Соответственно, на наш взгляд, диспозиция состава преступления об установлении ответственности в случае их нарушения должна быть более конкретизирована и разделена на несколько составов с учетом видов средств либо критериев запрета или ограничения.

О необходимости конкретизации национального законодательства в рассматриваемой сфере говорит и Н. А. Синяева, отмечая: «Для обеспечения возможности корректного применения и единообразного понимания смысла используемых в параметрах имплементации в национальное законодательство и последующего правоприменения позиций договорного и обычного международного гуманитарного права, желательно достичь единства дефиниции» [15, с. 64].

Действующее на территории России Наставление по международному гуманитарному праву²¹ (далее – Наставление) закрепляет перечень запрещенных средств ведения военных действий с учетом положений международных договоров, участником которых является наша страна. Однако эти запреты не конкретизируются относительно существующих и рассмотренных выше условий запрещения. На наш взгляд, Наставление в большей степени содержит правила, которые сопоставимы с ограниченными и запрещенными методами ведения войны, поскольку на соблюдение последних влияет выполнение командным военным составом тактических и стратегических критериев боевых действий. В то же время документ (приложение б) фактически закрепляет технический регламент относительно соблюдения правил в соответствии с обязательствами по международным договорам Российской Федерации в области установления запретов и ограничений средств ведения военных действий.

Материалы данного приложения могут быть использованы правоприменителем при установлении факта соблюдения ограничений и запретов применения конкретных средств. Однако это не исключает и не заменяет тех правовых потребностей, которые необходимо реализовать посредством внесения изменений и дополнений в УК РФ.

¹⁹ Дополнительный протокол (Протокол I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (с изм. и доп.) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.

²⁰ Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие [рус., англ.] (вместе с «Протоколом о необнаруживаемых осколках», «Протоколом о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств», «Протоколом о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия») (Заклучена в Женеве 10.10.1980 г.) (в ред. от 21.12.2001) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1984. – № 3. – Ст. 50.

²¹ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Правилами применения норм международного гуманитарного права, касающихся опознавания») (утв. Министром обороны Российской Федерации 08.08.2001) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=309311#d9PvYHUuQzYSqlxS> (дата обращения: 10.10.2023).

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что, несмотря на применение правового основания в виде международных договорных обязательств России, при квалификации использования запрещенных или ограниченных средств ведения войны, необходимо учитывать дополнительные юридические особенности:

- гражданство физического лица, привлекаемого к ответственности за совершение военного преступления, либо установление юридической связи между ним и государством, от имени которого лицо участвовало в вооруженном конфликте;
- участие такого государства в конкретном Протоколе к Конвенции 1980 года;
- наличие оговорок этого государства к Конвенции или Протоколу;
- характеристику самого использованного средства ведения войны и установление того, относится оно к запрещенным или ограниченным;
- особенности использования данного средства в нарушение условий применения по Конвенции и Протоколу.

Применение на практике всего этого механизма крайне сложно, поэтому, на наш взгляд, более детальное закрепление преступления относительно средств ведения военных действий может способствовать качественной квалификации совершенных военных преступлений и привлечению виновных к ответственности. Рассмотренные международные документы в качестве источников толкования ч. 1 ст. 356 УК РФ содержат важные и сложные характеристики самих средств или их применения, что влияет на оценку самого военного преступления в целом.

Список литературы

1. Берко А. В., Кибальник А. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны : монография. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 104 с.
2. Котляров И. И. Международное гуманитарное право об ограничении воюющих в выборе методов ведения войны // Московский журнал международного права. – 2009. – № 2. – С. 44–62; <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-44-62>.
3. Котляров И. И. Международное гуманитарное право о запрещенных средствах ведения войны // Московский журнал международного права. – 2011. – № 1. – С. 31–48.
4. Голованов С. В. Средства ведения войны в международном гуманитарном праве и международно-правовой статус участников вооруженных конфликтов // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D: Экономические и юридические науки : научно-теоретический журнал. – 2012. – № 14. – С. 141–144.
5. Перебейнов М. С. Разновидности применения запрещенных средств и методов ведения войны как преступления // Modern science. – 2021. – №1-2. – С. 187–193.
6. Фетисов В. А., Емелин В. В. Международный опыт по разработке и принятию критерия «излишние страдания и чрезмерные повреждения» для оценки оружия и боеприпасов // Вестник судебной медицины. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 55–60.
7. Преступления против мира и безопасности человечества = Crimes against peace and security of mankind / под науч. ред. А. В. Наумова. – Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2004. – 383 с.
8. Келарь П. В. Запрещенные средства ведения войны в системе современного международного права // Аллея науки : электронный журнал. – 2019. – Т. 1, № 4 (31). – С. 549–557. – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/Journals_april19/Aprel%201%20tom%20isp.pdf.
9. Трикоз Е. Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 512 с.
10. Ибрагимов А. М., Магомедова С. М. Запрещение или ограничение применения зажигательного оружия на универсальном и региональном уровне // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 55–61.
11. Акимов В. А., Бодаевский В. П., Кодинцев С. А. Военные преступления в уголовном праве России : монография / под общ. ред. В. П. Бодаевского. – 2-е изд. – Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2022. – 614 с.
12. Коробовский Ю. Новые договоры в области международного гуманитарного права // Московский журнал международного права. – 1999. – № 1. – С. 139–158; <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-5-139-158>.
13. Магомедова С. Н. Международно-правовые принципы ограничения применения или запрещения зажигательного оружия // Закон и право. – 2019. – № 6. – С. 116–118; <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10261>.
14. Метьюз Р. Дж. Конвенция 1980 г. о конкретных видах оружия: хорошая основа вопреки прежним разочарованиям // Международный журнал Красного Креста. – 2001. – № 844. – С. 213–238.

15. Синяева Н. А. Запрещенные средства ведения войны в международном гуманитарном праве / Военное право в системе обеспечения национальной безопасности. Международно-правовые аспекты военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами : сборник докладов III научно-практической конференции, Кубинка, 16 августа 2022 г. / под общ. ред. А. В. Кудашкина. – 2022. – С. 62–68.

Reference

1. Berko A. V., Kibal'nik A. G. *Primeneniye zapreshchennykh sredstv i metodov vedeniya voyny* : monografiya. – Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2002. – 104 s.
2. Kotlyarov I. I. *Mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo ob ogranichenii voyuyushchikh v vybere metodov vedeniya voyny* // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 2009. – № 2. – С. 44–62; <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2009-2-44-62>.
3. Kotlyarov I. I. *Mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo o zapreshchennykh sredstvakh vedeniya voyny* // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 2011. – № 1. – С. 31–48.
4. Golovanov S. V. *Sredstva vedeniya voyny v mezhdunarodnom gumanitarnom prave i mezhdunarodno-pravovoy status uchastnikov vooruzhennykh konfliktov* // *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D: Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki : nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. – 2012. – № 14. – С. 141–144.
5. Perebeynov M. S. *Raznovidnosti primeneniya zapreshchennykh sredstv i metodov vedeniya voyny kak prestupleniya* // *Modern science*. – 2021. – №1-2. – С. 187–193.
6. Fetisov V. A., Yemelin V. V. *Mezhdunarodnyy opyt po razrabotke i prinyatiyu kriteriya «izlishniye stradaniya i chrezmernyye povrezhdeniya» dlya otsenki oruzhiya i boyepripasov* // *Vestnik sudebnoy meditsiny*. – 2019. – Т. 8, № 2. – С. 55–60.
7. *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva = Crimes against peace and security of mankind* / pod nauch. red. A. V. Naumova. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr – Press, 2004. – 383 s.
8. Kelar' P. V. *Zapreshchennyye sredstva vedeniya voyny v sisteme sovremennogo mezhdunarodnogo prava* // *Alleya nauki : elektronnyy zhurnal*. – 2019. – Т. 1, № 4 (31). – С. 549–557. – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/Journals_april19/Aprel%201%20tom%20isp.pdf.
9. Trikoz Ye. N. *Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: sravnitel'nyy i mezhdunarodno-pravovoy aspekty* : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2007. – 512 s.
10. Ibragimov A. M., Magomedova S. M. *Zapreshcheniye ili ogranicheniye primeneniya zazhigatel'nogo oruzhiya na universal'nom i regional'nom urovne* // *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 55–61.
11. Akimov V. A., Bodayevskiy V. P., Kodintsev S. A. *Voyennyye prestupleniya v ugolovnom prave Rossii* : monografiya / pod obshch. red. V. P. Bodayevskogo. – 2-ye izd. – Simferopol': Izdatel'stvo Tipografiya «Arial», 2022. – 614 s.
12. Korobovskiy Yu. *Novyye dogovory v oblasti mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* // *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 1999. – № 1. – С. 139–158; <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-5-139-158>.
13. Magomedova S. N. *Mezhdunarodno-pravovyye printsipy ogranicheniya primeneniya ili zapreshcheniya zazhigatel'nogo oruzhiya* // *Zakon i pravo*. – 2019. – № 6. – С. 116–118; <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10261>.
14. Met'yuz R. Dzh. *Konventsiya 1980 g. o konkretnykh vidakh oruzhiya: khoroshaya osnova vopreki prezhneim razocharovaniyam* // *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. – 2001. – № 844. – С. 213–238.
15. Sinyayeva N. A. *Zapreshchennyye sredstva vedeniya voyny v mezhdunarodnom gumanitarnom prave / Voyennoye pravo v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti. Mezhdunarodno-pravovyye aspekty voyennogo i voyenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii s inostrannymi gosudarstvami* : sbornik докладов III nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kubinka, 16 avgusta 2022 g. / pod obshch. red. A. V. Kudashkina. – 2022. – С. 62–68.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted December 4, 2023; approved after reviewing May 22, 2024; accepted for publication June 10, 2024.

Научная статья

УДК 343.2/.7

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-228-239>

Андрей Вячеславович Никуленко

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, nikulenkoa@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Максим Андреевич Смирнов

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-3805-2933>, gazan87@rambler.ru

Администрация Окуловского муниципального района

Российская Федерация, 174350, Новгородская обл., Окуловка, ул. Кирова, д. 8

Право на необходимую оборону при защите имущественных и личных неимущественных прав: иллюзорное или реальное

Аннотация: Введение. В силу положений ст. 45 Конституции Российской Федерации¹ каждому гарантируется право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом. Данный основополагающий конституционный принцип отражен в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), которая закрепляет право любого человека на необходимую оборону, то есть на причинение вреда (вплоть до лишения жизни) посягающему лицу при пресечении общественно опасных посягательств при защите самого себя или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства. Длительное время дискуссионным оставался вопрос о возможности защиты имущественных прав, в т. ч. жилища, в рамках необходимой обороны. Наконец в мае 2022 года в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 г. № 19³ были внесены изменения, закрепляющие право на необходимую оборону при пресечении посягательств на жилище. В связи с этим актуальным следует признать рассмотрение вопроса об определении пределов правомерного причинения вреда при пресечении посягательств, связанных с незаконным проникновением в жилище. В рамках настоящей работы авторы также рассматривают вопрос об определении пределов правомерного причинения вреда при защите от посягательств на личные неимущественные права, как сопряженных, так и не сопряженных с применением либо угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося лица. **Методы исследования:** теоретический, сравнительно-правовой, метод формальной логики, метод толкования правовых норм. **По результатам исследования** авторами был сформирован перечень ситуаций, который был не учтен судебным сообществом при внесении столь ожидаемых изменений, наделяющих граждан правом на оборону жилища, которые должны послужить основанием для их пересмотра. Кроме того, авторы указывают на необходимость совершенствования ст. 37 УК РФ, положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 в части расширения права на необходимую оборону за счет возможности пресечения в ее рамках административных правонарушений и приведения в соответствие со ст. 37 УК РФ, а также иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, «специального законодательства», определяющего порядок и основания применения силы и оружия сотрудниками силовых ведомств.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ред. от 31.05.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, нападение, посягательство, насилие, оборона жилища

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. Право на необходимую оборону при защите имущественных и личных неимущественных прав: иллюзорное или реальное // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 228–239; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-228-239.

Original article

Andrey V. Nikulenko

Dr. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, nikulenkoa@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Maxim A. Smirnov

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0003-3805-2933>, gazan87@rambler.ru

Administration of Okulov municipal region

6, Kirov str., Okulovka, Novgorod district, 174350, Russian Federation

The right for defense to protect property rights and personal non-property rights: real or illusive

Abstract: Introduction. By virtue of the provisions of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation, everyone is guaranteed the right to defend personal rights and freedoms in all ways not prohibited by law.

This fundamental constitutional principle is reflected in Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which enshrines the right of any person to the necessary defence, that is, to harm (up to deprivation of life) an encroaching person while suppressing socially dangerous encroachments protecting oneself or other persons, the legally protected interests of society or the state. For a long time, the issue of the possibility of protecting property rights, including housing, within the framework of necessary defense remained debatable. Finally, in May 2022, amendments were made to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/27/2012 № 19, enshrining the right for necessary defense in the event of expected changes that will empower citizens to serve as a basis for their revision. In this regard, it should be recognised as relevant to consider the issue of determining the limits of lawful infliction of harm in the suppression of encroachments related to illegal penetration of housing. Within the framework of this work, the authors also consider the issue of determining the limits of lawful infliction of harm in defence against encroachments on personal non-property rights, both associated and not associated with the use or threat of use of violence dangerous to the life of the defender. **Research methods:** theoretical, comparative-legal, method of formal logics, method of interpretation of legal norms. **Due to the results of the research,** the authors give a list of situations which were not taken into account by the judicial community including the right to defend the house, which should serve as a basis for legal review of the case. In addition, the authors point to the need to optimize Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, the provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 No. 19 in terms of expanding the right for necessary defense due to the possibility of suppressing administrative offenses within its framework and bringing it into line with Article 37 of the Criminal Code, as well as other circumstances excluding criminality acts, «special legislation» defining the procedure and grounds for the use of force and weapons by law enforcement officers.

Keywords: necessary defence, exceeding the limits of necessary defence, attack, encroachment, violence, home defence

For citation: Nikulenko A. V., Smirnov M. A. The right for defense to protect property rights and personal non-property rights: real or illusive // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 228–239; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-228-239.

Введение

Законодательству давно известен институт необходимой обороны, но всегда актуальным вплоть до настоящего времени остается вопрос определения условий правомерности необходимой обороны. В частности, во все времена важными остаются вопросы:

- Каковы основания возникновения права на необходимую оборону?
- Каковы пределы допустимого причинения вреда?

На протяжении уже нескольких веков ученые исследуют проблемы данного института и предлагают пути его совершенствования, но, к сожалению, ни законодатель, ни высшая судебная инстанция не могут прийти к единому мнению в этих вопросах, что, в свою очередь, негативно сказывается на правовой защищенности граждан, которые решили воспользоваться гарантированным Конституцией Российской Федерации правом на защиту самого себя, других лиц, интересов общества или государства путем причинения вреда посягающему лицу. Стоит отметить, что зачастую из-за такого положения дел страдают и не только обычные граждане, но и сотрудники силовых ведомств, для которых осуществление необходимой обороны является прямой обязанностью. Так, остаются неразрешенными многие вопросы, связанные с реализацией права на необходимую оборону, а именно: возможность пресечения в рамках необходимой обороны административных правонарушений, реальное, а не мнимое распространение условий правомерности института необходимой обороны на сотрудников силовых ведомств при пресечении последними общественно опасных посягательств, возможность причинения правомерного вреда при защите жилища и др.

31 мая 2022 г. в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁴ (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19-2012) были внесены долгожданные изменения: наконец за обороняющимся закреплено право на оборону жилища, то есть нормы необходимой обороны теперь могут применяться при оценке действий при защите имущественных прав граждан. В связи с этим авторы видят необходимость в анализе положений постановления Пленума ВС РФ № 19-2012 в части определения пределов правомерного причинения вреда при защите как личных неимущественных, так и имущественных прав, при этом акцентируя внимание на определении пределов правомерного причинения вреда при пресечении незаконного проникновения в жилище.

Методы

Методологическую основу исследования составляют теоретический, сравнительно-правовой методы, метод формальной логики, метод толкования правовых норм.

Результаты

Обращаясь к проблеме правового регулирования правоприменительной практики по вопросам необходимой обороны, нельзя не обратить внимания на факты беззащитности законопослушного населения перед экспансией преступности. До настоящего времени законодательные формулировки норм ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ) остаются малопонятны гражданам, а потому и сложно осуществимы в реальной ситуации. Их понимание сотрудниками правоохранительных органов, прежде всего следователями, нивелируется приоритетностью корпоративных интересов (раскрытие тяжкого преступления и возбуждение уголовного дела по статье за более тяжкое преступление, позволяющей применить более строгую меру пресечения; статистическая отчетность). Именно поэтому случаи применения норм о необходимой обороне и (или) привилегированных норм ст. 108 и 114 УК РФ малочисленны [1]. Зачастую лишь освещение той или иной пограничной ситуации в средствах массовой информации вынуждает правоохранителей глубже вникнуть в обстоятельства дела и в рамках соблюдения норм уголовного

⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

⁵ СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

законодательства признать наличие в содеянном факта необходимой обороны, чаще всего правомерной, без каких-либо эксцессов. И это несмотря на то, что изначально уголовное дело было возбуждено по общей норме УК РФ об убийстве или умышленном причинении вреда здоровью.

Анализируя новостные ленты средств массовой информации, несложно заметить, что на улицах наших городов «каждый день отмечается нападениями, причем, ни одна категория граждан не застрахована от возникновения конфликтных ситуаций: нападают как на женщин, так и на детей, работников бригад скорой медицинской помощи, сотрудников силовых ведомств» [2].

Показательные примеры: «Председатель СК России в феврале 2024 года провел оперативное совещание, на котором заслушал доклады о расследовании резонансных происшествий, среди которых следует отметить уголовные дела об убийстве женщины и ее 5-летней дочери, которое совершил уроженец Республики Таджикистан; о совершении в Тюменской области гражданином Таджикистана развратных действий в отношении 13-летней девочки; о преступлении, совершенном нелегальным мигрантом из Таджикистана, против половой неприкосновенности 6-летнего мальчика в Саратовской области; о противоправных действиях группы лиц в отношении жителей Санкт-Петербурга, фигурантами которого являются уроженцы Азербайджана и Таджикистана; хулиганстве и разбойном нападении в Московской области на двух мужчин, в которых подозреваются трое подростков, и об обстоятельствах повреждения автомобиля скорой медицинской помощи в Красноармейском районе Волгограда; о нападении на участника СВО, которого подростки избили и ограбили»⁶.

Следует отметить, что категория граждан, к которой относятся сотрудники силовых ведомств, на взгляд авторов, является самой незащищенной, т. к. до сих пор остаются значительные правовые пробелы в части определения правомерности причинения вреда сотрудниками силовых ведомств [3–7], предназначение которых заключается в противодействии преступности, охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, ежедневно вступая в противоборство, в т. ч., силовое, с нарушителями закона.

Основная проблема, по мнению авторов, заключается в отраслевой принадлежности тех норм, которые будут применяться для определения правомерности причинения вреда сотрудником правоохранительных органов, в связи с чем возникает резонный вопрос: на основании какого закона – норм уголовного законодательства либо на основании положений так называемого «специального законодательства» – будут определяться условия правомерности причинения вреда и, соответственно, пределы допустимого причинения вреда [8].

В то же время вопросы определения правомерности причинения вреда при защите себя, других лиц, общественных или государственных интересов от преступлений, административных правонарушений касаются не только сотрудников силовых ведомств, но и рядовых граждан [9].

Стоит заметить, что на рядовых граждан закон, в отличие от сотрудников силовых ведомств, не накладывает правовой обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и, как следствие, обязанность по пресечению преступлений и административных правонарушений. Авторы неоднократно обращали внимание на необходимость расширения прав сотрудников силовых ведомств по причинению вреда, от которых зависят порядок на улицах городов и покой граждан, сделав достаточной и понятной их регламентацию в отраслевом, а главное, в уголовном законодательстве.

При реализации своих профессиональных функций по пресечению преступлений и административных правонарушений сотрудники силовых ведомств, а также граждане при выполнении общественного долга наделены правом на необходимую оборону, которое закреплено в ст. 37 УК РФ [10] и «является универсальным правовым средством самозащиты правоохраняемых интересов от противоправных посягательств вне зависимости от их отраслевой принадлежности» [11].

В своих исследованиях ученые-криминалисты⁷ неоднократно обращали внимание на необходимость совершенствования данной нормы. Не вдаваясь в дискуссию об обоснованности и целесообразности внесения указанных изменений, один из авторов данного

⁶ Председатель СК России провел оперативное совещание, на котором заслушал доклады о расследовании резонансных происшествий // Следственный комитет Российской Федерации : [Официальный сайт]. – URL: <https://sledcom.ru/news/item/1862325/?to=25.02.2024&from=19.02.2024&type=main&dates=19.02.2024%20-%2025.02.2024> (дата обращения: 23.02.2024).

⁷ См.: Никуленко А. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 343–357; Смирнов А. М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2019. – С. 14.

исследования считает необходимым отметить, что количество норм уголовного законодательства не всегда переходит в качество, а тем более способствует правильному применению той или иной нормы на практике, в связи с чем основную роль в становлении правоприменительной практики играют судебные разъяснения. Процесс внесения изменений в законодательство весьма сложен и длителен, в то время как постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по различным вопросам толкования и применения уголовно-правовых норм позволяют оперативно устранять пробелы законодательства. Впрочем, зачастую Верховный Суд Российской Федерации берет на себя функции законодателя.

Интересующие нас положения, посвященные применению норм ст. 37 УК РФ о необходимой обороне, содержатся в постановлении Пленума ВС РФ № 19-2012.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, обороняющийся имеет право на «беспредельную необходимую оборону», в рамках которой он вправе причинить посягающему лицу вред здоровью любой степени тяжести, в т. ч. и смерть, при защите от посягательства, представляющего угрозу для жизни.

С одной стороны, может показаться, что данное условие не требует дополнительного разъяснения, ведь опасным для жизни может быть причинение или угроза причинения тяжкого вреда здоровью, а также угроза лишения человека жизни. Простое сопоставление вреда, причиненного посягающим, и вреда, причиняемого обороняющимся, не будет отвечать интересам правосудия, и для того чтобы расширить возможности применения указанных норм, законодатель вводит в статьи уголовного закона, в т. ч. ст. 37 УК РФ, оценочные категории, которые, в свою очередь, и предполагают исследование в процессе предварительного расследования всех обстоятельств защиты и нападения при разрешении вопроса о правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны [12].

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [13; 14].

Но причинение обороняющимся лицом тяжкого вреда здоровью или смерти посягающему лицу будет признано правомерным только в случае реальности осуществления таких угроз. Во всяком случае, вопрос об эксцессе обороны необходимо ставить исключительно в случаях причинения посягающему лицу тяжкого вреда здоровью либо смерти.

Следует констатировать, что судебная практика изобилует фактами бытового насилия, которые, в настоящее время переведены в разряд административных правонарушений [15], и когда одна сторона, страдая от постоянного унижения, оскорблений, побоев, теряет терпение и дает отпор агрессору, зачастую именно она и оказывается на скамье подсудимых, причем даже не за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, а на общих основаниях за причинение вреда здоровью либо смерти.

Так, приговором Белгородского районного суда Белгородской области от 26 декабря 2017 г. по делу № 1-190/2017 С. А. Жукова «осуждена по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, ей назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Обстоятельства преступления банальны: муж (Жуков А. А.) и жена (Жукова С. А.) вместе распивали спиртное у себя в квартире. На фоне внезапно возникшего чувства ревности Жуков А. А., применяя насилие, умышленно толкнул Жукову С. А. на диван, после чего, схватив её руками за шею, стал душить, причинив ей тем самым ссадину на левой передне-боковой поверхности шеи, а также нанес Жуковой С. А. не менее трех ударов ладонью по голове, причинив ей тем самым физическую боль. В свою очередь Жукова С. А., взяв со стола нож хозяйственно-бытового назначения, потребовала от Жукова А. А. прекратить противоправные действия, высказав намерения в противном случае причинить ему телесные повреждения при помощи находящегося у нее в руках ножа. При этом Жуков А. А., не реагируя на требования Жуковой С. А. прекратить свои противоправные действия, попытался рукой выбить нож из рук Жуковой С. А., однако последняя, испытывая личную неприязнь к Жукову А. А., держа в руке нож хозяйственно-бытового назначения и используя его в качестве оружия, с целью причинения телесных повреждений умышленно нанесла ножом один удар в область груди, причинив ему тем самым рану передней поверхности грудной клетки справа, проникающую в правую плевральную полость, тотальный пневмоторакс справа, причинившую тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни»⁸.

⁸ Приговор № 1-190/2017 от 26 декабря 2017 г. по делу № 1-190/2017 // Белгородский районный суд Белгородской области : [Официальный сайт]. – URL: <http://belgorodsky.blg.sudrf.ru> (дата обращения: 21.01.2024).

Анализ обстоятельств данного уголовного дела показывает, что подсудимая частично признала свою вину, ссылаясь на то, что не имела умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, но суд даже не рассмотрел вопрос о возможном причинении вреда подсудимой в состоянии необходимой обороны, что, по мнению авторов, привело к необоснованному осуждению С. А. Жуковой.

В части 2 ст. 37 УК РФ закреплено право на причинение вреда в состоянии необходимой обороны при пресечении посягательств, не сопряженных с применением насилия, опасного для жизни обороняющегося лица. Отличие ч. 2 ст. 37 УК РФ от ч. 1 ст. 37 УК РФ заключается в том, что оборона от такого посягательства имеет свои пределы, и превышение данного предела подразумевает риск наступления ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью или смерти при превышении пределов необходимой обороны [16].

В. В. Орехов считал, что ответственность за превышение пределов необходимой обороны может наступать и при причинении иного вреда посягающему лицу, а не только тяжкого или смерти⁹. Считаем, что нельзя согласиться с указанной позицией, поскольку даже причинение тяжкого вреда здоровью при пресечении общественно опасного посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, не может прямо свидетельствовать об эксцессе обороны. Для того чтобы сделать такой вывод, необходимо, как уже отмечалось выше, изучить все обстоятельства, характеризующие посягательство и меры защиты от него. Впрочем, анализ правоприменительной практики показывает многочисленные случаи возбуждения уголовных дел в случаях причинения здоровью посягающего лица вреда средней тяжести или даже легкого вреда.

Примечателен следующий пример из личной практики одного из авторов. Являясь помощником прокурора г. Великого Новгорода, он получил на изучение уголовное дело с обвинительным актом в отношении гражданина, который сломал челюсть в баре своему оппоненту. Дело было возбуждено по ч. 1 ст. 112 УК РФ. В ходе изучения обстоятельств дела, исходя из показаний обвиняемого и свидетелей, было установлено, что обвиняемый до последнего старался избежать драки с потерпевшим, применяя пассивную защиту и уходя от ударов, предупреждая потерпевшего, что в случае продолжения противоправного поведения применит также физическую силу. Но потерпевший не внял требованиям обвиняемого и продолжил попытки нанесения ударов. В итоге обвиняемый ударом в челюсть отправил в нокаут потерпевшего и удалился с места происшествия. Возвращая дело для производства дополнительного дознания и решения вопроса о прекращении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления, помощник прокурора поинтересовался у дознавателя, какими доводами руководствовался последний, направляя уголовное дело с обвинительным актом прокурору города? Ответ дознавателя поразил: «Обвиняемый мог покинуть место происшествия, но этого не сделал, поэтому он виновен». Такая точка зрения противоречит сущности необходимой обороны.

К сожалению, в дальнейшем ввиду обвинительного уклона нашей правоприменительной системы [17] указанное уголовное дело было прекращено в связи с примирением сторон на досудебной стадии (дабы не портить правовую статистику), а не по основанию отсутствия в деянии состава преступления вследствие причинения вреда потерпевшему в состоянии необходимой обороны. Данный факт говорит о многом: в частности, в сознании правоприменителя прочно обосновался обвинительный уклон предварительного расследования, не позволяющий прекратить уголовное дело по отсутствующему пока в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹⁰ основанию – вследствие наличия в деянии обстоятельств, исключающих преступность деяния [18, с. 114–115]. К тому же среди правоохранителей укоренилось мнение о том, что если обороняющийся не покинул место происшествия, а решил дать отпор хулигану, то в действиях такого лица содержится состав преступления и отсутствует необходимая оборона¹¹.

Полагаем, что в случаях, если умысел нападающего не ясен, но он пытается применить насилие в отношении обороняющегося лица, вопрос о привлечении к ответственности последнего должен ставиться исключительно в случаях причинения нападавшему тяжкого вреда здоровью или смерти, а уголовное дело возбуждаться и расследоваться

⁹ Арзамасцев М. В., Бойцов А. И., Бурлаков В. Н., Вешняков Д. Ю. [и др.]. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. – С. 310–324.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

¹¹ Попов А. Н. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – С. 11.

по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 108 и 114 УК РФ, а никак не по общим нормам ст. 105 и 111 УК РФ.

Анализ правоприменительной практики показывает, что для правоприменителя особую трудность представляет установление характера угрозы применения насилия. Многие ученые-криминалисты неоднократно высказывали предложения о переходе к так называемой перечневой системе благ, правомерно защищать которые дозволяется любым способом, и мы с данным мнением полностью солидарны. Её суть состоит в том, чтобы на законодательном уровне был установлен перечень защищаемых благ и максимально допустимый предел причиняемого вреда, который возможен при защите данных благ [19; 20]. Это позволит применять норму о необходимой обороне хотя бы в очевидных случаях подобных посягательств.

Стоит также упомянуть позицию Верховного Суда Российской Федерации в вопросе о защите жилища. Так, если в жилище врываются с оружием в руках, то вопросов о пределах причинения вреда возникать не должно, хотя правоприменительная практика здесь также неоднозначна. Так, «вечером 7 апреля 2012 года четверо вооруженных преступников ворвались в дом 52-летнего предпринимателя, проживающего в поселке Октябрьский Богородицкого района Тульской области. В момент нападения в доме находились восемь человек: он сам, его супруга, дочь, невестка и четверо детей – внуков мужчины: 6-летняя девочка, два 3-летних мальчика и полугодовалый младенец. Преступники согнали всю семью в одну комнату, стали избивать женщин и требовать деньги, золото и украшения. Грабители были вооружены более чем основательно: у одного была бита, у второго – нож, у другого – пистолет. Последний, требуя материальные ценности, приставил пистолет к голове 7-месячного внука хозяина дома. Возможно, это стало последней каплей: предприниматель вырвался на кухню, схватил нож и зарезал троих нападавших, четвертый с места происшествия скрылся. Уголовное дело возбуждено по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ или убийство двух и более лиц, – сообщила пресс-служба СУ СКР по Тульской области. При этом руководитель Следственного управления Татьяна Сергеева отметила, что до проведения ситуационной экспертизы, которая восстановит ход событий вечера 7 апреля и роль каждого из участников, рано квалифицировать действия предпринимателя. Варианты квалификации могут быть различны: убийство в состоянии аффекта, действия в пределах необходимой обороны, превышение необходимой обороны и умышленное убийство. Характер ножевых ранений, от которых скончались трое нападавших, а это были удары кухонным ножом в спину, позволяют сомневаться в действиях в рамках самообороны»¹².

В дальнейшем, только благодаря широкой огласке в СМИ и последующему вмешательству Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина данное уголовное дело было прекращено ввиду отсутствия состава преступления по признакам причинения вреда в состоянии правомерной необходимой обороны.

В другом деле житель Кохмы, на дом которого произошло нападение, «в феврале 2024 года приговором Ивановского суда по делу № 1-265/2022 оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны)»¹³. Суд установил, «что к дому жителя Кохмы пришла группа выходцев из Средней Азии в составе не менее 25 человек, вооруженная битами, отрезками арматуры, камнями, гражданским огнестрельным оружием. Глава семьи и один из родственников попытались решить дело миром, но выходцы из Средней Азии были настроены воинственно. Хозяина дома ранили из травматического оружия в живот, родственника избили так, что тот потерял сознание. Пришлось вернуться в дом ни с чем. Тем временем выходцы из Средней Азии забросали камнями припаркованные у забора машины, территорию двора и стали цепляться за край забора, пытаясь перелезть, то есть фактически пошли на штурм дома. У хозяина дома был охотничий карабин «Сайга». Выстрелы в воздух нападавших не вразумили. Остановить атаку удалось только выстрелами на поражение»¹⁴. Судебное следствие по данному уголовному делу длилось целых два года. Стоит отметить,

¹² У тульских следователей появились сомнения и вопросы по делу Тегам Саркисяна // КП–ТУЛА : сетевое издание : [сайт]. – URL: <https://www.tula.kp.ru/daily/25871.4/2836002/> (дата обращения: 23.01.2024).

¹³ Приговор № 1-6/2024 от 12 февраля 2024 г. по делу № 1-6/2024 (1-42/2023; 1-265/2022) // Ивановский районный суд Ивановской области : [Официальный сайт]. – URL: https://ivanovsky-iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_or=case&case_id=129362897&case_uid=b4e7b9ca-f2ff-4648-958b-5368471129aa&delo_id=1540006 (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁴ Там же.

что хозяину дома еще повезло, что на стадии предварительного расследования его действия были квалифицированы как убийство и причинение тяжкого вреда при превышении пределов необходимой обороны, а не как убийство или покушение на убийство двух или более лиц.

Кроме того, согласно данным Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр» МВД России, в 2023 году почти каждая седьмая кража, каждый двадцать седьмой грабёж и почти каждое седьмое разбойное нападение были связаны с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. За прошлый год зарегистрировано 20,5 тысячи квартирных краж. Вышеприведенные примеры показывают, что зачастую при незаконном проникновении в жилище опасности подвергаются жизни проживающих в нем людей¹⁵.

Таким образом, понятно, что необходимость внесения изменений в ст. 37 УК РФ в части закрепления права на защиту жилища в рамках необходимой обороны назрела. При этом анализ законодательных инициатив в части внесения изменений в ст. 37 УК РФ показывает, что попытки внести изменения в указанную выше норму уголовного закона, законодательно закрепив за гражданами право на причинение любого вреда против незаконного проникновения в жилище, начинаются с 2013 года, но до настоящего времени, все они оставались тщетными.

Так, в 2013 году депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. В. Лебедевым и Я. Е. Ниловым был внесен проект федерального закона № 265537-6 «О внесении изменения в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁶, в 2014 году был подготовлен законопроект федерального закона № 484589-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при защите собственности»¹⁷ членами Совета Федерации Е. Г. Тарло, Н. В. Косаревым, Е. В. Петелиным, Ю. В. Шамковым и депутатом Государственной Думы С. В. Калашниковым, в 2016 году членом Совета Федерации А. В. Беляковым был внесен проект федерального закона № 1106899-6 «О внесении изменений в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁸, в 2022 году депутаты Государственной Думы Я. Е. Нилов, Д. А. Свищев, А. Н. Диденко, Б. Р. Пайкин, С. Д. Леонов, сенаторы Российской Федерации И. Н. Абрамов, В. Е. Деньгин, Е. В. Афанасьева внесли проект федерального закона № 122117-8 «О внесении изменений в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹⁹. Все указанные выше законопроекты впоследствии были отклонены.

Вместе с тем, в мае 2022 года в постановление Пленума ВС РФ № 19-2012 были внесены изменения, которые закрепили право на необходимую оборону при защите жилища. Однако возможна такая оборона только в случаях пресечения проникновения в жилище, не сопряженного с применением насилия, опасного для жизни [21]. Представляется, что при пресечении такого посягательства необходимо соблюдать пределы правомерного причинения вреда.

Впрочем, это лишь отчасти решает имеющуюся проблему, т. к. при решении вопроса о внесении изменений в постановление Пленума ВС РФ № 19-2012, по мнению авторов, не были учтены способы возможного проникновения, о которых говорилось выше и которые также выделяют ряд ученых.

В. В. Меркурьев, А. В. Новиков, И. А. Тараканов, Д. Н. Слабкая в своем исследовании приходят к выводу, «что ситуации совершения посягательства, затрагивающего неприкосновенность жилища, могут быть условно классифицированы как минимум на три группы: 1) нападающий совершает открытое незаконное проникновение в жилище обороняющегося,

¹⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [Официальный сайт]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁶ О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (О расширении пределов необходимой обороны) : законопроект от 23 апреля 2013 г. № 265537-6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (далее – СОЗД ГАС «Законотворчество») : [Официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/265537-6> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при защите собственности : законопроект от 29 марта 2013 г. № 484589-6 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [Официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/484589-6> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁸ О внесении изменений в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации : законопроект от 23 июня 2016 г. № 1106899-6 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [Официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1106899-6> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁹ О внесении изменения в статью 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения пределов необходимой обороны) : законопроект от 12 мая 2022 г. № 122117-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [Официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/122117-8> (дата обращения: 11.04.2024).

в том числе и с разрушением или повреждением дверей, окон, стен, запорных устройств; 2) посягающий совершает тайное незаконное проникновение в жилище, где происходит обнаружение его обороняющимся; 3) посягающий проникает в жилище обороняющегося с разрешения последнего, однако в дальнейшем отказывается покидать его и готов применить насилие, чтобы остаться» [22].

Право на «беспредельную оборону», как полагают авторы, может возникать безусловно в первом случае, во втором случае лицо, проникающее в жилище, не желает быть обнаруженным, однако умысел такого лица является неопределенным до последнего момента, поэтому от интенсивности противоправного поведения такого лица будут зависеть и пределы правомерного причинения вреда. При этом если хозяин дома не сможет оценить характер и степень общественной опасности такого посягательства в силу состояния страха, испуга, замешательства в момент нападения, то любой причиненный посягающему лицу вред должен признаваться правомерным. В третьем – пределы правомерного причинения вреда зависят от интенсивности совершаемых противоправных действий лица, которое отказывается покидать жилище.

Соглашаясь с мнением ученых, смеем заметить, что имеется и четвертая ситуация совершения посягательства, затрагивающего неприкосновенность одного из видов жилых помещений – частного домовладения [23, с. 93–121], когда посягательство начинается с незаконного проникновения на придомовую территорию частного домовладения, которая совместно с жилыми помещениями представляет собой единый имущественный комплекс в пределах огороженной территории. Считаем, что право на необходимую оборону должно также в таких случаях распространяться и на придомовую территорию частного домовладения.

Вместе с тем отметим, что дать однозначный ответ, при каких обстоятельствах в указанных выше ситуациях будет иметь место превышение пределов необходимой обороны, а при каких нет – невозможно, потому что решение вопроса о наличии или отсутствии признаков эксцесса обороны – это всегда вопрос факта, и, как авторами уже было отмечено выше, при решении данного вопроса органы следствия (дознания), прокуратуры и суда должны установить все обстоятельства по делу, относящиеся как к посягательству, так и к защите, и дать им правовую оценку.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что институт необходимой обороны обладает колоссальным потенциалом, в рамках которого и рядовые граждане и сотрудники силовых ведомств имеют право на причинение правомерного вреда не только при защите личных имущественных и неимущественных прав, но и при защите интересов других лиц, общества и государства. Однако, несмотря на столь широкие права, «обычные» граждане, а также сотрудники силовых ведомств стараются избегать противоборства с нарушителем, т. к. велика вероятность того, что после реализации своего гражданского долга либо исполнения служебных обязанностей по защите самих себя, других лиц, интересов общества и государства от противоправных посягательств они могут оказаться на скамье подсудимых. Как показывает анализ правоприменительной практики, вместо правильной оценки законности действий как граждан, так и сотрудников силовых ведомств, наблюдается тенденция по их привлечению к ответственности не по привилегированным составам преступлений, предусматривающим ответственность за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, а на общих основаниях, что негативно сказывается на правовой защищенности лиц, решивших дать отпор правонарушителю.

В настоящем исследовании рассмотрены проблемные вопросы, которые возникают в деятельности правоприменителей при оценке действий обороняющегося лица, в связи с чем, по мнению авторов, необходимо совершенствовать практику применения нормы о необходимой обороне, в т. ч. путем толкования ее применения высшей судебной инстанцией. Но, несмотря на это, единственные изменения в постановление Пленума ВС РФ № 19-2012 были внесены спустя практически десять лет с момента его принятия – в мае 2022 года. Безусловно, данные изменения касаются наиболее острого вопроса, связанного с распространением права необходимой обороны на случаи защиты жилища, но почему бы не поступить аналогично и не внести изменения в вышеуказанное постановление, закрепив «перечневую» систему благ, при защите которых возможна так называемая «беспредельная оборона», что позволит применять норму о необходимой обороне хотя бы в очевидных случаях таковых посягательств?

Вместе с тем, несмотря на положительный эффект от внесенных в постановление Пленума ВС РФ № 19-2012 в части распространения права необходимой обороны на случаи

защиты жилища, отметим, что и данные изменения требуют доработки с учетом не только обозначенных в настоящем исследовании проблем, но и мнений и предложений иных представителей научного сообщества, изучающих вышеозначенную проблематику.

Список литературы

1. Вестов Ф. А., Якубжонов Ж. М. Отдельные аспекты установления признаков необходимой обороны или ее превышения / Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза : материалы IX Международной научно-практической конференции, 7 октября 2022 г. – Саратов: Саратовский источник, 2023. – С. 49–53.
2. Гончаров Н. Н., Егоров В. Н., Баринов В. А. Инновационная самозащита без оружия как эффективная альтернатива боевым приемам борьбы // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2023. – № 12. – С. 10–16; <https://doi.org/10.24412/2305-8404-2023-12-10-16>.
3. Черкесов Р. М., Кушихов Х. Л. Необходимая оборона в деятельности сотрудника полиции // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 2. – С. 150–153; https://doi.org/10.47576/2712-7516_2023_2_150.
4. Бикмашев В. А., Савенко И. А. Правовые основы применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 3 (61). – С. 16–23.
5. Бурчикускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. – 2023. – № 3 (63). – С. 39–47.
6. Краснов А. А. К вопросу о совершенствовании нормативных предписаний уголовного закона о необходимой обороне, применяемой сотрудниками правоохранительных органов // Современный ученый. – 2023. – № 1. – С. 313–318.
7. Майорова Е. И., Яковлева Л. В. Квалификация действий сотрудников органов внутренних дел при превышении пределов необходимой обороны, крайней необходимости, а также мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление / Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы : материалы XXV Международной научно-практической конференции, 21–22 мая 2021 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – С. 168–173.
8. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Имеются ли пределы допустимого причинения вреда в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 4–12.
9. Никуленко А. В. Перспективы уголовной политики в сфере правовой регламентации необходимой обороны // Искусство правоуведения. – 2023. – № 2 (6). – С. 60–66.
10. Николаева Т. В. К вопросу об уголовно-правовой регламентации условий правомерности необходимой обороны / Актуальные проблемы современных общественных наук в условиях социально-политических и экономических трансформаций : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных, 15–30 августа 2022 г. / отв. ред. А. М. Шаяхметов. – Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2022. – С. 287–292.
11. Шаранов Р. Д. основание необходимой обороны // Правда и Закон. – 2021. – № 4 (18). – С. 22–29.
12. Хоменко А. Н. К вопросу об установлении состояния необходимой обороны / Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления : материалы V Международной научно-практической конференции, 14–18 марта 2022 г. – Омск: Издательство Омского государственного технического университета, 2022. – С. 155–162.
13. Тараканов И. А. Необходимая оборона: специфика определения момента возникновения права на причинение вреда посягающему лицу / Неделя российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя : сборник научных трудов, 1–8 февраля 2023 г. : [Электронный ресурс]. – Рязань: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2023. – С. 450–454.
14. Донская О. Г., Москалева Е. Н., Розатос М. М. Анализ рекомендаций Верховного Суда РФ по применению института необходимой обороны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 1. – С. 334–339.
15. Гарбатович Д. А. Проблемы квалификации необходимой обороны // Администратор суда. – 2023. – № 2. – С. 22–25.

16. Малкин В. Р. Пределы необходимой обороны. Законодательная регламентация и правоприменительная практика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2023. – № 2 (95). – С. 135–143.
17. Гармышев Я. В., Ишигеев В. С. Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 3 (41). – С. 17–25; <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.17-25>.
18. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов : монография. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2023. – 480 с.
19. Пархоменко С. В., Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 6. – С. 992–1001; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).992-1001](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).992-1001).
20. Побегайло Э. О пределах необходимой обороны // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 69–74.
21. Вишнякова Н. В., Кузнецов А. А. Необходимая оборона от посягательства, связанного с незаконным проникновением в жилище // Закон и право. – 2023. – № 8. – С. 199–203; https://doi.org/10.56539/20733313_2023_8_199.
22. Меркурьев В. В., Новиков А. В., Тараканов И. А., Слабкая Д. Н. Защита от общественно опасных посягательств, сопряженных с нарушением неприкосновенности жилища: особенности правовой оценки условий необходимой обороны // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 2А. – С. 370–382; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.46.83.052>.
23. Лукки Е. В., Шульга А. В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 176 с.

References

1. Vestov F. A., Yakubzhonov Zh. M. Otdel'nyye aspekty ustanovleniya priznakov neobkhodimoy oborony ili yeye prevysheniya / Transformatsiya pravovykh institutov i metodov obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya i ekologicheskoy bezopasnosti v Rossii, stranakh SNG i Yevropeyskogo soyuza : materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 7 oktyabrya 2022 g. – Saratov: Saratovskiy istochnik, 2023. – S. 49–53.
2. Goncharov N. N., Yegorov V. N., Barinov V. A. Innovatsionnaya samozashchita bez oruzhiya kak effektivnaya al'ternativa boyevym priyemam bor'by // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. – 2023. – № 12. – S. 10–16; <https://doi.org/10.24412/2305-8404-2023-12-10-16>.
3. Cherkesov R. M., Kushkhov Kh. L. Neobkhodimaya oborona v deyatel'nosti sotrudnika politzii // Zhurnal prikladnykh issledovaniy. – 2023. – № 2. – S. 150–153; https://doi.org/10.47576/2712-7516_2023_2_150.
4. Bikmashev V. A., Savenko I. A. Pravovyye osnovy primeneniya fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv, ognestrel'nogo oruzhiya voyennosluzhashchimi (sotrudnikami) voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 3 (61). – S. 16–23.
5. Burchikauskas V. A. Poryadok, usloviya i osnovaniya primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami politzii: problemy pravovogo regulirovaniya i ugovolno-pravovoy otsenki posledstviy yego primeneniya // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2023. – № 3 (63). – S. 39–47.
6. Krasnov A. A. K voprosu o sovershenstvovanii normativnykh predpisaniy ugovolnogo zakona o neobkhodimoy oborone, primenyayemoy sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Sovremennyy uchenyy. – 2023. – № 1. – S. 313–318.
7. Mayorova Ye. I., Yakovleva L. V. Kvalifikatsiya deystviy sotrudnikov organov vnutrennikh del pri prevyshenii predelov neobkhodimoy oborony, krayney neobkhodimosti, a takzhe mer, neobkhodimyykh dlya zaderzhaniya litsa, sovershivshego prestupleniye / Effektivnoye protivodeystviye prestupnosti v usloviyakh globalizatsii: problemy i perspektivy : materialy XXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21–22 maya 2021 g. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 168–173.
8. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Imeyutsya li predely dopustimogo prichineniya vreda v deyatel'nosti sotrudnikov politzii i Rosgvardii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2023. – № 3. – S. 4–12.
9. Nikulenko A. V. Perspektivy ugovolnoy politiki v sfere pravovoy reglamentatsii neobkhodimoy oborony // Iskusstvo pravovedeniya. – 2023. – № 2 (6). – S. 60–66.

10. *Nikolayeva T. V.* K voprosu ob ugolovno-pravovoy reglamentatsii usloviy pravomernosti neobkhodimoy oborony / Aktual'nyye problemy sovremennykh obshchestvennykh nauk v usloviyakh sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh transformatsiy : materialy XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchonykh, 15–30 avgusta 2022 g. / otv. red. A. M. Shayakhmetov. – Ufa: Bashkirskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya pri Glave Respubliki Bashkortostan, 2022. – S. 287–292.

11. *Sharapov R. D.* osnovaniye neobkhodimoy oborony // Pravda i Zakon. – 2021. – № 4 (18). – S. 22–29.

12. *Khomenko A. N.* K voprosu ob ustanovlenii sostoyaniya neobkhodimoy oborony / Yevraziyskaya integratsiya: sovremennyye trendy i perspektivnyye napravleniya : materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 14–18 marta 2022 g. – Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2022. – S. 155–162.

13. *Tarakanov I. A.* Neobkhodimaya oborona: spetsifika opredeleniya momenta vozniknoveniya prava na prichineniye vreda posyagayushchemu litsu / Nedelya rossiyskoy nauki v Ryazanskom filiale Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya : sbornik nauchnykh trudov, 1–8 fevralya 2023 g. : [Elektronnyy resurs]. – Ryazan': Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotya, 2023. – S. 450–454.

14. *Donskaya O. G., Moskaleva Ye. N., Rozatos M. M.* Analiz rekomendatsiy Verkhovnogo Suda RF po primeneniyu instituta neobkhodimoy oborony // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2023. – T. 9 (75), № 1. – S. 334–339.

15. *Garbatovich D. A.* Problemy kvalifikatsii neobkhodimoy oborony // Administrator suda. – 2023. – № 2. – S. 22–25.

16. *Malkin V. R.* Predely neobkhodimoy oborony. Zakonodatelnaya reglamentatsiya i pravoprimenitel'naya praktika // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. – 2023. – № 2 (95). – S. 135–143.

17. *Garmyshev Ya. V., Ishigeyev V. S.* Neobkhodimaya oborona: problemnyye aspekty teorii i praktiki, puti sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Rossii // Sibirskiy ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. – 2023. – № 3 (41). – S. 17–25; <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.17-25>.

18. *Nikulenko A. V., Smirnov M. A.* Institut neobkhodimoy oborony v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov : monografiya. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2023. – 480 s.

19. *Parkhomenko S. V., Milyukov S. F., Nikulenko A. V.* Vektory ugolovnoy politiki v sfere pravovoy reglamentatsii obstoyatel'stv, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13, № 6. – S. 992–1001; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(6\).992-1001](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(6).992-1001).

20. *Pobegaylo E.* O predelakh neobkhodimoy oborony // Ugolovnoye pravo. – 2008. – № 2. – С. 69–74.

21. *Vishnyakova N. V., Kuznetsov A. A.* Neobkhodimaya oborona ot posyagatel'stva, svyazannogo s nezakonnym proniknoveniyem v zhilishche // Zakon i pravo. – 2023. – № 8. – S. 199–203; https://doi.org/10.56539/20733313_2023_8_199.

22. *Merkur'yev V. V., Novikov A. V., Tarakanov I. A., Slabkaya D. N.* Zashchita ot obshchestvenno opasnykh posyagatel'stv, sopryazhennykh s narusheniyem neprikosnovennosti zhilishcha: osobennosti pravovoy otsenki usloviy neobkhodimoy oborony // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 2A. – S. 370–382; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.46.83.052>.

23. *Lukki Ye. V., Shul'ga A. V.* Neobkhodimaya oborona pri posyagatel'stvakh na chlenov sem'i: ugolovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 176 s.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 29.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing August 29, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.2/.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-240-247>

Екатерина Сергеевна Пинягина

адъюнкт
katena111@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1

Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства*

Аннотация: Введение. В статье рассматривается проблема законодательной регламентации, установления и оценки последствий самоуправства. Рассматриваются вопросы определения существенности вреда в качестве признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе анализа судебной практики определены разновидности существенного вреда, причиняемого при совершении самоуправных действий. Отмечается, что существенность вреда выступает необходимым условием квалификации деяния по ст. 330 УК РФ. Цель исследования – охарактеризовать критерии, используемые правоприменителем при определении существенного вреда в составе самоуправства. **Методы.** Автором использованы следующие методы: диалектический метод познания, комплекс общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов (формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, функциональный). **Результаты.** Анализ судебной практики по исследуемой проблеме позволил определить влияние субъективного фактора, обусловленного творческим характером правоприменителя, при определении существенности вреда, причиняемого самоуправными действиями. Сделан вывод, что отсутствие критериев оценки существенности вреда, а также отсутствие конкретизации круга общественных отношений, которым вследствие совершения самоуправства может быть причинен такой вред, влечет неопределенность в формирующейся правоприменительной судебной практике.

Ключевые слова: самоуправство, объективная сторона преступления, существенный вред, имущественный ущерб, физический вред, моральный вред

Для цитирования: Пинягина Е. С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 240–247; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-240-247>.

Original article

Ekaterina S. Pinyagina

Graduate
katena111@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The problem of assessing the materiality of harm as part of arbitrariness*

Abstract: Introduction. The article deals with the issue of legislative regulation, establishment and assessment of the consequences of arbitrariness. The issues of determining the materiality of harm as a feature of the objective side of the offence under Article 330 of the Criminal Code

* Статья заняла I место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2024 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России = The article took first place in the international competition of adjuncts and post-graduates for the best scientific article of 2024, held by the Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice, the varieties of substantial harm caused in the commission of arbitrary actions are determined. It is noted that the materiality of harm is a necessary condition for qualification of a deed under Article 330 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the research is to characterise the criteria used by law enforcers in determining the essential harm as part of arbitrariness. **Methods.** The author used the following methods: dialectical method of cognition, a set of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods (formal-legal, comparative-legal, systemic, functional). **Results.** The analysis of judicial practice on the problem under study allowed to determine the influence of the subjective factor due to the creative nature of the law enforcer in determining the materiality of the harm caused by unlawful actions. It is concluded that the lack of criteria for assessing the materiality of harm, as well as the lack of specification of the range of social relations that may be harmed as a result of arbitrariness, may cause such harm, entails uncertainty in the emerging law enforcement judicial practice.

Keywords: arbitrariness, objective side of the offence, substantial harm, property damage, physical harm, moral harm

For citation: Pinyagina E. S. The problem of assessing the materiality of harm as part of arbitrariness // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 240–247; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-240-247>.

Введение

Вопросы социально-правовой характеристики самоуправства уже длительное время являются предметом коллизии юридической науки и правоприменительной практики.

Уголовный закон под самоуправством понимает «самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред»¹.

Уголовно наказуемое самоуправство должно обладать такими признаками, как общественная опасность, которая в данном случае включает в себя общественно опасные последствия в виде существенного вреда, противоправность, осознанность и носить волевой характер.

Законодатель формулирует состав самоуправства как материальный и включает в качестве обязательного признака объективной стороны данного состава наступление общественно опасных последствий в виде существенного вреда, причиняемого гражданам или организациям. При этом данный признак является оценочным и законодателем не конкретизируется. Как правило, вред в составе самоуправства выражается в виде имущественного ущерба, упущенной выгоды, нарушения работы организации, нарушения каких-либо прав граждан и организаций и т. п. Существенность и наличие вреда вообще определяет суд.

Закрепляя в качестве обязательного признака объективной стороны самоуправства общественно опасные последствия в виде наступления существенного вреда, законодатель обязывает суд при вынесении приговора конкретизировать, чему именно был причинен существенный вред в результате преступного посягательства, а также определить существенность такого вреда.

Однако ни на законодательном уровне, ни в правовой доктрине нет понятия существенного вреда и четких критериев его оценки. Усложняет оценку существенности вреда в составе самоуправства и тот факт, что законодатель не конкретизирует круг общественных отношений, которым такой вред должен быть причинен (в отличие от иных состав преступлений, предусмотренных действующим Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), к примеру, в смежном составе ст. 163 УК РФ «Вымогательство» существенный вред причиняется правам или законным интересам потерпевшего или его близких). Отсутствуют и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в контексте ст. 330 УК РФ.

Обзор литературы

Законодатель, применяя оценочные понятия при описании общественно опасных последствий в составах преступлений, преследует позитивную цель, наделяя гибкостью и делая конкретные правовые нормы универсальными относительно социальной динамики.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

Такой подход вполне оправдан в связи с тем, что нельзя предположить и законодательно закрепить все возможные общественно опасные последствия.

Однако универсальность таких понятий, по мнению Г. С. Шкабина, «...делает неясными рамки преступных и не преступных форм поведения и дает настолько широкую свободу правоприменителям, что они вынуждены в своей практической деятельности подменять волю законодателя и самостоятельно решать вопрос о пределах криминализации деяний» [1, с. 86].

Как уже было отмечено, на законодательном уровне отсутствует понятие существенно-го вреда. Доктрина уголовного права также не дает общепринятого понятия такого вреда. Критерии его оценки не закреплены, однако в некоторых постановлениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что следует учитывать при оценке существенности вреда². Вопрос понятия и оценки существенного вреда до сих пор остается наиболее актуальным в науке уголовного права.

Большинство ученых связывает наступление существенного вреда с материальным ущербом (имущественный вред) [2, с. 44; 3, с. 137], причинением физического [4, с. 124], морального [5, с. 87; 6, с. 155] и организационного вреда [7, с. 14].

В некоторых научных источниках утверждается, что «существенный вред заключается в нарушении конституционных прав и законных интересов граждан и организаций» [8, с. 40].

М. А. Смирнов вкладывает в понятие существенного вреда следующее: «Вред может рассматриваться как нарушение устоев общества и как причинение ущерба конкретному охраняемому благу (общественному отношению). В этой связи содержанием общественной опасности и выступает весь тот вред, который причиняется преступлением, в чем бы этот вред ни состоял» [9, с. 420].

А. В. Крылова считает, что данное понятие «является оценочным и в каждом конкретном случае устанавливается по усмотрению суда с учетом всех обстоятельств уголовного дела» [10, с. 71].

Судебная практика определяет «существенный вред» в первую очередь путем оценки материального ущерба, причиненного преступлением. Перспектива установления других дополнительных критериев существенности такого вреда не является преобладающей и на практике встречается довольно редко [11, с. 94].

Исходит из позиции судебной практики также и научная литература, которая содержит научные данные о том, что «существенный вред в большинстве случаев следует рассматривать как “материальный (имущественный) ущерб”» [12, с. 318]. Однако уточняется, что «при оценке такого вреда также необходимо принимать во внимание как характер, так и размер понесенного материального ущерба» [13, с. 139].

Однако данная позиция верна лишь отчасти, в связи с тем, что «термин “вред” в отличие от термина “ущерб” говорит о том, что последствия преступного деяния могут быть как материального, так и нематериального характера» [14, с. 11].

Методы

Методологическая база настоящего исследования включает в себя всеобщий диалектический метод познания, комплекс общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также ряд специальных методов познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, системный, функциональный).

Результаты и обсуждение

Проведенный нами анализ судебной практики позволил конкретизировать общественные отношения, которым в результате совершения самоуправства причиняется существенный вред. Этот вред в свою очередь может быть выражен в виде имущественного ущерба, физического или же морального вреда.

В каждом конкретном случае самоуправства требуется установить наличие реального вреда общественным и государственным интересам наряду с оценкой его существенности,

² Например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 29.06.2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) : [официальный сайт]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/30188/> (дата обращения: 12.04.2024); Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ред. от 15.12.2022) // ВС РФ : [официальный сайт]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 12.04.2024); Постановление Пленума ВС РФ от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // ВС РФ : [официальный сайт]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/32440/> (дата обращения: 12.04.2024); Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017) // ВС РФ : [официальный сайт]. – URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8251/> (дата обращения: 12.04.2024).

а также установления причинно-следственной связи между конкретными действиями и наступлением в результате таких действий существенного вреда.

Поскольку данный признак является оценочным, он требует обязательного включения в приговор обстоятельств, которые легли в основу вывода о его наличии. Оценочный аспект, являясь обязательным признаком преступления, неизменно выступает слабым звеном правовой позиции обвинения.

При анализе статей Особенной части УК РФ, содержащих в качестве признака объективной стороны наступление общественно опасных последствий в виде существенного вреда, установлено, что в каждом из составов преступлений конкретизируется круг общественных отношений, которым может быть причинен такой вред.

При этом лишь в рассматриваемой нами статье 330 УК РФ круг общественных отношений, которым может быть причинен существенный вред, не конкретизируется.

Анализ судебной практики показывает, например, следующее.

В приговоре мирового судьи Великолукского района Псковской области существенный вред выражен в нарушении прав и законных интересов граждан (нарушение права частной собственности), а также в виде материального ущерба: подсудимый совершил самоуправные действия, правомерность которых оспаривается, причинив своими действиями потерпевшей существенный вред, выразившийся в нарушении права частной собственности, закрепленного ст. 35 Конституции Российской Федерации³, и причинении значительного материального ущерба в силу малообеспеченности потерпевшей, так как она не имеет постоянного дохода⁴.

На нарушение законных прав и интересов указывается в приговоре Красносельского районного суда г. Санкт-Петербурга: причинив своими самовольными умышленными преступными действиями существенный вред в виде причинения физической боли и повлекший нарушение прав и законных интересов потерпевшего, что было оспорено в дальнейшем последним путем обращения в правоохранительные органы с заявлением о совершенном преступлении⁵.

В данном суде также указывается на нарушение гражданских прав при совершении самоуправных действий: подсудимая причинила потерпевшей... существенный вред, удерживая ее имущество на общую сумму ..., лишив её возможности пользоваться средствами связи, т. е. существенно ограничив её возможность использовать свои гражданские права, а также причинив глубокие нравственные страдания примененным насилием. Правомерность действий подсудимой была оспорена потерпевшей путем обращения в правоохранительные органы с заявлением о совершенном преступлении⁶.

Исходя из вышеуказанного и из смысла ч. 1 ст. 330 УК РФ, мы можем заключить, что существенный вред в составе самоуправства причиняется правам и законным интересам граждан и организаций. Такая конкретизация круга общественных отношений, которым причиняется существенный вред, значительно облегчит квалификацию самоуправных действий в части определения такого обязательного признака объективной стороны, как существенный вред.

Однако следует отметить, что не любое нарушение прав и законных интересов будет считаться существенным. Для признания существенности необходимо установить реальный вред, причиненный тому или иному праву / законному интересу. К примеру, если в результате совершения самоуправных действий потерпевшему был причинен незначительный материальный ущерб, нельзя говорить о наличии признака существенности вреда.

Для определения существенности необходимо в каждом случае индивидуально оценивать степень негативного влияния объективных последствий самоуправства, на реализацию гражданами или организациями своих прав и законных интересов. Повторимся, что вред в составе самоуправства может быть выражен как в материальном (имущественный), так и нематериальном виде (физический и моральный вред).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237 (первоначальный текст).

⁴ Приговор от 13.09.2018 г. № 01-0048/2/2018 по делу № 01-0048/2/2018 // Мировая юстиция Псковской области : [сайт]. – URL: <https://mirsud.pskov.ru/courtsst/activity/dectextus/?id=322375> (дата обращения: 23.01.2024).

⁵ Приговор от 24.03.2021 г. № 1-78/2021 по делу № 1-78/2021 // Красносельский районный суд города Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: https://ksl--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=653440749&case_uid=e6b7c143-6aad-4259-ab8b-7d9f8208903a&delo_id=1540006 (дата обращения: 23.01.2024).

⁶ Приговор от 24.02.2021 г. № 1-40/2021 по делу № 1-40/2021 // Красносельский районный суд города Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: https://ksl--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=653437599&case_uid=0a4d118d-c218-4598-8f59-247a2a616d9d&delo_id=1540006 (дата обращения: 25.01.2024).

Важно отметить, что правоприменители относят факт причинения физического вреда к наступлению существенного вреда при квалифицированном самоуправстве, связанном с применением насилия.

Так, в приговоре Кузьминского районного суда г. Москвы отмечено: подсудимые, реализуя свой преступный умысел, направленный на понуждение потерпевшего к возврату денежных средств, самовольно, вопреки установленному законодательством Российской Федерации порядку, в грубой нецензурной форме стали требовать возврата денежных средств, которые ранее передали в долг потерпевшему, после чего один из подсудимых применил в отношении потерпевшего физическое насилие, а также оказывал моральное давление на потерпевшего, ссылаясь на численное превосходство. В указанное время потерпевший, не отрицая долговых обязательств перед подсудимыми, понимая, что данные обязательства подлежат разрешению в установленном законом порядке, а правомерность совершаемых подсудимыми самоуправных действий оспаривается законодательством Российской Федерации, т. к. они являются незаконными и нарушают его конституционные права на достоинство личности, на свободу личности и личную неприкосновенность, реально опасаясь дальнейшего применения к нему физического насилия, воспользовавшись благоприятной обстановкой, написал сообщение своей знакомой, в котором попросил вызвать представителей правоохранительных органов, после чего подсудимые были задержаны сотрудниками полиции, прибывшими на место происшествия. Таким образом, указанными самовольными противоправными действиями подсудимые причинили потерпевшему существенный вред, выразившийся в нарушении его прав, закрепленных Конституцией Российской Федерации, а именно, прав на достоинство личности, свободу личности и личную неприкосновенность, охраняемых государством⁷.

Также не исключается наступление существенного вреда в виде морального вреда при совершении квалифицированного самоуправства с угрозой применения насилия [15, с. 15].

На практике наличие существенного вреда нематериального характера в виде причинения физического или морального вреда достаточно для квалификации самоуправства по ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Из вышеуказанного можем заключить, что при совершении самоуправства существенный вред причиняется правам и законным интересам граждан и организаций и может быть выражен в виде имущественного ущерба, а при квалифицированном самоуправстве в виде причинения физического и морального вреда, учитывая то, что вред материального характера потерпевшему может быть и не причинен.

Изучение материалов уголовных дел по соотношению характера причиненного потерпевшим вреда также позволяет обосновать сделанный нами вывод (таблица 1)⁸.

Таблица 1

Анализ характера причиненного потерпевшим вреда при квалифицированном самоуправстве

Характер вреда	Соотношение, %
Имущественный вред	55,2
Физический вред	29,8
Моральный вред	15

Такое нормативное закрепление пределов существенного вреда в составе самоуправства позволяет четко разграничивать, чему именно причиняется вред и в чем он может быть выражен, что, в свою очередь, является важным для квалификации данного вида деяния. Учет последствий при квалификации преступления закономерно предшествует оценке последствий при персонализации ответственности и назначении наказания соответственно.

⁷ Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 22 января 2024 г. № 1-1388/2023 по делу № 1-1388/2023 // Суды общей юрисдикции города Москвы : [официальный сайт]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/d60a3a90-9416-11ee-80cf-9fb10dead517?uid=77RS0012-02-202302314639&formType=fullForm> (дата обращения: 25.01.2024).

⁸ В ходе исследования проанализированы материалы 180 уголовных дел, рассмотренных мировыми и районными судами в период с 2018 г. по 2023 г. с вынесением обвинительных приговоров по ч. 1 и ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Заключение

Таким образом, в рамках исследования нами проанализированы вопросы определения существенности вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ. В заключение сформулируем ряд обобщений.

1. При совершении самоуправства существенный вред причиняется правам и законным интересам граждан и организаций. Как правило, вред в составе самоуправства выражается в виде имущественного ущерба, упущенной выгоды, нарушении работы организации, нарушении каких-либо прав граждан и организаций и т. п. Существенность и наличие вреда определяет суд.

2. Отнесение факта причинения физического вреда к наступлению существенного вреда при квалифицированном самоуправстве, связанном с применением насилия, поддерживается как правоприменительной практикой, так и доктриной уголовного права. Также не исключается наступление существенного вреда в виде морального вреда при совершении квалифицированного самоуправства с угрозой применения насилия. На практике наличие существенного вреда нематериального характера в виде причинения физического или морального вреда достаточно для квалификации самоуправства по ч. 2 ст. 330 УК РФ с учетом того, что вред материального характера потерпевшему может быть и не причинен.

3. Существенным следует считать не любое нарушение прав и законных интересов. Для признания существенности необходимо установить реальный вред, причиненный тому или иному праву / законному интересу. К примеру, если в результате совершения самоуправных действий потерпевшему был причинен незначительный материальный ущерб, нельзя говорить о наличии признака существенности вреда. Для определения существенности необходимо в каждом случае индивидуально оценивать степень негативного влияния объективных последствий самоуправства на реализацию гражданами или организациями своих прав и законных интересов.

4. Для оценки существенности вреда в составе самоуправства следует:

Во-первых, определить, какое право или законный интерес были нарушены вследствие самоуправного поведения. Данное правило также подчеркивает другой обязательный признак в составе рассматриваемого нами деяния – установленный законом или иным нормативным правовым актом порядок в связи с тем, что указание на нарушенное право / законный интерес (к примеру, нарушено конституционное право частной собственности) указывает также на нарушение установленного Конституцией Российской Федерации порядка реализации такого права.

Во-вторых, установить причинно-следственную связь между нарушением конкретного права / законного интереса и наступлением какого-либо вреда (имущественного, физического или морального, либо же нескольких видов вреда. К примеру, при совершении квалифицированного самоуправства может быть причинен как имущественный, так и физический вред).

В-третьих, определить степень негативного влияния объективных последствий самоуправства на реализацию гражданами или организациями своих прав и законных интересов – т. е. нельзя оценивать существенность, исходя лишь из того, что формально нарушено какое-либо право / законный интерес. Необходимо установить реальный вред, причиненный вследствие совершения уголовно наказуемого самоуправства.

5. Нормативное закрепление пределов существенного вреда в составе самоуправства необходимо в связи с тем, что позволяет четко разграничивать, чему именно причиняется вред и в чем он может быть выражен, что, в свою очередь, является важным для квалификации данного вида деяния. Учет последствий при квалификации преступления закономерно предшествует оценке последствий при персонализации ответственности и назначении наказания соответственно.

Список литературы

1. Шкабин Г. С. Преступный вред: виды и уголовно-правовое значение / Значение уголовного закона для подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих противодействие преступности : сборник научных статей по итогам межвузовского научно-методического семинара, 13 мая 2016 г. / редкол.: Н. Г. Кадников, И. М. Мацкевич. – Москва: Издательский дом «Юриспруденция», 2017. – С. 85–91.

2. Ковальчук А. В. Существенный вред как оценочный признак в Уголовном кодексе Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 10 (187). – С. 42–46.

3. *Овсиенко Д. В.* Причинение существенного вреда как признак злоупотребления должностными полномочиями / *Право и законность: вопросы теории и практики : сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, 12–13 апреля 2019 г.* – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2019. – С. 137–138.
4. *Маслов Е. В.* Интересы службы в коммерческих и иных организациях как объект уголовно-правовой охраны // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2009. – № 5. – С. 122–125.
5. *Скрипченко Н. Ю., Ситников А. В.* Существенный вред как признак должностных преступлений // *Уголовное право.* – 2017. – № 1. – С. 84–89.
6. *Хилюта В. В.* Имущественный ущерб как конструктивный признак существенного вреда в должностных преступлениях // *Эпомен : электронный журнал.* – 2021. – № 61. – С. 145–160. – URL: <http://epomen.ru/issues/2021/61/Epomen-61-2021.pdf>.
7. *Каплин М. Н., Бражник С. Д.* Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями.* – 2015. – № 1. – С. 14–16.
8. *Яни П. С.* Общественно опасные последствия должностных преступлений // *Законность.* – 2014. – № 3 (953). – С. 39–43.
9. *Смирнов А. М.* О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Всероссийский криминологический журнал.* – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 417–423; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).417-423](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).417-423).
10. *Крылова А. В.* Понятие существенного вреда правам и законным интересам граждан и организаций в составе «управленческого» злоупотребления // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право.* – 2014. – № 6. – С. 67–73.
11. *Борсов А. И.* Причинение существенного вреда гражданину или организации, как признак преступного самоуправства // *Пробелы в российском законодательстве.* – 2017. – № 3. – С. 94–95.
12. *Ситников А. В.* Материальный ущерб как разновидность существенного вреда при квалификации злоупотребления должностными полномочиями: проблемы оценки / *Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, 3 ноября 2016 г.* / отв. ред. Е. Н. Рахманова. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2016. – С. 315–320.
13. *Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения: монография / отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2014. – 373 с.
14. *Дерюгина Т. В.* Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» // *Правовая парадигма.* – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 9–15; <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.2>.
15. *Кравцова М. А.* Комплексные экспертные исследования в установлении морально-го вреда, причиненного преступлением // *Актуальные проблемы науки XXI века.* – 2014. – № 3. – С. 14–19.

References

1. *Shkabina G. S.* Prestupnyy vred: vidy i ugovolno-pravovoye znachenije / *Znachenije ugovolnogo zakona dlya podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del, osushchestvlyayushchikh protivodeystviye prestupnosti : sbornik nauchnykh statey po itogam mezhvuzovskogo nauchno-metodicheskogo seminar, 13 maya 2016 g.* / redkol.: N. G. Kadnikov, I. M. Matskevich. – Moskva: Izdatel'skiy dom «Yurisprudentsiya», 2017. – S. 85–91.
2. *Koval'chuk A. V.* Sushchestvennyy vred kak otsenochnyy priznak v Ugolovnom kodekse Respubliki Belarus' // *Yustitsiya Belarusi.* – 2017. – № 10 (187). – S. 42–46.
3. *Ovsiyenko D. V.* Prichineniye sushchestvennogo vreda kak priznak zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami / *Pravo i zakonnost': voprosy teorii i praktiki : sbornik materialov IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 12–13 aprelya 2019 g.* – Abakan: Khakasskiy gosudarstvennyy universitet im. N. F. Katanova, 2019. – S. 137–138.
4. *Maslov Ye. V.* Interesy sluzhby v kommercheskikh i inykh organizatsiyakh kak ob'yekt ugovolno-pravovoy okhrany // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2009. – № 5. – S. 122–125.
5. *Skripchenko N. Yu., Sitnikov A. V.* Sushchestvennyy vred kak priznak dolzhnostnykh prestupleniy // *Ugolovnoye pravo.* – 2017. – № 1. – S. 84–89.

6. *Khilyuta V. V.* Imushchestvennyy ushcherb kak konstruktivnyy priznak sushchestvennogo vreda v dolzhnostnykh prestupleniyakh // *Epomen : elektronnyy zhurnal*. – 2021. – № 61. – S. 145–160. – URL: <http://epomen.ru/issues/2021/61/Epomen-61-2021.pdf>.

7. *Kaplin M. N., Brazhnik S. D.* Sushchestvennyy vred kak priznak prevysheniya dolzhnostnykh polnomochiy (st. 286 UK RF) // *Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami*. – 2015. – № 1. – S. 14–16.

8. *Yani P. S.* Obshchestvenno opasnyye posledstviya dolzhnostnykh prestupleniy // *Zakonnost'*. – 2014. – № 3 (953). – S. 39–43.

9. *Smirnov A. M.* O definitsii ponyatiya «prestupleniye» v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. – 2018. – Т. 12, № 3. – S. 417–423; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(3\).417-423](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(3).417-423).

10. *Krylova A. V.* Ponyatiye sushchestvennogo vreda pravam i zakonnyim interesam grazhdan i organizatsiy v sostave «upravlencheskogo» zloupotrebleniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. – 2014. – № 6. – S. 67–73.

11. *Borsov A. I.* Prichineniye sushchestvennogo vreda grazhdaninu ili organizatsii, kak priznak prestupnogo samoupravstva // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. – 2017. – № 3. – S. 94–95.

12. *Sitnikov A. V.* Material'nyy ushcherb kak raznovidnost' sushchestvennogo vreda pri kvalifikatsii zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami: problemy otsenki / *Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : sbornik statey po materialam IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 3 noyabrya 2016 g.* / *otv. red. Ye. N. Rakhmanova*. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom «Petropolis», 2016. – S. 315–320.

13. *Gracheva Yu. V.* Sudeyskoye usmotreniye v realizatsii ugolovno-pravovykh norm: problemy i puti ikh resheniya : monografiya / *otv. red. A. I. Chuchayev*. – Moskva: Prospekt, 2014. – 373 s.

14. *Deryugina T. V.* Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy tolkovaniya i primeneniya kategoriy «ubytki», «vred», «ushcherb» // *Pravovaya paradigma*. – 2018. – Т. 17, № 1. – S. 9–15; <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.2>.

15. *Kravtsova M. A.* Kompleksnyye ekspertnyye issledovaniya v ustanovlenii moral'nogo vreda, prichinnogo prestupleniyem // *Aktual'nyye problemy nauki XXI veka*. – 2014. – № 3. – S. 14–19.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 17, 2024; approved after reviewing July 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-248-256>

Елена Игоревна Фойгель

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-3892-8173>, FojgelEI@bgu.ru

Байкальский государственный университет

Российская Федерация, 664025, Иркутск, ул. Ленина, д. 11

О некоторых аспектах выявления и расследования преступлений, совершенных в отношении половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних

Аннотация: Введение. Статья посвящена некоторым проблемным вопросам, возникающим в практике расследования преступлений, совершенных против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, развратные действия). Дана криминалистическая характеристика преступлений, уделено особое внимание характеристике преступника и потерпевшего, способам совершения преступлений, механизму образования следов. Выявлены типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе, раскрыты особенности возбуждения уголовного дела и организации расследования, проанализировано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. **Методы.** Методологическую основу составила система используемых методов научного исследования, базируемая на всеобщем диалектическом методе, применение которого обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в изучении личности преступника и потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних и совокупности ее свойств и качеств как целостного объекта. Кроме этого, при изучении механизма преступления и поисково-познавательной деятельности следователя использовались исторические, формально-логические, статистические, социологические, сравнительно-правовые, метод моделирования. **Результаты.** Выявлены наиболее проблемные аспекты получения криминалистически значимой информации в результате вербальных следственных действий, разработаны рекомендации по преодолению возможного противодействия со стороны подозреваемых обвиняемых, а также законных представителей потерпевшего; проанализированы правовые позиции органов судебной власти и правоприменительной практики; сформированы алгоритмы действий следователя в выявленных проблемных ситуациях. Обоснованы положения о том, что несовершеннолетний как субъект уголовного судопроизводства обладает рядом характеристик демографического, социально-ролевого и нравственно-психологического характера, которые обуславливают особенности восприятия, запоминания, анализа и воспроизведения криминалистически значимой информации о совершенном в отношении них деянии. Аргументирован вывод о том, что особое внимание следует уделять тактике допроса потерпевших, который ограничен действующими уголовно-процессуальными требованиями и отличается краткосрочностью, одновременностью, составом участников. Важное значение результатов данного следственного действия обосновано превалярованием в доказательственной базе по данной категории преступлений именно результатов допросов, поскольку в силу отсроченности события преступления от начала расследования, поиск иных следов, а также производство экспериментальных и поисковых следственных действий значительно затруднено.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, особенности расследования, допрос несовершеннолетних, изнасилования, половые преступления, методика расследования

Для цитирования: Фойгель Е. И. О некоторых аспектах выявления и расследования преступлений, совершенных в отношении половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 248–256; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-248-256>.

Original article

Elena I. Foigel

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3892-8173>, FojgelEI@bgu.ru

Baikal State University

11, Lenina str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

On some aspects of detection and investigation of crimes committed against the sexual freedom and inviolability of minors

Abstract: Introduction. The article is devoted to some problematic issues that arise in the practice of investigating crimes committed against sexual freedom and inviolability of minors (rape, sexual violence, lewd acts, sexual intercourse and other acts of sexual nature with a person under the age of sixteen). The criminalistic characteristics of crimes are given, special attention is paid to the characteristics of the offender and the victim, the methods of committing crimes, the mechanism of trace formation. Typical investigative situations that develop at the initial stage are revealed, the specifics of initiating a criminal case and organising an investigation are revealed, criminal and criminal procedure legislation is analysed. **Methods.** The methodological basis was the system of scientific research methods used, based on the universal dialectical method, the use of which determines the choice of systemic, activity-based, functional and interdisciplinary approaches in the study of the personality of the offender and the victim in cases of crimes against sexual freedom and inviolability of minors and the totality of its properties and qualities as an integral object. In addition, when studying the mechanism of crime and the investigator's search and cognitive activity, historical, formal-logical, statistical, sociological, comparative-legal, and modeling methods were used. **Results.** The most problematic aspects of obtaining significant criminalistic information as a result of verbal investigative actions have been identified, recommendations have been developed to overcome possible opposition from suspected defendants, as well as legal representatives of the victim; the legal positions of judicial authorities and law enforcement practice have been analysed; algorithms for the investigator's actions in identified problematic situations have been formed. The provisions are substantiated that a minor as a subject of criminal proceedings has a number of characteristics of a demographic, socio-role and moral-psychological nature, which determine the peculiarities of perception, memorisation, analysis and reproduction of significant criminalistic information about the act committed against them. The conclusion is reasoned that special attention should be paid to the tactics of interrogation of victims, which is limited by the current criminal procedural requirements and is characterised by short-termism, one-time nature, and the list of participants. The importance of the results of this investigative action is justified by the prevalence of the results of interrogations in the evidence base for this category of crimes, because due to the postponement of the crime from the beginning of the investigation, the search for other traces, as well as the production of experimental and search investigative actions is significantly complicated.

Keywords: crimes against sexual freedom and inviolability of minors, investigation features, interrogation of minors, rape, sexual crimes, investigation methodology

For citation: Foigel E. I. On some aspects of detection and investigation of crimes committed against the sexual freedom and inviolability of minors // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 248–256; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-248-256>.

Введение

Расследование преступлений против половой свободы и неприкосновенности, совершенных в отношении несовершеннолетних, имеет свои особенности, обусловленные тактическими, процессуальными и организационными факторами. Анализ криминогенной ситуации показывает, что среди преступлений данного вида, в настоящее время в достаточной мере представлены не только преступные деяния, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 131, 132, 134 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), но и ст. 135, особенно с использованием сети «Интернет», иных информационно-телекоммуникационных сетей. Растущую распространённость данного способа подтверждают и научные исследования [1, с. 30], и результаты изучения практических материалов. По справедливому замечанию ученых, киберпеступность в настоящее время является закономерным продуктом современного общества [2]: по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2023 год, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось на 21 %. По оценкам ученых, таким образом совершается каждое третье преступление [3, с. 86].

Анализ криминалистической характеристики преступлений данного вида позволяет констатировать, что высокой информационной значимостью обладают такие элементы, как характеристика преступника и потерпевшего, а также способы совершения преступления и противодействия расследованию.

Методы

Методологическую основу составила система используемых методов научного исследования, базируемая на всеобщем диалектическом методе, применение которого обуславливает выбор системного, деятельностного, функционального и междисциплинарного подходов в криминалистическом изучении личности преступника и потерпевшего по делам о преступлении против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних и совокупности ее свойств и качеств как целостного объекта. Использование формально-логических методов позволило выявить типичные следственные ситуации, проанализировать проблемы, возникающие при их разрешении, а также аргументировать разработку тактических приемов вербальных следственных действий. Статистические методы позволили осуществить анализ состояния преступности. Социологические методы позволили выявить типичные способы совершения и личностные характеристики участников уголовного судопроизводства в результате опроса практических сотрудников. Сравнительно-правовые методы использовались при исследовании нормативной правовой базы и материалов судебной и следственной практики. Метод моделирования позволил сформировать криминалистические модели преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. В работе также применялись иные обще- и частнонаучные методы.

Результаты

Криминалистическая характеристика потерпевшего – один из центральных элементов, выступающих отправной точкой выявления и расследования преступлений, совершенных в их отношении. Несмотря на традиционное отнесение личности несовершеннолетнего к предмету криминологических [4] и уголовно-правовых исследований [5], криминалистическая значимость закономерностей исследования личности участника уголовного судопроизводства неоднократно подчеркивалась известными учеными, выделяющими данный критерий для формирования особенных частных методик расследования в целом², выделения укрупненных (групповых) методик расследования преступлений против несовершеннолетних [6]. Глубокие научные исследования показали, что несовершеннолетний (а особенно малолетний) возраст обосновывает наличие психологических особенностей, связанных с восприятием, оценкой, анализом, хранением и воспроизведением информации, имеющей значение для дела [7]. Установлено, что «формирование противоправного поведения у несовершеннолетних обусловлено воздействием на него ряда факторов, которые условно можно разделить на три группы: первая – влияние социальной среды; вторая – индивидуальные

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : курс лекций. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1993. – Ч. IV. – С. 31.

свойства личности несовершеннолетнего; третья – общественные противоречия» [8, с. 86]. Выступая в качестве объекта криминалистического исследования, личность несовершеннолетнего потерпевшего подлежала комплексному исследованию [9] и доказала свою несомненную базовую информационную ценность для разработки методических и тактических рекомендаций. В этой связи представляется целесообразным выделить и проанализировать сложности выявления признаков криминального события, организации и осуществления расследования преступлений.

Анализ статистических данных за последнее десятилетие позволяет наблюдать значительный рост количества зарегистрированных преступлений против половой свободы и неприкосновенности, совершенных в отношении несовершеннолетних³. Однако результаты изучения уголовных дел и опроса следователей позволяет осуществить корреляцию данной ситуации не с повышением количества совершаемых преступных деяний, а с успешными результатами работы специалистов-психологов, которые осуществляют профилактическую работу с обучающимися учреждений среднего образования в сфере профилактики и выявления преступных посягательств данного рода. Результаты изучения уголовных дел показывают, что несовершеннолетний, подвергающийся преступным посягательствам подобного рода, не обращается за помощью ни в правоохранительные органы, ни даже к близким родственникам и законным представителям. Это отчасти вызвано как интимной сферой и связанной с ней естественной реакцией стыда и стеснения, так и беспомощным состоянием, вызванным малолетним возрастом. Кроме того нельзя не принимать во внимание применяемые преступником методы запугивания и давления. В этой ситуации большое значение приобретает профилактическая деятельность субъектов расследования, разъясняющих возможное внешнее проявление последствий преступного посягательства, выразившееся в замкнутости, закрытости поведения несовершеннолетней жертвы, снижения ее поведенческой активности, коммуникативности, успеваемости. В данном случае результаты научных исследований в области криминалистической превенции подтверждают свою эффективность при успешной практической реализации [10].

Необходимо принимать во внимание и социальные условия воспитания и проживания несовершеннолетнего и обращать внимание на совместное проживание с отчимами, сожителями матери, иными лицами мужского пола из ближнего окружения, имеющими возможность осуществлять преступные деяния и оказывать давление на несовершеннолетнего. К сожалению, практика располагает частыми фактами совершения преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных членами их семей. При этом, как справедливо отмечает А. Р. Акиев, понятие семьи как объекта изучения криминалистики, отличается от принятого в иных отраслях науки, допуская не только родственные, но и иные связи. Важное значение при этом имеют связи и отношения между собой, имеющие криминалистически значимые особенности при выделении и описании объекта, субъектов и жертв преступных посягательств, способов совершения и сокрытия преступлений, места, времени и обстановки совершения преступлений и др. [11, с. 18]. Сопоставление фактов появления нового члена семьи (либо переезд для совместного проживания), и резкого изменения в поведении несовершеннолетнего является вероятным основанием для производства проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по выявлению признаков преступления и возбуждения уголовного дела.

Немаловажным фактором является также низкая степень правовой культуры и осведомленности несовершеннолетних как в качестве жертв, так и субъектов преступления. К примеру, достигнув возраста уголовной ответственности по преступлениям против половой свободы и неприкосновенности, несовершеннолетние не владеют информацией о криминальном характере демонстрации несовершеннолетним на своем или чужом смартфоне, ином гаджете порнографической продукции (в т. ч. о ее порнографическом характере), а также пересылке данной продукции в групповые чаты с присутствием несовершеннолетних, объясняя свои действия шутками и дружеским общением.

Информационная среда все чаще становится сферой совершения преступлений, к которым относятся уже и преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних. При этом нередки случаи, когда преступная деятельность начинается в виртуальном пространстве, но затем переходит в реальное. Так, Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области (далее –

³ Состояние преступности : [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2014–2023 гг.] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 08.05.2024).

СУ СК РФ по Иркутской области) было возбуждено и расследовано уголовное дело по обвинению Х. в совершении деяний, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 3 ст. 135 УК РФ (Развратные действия), совершенных в отношении двух и более лиц за то, что, познакомившись в интернете с несовершеннолетними А. и К., 8 и 9 лет, попросил их прислать ему интимные фотографии в обнаженном виде, за получение каждой из которых заплатил 500 рублей. Приучив мальчиков к «легкому и безобидному» заработку, Х. предложил им встретиться для обсуждения дальнейшего «сотрудничества». На встрече за уже большую плату он предложил им совершить в отношении друг друга действия сексуального характера, которые записал на видео. В целом следователем было зафиксировано 22 эпизода, а преступные действия Х. были доказаны в отношении 19 несовершеннолетних потерпевших. Решающее значение имеют в данном случае применяемые тактические приемы эффективного и грамотного осмотра и исследования носителей цифровой информации, научные разработки в области которых приобретают все большее значение [12].

Такое «вхождение в доверие», обеспечивающее возможность совершения преступлений, подтверждается не только платежеспособностью преступника, но и использование таковым родственных чувств, которые дети, воспитывающиеся в неполных семьях, готовы и хотят испытывать в отношении любого претендента на роль отца. Так, СУ СК РФ по Иркутской области, было расследовано уголовное дело в отношении В., который вступил в фактические брачные отношения с матерью несовершеннолетних мальчиков 10 и 11 лет, воспитывающихся без отца. В. начал посещать дом, в котором жила семья, приносить детям сладости и игрушки, брать их с собой на охоту и рыбалку, добившись полного доверия матери и детей, которые начали относиться к нему как к отцу. Воспользовавшись командировкой матери, он остался жить с детьми, что позволило ему по ночам гладить их по интимным местам и осуществлять иные действия сексуального характера, о которых мальчики не говорили, боясь в очередной раз потерять «отца». К сожалению, встречаются факты осуществления преступных деяний данной категории и со стороны реальных близких родственников [13].

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются следователи и оперативные сотрудники на стадии преступления и возбуждения уголовного дела, является добровольный характер сексуальных отношений между несовершеннолетними (малолетними), обусловленный в т. ч. и особенностями национально-этнического характера, которые находят свое отражение не только в традициях, но и законодательных актах субъектов Российской Федерации «О порядке и условиях вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет»⁴. К примеру, в соответствии со ст. 13 Семейного Кодекса Российской Федерации⁵, при наличии особых обстоятельств, в отдельных субъектах Российской Федерации по решению органа местного самоуправления возраст вступления в брак может быть ниже 16 лет (Мурманская область – 15 лет; Вологодская, Московская, Калужская и Нижегородская области, Республика Татарстан и др. – 14 лет, а в некоторых субъектах нижняя граница возраста брачующихся вовсе не указана, а названо только основание – беременность 22 недели и др.). В качестве особых обстоятельств учитываются: неблагоприятные условия, беременность или рождение ребенка, угроза жизни, скорый отъезд одного из супругов. Поскольку заключение брака предполагает ведение добровольной половой жизни супругов, даже учитывая примечание к ст. 134 УК РФ, которое направлено только на освобождения судом от наказания, все же остается открытым вопрос о необходимости привлечении к уголовной ответственности лиц и производстве предварительно расследования в отношении лиц, в деяниях которых усматриваются признаки преступления (особенно проживающих в регионах, не допускающих снижение брачного возраста ниже 16 лет). Данная коллизия создает определенные трудности для практических сотрудников и вызывает обоснованную дискуссию в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и криминалистической доктринах.

Первоначальный этап расследования уголовного дела о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних отличается динамичностью. Высокая общественная опасность последствий преступных деяний данной категории обуславливает срочность возбуждения уголовных дел и производства первоначальных следственных действий. На этом этапе выделяется две типичные следственные ситуации:

⁴ Например, О порядке и условиях выдачи разрешения на вступление в брак лицам, не достигшим возраста шестнадцати лет, в Орловской области : Закон Орловской области от 4 марта 2011 г. № 1177-ОЗ // Орловская правда. 2011. – 12 марта. – № 33; Об условиях и порядке вступления в брак лиц, не достигших возраста шестнадцати лет : Закон Тюменской области от 10 января 2000 г. № 155 (ред. от 27.10.2017) // Вестник Тюменской областной Думы. – 2000. – № 2; Об условиях и порядке выдачи, в виде исключения, разрешения на вступление в брак на территории Челябинской области лицу, не достигшему возраста 16 лет : Закон Челябинской области от 26 августа 1999 г. № 83-ЗО (ред. от 28.05.2021) // Ведомости Законодательного собрания Челябинской области. – 1999. – № 3. – С. 9–10.

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

1. Потерпевший знаком с подозреваемым, обвиняемым – зачастую находится с ним в родственных (в свойстве) отношениях, что обуславливает возможность тесных бытовых контактов. Преступные деяния продолжают длительное время, потерпевший и преступник скрывают факты, информация о преступлении становится известной иным родственникам, друзьям, знакомым (их родителям) в результате случайных оговорок либо работы специалистов – педагогов, психологов. В данной ситуации первоначальным следственным действием является допрос заявителя, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого. Дальнейшее расследование основывается на анализе полученной информации посредством оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий и тактических приемов по установлению механизма преступлений.

2. Потерпевший с подозреваемым, обвиняемым не знаком, деяние осуществлено внезапно, под воздействием сложившихся условий, обусловленных одиночеством и беззащитностью жертвы, безлюдностью и (или) удаленностью места происшествия. Поводом для возбуждения уголовного дела становится заявление потерпевшего, первоначальными следственными действиями является допрос заявителя, свидетелей, а также осмотр места происшествия, направленный на поиск и фиксацию признаков нахождения на месте происшествия участников криминального события, характере их взаимоотношений, следов борьбы, волочения и иных имеющих значение для дела обстоятельств. Разработаны также рекомендуемые алгоритмы действий следователя по разрешению данных следственных ситуаций [14].

Осуществляя доказывание по делу, следует принимать во внимание, что особенностью данной категории дел является превалирование среди доказательств показаний потерпевшего, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых. Характер преступного деяния, отсроченность во времени между совершением преступления и осуществлением предварительного расследования затрудняет производство поисково-познавательных и экспериментальных следственных действий, а также производство судебной экспертизы. В этой связи представляется, что необходимо уделять особое внимание сбору, оценке и использованию результатов коммуникативных следственных действий (допроса, очной ставки, проверки показаний на месте).

Одной из наиболее распространенных проблем является повышенное влияние на потерпевшего несовершеннолетнего (особенно малолетнего) потерпевшего законного представителя, чаще всего – матери. Зачастую положение осложняется тем, что мать потерпевшего является супругой (сожительницей) подозреваемого, обвиняемого. В ряде случаев, вопреки сложившейся практике и традиционной позиции, продиктованной материнскими чувствами, встречаются случаи неверия собственному ребенку, отрицание возможных фактов преступных посягательств, обвинения потерпевшего в фантазировании и добросовестном заблуждении, даже в фактах настойчивого уверения и давления на ребенка с целью умолчания и сокрытия от правоохранительных органов фактов преступного деяния. Так, в производстве СУ СК РФ по Иркутской области находилось уголовное дело по обвинению гражданина У. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ, в отношении фактической падчерицы малолетней К., которая несколько раз подвергалась преступным посягательствам. Рассказав об этом своей тете, Л., она впоследствии заявила следователю о добросовестном заблуждении и ложности данных показаний. Дальнейшее установление обстоятельств преступного деяния стало возможным после помещения малолетней в центр временного содержания, удаления от матери и отчима, в отношении которого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Причиной занятой позиции являлась материальная зависимость от фактического супруга – обвиняемого по делу. Мать потерпевшей и ее дети проживали в квартире, принадлежащей обвиняемому, нигде не работали, находились на его полном иждивении. При этом следствием было установлено, что один эпизод совершения насильственных действий сексуального характера происходил в присутствии матери, к которой в соседнюю комнату с жалобами прибежала малолетняя потерпевшая. Этот факт подтверждает осведомленность матери, ее заведомо ложные показания.

В рассмотренной ситуации необходимо устранить возможность давления на несовершеннолетнего со стороны матери и обеспечить ему необходимые и комфортные условия проживания, возможно путем помещения в специализированные социальные учреждения.

При производстве вербальных следственных действий, эффективность которых зависит не только от коммуникативной, но и удостоверяющей способности следователя, имеющей важнейшее значение [15, с.107], на первоначальном и последующем этапах расследования, необходимо учитывать социально-демографическую характеристику участников

уголовного судопроизводства: как правило, потерпевший – несовершеннолетний мальчик, у которого нет отца, в силу чего он зажат и стеснителен при разговоре об интимной сфере, а следователем является женщина, с которой мальчик не может открыто и откровенно говорить о подробностях совершенного преступления.

Заключение

В этой связи представляется целесообразным использовать специальные знания психолога, привлекать его для участия в следственных действиях, предоставлять ему полноту и свободу действий, обеспечивать материально-техническое содействие. Хорошо зарекомендовали себя так называемые зеленые комнаты, которые содержат детскую мебель, игрушки, предметы творчества, окрашены в яркие приятные цвета и оборудованы зеркальным стеклом, которое позволяет следователю контролировать ход следственного действия, слышать задаваемые вопросы и ответы, фиксировать вербальную и невербальную реакцию, оставаясь для ребенка незамеченным, не смущая его и не мешая установлению психологического контакта и даче показаний. По ту же сторону стекла, рядом со следователем, можно разместить и мать (иного законного представителя потерпевшего), присутствие которого на допросе обеспечивается следователем в силу ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УПК РФ).

Следует стремиться достигнуть максимального эффекта от первоначального допроса несовершеннолетнего, поскольку следователь ограничен длительностью и повторностью допросов (в соответствии с п. 1 ст. 193 УПК РФ допрос малолетнего до 7 лет не должен длиться более 30 минут, от 7 до 14 лет – одного часа). Повторные допросы малолетних в силу их негативного влияния на неокрепшую психику и возможности нанести психологическую травму, а также склонность к фантазированию и подверженность чужому влиянию, нецелесообразны. Сложившаяся судебная практика разделяет данную позицию и не приветствует повторные и дополнительные допросы несовершеннолетних потерпевших по ходатайству стороны защиты, поскольку возможность нанесения посредством частых допросов психологической травмы влечет за собой недостаточность показаний, их недостоверность, вследствие чего они не могут считаться допустимыми доказательствами.

Таким образом, при расследовании преступлений против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних следователь сталкивается с целым рядом временных, организационных, процессуальных и тактических затруднений, решение которых достигается глубоким изучением криминалистической характеристики преступлений, разработкой и применением тактических приемов следственных и иных процессуальных действий, обусловленных спецификой преступного деяния, научно обоснованных методических рекомендаций по организации и осуществлению предварительного расследования уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории.

Список литературы

1. *Корягина С. А.* Актуальные вопросы регламентации отдельных уголовно-правовых норм по защите несовершеннолетних в контексте уголовной политики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 3 (41). – С. 26–35; <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.26-35>.
2. *Бавсун М. В.* Киберпреступность как закономерный продукт современного общества // Криминологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 15–17.
3. *Бертовский Л. В.* К вопросу о понятии киберпреступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 4 (30). – С. 84–88.
4. *Гармьшев Я. В., Корягина С. А., Лавыгина И. В.* Нравственно-психологическая характеристика личности преступника // Байкальский научно-исследовательский журнал : электронное издание. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 19; [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(4\).19](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(4).19). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37201904_98410775.pdf.
5. *Бавсун М. В., Стебенева Е. В.* Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 340–351; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(4\).340-351](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351).
6. *Куюмжиева С. А.* Об основах концепции групповой методики расследования преступлений / 30 лет юридической науки КУБГАУ : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 10 декабря 2021 г. / под ред. В. Д. Зеленского, отв. за выпуск С. А. Куюмжиева, А. А. Тушев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. – С. 391–395.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

7. Макаренко И. А. Общая характеристика источников информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – № 6 (52). – С. 127–131.
8. Грибунов О. П., Загорьян С. Г. Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 84–90; <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-84-90>.
9. Зайнуллин Р. И. Предпосылки и источники формирования криминалистического учения о личности малолетних участников уголовного судопроизводства / Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию профессора Л. Л. Каневского, 25 апреля 2019 г. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. – С. 130–136.
10. Вардамян А. В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 169–173; <https://doi.org/10.17223/15617793/430/23>.
11. Акиев А. Р. Семья в криминалистическом аспекте / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации : сборник материалов Международной научно-практической конференции : в 2 ч., 12–13 октября 2023 г. / редкол.: К. В. Муравьев [и др.]. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2023. – Ч. 1. – С. 17–22.
12. Себякин А. Г. Возможности использования контекстного поиска информации на компьютерных носителях в целях выявления, расследования и профилактики преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 262–270; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).262-270](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).262-270).
13. Лебедева Ю. В. Особенности проведения допроса несовершеннолетних потерпевших при расследовании преступлений, связанных с насильственными действиями сексуального характера со стороны близких родственников // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2023. – № 2 (16). – С. 24–32.
14. Вардамян А. В., Фойгель Е. И. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 263–272; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(3\).263-272](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(3).263-272).
15. Чельшева О. В., Романова О. Л. Криминалистическое обеспечение поисковой и удостоверительной деятельности следователя (учебно-методические аспекты) // Правда и закон. – 2023. – № 2 (24). – С. 103–110.

References

1. Koryagina S. A. Aktual'nyye voprosy reglamentatsii ot del'nykh ugovolno-pravovykh norm po zashchite nesovershennoletnikh v kontekste ugovolnoy politiki // Sibirskiye ugovolno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. – 2023. – № 3 (41). – С. 26–35; <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.26-35>.
2. Bavsun M. V. Kiberprestupnost' kak zakonomernyy produkt sovremennogo obshchestva // Kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – № 2. – С. 15–17.
3. Bertovskiy L. V. K voprosu o ponyatii kiberprestupleniya // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2020. – № 4 (30). – С. 84–88.
4. Garmyshev Ya. V., Koryagina S. A., Lavygina I. V. Nравstvenno-psikhologicheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika // Baykal'skiy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal : elektronnoye izdaniye. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 19; [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(4\).19](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(4).19). – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37201904_98410775.pdf.
5. Bavsun M. V., Stebeneva Ye. V. Transformatsiya lichnosti prestupnika v postindustrial'nom obshchestve // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 340–351; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(4\).340-351](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(4).340-351).
6. Kuyemzhiyeva S. A. Ob osnovakh kontseptsii gruppovoy metodiki rassledovaniya prestupleniy / 30 let yuridicheskoy nauki KUBGAU : sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, 10 dekabrya 2021 g. / pod red. V. D. Zelenskogo, otv. za vypusk S. A. Kuyemzhiyeva, A. A. Tushev. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet imeni I. T. Trubilina, 2021. – С. 391–395.
7. Makarenko I. A. Obshchaya kharakteristika istochnikov informatsii o lichnosti nesovershennoletnego obvinayemogo // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava. – 2006. – № 6 (52). – С. 127–131.

8. *Gribunov O. P., Zagor'yan S. G.* Tipologiya lichnosti nesovershennoletnikh, sovershayushchikh prestupleniya v sostave organizovannykh grupp // *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta.* – 2019. – T. 5, № 3. – S. 84–90; <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-84-90>.
9. *Zaynullin R. I.* Predposylki i istochniki formirovaniya kriminalisticheskogo ucheniya o lichnosti maloletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva / *Kriminalisticheskiye problemy effektivnosti bor'by s prestupnost'yu i inymi pravonarusheniyami sredi molodezhi : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu professora L. L. Kanevskogo, 25 aprelya 2019 g.* – Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 130–136.
10. *Vardanyan A. V.* Kriminalisticheskaya preventsiya v sisteme gosudarstvennykh mer po preduprezhdeniyu prestupnosti // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2018. – № 430. – S. 169–173; <https://doi.org/10.17223/15617793/430/23>.
11. *Akiyev A. R.* Sem'ya v kriminalisticheskom aspekte / *Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshogo reformirovaniya : K 30-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2 ch., 12–13 oktyabrya 2023 g. / redkol.: K. V. Murav'yev [i dr.]*. – Orel: OrYUI MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, 2023. – CH. 1. – S. 17–22.
12. *Sebyakin A. G.* Vozmozhnosti ispol'zovaniya kontekstnogo poiska informatsii na komp'yuternykh nositelyakh v tselyakh vyyavleniya, rassledovaniya i profilaktiki prestupleniy // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal.* – 2019. – T. 13, № 2. – S. 262–270; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(2\).262-270](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(2).262-270).
13. *Lebedeva Yu. V.* Osobennosti provedeniya doprosa nesovershennoletnikh poterpevshikh pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s nasil'stvennymi deystviyami seksual'nogo kharaktera so storony blizkikh rodstvennikov // *Voyenno-pravovyye i gumanitarnyye nauki Sibiri.* – 2023. – № 2 (16). – S. 24–32.
14. *Vardanyan A. V., Foygel' Ye. I.* Nekotoryye aspekty kriminalisticheskogo izucheniya lichnosti nesovershennoletnego poterpevshego po delam o prestupleniyakh protiv polovoy svobody i neprikosnovennosti // *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal.* – 2023. – T. 17, № 3. – S. 263–272; [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17\(3\).263-272](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2023.17(3).263-272).
15. *Chelysheva O. V., Romanova O. L.* Kriminalisticheskoye obespecheniye poiskovoy i udostoveritel'noy deyatel'nosti sledovatelya (uchebno-metodicheskiye aspekty) // *Pravda i zakon.* – 2023. – № 2 (24). – S. 103–110.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted June 17, 2024; approved after reviewing July 17, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.3
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-257-265>

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033
«Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности,
общества и государства»

Светлана Викторовна Шевелева
доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-8358-8924>, decan46@yandex.ru

Антон Борисович Баумштейн
доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-1479-7850>, a.baumshtein@mail.ru

*Юго-Западный государственный университет
Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94*

Перспективы противодействия уклонению от уплаты таможенных платежей в условиях гуманизации уголовного закона

Аннотация: Введение. Статья посвящена анализу внесенных в 2024 году изменений в определение крупного и особо крупного размера как криминообразующего признака в ст. 194 УК РФ в условиях перманентной гуманизации уголовного законодательства. **Методы.** В ходе исследования использованы методы познавательного действия, методы-операции, эмпирические методы и метод прогнозирования. **Результаты.** Проанализирован ход законотворческой работы, результатом которой стали внесенные изменения в ст. 194 УК РФ в части увеличения крупного и особо крупного ущерба как криминообразующего признака и нового примечания, определяющего иные размеры для отдельных видов товаров. Представленные в статье мнения представителей бизнес-сообщества, ученых, сотрудников правоохранительных органов, аналитическая и статистическая информация в совокупности позволили прийти к выводу о недостаточности повышения криминообразующих крупного и особо крупного размера уклонения от уплаты обязательных публичных платежей во внешнеэкономической деятельности. Дана критическая оценка новому примечанию, которое нивелирует принцип определенности уголовного закона. Высказана авторская позиция о целесообразности синхронизации крупных и особо крупных размеров в таможенных и налоговых преступлениях.

Ключевые слова: уклонение, таможенные платежи, гуманизация, криминальный размер ущерба

Для цитирования: Шевелева С. В., Баумштейн А. Б. Перспективы противодействия уклонению от уплаты таможенных платежей в условиях гуманизации уголовного закона // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 257–265; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-257-265.

Original article

The publication was prepared as part of the fulfillment of state task No. 085102020-0033
«Transformation of private and public law in the context of evolving personality,
society and the state»

Svetlana V. Sheveleva
Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-8358-8924>, decan46@yandex.ru

Anton B. Baumstein
Dr. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-1479-7850>, a.baumshtein@mail.ru

*Southwest State University
94, 50 Let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation*

Prospects for countering customs evasion in the context of the humanization of criminal law

Abstract: Introduction. The article is devoted to the analysis of changes introduced in 2024 to the definition of large and especially large size as a criminogenic feature in Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of permanent humanisation of criminal legislation. **Methods.** The methods of cognitive action, methods-operations, empirical methods and forecasting method were used during the research. **Results.** The law-making process, which resulted in amendments to Article 194 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of increasing large and especially large damage as a criminogenic feature and a new note defining other sizes for certain types of goods, is analysed. The opinions of representatives of the business community, scientists, law enforcement officers, analytical and statistical information presented in the article made it possible to come to a conclusion and insufficiency of increasing the criminally forming large and especially large size of evasion of mandatory public payments in foreign economic activity. A critical assessment of the new note, levelling the principle of certainty of the criminal law, is given. The authors' position on rationality of synchronisation of large and especially large sizes in customs and tax crimes is given.

Keywords: evasion, customs payments, humanization, criminal damage

For citation: Sheveleva S. V., Baumstein A. B. Prospects for countering customs evasion in the context of the humanization of criminal law // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 257–265; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-257-265.

Введение

В Стратегии национальной безопасности для обеспечения экономической безопасности страны сформулирована задачи создания благоприятной деловой среды и повышения привлекательности российской юрисдикции как для россиян, так и для иностранных компаний, а также развитие международных контактов¹. Столь амбициозные задачи могут быть решены применением комплекса мер правового, экономического, организационного характера. С учетом тематики исследования попытаемся спрогнозировать, насколько изменения уголовного закона, вступившие в силу с 6 июля 2024 г., касающиеся повышения в 1,5 раза крупного и особо крупного размера уклонения от уплаты таможенных платежей и иных обязательных внешнеэкономических выплат (ст. 194 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ)), вписываются в общую стратегию экономического развития страны и создания благоприятного делового климата среди участников внешнеэкономической деятельности.

Указанные изменения можно назвать долгожданными. Напомним, в 2022 году на XXV Петербургском международном экономическом форуме Президентом России был дан ряд поручений, нацеленных на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства в отношении экономических преступлений. До 1 октября 2022 г. Правительство Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации должны были «...рассмотреть вопросы, касающиеся увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба или иных размерных признаков для целей квалификации преступлений экономической направленности (в том числе в части, касающейся размеров неуплаченных таможенных и иных обязательных платежей, в целях привлечения к ответственности в соответствии со статьей 194 Уголовного кодекса Российской Федерации), и обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации соответствующих изменений»³.

3 апреля 2024 г. Совет Федерации одобрил пакет изменений УК РФ и коррелирующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ), в соответствии с которыми произошла индексация размера ущерба и размера преступной деятельности по ряду экономических преступлений. Изменения коснулись «предпринимательского

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. – № 27 (ч. II), – Ст. 5351.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Пункт 96 Перечня поручений по итогам XXV Петербургского международного экономического форума (утв. Президентом Российской Федерации 20.07.2022 г. № Пр-1269) // Президент Российской Федерации : [Официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/69045> (дата обращения 16.06.2024).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

мошенничества» (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), ряда преступлений в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ). В основном криминальный размер ущерба (или преступного дохода) был увеличен в 1,5 раза. Исключением не стала и ст. 194 УК РФ «Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица». Отметим, что новые критерии размера ущерба по ст. 194 УК РФ вступили в силу через 90 дней после опубликования закона; позже, чем все иные изменения, определенные данным законом⁵.

Можно ли говорить о гуманизации уголовного закона в контексте внесенных изменений и способны ли такие изменения оказать позитивный эффект на международное экономическое сотрудничество? О способах укрепления международной экономической интеграции рассуждают экономисты, юристы и другие представители гуманитарно-научного профиля. Экономисты видят выход в снижении экспорта ресурсов, повышении конкурентоспособности внутренней экономики, минимизации конфликтных ситуаций при проведении внешней политики [1], совершенствовании противодействия практикам занижения стоимости декларируемого товара [2], улучшении организационных мероприятий работы таможенных органов (автоматизация процесса работы, проведение системного мониторинга и др.) [3].

Специалисты в области финансового права акцентируют внимание на усилении фискальной функции таможенных органов при администрировании таможенных доходов [4], проблемах взаимодействия таможенных и налоговых органов [5, с. 26]. В контексте проблематики уголовно-правовой охраны фискальных интересов России во внешнеэкономической сфере можно выделить работы А. Н. Цуканова [6–9], А. Ю. Тутукова, Л. А. Геляховой [10], А. Г. Никольской, М. А. Вершковой [11]. Большую часть исследований специалисты в области уголовно-правового профиля посвящают проблематике квалификации таможенных преступлений [12–14], их расследованию [15–18] и предупреждению [19; 20]. Анализируя научную литературу, можно прийти к выводу, что вопрос размера неуплаченных таможенных платежей как криминообразующего признака ст. 194 УК РФ лишь упоминается в контексте изучения объективных признаков данного состава преступления. Данный размер через призму влияния на благоприятное внешнеэкономическое развитие страны, доверие участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) к мерам государственного регулирования с точки зрения их прозрачности и адекватности не анализируется. Тем не менее, Президент России еще в 2022 г. дал поручение о пересмотре криминальных размеров ущерба применительно к ст. 194 УК РФ, бизнес-сообщество неоднократно выступало с инициативами о пересмотре подходов к уголовно-правовому противодействию уклонению от уплаты таможенных платежей. В этой связи данный вопрос является важным и актуальным. Таким образом, цель настоящего исследования – оценка эффективности внесенных изменений в ст. 194 УК РФ и прогноз влияния корректировки размера ущерба по фискальным платежам во внешнеэкономической сфере на благоприятное экономическое развитие России.

Методы

Для определения эффективности уголовно-правового запрета, сформулированного в ст. 194 УК РФ с учетом внесенных изменений, будут использованы методы познавательного действия (дедуктивный, анализ, синтез), методы-операции (изучение доктринальных источников, документов и судебной практики) и эмпирические (мониторинг, обобщение опыта). Посредством использования метода прогнозирования будет представлен вывод о перспективах реализации ст. 194 УК РФ.

Результаты

Авторы законопроекта необходимость рассматриваемых изменений объясняли размером инфляции, так как индексация размера ущерба (размера преступной деятельности) как квалифицирующего признака преступлений в сфере экономической деятельности не проходила на протяжении длительного времени и составила «... по статьям 199, 199.1, 199.2 и 199.4 в 2011 году (+ 122 %), по статьям 178 и 180 – в 2015 году (+ 62 %), а по статьям 170, 170.2, 171, 171.1, 172, 172.2, 175-177, 183, 186, 191, 192, 195–197, 199.2, 200.4 и 200.6 – в 2016 году (+ 53 %)»⁶. Данное обстоятельство привело к увеличению количества

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. – 2024. – № 15. – Ст. 1972.

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части увеличения порогов значительного, крупного и особо крупного размеров ущерба для целей квалификации преступлений в сфере экономической деятельности) : проект федерального закона № 327269-8 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (далее – СОЗД ГАС «Законотворчество») : [Официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/265537-6> (дата обращения: 23.07.2024) – Пояснительная записка.

преступлений в сфере экономической деятельности на фоне снижения числа лиц, совершивших преступления с «нематериальными составами»⁷. Таким образом, в основание для пересмотра размера криминального ущерба была заложена инфляция. Однако в первоначальной редакции законопроекта ст. 194 УК РФ не упоминалась, на что справедливо указало Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, отметив, что подобный подход противоречит принципу справедливости и соразмерности и нарушает концепцию законопроекта⁸.

В итоге в рассматриваемом составе преступления крупный размер вырос с двух до трех миллионов, особо крупный – с шести до девяти миллионов. Одновременно появилось примечание 2: «Для отдельных товаров, определяемых Правительством Российской Федерации, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в том числе в одной или нескольких товарных партиях, уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченных таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин превышает два миллиона рублей, в особо крупном размере – шесть миллионов рублей»⁹.

Стоит отметить, что в рамках обсуждения законопроекта наиболее дискуссионным был вопрос размера ущерба, и ряд депутатов обращали внимание на несоответствие уровня инфляции предлагаемым суммам крупного и особо крупного размера. Инициаторы законопроекта обратили внимание, что соотношение инфляции и размера ущерба нельзя понимать буквально: «Здесь за основу берется строгий экономический показатель»¹⁰, – сказала один из разработчиков депутат И. А. Панькина. Однако какой именно показатель, ни из смысла пояснительной записки, ни из иных документов понять невозможно.

Учитывая, что таможенные и налоговые платежи выполняют единую фискальную функцию, логично провести некую параллель в пределах ее уголовно-правовой охраны. Экономически такой разрыв можно попытаться объяснить двумя обстоятельствами: 1) по налоговым преступлениям расчет производится в пределах трех финансовых лет; 2) налог – это «часть реализованной в процессе общественного воспроизводства вновь созданной стоимости, тогда как таможенная пошлина – часть нереализованной стоимости» [21]. Но квалификация по ст. 194 УК РФ может осуществляться, если криминальный размер достигнут посредством перемещения нескольких товарных партий, а таможенные и налоговые платежи, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, имеют сходство как в предмете (отношение, возникающие по поводу уплаты фискальных платежей), так и методе правового регулирования (отношения властеподчинения между уполномоченным государственным органом и плательщиком)¹¹, придя к выводу, что подход законодателя в регламентации отдельных институтов этих отраслей (налогового и таможенного) «...не должен быть различным в отсутствие разумных к тому оснований»¹². Соответственно серьезных экономических критериев, дающих возможность обосновать такой существенный разрыв, не усматривается.

И все же если за основу брать размер инфляции, то рассматриваемые изменения размеров ущерба (вреда) не коррелируют с ее размером.

Бизнес-сообщество предлагало ввести дополнительно относительные значения крупного и особо крупного размера ущерба по ст. 194 УК РФ, которые должны были составить 4 млн., руб., но не менее 10 % от общей суммы таможенных платежей за три года, для особо крупного – 20 млн, но не менее 20 % от общей суммы. Также было рекомендовано законодательно урегулировать вопросы, связанные с особенностями возбуждения уголовного дела, его прекращения по нереабилитирующим обстоятельствам по таможенным преступлениям подобно налоговым¹³. Данная инициатива учтена не была.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12.05.2023 г. № вн2.2-1/2229.

⁹ Изменения вступают в силу с 17.04.2024 г., за исключением п. 13 ст. 1 изменений, вступающего в силу с 06.07.2024 г. (О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. – 2024. – № 15. – Ст. 1972.

¹⁰ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 19.06.2024). – Стенограмма обсуждений (заседание 126 от 30.05.2023).

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.04.2023 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 235 Федерального закона “О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ИЗИ ЧАЙНА КОРПОРАЙТ”» // СЗ РФ. – 2023. – № 19. – Ст. 3519.

¹² Там же.

¹³ Васильев С., Дектярева О. Декриминализация таможенных статей УК РФ: шаги государства и инициативы бизнес-сообщества // DENUO : Новости права (28.06.2023) : [сайт]. – URL: <https://denuo.legal/ru/insights/news/CS03/> (дата обращения: 19.07.2024).

В доктринальных источниках можно выделить интересный анализ А. Н. Цуканова¹⁴. Автор провел параллель между размером ущерба по налоговым преступлениям и ст. 194 УК РФ, т. к. размер ущерба по ст. 194 УК РФ в первоначальной редакции уголовного закона был соотносим с размером ущерба по ст. 199 УК РФ, а объект уголовно-правовой охраны по сути один – общественные отношения по защите фискальных интересов государства, с разницей лишь в сферах (внутриэкономическая и внешнеэкономическая). В 1998, 2003 годах проводилась индексация размера ущерба по налоговым преступлениям, тогда как размер ущерба по ст. 194 УК РФ оставался неизменным. Однако в 2009–2010 гг. размер ущерба по ст. 194 УК РФ вырос в 5 раз относительно криминального размера по ст. 198 УК РФ и в 3,6 раз относительно ст. 199 УК РФ. Но уже в 2011 году пороги размера по ст. 194 УК РФ были снижены и почти совпали с налоговыми преступлениями (выше в 0,6 раз для физических лиц и аналогичный для юридических лиц). В 2013 году очередной пересмотр криминальных размеров привел к тому, что для юридических лиц он стал в 3,3 раза ниже относительно ст. 199 УК РФ, а разделение на физических и юридических лиц (подобно налоговым преступлениям) было исключено. Соответственно, к очередным изменениям (2016, 2020) соотношение размера ущерба по ст. 194 УК РФ в 1,3–1,5 раз было выше криминального ущерба для физических лиц по налоговым преступлениям и в 2,5 (2016) и 7,5 (2020) ниже для юридических лиц. Стоит отметить, что корректировки криминального размера по налоговым преступлениям и ст. 194 УК РФ, как правило, проходили одним пакетом законодательных изменений (кроме изменений 2009–2010 гг.), каких-либо пояснений в неравном походе к данным преступлениям не давалось. В результате произошел колоссальный разрыв: если сравнивать со ст. 198 УК РФ, то разница составляет в 1,1 раза выше для крупного размера, но в 1,4 раза ниже для особо крупного размера. Сравнение со ст. 199 УК РФ дает следующие цифры: крупный и особо крупный размер неуплаченных налогов, сборов и страховых взносов в 6,25 раз выше, чем по ст. 194 УК РФ. В итоге автор высказал предположение о возможности синхронизации размеров ущерба по ст. 194 УК РФ и налоговым преступлениям¹⁵.

Анализ статистических данных свидетельствует о некоем «избирательном» подходе таможенных органов к возбуждению уголовных дел по ст. 194 УК РФ при наличии признаков данного состава преступления.

Так, в 2023 г. Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением в рамках производства дел по административным правонарушениям проведено 10 002 экспертизы, в рамках уголовного судопроизводства – 667 (6,67 % от числа административных), в результате которых доначислено 2,5 млрд руб.¹⁶. Всего в 2023 году по результатам оперативных мероприятий доначислено 9,4 млрд руб., взыскано в бюджет более 7,1 млрд руб. В 2023 году возбуждено 156 104 дела об административных правонарушениях и 1 822 уголовных дела. В рамках возбужденных уголовных дел по ст. 194 УК РФ общая сумма неуплаченных таможенных платежей составила более 7 млрд руб., из которых 1,1 млрд руб. перечислено в федеральный бюджет. Количество преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ, сократилось на 16,4 % (285 дел в 2023 году, 344 дела – в 2022)¹⁷. Однако по данным судебной статистики в 2023 году осуждены 66 человек, из которых лишь трём назначено лишение свободы реально (в 2022 году осужден 91 человек, двум назначено лишение свободы)¹⁸. Остальные освобождены от уголовной ответственности либо с применением судебного штрафа, либо по иным нереабилитирующим основаниям.

Отметим, что любое крупное доначисление по результатам таможенного контроля, как правило, превышает пороговые значения крупного ущерба, предусмотренного ст. 194 УК РФ, в результате участник ВЭД рискует стать фигурантом уголовного дела. По мнению экспертов, институт уголовной ответственности по уклонению от уплаты таможенных платежей применяется произвольно, «предпочитая институт административной ответственности»¹⁹. В официальных письмах Федеральной таможенной службы указывается: «Статья 194 УК РФ является единственной нормой, выполняющей превентивную функцию [выделено авт.] во всех случаях возникновения обязанности по уплате таможенных

¹⁴ Цуканов А. Н. Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2024. – 275 с.

¹⁵ Там же. – С. 167.

¹⁶ Страница 47 итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 г. // Федеральная таможенная служба (далее – ФТС) : [Официальный сайт]. – URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁷ Там же. – С. 55.

¹⁸ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам № 10-а : Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2002, 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [Официальный сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 23.07.2024).

¹⁹ URL: <https://denuo.legal/ru/insights/news/CS03/> (дата обращения: 24.06.2024).

платежей, и в полной мере обеспечивает соблюдение требований таможенного законодательства в части их уплаты в бюджет»²⁰. Данный тезис подтверждается вышеприведенными статистическими данными.

Сказанное приводит к довольно пессимистическому выводу, что внесенные изменения кардинально ситуацию не изменят. Возможно, она еще более усугубится в связи введенным примечанием 2 к ст. 194 УК РФ, в соответствии с которым более низкие пороги ущерба будут применяться к отдельным товарам, группа которых определяется Правительством Российской Федерации²¹. В настоящее время данный перечень товаров, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в отношении которых уклонение от уплаты таможенных платежей, пошлин признается совершенным в крупном и особо крупном размерах (далее – Перечень) включает 18 позиций.

Анализ данного Перечня вызывает ряд вопросов. Большая их часть пересекается с перечнем стратегически важных товаров и ресурсов: это алкогольная, табачная продукция, драгоценные, черные и цветные металлы, жемчуг, нефть, лесоматериалы, рыба и прочие водные обитатели²². Пункт 18 Перечня предусматривает легковые автомобили и иные моторные транспортные средства, предназначенные преимущественно для перевозки людей, в т. ч. гоночные автомобили и автомобили-фургоны (код 8703 единой Товарной номенклатуры)²³. При этом тракторы, мотоциклы, автомобили-самосвалы, автокраны, бетономешалки и иной спецавтотранспорт, танки и иные боевые машины, автобусы, предназначенные для перевозки более 10 человек, прицепы и полуприцепы, шасси и кузова для транспортных средств в Перечень не включены²⁴. Почему в данный Перечень включены только легковые автомобили, неясно. Можно предположить, что размер неуплаченных таможенных платежей за легковые автомобили часто не превышает 3 млн руб.²⁵ (т. е. измененного крупного размера), тогда как автобусы, тракторы и прочая автотехника значительно дороже и, как следствие, сумма таможенных платежей существенно выше. Но, как представляется, подобный довод вряд ли можно брать за основу. Скорее следует предположить, что именно легковые автомобили наиболее часто ввозятся на территорию России без уплаты таможенных платежей (либо посредством оформления транзита, либо как транспортное средство международной перевозки). И если данный довод брать за основу, то произошла очередная псевдогуманизация уголовного закона.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует отметить, что измененные в сторону повышения пороговые значения крупного и особо крупного ущерба как криминообразующего признака ст. 194 УК РФ, не соответствуют критериям инфляции – как единственному показателю, отраженному в пояснительной записке к законопроекту. Гуманизация уголовного закона носит исключительно формальный характер.

Следуя логике Конституционного Суда Российской Федерации, указавшего что внешнеэкономические обязательные платежи и внутриэкономические обязательные платежи (налоги, сборы, взносы) имеют сходную правовую природу и выполняют унифицированную фискальную функцию, можно предположить, что и криминальный размер как для таможенных, так и для налоговых преступных деликтов, связанных с уклонением

²⁰ Об изменении пороговых значений крупного и особо крупного размеров неуплаченных таможенных платежей в целях привлечения к ответственности по статье 194 УК РФ // ФТС): [Официальный сайт]. – URL: <https://customs.gov.ru/document/text/589283> (дата обращения: 23.07.2024).

²¹ Об утверждении перечня отдельных товаров, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в отношении которых уклонение от уплаты таможенных платежей, пошлин признается совершенным в крупном и особо крупном размерах: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.06.2024 г. № 1568-п // СЗ РФ. – 2024. – № 26. – Ст. 3729.

²² Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей: постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 (ред. от 01.08.2023) // СЗ РФ. – 2012. – № 38. – Ст. 5133.

²³ Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 сентября 2021 г. № 80 (ред. от 25.06.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397176/ (дата обращения: 23.07.2024).

²⁴ Коды 8701, 8702, 8704–8707, 8710, 8711 единой Товарной номенклатуры в перечне отдельных товаров, перемещенных через таможенную границу Евразийского экономического союза, в отношении которых уклонение от уплаты таможенных платежей, пошлин признается совершенным в крупном и особо крупном размерах, не поименованы.

²⁵ Так, например, сумма неуплаченных таможенных платежей за легковой автомобиль составила 2 153 тыс. руб. (Постановление Симферопольского районного суда Республики Крым от 24.04.2024 г. по делу № 1-215/2024 // Судебные Решения.рф: [сайт]. – URL: <https://www.судебныерешения.рф/82009000> (дата обращения: 20.07.2024)).

от уплаты таких платежей, должен быть одинаковым. Введение примечания 2 к ст. 194 УК РФ, допускающего пониженные пороги к отдельным группам товаров на основании постановления Правительства Российской Федерации²⁶, в целом нивелирует принцип определенности уголовного закона и подрывает доверие участников ВЭД к прозрачности, адекватности и предсказуемости.

Список литературы

1. Яковлева А. С., Любовцева Е. Г. Угрозы обеспечения экономической безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности // *Oeconomia et Jus* : сетевое издание. – 2020. – № 4. – С. 49–57; <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2020-4-49-57>. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti>.

2. Мокров Г. Г. Лицензионные платежи в структуре таможенной стоимости: практика противодействия занижению таможенных платежей // *Лизинг*. – 2022. – № 1. – С. 34–39; <https://doi.org/10.33920/VNE-03-2201-05>.

3. Михайлова А. А., Хохлова Н. А. Анализ основных проблем обеспечения уплаты таможенных платежей в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2021. – № 4-2 (74). – С. 35–39; <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-35-39>.

4. Фахретденова Э. В. Роль фискальной деятельности таможенных органов в обеспечении экономической безопасности // *Globus: экономика и юриспруденция*. – 2021. – Т. 7, № 2 (42). – С. 15–25.

5. Ахмедзянов Р. Р., Зубарев А. Д. Состояние и перспективы взаимодействия таможенных и налоговых органов при администрировании таможенных платежей и внутренних налогов // *Московский экономический журнал*. – 2020. – № 5. – С. 258–263; <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10358>.

6. Цуканов А. Н. Уголовно-правовая охрана фискальных интересов России во внешнеэкономической сфере // *Вестник Югорского государственного университета*. – 2022. – № 3 (66). – С. 48–55; <https://doi.org/10.18822/byusu20220348-55>.

7. Цуканов А. Н. О некоторых вопросах квалификации уклонения от уплаты таможенных платежей и пошлин в свете изменений уголовного законодательства // *Современное общество и право*. – 2022. – № 1 (56). – С. 97–105.

8. Цуканов А. Н., Шевелева С. В. О предмете преступления статьи 194 УК РФ в свете изменений уголовного закона / *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра* : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, 3–4 июня 2022 г. / под общ. ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина ; сост. Н. И. Кузнецова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 297–301.

9. Цуканов А. Н. Формирование современного уголовного законодательства по охране фискальных интересов России во внешнеэкономической деятельности / *Юго-Западный юридический форум : сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, 16 октября 2021 г.* – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 545–550.

10. Тутуков А. Ю., Геляхова Л. А. Совершенствование уголовно-правовой ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей организациями и физическими лицами // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2020. – № 2. – С. 107–108.

11. Никольская А. Г., Вершкова М. А. Привлечение к уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей : монография. – Москва: РИО Российской таможенной академии, 2021. – 100 с.

12. Никифорова А. А. Ответственность за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей: особенности ограничения // *Таможенное дело*. – 2022. – № 4. – С. 23–27; <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2022-4-23-27>.

13. Сусов М. С. Проблемы квалификации уклонения от уплаты таможенных платежей // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2020. – № 3-2 (42). – С. 196–199; <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10292>.

14. Приходько С. В. Отграничение уклонения от уплаты сумм налогов, сборов от уплаты таможенных платежей / *Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика* : сборник статей Международного научно-практического семинара, 3 апреля 2020 г. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2020. – С. 108–109.

²⁶ СЗ РФ. – 2024. – № 26. – Ст. 3729.

15. *Кумышева М. К.* Проблемы расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей организациями и физическими лицами // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 178–180.
16. *Фомин А. С.* Особенности расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей // Вопросы устойчивого развития общества : сетевое издание. – 2022. – № 4. – С. 872–875. – URL: <http://nauka20-35.ru/Editions>.
17. *Логинов Е. А., Шевелева К. В.* Правоохранительная деятельность таможенных органов в сфере выявления и расследования уклонения от уплаты таможенных платежей : монография : [Электронный ресурс]. – Москва: МИРЭА – Российский технологический университет, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).
18. *Стуканов И. А.* Актуальные вопросы борьбы оперативно-разыскных подразделений таможенных органов с уклонением от уплаты таможенных платежей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2024. – № 2. – С. 81–87.
19. *Прохоров Л. А., Жарких Е. А., Скачко А. В.* Предупреждение контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей: правовые и организационные аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С. 207–211; <https://doi.org/10.23672/13549-1035-3763-e>.
20. *Байрамов Р. Р., Куроптев Н. Б., Семенов А. В.* Социально-экономические предпосылки оптимизации правового обеспечения предупреждения преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4 (95). – С. 50–56; <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10080>.
21. *Калинина И. П., Шошина К. Н.* Анализ деятельности таможенных органов по взиманию задолженности по уплате таможенных платежей // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний : электронный научный журнал. – 2017. – № 2 (3). – С. 49–68. – URL: customs.esrae.ru/ru/15-60.

References

1. *Yakovleva A. S., Lyubovtseva Ye. G.* Ugrozy obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti v sfere vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti // Oeconomia et Jus : setevoye izdaniye. – 2020. – № 4. – S. 49–57; <https://doi.org/10.47026/2499-9636-2020-4-49-57>. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-sfere-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti>.
2. *Mokrov G. G.* Litsenzionnyye platezhi v strukture tamozhennoy stoimosti: praktika protivodeystviya zanizheniyu tamozhennykh platezhey // Lizing. – 2022. – № 1. – S. 34–39; <https://doi.org/10.33920/VNE-03-2201-05>.
3. *Mikhaylova A. A., Khokhlova N. A.* Analiz osnovnykh problem obespecheniya uplaty tamozhennykh platezhey v otnoshenii tovarov, peremeshchayemykh cherez tamozhennuyu granitsu // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2021. – № 4-2 (74). – S. 35–39; <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-4-2-35-39>.
4. *Fakhretdenova E. V.* Rol' fiskal'noy deyatel'nosti tamozhennykh organov v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti // Globus: ekonomika i yurisprudentsiya. – 2021. – Т. 7, № 2 (42). – S. 15–25.
5. *Akhmedzyanov R. R., Zubarev A. D.* Sostoyaniye i perspektivy vzaimodeystviya tamozhennykh i nalogovykh organov pri administrirovaniy tamozhennykh platezhey i vnutrennykh nalogov // Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal. – 2020. – № 5. – S. 258–263; <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10358>.
6. *Tsukanov A. N.* Ugolovno-pravovaya okhrana fiskal'nykh interesov Rossii vo vneshneekonomicheskoy sfere // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 3 (66). – S. 48–55; <https://doi.org/10.18822/byusu20220348-55>.
7. *Tsukanov A. N.* O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii ukloneniya ot uplaty tamozhennykh platezhey i poshlin v svete izmeneniy ugovolnogo zakonodatel'stva // Sovremennoye obshchestvo i pravo. – 2022. – № 1 (56). – S. 97–105.
8. *Tsukanov A. N., Sheveleva S. V.* O predmete prestupleniya stat'i 194 UK RF v svete izmeneniy ugovolnogo zakona / Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra : materialy yezhegodnoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 3–4 iyunya 2022 g. / pod obshch. red. T. A. Ogar', D. M. Kokina ; sost. N. I. Kuznetsova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 297–301.
9. *Tsukanov A. N.* Formirovaniye sovremennogo ugovolnogo zakonodatel'stva po okhrane fiskal'nykh interesov Rossii vo vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti / Yugo-Zapadnyy yuridicheskoy forum : sbornik nauchnykh trudov Yugo-Zapadnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 30-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo

universiteta, 16 oktyabrya 2021 g. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2021. – S. 545–550.

10. *Tutukov A. Yu., Gelyakhova L. A.* Sovershenstvovaniye ugovolno-pravovoy otvetstvennosti za ukloeniye ot uplaty tamozhennykh platezhey organizatsiyami i fizicheskimi litsami // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve.* – 2020. – № 2. – S. 107–108.

11. *Nikol'skaya A. G., Vershkova M. A.* Privlecheniye k ugovolnoy otvetstvennosti za ukloeniye ot uplaty tamozhennykh platezhey : monografiya. – Moskva: RIO Rossiyskoy tamozhennoy akademii, 2021. – 100 s.

12. *Nikiforova A. A.* Otvetstvennost' za kontrabandu i ukloeniye ot uplaty tamozhennykh platezhey: osobennosti otgranicheniya // *Tamozhennoye delo.* – 2022. – № 4. – S. 23–27; <https://doi.org/10.18572/2071-1220-2022-4-23-27>.

13. *Susov M. S.* Problemy kvalifikatsii ukloeniya ot uplaty tamozhennykh platezhey // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk.* – 2020. – № 3-2 (42). – S. 196–199; <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10292>.

14. *Prikhod'ko S. V.* Otgranicheniye ukloeniya ot uplaty summ nalogov, sborov ot uplaty tamozhennykh platezhey / *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov na sovremennom etape: nauka, obrazovaniye, praktika : sbornik statey Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar, 3 aprelya 2020 g.* – Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2020. – S. 108–109.

15. *Kumysheva M. K.* Problemy rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s ukloeniyem ot uplaty tamozhennykh platezhey organizatsiyami i fizicheskimi litsami // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve.* – 2020. – № 2. – S. 178–180.

16. *Fomin A. S.* Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s ukloeniyem ot uplaty tamozhennykh platezhey // *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva : setevoye izdaniye.* – 2022. – № 4. – S. 872–875. – URL: <http://nauka20-35.ru/Editions>.

17. *Loginov Ye. A., Sheveleva K. V.* Pravookhranitel'naya deyatelnost' tamozhennykh organov v sfere vyyavleniya i rassledovaniya ukloeniya ot uplaty tamozhennykh platezhey : monografiya : [Elektronnyy resurs]. – Moskva: MIREA – Rossiyskiy tekhnologicheskii universitet, 2022. – 1 elektron. opt. disk (CD-R).

18. *Stukanov I. A.* Aktual'nyye voprosy bor'by operativno-razysknykh podrazdeleniy tamozhennykh organov s ukloeniyem ot uplaty tamozhennykh platezhey // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina.* – 2024. – № 2. – S. 81–87.

19. *Prokhorov L. A., Zharkikh Ye. A., Skachko A. V.* Preduprezhdeniye kontrabandy i ukloeniya ot uplaty tamozhennykh platezhey: pravovyye i organizatsionnyye aspekty // *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskkiye i obshchestvennyye nauki.* – 2021. – № 10. – S. 207–211; <https://doi.org/10.23672/13549-1035-3763-e>.

20. *Bayramov R. R., Kuroptev N. B., Semenov A. V.* Sotsial'no-ekonomicheskkiye predposylki optimizatsii pravovogo obespecheniya preduprezhdeniya prestupleniy, svyazannykh s ukloeniyem ot uplaty tamozhennykh platezhey // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii.* – 2020. – № 4 (95). – S. 50–56; <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10080>.

21. *Kalinina I. P., Shoshina K. N.* Analiz deyatelnosti tamozhennykh organov po vyzskaniyu zadolzhennosti po uplate tamozhennykh platezhey // *Tamozhennoye delo i vneshne-ekonomicheskaya deyatelnost' kompaniy : elektronnyy nauchnyy zhurnal.* – 2017. – № 2 (3). – S. 49–68. – URL: customs.esrae.ru/ru/15-60.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 23, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-266-276>

Егор Павлович Шевырталов

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-3874-0181>, shevyrtalove@yandex.ru

Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66

Информационное обеспечение как обязательное условие повышения раскрываемости краж и угонов транспортных средств*

Аннотация: **Введение.** Ученые-криминалисты всегда осознавали важную роль категории «информация» в науке. Многие исследователи отмечали, что от качества информационно-познавательной деятельности правоохранительных органов зависит полнота и достоверность полученных в ходе расследования доказательств. Однако до сих пор «информация» и связанные с ней понятия являются недостаточно разработанными в криминалистике. Решение этой проблемы приобретает особую актуальность в условиях повсеместной информатизации и постепенного перехода к постиндустриальному обществу. Задача, которая сегодня стоит перед правоохранительными органами и научным сообществом, заключается в качественном информационном обеспечении расследования преступлений, в том числе краж и угонов транспортных средств. **Методы.** В исследовании применялись общенаучные методы познания общественных процессов (анализ, синтез, дедукция, системно-структурный метод, описание), а также частнонаучные методы – анкетирование, статистические методы. В качестве эмпирической базы была использована официальная статистика МВД России. **Результаты.** Исследование показало, что изучение категории «информация» и иных связанных с ней понятий позволяет рассмотреть предмет науки криминалистики с новых сторон. В заключении делается обоснованный вывод о том, что информационное обеспечение является эффективным инструментом в борьбе с кражами и угонами транспортных средств.

Ключевые слова: информация, информационное обеспечение, информирование, источники информации, расследование преступлений, кражи, угоны

Для цитирования: Шевырталов Е. П. Информационное обеспечение как обязательное условие повышения раскрываемости краж и угонов транспортных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 266–276; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-266-276>.

Original article

Egor P. Shevyrtalov

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-3874-0181>, shevyrtalove@yandex.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia
66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

* Статья заняла III место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2024 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

Information support as a prerequisite for increasing the detection rate of vehicle thefts*

Abstract: Introduction. Criminal scientists have always realised the important role of the category “information” in science. Many researchers have noted that the quality of information and cognitive activity of law enforcement agencies depends on the completeness and reliability of evidence obtained in the course of investigation. However, up to now “information” and related concepts are underdeveloped in criminalistics. The solution to this problem is of particular relevance in the context of widespread informatisation and the gradual transition to a post-industrial society. The task that law enforcement agencies and the scientific community face today is to provide quality information support for the investigation of crimes, including vehicle thefts. **Methods.** The study used general scientific methods of cognition of social processes (analysis, synthesis, deduction, system-structural method, description) as well as private scientific methods – questionnaire survey, statistical methods. The official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia was used as an empirical base. **Results.** The research has demonstrated that the study of the category “information” and other related concepts makes it possible to consider the subject of the science of criminalistics from new sides. The conclusion makes a reasonable statement that information support is an effective tool in the fight against vehicle thefts.

Keywords: information, information support, informing, information sources, crime investigation, theft

For citation: Shevyrtalov E. P. Information support as a prerequisite for increasing the detection rate of vehicle thefts // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 266–276; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-266-276>.

Введение

Криминалистика, как и любая наука, имеет философский базис, и если с момента своего возникновения ее основными категориями были «материя» и «движение», то с 60-х годов прошлого века происходит постепенная смена научной парадигмы, которая продолжается вплоть до сегодняшнего дня. И связана она с введением новой категории «информация».

Попытки преодоления постулатов диалектического материализма, главенствовавшего на протяжении всего этапа советской криминалистики, все же предпринимались. Например, некоторые ученые социалистических стран в своих работах отмечали информационный аспект предмета криминалистики [1, с. 3]. Шаг за шагом криминалисты осознавали, что кроме вещественно-энергетической основы науки существует и сугубо информационная [2–4]. Однако до сих пор качественных изменений в криминалистике не произошло. Это объясняется тем, что фундаментальной задачей, стоящей перед современными учеными-криминалистами, является разрешение противоречия между диалектическим материализмом, утверждающим, что в мире нет ничего кроме движущейся материи и ее свойств¹, и научными представлениями о том, что информация – не просто атрибут любой материи, но продукт человеческого сознания, являющегося высшей формой организации материи. Трудно спорить с мнением о том, что «информация» является не просто общенаучной, но и философской категорией, тесно связанной с категориями «бытие» и «познание» [5]. Иными словами, суть сегодняшнего момента в том, чтобы объединить эти концепции, ведь «информация» наряду с «движением» и «материей» является самодостаточной и равноправной категорией. Изучение всех аспектов в комплексе позволит рассмотреть предмет криминалистики под новым углом и вывести качество расследования на новый уровень.

Отметим, что мы не говорим об изменении или расширении предмета данной науки. Мы утверждаем, что меняется лишь его представление и открываются новые стороны, которые не были исследованы. Еще в 2001 году Р. С. Белкин писал, что «криминалистика – наука о механизме преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования

* The article took 3rd place in the international competition of post-graduates for the best scientific article of 2024, held by the Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

¹ Диалектический материализм : учебное пособие // под ред. А. П. Шептулина. – Москва: Высшая школа, 1974. – С. 188.

и предотвращения преступлений»². Тем самым корифей науки назвал главное, а именно, информационно-познавательную деятельность, направленную на борьбу с преступлениями.

Целью настоящей работы является решение двух задач: определение понятия, функций и форм информационного обеспечения расследования преступлений и его влияния на повышение эффективности борьбы с кражами и угонами транспортных средств.

Методы

Для достижения поставленной цели в исследовании применялись общенаучные методы познания общественных процессов (анализ, синтез, дедукция, системно-структурный метод, описание), а также частнонаучные методы – анкетирование, статистические методы. В качестве эмпирической базы была использована официальная статистика МВД России. Использование данных методов позволило сделать научно обоснованные выводы.

Результаты

Многие ученые-криминалисты ищут новые подходы к систематизации науки криминалистики с целью полного и логичного встраивания новых понятий, связанных с информацией. В классическом построении курса криминалистики проблемы, относящиеся к информационным основам расследования, рассматриваются во всех разделах. Это и общетеоретические вопросы криминалистики, и криминалистическая техника, тактика, а также методика расследования отдельных видов преступлений. Как отмечает И. П. Можалева, такая ситуация порождает логическую ошибку, вызванную невозможностью полного рассмотрения информационного аспекта в рамках существующих разделов науки [6, с. 24]. Да, все разделы криминалистики взаимосвязаны, однако каждый из них имеет четкие границы и работает по определённому элементу предмета науки.

Рассмотрим некоторые решения, предлагаемые видными криминалистами. В. Ю. Толстолицкий уже в 2003 году в своей монографии наряду с классическими разделами криминалистики выделил пятый – «криминалистическая информатика», без которого невозможно говорить о применении в деятельности по выявлению и расследованию преступлений информационных технологий и о приведении теоретической базы криминалистики в соответствие с современным развитием вычислительной техники и телекоммуникационных каналов информационного обеспечения [7, с. 5]. По мнению автора, пока информационные аспекты предмета криминалистики не будут отделены от остальных и отображены в виде самостоятельного структурного элемента системы криминалистики, информационные технологии деятельности по выявлению и расследованию преступлений останутся без теоретической базы.

Похожую, но немного иную концепцию представил А. М. Ишин. Он также искал новые подходы к изложению системы криминалистики в условиях замены научной парадигмы на информационную. А. М. Ишин предлагал добавить в систему криминалистики пятый раздел «Информационные основы расследования преступлений», состоящий из двух компонентов – информационное обеспечение и организация раскрытия и расследования преступлений [8, с. 38]. Не умаляя вклада В. Ю. Толстолицкого, мы склонны считать, что предложение А. М. Ишина является более подходящим на современном этапе развития науки, отвечая сложившемуся пониманию науки криминалистики. К тому же синергия двух компонентов (информационного и организационного) будет отвечать давно существовавшей необходимости включения нового раздела в криминалистику, о котором говорил еще А. Г. Филиппов [9, с. 44]. Однако детальная проработка структуры и иных теоретических основ нового раздела, связанного с информационными аспектами расследования, является задачей, выполнение которой невозможно в рамках данной статьи.

В процессе любой деятельности информация играет важнейшую роль, так как несет в себе данные о фактах, предметах, явлениях, позволяющие познавать окружающую действительность. Расследование преступлений как деятельность не является исключением. Следовательно необходимо получить и обработать информацию, раскрывающую все обстоятельства случившегося. Иными словами, мы говорим об информационно-познавательной деятельности субъекта расследования. Реализация данной задачи возможна только посредством методов науки криминалистики, поскольку именно информационно-познавательная структура деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений является предметом этой научной дисциплины [10, с. 10].

² Белкин Р. С. Курс криминалистики = Course of criminalistics : учебное пособие. – 3. изд., доп. – Москва: Юнити, 2001. – С. 65.

На протяжении всего развития криминалистики одним из краеугольных камней этой науки являлась категория «информация». Однако единого подхода к понятиям «информационное обеспечение», «криминалистическая информация» и их разграничению от «криминалистически значимой информации», а также к смежной группе понятий не разработано до сих пор. Добавим, что и в других науках категория «информация» не изучена в полной мере и по сей день. Это можно объяснить тем, что непосредственным изучением информации занимаются две комплексные научные дисциплины – кибернетика и информатика, появившиеся на заре прошлого столетия. По объективным причинам в силу относительно непродолжительного периода существования этих отраслей знания, а также сложности познаваемого объекта, споры по этой проблеме не утихнут в научном сообществе еще долгое время.

Так как информация является камнем преткновения на пути к установлению истины по уголовному делу, считаем целесообразным провести анализ данного понятия. Также необходимо ответить на вопросы: «Что такое “криминалистическая информация”?» и «Какое значение она имеет в расследовании преступлений?». Используя метод дедукции, попытаемся логическим путем выстроить цепь от общего к частному и решить первую задачу, стоящую перед нами в этой статье.

Вопросами изучения понятия «информация» со времен первых научных исследований человечества занимались многие ученые. Было дано множество определений, классификаций, концепций и иных теоретических категорий, связанных с понятием «информация». Приведем примеры некоторых из них.

Информация – сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления³.

Информация – обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире⁴.

Информация – сведения, которые хранятся, передаются, воспроизводятся с помощью какого-либо материального носителя. Язык, речь, текст – носители разнообразной информации о мире и человеке⁵.

Выходит, что в первую очередь информацию отождествляют со сведениями, сообщениями и данными, не разграничивая эти понятия. Во-вторых, что информация может быть представлена в любой отдельной форме (символьной, текстовой, графической) или в их совокупности. В-третьих, информация является неотъемлемым атрибутом материи: одно не может существовать без другого, материя всегда содержит в себе информацию, а информация всегда хранится, передается и воспроизводится на материальном носителе. В-четвертых, информация – это процесс обмена данными, иными словами, информация пересекается с понятием «движение», т. е. она – это перемещение сведений об одном объекте другому объекту.

Перейдем от общенаучных концепций понятия «информация» к тому, как информацию понимали в криминалистическом смысле. В этой связи интересно определение криминалистической информации, приведенное в монографии Р. А. Усманова. Под ней он понимал изменения, образующие содержание отображения объектов, взаимодействующих в связи с событием преступления [11, с. 92]. Автор рассматривал данное понятие в рамках теории отражения, однако у этой теории есть ряд противников, одним из которых является В. Ю. Сокол [12]. Не вдаваясь в эту полемику, отметим, что в определении Р. А. Усманова имеется явный недостаток: отсутствие указания на значение криминалистической информации для расследования преступления и установления всех обстоятельств произошедшего события.

По-нашему мнению, ключом к понятию информации в криминалистике является чисто прагматический подход, т. е. ответ на вопрос: «Зачем информация субъекту расследования?». Ответ очевиден – для достижения целей уголовного судопроизводства. Но каким образом их можно достичь? Понятно, что это можно сделать лишь путем полного и всестороннего рассмотрения всех обстоятельств случившегося события – как криминального, так и некриминального характера. И только информация может служить установлению истины.

В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением Д. А. Натурсы: «Как известно, расследование в информационном плане – есть процесс устранения информационной неполноты, возникающей в ходе изучения познаваемого явления действительности, которым

³ Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. – Москва: Институт развития информационного общества, 2009. – С. 66.

⁴ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 136.

⁵ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – С. 136.

является преступление» [13, с. 78]. Следовательно, информация, имеющая отношение к расследуемому событию, снижает неопределенность в понимании произошедшего для лица, ведущего расследование. Информация может быть как негативной, так и позитивной. Даже неподтверждение той или иной версии уже говорит о том, что событие происходило не так, как предположил следователь, соответственно, снижается уровень неопределенности изучаемого происшествия.

На основе вышеизложенного мы можем предложить авторское понятие, не претендующее на конечную истину: *криминалистическая информация – это изменения, образованные отображением взаимодействующих объектов, связанных с преступным деянием и необходимые для снижения уровня неопределенности в деятельности органов, осуществляющих расследование по данному факту*. Заметим, что криминалистическая и криминалистически значимая информация для удобства изложения признаются нами равнозначными категориями, хотя в науке существует мнение, что первый термин более приемлем, т. к. второй перегружен избыточной лексикой и не ориентирует следователя на поиск только «значимой» информации [14, с. 164]. На основе авторского понятия «криминалистическая информация» мы можем перейти к рассмотрению вопросов информационного обеспечения расследования преступлений и его влияния на повышение эффективности борьбы с кражами и угонами транспортных средств.

Сегодня остро стоит вопрос информационного обеспечения различных сфер деятельности, в т. ч. и расследования преступлений. Информационное обеспечение представляет собой деятельность по предоставлению необходимой информации лицу для выполнения им конкретных задач или достижения конкретной цели. Основная задача такой деятельности – снизить уровень неопределенности, иными словами, обеспечить человека актуальной, достоверной и полной информацией, которая будет достаточным основанием для принятия того или иного решения.

Таким образом, под *информационным обеспечением расследования преступлений* понимается основанный на системе научных положений и правовых нормах, но не исчерпывающийся ими процесс по предоставлению субъекту расследования криминалистической информации, необходимой для решения задач уголовного судопроизводства.

Мы можем назвать три основные функции информационного обеспечения:

- 1) техническое сопровождение, которое включает повышение компьютеризации, увеличение объема и содержания баз данных, улучшение программного обеспечения, развертывание сетей по обмену информацией;
- 2) организационная, содержащая особенности выстраивания алгоритмов работы с информацией;
- 3) управленческая, направленная на принятие оптимального управленческого решения на основе полученной информации.

Информационное обеспечение расследования преступлений представляется нам сложной системой, состоящей из ряда структурных элементов, которыми являются информационные ресурсы, информационные технологии, информационные процессы и информационная безопасность. Перечисленные компоненты имеют взаимодополняющий, взаимообусловленный и взаимосвязанный характер. В рамках уголовного судопроизводства такая структура приобретает следующую особенность:

- 1) информационные ресурсы – это любые сведения о группе схожих преступлений либо о конкретном преступлении, как уже полученные субъектом криминалистической деятельности, так и существующие независимо от него;
- 2) технологии – это инструменты, средства и методы, используемые для поиска, обработки, хранения и передачи необходимых информационных ресурсов правоохранительным органам, отдельным должностным лицам, а также обмена информацией между ними внутри правоохранительной системы;
- 3) процессы – это оптимальный набор действий субъекта криминалистической деятельности в условиях соблюдения принципа законности с целью получения и закрепления в необходимой уголовно-процессуальной форме информационных ресурсов;
- 4) безопасность – это состояние защищенности всех вышеперечисленных компонентов от внутреннего и внешнего негативного влияния, отрицательно сказывающегося на целостности информации, ходе расследования и достижении целей правосудия.

Проанализировав структуру информационного обеспечения расследования преступлений, рассмотрим формы, через которые реализуется её внутреннее содержание. Иными

словами, формы информационного обеспечения – не что иное, как источники информации. На примере деятельности Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации мы можем назвать формы информационного обеспечения расследования преступлений [15].

Во-первых, это использование учетов. Учеты, хранящие сведения, добытые в ходе служебной деятельности, являются ценным источником информации при расследовании различных видов преступлений. Ведомственными приказами в зависимости от объекта предусмотрено множество различных видов учетов⁶. Однако существует необходимость объединения всех видов учетов в единую базу и автоматизации процессов по получению данных. Отличным примером цифровизации учетов и оперативности обмена информацией, хранящейся в них, является федеральная информационная система Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (далее – ФИС ГИБДД-М), которая является одним из сервисов информационной системы обеспечения деятельности (ИСОД) органов внутренних дел. Данная система была создана для решения задач, стоящих перед ГИБДД. ФИС ГИБДД-М обладает множеством полезных функций, одной из которых является предоставление органам исполнительной власти в синхронном режиме сведений о транспортных средствах и их владельцах посредством системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в виде карточек учета транспортных средств, заверенных квалифицированной электронной подписью. Решение этой задачи качественно улучшило эффективность использования учетов и данных, хранящихся в них.

Во-вторых, это методическое обеспечение, необходимое для предоставления сотрудникам правоохранительных органов актуальной справочной информации, касающейся как вопросов расследования, так и аспектов преступной деятельности. Благодаря методическому обеспечению сотрудник способен лучше разбираться в криминалистической характеристике преступлений, проблемах квалификации и производстве отдельных следственных действий. На современном этапе существует потребность в предоставлении такой информации в удобной и наглядной форме с возможностью постоянного доступа к ней. Это следует реализовать посредством создания мобильных приложений, содержащих справочную информацию, необходимую для повышения профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов. В этом направлении нельзя не отметить частный проект «CrimLib – Справочник следователя». Это мобильное приложение содержит в себе справочную информацию, изложенную в форме кратких алгоритмов и рекомендаций, доступную любому пользователю смартфона, установившему соответствующее приложение, даже без доступа к интернету.

В-третьих, это интернет. Глобальная сеть выступает хранилищем огромного массива данных. Умение работать с данным ресурсом позволяет получать полезные сведения, отделяя их от посторонней информации, преодолевая информационный «шум». Так, например, из открытых интернет-источников можно получать информацию при помощи инструментов технологии OSINT (Open-source intelligence). Возможности использования интернета в целях расследования заслуживают отдельных исследований.

В-четвертых, это IT-технологии. Одним из перспективных направлений, позволяющим устанавливать отдельные обстоятельства произошедшего, является специальное программное обеспечение (далее – СПО) «Паутина». СПО представляет собой систему, не только аккумулирующую информацию со всех камер видеонаблюдения (камеры парковки, магистральные, фиксации скорости), но и анализирующую дорожный трафик. Контроль передвижения транспортных средств происходит как по государственным регистрационным знакам, так и по внешним признакам (цвет, марка, модель). Функционал «Паутины» позволяет определять проблемы в организации автомобильного трафика, фиксировать нарушения правил дорожного движения и пресекать преступления.

Признаем, что структура и формы информационного обеспечения расследования преступлений являются еще не до конца изученными категориями в науке криминалистике. Выстраивание стройной теоретической системы, связанной с информационным обеспечением расследования преступлений, внесет большой вклад в науку и, как следствие, позволит вывести расследование преступлений на качественно новый уровень.

⁶ Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») : приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 (ред. от 11.09.2018) // Сборник приказов МВД России, признанных не нуждающимися в государственной регистрации 2005–2007 гг. – Москва: [б. и.], 2007. – 352 с.

Перед нами поставлена задача – определить влияние информационного обеспечения расследования преступлений на повышение эффективности борьбы с кражами и угонами транспортных средств. Данная категория дел была выбрана не случайно.

С одной стороны, автомобильная индустрия является динамично развивающейся сферой, не только самостоятельно разрабатывающей, но и перенимающей у различных областей знания последние достижения науки и техники. Современные транспортные средства – это своего рода гаджеты на колесах, оборудованные сложными компьютерными системами. Несмотря на широкое распространение автомобильных средств защиты от неправомерного доступа, кражи и угоны транспортных средств до сих пор занимают заметное место в структуре преступности. Это объясняется, во-первых, тем, что автомобили и запасные части к ним являются ликвидным товаром⁷, а во-вторых, желанием некоторых граждан преступным путем заработать деньги на этом рынке. Такая ситуация вынуждает преступников разрабатывать новые способы, применять специальные приборы и технику для краж и угонов транспортных средств.

С другой стороны, любые транспортные средства – это средства повышенной опасности, поэтому вопросам, связанным с их эксплуатацией, уделяется большое внимание со стороны государства. Для обеспечения безопасности дорожного движения в деятельность правоохранительных органов внедряются различные информационные технологии по оптимизации и цифровизации процессов, связанных с мониторингом транспорта.

Официальная статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации (таблица 1) наглядно иллюстрирует влияние развития и внедрения информационных технологий в правоохранительную деятельность на борьбу с преступлениями, связанными с кражами и угонами транспортных средств⁸.

Таблица 1

Статистика краж автомобилей (ст. 158 УК РФ)

Период ¹	Количество преступлений	Динамика ² , %	Раскрываемость, %
2023	6 865	– 23,6	45,5
2022	8 987	– 19,6	41,5
2021	11 115	– 24,8	38,6
2020	14 788	– 27,1	32,9
2019	20 284	– 14,5	26,9
2018	23 712	– 19,2	25,6

Примечания: 1 – Календарный год (с 1 января по 31 декабря);
2 – Динамика преступлений по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года

Анализ статистики преступлений показывает, что количество совершенных преступлений, связанных с кражами транспортных средств, ежегодно уменьшается – с одновременным повышением раскрываемости. Снижение количества таких преступлений можно объяснить многими причинами: это и повышение уровня систем защиты автомобиля, и сложности легализации имущества, добытого преступным путем. Что касается повышения раскрываемости указанной категории дел, то мы связываем это с процессом внедрения новых технологий в деятельность правоохранительных органов. Распространение видеокамер и систем слежения за автомобильным потоком является первостепенным средством профилактики преступлений, так как создает огромные трудности для преступников, желающих завладеть чужим автотранспортом. Можно предположить, что эта тенденция будет продолжаться. Однако необходимо совершенствовать уровень информационного обеспечения предварительного расследования, поскольку раскрываемость таких преступлений еще слишком низка, и более половины похищенных транспортных средств не возвращается к законным владельцам. Учитывая среднюю рыночную стоимость автомобиля, бывшего в употреблении, которая составляет 1,6 млн рублей [16], мы можем понять, насколько значителен имущественный ущерб таких преступлений.

⁷ В России подержанные машины подорожали на 26% // РБК : сетевое издание: [сайт]. – URL: <https://www.autonews.ru/news/656444f59a794777f8b3c2cc> (дата обращения: 02.03.2024).

⁸ Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 02.03.2024).

В связи с этим правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью получения актуальной, достоверной и полной криминалистической информации о стремительных изменениях, происходящих в сфере криминального автомобильного бизнеса. При расследовании преступления любой источник криминалистической информации очень важен, поэтому вопросы интеграции и эффективного использования информационных систем, к которым есть доступ у сотрудников органов внутренних дел, является первостепенной задачей, без решения которой невозможно повысить эффективность раскрываемости дел рассматриваемой категории.

Для проверки данного тезиса мы провели онлайн-анкетирование практических сотрудников органов внутренних дел, посвящённое вопросу информационного обеспечения расследования краж и угонов транспортных средств [17], в котором принял участие 141 респондент. Все они занимают должности в различных подразделениях МВД России, большинство из них (72,3 %) проходит службу в ГИБДД МВД России (рисунок 1). Из числа опрошенных 77,4 % имеют выслугу более 5 лет.

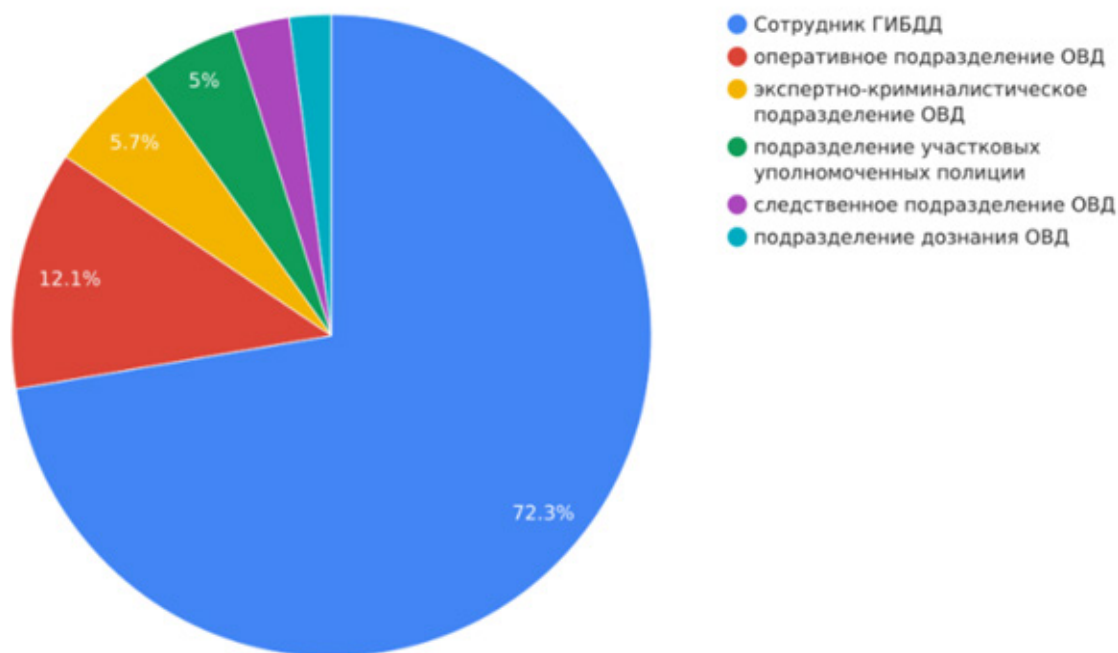

Рис. 1. Соотношение респондентов онлайн-анкетирования (по месту прохождения службы)

При ответе на вопрос: «Пользуются ли они базами данных при расследовании краж и угонов транспортных средств?» (СПО «Паутина», «Безопасный город», «Цифровой патруль», «ФИС ГИБДД-М» и др.), 87,2 % ответили: «Да». При этом были отмечены такие положительные стороны использования баз данных, как оперативность получения информации, удобство использования и широкая функциональность. Сотрудники органов внутренних дел оценивают эффективность использования таких баз данных с целью установления виновных лиц и похищенного имущества на удовлетворительном уровне: по пятибалльной шкале 88,6 % поставили оценку 3 и выше. Из 141 респондента: 18 (12,8%) – не используют указанные базы данных при расследовании краж и угонов транспортных средств, 12 (8,5 %) – попросту не знают о существовании таких технологий, и только 6 человек (4,3%) говорят об их неэффективности.

При ответе на вопрос о целесообразности использования интернета для получения информации, необходимой для расследования краж и угонов транспортных средств, 95 % опрошенных ответили, что это целесообразно. Среди сотрудников распространено мнение о том, что для расследования краж и угонов транспортных средств в интернете можно обнаружить сведения, которые помогают ориентироваться в событиях, фактах, явлениях, так или иначе связанных как с расследуемым преступлением, так и с процессом расследования. Это подтверждается тем, что на вопрос: «Информацию какого характера можно

получить из интернета?», 82,5 % респондентов ответили: «Справочную и ориентирующую информацию».

Сотрудникам был задан вопрос: «Существует ли потребность в создании мобильного приложения, задачей которого является методическое обеспечение органов, занимающихся предварительным расследованием краж и угонов транспортных средств?». 101 ответ был положительным (71,6%). Однако все опрошенные заметили, что если такое приложение будет разрабатываться, то в нем необходимо предусмотреть следующие разделы: источники информации, необходимой при расследовании краж и угонов транспортных средств; криминалистическая характеристика краж и угонов транспортных средств; алгоритм действия следователя/дознателя, оперативного сотрудника в той или иной следственной ситуации; тактика проведения отдельных следственных действий по уголовным делам данной категории; вопросы назначения и производства судебных экспертиз; вопросы квалификации.

Респондентам был также задан вопрос: «В каких направлениях необходимо развивать информационное обеспечение расследования краж и угонов транспортных средств?». На него было дано несколько вариантов ответа, при этом можно было выбрать несколько. Результаты ответов представлены на рисунке 2.

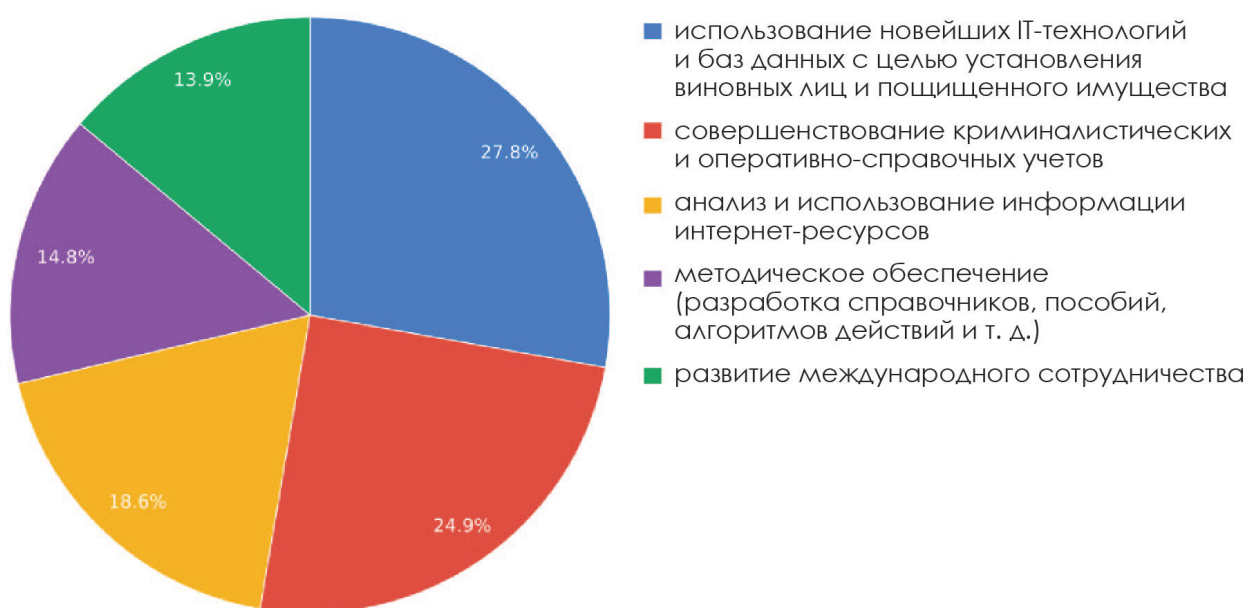

Рис.2. Анализ ответов по развитию информационного обеспечения расследования краж и угонов транспортных средств

Мы видим, что почти в равной мере отмечены все возможные направления, однако наиболее востребованными являются два. Первое – это использование новейших IT-технологий и баз данных с целью установления виновных лиц и похищенного имущества. Второе – совершенствование криминалистических и оперативно-справочных учетов. Некоторые сотрудники кроме представленных ответов называли дополнительные направления информационного обеспечения расследования краж и угонов транспортных средств. Например, внедрение беспилотных комплексов круглосуточного наблюдения за ситуацией на дорогах.

При ответе на вопрос: «Положительно ли сказывается информационное обеспечение расследования краж и угонов транспортных средств на снижение количества данных преступлений и профилактику таких деяний?», 119 сотрудников (84,4 %) ответили утвердительно.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Категория «информация» наряду с такими категориям как «материя» и «движение», является основной в науке криминалистике. Дальнейшее ее изучение и встраивание

в систему науки является перспективным направлением для всех ученых-криминалистов. Не вызывает сомнений, что информация служит для повышения осведомленности правоохранительных органов о любых фактах действительности. Предоставление такой информации происходит посредством информационного обеспечения.

2. Статистика преступлений убедительно показывает, что эффективность раскрываемости краж и угонов транспортных средств напрямую зависит от уровня информационного обеспечения.

3. Проведенное нами анкетирование практических сотрудников подразделений МВД России показало, что при расследовании краж и угонов транспортных средств используются различные формы информационного обеспечения. Дальнейшее совершенствование информационных технологий и учетов позволит правоохранительным органам получить эффективные инструменты для борьбы с неправомерными посягательствами на автотранспорт. Для методического обеспечения расследования преступлений возможно использовать интернет и мобильные приложения, специально разработанные для этой задачи. Подавляющее большинство опрошенных сотрудников уверены в положительном влиянии информационного обеспечения на процесс расследования краж и угонов транспортных средств, а также на снижение количества данных преступлений и их профилактику.

Список литературы

1. Колдин В. Я. Предмет криминалистики // Советское государство и право. – 1979. – № 4. – С. 1–6.
2. *Sozialistische Kriminalistik. Allgemeine kriminalistische. Theorie und Metodologie.* – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1978. – 253 p.
3. *Hanausek T.* Zarys kryminalistycznej teorii wykrywania, t. 1. – Warszawa: Departament Szkolenia i Doskonalenia Zawodowego, 1978. – 116 s.
4. Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики : В порядке обсуждения / Вопросы борьбы с преступностью : сборник./ редкол.: В. В. Клочков (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Юридическая литература, 1976. – Вып. 24. – С. 131–149.
5. Урсул А. Д. Информация : Методологические аспекты. – Москва: Наука, 1971. – 295 с.
6. Можаяева И. П. Информационные основы расследования как элемент криминалистического учения об организации расследования / Современные проблемы информационно-криминалистического обеспечения предварительного расследования и его оптимизация : материалы Международной научно-практической конференции, 21–22 апреля 2011 г. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2011. – С. 23–30.
7. Толстоуцкий В. Ю. Криминалистическая информатика: монография. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 212 с.
8. Ишин А. М. О некоторых тенденциях развития криминалистики в современных условиях // Вестник криминалистики. 2006. – № 4 (20). – С. 34–40.
9. Филиппов А. Г. Еще раз к вопросу о системе криминалистики // Вестник криминалистики. – 2001. – № 2 (2). – С. 43–52
10. Колдин В. Я., Потаешник Д. П., Штельцер Э. [и др.] Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. – Москва: Юридическая литература, 1986. – 509 с.
11. Усманов Р. А. Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений : монография. – Челябинск: Челябинский юридический ин-т МВД России, 2006. – 231 с.
12. Сокол В. Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике : монография. – Краснодар, 2019. – 324 с.
13. Натура Д. А. К вопросу о классификации криминалистически значимой информации // Социум и власть. – 2013. – № 3 (43). – С. 75–79.
14. Якименко Г. Ю. Криминалистический аспект информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 9. – С. 161–165.
15. Ложис З. З. Информационное обеспечение расследования преступлений Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 1 (27). – С. 119–124.

References

1. Koldin V. Ya. Predmet kriminalistiki // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1979. – № 4. – S. 1–6.
2. *Sozialistische Kriminalistik. Allgemeine kriminalistische. Theorie und Metodologie.* – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1978. – 253 p.

3. *Hanausek T.* Zarys kryminalistycznej teorii wykrywania, t. 1.– Warszawa: Departament Szkolenia i Doskonalenia Zawodowego, 1978. – 116s.
4. *Berdichevskiy F. Yu.* O predmete i ponyatiynom apparate kriminalistiki : V poryadke obsuzhdeniya / Voprosy bor'by s prestupnost'yu : sbornik. / redkol.: V. V. Klochkov (otv. red.) [i dr.]. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1976. – Vyp. 24. – S. 131–149.
5. *Ursul A. D.* Informatsiya : Metodologicheskiye aspekty. – Moskva: Nauka, 1971. – 295 s.
6. *Mozhayeva I. P.* Informatsionnyye osnovy rassledovaniya kak element kriminalisticheskogo ucheniya ob organizatsii rassledovaniya / Sovremennyye problemy informatsionno-kriminalisticheskogo obespecheniya predvaritel'nogo rassledovaniya i yego optimizatsiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 21–22 aprelya 2011 g. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2011. – S. 23–30.
7. *Tolstolutskiy V. Yu.* Kriminalisticheskaya informatika : monografiya. – Izhevsk: Detektiv-inform, 2003. – 212 s.
8. *Ishin A. M.* O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya kriminalistiki v sovremennykh usloviyakh // Vestnik kriminalistiki. 2006. – № 4 (20). – S. 34–40.
9. *Filippov A. G.* Yeshche raz k voprosu o sisteme kriminalistiki // Vestnik kriminalistiki. – 2001. – № 2 (2). – S. 43–52
10. *Koldin V. Ya., Potashnik D. P., Shtel'tser E.* [i dr.] Kriminalistika sotsialisticheskikh stran / pod red. V. YA. Koldina. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1986. – 509 s.
11. *Usmanov R. A.* Teoriya i praktika ispol'zovaniya kriminalisticheskoy informatsii v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy : monografiya. – Chelyabinsk: Chelyabinskiy yuridicheskiy in-t MVD Rossii, 2006. – 231 s.
12. *Sokol V. Yu.* Zatyannuvshiysya triumf teorii otrazheniya v otechestvennoy kriminalistike : monografiya. – Krasnodar, 2019. – 324 s.
13. *Natura D. A.* K voprosu o klassifikatsii kriminalisticheskoi znachimoy informatsii // Sotsium i vlast'. – 2013.– № 3 (43). – S. 75–79.
14. *Yakimenko G. Yu.* Kriminalisticheskii aspekt informatsii // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2018. – № 9. – S. 161–165.
15. *Lozhis Z. Z.* Informatsionnoye obespecheniye rassledovaniya prestupleniy Glavnogo upravleniya kriminalistiki Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2020. – № 1 (27). – S. 119–124.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 13, 2024; approved after reviewing July 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 343.8
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-277-286>

Маргарита Александровна Яковлева

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-8739-3913>, boss.andre.777@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Психологическая работа как эффективное направление ресоциализации осужденного

Аннотация: Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в 2024 году вступил в силу Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации». Принятие данного закона не только положило начало развитию нового этапа в уголовно-исполнительной политике государства, связанного с формированием комплексной системы ресоциализации осужденных лиц, но и породило некоторые проблемные вопросы, связанные с реализацией его положений. Необходимость исследования психологической работы как направления пенитенциарной пробации вызвана тем, что действующее законодательство применительно к пенитенциарной пробации имеет ряд дискуссионных, непроработанных положений, затрудняющих использование профилактического потенциала психологической работы для коррекции поведения осужденных. При этом психологическая работа занимает значимое место в комплексе мер коррекции поведения осужденного, поскольку предоставляет возможность комплексно подготовить еще отбывающих наказание осужденных к жизни, труду и взаимодействию с другими членами социума вне стен исправительных учреждений. **Методология.** В исследовании применялись методы формально-логический, статистический, системного анализа, метод экспертного опроса. **Результаты** проведенного исследования показывают, что психологическая работа является эффективным направлением, предназначенным для ресоциализации осужденного, однако действующее законодательство применительно к пенитенциарной пробации имеет ряд дискуссионных, непроработанных положений, затрудняющих использование профилактического потенциала психологической работы для коррекции поведения осужденных. Для решения выявленных проблем в первую очередь необходимо предусмотреть в качестве одного из средств исправления осужденных – психологическую работу, а также скорректировать законодательство, регламентирующее деятельность психологов ФСИН, путем устранения выявленных по результатам исследования недостатков.

Ключевые слова: пробация, ресоциализация, психологическая работа, коррекция, осужденный, пенитенциарная система

Для цитирования: Яковлева М. А. Психологическая работа как эффективное направление ресоциализации осужденного // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 277–286; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-277-286>.

Original article

Margarita A. Yakovleva

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-8739-3913>, boss.andre.777@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Psychological work as an effective direction of re-socialization of a convicted person

Abstract: Introduction. The relevance of the present research is determined by the fact that in 2024 the Federal Law 'On Probation in the Russian Federation' came into force. The adoption of this law not only initiated the development of a new stage in the penal and correctional policy of the state, associated with the formation of a comprehensive system of re-socialisation of convicted persons, but also gave rise to some problematic issues related to the implementation of its provisions. The necessity to study psychological work as a direction of penitentiary probation is caused by the fact that the current legislation in relation to penitentiary probation has a number of controversial, untested provisions that make it difficult to use the preventive potential of psychological work to correct the behaviour of convicts. At the same time, psychological work occupies a significant place in the complex of measures to correct the behaviour of a convicted person, as it provides the opportunity to comprehensively prepare convicts still under sentence for life, work and interaction with other members of society outside the walls of correctional institutions. **Methodology.** The methods of formal-logical, statistical, system analysis, method of expert survey were used in the research. **The results of the research** demonstrate that psychological work is an effective direction intended for the re-socialisation of a convicted person, but the current legislation in relation to penitentiary probation has a number of controversial, untested provisions that make it difficult to use the preventive potential of psychological work to correct the behaviour of convicts. In order to solve the identified problems, first of all, it is necessary to provide for a psychological work as one of the means of correction of convicts, as well as to amend the legislation regulating the activities of psychologists of the Federal Penitentiary Service by eliminating the shortcomings revealed by the results of the research.

Keywords: probation, re-socialisation, psychological work, correction, convicted person, penitentiary system

For citation: Yakovleva M. A. The direction of psychological work as an effective direction of the resocialization of a convicted person // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 277–286; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-277-286>.

Введение

С начала 2024 года вступил в силу Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹, при этом некоторые положения данного нормативного правового акта вступают в законную силу только с начала 2025 года (ст. 19–27, 30–32 и 34). Целью пробации является воздействие на преступника с помощью возложения на него обязанностей, ограничений и запретов, закреплённых в законодательстве Российской Федерации [1].

Принятие данного закона положило начало развитию нового этапа в уголовно-исполнительной политике государства, связанного с формированием комплексной системы ресоциализации осуждённых лиц. Несмотря на то, что многие регламентированные данным законом положения пока не нашли своей практической реализации, они уже нуждаются в дополнительной аргументации и конкретизации. Ученые полагают, что реализация положений указанного закона положительным образом скажется на уровне социализации осуждённых в частности и состоянии рецидивной преступности в нашей стране в целом [2, с. 201].

Как отмечается, организация в нашей стране деятельности службы пробации послужит основой для эффективной организации на системной основе работ по обеспечению исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, своевременного предупреждения повторного совершения преступления поднадзорными лицами, их исправления, социальной адаптации, в т. ч. профессиональной подготовки, обучения ремеслу, трудоустройства, оказания медицинской, психологической и правовой помощи [3, с. 52].

Об актуальности ресоциализации осуждённых, в т. ч. по направлению психологической работы, свидетельствуют и статистические данные, представленные на официальном

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2023. – № 6. – Ст. 917.

сайте Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России). Так, в 2023 году количество заключенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) сократилось на 32 000 человек: в 2022 году в них числились 465 000 заключенных, в 2023 году – 433 000². Однако в 2023 году наряду с сокращением числа находящихся в УИС осужденных наблюдался стабильно высокий уровень рецидива³.

Приведенные данные говорят о том, что значительная часть осужденных, покинув одну агрессивную среду в виде мест лишения свободы, практически не готовы к условиям еще более непростой среды – реальной жизни в обществе. Распорядок и режим исправительного учреждения, связанный со строгим подчинением и отсутствием самостоятельности в решении проблем, длительные стрессовые ситуации, отсутствие должной психологической подготовки к жизни вне изоляции – все это приводит к тому, что оказавшийся на свободе бывший осужденный не справляется с проблемами, ожидающими его на свободе, связанными с реализацией своих социальных прав, в частности, трудовых, восстановлением социально полезных связей, в т. ч. с близкими лицами и родственниками, преодолению возникающих в жизни проблем и трудностей. В результате вчерашний осужденный вновь становится на криминальный путь, и оказывается на скамье подсудимых. Это диктует необходимость тщательной ресоциализации, комплексной подготовки еще отбывающих наказание осужденных к жизни, труду и взаимодействию с другими членами социума вне стен исправительных учреждений.

Методы

Для исследования проблемы психологической работы как эффективного направления ресоциализации осужденного применялись методы системного и формально-юридического анализа, с помощью которых была изучена нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность психологических служб в исправительных учреждениях. Для обоснования актуальности темы использовались и анализировались статистические данные. Содержательная часть исследования основана на анализе проблем, выявленных в результате экспертного опроса на тему «О состоянии и роли работы психологов в реализации пенитенциарной подготовки осужденных к отбытию из мест лишения свободы», проведенного в период с мая по декабрь 2023 года в исправительных колониях (далее – ИК) Управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее – УФСИН России) по Вологодской (ИК-20, ИК-12, ИК-1) и Ивановской области (ИК-7). В рамках исследования было опрошено 12 экспертов, проходящих службу в УФСИН России перечисленных субъектов Российской Федерации на должностях психологов психологических служб.

Результаты

На основе экспертного опроса получены сведения, что действующее законодательство применительно к пенитенциарной пробации имеет ряд дискуссионных, непроработанных положений, затрудняющих использование профилактического потенциала психологической работы для коррекции поведения осужденных. Обобщение проблем, выявленных по результатам проведенного исследования, сводится к позднему моменту начала психологической работы с осужденным (только с момента осуждения лица), отсутствию механизмов индивидуальной психологической работы, нежеланию осужденных оказаться в рядах лиц, нуждающихся в психологической помощи, наличию субъективизма со стороны сотрудников УИС при оценке категории лиц, нуждающихся в проведении мероприятий психологической работы, незакреплению обязанности для осужденного посещать индивидуальные психологические сеансы как необходимого условия для условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также в том случае, если по результатам диагностики будет выявлена необходимость такой помощи, отсутствию в штате УИС необходимого числа психологов, одноэтапному моменту оценки личности (при поступлении в УИС в момент нахождения в карантинной зоне).

Обсуждение

Ресоциализация представляет собой комплексный межотраслевой институт [4], который обладает мощным профилактическим потенциалом как в связи с оказанием помощи осужденным, так и осуществлением контроля над ними. Вышеуказанный федеральный

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Федеральная служба исполнения наказаний : [Официальный сайт]. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 27.03.2024).

³ В Генпрокуратуре назвали уровень рецидивной преступности стабильно высоким // РИА Новости : [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20231111/prestupnost-1908807661.html> (дата обращения: 27.03.2024).

закон связывает ресоциализацию с осуществлением совокупности социально-экономических, педагогических, правовых мер со стороны субъектов профилактики правонарушений с целью реинтеграции в социуме находившихся в условиях изоляции от общества бывших осужденных. При этом законодательно ресоциализация подразделяется на два вида в зависимости от этапа, на котором она реализуется: 1) пенитенциарная (в процессе отбывания наказания в условиях изоляции); 2) постпенитенциарная (после освобождения из мест изоляции). Схожие этапы выделялись еще в работах советских авторов применительно к сфере, связанной с работой над личностью осужденного [5, с. 190].

В контексте данного исследования особую актуальность представляет пенитенциарный этап ресоциализации, при котором в отношении осужденного применяются меры нравственного, психологического, духовного, правового, организационного, воспитательного и иного характера. Данный этап ресоциализации в вышеупомянутом ФЗ «О пробации» заменяется термином «пенитенциарная пробация». Под последней понимается такая разновидность пробации, которая реализуется в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Целью подобного рода пробации является не только исправление осужденных, но и подготовка граждан, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из учреждений, в которых исполняются данные виды наказания. Основными направлениями пенитенциарной пробации наряду с проведением социальной и воспитательной работы с осужденными является также подготовка осужденных лиц к освобождению из учреждений, исполняющих наказания, и оказание им психологической помощи.

Психологическая помощь осужденным, отбывающим наказание, связанное с лишением свободы, ориентирована на осознание осужденным себя как личности, на адекватное осознание им своих индивидуальных особенностей, на развитие самооценки, самоанализа и саморегуляции [6, с. 62].

Оказание психологической помощи осужденному играет особую роль в подготовительном этапе ресоциализации и заслуживает особого внимания. На это обращали внимание еще советские правоведы. К примеру, Б. С. Утевский еще в 1960 году поднимал вопрос о включении должностей психологов и педагогов в штатную структуру исправительно-трудовых учреждений, что, по мнению автора, сделает качественным результат исправления⁴.

Такой интерес психологическая помощь в контексте пенитенциарной пробации вызывает в связи с тем, что действующее законодательство применительно к данному направлению ресоциализации имеет ряд дискуссионных, непроработанных положений, затрудняющих использование его профилактического потенциала.

Суммирование проблем, идентифицированных в ходе проведенного исследования, включает позднее начало психологической работы с осужденными (только с момента вынесения приговора), отсутствие механизмов для проведения индивидуальной психологической работы, нежелание осужденных признавать потребность в психологической помощи, наличие субъективного подхода со стороны сотрудников уголовно-исполнительной системы при оценке категорий лиц, нуждающихся в психологической поддержке, дефицит психологов в штате уголовно-исполнительной системы, а также одноэтапный характер оценки личности (при поступлении в УИС). Все эти проблемы, по нашему мнению, являются следствием причины, связанной с незакреплением в ч. 2 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса⁵ (далее – УИК РФ) психологической работы как одного из основных средств исправления осужденных.

Прежде всего отметим, что ведомственная психологическая служба в настоящее время руководствуется в своей деятельности приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 238 «Инструкция по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы»⁶, приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация

⁴ Утевский Б. С. Что надо знать работникам исправительно-трудовых учреждений о кибернетике : учебное пособие. – Москва: [б. и.], 1969. – С. 25.

⁵ Уголовно-исполнительный кодекс от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

⁶ Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 238. – URL: <https://studfile.net/preview/6177528/> (дата обращения: 27.03.2024).

в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁷. Порядок оказания психологической помощи осужденным предусмотрен в приложении 2 к последнему приказу.

Достаточно значимой, по нашему мнению, является проблема, связанная с недостаточным количеством психологов в исправительных учреждениях, которое приходится на долю осужденных. Так, нами было установлено, что в учреждениях, в которых проводилось исследование, на 100 человек из числа осужденных исправительного учреждения приходится 1–2 психолога, что существенно затрудняет выполнение возложенных на них задач по пенитенциарной пробации. Как отмечал основатель психологической службы М. Г. Дебольский, эффективность деятельности психологической службы находится в прямой зависимости от численности психологов на так называемом низовом уровне – в следственных изоляторах, исправительных колониях и тюрьмах [7, с. 126]. Развернутую модель системной и комплексной психологической работы, включающую широкий штат психологов, сформулировала Н. Д. Бережнова, предлагая в своей работе включить в нее специалистов в сфере медико-психологической и правовой помощи (клинического психолога, социального психолога, социального педагога, пенитенциарного психолога, воспитателя и юриста-консультанта), а также службу мониторинга пенитенциарной преступности (психолога-программиста, психолога-юриста, психолога-практика) [8, с. 54].

Следующая проблема пенитенциарной ресоциализации, на которую указывают опрошенные психологи, связывается с поздним моментом начала пенитенциарной пробации, в том числе психологической работы. Так, согласно вышеупомянутому ФЗ «О пробации», ее субъектами становятся лица лишь с момента осуждения к наказанию в виде лишения свободы или принудительных работ. В результате психологическая работа проводится только в отношении вновь прибывших осужденных (осужденных, которые согласно ст. 79 УИК РФ, находятся в карантинном отделении на срок до 15 суток) при первоначальной оценке психологических качеств с помощью первоначального тестирования, направленного на выявление лиц, склонных к суициду, а также тех, чье поведение требует проведения индивидуальных сеансов.

В свою очередь, на практике нередки случаи, когда подследственные или обвиняемые, ожидающие вступления приговора суда в законную силу, находятся в следственных изоляторах длительное время (более двух лет), что способствует влиянию на них криминальной субкультуры, экстраполяции на их поведение негативного опыта длительного нахождения в агрессивной среде лишения свободы. В результате к моменту осуждения эти лица уже приобретают негативные последствия такой длительной изоляции, что существенно усложняет последующую работу психологов по переубеждению и перевоспитанию осужденного.

Учитывая изложенное, представляется, что субъектами пенитенциарной пробации, в частности, адресатами психологической работы подследственные должны становиться, начиная с направления их в следственный изолятор (далее – СИЗО), на что также обращали внимание ученые [9, с. 22–23]. Также следует согласиться с тем, что законодательно установленное требование наличия согласия осужденного и возможность отказаться в любое время от продолжения работы с психологом сводят работу психологов к формальной постановке лиц на профилактический учет [10, с. 341]. В связи с этим следовало бы предусмотреть психологическую работу в виде одного из средств исправительного воздействия и обязать осужденных, которым по результатам диагностики требуется помощь, посещать индивидуальные психологические мероприятия.

Кроме того, ведомственные опрошенные психологи акцентируют внимание на проблеме, связанной с отсутствием механизмов индивидуальной психологической работы

⁷ О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (вместе с «Порядком исполнения обязанностей и осуществления прав учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации», «Порядком осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи», «Порядком оказания содействия осужденным, освобождающимся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве», «Критериями и методикой оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Порядком подготовки индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации», «Индивидуальной программой ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации»): приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 (зарег. в Минюсте России 30.11.2023, № 76172) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (дата обращения: 27.03.2024).

в соответствии с вышеупомянутым приказом от 29 ноября 2023 г. № 350. Анализ данного нормативного правового акта в большей мере закрепляет формальные моменты реализации индивидуальной психологической работы, в т. ч. ее основные направления, виды, общий порядок проведения (п. 148), однако процедурный порядок психологической работы, сроки ее оказания, порядок сбора данных о лице, нуждающемся в такой помощи, и проведения психологической диагностики не регламентированы, и требуют детализации в ведомственных инструкциях.

Вызывает вопросы еще одно положение, согласно которому психологическая помощь является добровольной, и основанием для ее оказания является письменное согласие осужденного лица. Однако практики отмечают, что осужденные редко обращаются в исправительных учреждениях к психологу. Это связано с тем, что подобное обращение может быть расценено со стороны других осужденных как сотрудничество с администрацией учреждения, т. е. негативно. Кроме того, причиной нежелания осужденных обращаться к психологам может выступать и то, что конфиденциальные сведения о личности осужденного психолога зачастую передают сотрудникам оперативного отдела с целью дальнейшего превентивного их использования для предотвращения конфликтных ситуаций [11, с. 193].

Кроме того, как отмечают эксперты, если такие обращения к психологам и поступают, то они, как правило, связываются с различными жалобами, которые не относятся к психологическим проблемам.

Следующим спорным положением, по мнению психологов, является то, что пробация рассчитана на помощь нуждающимся в такой помощи. Однако критерии нуждаемости лишь обобщенно закреплены в п. 3 ч. 2 приложения 4 к приказу Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350, где в качестве одного из критериев приводится необходимость получения психологической помощи. Представляется, что такие общие формулировки на практике не исключают фактора субъективизма при оценке категории осужденных, нуждающихся в психологической работе, в результате чего лицам может быть необоснованно отказано в оказании психологической помощи. В связи с этим необходима детализация критериев нуждаемости в психологической помощи.

Ввиду недостаточности штата психологов психологическая работа фактически проводится в один этап (первоначальное тестирование, когда лицо находится в карантинной зоне), по результатам которого данные вносятся в программу “PsychometricExpert”⁸, в которой генерируется отчетная документация. Далее психолог на основе занесенных в программу данных выбирает в программе свою методику проведения индивидуальной психологической работы. Однако, к сожалению, подобная программа не учитывает всех особенностей личности осужденного и не помогает выявить и оценить риски возможного рецидива осужденного при условно-досрочном его освобождении или замене его наказания на более мягкое. Эти риски не будут выявлены, поскольку осужденное лицо, претендующее на условно-досрочное освобождение, не проходит в обязательном порядке индивидуальных профилактических сеансов.

Между тем программа «Автоматизированное рабочее место пенитенциарного психолога» (АРМПП) “PsychometricExpert” в настоящее время внедрена и повсеместно используется исправительными учреждениями Российской Федерации. Сотрудники психологической службы исследуемых регионов в числе первых овладели новыми техническими возможностями “PsychometricExpert”⁹. Особенностью данной программы является то, что она позволяет в максимально короткие сроки осуществить обработку результатов психологических тестов, социально-психологических исследований в коллективах, а также составить отчетную документацию или характеристику на каждого осужденного. Кроме того, обновленная версия программы позволяет не только аккумулировать данные проведенных исследований, но и вносить в сведения о проведенной работе с осужденным со стороны представителей психологических служб, формировать на основе внесенных сведений журналов и специализированных отчетов, которые впоследствии направляются во ФСИН России.

По мнению начальника психологической службы отделения по воспитательной работе с осужденными УФСИН России по Ярославской области, технические возможности программы “PsychometricExpert” позволяют не только детально контролировать реально

⁸ Psychometric Expert – Автоматизированное рабочее место психолога : [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychometrica.ru/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁹ Психологическая служба уголовно-исполнительной системы // Psychometric Expert – Автоматизированное рабочее место психолога : [Электронный ресурс]. – URL: <https://psychometrica.ru/index.php/psy-ufsin> (дата обращения: 02.03.2024).

проводимую психологами психодиагностическую, психопрофилактическую и психокоррекционную работу, но и исключить возможность искажения отчётных данных, предоставляемых во ФСИН России, сократить временной ресурс, используемый психологом при подготовке отчетной документации, за счет чего увеличить время на оказание качественной психологической помощи осуждённым¹⁰.

Между тем “PsychometricExpert” – многофункциональная (гибридная) компьютерная диагностическая система, которая включает систему планирования и проведения психологической диагностики личности и группы, позволяющую вести учёт, психологический отбор, оценку и сопровождение персонала организации, а также различных групп людей; библиотеку психодиагностических методик с возможностью печати стимульного материала, бланков, накладных ключей и т. д.; электронный учебник по экспериментальной психологии, психодиагностике и математической статистике; среду разработки и совершенствования экспериментальных методов исследования личности и группы, в частности, психодиагностические тесты; среду управления компетенциями, разработки интерпретаторов, моделей, профессиограмм, критериев оценки данных; систему статистического анализа данных; среду интеграции различных диагностических приложений; среду разработки справочных систем (в т. ч. мультимедийных); систему контроля исполнения обязательств.

Следующая проблема связана с тем, что в ведомственных медико-санитарных частях (далее – МСЧ) УФСИН России исследуемых регионов не хватает врачей-психиатров или они вовсе отсутствуют. Так, например, в МСЧ УФСИН России по Вологодской области работает один врач-психиатр на все учреждения УИС данного региона. В связи с этим ввиду нехватки врачей-психиатров, осужденных лиц при подозрении у них психических расстройств, направляют в соответствующие гражданские учреждения, оказывающие психиатрическую помощь. Однако психические расстройства, в т. ч. расстройства поведения, различные зависимости достаточно распространены среди лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, а их усугублению в большой степени способствует так называемый пенитенциарный стресс [12, с. 544].

Применительно к психологической работе в рамках пенитенциарной пробации представляет интерес опыт Германии [13; 14], в частности, земли Северный Рейн-Вестфалия. Здесь задачи психолога связаны большей частью с диагностическим направлением. В штате психологов 150 узких специалистов, чья помощь бывает востребована в особо сложных ситуациях. При этом на одного психолога приходится 25–30 человек. Эти специалисты проводят типовые тренинги по развитию социальных навыков поведения осужденных, в которых также задействованы социальные работники и социальные педагоги. В задачи психологов входят первичное изучение личности осужденного с целью разработки программы ресоциализации, уточнение диагноза и разработка дальнейших мероприятий по исправлению, изучение осужденных в процессе отбывания наказания и проведение терапевтических мероприятий, обследование в связи с изменением условий содержания и предстоящим освобождением. Что касается тестового инструментария, то он схож с тем, что используется в Российской Федерации. Отличительная особенность психологической диагностики осужденных Германии – применение специализированных тестов, направленных на выявление отношения осужденного к совершению преступлений, изучение чувства ответственности за свои поступки, определение факторов риска повторных правонарушений.

Безусловно, для повышения эффективности исправления осужденных важно «не слепое копирование зарубежного опыта, а учет отечественных пенитенциарных традиций» [15, с. 133], однако некоторые моменты, закреплённые в зарубежном законодательстве, все-таки представляют определённый интерес.

Программа психологической диагностики в Германии реализуется в три этапа.

1. Первичный. В рамках данного этапа на протяжении шести недель разрабатывается программа ресоциализации (работают квалифицированные психологи, осужденных также изучают педагоги и социальные работники). По результатам их деятельности дается общая характеристика осужденного, на заседании рабочей комиссии психолог вносит предложения в индивидуальный план ресоциализации. Далее решается вопрос, в какое учреждение будет направлен осужденный для отбывания наказания и какие мероприятия в отношении него необходимо применять.

¹⁰ Психологи УФСИН России по Ярославской области продолжают совершенствовать свой профессиональный уровень // УФСИН России по Ярославской области. : [Официальный сайт]. – URL: https://76.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=316258 (дата обращения: 02.03.2024).

2. Ориентировочный. Данный этап начинаем с момента поступления осужденного в колонию, где его личность вновь рассматривается на комиссии, участники которой знакомят его с индивидуальным планом ресоциализации, рассматривают вопросы по решению социальных проблем, профессиональной и образовательной подготовки, лечения от наркомании, заглаживания вины перед потерпевшим. Если осужденный исправляется и соблюдает программу, существует возможность смягчения режима. В России данный период называется адаптационным. Однако все же ключевая идея ресоциализации должна заключаться в том, чтобы не адаптировать осужденных к условиям тюрьмы, а наоборот, ориентировать их на положительные изменения и подготовку к жизни на свободе.

3. Психодиагностика в процессе отбытия наказания. На данном этапе осуществляется наблюдение за поведением в группе по 10–12 человек, за которыми закреплены психологи, мастер на производстве, педагог в школе. Диагностика реализуется во время бесед, психологических консультаций осужденного, групповых психокоррекционных мероприятий. В России такая диагностика происходит в форме работы – оценка степени продвижения осужденного по социальному лифту (аттестация).

4. Психодиагностика на этапе освобождения. Оценка выполнения осужденным личного плана ресоциализации и подготовка заключения о его потенциальной опасности для общества (оценка факторов риска рецидивизма). На основании письменного заключения психолога комиссия принимает решение об условно-досрочном освобождении, окончательное решение принимается начальником соответствующего учреждения.

Также отличительной чертой германской пенитенциарной системы является психотерапия – особый вид межличностного взаимодействия, при котором оказывается профессиональная помощь психологическими средствами при возникновении проблем. Здесь используются такие программы, как устранение неврозов, фобий, страхов, наркотической зависимости (работа дополнительно и с медиками), психологическая коррекция и развитие личностных качеств, ценностных ориентаций, социальных установок, эмоциональной устойчивости личной ответственности, эмпатии к жертве и другим людям. Эти мероприятия осужденные посещают на добровольной основе, однако для некоторых категорий (лиц, совершивших насильственные преступления и страдающих наркотической зависимостью) подобные сеансы становятся обязательными.

Также положительно следует оценить опыт Германии по использованию в пенитенциарной системе двух моделей психотерапевтической помощи: это специализированный психотерапевт тюрьмы и психотерапевтические участки при тюрьмах. В особо сложных ситуациях выделяются средства на приглашение психотерапевтов из гражданских учреждений. Кроме того, закреплено время, отведенное на одну часовую индивидуальную психотерапевтическую сессию, которая проходит раз в неделю. Групповая психотерапевтическая сессия проводится раз в неделю и длится 2 часа (в виде когнитивно-поведенческих тренингов) [13; 14].

Заключение

Таким образом, психологическая работа является эффективным направлением, предназначенным для ресоциализации осужденного. Однако действующее законодательство применительно к пенитенциарной пробации имеет ряд дискуссионных, непроработанных положений, затрудняющих использование профилактического потенциала психологической работы для коррекции поведения осужденных. Для решения выявленных проблем в первую очередь необходимо предусмотреть в качестве одного из средств исправления осужденных психологическую работу, а также скорректировать законодательство, регламентирующее деятельность психологов ФСИН, путем устранения выявленных по результатам исследования недостатков.

Как показывает практика, существует специфика проведения с различными категориями осужденных психологического консультирования и психокоррекции, организации социально-психологического патроната и помощи в восстановлении нарушенных социальных связей. На основании этого полагаем важным продолжить проведение научных исследований по проблеме обоснования оптимальной модели психологического обеспечения в деятельности психологов исправительных учреждений, обратить внимание на квалификационные требования к указанным сотрудникам, методическому инструментарию, которое в пенитенциарных условиях способствовало бы профилактике рецидива и готовности осужденного к освобождению и жизни в обществе. При этом следует ориентироваться и на положительный опыт зарубежных коллег, который можно успешно использовать в пенитенциарных учреждениях нашего государства.

Список литературы

1. Антонян Е. А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica. – 2018. – № 9. – С. 112–118; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.112-118>.
2. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 2 (58). – С. 194–203; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.009>.
3. Фазилев И. Ю. Пробация – эффективная система ресоциализации лиц, совершивших преступление // Наука, техника и образование. – 2019. – № 8 (61). – С. 49–52.
4. Латышева Л. А. Ресоциализация женщин, осужденных к лишению свободы: отечественный и зарубежный опыт : монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 121 с.
5. Натасhev А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права : монография. – Москва: Юридическая литература, 1967. – 190 с.
6. Штефан Е. Ф. Психологическая коррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках лишения свободы // Пенитенциарная наука. – 2009. – № 8. – С. 60–62.
7. Дебольский М. Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации // Российский психологический журнал. – 2004. – Т. 1, № 1 – С. 119–130.
8. Бережнова Н. Д. Совершенствование системы управления психологическими службами федеральной службы исполнения наказания России // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 5 (41). – С. 53–56.
9. Казберов П. Н. О некоторых аспектах и результатах работы по теоретико-концептуальному обеспечению функционирования психологической службы ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 5. – С. 19–23.
10. Черехович М. М. Роль психологической работы в системе средств исправления осужденных // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 3 – С. 337–342; <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342>.
11. Серебренникова А. В. Пробация: за и против // Человек: преступление и наказание. – 2023. – Т. 31, № 2. – С. 186–198; [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.186-198](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.186-198).
12. Семке В. Я., Гусев С. И., Снугирева Г. Я. [и др.]. Пенитенциарная психология и психопатология : монография : в 2 т. / под ред. Т. Б. Дмитриевой, В. Я. Семке, А. С. Кононца. – Томск: Типография «Иван Федоров», 2007. – Т. 1. – 576 с.
13. Габараев А. Ш. Особенности деятельности службы пробации в Германии // Colloquium-journal. – 2018. – № 11-10 (22). – С. 13–15.
14. Тыныбеков Н. Т. Практика применения пробации в зарубежных странах // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 51–55;
15. Поздняков В. М. Востребованность психологов при создании в России службы пробации // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 4. – С. 131–135.

References

1. Antonyan Ye. A. Prinuditel'nyye mery vospitatel'nogo vozdeystviya: problemy naznacheniya i primeneniya // Lex Russica. – 2018. – № 9. – S. 112–118; <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.112-118>.
2. Golodov P. V. Probatsiya v Rossiyskoy Federatsii: nekotoryye problemy soderzhaniya i pravovoy reglamentatsii // Penitentsiarnaya nauka. – 2022. – № 2 (58). – S. 194–203; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.009>.
3. Fazilov I. Yu. Probatsiya – effektivnaya sistema resotsializatsii lits, sovershivshikh prestupleniye // Nauka, tekhnika i obrazovaniye. – 2019. – № 8 (61). – S. 49–52.
4. Latysheva L. A. Resotsializatsiya zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt : monografiya. – Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2019. – 121 s.
5. Natashev A. Ye., Struchkov N. A. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava : monografiya. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1967. – 190 s.
6. Shtefan Ye. F. Psikhologicheskaya korrektsiya agressivnogo povedeniya osuzhdennykh muzhskogo pola pri dlitel'nykh srokakh lisheniya svobody // Penitentsiarnaya nauka. – 2009. – № 8. – S. 60–62.
7. Debol'skiy M. G. Psikhologicheskaya sluzhba ugovovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii: opyt organizatsii // Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal. – 2004. – Т. 1, № 1 – S. 119–130.
8. Berezhnova N. D. Sovershenstvovaniye sistemy upravleniya psikhologicheskimi sluzhbmami federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniya Rossii // Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. – 2011. – № 5 (41). – S. 53–56.

9. *Kazberov P. N.* O nekotorykh aspektakh i rezul'tatakh raboty po teoretiko-kontseptual'nomu obespecheniyu funktsionirovaniya psikhologicheskoy sluzhby FSIN Rossii // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravleniye. – 2022. – № 5. – S. 19–23.
10. *Cherekhovich M. M.* Rol' psikhologicheskoy raboty v sisteme sredstv ispravleniya osuzhdennykh // Penitentsiarnaya nauka. – 2020. – № 3 – S. 337–342; <https://doi.org/10.46741/2686-9764-2020-14-3-337-342>.
11. *Serebrennikova A. V.* Probatsiya: za i protiv // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2023. – T. 31, № 2. – S. 186–198; [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).2.186-198](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).2.186-198).
12. *Semke V. Ya., Gusev S. I., Snigireva G. Ya. [i dr.]*. Penitentsiarnaya psikhologiya i psikhopatologiya : monografiya : v 2 t. / pod red. T. B. Dmitriyevoy, V. Ya. Semke, A. S. Konontsa. – Tomsk: Tipografiya “Ivan Fedorov”, 2007. – T. 1. – 576 s.
13. *Gabarayev A. Sh.* Osobennosti deyatelnosti sluzhby probatsii v Germanii // Colloquium-journal. – 2018. – № 11-10 (22). – S. 13–15.
14. *Tynybekov N. T.* Praktika primeneniya probatsii v zarubezhnykh stranakh // Yuridicheskaya nauka. – 2019. – № 5. – S. 51–55;
15. *Pozdnyakov V. M.* Vostrebovannost' psikhologov pri sozdanii v Rossii sluzhby probatsii // Chelovek: prestupleniye i nakazaniye. – 2011. – № 4. – S. 131–135.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 28, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Методология и технология профессионального образования

Methodology and technology of professional education

Научная статья

УДК 378.4

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-287-299>

Анна Юрьевна Денисова

адъюнкт

katusya2003@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Феномен рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации на этапах практик*

Аннотация: Введение. Рефлексивный аспект (связанный с самосознанием личности как развивающейся «Я-концепции») является системообразующим фактором, обеспечивающим оптимальное взаимодействие всех акмеологических аспектов профессионализации человека: образовательного, профессионального и креативного¹. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение феномена рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций МВД России. В данной статье раскрывается сущность и значение рефлексии на этапах практик курсантов, предлагается внедрение рефлексивной карты их готовности к практике, даются рекомендации по развитию рефлексии. **Методы исследования:** теоретические (анализ и обобщение философских, теоретико-методологических и психолого-педагогических исследований, контент-анализ учебных планов и программ, методических комплексов практик), эмпирические (наблюдение, опрос, анкетирование, метод самооценки) и статистические методы (качественный и количественный анализ результатов). В качестве основных методик использованы

* Статья заняла II место в международном конкурсе адъюнктов и аспирантов на лучшую научную статью 2024 года, проведенном Санкт-Петербургским университетом МВД России.

¹ Абульханова К. А. [и др.] Акмеология : учебник / под общ. ред. А. А. Деркача. – изд. 2-е, перераб. – Москва: Издательство РАГС, 2006. – 422 с.

методика А. В. Карпова и В. В. Пономарёвой и Т-критерий Стьюдента. На основе анализа полученных данных уровня рефлексивности у обучающихся 3–5-х курсов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова низкий уровень рефлексивности был выявлен у 25,1 % респондентов 3-х курсов, средний уровень рефлексивности выявлен у 60,5 %, высокий уровень рефлексивности отмечен у 14,4 % опрошенных. Сравнивая показатели рефлексивности в динамике на примере 4-го и 5-го курсов, можно видеть закономерную положительную динамику. В дополнительном исследовании, респондентами которого стали те же курсанты 4-го курса, была предложена рефлексивная карта готовности к прохождению практики. После прохождения практики курсанты подготовили рефлексивные отчеты, итоги были обсуждены на предметно-методической секции кафедры, даны соответствующие рекомендации каждому из них. В данной выборке респондентов низкий уровень развития рефлексивности нивелирован, кроме того, значительно вырос средний и высокий уровни. **Результаты.** Введение рефлексивной карты готовности курсанта-практиканта и более тщательный рефлексивный анализ на всех этапах практик значительно увеличивают показатели рефлексивности и могут быть предложены для внедрения в практическую подготовку будущих правоохранителей.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивный анализ, рефлексивная карта готовности, практики, уровень рефлексивности

Для цитирования: Денисова А. Ю. Феномен рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций МВД России на этапах практик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 287–299; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-287-299>.

Original article

Anna Yu. Denisova
Graduate
katusya2003@yandex.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot'
12, Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

The phenomenon of reflection on the professional experience at the practice stages of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of The Russian Federation*

Abstract: Introduction. The reflexive aspect (associated with the self-awareness of the personality as a developing «I-concept») is a system-forming factor that ensures optimal interaction of all acmeological aspects of human professionalisation: educational, professional and creative². In this regard, the study of the phenomenon of reflection on the professional experience of students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is of particular relevance. This article reveals the essence and significance of reflection at the stages of students' practice, suggests the introduction of a reflective map of their readiness for practice, and provides recommendations for the development of reflection. **Research methods:** theoretical (analysis and generalisation of philosophical, theoretical-methodological and psychological-pedagogical research, content analysis

* The article took 2nd place in the international competition of post-graduates for the best scientific article of 2024, held by the Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

² Abul'khanova K. A. [i dr.] Akmeologiya : uchebnik / pod obshch. red. A. A. Derkacha. – izd. 2-ye, pererab. – Moskva: Izdatel'stvo RAGS, 2006. – 422 s.

is of curricula and programs, methodological complexes of practice), empirical (observation, survey, questionnaire, self-assessment method) and statistical methods (qualitative and quantitative analysis of results). The methods of A.V. Karpov and V. V. Ponomareva and the Student's T-test were used as the main methods. Based on the analysis of the obtained data on the level of reflexivity among students of the 3rd-5th courses of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, a low level of reflexivity was revealed in 25.1% of 3rd-year respondents, an average level of reflexivity was revealed in 60.5%, a high level of reflexivity was in 14.4% of respondents. Comparing the dynamics of reflexivity in the example of the 4th and 5th -year students, we can see a natural positive dynamic. In an additional study, the respondents of which were the same 4th -year students, a reflective map of readiness for practical training was proposed. After completing the internship, the students prepared reflective reports, the results were discussed at the subject-methodical section of the department, and appropriate recommendations were given to each of them. In this sample of respondents, the low level of reflexivity has been leveled, in addition, the average and high levels have increased significantly. **Results.** The introduction of a reflective readiness map for a trainee student and a more thorough reflexive analysis at all stages of practice significantly increase reflexivity indicators and can be proposed for implementation in the practical training of future law enforcement officers.

Keywords: reflection, reflexive analysis, reflection readiness map, practice, level of reflexivity

For citation: Denisova A. Yu. The phenomenon of reflection on the professional experience at the practice stages of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 287–299; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-287-299>.

Введение

Современная образовательная программа, нацеленная на обеспечение высокого качества профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов, предполагает наличие в учебном плане нескольких типов практик, каждая из которых имеет свои задачи и предполагает по ее окончании наличие определенных компетенций. Ввиду практико-ориентированной подготовки будущих специалистов органов внутренних дел (далее – ОВД), требования к которой были усилены Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (далее – ФГОС ВО) третьего поколения, а также в соответствии с изменениями в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»³ образовательные организации МВД России с помощью новых методов и путей предпринимают усилия по ее совершенствованию. Так, например, в Санкт-Петербургском университете МВД России было организовано исследование, направленное на совершенствование организации и содержания практик, которое констатировало, что успешность практики более высока при её организации в крупных городах или регионах, где имеются условия для получения практикантами разнообразного опыта, а также возможность освоить более широкий спектр задач по правоохранительной деятельности⁴. В целях повышения качества подготовки кадров для ОВД, формирования практических навыков работы по предполагаемым к замещению выпускниками должностям, а также ускорения их адаптации к предстоящей практической деятельности в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова организована работа филиала кафедры организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) на базе УГИБДД УМВД России по Орловской области [1]. Как отмечает начальник Академии управления МВД России генерал-лейтенант полиции С. А. Синенко, «использование профессорско-преподавательским составом кафедры организации деятельности ГИБДД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова активных форм обучения и практико-ориентированного обучения на межкафедральном многофункциональном учебно-полигонном комплексе, а также специализированного оборудования и программного обеспечения позволило существенно повысить качество выполнения обучающимися заданий и составления процессуальных документов при прохождении всех видов практик» [2].

³ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

⁴ Бутиков А. И. Пути совершенствования практического обучения в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2 (90). – С. 151–157; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-2-151-157>.

Феномен успешной реализации кластерного подхода, на основе которого кафедра педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, транслируя базовые положения научной школы кафедры «Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России», позволил оптимизировать процесс подготовки специалистов для работы с несовершеннолетними, что дало возможность усовершенствовать подготовку социальных педагогов при межведомственном взаимодействии всех заинтересованных субъектов (а также заказчиков) [3].

Приведенный положительный опыт образовательных организаций МВД России может быть успешно экстраполирован другими образовательными организациями, однако он был бы невозможен без грамотной рефлексии каждого из субъектов организации практик и, в частности, самого курсанта.

Согласимся с точкой зрения В. А. Чупиной и О. А. Федоренко в том, что «этимологический и лексико-семантический анализ слова «рефлексия», изучение исторических корней понятия, проведение сравнительного анализа изученности рефлексии в философии, психологии позволили установить, что рефлексия представляет собой сложное историческое, научное, теоретико-методологическое понятие, развитие которого носит циклический характер. В истории философии – это путь от философии древних к философии Возрождения и Просвещения с ее апеллированием к свободе и самоценности личности, от святого Фомы Аквинского, определявшего рефлексию как «мысль, догоняющую мысль», к немецкой философии, утвердившей аксиологический смысл рефлексии. Отечественная философия и методология завершили определение рефлексии как механизма мышления и деятельности» [4].

Не вызывает сомнения точка зрения О. В. Брусс и О. Ю. Ананьина, согласно которой «рефлексия представляет способность человека обращаться внутрь себя, размышлять о своем психическом состоянии, анализировать свои мысли, намерения, поступки и их результаты, является неотъемлемой частью эффективного общения; она связана с самонаблюдением и опирается на самосознание. По этой причине изучение рефлексивных процессов в профессиональной деятельности курсантов и сотрудников органов внутренних дел – актуальная задача в современных социокультурных условиях»⁵. Вопрос роли рефлексивного компонента находился и находится в научном поле таких ученых, как С. Л. Рубинштейн [5], А. В. Брушлинский [6], В. В. Сериков [7], В. А. Сластенин [8], Б. Г. Ананьев [9], О. С. Анисимов [10], А. А. Деркач [11], а в рамках данного исследования применительно к структуре МВД России наибольший интерес представляют работы В. В. Анциферова, И. Д. Мариновской, С. В. Сердюк, И. С. Склярченко, С. Н. Тихомирова и др., которые акцентируют внимание на аспектах формирования профессионально значимых качеств курсантов образовательных организаций МВД России в ходе учебного процесса⁶ [12–14].

В нашем исследовании термины «рефлексия», «рефлексивный алгоритм», «рефлексивный анализ», «рефлексивная карта» будут перекликаться, что лишь подчеркнет важность рефлексивного аспекта и позволит сбалансировать нашу гипотезу о роли рефлексивной составляющей для курсантов на этапах практик.

Сформулируем значение рефлексии для самих курсантов образовательных организаций МВД России в их профессиональной деятельности как инструмента для преодоления профессиональных трудностей. Во время практик они впервые сталкиваются с реальными ситуациями и задачами, которые возникают в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Во-первых, рефлексия помогает им осознать и анализировать свое поведение, принятые решения и реакции на различные ситуации (*профессиональная рефлексия*).

Во-вторых, рефлексия помогает курсантам лучше понять себя в качестве будущих сотрудников системы МВД России. Они могут задуматься о своих ценностях, мотивах и убеждениях, о том, как последние могут быть применены в их профессиональной деятельности. Рефлексия также помогает им в развитии собственной профессиональной идентичности, понять свои сильные и слабые стороны, что позволяет им сосредоточиться на развитии своих навыков и улучшении профессиональной компетенции (*личностная рефлексия*).

В-третьих, благодаря рефлексии курсанты образовательных организаций МВД России имеют возможность самостоятельно оценить свои решения в служебной деятельности, их эффективность и последствия, а также через призму полученного опыта скорректировать ошибки и предотвратить их в будущем. Рефлексия также позволяет им разобраться

⁵ Брусс О. В., Ананьин О. Ю. Способность к рефлексии у курсантов университетов МВД как фактор успешной профессиональной деятельности / Студенческий научный форум 2022 : материалы Международной студенческой научной конференции, 12 октября 2021 – 15 марта 2022 гг. / под ред. Н. Е. Старчиковой, отв. секр. Н. И. Нефедова. – Москва: Издательство Евроазиатской научно-промышленной палаты, 2022. – Т. XI. – С. 27–29.

⁶ Мариновская И. Д., Тихомиров С. Н., Цветков В. Л. Психология и педагогика в правоохранительной деятельности: учебное пособие. – Москва: Щит-М, 2005. – 113 с.

в причинах возникновения проблем или сложных ситуаций в служебном коллективе и найти способы их предупреждения или решения (*кооперативная рефлексия*).

В-четвертых, курсанты образовательных организаций МВД России развивают навыки самоорганизации и саморегуляции в профессиональной деятельности, а значит, возрастает уровень способности самоанализа ее продуктивности, эффективности, улучшается навык управления своим временем и ресурсами, благодаря чему им удастся лучше определять цели и планировать свою деятельность (*интеллектуальная рефлексия*).

В-пятых, рефлексия помогает курсантам развить навыки коммуникации и взаимодействия с другими людьми. А в условиях «очевидных деструктивных тенденций социокультурного характера и амбивалентности нравственных взглядов граждан» [15] они стабилизируют свою коммуникацию, развивают эмоциональный интеллект, навыки эмпатии и понимания других людей, что является профессионально важным качеством для успешной работы в правоохранительных органах с опорой на традиционные гуманистические ценности в условиях нравственного воспитания молодого поколения (*коммуникативная и социальная рефлексии*).

Наконец, как верно отмечает С. Н. Тихомиров, практика показывает, что выпускники образовательных учреждений не всегда способны психологически и нравственно противостоять влиянию криминальной среды⁷. В условиях растущего количества случаев делинквентного поведения, агрессии, психических девиаций, что усугубляется средствами массовой информации и размывает нравственную составляющую молодого поколения, пропагандируя эгоизм, гедонизм, распушенность, нетрадиционные ориентации, нивелируя потребности личности в духовном развитии, укреплении традиционно нравственных ценностей русского народа, рефлексия позволяет контролировать эмоциональное состояние личности в ее непрерывном развитии, адаптироваться к различным ситуациям, с которыми курсанты сталкиваются на практике. Они могут осознать свои эмоциональные реакции и научиться контролировать их в стрессовых ситуациях (*саногенная и экзистенциальная рефлексии*), что крайне важно с учетом служебной специфики правоохранителя, а именно – ежедневные обязанности – соблюдать закон, защищать граждан и предупреждать преступления – сопряжены с постоянным риском для жизни и здоровья [16].

Однако вернемся к организации практик в образовательных организациях МВД России и отметим, что для нее характерны: концентрическая модель (в отличие от линейной, основанной на дуальности обучения), основополагающими принципами которой являются системность процесса; структурированность изучаемого материала, связь теории с практикой, которая достигается планомерной отработкой задач в рамках профессиональных модулей в соответствии с изученными дисциплинами согласно ФГОС ВО; индивидуализация благодаря разработанным индивидуальным заданиям. Погружаясь во время практической деятельности (на одном из видов практик) в профессиональную среду, курсант обретает новый опыт, что в совокупности с имеющимися у него знаниями совершенствует его компетенции в правоохранительной деятельности на *опытно-рефлексивном уровне*. Отметим, что в данном случае будущий правоохранитель учится выстраивать траекторию профессиональной деятельности, решая определенные вопросы и рефлексировав в отношении собственных компетенций. Выделяя как одну из ведущих производственную практику, нацеленную на получение профессиональных компетенций, и проанализировав сквозь призму концентрической модели цикл обучения и ее организации (рисунок 1).

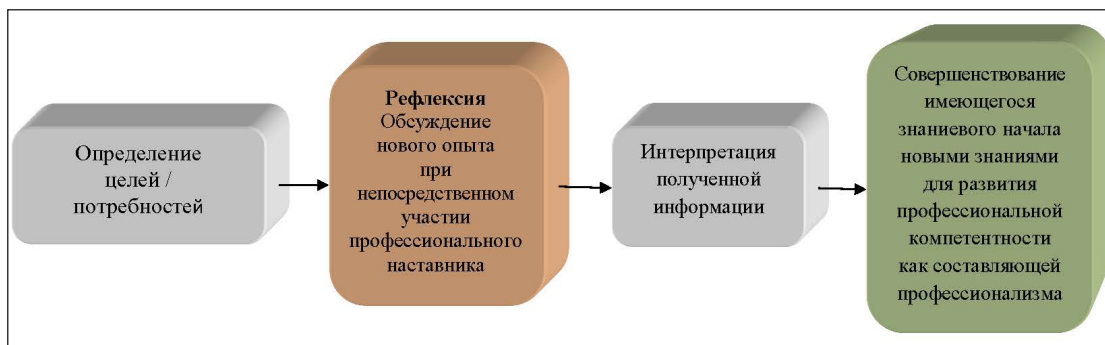

Рис. 1. Схема цикла обучения производственной практики

⁷ Тихомиров С. Н. Формирование основ профессионально-нравственной устойчивости у курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 1999. – 27 с.

Подчеркнем при этом важность «второго шага» – *рефлексии*, во время которого курсант после выполнения практико-ориентированных заданий получает обратную связь от профессионального наставника, а также от других участников, что позволяет ему интерпретировать полученную информацию и развить абстрактное мышление, задавая вектором развития получение новых знаний, которые необходимы ему в решении служебных задач. Вышесказанное позволяет нам выделить основополагающие принципы, которые лежат в основе организации любого вида практик, в том числе производственной (рисунок 2).

Полагаем, прозрачность каждого из приведенных принципов не вызывает сомнения, однако в контексте нашего исследования *принцип поэтапного рефлексивного анализа* представляет особый интерес, поскольку, по нашему мнению, позволяет формировать *рефлексивный алгоритм* на каждом из этапов практики, благодаря чему курсант может оценить первоначальный уровень его готовности к профессиональной правоохранительной деятельности, отследить динамику изменений уровневых показателей, что, в свою очередь, будет информативным для определения общей удовлетворённости субъектов организации практики ее результатами. Подчеркнем также, что реализация данного принципа была бы невозможна без *рефлексии* и саморефлексии самого курсанта.

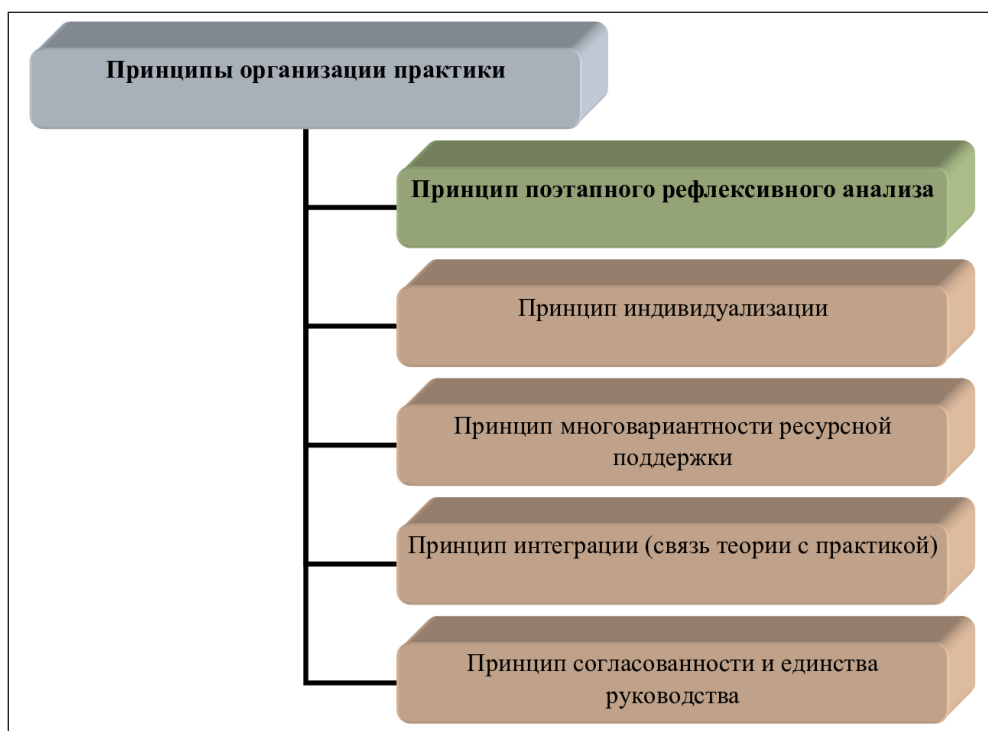

Рис.2. Основные принципы организации практики

В контексте нашего исследования интерес представляет и точка зрения доктора педагогических наук И. В. Ульяновой, которая отмечает, что «степень развитости рефлексивных способностей во многом обусловлена темпераментом человека» [17]. В зависимости от темперамента обучающегося склонность его к рефлексии варьируется и выражается в большей или меньшей степени. Очевидно, что природная склонность к рефлексии меланхолика дифферентна по отношению к несколько завышенной самооценке холерика, а сангвиник, склонный к некоторому формальному отношению к самоанализу, отличен от флегматика, для которого данная деятельность не проста и требует внешней стимуляции. Особую актуальность приобретает данный вопрос в рамках профессионального становления сотрудников правоохранительных органов, успешность которого напрямую зависит от глубины и качества процессов самопознания и саморегуляции. Во-первых, идентификация своих «слабых и сильных сторон» в соответствии с темпераментом стабилизирует самих курсантов образовательных организаций МВД России, которые могут использовать эту информацию в профессиональной деятельности, что, в частности, поможет им минимизировать трудности на практике. Во-вторых, для преподавателя, выступающего в роли фасилитатора, поддерживающего курсантов в их самопознании, подобная информация ценна для грамотного выстраивания индивидуального подхода к обучающимся. В дальнейшем планируется углубленное исследование данного вопроса.

Методы исследования

В исследовании применялись теоретические (анализ и обобщение философских, теоретико-методологических и психолого-педагогических исследований, контент-анализ, учебных планов и программ, методических комплексов практик), эмпирические (наблюдение, опрос, анкетирование, метод самооценки) и статистические методы (качественный и количественный анализ результатов). В качестве основных методик использованы методика А. В. Карпова и В. В. Пономарёвой и Т-критерий Стьюдента.

Результаты исследования

Нами было проведено эмпирическое исследование, в котором респондентами явились курсанты 3–5-х курсов Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова по направлению подготовки 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация Административная деятельность полиции (профили образовательной программы – деятельность участкового уполномоченного полиции; деятельность сотрудника подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения – общее число – 82 человека), которые обладали сопоставимыми по уровню знаниями базовых юридических дисциплин и имели опыт практической деятельности (рисунок 3). Диагностика уровня развития рефлексии проводилась при помощи методики определения уровня рефлексивности (А. В. Карпова, В. В. Пономарёвой).

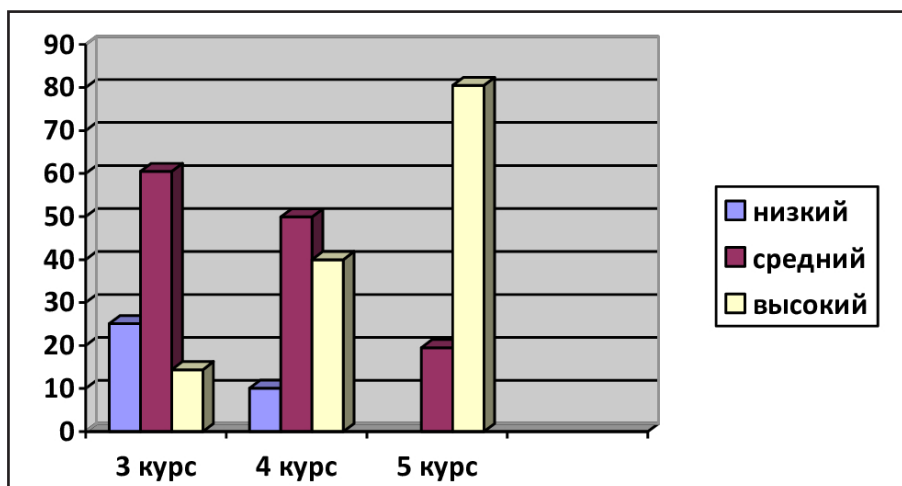

Рис. 3. Показатели уровня общей рефлексивности у обучающихся

Анализируя полученные данные, получили следующие результаты.

Низкий уровень рефлексивности выявлен у 25,1 % респондентов 3-х курсов, которые испытывают некоторые трудности с планированием деятельности, рефлексированием текущей ситуации, недостаточно продуктивно умеют анализировать имеющийся опыт, в связи с чем на этапе практики обучающимся становится сложнее подробнейшим образом обдумывать действия и прогнозировать дальнейший результат. Средний уровень рефлексивности выявлен у 60,5 % респондентов того же курса, которые показали способность планировать свою профессиональную деятельность, анализировать свои решения, а также решения своих коллег, идентифицировать причинно-следственную связь и прогнозировать возможные пути решения вопроса, что говорит о готовности к анализу и оценке своего профессионального опыта, однако рефлексивные процессы могут носить нерегулярный характер, а рефлексивный анализ осуществляться поверхностно.

Высокий уровень рефлексивности был отмечен у 14,4 % опрошенных, которые показали достаточно хорошие результаты по анализу своего профессионального опыта, определению причинно-следственных связей действий в прошлом, настоящем и будущем, более детально и тщательно обдумывали свою деятельность и легче ставили себя на место другого человека, чтобы посмотреть на ситуацию «со стороны» и предугадать мысли других людей о них самих.

Сравнивая показатели рефлексивности в динамике на примере 4-го и 5-го курсов, наблюдается закономерная положительная динамика. Предсказуемость данного явления связана, по нашему мнению, с тем, что обучающиеся 3-го курса имеют опыт лишь учебной практики, которая, как известно, носит преимущественно теоретический характер, обеспечивает

знакомство курсанта с выбранной профессией и направлена на получение первичных профессиональных умений. А обучающиеся, прошедшие производственную практику по отработке первичных профессиональных навыков и уже имеющие опыт рефлексивного анализа по ее окончании, связанный, в частности, с совершенными недочетами, более логичны в построении своей профессиональной деятельности и понимают необходимость непрерывного самосовершенствования и саморазвития с применением рефлексии на каждом из этапов своей деятельности. Нами отмечен рост числа респондентов 4-го курса со средним уровнем рефлексивности до 49,9 %, а также с высоким – до 40,0 %, что еще более очевидно в соотношении с положительной динамикой на 5-м курсе: 19,5 % респондентов показали средний уровень рефлексивности, а 80,5 % респондентов – высокий. Данные показатели подтверждают, что обучение в образовательных организациях МВД России способствует развитию профессиональной рефлексии обучающихся.

Однако мы предположили, что для более продуктивного рефлексивного осмысления точек опоры и точек роста с дальнейшим развитием рефлексивного механизма, способствующего интенсификации критического мышления обучающегося и позволяющего ему регулировать свою собственную активность во время практики, целесообразно внедрение *рефлексивной карты готовности курсанта* к прохождению им последующей практики, которая позволяет определить уровень личной рефлексии самого обучающегося, самооценку своих профессиональных компетенций, ответить на вопрос «Совпал ли мой прогноз с моими результатами?». Именно это предвкушение результата, движение сознания к действию и является необходимым «мостиком» для перехода к практической деятельности. Нами был разработан примерный образец рефлексивной карты готовности курсанта-практиканта по специальности: 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация Административная деятельность полиции (Деятельность сотрудника подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения) (приложение А). Курсант, оценивая свои потенциальные возможности, осуществляет некое прогнозирование, мысленно ставя цель, а значит, понимает необходимость прикладывать усилия для ее достижения. По окончании практики целесообразно подвести итоги и на основе рефлексивного отчета (в обязанности самого курсанта входит ведение отчета о выполнении программы практики для прохождения дальнейшей аттестации) обсудить в разных формах (групповая или индивидуальная работа, семинары, коллоквиумы, психологическое тестирование и т. д.) результаты деятельности, структурировать полученный опыт, отметить положительные моменты и выявить возникшие затруднения, очертив причины собственных неудач, расставляя акценты на поиске наиболее эффективных способов их дальнейшего предотвращения (таблица 1).

Таблица 1

Примерный рефлексивный отчет-самоанализ по итогам практики

Этап рефлексии	Предмет рефлексии	Вопросы для рефлексии
Организационный	Этап работы «в команде»	1. Я узнал, что в команде... 2. Я понял, что в команде... 3. Я почувствовал ... 4. В процессе командной работы мне не хватило... 5. Мне было трудно... 6. Работа в команде для меня...
Операционный	Умение следовать индивидуальному плану заданий при взаимодействии с коллективом	1. Я узнал, что... 2. Я научился ... 3. Я чувствовал ... 4. Важным для меня было... 5. Мне хотелось ...

С целью подтверждения нашей гипотезы было проведено дополнительное исследование, респондентами которого стали курсанты того же 4-го курса, ранее принимавшие участие в опросе для оценки уровня рефлексивности. Респондентам по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», специализация Административная деятельность полиции (Деятельность сотрудника подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения) была предложена рефлексивная карта готовности к прохождению практики, с которой они работали. После прохождения практики обучающиеся подготовили рефлексивные отчеты, итоги были обсуждены на предметно-методической секции кафедры, даны соответствующие рекомендации каждому из них. Как отмечают некоторые респонденты, после более глубокого рефлексивного анализа на разных этапах их практической деятельности произошел «нырок в собственную профессиональную культуру», который предполагает обогащение собственного профессионального опыта его новыми элементами.

В данной выборке респондентов низкий уровень развития рефлексивности нивелирован, кроме того, значительно выросли средний и высокий уровни, что наглядно представлено на рисунке 4.

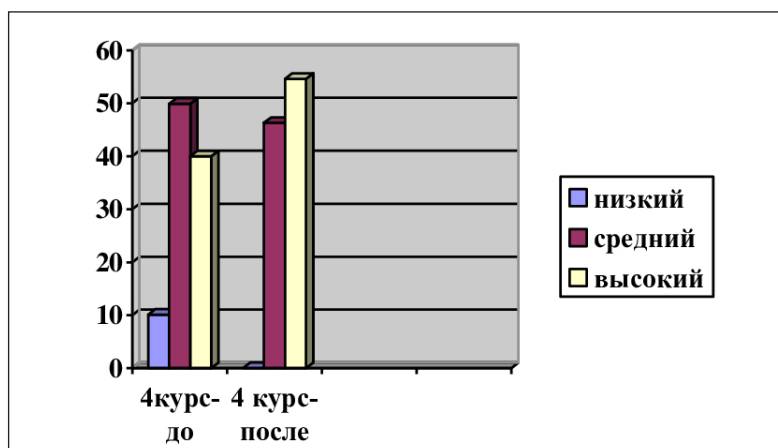

Рис. 4. Показатели уровня общей рефлексивности у курсантов 4 курса после дополнительного исследования

Обработка результатов исследования проводилась с помощью методов математической статистики (программа SPSS). Для выявления статистически значимых различий в показателях был применен Т-критерий (Стьюдента). Интерпретация данных показала, что результаты по обеим методикам совпадают и подтверждают нашу гипотезу о том, что введение рефлексивной карты готовности курсанта-практиканта и более тщательный рефлексивный анализ на всех этапах практик значительно увеличивают показатели рефлексивности (от $t = 1,986$ в первом исследовании, до $t = 3,703$ – во втором). Полагаем, что данная положительная динамика была бы характерна и для двух других курсов, обучающиеся которых находятся в начале своего «практического пути» по формированию готовности к профессиональной деятельности (3-й курс), и завершают обучение в ожидании назначения приказом на должности в ОВД (5-й курс).

Таким образом, рефлексивная карта готовности курсанта может быть предложена для внедрения в практическую подготовку будущих правоохранителей с целью их личностно-профессионального развития и понимания профессиональной идентичности.

Резюмируя, можно сказать, что рефлексия профессионального опыта позволяет им осознать свои сильные и слабые стороны, выявить ошибки и недостатки, а также определить направления для улучшения своих профессиональных навыков. С этой целью нами **рекомендованы** следующие шаги.

1. Ведение рефлексивного дневника – курсанты могут вести дневник, в котором они будут описывать свои действия, эмоции и реакции на практике. Это поможет им глубже осознать свой опыт и сделать анализ произошедшего. Обучающиеся могут писать в дневнике каждый день или по мере необходимости, фиксируя свои мысли, впечатления и наблюдения.

2. Анализ ситуаций – курсанты могут выбрать конкретные ситуации, которые они хотят проанализировать. Они могут задавать себе вопросы, такие как «Что произошло?», «Как я себя чувствовал?», «Как я отреагировал?», «Что я мог сделать по-другому?» и т. д. Они могут разбирать каждую ситуацию по шагам и анализировать свои реакции и решения.

3. Обратная связь – рефлексия может быть более эффективной, если курсанты не испытывают страха и получают обратную связь от других людей. Они могут обсуждать свой опыт и свои мысли с коллегами, наставниками или преподавателями, получая ценные советы и рекомендации, выслушивая конструктивную критику. Обратная связь от других поможет им получить новые идеи и перспективы.

4. Активное участие в исследовательской среде (семинары, групповые дискуссии, тренинги, профессиональные конференции, мастер-классы очным и дистанционным способом).

Заключение

Рефлексия, выступая механизмом анализа опыта, акмеологическим условием профессионального развития, влияет на развитие личности и профессиональное самосознание, на самоактуализацию и самореализацию, раскрытие творческого потенциала. Рефлексия профессионального опыта на этапах практик – это процесс аналитического описания и оценки собственного опыта, полученного в результате служебной деятельности на практике, важнейшая роль которой заключается в формировании профессиональной идентичности обучающихся, развитии их профессионально важных качеств, а также получении необходимых компетенций.

В целом, рефлексия профессионального опыта курсантов является важным шагом в их профессиональном и личностном развитии, позволяющим им стать более эффективными и самосовершенствующимися специалистами. Грамотно выстроенный рефлексивный анализ на всех этапах практик курсантов образовательных организаций МВД России позволит идентифицировать имеющиеся «дефициты» и корректировать последующую деятельность с целью повышения ее эффективности, а также позволит самому курсанту занять исследовательскую позицию через призму самоанализа.

Дальнейшее исследование феномена рефлексии профессионального опыта курсантов образовательных организаций МВД России может осуществляться в русле изучения вопросов развития рефлексивной культуры курсантов в образовательном процессе.

Приложение А

Рефлексивная карта готовности курсанта-практиканта к производственной практике

Специальность: «40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация Административная деятельность полиции (Деятельность сотрудника подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения)»

Уважаемый курсант!

Оцените свой уровень сформированности профессиональных компетенций и свою подготовленность к решению задач служебной деятельности до начала практики и после нее в соответствии с предложенными вариантами ответов («++» – очень хорошо подготовлен, «+» – подготовлен, «?» – неопределенная степень готовности, «-» – подготовлен слабо, «- -» – совершенно не готов)

Я готов:	++	+	?	-	--
применять специальную технику, средства видеонаблюдения, средства связи в профессиональной служебной деятельности*					
правильно квалифицировать деяния лиц, совершивших правонарушения, при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях*					
применять специальные технические средства для обнаружения, выявления и фиксации правонарушений, составлять необходимые процессуальные материалы*					

Я готов:	++	+	?	-	--
осуществлять регулирование дорожного движения, в том числе посредством применения распорядительно-регулирующих действий с использованием: сигналов регулировщика, ручного управления светофорным объектом, установки временных дорожных знаков и указателей, ограждения участка дороги техническими средствами организации дорожного движения, размещения на проезжей части патрульного автомобиля с включенными специальными световыми и звуковыми сигналами, громкоговорящего устройства; осуществлять остановку транспортного средства, остановку пешехода*					
использовать в соответствии с законодательными актами федеральные учеты, информационные системы (банки данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической и иной информации), в том числе посредством удаленного доступа в процессе производства по делам об административных правонарушениях*					
осуществлять мероприятия, направленные на обеспечение сбора основных показателей состояния безопасности дорожного движения, а также их достоверности и полноты*					
осуществлять надзор за дорожным движением, в том числе с использованием специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме и имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, для обеспечения контроля за дорожным движением*					
выявлять, пресекать преступления и административные правонарушения**					
Примечания: *Профессиональные компетенции. **Общие компетенции.					

Список литературы

1. *Сабинин А. А.* Формирование профессиональных компетенций обучающихся ведомственных образовательных организаций системы МВД России в парадигме практико-ориентированного подхода к обучению // *Современные проблемы науки и образования* : электронный журнал. – 2022. – № 3. – С. 23. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31722>.
2. *Синенко С. А.* Особенности подготовки выпускников Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова по узкой специализации «Сотрудник подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения» / *Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования)* : сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, 20–21 апреля 2017 г. – Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2017. – С. 338–342.
3. *Брылева Ю. А.* Кластерный подход в подготовке социальных педагогов / *Шамовские педагогические чтения* : сборник статей XIV Международной научно-практической конференции : в 2-х ч., 22–25 января 2022 г. – Москва: Научная школа управления образовательными системами, 2022. – Ч. 1. – С. 189–192.
4. *Чупина В. А., Федоренко О. А.* Теория и практика профессиональной педагогической рефлексии : монография. – Екатеринбург: Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2019. – 200 с.

5. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. – Москва: Академия Наук СССР, 1958. – 147 с.
6. Брушлинский А. В. Дискуссионные вопросы теории развивающего обучения // Известия Российской академии образования. – 2000. – № 2. – С. 44–46.
7. Сериков В. В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем. – Москва: Логос, 1999. – 272 с.
8. Слостенин В. А. Профессионализм педагога: акмеологический контекст // Педагогическое образование и наука. – 2002. – № 4. – С. 4–9.
9. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. – Москва: Наука, 1977. – 380 с.
10. Анисимов О. С. Стратегия и стратегическое мышление : Акмеологическая версия. – Москва: Агро-Вестник, 1999. – 605 с.
11. Базулина А. А. Современные подходы к определению структуры профессиональной компетентности курсанта (слушателя) / Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник трудов конференции, Симферополь, 26 июня 2019 г. / ред. кол.: С. Ю. Бирюков, Д. В. Кайргалиев. – Волгоград: Издательский дом «Сириус», 2019. – С. 7–8.
12. Панкратова Е. П. Формирование нравственно-патриотической направленности личности курсантов в контексте социально-педагогического проекта деятельности педагога-куратора / Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики [Электронный ресурс] : материалы I Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2018 г. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2018. – С. 319–322. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
13. Простакишина Ю. А., Семчук И. В. Коммуникативные и организаторские качества как неотъемлемые компоненты имиджа сотрудника ПДН / Правопорядок в России: проблемы совершенствования : сборник научных статей Всероссийской конференции, 18–21 апреля 2017 г. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2017. – С. 153–156.
14. Абульханова К. А., Ануфриев А. Ф., Баскакова Я. А. [и др.] Социокультурные и психолого-педагогические проблемы социализации молодежи : монография / под ред.: Е. А. Леванова, А. В. Мудрик. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. – 298 с.
15. Ульянова И. В., Евсеева И. Г., Борисова Е. В. Самовоспитание курсантов образовательных организаций МВД России как актуальная психолого-педагогическая проблема // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 3. – С. 266–269.
16. Денисова А. Ю. Актуальные вопросы психолого-педагогического сопровождения при прохождении практик будущими сотрудниками полиции / Научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития участников образовательного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции, 14–18 ноября 2022 г. / отв. за вып. К. В. Булах, Н. Ю. Демченко, И. П. Макаренко [и др.]. – Невинномысск: Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, 2022. – С. 77–82.
17. Ульянова И. В. Способность к рефлексии – актуальное качество будущего педагога // Высшее образование в России. – 2011. – № 8-9. – С. 147–150.

References

1. Sabinin A. A. Formirovaniye professional'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya vedomstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiy sistemy MVD Rossii v paradigme praktiko-orientirovannogo podkhoda k obucheniyu // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya : elektronnyy zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 23. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=31722>.
2. Sinenko S. A. Osobennosti podgotovki vypusknikov Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova po uzkoj spetsializatsii «Sotrudnik podrazdeleniya po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya» / Upravleniye deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyaniye, problemy, puti sovershenstvovaniya) : sbornik materialov XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 20–21 aprelya 2017 g. – Orol: Orlovskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii imeni V. V. Luk'yanova, 2017. – S. 338–342.
3. Bryleva Yu. A. Klasternyy podkhod v podgotovke sotsial'nykh pedagogov / Shamovskiy pedagogicheskiye chteniya : sbornik statey XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : v 2-kh ch., 22–25 yanvarya 2022 g. – Moskva: Nauchnaya shkola upravleniya obrazovatel'nymi sistemami, 2022. – CH. 1. – S. 189–192.

4. *Chupina V. A., Fedorenko O. A.* Teoriya i praktika professional'noy pedagogicheskoy refleksii : monografiya. – Yekaterinburg: Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo universiteta, 2019. – 200 s.
5. *Rubinshteyn S. L.* O myshlenii i putyakh yego issledovaniya. – Moskva: Akademiya Nauk SSSR, 1958. – 147 s.
6. *Brushlinskiy A. V.* Diskussionnyye voprosy teorii razvivayushchego obucheniya // Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya. –2000. – № 2. – С. 44–46.
7. *Serikov V. V.* Obrazovaniye i lichnost'. Teoriya i praktika proyektirovaniya pedagogicheskikh sistem. – Moskva: Logos, 1999. – 272 s.
8. *Slastenin V. A.* Professionalizm pedagoga: akmeologicheskiy kontekst // Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka. –2002. – № 4. – С. 4–9.
9. *Anan'yev B. G.* O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya. – Moskva: Nauka, 1977. – 380 s.
10. *Anisimov O. S.* Strategiya i strategicheskoye myshleniye : Akmeologicheskaya versiya. – Moskva: Agro-Vestnik, 1999. – 605 s.
11. *Bazulina A. A.* Sovremennyye podkhody k opredeleniyu struktury professional'noy kompetentnosti kursanta (slushatelya) / Pravoporyadok v Rossii: problemy sovershenstvovaniya : sbornik trudov konferentsii, Simferopol', 26 iyunya 2019 g. / red. kol.: S. Yu. Biryukov, D. V. Kayrgaliyev. – Volgograd: Izdatel'skiy dom «Sirius», 2019. – S. 7–8.
12. *Pankratova Ye. P.* Formirovaniye npravstvenno-patrioticheskoy napravlenosti lichnosti kursantov v kontekste sotsial'no-pedagogicheskogo proyekta deyatel'nosti pedagoga-kuratora / Voprosy sovershenstvovaniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti: vzaimodeystviye nauki, normotvorchestva i praktiki [Elektronnyy resurs] : materialy I Yezhegodnoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 30 maya 2018 g. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotya, 2018. – S. 319–322. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM).
13. *Prostakishina Yu. A., Semchuk I. V.* Kommunikativnyye i organizatorskiye kachestva kak neot'yemlemyye komponenty imidzha sotrudnika PDN / Pravoporyadok v Rossii: problemy sovershenstvovaniya : sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii, 18–21 aprelya 2017 g. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotya, 2017. – S. 153–156.
14. *Abul'khanova K. A., Anufriyev A. F., Baskakova Ya. A. [i dr.]* Sotsiokul'turnyye i psikhologo-pedagogicheskkiye problemy sotsializatsii molodezhi : monografiya / pod red.: Ye. A. Levanova, A. V. Mudrik. – Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. – 298 s.
15. *Ul'yanova I. V., Yevseyeva I. G., Borisova Ye. V.* Samovospitaniye kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii kak aktual'naya psikhologo-pedagogicheskaya problema // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2018. – № 3. – S. 266–269.
16. *Denisova A. Yu.* Aktual'nyye voprosy psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya pri prokhozhenii praktik budushchimi sotrudnikami politsii / Nauchno-metodicheskoye soprovozhdeniye professional'no-lichnostnogo razvitiya uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 14–18 noyabrya 2022 g. / otv. za vyp. K. V. Bulakh, N. Yu. Demchenko, I. P. Makarenko [i dr.]. – Nevinnomyssk: Nevinnomysskiy gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnicheskyy institut, 2022. – S. 77–82.
17. *Ul'yanova I. V.* Sposobnost' k refleksii – aktual'noye kachestvo budushchego pedagoga // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. – 2011. – № 8-9. – S. 147–150.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 03.07.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted June 17, 2024; approved after reviewing July 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Юридическая психология и психология безопасности

Legal psychology and security psychology

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-300-310>

Леонид Трофимович Бородавко

доктор педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@yandex.ru

Николай Николаевич Силкин

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9979-8037>, silkin_nn@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Владимир Александрович Корзунин

доктор психологических наук, профессор

<http://orcid.org/0000-0001-7332-6771>, vakorzunin@rambler.ru

Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова

Российская Федерация, 194044, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование

Аннотация: Введение. Повышение эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в современных условиях акцентирует внимание на психологических факторах ее осуществления как индивидуально (отдельными сотрудниками) так и в процессе совместных действий (служебными коллективами). Особого рассмотрения заслуживает роль руководителя, выступающего организатором и регулятором деятельности подчиненных сотрудников, несущего ответственность за качество их действий и законность их осуществления. Существующие представления о взаимодействии членов служебного коллектива по-разному характеризуют роль руководителя, но эмпирически слабо верифицируют ее значение в коллективах с разным уровнем функциональности отношений и нормативности поведения. Предпосылкой настоящего исследования выступает восполнение научных и практических знаний о роли руководителя служебного коллектива как

регулятора функциональных отношений и нормативного поведения сотрудников органа внутренних дел. Цель исследования – раскрытие значения отношения к руководителю служебного коллектива при оценке влияния функциональных характеристик отношений в служебном коллективе на представление его членов о нормативном поведении. **Методы исследования.** Использован комплекс психодиагностических опросников: «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (С. В. Духновский, К. В. Злоказов), «Отношение сотрудника к выполняемой деятельности, своему непосредственному руководителю и своей репутации» (А. А. Сарсенова), «Нормативность. Интеллект. Регуляция» (С. В. Духновский, В. М. Кофанов). Выборку исследования образовали 160 сотрудников органов внутренних дел (112 мужчин и 48 женщин в возрасте от 29 до 43 лет). Методом обработки информации выступил регрессионный анализ. **Результаты.** Установлено, что нормативное поведение членов служебного коллектива детерминировано функционально-негативными характеристиками их взаимодействия и является самостоятельной причиной нарушений служебной дисциплины. Данный факт свидетельствует о том, что негативные формы взаимодействия членов служебного коллектива (бесцельность, бесконтрольность, попустительство), а также взаимоотношений (враждебность, негативизм и конфликтность) в совокупности снижают уровень нормативности служебного поведения. Определено, что отношение сотрудников к руководителю служебного коллектива опосредует влияние функционально-негативных характеристик, выступая регулятором их служебного поведения. Результаты исследования расширяют научные представления о психологии руководства формальными группами (на примере служебных коллективов) и могут использоваться в подготовке сотрудников органов внутренних дел к замещению должностей младшего и среднего начальствующего состава.

Ключевые слова: служебный коллектив, функциональные аспекты отношений, нарушение служебной дисциплины, конфликтность, психология руководителя

Для цитирования: Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Корзунин В. А. Значение руководителя служебного коллектива органа внутренних дел в формировании нормативного поведения его участников: эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 300–310; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-300-310>.

Original article

Leonid T. Borodavko

Dr. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>, borodavkoleonid27@yandex.ru

Nikolay N. Silkin

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-9979-8037>, silkin_nn@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Vladimir A. Korzunin

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<http://orcid.org/0000-0001-7332-6771>, vakorzunin@rambler.ru

Military Medical Academy named after S. M. Kirov

6, Akademika Lebedeva str., Saint Petersburg, 194044, Russian Federation

Importance of the head of the service staff of the internal affairs body in the formation of normative behaviour of its members: an empirical research

Abstract: Introduction. Increasing the effectiveness of the activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation in modern conditions focuses on psychological factors of its implementation both individually (by particular employees) and in the process of cooperative

actions (by service staffs). Special consideration should be given to the role of the head as an organiser and regulator of the activities of subordinate employees, who is responsible for the quality and legality of their actions. Existing ideas on the interaction of service staff members characterise the role of the head in different ways, but empirically insufficiently verify its significance in teams with different levels of functional relations and normative behaviour. The prerequisite of the present research is the replenishment of scientific and practical knowledge of the role of the head of the service staff as a regulator of functional relations and normative behaviour of internal affairs officers. The purpose of the research is to reveal the significance of the attitude to the head of the service staff when assessing the influence of functional characteristics of relations in the service staff on the understanding normative behaviour among its members. **Research methods.** A set of psychodiagnostic questionnaires was used: 'Subjective assessment of intragroup relations' (S. V. Dukhnovsky, K. V. Zlokazov), 'Attitude of an employee to the performed activity, his direct supervisor and his reputation' (A. A. Sarsenova), 'Normativity. Intelligence. Regulation' (S. V. Dukhnovsky, V. M. Kofanov). The sample of the research consisted of 160 employees of internal affairs bodies (112 males and 48 females aged from 29 to 43 years). Regression analysis was used as a method of data processing. **Results.** The authors found out that the normative behaviour of service team members is determined by functional-negative characteristics of their interaction and is an independent cause of service discipline violations. This fact testifies that negative forms of interaction of service team members (aimlessness, uncontrollability, connivance) as well as relations (hostility, negativism and conflict) reduce the level of normative service behaviour. It is determined that the attitude of employees to the head of the service team mediates the influence of functional-negative characteristics, acting as a regulator of their service behaviour. The results of the research expand scientific ideas on psychology of management of formal groups (by the example of service staffs) and can be used in preparation of employees of internal affairs bodies for positions of junior and middle supervising staffs.

Keywords: service team, functional aspects of relations, violation of service discipline, conflict, psychology of the head

For citation: Borodavko L. T., Silkin N. N., Korzunin V. A. Importance of the head of the service staff of the internal affairs body in the formation of normative behaviour of its members: an empirical research // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 300–310; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-300-310>.

Введение

Актуальность исследования взаимодействия и взаимоотношения сотрудников органов внутренних дел обусловлена их влиянием на эффективность и качество выполнения оперативно-служебных задач, как отдельными сотрудниками, так и структурными подразделениями. Поскольку деятельность сотрудников органов внутренних дел характеризуется высокой общественной значимостью, то нарушения служебной дисциплины, допущенные при ее выполнении, как правило, приобретают характер правонарушений. Предупреждение и профилактика нарушений служебной дисциплины обосновывает изучение как объективных, так и субъективных, в т. ч. психологических причин их осуществления.

Вместе с тем в научной литературе психологическая составляющая нормативного поведения сотрудников органов внутренних дел и служебных коллективов не получила достаточного освещения. Более того, к настоящему времени, несмотря на значительное количество теорий малых групп, внутригрупповые отношения сотрудников органов внутренних дел описываются через призму концепций, разработанных на материале учебных, трудовых, спортивных и иных видов групп. Данные концепции характеризуют аспекты взаимодействия участников, однако не в полной мере учитывают объективные и субъективные аспекты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, эмоциональные, ценностные и иные переживания, опосредующие ситуации служебной деятельности. Область психологических знаний о ненормативном поведении сотрудников органов внутренних дел нуждается в теоретической разработке.

Представленное в статье исследование нацелено на развитие теоретических представлений о психологических особенностях отношений в служебных коллективах органов внутренних дел и раскрытие их влияния на нормативное поведение сотрудников. Поскольку изучение служебных коллективов органов внутренних дел способствует совершенствованию психологической работы и повышению эффективности морально-психологического

обеспечения личного состава [1], авторы посвятили своё исследование эмпирическому изучению внутригрупповых отношений сотрудников органов внутренних дел. В связи с тем, что в общепсихологических исследованиях психологические механизмы, регулирующие служебную деятельность сотрудников органов внутренних дел, раскрыты слабо, в данной работе внимание исследователей фокусируется на психологическом значении руководителя служебного коллектива.

Целью исследования является изучение влияния функциональных отношений членов служебного коллектива органа внутренних дел на их нормативное поведение.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что субъективное отношение к руководителю опосредует влияние отношений в служебном коллективе, что выражается в нормативном (ненормативном) служебном поведении их участников.

Достижение поставленной цели будет способствовать восполнению отсутствующих в социально-психологической науке сведений о влиянии функциональных характеристик отношений сотрудников в служебном коллективе на нормативное поведение, а также о значении представления о руководителе в его регулировании. Результаты позволят совершенствовать подготовку кадров для замещения должностей начальствующего состава, а также психологическую работу в служебных коллективах органов внутренних дел по развитию внутригрупповых отношений, повышению эффективности служебной деятельности и снижению количества нарушений служебной дисциплины.

Теоретические основания исследования

В отечественной социально-психологической науке отношения участников групп рассматриваются на основе нескольких факторов – деятельности, руководителя (лидера), отношений участников друг к другу. Данные факторы имеют концептуальное значение, поскольку с их учетом строится представление о психологических механизмах и условиях взаимодействия участников группы, эффективности их деятельности, а также ее нормативности.

Психологическое значение совместной деятельности членов малой группы заключается в комплексном влиянии на их взаимодействие и взаимоотношения. Так, в определении служебного коллектива сотрудников органов внутренних дел признак совместной деятельности используется в качестве характеризующего признака [2]. Совместная деятельность формирует ценностные ориентации членов малой группы, порождает образование взаимоотношений и внутригрупповую дифференциацию. Иерархия членов группы отражает позиции лидерства, подчинения и исключения, детерминированные деятельностью. В теориях и концепциях развития группы совместная деятельность выступает основным фактором качественных преобразований внутригрупповых отношений, координации и сплоченности [3].

Социально направленная деятельность развивает деловые качества участников группы, способствует появлению у них социально-значимых свойств личности, тогда как отсутствие социально значимой цели ухудшает морально-нравственное состояние [4], способствует распаду внутригрупповых отношений [5].

Психологическое значение руководителя (лидера) описывается в различных теориях групп. Наиболее полно оно раскрывается в организационных теориях, рассматривающих руководителя как ключевой фактор функционирования группы. В отличие от теорий малой группы, оценивающих его значение исключительно в виде функции группы, организационные теории наделяют руководителя максимальным значением в социально-психологической жизни группы [6].

Руководитель служебного коллектива регулирует деятельность и отношения ее участников, поскольку определяет им повседневные и долгосрочные цели, устанавливает ценности, нормы, правила, а также применяет санкции за их нарушение. Влияние руководителя на различные аспекты совместной деятельности участников служебного коллектива находится в пропорциональной зависимости от уровня единоначалия и субординации отношений в служебном коллективе и отношения к руководителю подразделения подчиненных ему сотрудников. Высокий уровень единоначалия и субординации расширяет сферы влияния и его силу, тогда как низкий – сужает. В свою очередь, отношение сотрудников к руководителю базируется на оценке применения руководителем формальных и неформальных форм и методов воздействия на различные стороны деятельности коллектива [7].

Психологическому значению *отношений членов малой группы* посвящено немало исследований, способствовавших ясному пониманию их значения для служебного коллектива органов внутренних дел. В исследованиях Л. Г. Бигчинтаевой [8], А. О. Бурцева и Н. Н. Тавтиловой [9], Л. В. Медведицковой [10] показано, что отношения формируют социально-психологический климат служебного коллектива, влияющий на осуществляемую деятельность, межличностные и внутриличностные отношения участников служебных коллективов внутри и вовне сферы служебной деятельности. В сравнении с факторами совместной деятельности и лидерства, имеющими внешнее значение, психология отношений репрезентирует субъективную позицию членов служебного коллектива. Отношение раскрывает представления, ценности, установки и ожидания сотрудника, порождаемые не только служебной деятельностью, руководителем или коллективом [11]. В большей мере содержание отношения отражает влияние индивидуальности сотрудника, его социального окружения, ситуаций в жизни сотрудника, поэтому анализ субъективных отношений сотрудника позволяет изучить иерархию отношений, понять их роль в регуляции служебного поведения и, что немаловажно, в ее нормативности.

Характеризуя предметное поле исследования через призму описанных теоретических представлений, отметим ряд принципиальных моментов, отражающих исследовательскую позицию:

- служебный коллектив органа внутренних дел понимается как социально-психологическое образование, совместная деятельность членов которого регламентируется формально-статусными позициями (закрепляющими отношения руководства–подчинения), а также функционально-ролевыми отношениями (определяющими содержание и объем деятельности);

- совместная деятельность членов служебного коллектива регулируется руководителем служебного коллектива посредством применения формальных (нормативных правовых) и неформальных (социально-психологических) механизмов воздействия;

- отношения членов служебного коллектива выступают детерминантой их служебного поведения, проявляясь в соблюдении либо несоблюдении требований к законности и дисциплине.

Изложенное конкретизирует теоретические предпосылки исследования, обосновывающие исследовательскую гипотезу о том, что нормативность служебного поведения сотрудников органов внутренних дел зависит от характера отношений в служебном коллективе и опосредуется отношением к его руководителю. Проверка предпосылок осуществляется эмпирически, путем изучения субъективных представлений и отношений членов служебных коллективов.

Целью эмпирического исследования является изучение влияния функциональных характеристик отношений в служебном коллективе на субъективные представления его участника о нормативном поведении. Специфика исследования заключается в предположении о том, что функции отношений опосредованы субъективными отношениями к руководителю служебного коллектива.

Гипотеза исследования заключается в предположениях:

- а) о влиянии функциональных отношений в служебном коллективе на представление о нормативном поведении;

- б) опосредовании представлений о нормативном поведении отношением к руководителю.

Выборка исследования включает 160 сотрудников органов внутренних дел (112 мужчин и 48 женщин, в возрасте от 29 до 43 лет), замещающих должности младшего начальствующего состава в территориальных подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.

Методы

Методами исследования выступили методы анализа субъективных представлений:

- 1) методика «Субъективная оценка внутригрупповых отношений» (СОВО), примененная для изучения функционально-позитивных (негативных) характеристик внутригрупповых отношений в служебном коллективе [12]. Методика включает 60 утверждений, раскрывающих 10 измерений внутригрупповых отношений, сгруппированных по двум направлениям функционального значения – (а) позитивных (взаимопонимание, доверие, близость, сопринадлежность, самоотношение), (б) негативных (напряженность, отчужденность, конфликтность, агрессивность, негативизм). Ответы регистрировались в 7-бальной интервальной шкале («полностью несогласен» – «полностью согласен»);

2) методика «Отношение сотрудника к выполняемой деятельности, своему непосредственному руководителю и своей репутации» [13], использованная для изучения отношения членов служебных коллективов к деятельности и руководителю. Ответы регистрировались в пятибалльной шкале в диапазоне значений от категорического несогласия до полного одобрения;

3) методика «Нормативность. Интеллект. Регуляция», разработанная для оценки регулятивного компонента психологической надежности государственных гражданских служащих С. В. Духновским, В. М. Кофановым¹. В исследовании применялась шкала нормативности, позволяющая оценивать принятие и соблюдение в служебном поведении норм (правил, ценностей, требований). Шкала включает 7 утверждений, характеризующих различные проявления нормативности, и позволяет оценить уровень ее выражения в четырех диапазонах (низком / пониженном / повышенном / высоком).

Методом тестирования гипотезы выступил регрессионный анализ, осуществлявшийся методом оценки эффекта медиации. Данный вид анализа позволяет оценить предиктивное и медиативное значение независимых переменных в изменении зависимой переменной [14]. В исследовании его применение позволило оценить влияние функционально-позитивных и функционально-негативных отношений в служебном коллективе на нормативное поведение с учетом значения отношений к руководителю. Поскольку оценка распределения значений переменных показала несоответствие нормальному закону, нами применялся вариант расчета, основанный на критерии максимального правдоподобия оценки (*maximum likelihood estimation*).

Результаты

Первым результатом исследования стала оценка эффектов влияния показателей функционально-позитивных и функционально-негативных отношений на нормативное поведение членов служебного коллектива.

В частности, анализ функциональности отношений в служебном коллективе на нормативность поведения его участников продемонстрировал, что:

1) функционально-позитивные отношения не оказывают статистически значимого влияния на нормативность поведения сотрудников в служебном коллективе (Est. = - 0,009, St.err. = 0.005, $z = -1,814$, $p < 0,007$);

2) функционально-негативные отношения сотрудников в служебном коллективе статистически значимо влияют на уровень нормативности поведения (Est. = 0,027, St.err. = 0.029, $z = 4,718$, $p < 0,001$).

Вторым результатом стала эмпирическая оценка роли руководителя в детерминации нормативного поведения членов служебного коллектива. Так, тестирование роли руководителя показало, что:

3) отношение к руководителю влияет на нормативность поведения (Est. = -0,253, St.err. = 0.106, $z = -2,404$, $p < 0,016$);

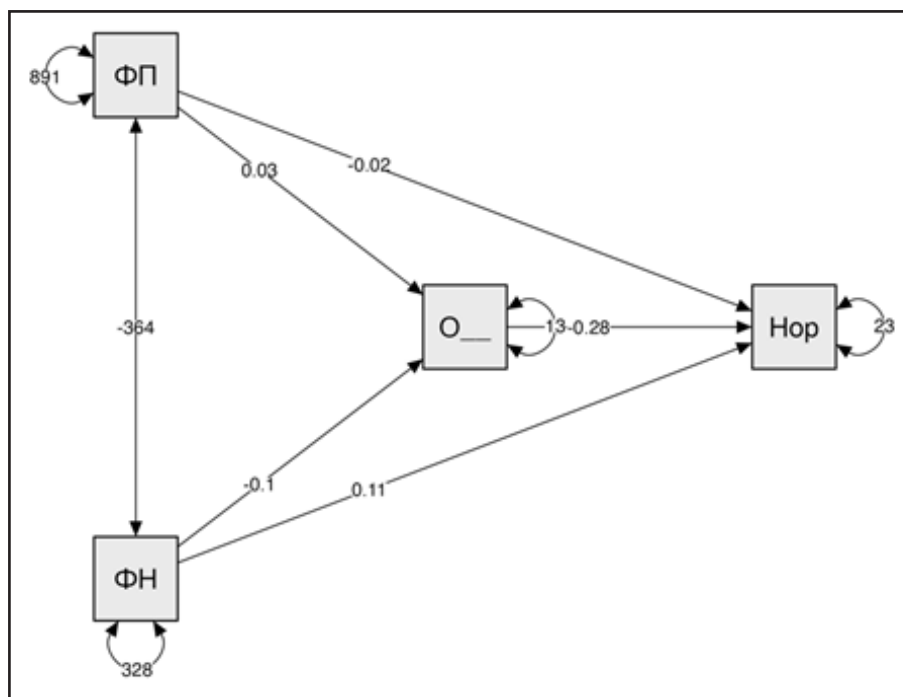
4) тестирование роли отношения к руководителю как медиатора влияния функциональных отношений в коллективе и нормативного поведения его участников показало статистическую значимость влияния для функционально-негативных отношений (Est. = -0,029, St.err. = 0.012, $z = 2,331$, $p < 0,02$).

Схема влияний показана на рисунке 1.

Интерпретация результатов

Необходимость изучения роли руководителей служебного коллектива органа внутренних дел в формировании и регламентации групповых процессов обусловлена задачами организации и координации деятельности подчиненных, а также ответственностью за вверенный личный состав. Руководитель служебного коллектива несет персональную ответственность за выполнение поставленных задач и нарушения служебной дисциплины, допущенные подчиненными. При этом он обладает статусом и полномочиями по регулированию внутрigrупповых отношений, обязан формировать представления, ценности, убеждения подчиненного личного состава. Как показывает анализ научной литературы, при сходстве мнений авторов об описанном значении руководителя служебного коллектива недостаточно представлены эмпирические оценки реализации этих функций руководителя, особенно в части формирования нормативного поведения подчиненных.

¹ Духновский С. В., Кофанов В. М. Программный комплекс «Оценка психологической надежности государственных гражданских и муниципальных служащих». – Москва: ФГНУ ИНИПИ РАО, 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ФП – функционально-позитивные отношения; ФН – функционально-негативные отношения; «Нор» – нормативное поведение; «О__» – отношение к руководителю; коэффициенты сокращены до двух знаков после запятой

Рис. 1. Влияние отношений в служебном коллективе на нормативное поведение его членов, опосредованное отношением к руководителю

Восполнение этого недостатка осуществляется нами посредством изучения роли руководителя служебного коллектива в регулировании нормативного поведения сотрудников. Результатом исследования стали оценки, раскрывающие влияние руководителя на нормативное поведение членов служебного коллектива в двух вариантах протекания внутригрупповых процессов – функционально-позитивном и функционально-негативном. Теоретическим основанием исследования выступила концепция функциональности внутригрупповых отношений [12]. Согласно ей, психология взаимоотношений и взаимодействия членов служебного коллектива может быть описана с точки зрения ее влияния на совместную деятельность и ее субъектов обобщенно-функционально. Считая, что взаимодействие и взаимоотношения членов служебного коллектива взаимно детерминируют друг друга, выступая динамическими характеристиками групповых процессов в служебном коллективе, категория функциональности применяется в качестве интегрального показателя внешней и внутренней деятельности данного вида группы.

Функциональность описывает влияние внутригрупповых взаимодействий и взаимоотношений на результаты деятельности ее участников (внешний критерий), а также на отношение членов коллектива к себе и окружающим (внутренний критерий). Все групповые процессы рассматриваются через призму функциональности в двух ракурсах – функционально-позитивном (способствующем осуществлению деятельности и ее субъектов) и функционально-негативном (затрудняющем деятельность, препятствующем достижению результата и ухудшающем развитие личности субъекта труда).

Результаты эмпирического исследования показали, что нормативное поведение членов служебного коллектива детерминировано функционально-негативными характеристиками их взаимодействия и взаимоотношений. Несмотря на умеренный уровень влияния предикторов модели ($R^2 = 0,33$), в целом их проявление является достаточно весомым и в той же мере стабильным, что позволяет характеризовать его в качестве самостоятельного фактора нарушений служебной дисциплины и законности ($Est. = 0,136$, $St.err. = 0,029$, $z = 4,18$, $p < 0,001$). Данный факт свидетельствует о том, что негативные проявления взаимодействия членов служебного коллектива (бесцельность, бесконтрольность, попустительство), а также их взаимоотношений (враждебность, негативизм и конфликтность) снижают уровень нормативности служебного поведения.

Значимым результатом исследования стала оценка роли руководителя в формировании нормативного поведения членов служебных коллективов, отношения внутри которых характеризуются как позитивным, так и негативным функционированием. Установлено, что функции отношений влияют на восприятие руководителя: позитивный способствует положительной оценке деловых и личных качеств руководителя ($Est. = 0,03$, $St.err. = 0,013$, $z = 2,34$, $p = 0,021$) а негативный – ухудшает представление о руководителе у подчиненных ($Est. = -0,104$, $St.err. = 0,021$, $z = 4,93$, $p < 0,001$). Данный факт указывает на снижение возможностей руководителя служебного коллектива с негативной функциональностью использовать неформальные приемы воздействия на подчиненных ему сотрудников. Снижение неформального влияния (авторитета) повышает уровень противоречий между сотрудниками, обычно сглаживаемых руководителем в межличностном взаимодействии. Снижение неформального статуса оставляет руководителю только формально-деловой инструментальный взаимодействия, который не всегда результативен в разрешении проблем совместной деятельности сотрудников. Поскольку примененный в исследовании метод оценки образа руководителя базируется на характеристике его деловых и личных качеств, выявленная тенденция свидетельствует об обесценивании руководителя членами служебного коллектива. Снижение авторитета непосредственного руководителя потенциально может способствовать появлению лидеров, берущих на себя его функции организации и координации деятельности служебного коллектива, а также эмоциональных лидеров, управляющих психологическим состоянием участников.

Основным результатом исследования стало определение значения отношения сотрудников к руководителю служебного коллектива как медиатора влияния внутригрупповых отношений на нормативность поведения. Установлено, что отношение сотрудников к руководителю служебного коллектива выступает регулятором их внутригрупповых отношений и одновременно влияет на нормативность служебного поведения (коэффициент детерминации $R^2 = 0,35$). Психологическое значение медиаторной роли руководителя в том, что субъективное положительное отношение членов служебного коллектива к руководителю препятствует нарушению служебной дисциплины, ослабляет влияние межличностных конфликтов на совместную деятельность. Негативная оценка руководителя подчиненными усиливает риск совершения дисциплинарных проступков, сопутствует росту межличностной конфликтности в коллективе. Таким образом, эмпирическую поддержку получила гипотеза о расширенном значении руководителя как формального лидера малой группы, раскрывающая нормативно-регулирующие возможности его неформального лидерства.

С учетом изложенного представляется целесообразным дальнейшее изучение роли психологических механизмов взаимодействия сотрудников органов внутренних дел в системе «руководства–подчинения». Это предполагает исследование не только способности к их освоению и грамотному использованию руководителем при выстраивании отношений в служебном коллективе, но и противодействию намеренным искажениям образа руководителя. Актуальным направлением дальнейших психолого-педагогических исследований выступает изучение возможностей руководителя по формированию моральных оснований деятельности служебного коллектива как средства снижения функционально-негативных отношений его членов [15]. Считая руководителя служебного коллектива субъектом морально-нравственного воздействия на подчиненный личный состав, раскрытие психологических механизмов формирования нравственного поведения может способствовать противодействию нарушениям служебной дисциплины, выступая субъективным регулятором поведения сотрудника [16]. Наконец, высказанное акцентирует внимание на необходимости развития у сотрудников органов внутренних дел, готовящихся к замещению должностей младшего и среднего начальствующего состава, комплекса знаний и умений о значении руководителя не только в формальном, но и неформальном взаимодействии членов служебного коллектива, способствующих организации их совместной деятельности [17].

Заключение

В исследовании оценивалось влияние представления членов служебного коллектива с различным характером функциональности взаимодействия и взаимоотношений о руководителе на нормативное поведение. Исследование дополнило теоретические представления о значении руководителя как медиатора отношений членов служебного коллектива с функционально-негативным характером отношений.

Выявленные особенности свидетельствуют, во-первых, о необходимости дальнейшей разработки психологического значения руководителя во взаимодействии формально

организованных малых групп, взаимодействие членов которых основано на принципах единоначалия и субординации, во-вторых, возможности дополнения программ воспитания, реализуемых образовательными организациями, тематикой, раскрывающей значение психологии служебного коллектива, закономерностей взаимодействия и взаимоотношений руководителя с личным составом.

Список литературы

1. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.
2. Акимов С. И. Понятие служебного коллектива в органах внутренних дел и его основные профессионально-нравственные характеристики // Инновации. Наука. Образование : электронный журнал. – 2021. – № 43. – С. 93–98. – URL: <https://innovjourn.ru/nomer/43-nomer/>.
3. Темняков Д. А., Темнякова Е. Д. Педагогические особенности формирования сплоченного коллектива ГИБДД МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 3. – С. 227–230; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-227-230>.
4. Пелевина А. А. Особенности «неуставных отношений» в различных социальных организациях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: психология. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 118–121.
5. Михайлова Т. В. Причины и условия возникновения и распространения деструктивных взаимоотношений в служебных коллективах органов внутренних дел // Академическая мысль : сетевое издание. – 2019. – № 2 (7). – С. 139–144. – URL: <https://a.mvd.pf/pauka/-академическая-мысль-/архив-номеров>.
6. Коржев С. В. К вопросу определения структуры социальных отношений в воинских коллективах // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 4. – С. 63–65.
7. Мусатова О. А. Теоретический анализ влияния стиля руководства на эффективность деятельности служебного коллектива ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2019. – № 3. – С. 64–67.
8. Бигчинтаева Л. Г. Теоретический анализ психодиагностики социально-психологического климата в коллективах сотрудников ОВД в контексте исследования правовой психологии групп // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 244–249.
9. Бурцев А. О., Тавтилова Н. Н. Влияние стиля руководства на психологический климат организации (на примере служебных коллективов МВД России) // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 2 (51). – С. 107–116; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).107-116](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).107-116).
10. Медведицкова Л. В. Формирование благоприятного психологического климата в подразделениях ОВД как педагогическая проблема // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 307–309.
11. Духновский С. В. Внутригрупповые отношения и особенности настроения служебного коллектива // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29, № 2 (97). – С. 140–145; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-140-145>.
12. Духновский С. В., Злоказов К. В. Субъективная оценка внутригрупповых отношений: описание опросника и возможности его использования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4 (74). – С. 106–112.
13. Сарсенова А. А. Отношение к деятельности, руководителю и самоотношение сотрудника правоохранительных органов как детерминанты его служебной лояльности // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2 (2). – С. 201–210; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-201-210>.
14. Biesanz J. C., Falk C. F., Savalei V. Assessing Mediation Models: Testing and Interval Estimation for Indirect Effects // *Multivariate Behavioral Research*, 2010. – No 45 (4). – P. 661–701; <https://doi.org/10.1080/00273171.2010.498292>.
15. Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т. Гуманитарно-антропологические основы профессионального воспитания новых поколений в образовательных организациях МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (99). – С. 176–182.

16. Злоказов К. В., Балахонский В. В., Рожков А. А., Григорьев А. Н. [и др.]. Морально-нравственное воспитание обучающихся в образовательных организациях МВД России : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 176 с.

17. Силкин Н. Н., Хальзов В. И., Шеленова М. А. Сущность и содержание оптимизации педагогических технологий в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 158–173.

References

1. *Kubyshko V. L.* Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103; <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0409>.

2. *Akimov S. I.* Ponyatiye sluzhebnoy kollektiva v organakh vnutrennikh del i yego osnovnyye professional'no-nravstvennyye kharakteristiki // Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye : elektronnyy zhurnal. – 2021. – № 43. – С. 93–98. – URL: <https://innovjourn.ru/nomer/43-nomer/>.

3. *Temnyakov D. A., Temnyakova Ye. D.* Pedagogicheskiye osobennosti formirovaniya splochnogo kollektiva GIBDD MVD Rossii // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2021. – № 3. – С. 227–230; <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2021-3-227-230>.

4. *Pelevina A. A.* Osobennosti “neustavnykh otnosheniy” v razlichnykh sotsial'nykh organizatsiyakh // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: psikhologiya. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 118–121.

5. *Mikhaylova T. V.* Prichiny i usloviya vozniknoveniya i rasprostraneniya destruktivnykh vzaimootnosheniy v sluzhebnykh kollektivakh organov vnutrennikh del // Akademicheskaya mysl' : setevoye izdaniye. – 2019. – № 2 (7). – С. 139–144. – URL: <https://a.mvd.rf/nauka/akademicheskaya-mysl'/arkhiv-nomerov>.

6. *Korzhev S. V.* K voprosu opredeleniya struktury sotsial'nykh otnosheniy v voinskikh kollektivakh // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya. – 2021. – № 4. – С. 63–65.

7. *Musatova O. A.* Teoreticheskiy analiz vliyaniya stilya rukovodstva na effektivnost' deyatel'nosti sluzhebnoy kollektiva OVD // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti. – 2019. – № 3. – С. 64–67.

8. *Bigchintayeva L. G.* Teoreticheskiy analiz psikhodiagnostiki sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v kollektivakh sotrudnikov OVD v kontekste issledovaniya pravovoy psikhologii grupp // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 3. – С. 244–249.

9. *Burtsev A. O., Tavtilova N. N.* Vliyaniye stilya rukovodstva na psikhologicheskii klimat organizatsii (na primere sluzhebnykh kollektivov MVD Rossii) // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2020. – № 2 (51). – С. 107–116; [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2\(51\).107-116](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.2(51).107-116).

10. *Medveditskova L. V.* Formirovaniye blagopriyatnogo psikhologicheskogo klimata v podrazdeleniya OVD kak pedagogicheskaya problema // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2018. – № 4 (71). – С. 307–309.

11. *Dukhnovskiy S. V.* Vnutrigruppyvyye otnosheniya i osobennosti nastroyeniya sluzhebnoy kollektiva // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2024. – Т. 29, № 2 (97). – С. 140–145; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-140-145>.

12. *Dukhnovskiy S. V., Zlokazov K. V.* Sub'yektivnaya otsenka vnutrigruppyvyykh otnosheniy: opisaniye oprosnika i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 4 (74). – С. 106–112.

13. *Sarsenova A. A.* Otnosheniye k deyatel'nosti, rukovoditel'yu i samootnosheniye sotrudnika pravookhranitel'nykh organov kak determinanty yego sluzhebnoy loy'al'nosti // Rossiyskiy deviantologicheskii zhurnal. – 2022. – № 2 (2). – С. 201–210; <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-2-201-210>.

14. *Biesanz J. C., Falk C. F., Savalei V.* Assessing Mediation Models: Testing and Interval Estimation for Indirect Effects // Multivariate Behavioral Research, 2010. – No 45 (4), – P. 661–701; <https://doi.org/10.1080/00273171.2010.498292>.

15. *Ilakavichus M. R., Borodavko L. T.* Gumanitarno-antropologicheskiye osnovy professional'nogo vospitaniya novykh pokoleniy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 1 (99). – С. 176–182.

16. Zlokazov K. V., Balakhonskiy V. V., Rozhkov A. A., Grigor'yev A. N. [i dr.]. *Moral'no-nravstvennoye vospitaniye obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii* : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – 176 s.

17. *Silkin N. N., Khal'zov V. I., Shelepova M. A. Sushchnost' i sodержaniye optimizatsii pedagogicheskikh tekhnologiy v professional'noy podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del // Mir politiki i sotsiologii. – 2015. – № 8. – S. 158–173.*

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted May 5, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.

Научная статья
УДК 159.9:343.8
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-311-321>

Светлана Николаевна Сорокоумова
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

*Российская академия образования
Российская Федерация, 119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8*

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1*

*Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
Российская Федерация, 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1*

*Академия ФСИИ России
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

Ирина Сергеевна Ганишина
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1*

*Академия ФСИИ России
Российская Федерация, 39000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

Вера Алексеевна Рожкова
адъюнкт
<https://orcid.org/0009-0003-5467-9557>, vera_rozhkova_93@mail.ru

*Академия ФСИИ России
Российская Федерация, 39000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

Специфика психических состояний осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми

Аннотация: Введение. Целью эмпирического исследования выступило изучение психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. Выборку исследования составили 153 осужденные женщины, имеющие малолетних детей, отбывающие наказание в исправительном учреждении. Исследование проведено на базе ГУФСИН России по Кемеровской области, УФСИН России по Московской области, УФСИН России по Владимирской области, УФСИН России по Республике Мордовия. *Научная проблема* состоит в изучении психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. **Методы и методики исследования.** Для изучения психических состояний использовался следующий комплекс методик: «16-факторный личностный опросник – 16 PF», форма С (Р. Кеттелл), «Шкала депрессии» (А. Бек), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич), методика определения доминирующего психического состояния «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов), опросник исследования уровня агрессивности (А. Басс и А. Дарки). **Результатами проведенного исследования** явилось выявление психических состояний осужденных женского пола, находящихся в местах лишения свободы с малолетними детьми. Установлено, что у этих женщин преобладают негативные психические состояния (напряженность,

эмоциональная нестабильность, фрустрированность, беспокойство, раздражение, депрессия, тревожность). У них выражены утомляемость, истеричность, отмечаются вегетативные нарушения, которые проявляются в неприятных или болезненных соматических ощущениях. Диагностирован высокий уровень агрессивности и враждебности. Выявленные негативные психические состояния нуждаются в своевременной психологической коррекции.

Ключевые слова: осужденные женщины, малолетние дети, психические состояния, исправительные учреждения, пенитенциарное материнство

Для цитирования: Сорокоумова С. Н., Ганишина И. С., Рожкова В. А. Специфика психических состояний осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 311–321; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-311-321>.

Original article

Svetlana N. Sorokoumova

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Russian Academy of Education

8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

*Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service
15a build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation*

*Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
1, Ulyanova str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation*

The Academy of the FPS of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

Irina S. Ganishina

Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

*Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service
15a build. 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation*

The Academy of the FPS of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

Vera A. Rozhkova

Graduate

<https://orcid.org/0009-0003-5467-9557>, vera_rozhkova_93@mail.ru

The Academy of the FPS of Russia

1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

The specifics of the mental states of convicted women held in places of detention with young children

Abstract: Introduction. The aim of the empirical study was to research the mental states of convicted women with young children. The study sample consisted of 153 convicted women with young children serving their sentences in a correctional institution. The study was conducted on the basis of the State Department of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Kemerovo Region, the Federal Penitentiary Service of Russia for the Moscow Region, the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vladimir Region, the Federal Penitentiary Service of Russia for the Republic of Mordovia. The scientific problem is to study the mental states of convicted women with young children. **Research methods and techniques.** The following set of methods was used to study mental states: '16-factor personality questionnaire - 16 PF', form C (R. Kettell),

“Depression scale” (A. Beck), clinical questionnaire for identification and assessment of neurotic states (K. K. Yakhin, D. M. Mendelevich), methodology for determining the dominant mental state “Dominant state” (L. V. Kulikov), questionnaire for studying the level of aggression (A. Bass and A. Darkey). **The results** of the conducted research were the identification of mental states of convicted women in prison with young children. It was established that negative mental states (tension, emotional instability, frustration, anxiety, irritation, depression, anxiety) prevail among these women. They are expressed fatigue, hysteria, vegetative disorders, which are manifested in unpleasant or painful somatic sensations. A high level of aggression and hostility has been diagnosed. The revealed negative mental states need timely psychological correction.

Keywords: convicted women, young children, mental health conditions, correctional institutions, penitentiary motherhood

For citation: Sorokoumova S. N., Ganishina I. S., Rozhkova V. A. The specifics of the mental states of convicted women held in places of detention with young children // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 311–321; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-311-321>.

Введение

Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном сайте Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по состоянию на 1 ноября 2022 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) содержалось 39 153 женщины, что больше на 574 человека по сравнению с данными на 1 января 2022 г. Это составляет 9 % от всего количества осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. При женских колониях на данный момент функционируют 13 домов ребенка, в которых проживают 310 детей. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что период с 2018 по 2027 год Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240¹ объявлен Десятилетием детства. В связи с этим важным является изучение проблемы пенитенциарного материнства, поэтому исследования психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, представляет высокую значимость в современной юридической психологии.

В последнее время проведен ряд исследований, посвященных изучению психологических особенностей осужденных женщин. Я. Р. Сапрунова делает акцент на изучении криминальной мотивации и психологической адаптации женщин, содержащихся в местах лишения свободы. Автором были выделены «специфические негативные состояния осужденных женщин, которые выражаются в повышенном перенапряжении, перевозбуждении, чрезмерных тормозных реакциях» [1, с. 533–541].

В исследовании С. Б. Адаськовой сделан акцент на выявлении характерологических особенностей осужденных женщин, которые отбывают наказание за насильственные преступления. Автор отмечает, что у осужденных женщин рассматриваемой категории «в наибольшей степени проявлены три типа акцентуированных черт характера – гипертимный, эмотивный, аффективно-экзальтированный» [2, с. 118]. Также подчеркивается, что поведение осужденных женщин, отбывающих наказание за убийство, «характеризуется эмоционально мотивированной направленностью и в момент совершения преступления, и в период отбывания наказания в исправительном учреждении» [3, с. 210].

Н. О. Макух, И. С. Ганишиной и Д. В. Сочивко проведено экспериментальное «исследование системы семейных отношений осужденных женщин» [4, с. 198]. Авторами «установлено, что независимо от вида совершенных преступлений всем осужденным женщинам присущи высокие и средние показатели тревожности и напряженности, связанные с темой семьи и брака» [4, с. 203].

О. Н. Ежова раскрывает социально-психологическую характеристику осужденных женщин и рассматривает «эмоциональные состояния отбывания наказания, свойственные им в адаптационный период» [5, с. 127–134]. Социально-психологические черты личности осужденных женского пола, отбывающих наказание без изоляции от общества, рассматриваются в исследовании Н. Е. Колесникова, Ю. А. Михайлова, С. В. Прокурова [6, с. 286–293]. В. М. Поздняков, М. В. Овсянникова приводят результаты «психодиагностического исследования эмоционального интеллекта осужденных женского пола и его связь с различными этапами отбывания наказания» [7, с. 94–108].

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 23. – Ст. 3309.

М. М. Москвитина, Б. Г. Бовин в исследовании психологических характеристик беременных женщин, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, выявили состояния, которые испытывают будущие матери по отношению к своему ребенку. Авторами установлено, что «женщины в период беременности испытывают тревожность, неуверенность и конфликтность» [8, с. 15–29].

Психические состояния осужденных женщин изучались С. А. Тарасовой и Р. М. Якуповым. Авторы описали отрицательные эмоциональные состояния, переживаемые женщинами в местах лишения свободы: «одиночество; тревожность; страх смерти; незащищенность и чувство постоянной опасности; тоска по дому, друзьям, детям; скука» [9, с. 155–157] и отметили наличие таких состояний, как нерешительность, уныние, неуверенность, депрессия, безнадежность и др. Таким образом, осужденные женщины переживают широкий спектр негативных эмоций и чувств.

М. В. Минстер рассмотрела «причины и факторы, способствующие возникновению пенитенциарного стресса у осужденных к лишению свободы женского пола» [10, с. 69–76] и установила, что «пенитенциарный стресс наиболее часто проявляется на стадии адаптации к порядку и условиям отбывания наказания и характеризуется проявлением социальной депривации и неудовлетворенностью потребностей» [10, с. 69–76]. Э. В. Зауторова и Ф. И. Кевля в «проведенном исследовании особенностей эмоционального состояния осужденных женского пола, находящихся в местах лишения свободы, сделали вывод о том, что большинство женщин, находящихся в изоляции от общества, испытывают сильное психоэмоциональное напряжение, что развивает у них дезадаптацию» [11, с. 186–193].

Поведение осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми, рассматривали в своем исследовании С. С. Пиюкова и Е. Ю. Еремеева. Авторы изучили организацию психологического сопровождения осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении в Самарской области, проанализировали особенности диагностики данной категории лиц и проведение психокоррекционных мероприятий, «направленных на снятие эмоционального напряжения, формирование привязанности к ребенку, осознание и принятие осужденной женщиной своего нового статуса матери, развитие навыков конструктивного общения и поведения в социуме» [12, с. 121–127].

Вопросы пенитенциарного материнства рассматривались в рамках аналитического исследования, проведенного А. В. Новиковым, С. В. Кулаковой, Д. Н. Слабкой. Авторы выразили экспертное мнение «о положении осужденных женщин, имеющих детей в доме матери и ребенка» [13, с. 202]. В исследовании Т. В. Кирилловой сделан акцент на изучении социально-демографической характеристики беременных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях [14, с. 14–16].

Следует отметить еще одно исследование, проведенное сотрудниками Научно-исследовательского института ФСИН России М. М. Москвитиной, А. В. Новиковым, Д. Н. Слабкой в «исправительных учреждениях, при которых находятся дома ребенка, с 248 осужденными женщинами в возрасте от 18 до 45 лет. Исследование осуществлялось с помощью опроса, проведенного среди сотрудников исправительных учреждений. Полученные данные показали, что большинство респондентов продемонстрировали положительные изменения в поведении после рождения ребенка (76,6 %), у 16,1 % поведение никак не менялось, а у 1,2 % осужденных изменилось в худшую сторону. 95,1 % осужденных женщин проявляли положительные эмоции при общении с ребенком. 0,8 % – демонстрировали негативное эмоциональное общение, при том, что половина из них проявляли крайне отрицательные эмоции. У некоторых матерей наблюдалось раздражение при встрече с ребенком (2,8 %)» [15, с. 63].

Таким образом, проведенный нами теоретический анализ позволил установить, что в настоящий момент изучены социально-психологическая характеристика, психологические особенности и эмоциональные состояния осужденных женского пола на различных этапах отбывания наказания; причины и факторы, вызывающие пенитенциарный стресс; проанализированы психологические аспекты протекания беременности и пенитенциарного материнства; разработаны некоторые психокоррекционные мероприятия для осужденных женщин, имеющих малолетних детей в домах ребенка при исправительных учреждениях. Среди представленных исследований отсутствуют те, которые затрагивали бы аспект изучения психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Цель исследования: изучение психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей. Выборку исследования составили 153 осужденных женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми.

Методы исследования

Для изучения психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей был использован следующий психодиагностический инструментарий: методика «16-факторный личностный опросник – 16 PF», форма С (Р. Кеттелл), «Шкала депрессии» (А. Бек), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич), методика определения доминирующего психического состояния «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов), опросник исследования уровня агрессивности (А. Басс и А. Дарки)².

С целью изучения психических состояний осужденных женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы и имеющих малолетних детей, нами было проведено эмпирическое исследование. Оно проводилось в местах лишения свободы на базе исправительных учреждений ГУФСИН России по Кемеровской области, УФСИН России по Московской области, УФСИН России по Владимирской области, УФСИН России по Республике Мордовия.

Результаты исследования

Для изучения психических состояний нами использовались шкалы С (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) и Q4 (напряженность) методики «16-факторный личностный опросник – 16PF», форма С (Р. Кеттелл). Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод, что осужденные женщины, имеющие малолетних детей, испытывают напряженность и характеризуются эмоциональной нестабильностью. По шкале С (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) осужденными получены средние значения 3,43 и по шкале Q4 (расслабленность – напряженность) – 7,79, что подтверждает гипотезу об эмоциональной неустойчивости и напряженности данной категории осужденных (рисунок 1).

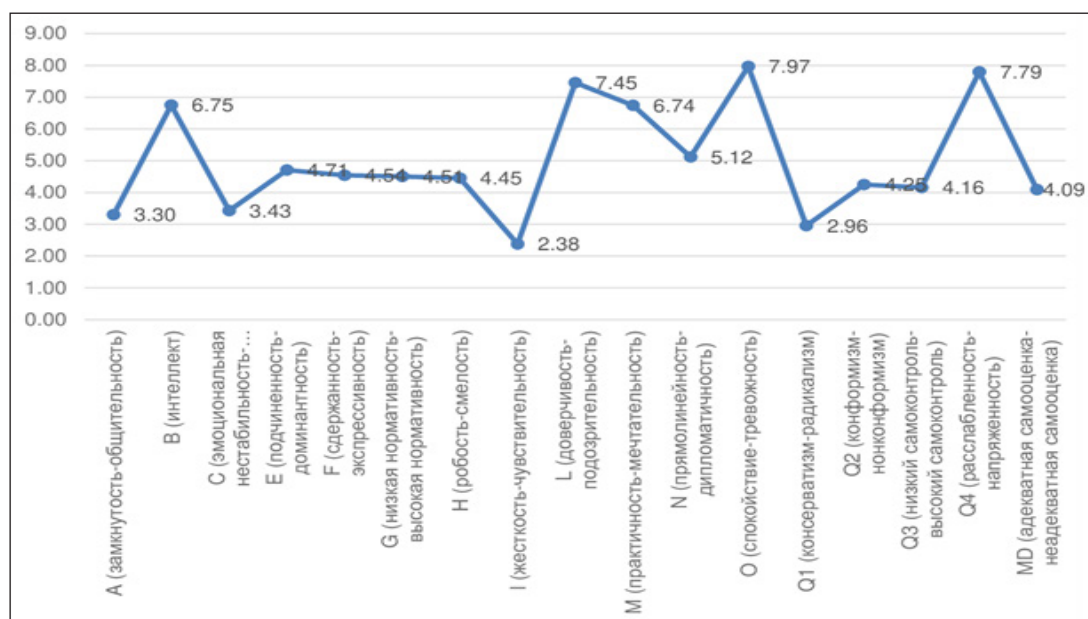

Рис. 1. Среднее значение личностных факторов у осужденных женщин, имеющих малолетних детей по методике Р. Кеттелла

Полученные результаты показывают, что осужденные женщины, имеющие малолетних детей, эмоционально неустойчивы, импульсивны, раздражительны, находятся под влиянием чувств. Их эмоциональный фон нестабилен: они возбудимы, эмоционально напряжены, раздражительны и импульсивны, обладают низким порогом фрустрации.

² Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов: [личность, мотивации, темперамент, интеллект, лидерство, тестирование детей, взаимоотношения, поиск работы, профессиональная ориентация, характер]. – Москва: Эксмо, 2007. – 414 с.; Куликов Л. В. Определение доминирующего и актуального психического состояния : практикум по психологии состояний / под ред. А. О. Прохорова. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 608 с.; Настольная книга практического психолога : психодиагностика, психотерапия / сост. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. – Санкт-Петербург: Хранитель, 2008. – 671 с.; Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / сост. Е. Е. Миронова. – Минск: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. – 155 с.

Анализ результатов по методике «Шкала депрессии» (А. Бек) показал, что суммарный показатель по шкале депрессии составил 18,87. Это свидетельствует о наличии у них умеренной депрессии, которая характеризуется выраженностью некоторых симптомов, мешающих нормально функционировать им в повседневной жизни (рисунок 2). К наиболее выраженным симптомам депрессии можно отнести чувство вины, которую переживают осужденные матери, о чем свидетельствуют высокие показатели по шкале E (чувство вины) – 1,28 и по шкале F (ожидание наказания) – 1,32. С учетом объективных обстоятельств их жизненной ситуации данные симптомы могут рассматриваться как вполне ожидаемые. Вместе с тем можно отметить, что наличие данных переживаний при грамотно выстроенной психокоррекционной работе может сыграть положительную роль как для адаптации в исправительном учреждении, так и для дальнейшей ресоциализации осужденных женщин.

На втором месте по интенсивности располагаются такие признаки, как нарушения сна, озабоченность телесными ощущениями, слезливость и нерешительность, т. е. преимущественно соматические проявления депрессии.

К третьей по интенсивности группе симптомов можно отнести нарушение социальных связей, утрату либидо, самообвинение, неудовлетворенность.

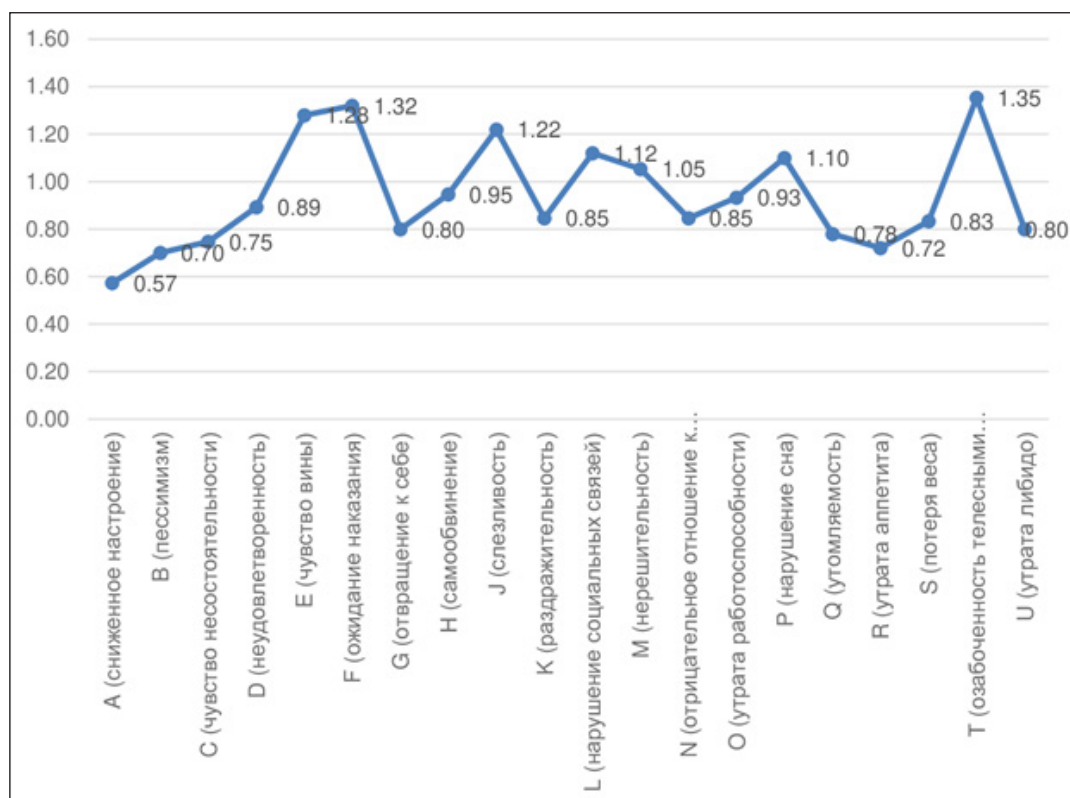

Рис. 2. Средние значения показателей депрессии по методике «Шкала депрессии» (А. Бек)

У осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы с малолетними детьми, полностью отсутствует такой симптом, как «суицидальные мысли». Это можно объяснить тем, что осужденная женщина, находясь в местах лишения свободы, отвечает уже не только за себя, но и за своего маленького ребенка.

Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделеевич), в котором для изучения психических состояний осужденных женщин использовались шкалы «Аст» (астения), «Ист» (истерический тип реагирования), «Фоб» (обсессивно-фобические нарушения) и «Вег» (вегетативные нарушения), показал результаты, представленные на рисунке 3.

Согласно представленным на рисунке 3 результатам выявлено, что осужденные женщины с малолетними детьми характеризуются выраженным истерическим типом реагирования (общее среднее значение – 1,39). Конверсионный тип реагирования имеет в этой группе женщин болезненный характер выраженности и свидетельствует о явной психической дезадаптации. Это указывает на крайнюю степень возбужденности их нервной системы,

проявляющуюся в нестабильном настроении, высокой раздражительности, склонности к депрессии и драматизму, снижении концентрации и работоспособности и т. п.

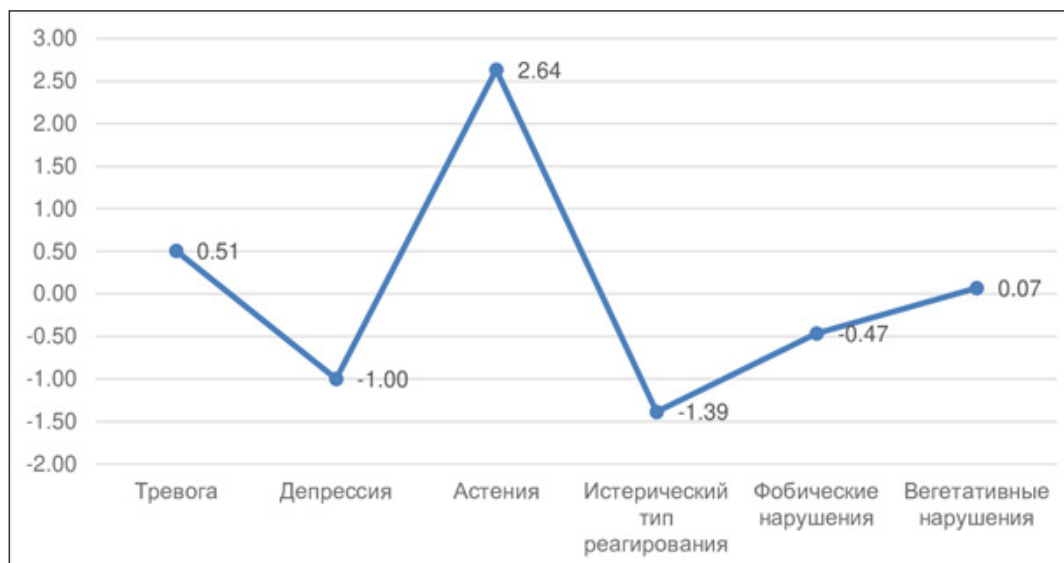

Рис. 3. Средние значения показателей невротических состояний по клиническому опроснику (К. К. Яхин, Д. М. Менделеевич)

Близко к границе болезненной выраженности располагаются также оценки по шкале депрессии. Это говорит о том, что у осужденных женщин отмечаются симптомы пониженного настроения, снижения тонуса и энергии, сужения интересов и ограничения социальных контактов.

Оценки по шкалам тревоги, фобических и вегетативных нарушений свидетельствуют о неустойчивой психологической адаптации осужденных женщин.

Показатель астении указывает на отсутствие невротических состояний по данному типу.

В целом у осужденных женщин, имеющих малолетних детей, отмечается довольно сложное эмоциональное состояние, которое характеризуется наличием ряда невротических симптомов. При этом доминирующими выступают высокая эмоциональная напряженность и реактивность. По всей вероятности, чрезмерное нервное напряжение приводит к нестабильности внутренних опор личности и трудностям регуляции эмоциональных проявлений.

По методике определения доминирующего психического состояния «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов) нами были использованы шкалы: «Ак» (активное – пассивное отношение к жизненной ситуации), «Бо» (бодрость – уныние), «То» (тонус высокий – низкий), «Сп» (спокойствие – тревога), «Уд» (удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессами самореализации) и «По» (положительный – отрицательный образ самого себя)». Полученные результаты представлены на рисунке 4.

Согласно представленным на рисунке 4 данным, осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми, характеризуются негативно окрашенным психическим состоянием. Так, у них отмечаются пониженные значения по шкале «активное – пассивное отношение к жизненной ситуации» (29,25). Это свидетельствует о том, что в своей оценке большинства жизненных ситуаций они склонны исходить из пессимистических позиций, не верят в возможность преодоления препятствий, склонны демонстрировать пассивность и безучастность.

По всем другим показателям психических состояний у осужденных женщин фиксируется средний уровень выраженности. Это указывает на их умеренную активность, относительно нейтральный эмоциональный фон, который характеризуется отсутствием видимого проявления эмоций, их приглушением, умеренную раздражительность и возбудимость, среднюю степень удовлетворенности жизнью в целом и относительно критическое отношение к самим себе. В целом можно говорить о слабых эмоциональных проявлениях и определенной эмоциональной опустошенности. Это может являться защитной психологической реакцией на острый или хронический стресс.

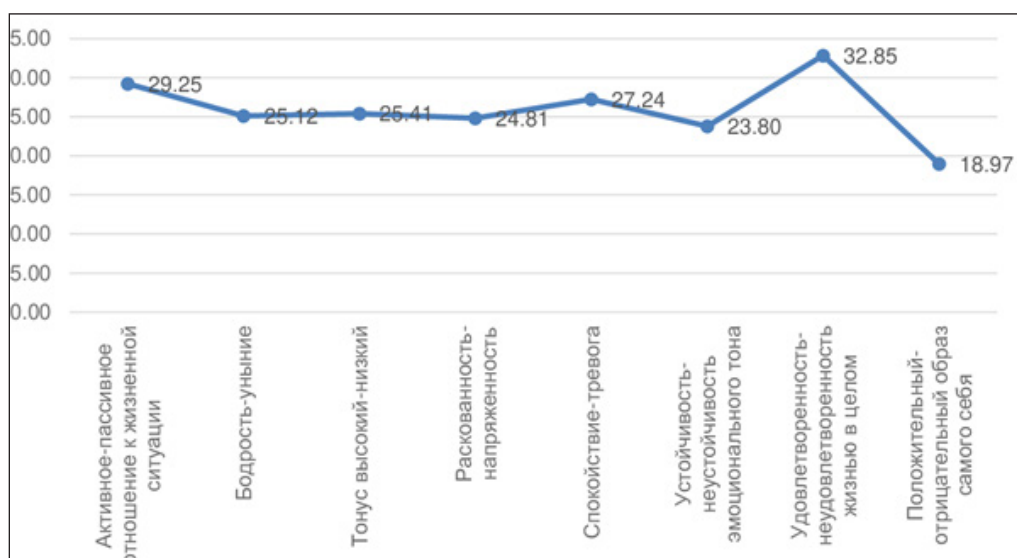

Рис. 4. Средние значения по методике «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов)

По методике «Опросник исследования уровня агрессивности» (А. Басс и А. Дарки) для изучения психических состояний были применены шкалы «Физическая агрессия», «Вербальная агрессия», «Косвенная агрессия», «Раздражение», «Обида», «Подозрительность», «Чувство вины», «Агрессия» и «Враждебность». Полученные результаты представлены на рисунке 5.

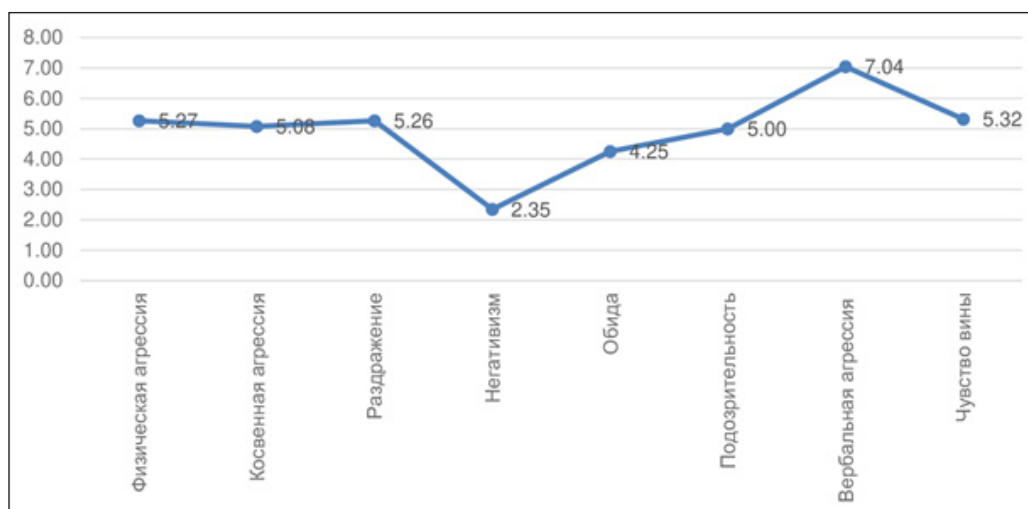

Рис. 5. Средние значения по методике «Опросник исследования уровня агрессивности» (А. Басс и А. Дарки)

Анализ средних значений по методике Басса – Дарки показывает, что для осужденных женщин повышенный уровень выраженности имеют такие проявления, как физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, обида, подозрительность и чувство вины. Это говорит о том, что во взаимоотношениях с другими людьми, в спорных и конфликтных ситуациях осужденные женщины склонны проявлять довольно широкий спектр агрессивных и враждебных реакций: применение физической силы, обида, крик, вспыльчивость, грубость, зависть, недоверчивость и подозрительность, аутоагрессия.

Вербальная агрессия имеет у осужденных женщин средний уровень выраженности. Время от времени они склонны демонстрировать оппозиционную манеру поведения, сопротивление соблюдению норм и правил, а также прибегать к ругани, угрозам и проклятиям.

У осужденных женщин выявляется очень высокий уровень агрессивности – 17,57 и повышенный уровень враждебности – 9,25. Агрессивность включает показатели физической, косвенной и вербальной агрессии. Враждебность составляют обида и подозрительность. Полученные данные говорят о том, что осужденные женщины, содержащиеся в местах лишения свободы с малолетними детьми, в ситуациях фрустрации, конфликта или стресса демонстрируют выраженные деструктивные тенденции, а также негативные оценки и установки.

Заключение

Нами было проведено эмпирическое исследование психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей, с использованием методики «16-факторный личностный опросник – 16 PF», форма С (Р. Кеттелл); «Шкалы депрессии» (А. Бек); клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич); методики определения доминирующего психического состояния «Доминирующее состояние» (Л. В. Куликов); опросника исследования уровня агрессивности (А. Басс и А. Дарки). Нами обследовано 153 осужденных женщины, содержащихся в исправительных учреждениях ГУФСИН России по Кемеровской области, УФСИН России по Московской области, УФСИН России по Владимирской области, УФСИН России по Республике Мордовия.

По результатам проведенного эмпирического исследования установлено, что у осужденных женщин, имеющих малолетних детей и отбывающих наказание в исправительном учреждении, преобладают негативные психические состояния, которые характеризуются эмоциональной напряженностью, нестабильностью и неустойчивостью. Женщины импульсивны, раздражительны, возбудимы, обладают низким порогом фрустрации. Для них характерны беспокойство, тревожность, депрессия. К наиболее выраженным симптомам депрессии можно отнести чувство вины, нарушения сна, озабоченность телесными ощущениями, слезливость и нерешительность. У осужденных также отчетливо выражены утомляемость, истеричность, отмечаются негативные вегетативные изменения, которые проявляются в неприятных или болезненных соматических ощущениях. Женщинам свойственна пессимистическая позиция, они не верят в возможность преодоления препятствий, склонны демонстрировать пассивность и безучастность. Также отмечается достаточно высокий уровень агрессивности и враждебности.

Результаты эмпирического исследования могут быть использованы при составлении программы психологической коррекции психических состояний осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Список литературы

1. Сапрунова Я. Р. Психологические особенности женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы // Бюллетень науки и практики научный журнал. – 2017. – № 11. – С. 533–541.
2. Адашькова С. Б. Характерологические особенности женщин, осужденных за совершение насильственного преступления // Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка. – 2022. – № 1 (59). – С. 115–119.
3. Адашькова С. Б. Психологические особенности личности женщин, осужденных за убийство // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 1 (41). – С. 206–211.
4. Макух Н. О., Ганишина И. С., Сочивко Д. В. Оптимизация системы семейных отношений у осужденных женщин в местах лишения свободы с помощью методов психологической коррекции // Психология и право : электронное издание. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 198–213; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100414>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n4/Makuh_Ganishina_Sochivko.
5. Ежова О. Н. Особенности личности женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 5 (36). – С. 127–134; <https://doi.org/10.26118/SUI.2019.36.5.022>.
6. Колесникова Н. Е., Михайлова Ю. А., Прокурова С. В. Социально-психологические черты личности женщин-осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25, № 3 (82). – С. 286–293; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13007>.
7. Поздняков В. М., Калашникова Т. В., Овсянникова М. В., Калашникова М. М. Особенности проявления эмоциональной зрелости осужденными женского пола, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Психология и право. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 94–108; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110307>.

8. Москвитина М. М., Бовин Б. Г. Психологическая характеристика осуждённых беременных женщин // Психология и право : электронное издание. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 15–29; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120102>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2022_n1/Moskvitina_Bovin.

9. Тарасова С. А., Якупов Р. М. Особенности эмоциональных состояний осужденных женщин / Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. – Вып. 5, ч. 2. – С. 155–157.

10. Минстер М. В. Пенитенциарный стресс у женщин и его отрицательное воздействие на процесс исправления // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 2 (39). – С. 69–76.

11. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Особенности эмоционального состояния осужденных женского пола, находящихся в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26, № 2 (85). – С. 186–193; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-186-193>.

12. Пиюкова С. С., Еремеева Е. Ю. Организация психологического сопровождения осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительном учреждении (на материале ФКУ ИК-15 УФСИН России по Самарской области) // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 2 (43). – С. 121–127; <https://doi.org/10.34670/AR.2023.50.51.028>.

13. Новиков А. В., Кулакова С. В., Слабкая Д. Н. Пенитенциарное материнство. Экспертное мнение, заключение и выводы // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 9А. – С. 195–204.

14. Кириллова Т. В. Материнство и детство в условиях пенитенциарной системы: беременные женщины, осужденные к лишению свободы // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 7 (112). – С. 14–17.

15. Москвитина М. М., Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Пенитенциарный социум. Осужденные женщины с детьми в домах ребенка при исправительном учреждении. Эмпирика исследования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2022. – Т. 11, № 3-1. – С. 60–68; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.53.37.029>.

References

1. Saprunova Ya. R. Psikhologicheskiye osobennosti zhenshchin, otbyvayushchikh nakazaniye v vide lisheniya svobody // Byulleten' nauki i praktiki nauchnyy zhurnal. – 2017. – № 11. – С. 533–541.

2. Adas'kova S. B. Kharakterologicheskiye osobennosti zhenshchin, osuzhdennykh za soversheniye nasil'stvennogo prestupleniya // Vesnik Magil'yskaga dz'ryzhaj'naga y'universit'eta imya A. A. Kulyashova. Seriya S. psikhologa-pedagogichnykh navuky: pedagogika, psikhologiya, metodyka. – 2022. – № 1 (59). – С. 115–119.

3. Adas'kova S. B. Psikhologicheskiye osobennosti lichnosti zhenshchin, osuzhdennykh za ubiystvo // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2021. – № 1 (41). – С. 206–211.

4. Makukh N. O., Ganishina I. S., Sochivko D. V. Optimizatsiya sistemy semeynykh otnosheniy u osuzhdennykh zhenshchin v mestakh lisheniya svobody s pomoshch'yu metodov psikhologicheskoy korrektsii // Psikhologiya i pravo : elektronnoye izdaniye. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 198–213; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100414>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2020_n4/Makuh_Ganishina_Sochivko.

5. Yezhova O. N. Osobennosti lichnosti zhenshchin, otbyvayushchikh nakazaniye v mestakh lisheniya svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2019. – № 5 (36). – С. 127–134; <https://doi.org/10.26118/SUI.2019.36.5.022>.

6. Kolesnikova N. Ye., Mikhaylova Yu. A., Prokurova S. V. Sotsial'no-psikhologicheskiye cherty lichnosti zhenshchin-osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazaniya bez izolyatsii ot obshchestva // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2020. – Т. 25, № 3 (82). – С. 286–293; <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13007>.

7. Pozdnyakov V. M., Kalashnikova T. V., Ovsyannikova M. V., Kalashnikova M. M. Osobennosti proyavleniya emotsional'noy zrelosti osuzhdennymi zhenskogo pola, otbyvayushchimi nakazaniye v vide lisheniya svobody // Psikhologiya i pravo. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 94–108; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110307>.

8. Moskvitina M. M., Bovin B. G. Psikhologicheskaya kharakteristika osuzhdennykh beremennykh zhenshchin // Psikhologiya i pravo : elektronnoye izdaniye. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 15–29; <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120102>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2022_n1/Moskvitina_Bovin.

9. Tarasova S. A., Yakupov R. M. Osobennosti emotsional'nykh sostoyaniy osuzhdennykh zhenshchin / Yuridicheskaya nauka i praktika : al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. – Samara: Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii, 2017. – Vyp. 5, ch. 2. – С. 155–157.

10. *Minster M. V.* Penitentsiarnyy stress u zhenshchin i yego otritsatel'noye vozdeystviye na protsess ispravleniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2019. – № 2 (39). – S. 69–76.
11. *Zautorova E. V., Kevlya F. I.* Osobennosti emotsional'nogo sostoyaniya osuzhdennykh zhenskogo pola, nakhodyashchikhsya v mestakh lisheniya svobody // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2021. – Т. 26, № 2 (85). – S. 186–193; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-2-186-193>.
12. *Piyukova S. S., Yeremeyeva Ye. Yu.* Organizatsiya psikhologicheskogo soprovozhdeniya osuzhdennykh zhenshchin, imeyushchikh detey v domakh rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii (na materiale FKU IK-15 UFSIN Rossii po Samarskoy oblasti) // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 2 (43). – S. 121–127; <https://doi.org/10.34670/AR.2023.50.51.028>.
13. *Novikov A. V., Kulakova S. V., Slabkaya D. N.* Penitentsiarnoye materinstvo. Ekspertnoye mneniye, zaklyucheniye i vyvody // Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – Т. 8, № 9А. – S. 195–204.
14. *Kirillova T. V.* Materinstvo i detstvo v usloviyakh penitentsiarnoy sistemy: beremennyye zhenshchiny, osuzhdennyye k lisheniyu svobody // Global'nyy nauchnyy potentsial. – 2020. – № 7 (112). – S. 14–17.
15. *Moskvitina M. M., Novikov A. V., Slabkaya D. N.* Penitentsiarnyy sotsium. Osuzhdennyye zhenshchiny s det'mi v domakh rebenka pri ispravitel'nom uchrezhdenii. Empirika issledovaniya // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2022. – Т. 11, № 3-1. – S. 60–68; <https://doi.org/10.34670/AR.2022.53.37.029>.

Вклад авторов:

- Сорокоумова С. Н. – критический анализ литературы; доработка текста;
Ганишина И. С. – проведение эмпирического исследования; систематизация и представление авторского аналитического материала; доработка текста.
Рожкова В. А. – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического исследования; проведение эмпирического исследования.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

- Sorokoumova S. N. - critical review of the literature; revision of the text;
Ganishina I. S. - implementation of the empirical research; systematisation and presentation of the authors' analytical material; revision of the text.
Rozhkova V. A. - theoretical analysis of the literature and the results of the empirical research; implementation of the empirical research.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted November 7, 2023; approved after reviewing March 18, 2024; accepted for publication June 10, 2024.

Научная статья

УДК 159.923

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-322-335>

Юлия Юрьевна Стрельникова

доктор психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, ulich1969@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Структура психологических последствий контртеррористической деятельности: дифференцированный подход к реабилитации

Аннотация: **Введение.** В статье рассмотрена структура психологических последствий у сотрудников органов внутренних дел, принимавших участие в контртеррористической операции (в составе сводных отрядов) на территории Чеченской Республики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обоснования показаний для дифференцированного подхода к медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел, выполнявших служебно-боевые задачи в особых условиях. **Методы.** В исследовании приняли участие 110 сотрудников органов внутренних дел, средний возраст $29,38 \pm 6,5$ лет; средняя длительность пребывания в зоне вооруженного конфликта $146,9 \pm 79,8$ суток; число командировок $1,41 \pm 0,65$. Методики исследования: анонимная анкета, стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ), 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, тест выявления типа акцентуации Х. Смишека, проективная методика «Hand-тест», тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга, опросник выраженности травматического стресса И. О. Котенева. Статистическая обработка результатов проводилась методами описательного и факторного анализа (метода главных компонент и варимакс-вращения факторной структуры). **Результаты.** Установлено, что в структуре психологических последствий контртеррористической деятельности определяются шесть факторов, которыми объясняется 81,89 % суммарной дисперсии признаков. Два из них – «посттравматический» (21,4 %) и «застрелавоюще-посттравматический» (7,57 %) факторы – включают симптомы посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР), а также предикторы, способствующие его затяжному течению. Выделены признаки «подпорогового» (донозологического) ПТСР в виде характерных личностных черт: пессимистичность, психастения, невротический контроль, ригидность, импульсивность, агрессивность, циклотимия, эмоциональная амбивалентность, «застрелавание» на аффекте, фрустрационная фиксация на самозащите, тревожность, подозрительность, сензитивность, чувство вины, социальная интроверсия, пассивность, эгоцентричность. Они входят в состав пяти из шести факторов («посттравматического», «непродуктивного фрустрационного реагирования», «демонстративно-невротического», «ригидно-аффективного», «застрелавоюще-посттравматического») и нуждаются в своевременных и разноплановых мероприятиях медико-психологической реабилитации. Психологические особенности, входящие в состав «гипертимно-конформного» фактора (12,06 % дисперсии), могут быть компенсированы психологической коррекцией. В статье проанализированы зарубежные и отечественные методы психологической реабилитации ПТСР, выделены психотерапевтические «мишени» воздействия и предложены мероприятия психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел с учетом факторной структуры последствий.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, посттравматическое стрессовое расстройство, медико-психологическая реабилитация, психологическая коррекция, психосоматические заболевания

Для цитирования: Стрельникова Ю. Ю. Структура психологических последствий контртеррористической деятельности: дифференцированный подход к реабилитации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 322–335; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-322-335>.

Original article

Yulia Yu. Strelnikova

Dr. Sci. (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, ulich1969@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Structure of psychological consequences of counter-terrorist activity: differentiated approach to rehabilitation

Abstract: Introduction. The article deals with the structure of psychological consequences affecting the officers of internal affairs bodies who took part in the counter-terrorist operation (as part of combined units) in the territory of the Chechen Republic. The relevance of the research is determined by the necessity of substantiation of indications for a differentiated approach to medical and psychological rehabilitation of the law enforcement officers having performed service and combat tasks in special conditions. **Methods.** The research involved 110 officers of internal affairs bodies, average age $29,38 \pm 6,5$ years; average period of being in the zone of armed conflict $146,9 \pm 79,8$ days; number of missions $1,41 \pm 0,65$. Research methods: anonymous questionnaire, standardised multifactor method of personality research, 16-factor personality questionnaire of R. Kettell, accentuation type identification test of H. Smishek, projective technique 'Hand-test', drawing association test of S. Rosenzweig, traumatic stress intensity questionnaire of I. O. Kotenev. Statistical processing of the results was carried out by methods of descriptive and factor analysis (method of principal components and varimax-rotation of the factor structure). **Results.** The author found six factors that explain 81.89 % of the total dispersion of traits in the structure of psychological consequences of counter-terrorist activity. Two of them - 'posttraumatic' (21.4 %) and 'stuck-posttraumatic' (7.57 %) factors - include symptoms of posttraumatic stress disorder, as well as predictors contributing to its prolonged flow. Signs of 'subthreshold' (prenosological) posttraumatic stress disorder, in the form of characteristic personality traits were identified: pessimism, psychasthenia, neurotic control, rigidity, impulsiveness, aggressiveness, cyclothymia, emotional ambivalence, 'getting stuck' on affect, frustration fixation on self-protection, anxiety, suspiciousness, sensitivity, guilt, social introversion, passivity, egocentricity. They are part of five out of six factors ('posttraumatic', 'unproductive frustration response', 'demonstrative-neurotic', 'rigid-affective', 'stuck-posttraumatic') and need both timely and diverse measures of medical and psychological rehabilitation. Psychological peculiarities included in the 'hyperthymic-conform' factor (12.06% of the variance) can be compensated by psychological correction. The author analysed foreign and national methods of psychological rehabilitation of posttraumatic stress disorder, identified psychotherapeutic 'targets' of influence and proposed measures of psychological rehabilitation of internal affairs officers with regard to the factor structure of the consequences.

Keywords: law enforcement officers, posttraumatic stress disorder, medical and psychological rehabilitation, psychological correction, psychosomatic diseases

For citation: Strelnikova Yu. Yu. Structure of psychological consequences of counter-terrorist activity: differentiated approach to rehabilitation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 322–335; doi: 10.35750/2071-8284-2024-3-322-335.

Введение

Вооруженные межнациональные и религиозные конфликты, террористические акты, сотрясающие не только Россию, но и многие страны во всем мире, к сожалению, не имеют тенденции к завершению. Последствия этих событий включают как непосредственные, так и отсроченные во времени (на протяжении от года до десятков лет) разнонаправленные и многокомпонентные последствия, требующие проведения широкого спектра медицинских и психологических мероприятий не только среди профессионального контингента (военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел, Росгвардии, МЧС России и др.), но и у их ближайших родственников, а также у мирного населения, проживающего на опасной территории или покинувшего зону вооруженного конфликта. Разнонаправленность и неоднородность этих проявлений подтверждается многими отечественными (М. М. Решетников, В. А. Корзунин 1989;

Е. В. Снедков, 1997; А. Г. Караяни, 1998; А. А. Стрельников, 1998; Ю. А. Александровский, 2000; Е. О. Александров, 2001; Н. В. Тарабрина, 2008, Е. Г. Ичитовкина, 2013; Ю. Ю. Стрельникова, 2016, и др.) и некоторыми зарубежными авторами (Ch. Figley, 1986; B. A. van der Kolk, C. P. Ducey, 1989; R. A. Kulka, 1990; K. S. Cox, H. S. Resnick, D. G. Kilpatrick, 2014; N. T. Fear, M. Jones, 2010). Например, ими были выявлены неоднородные по своей природе психологические последствия вооруженных конфликтов: от позитивных, компенсаторных, до пограничных и негативных (включающих в т. ч. посттравматическое стрессовое расстройство) [1–4].

Посттравматическое стрессовое расстройство (далее – ПТСР) в международной классификации болезней МКБ-11 (раздел L1-6B4) определяется как «расстройство, которое развивается после воздействия экстремального угрожающего или ужасающего события или серии событий, и характеризуется повторным переживанием травматического события (ий) в настоящем времени в виде ярких навязчивых воспоминаний, сопровождающихся страхом или ужасом, флешбэками или ночными кошмарами; избеганием мыслей и воспоминаний о событии (ях), или избеганием деятельности или ситуаций, напоминающих событие (я); состоянием субъективного ощущения сохраняющейся угрозы в виде гипернастороженности или усиленных реакций испуга»¹. В пятом издании Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-5; *American Psychiatric Association*) симптомы ПТСР классифицируются как вторгающиеся воспоминания, переживания о травмирующем событии (симптомы В); избегание стимулов, ассоциированных с травмой (С), негативные изменения когнитивных процессов и настроения (D), а также изменения в возбуждении и реактивности (Е). В DSM-5 симптомы D2 «устойчивые негативные убеждения и ожидания относительно себя, других или мира» и D3 «устойчивые, искаженные когниции, обвинение себя или других в причине или последствиях события (событий)» отражают когнитивно-бихевиоральную теорию и современные исследования последствий травмы [3].

Л. Р. Мэтьюс, Л. Э. Алден с соавторами провели систематический обзор международной литературы, в которой сообщалось о распространенности ПТСР, депрессии и тревоги у специалистов экстремальных профессий, которые существовали спустя годы после травмы. В обзор были включены 24 исследования из 12 стран с общим объемом выборки 4768 человек. Показатели ПТСР варьировались от 0 % до 23,6 % (в среднем 10,47 %), депрессии – от 0,7 % до 77,1 % (в среднем 24,8 %), тревоги – от 2,4 % до 14,6 % (в среднем 9,29 %). Л. Р. Мэтьюс, Л. Э. Алден с соавторами установили, что повышенный уровень ПТСР наиболее взаимосвязан с профессиональными стресс-факторами и дезадаптивными копинг-стратегиями [5]. По данным А. Н. Мерианса, Т. В. Спиллера в национальной выборке, включавшей более 36 тысяч взрослых американцев, распространенность ПТСР за 2022 год составила 4,7 %, распространенность в течение всей жизни – 6,1%, а среди респондентов, участвовавших в вооруженных конфликтах, ПТСР составляла 55,5 % [6].

В зарубежных исследованиях также подчеркивается сложная, многофакторная структура ПТСР, объясняющая неоднородность проявлений его симптомов и их взаимосвязь с показателями психопатологии. Например, Д. Д. Эльхай и П. А. Палмиери считают, что наиболее распространенная трехфакторная структура ПТСР (симптомы «вторжения», «избегания» и «гипервозбуждения») неадекватно отражает структуру симптомов, лежащих в основе показателей ПТСР. Они подтвердили четырехфакторную модель, которая основана на моделях эмоционального оцепенения и дисфории, как наиболее подходящую для посттравматического стрессового расстройства [7].

Несмотря на то, что лишь у немногих людей, подвергшихся травматическому событию, развивается ПТСР, симптомы, которые не соответствуют полным критериям ПТСР, являются распространенными и часто клинически значимыми. Люди с этими симптомами иногда характеризуются как имеющие подпороговое (донологическое) ПТСР, при этом не существует единого мнения об оптимальном определении этого термина.

Подпороговое ПТСР, также называемое субсиндромальным ПТСР или частичным ПТСР, часто имеет лишь отдельные симптомы посттравматического стрессового расстройства, но их слишком мало или они не соответствуют полному набору всех критериев нозологически выраженного ПТСР (например, отмечается только один полный симптом «вторжения»,

¹ Клинические рекомендации «Посттравматическое стрессовое расстройство» (одобрены Минздравом России 28.02.2023) // Министерство здравоохранения Российской Федерации : [Официальный сайт] / – URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/recomend/753_1 (дата обращения: 05.08.2024). – С. 6–7.

«избегания» или «гиперактивации», либо один критерий в каждом из кластеров В, С, D и E, либо наличие одного симптома в кластере В, два симптома в кластере С (вместо трех), один симптом в кластере D или 2 симптома E). Исследователи из Всемирной организации здравоохранения провели структурированные психиатрические диагностические интервью в 13 странах и выявили донозологические проявления ПТСР у 23 936 респондентов, сообщивших о воздействии травматического события. Они изучили связи профилей симптомов ПТСР (по DSM-5) с шестью исходами: дистресс-расстройство, коморбидные расстройства, суицидальность, зависимость от психоактивных веществ, страх-дистресс, продолжительность симптомов ПТСР. Распространенность подпорогового ПТСР определялась как низкая в диапазоне одного симптома для каждого из критериев В–Е (0,7 %) и высокая при определении полного симптома для одного из четырех критериев В–Е (4,6 %) [8]. Дж. Кьюкор, К. Уайка с соавторами изучали частоту подпорогового ПТСР и связанных с ним нарушений в сравнении с отсутствием ПТСР и полным ПТСР, у 3 523 человек, участвовавших в аварийно-восстановительных работах после террористического акта 11 сентября 2001 г. в США, а также проспективно отслеживали течение подпороговых симптомов в течение трех лет. Они подтвердили клиническую значимость подпорогового ПТСР и подчеркнули, что связанное с ним нарушение может быть значительным и долгосрочным. Сразу после теракта 19,7 % лиц соответствовали критериям подпорогового ПТСР. Через год среди них 29 % соответствовали критериям подпорогового или полного ПТСР, а через два года 24,5 % лиц по-прежнему соответствовали этим критериям [9].

В МКБ-11 (6B41) новая категория «комплексное ПТСР», является аналогом категории МКБ-10 «хроническое изменение личности после переживания катастрофы» (F62.0). Данная категория подчеркивает значимость диагностики не только симптомов и критериев ПТСР (полного или частичного), но и персистирующих нарушений в когнитивной, эмоционально-волевой сфере личности, а также в ее социальном функционировании. Диагноз комплексного ПТСР, помимо типичных кластеров симптомов, включает также «стойкие длительные нарушения в аффективной сфере (повышенная эмоциональная реактивность, отсутствие эмоций, развитие диссоциативных состояний); поведенческие нарушения (вспышки ярости, безрассудное или саморазрушающее поведение); стойкие негативные представления о себе, как об униженном и ничего не стоящем человеке, которые могут сопровождаться глубокими чувствами стыда, вины или несостоятельности); последовательное избегание или незаинтересованность в личных взаимоотношениях и социальной вовлеченности в целом; трудности в поддержании близких отношений»².

Исследования отечественных специалистов подтверждают значимость изучения феномена «подпорогового ПТСР» как фактора риска нарушения качества жизни, профессиональной деятельности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Согласно клиническим рекомендациям Минздрава России «у ветеранов войн, наряду с симптомами ПТСР, часто отмечаются стойкие изменения, которые традиционно относят к личностным чертам: выраженная полярная изменчивость настроения (от экстаза до дисфории); сужение диапазона эмоционального реагирования (тоска, злоба, страх); преобладание апатии, угрюмого настроения, отгороженности; восприятие и оценка окружающего с точки зрения потенциальной опасности; готовность к импульсивному защитному и автоматическому стереотипному реагированию (избегание, уход или агрессия); ранимость и сенситивность к несправедливости, чувство вины перед боевыми товарищами; регресс высших личностных свойств со снижением восприимчивости к чужим страданиям и смерти, уход от решения нравственных проблем; ослабление интрапсихической переработки впечатлений, способности к вербализации переживаний»³. Перечисленные личностные изменения являются показанием для проведения медико-психологической реабилитации.

По приказу МВД России от 23 июля 2024 г. № 429 медико-психологической реабилитации подлежат сотрудники органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации при наличии у них следующих показаний: «воздействие факторов риска снижения адаптационных возможностей организма и профессиональной работоспособности сотрудников при выполнении оперативно-служебных задач в особых условиях, а также длительное (более 30 суток) переутомление; нарушения эмоциональной сферы (нервозность, беспокойство и возбуждение; неуверенность, тревога и страх; раздражительность, вспыльчивость;

² Там же. – С. 6.

³ Там же. – С. 42.

несвойственный ранее эгоцентризм, снижение настроения и способности к сопереживанию); нарушения волевой сферы и поведения (трудности поддержания нормального образа жизни; чрезмерная немотивированная активность, многоречивость, расторможенность, суетливость или апатия; излишняя настороженность, подозрительность; стойкая фиксация на пережитых событиях; повышенная конфликтность; ограничение круга контактов, избирательность в общении, замкнутость; потеря интереса к любимым занятиям, увлечениям; более частое и в больших количествах, чем ранее, употребление алкоголя; постоянное ощущение усталости; снижение памяти, внимания, работоспособности; нарушения сна; разбалансированность реакций вегетативной нервной системы»⁴. В процессе медико-психологической реабилитации осуществляется «комплекс мер, включающий оказание психологической и медико-психологической помощи, в целях снижения риска формирования стресс-ассоциированных расстройств, коррекции остаточной психопатологической симптоматики и сокращения сроков восстановления работоспособности сотрудников ОВД Российской Федерации»⁵.

За последнее десятилетие было разработано множество отечественных⁶ и зарубежных рекомендаций по лечению ПТСР: Американской психиатрической ассоциацией (APA), Министерством по делам ветеранов США (VA) / Департаментом обороны (DoD), Национальным институтом здравоохранения и клинических исследований Великобритании (NICE), Институтом медицины (IOM), Американской академией детской и подростковой психиатрии (AACAP) и Австралийским национальным советом по здравоохранению и медицинским исследованиям (NHMRC). Однако, учитывая различия в этих рекомендациях, существует некоторая неопределенность в выборе эффективных подходов и методов терапии.

В медико-психологической реабилитации и клинической практике лечения ПТСР широко распространены как психотерапия, так и фармакотерапия (например, антидепрессантами, ингибирующими обратный захват серотонина), которые часто используются для снижения общей тяжести ПТСР или для устранения специфических симптомов (тревоги, депрессии, бессонницы и др.). В большинстве руководств психологические методы лечения, ориентированные на травму, рассматриваются как предпочтительный первый шаг, а лекарственные препараты – как дополнение или вторая линия лечения. Среди методов психотерапии ПТСР выделяют психологическую интервенцию, ориентированную на травму, которая прямо воздействует на мысли, чувства или воспоминания о травматическом событии (например, нарративная экспозиционная терапия, когнитивно-поведенческая терапия с пролонгированной экспозицией), а также психологические вмешательства, которые только облегчают переживания симптомов ПТСР, но непосредственно не направлены на проработку мыслей и чувств, ассоциированных с травмой (например, методы нейрорлингвистического программирования, релаксации, тренинг «Повышение жизнестойкости», межличностная терапия и др.). Все методические рекомендации сходятся в том, что психологические вмешательства, ориентированные на травму, включая экспозиционную и когнитивную терапию, являются эффективными, эмпирически подтвержденными методами первой линии лечения ПТСР.

Зарубежные руководства, например, в США, рекомендуют для психологической реабилитации ПТСР использовать следующие формы психотерапии: длительную экспозицию, когнитивно-поведенческую психотерапию, сфокусированную на травме [10], переработку травмирующих переживаний посредством движений глаз (ДПДГ), когнитивную процессинговую психотерапию [11] и репроцессинг [6]. Хорошие результаты показала эклектичная «психотерапевтическая техника эмоционального освобождения (*Emotional Freedom Techniques*), включающая в себя элементы когнитивно-бихевиоральной, телесно-ориентированной и экспозиционной психотерапии с использованием техник акупрессуры» [12, с. 129]. К. Кьюсак, Д. Э. Джонас с соавторами сравнили эффективность и неблагоприятные эффекты психологических методов лечения взрослых, страдающих тяжелым ПТСР. Авторы подтверждают эффективность экспозиционной терапии, включая мануализированную версию (высокий уровень эффективности); пролонгированной экспозиции, когнитивной терапии,

⁴ О медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Порядком и местами проведения медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 23 июля 2024 г. № 429 (зарег. в Минюсте России 30.08.2024, № 79354) // Государственная система правовой информации: [Официальный интернет-портал правовой информации]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.08.2024). – Документ вступает в силу с 13.09.2024.

⁵ Там же.

⁶ URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/recomend/753_1 (дата обращения: 05.08.2024).

терапии когнитивной обработки, когнитивно-поведенческой терапии (умеренный уровень эффективности); десенсибилизации и переработки движения глаз, нарративной экспозиционной терапии (низкий уровень эффективности) [13].

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью дифференцированного подхода к медико-психологической реабилитации сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), выполнявших служебно-боевые задачи в особых условиях.

Цель исследования: выявление структуры психологических факторов, оказывающих влияние на уровень адаптационных возможностей сотрудников ОВД, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях, обоснование показаний и определение направлений дифференцированного подхода к их психологической коррекции и реабилитации.

Выборку исследования составили сотрудники ОВД ($n = 110$), принимавшие участие в контртеррористической операции на территории Чеченской Республики (в составе сводных отрядов), средний возраст – $29,38 \pm 6,5$ лет; число командировок – $1,41 \pm 0,65$; средняя длительность пребывания в зоне вооруженного конфликта – $146,9 \pm 79,8$ суток.

Методы и методики исследования

Для изучения психологических последствий деятельности в особых условиях использовались: стандартизированный многофакторный метод исследования личности⁷ (СМИЛ, в адаптации Л. Н. Собчик), проективная методика исследования личности «Hand-тест» (в адаптации Т. Н. Курбатовой)⁸, 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (16-ФЛО, форма С)⁹, тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга для изучения фрустрационных реакций¹⁰, тест выявления типа акцентуации Х. Смишека¹¹, опросник выраженности травматического стресса И. О. Котенева (ОТС)¹². С помощью анонимной анкеты исследовались частота и длительность заболеваемости за год (без уточнения нозологических форм патологии). Статистическая обработка результатов исследования проводилась в программе *SPSS Statistics 19.0* с использованием описательного и факторного анализа (метода главных компонент и варимакс-вращения факторной структуры).

Результаты исследования

Анализ факторной структуры психологических последствий участия в контртеррористической операции позволил выделить шесть групп сотрудников ОВД, различающихся личностными особенностями, риском развития дезадаптации и степенью снижения адаптационных возможностей организма. Выделенными факторами объясняется 81,89 % суммарной дисперсии признаков.

Первый («посттравматический») фактор имеет наибольшую информативность (21,4 %) и выявляет взаимосвязь симптомов ПТСР (0,966; ОТС), таких как гипервозбудимость (0,965), дистресс (0,897), избегание (0,813), вторжение (0,678) с личностными чертами: пессимистичностью, склонностью к депрессивным реакциям (0,831; 2-я шкала СМИЛ); психастенией, низкой толерантностью к стрессу (0,637; 7-я шкала СМИЛ); импульсивностью (0,559; 4-я шкала СМИЛ); тревожностью, ранимостью, чувством вины (0,536; фактор О, 16-ФЛО); социальной интроверсией, пассивностью (0,532; 0-я шкала СМИЛ); формализмом в отношениях с людьми (0,528, категория Com, «Hand-тест»); осторожностью, сензитивностью к угрозе (-0,502; фактор Н, 16-ФЛО), а также длительной заболеваемостью (0,515). Данный фактор, помимо симптомов ПТСР, фиксации на пережитых психотравмирующих событиях, отражает трудности эмоционально-волевой регуляции и сложности реадaptационного периода, требующие своевременных (как можно в более ранние сроки) и разноплановых мероприятий по медико-психологической реабилитации.

⁷ Собчик Л. Н. СМИЛ (ММРІ). Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. – Санкт-Петербург: Речь, 2002. – 219 с.

⁸ Курбатова Т. Н., Муляр О. И. Проективная методика исследования личности «Hand-тест»: руководство по использованию. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 1996. – 56 с.

⁹ Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла: практическое пособие. – Санкт-Петербург: Речь, 2001. – 112 с.

¹⁰ Лукин С. Е., Суворов А. В. Тест рисуночной ассоциации С. Розенцвейга: руководство по использованию. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 1993. – 63 с.

¹¹ Реан А. А., Лукин С. Е. Методическое руководство по исследованию типов акцентуаций. – Санкт-Петербург: ИМАТОН, 1993. – 35 с.

¹² Котенев И. О. Психологическая диагностика постстрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие. – Москва: МЦ при ГУК МВД России, 1997. – 40 с.

В состав второго – «демонстративно-невротического» – фактора (16,54 % дисперсии) вошли следующие показатели: невротический контроль (0,827; 1-я шкала СМИЛ), проявляющийся догматическим стилем мышления, ориентацией на инструкции и нормативные требования, умением подчиняться приказам, но избегать ответственных решений; а также истероидность, эмоциональная лабильность с конфликтным сочетанием сдержанности и раздражительности (0,775; 3-я шкала СМИЛ); демонстративность (0,727; категория Ex, «Hand-тест»); импульсивность (0,626; 4-я шкала СМИЛ); низкий волевой самоконтроль (-0,661; фактор Q3, 16-ФЛО); дистимический (0,620), тревожный (-0,697) и педантичный (-0,671) типы акцентуаций. Последние два типа относятся к отрицательному полюсу данного фактора и определяются противоположными чертами: самонадеянностью, беспечностью, небрежностью, которые маскируются гиперсоциальностью установок. Для данной группы также характерны следующие черты личности: умение сдерживать агрессивные тенденции «при посторонних» или руководстве, но открыто проявлять их с близкими или подчиненными людьми, когда контроль над своим поведением ослабевает (-0,655; коэффициент I, «Hand-тест»); стремление делегировать ответственность, убежденность в том, что окружающие должны уделять им внимание, время и оказывать помощь в решении проблем (0,613; категория Dep, «Hand-тест»); предпочтение формально-делового, безэмоционального стиля общения (0,579; категория Com, «Hand-тест»). Перечисленные особенности и смешанный тип стрессового реагирования могут приводить к затруднению социальной адаптации (-0,556; КГА, тест С. Розенцвейга), возможным сексуальным нарушениям (0,481; 5-я шкала СМИЛ) и психосоматическим заболеваниям (сердечно-сосудистым, желудочно-кишечным и др.) вследствие перехода внутриличностного конфликта в физиологические расстройства, обусловленные психотравмирующей ситуацией. Перечисленные характерологические особенности, относящиеся, возможно, к «подпороговому» ПТСР и предрасполагающие к его затяжному течению, нуждаются в проведении широкого спектра мероприятий по медико-психологической реабилитации.

Структура третьего – «ригидно-аффективного» – фактора (12,65 % дисперсии) включает ригидность, стеничный тип стрессового реагирования с ведущими механизмами психологической защиты по типу рационализации, проекции и эксплозивных гневно-обвиняющих реакций (0,824; 6-я шкала СМИЛ); высокий риск открытого агрессивного поведения (0,704; категория Agg, «Hand-тест») с отсутствием страха перед ответной агрессией (-0,897; категория F, «Hand-тест»); экзальтированный (0,741) тип акцентуации; жесткость, рациональность (-0,673; фактор I, 16-ФЛО); консерватизм (0,659; фактор Q1, 16-ФЛО), переживание чувства тревоги, напряжения и дискомфорта (0,682; категория Ten, «Hand-тест») на фоне актуальной потребности в эмоционально-положительном, благожелательном отношении к себе (0,694; категория Aff, «Hand-тест»). Эксплозивно-агрессивные реакции, которые трактуются как вынужденные (защитные) действия в ответ на враждебность окружающих, с одной стороны, уравниваются направленностью на социальное взаимодействие (0,613; категория Com, «Hand-тест»), с другой – разнонаправленность личностных тенденций и подавленная враждебность являются фактором риска соматических нарушений (например, артериальной гипертензии или обострения имеющихся хронических заболеваний на фоне психотравмирующих событий). Описанные личностные тенденции являются показанием для проведения психологической коррекции и психотерапии.

Четвертый («гипертимно-конформный») фактор (12,06 % дисперсии) отражает взаимосвязь оптимистичности (0,909, 9-я шкала СМИЛ); экспрессивности, беспечности (0,839 фактор F, 16-ФЛО), гипертимного типа акцентуации (0,753) с такими показателями, как смелость, готовность к риску, активность, социальность (0,749; фактор H, 16-ФЛО); конформизм (-0,703, фактор Q2, 16-ФЛО), общительность (0,587, фактор A, 16-ФЛО); низкий самоконтроль, импульсивность (-0,567, фактор Q3, 16-ФЛО); демонстративный (0,503) и возбудимый (0,474) типы акцентуаций. В ситуации фрустрации они не склонны фиксироваться на препятствии (-0,463, категория OD, тест Розенцвейга), однако возможна избыточная, хаотичная стрессовая активность, которая в экстремальных условиях способна не только затруднить выполнение целенаправленной деятельности, но и стать источником угрозы жизни (как своей, так и окружающих). Данные сотрудники признают факт пережитого психотравмирующего события (0,573), однако сохраняют оптимистический настрой благодаря преобладанию защитного механизма отрицания проблем, что может привести к недооценке серьезности опасной ситуации и неоправданной беспечности в поведении. Выявленное сочетание психологических особенностей сотрудников ОВД не требует медико-психологической реабилитации и может быть компенсировано методами психологической коррекции.

Пятый фактор – «непродуктивного фрустрационного реагирования» (11,67 % дисперсии) – характеризуется импунитивной направленностью фрустрационных реакций (0,879; M-реакции, тест С. Розенцвейга) с отрицанием личной ответственности, игнорированием проблем и ожиданием, что со временем ситуация разрешится самостоятельно или вследствие

взаимных договоренностей (0,815; NP-фиксация на разрешении ситуации). Такой тип реакций может обеспечивать толерантное поведение в рамках административно-организаторской работы, но в условиях оперативно-служебной деятельности или вооруженного конфликта скорее всего окажется непродуктивным. Данный фактор описывает взаимосвязь импунитивного реагирования с директивностью (0,691; категория Dir, «Hand-тест»), жесткостью, практичностью (-0,673; фактор I, 16-ФЛО); доминантностью, настойчивостью, независимостью, конфликтностью, агрессивностью (0,588; фактор E, 16-ФЛО), а также с эмоциональной амбивалентностью, склонностью к длительному раздумыванию (0,528; категория Des, «Hand-тест»), самообвинением, чувством вины (0,525; итропунитивные реакции I, тест С. Розенцвейга), напряжённостью, фрустрационной тревожностью, «взвинченностью», требующей разрядки и мешающей расслабиться (0,503; фактор Q4, 16-ФЛО). На отрицательном полюсе пятого фактора расположены экстрапунитивное реагирование (-0,819; E-реакции, тест С. Розенцвейга), фиксация на препятствии (-0,748; OD-реакции, тест С. Розенцвейга) и самозащите (-0,636; ED-реакции, тест С. Розенцвейга), а также возбудимый тип акцентуации (-0,572). Описанные особенности характерны для сотрудников ОВД, обладающих лидерскими качествами и демонстрирующих рациональное поведение в стрессовых ситуациях обычной (мирной) деятельности, но в особых условиях службы повышенные эмоциональные затраты, вероятно, не компенсируются привычными копинг-стратегиями. Противоречивый характер эмоциональных переживаний может быть объяснен комбинаторным взаимодействием стенических и астенических эмоций, состоянием дискомфорта, фрустрированности, последствиями боевого стресса, а также тенденцией скрыть от психолога свои реальные (или бессознательно вытесненные) проблемы под социальной желательностью ответов. Перечисленные личностные характеристики могут привести к затруднению планомерной деятельности, социального взаимодействия и нарушению профессиональной адаптации (-0,615; КГА, тест С. Розенцвейга), а также к риску психосоматических расстройств (как возможного канала отреагирования фрустрационного возбуждения), поэтому являются показателем к индивидуальной и групповой психологической коррекции сотрудников ОВД.

Шестой фактор – «застревающе-посттравматический» (7,57 % дисперсии) – отражает взаимосвязь застревающего типа акцентуации (0,863); эгоцентричности, подозрительности, настороженности к людям (0,823; фактор L, 16-ФЛО), проницательности, расчетливости (0,767; фактор N, 16-ФЛО) с симптомами «вторжения» ПТСР (0,659; ОТС); циклотимией (0,640); доминантностью, упрямством, конфликтностью (0,619; фактор E, 16-ФЛО); проблемами со здоровьем (0,634; категория Crip, «Hand-тест»), тревожностью, ипохондричностью (0,586; фактор O, 16-ФЛО); нарушением сексуальной адаптации (0,542; 5-я шкала СМИЛ); социальной интроверсией (0,499; 0-я шкала СМИЛ); пассивностью (0,477; категория Pas, «Hand-тест»); фрустрационной фиксацией на самозащите (0,462; категория ED, тест С. Розенцвейга), склонностью к эмоциональной амбивалентности, раздумыванию, переживанию вместо активной деятельности, направленной на решение проблемы (0,454; категория Des, «Hand-тест»). Перечисленные личностные особенности могут служить факторами риска затяжного течения ПТСР и почвой для соматизации внутриличностного конфликта, поэтому также нуждаются в своевременной медико-психологической реабилитации.

Результаты и обсуждение

Таким образом, в структуре психологических последствий контртеррористической деятельности «посттравматический» фактор (21,4 % дисперсии) и «застревающе-посттравматический» фактор (7,57 % дисперсии) включают симптомы ПТСР. Данные результаты совпадают с исследованиями отечественных и зарубежных авторов, которые подтверждают риск развития ПТСР у сотрудников ОВД в диапазоне от 5 % до 40 % в зависимости от интенсивности психотравмирующего воздействия, а также отдаленности боевой психотравмы от периода измерения ее последствий. Так, Е. Г. Ичитовкина с соавторами установила, что у сотрудников ОВД, обследованных через 45 суток после возвращения из зоны проведения контртеррористической операции, ПТСР было диагностировано в 39,9 % случаев [14]. В. А. Сергеев, Л. В. Грачева выявили у 33,3% сотрудников ОВД (n = 120) отдельные признаки хронического ПТСР с высоким уровнем интенсивности симптомов, а также стойкую непсихотическую психопатологическую симптоматику спустя 5 и более лет после участия в боевых действиях [15]. В зарубежных исследованиях было обнаружено, что показатели распространенности ПТСР, связанного с вооруженными конфликтами, варьируются в зависимости от регионов и, как правило, чаще возникают после прямого воздействия психотравмирующих факторов. Н. Т. Фэр, М. Джонс, Д. Мерфи с соавторами в когортном исследовании психических последствий многократного развертывания в Ираке и Афганистане вооруженных сил Великобритании (в период с 2003 по 2009 гг.) установили, что наиболее часто среди военнослужащих регистрировались симптомы распространенных

психических расстройств (19,7 %, n = 1 908) и злоупотребление алкоголем (13,0 %, n = 1 323), в то время как распространенность ПТСР была низкой (4 %, n = 376). Однако проявления симптомов ПТСР зависели от интенсивности боевых действий и возрастали со временем, прошедшим с момента возвращения из командировки [4]. Исследование, проведенное в Нигерии А. Н. Эдех, Р. Увакве с коллегами, показало, что уровень распространенности ПТСР составляет 16,3 % в общине Уикпиам, непосредственно участвовавшей в вооруженном конфликте, и 4,3 % в сообществе Дауду, подвергнувшись косвенному воздействию психической травматизации [16]. А. Ю. Шалев, Р. Туваль с коллегами провели исследование после 10 месяцев эскалации военных действий против гражданского населения в Израиле. Выборку составили взрослые, проживающие в двух пригородах Иерусалима, один из которых часто и непосредственно подвергался террористическим актам (n = 167), а другой – косвенно (n = 89). В обеих группах отмечались сопоставимые показатели симптомов ПТСР (DSM-V, критерии от В до D): 26,95 % среди группы прямого воздействия и 21,35 % в группе косвенного воздействия, при этом более трети испытуемых с симптомами ПТСР сообщили о значительном дистрессе и дисфункции (35,7 % в группе прямого воздействия и 31,5% в группе косвенного воздействия) [17].

«Гипертимно-конформный», «демонстративно-невротический», «ригидно-аффективный», «непродуктивного фрустрационного реагирования» «застравающе-посттравматический» факторы психологических последствий контртеррористической деятельности отражают многообразие проявлений «подпорогового» ПТСР и «защитно-адаптивного» типа стрессового реагирования, который был выявлен (путем иерархической кластеризации) у сотрудников ОВД, в отдаленный реадaptационный период после выполнения служебно-боевых задач в особых условиях. «Посттравматический» фактор отражает высокий риск дезадаптации, личностной дисгармонии и соответствует «негативному (пограничному) типу последствий участия в контртеррористической операции» [2, с. 165–166]. Установленные последствия требуют первоочередного внимания психологов подразделения к данной категории сотрудников ОВД, свидетельствуют о наличии показаний к медико-психологической реабилитации, поскольку они нарушают здоровье, качество жизни и надежность деятельности в особых условиях, увеличивают риск психосоматических заболеваний, а при отсутствии своевременной психологической помощи и поддержки семьи могут стать почвой для развития зависимости от психоактивных веществ.

Этот тезис подтверждается исследованиями отечественных и зарубежных авторов. А. А. Рассоха, А. Г. Соловьев с соавторами обследовали 106 пенсионеров-комбатантов, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях, и выявили, что «психосоматические расстройства в форме гипертонической болезни, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки встречались в 61,3 % случаев» [1, с. 21]. Авторы утверждают, что «стрессовые условия служебной деятельности, связанные с участием в локальных вооруженных конфликтах, на фоне преморбидно выраженного невротического контроля поведения, ригидности установок, пессимистичности и социальной интравертированности способствуют формированию у пенсионеров-комбатантов коморбидных расстройств аффективного и тревожного спектра, пограничных психических и психосоматических расстройств» [1, с. 23]. Дж. Мойе, А. П. Кайзер с соавторами исследовали ветеранов вооруженных сил США в возрасте 60 лет и старше. Они установили, что у 9,6 % ветеранов было подпороговое ПТСР и у 1,9 % – полное ПТСР. У ветеранов с подпороговым и полным ПТСР чаще выявлялись депрессия, отчуждение от близких, повышенный гнев и агрессия, расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ, попытки самоубийства, несуицидальные самоповреждения и суицидальные мысли, а также частая заболеваемость, низкое психическое, когнитивное и физическое функционирование [18]. Л. М. Френч, Т. А. Брикелл с соавторами исследовали 596 военнослужащих через 12 и более месяцев после неосложненной легкой черепно-мозговой травмы и выявили линейную зависимость между тяжестью ПТСР и нейроповеденческим функционированием. Авторы установили, что симптомы ПТСР оказывают значительное негативное влияние на качество жизни, поэтому нуждаются в реабилитации, независимо от самого диагноза и степени выраженности симптомов (на уровне диагностируемого или подпорогового ПТСР) [19].

Заключение

Выявленная структура психологических последствий участия в контртеррористической операции, отражающая взаимосвязи личностных особенностей сотрудников ОВД с симптомами посттравматического стрессового расстройства, позволяет повысить эффективность дифференцированного подхода к медико-психологической реабилитации в зависимости от направления и степени выраженности снижения адаптационных возможностей личности.

1. В структуре психологических последствий контртеррористической деятельности определяются шесть факторов, два из которых включают симптомы ПТСР: «посттравматический» фактор (21,4 %) и «застревающе-посттравматический» фактор (7,57 %) с суммарной информативностью 28,97 %. Входящие в их состав признаки личностной дисгармонии и несовершенной социальной адаптации, а также предикторы, способствующие затяжному течению ПТСР (высокий уровень невротичности, тревожных, зависимых личностных черт; трудностей групповой адаптации, конфликтности в межличностных отношениях), требуют углубленного обследования специалистов для констатации донозологического уровня проявлений или уточнения степени тяжести посттравматического стресса, являются показанием для проведения своевременных и разноплановых мероприятий медико-психологической реабилитации.

2. Выявленные признаки «подпорогового» (донозологического) ПТСР в виде отдельных симптомов и характерных личностных черт (пессимистичность, психастения, невротический контроль, ригидность, импульсивность, агрессивность, циклотимия, эмоциональная амбивалентность, «застревание» на аффекте, фрустрационная фиксация на самозащите, тревожность, подозрительность, ранимость, сензитивность, чувство вины, социальная интроверсия, пассивность, эгоцентричность), которые входят в состав пяти из шести факторов («посттравматического», «непродуктивного фрустрационного реагирования», «демонстративно-невротического», «ригидно-аффективного», «застревающе-посттравматического») и объясняют 69,83 % суммарной дисперсии, также нуждаются в психокоррекции и реабилитации.

3. В рамках медико-психологической реабилитации сотрудников ОВД целесообразно учитывать не только наличие, степень выраженности симптомов ПТСР, клиничко-биологические и психолого-социальные предикторы его затяжного течения, но и признаки «подпорогового» (донозологического) ПТСР. Они представляют собой характерные личностные черты, которые формируются вследствие адаптационных, компенсирующе-защитных реакций на особые условия жизни и деятельности, на фоне длительного воздействия факторов боевого стресса, и зачастую воспринимаются ведомственными психологами как индивидуальное своеобразие характерологических особенностей сотрудника, без учета его преморбидного личностного профиля.

В таблице 1 представлена структура психологических последствий контртеррористической деятельности, психотерапевтические «мишени» воздействия и предлагаемые мероприятия по психологической реабилитации сотрудников ОВД. Данные мероприятия не являются всесторонне исчерпывающими, но могут сориентировать ведомственных психологов в направлениях и видах оказания психологической помощи.

Таблица 1

Структура психологических последствий контртеррористической деятельности, психотерапевтические «мишени» воздействия и мероприятия психологической реабилитации сотрудников ОВД

Структура психологических последствий	Психотерапевтические «мишени» воздействия	Мероприятия психологической реабилитации
<p>Факторы 1, 6: «посттравматический» (21,4 %) и «застревающе-посттравматический» (7,57 %)</p>	<p>1. Симптомы ПТСР*: вторжение, избегание, гиперактивность, дистресс. 2. Личностные черты: пессимистичность, психастения, импульсивность, циклотимия, эмоциональная амбивалентность, «застревание» на аффекте, негативных мыслях, опасениях, фрустрационная фиксация на самозащите, тревожность, подозрительность, осторожность, сензитивность, чувство вины, социальная интроверсия, формализм в отношениях с людьми, отгороженность, пассивность, эгоцентричность, ипохондрия 3. Психосоматические заболевания.</p>	<p>1. Психотерапия ПТСР: когнитивно-поведенческая (КПТ), сфокусированная на травме (в т. ч. нарративная экспозиционная, когнитивно-процессуальная, когнитивно-бихевиоральная, ДПДГ, систематическая десенсибилизация), телесно-ориентированная, техники краткосрочной позитивной психотерапии; гештальт- и арт-терапия, релаксационная визуализация; техника вскрывающих интервенций; трансформация образа в сочетании с фокусированием; метод двойной диссоциации; техника эмоционального освобождения, символдрама, патогенетическая психотерапия, семейная психотерапия и др. 2. Психокоррекция страхов, чувства вины, неконструктивных и дезадаптивных установок, эмоционального состояния (КПТ, рефлекс- и ароматерапия, аутогенная тренировка, электросон, массаж,</p>

Продолжение таблицы 1

Структура психологических последствий	Психотерапевтические «мишени» воздействия	Мероприятия психологической реабилитации
		<p>акупунктура, бальнеопроцедуры и др.), обучение методам психической саморегуляции с использованием системы БОС**.</p> <p>3. Лечение соматической и коморбидной патологии (фармакотерапия, физиотерапия и др.).</p> <p>4. Рекомендованы здоровый образ жизни, спокойные условия жизнедеятельности, привычный круг общения, дозированные физические нагрузки.</p>
<p>Факторы 2, 3, 5: «демонстративно-невротический» (16,54 %), «ригидно-аффективный» (12,65 %), «непродуктивного фрустрационного реагирования» (11,67%)</p>	<p>Личностные черты: невротический контроль, истероидность, эмоциональная лабильность, раздражительность, импульсивность, склонность к риску, низкий волевой самоконтроль, дистимия, уклонение от личной ответственности, низкая эмпатия, формализм во взаимоотношениях, затруднение социальной адаптации; ригидность, агрессивность, экзальтированность, эмоциональная амбивалентность, директивность, эгоцентричность, жесткость, конфликтность, фрустрационная тревожность, импунитивные фрустрационные реакции с отрицанием личной ответственности, игнорированием проблем и ожиданием, что ситуация разрешится самостоятельно.</p>	<p>1. Психокоррекция конфликтного сочетания противоречивых личностных черт, неконструктивных и дезадаптивных установок, эмоционального состояния: КПТ (рационально-эмотивная психотерапия А. Эллиса, программа повышения субъективного благополучия М. Э. Селигмана; метод когнитивного реконструирования Дж. Фава; диалектическая поведенческая терапия М. Линехана и др.), тренинг преодоления тревоги, личностного роста, обучение приемам психической саморегуляции, система БОС, релаксационные и физиопроцедуры.</p> <p>2. Лечение психосоматических заболеваний.</p> <p>3. Рекомендованы здоровый образ жизни, соблюдение режима труда и отдыха, полноценный сон, занятия спортом.</p>
<p>Фактор 4: «гипертимно-конформный» (12,06 %)</p>	<p>Личностные черты: недостаточный волевой самоконтроль, импульсивность, возбудимость, хаотичная стрессовая гиперактивность, беспечность, демонстративность, защитный механизм отрицания.</p>	<p>1. Психологическая коррекция личностных черт, система биологической обратной связи, релаксационные и физиопроцедуры, обучение методам психической саморегуляции.</p> <p>2. Рекомендованы здоровый образ жизни, активный отдых, спорт.</p>
<p>Примечания: * ПТСР – посттравматического стрессового расстройства. ** БОС – биологическая обратная связь.</p>		

4. Предлагаемые выше мероприятия не претендуют на всеобъемлющий характер, но отражают системный подход, многообразие современных направлений психокоррекции и реабилитации ПТСР. Важно помнить, что лечением нозологически установленного ПТСР занимается врач-психотерапевт или врач-психиатр, предварительный диагноз может поставить врач общей практики, врач-невролог, но наличие «подпорогового» ПТСР может заподозрить и психолог (в т. ч. ведомственный, клинический и др.), используя методы наблюдения, беседы и проведя необходимые диагностические исследования. В данном случае особенно важны внимательное отношение, заинтересованность специалиста, высокая квалификация и наличие у ведомственного психолога компетенций в области оказания посттравматической помощи. Решающее значение для эффективности психокоррекции и реабилитации имеют раннее начало, оперативность, комплексность и адекватность проводимых мероприятий, системный и патогенетический подход (с учетом выраженности коморбидной патологии, психофизиологических и социально-психологических аспектов

формирования последствий), а также гармонизация семейных отношений, формирование положительных установок на реабилитацию и мотивации на активную работу с психологом у сотрудников ОВД.

5. Полученные эмпирические результаты имеют перспективы для дальнейших исследований на выборке сотрудников сводных отрядов полиции, направляемых в новые субъекты Российской Федерации, с целью выявления предикторов, способствующих или препятствующих формированию симптомов ПТСР (например, преморбидных личностных особенностей, мотивации, с учетом частоты и длительности психической травматизации, суммарного травматического опыта, сложности и напряженности оперативно-служебной деятельности, социальных и психофизиологических факторов, и др.).

Список литературы

1. Рассоха А. А., Соловьев А. Г., Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В. Влияние преморбидных личностных особенностей на формирование пограничных психических и психосоматических расстройств у пенсионеров-комбатантов // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2021. – № 121 (8). – С. 19–24; <https://doi.org/10.17116/jnevro202112108119>.

2. Стрельникова Ю. Ю. Психологические последствия участия сотрудников органов внутренних дел в контртеррористической операции : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – 232 с.

3. Cox K. S., Resnick H. S., Kilpatrick D. G. Prevalence and correlates of posttrauma distorted beliefs: evaluating DSM-5 PTSD expanded cognitive symptoms in a national sample // Journal of Traumatic Stress. – 2014. – № 27 (3) – P. 299–306; <https://doi.org/10.1002/jts.21925>.

4. Fear N. T., Jones M., Murphy D., Hull L. [et al.]. What are the consequences of deployment to Iraq and Afghanistan on the mental health of the UK armed forces? A cohort study // The Lancet. – 2010. – Vol. 375, no. 9728. – P. 1783–1797; [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)60672-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60672-1).

5. Matthews L. R., Alden L. E., Wagner Sh., Carey M. G. [et al.]. Prevalence and predictors of posttraumatic stress disorder, depression, and anxiety in personnel working in emergency department settings: a systematic review // The Journal of Emergency Medicine. – 2022. – Vol. 62, no. 5. – P. 617–635; <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2021.09.010>.

6. Merians A. N., Spiller T., Harpaz-Rotem I., Krystal J. H. [et al.]. Post-traumatic Stress Disorder // Medical Clinics of North America. – 2023. – Vol. 107, no. 1. – P. 85–99; <https://doi.org/10.1016/j.mcna.2022.04.003>.

7. Elhai J. D., Palmieri P. A. The factor structure of posttraumatic stress disorder: A literature update, critique of methodology, and agenda for future research // Journal of Anxiety Disorders. – 2011. – Vol. 25, no. 6. – P. 849–854; <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2011.04.007>.

8. McLaughlin K. A., Koenen K. C., Friedman M. J., Ruscio A. M. [et al.]. Subthreshold posttraumatic stress disorder in the world health organization world mental health surveys // Biological Psychiatry. – 2015. – Vol. 77, no. 4. – P. 375–384; <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2014.03.028/>

9. Cukor J., Wyka K., Jayasinghe N., Difede J. A. The nature and course of subthreshold PTSD // Journal of Anxiety Disorders. – 2010. – Vol. 24, no. 8. – P. 918–923; <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2010.06.017/>.

10. Kehle-Forbes Sh. M., Nelson D., Norman S. B., Schnurr P. P. [et al.]. Comparative effectiveness of trauma-focused and non-trauma-focused psychotherapy for PTSD among veterans with comorbid substance use disorders: Protocol & rationale for a randomized clinical trial // Contemporary Clinical Trials. – 2022. – Vol. 120. – 106876; <https://doi.org/10.1016/j.cct.2022.106876>. – URL: www.elsevier.com/locate/conclintrial.

11. Lewis C., Roberts N. P., Andrew M., Starling E. [et al.]. Psychological therapies for posttraumatic stress disorder in adults: systematic review and meta-analysis // European Journal of Psychotraumatology. – 2020. – Vol. 11, no. 1. – P. 1729633; doi:10.1080/20008198.2020.1729633. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20008198.2020.1729633>.

12. Демкин А. Д., Иванов В. В., Круглов В. И. Новые методы реабилитации военнослужащих с боевой психической травмой в армиях зарубежных государств // Известия Российской Военно-Медицинской академии. 2019. – Т. 38, № 3. – С. 125–131; <https://doi.org/10.17816/RMMAR26080-20224>.

13. Cusack K., Jonas D. E., Forneris C. A., Wines C. [et al.]. Psychological treatments for adults with posttraumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis // Clinical Psychology Review. – 2016. – Vol. 43. – P. 128–141; <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.10.003>.

14. Ичитовкина Е. Г., Злоказова М. В., Соловьев А. Г. Эффективность медико-психологической реабилитации комбатантов // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2013. – № 5 (113). – С. 42–47.

15. Сергеев В. А., Грачева Л. В. Анализ клинко-психопатологических и психосоциальных проявлений отдаленных последствий боевой психической травмы // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 22–32. <https://doi.org/10.34883/pi.2020.11.1.002>.

16. Edeh A. N., Uwakwe R., Obindo T. J., Agbir M. T. [et al.]. A comparative study of posttraumatic stress disorder in two post-conflict communities in Benue state Nigeria // Dialogues in Health. – 2023. – Vol. 71, no. 2. – P. 100105; <https://doi.org/10.1016/j.dialog.2023.100105> Get rights and content. – URL: www.elsevier.com/locate/dialog.

17. Shalev A. Y., Tuval R., Frenkiel-Fishman S., Hadar H. [et al.]. Psychological responses to continuous terror: a study of two communities in Israel // American Journal of Psychiatry. – 2006. – Vol. 163, no. 4. – P. 667–673; <https://doi.org/10.1176/ajp.2006.163.4.667>.

18. Moye J., Kaiser A. P., Cook J., Pietrzak R. H. Post-traumatic Stress Disorder in Older U.S. Military Veterans: Prevalence, Characteristics, and Psychiatric and Functional Burden // The American Journal of Geriatric Psychiatry. – 2022. – Vol. 30, no. 5. – P. 606–618; <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2021.10.011>.

19. French L. M., Brickell T. A., Lippa S. M., Rogers A. A. [et al.]. Clinical relevance of subthreshold PTSD versus full criteria PTSD following traumatic brain injury in U.S. service members and veterans // Journal of Affective Disorders. – 2024. – Vol. 358. – P. 408–415; <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.05.015>.

References

1. Rassokha A. A., Solov'yev A. G., Ichtovkina Ye. G., Zlokazova M. V. Vliyaniye premorbidnykh lichnostnykh osobennostey na formirovaniye pogranychnykh psikhicheskikh i psikhosomaticheskikh rasstroystv u pensionerov-kombatantov // Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S. S. Korsakova. – 2021. – № 121 (8). – С. 19–24; <https://doi.org/10.17116/jnevro202112108119>.

2. Strel'nikova Yu. Yu. Psikhologicheskiye posledstviya uchastiya sotrudnikov organov vnutrennikh del v kontrterroristicheskoy operatsii : monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – 232 s.

3. Cox K. S., Resnick H. S., Kilpatrick D. G. Prevalence and correlates of posttrauma distorted beliefs: evaluating DSM-5 PTSD expanded cognitive symptoms in a national sample // Journal of Traumatic Stress. – 2014. – № 27 (3) – P. 299–306; <https://doi.org/10.1002/jts.21925>.

4. Fear N. T., Jones M., Murphy D., Hull L. [et al.]. What are the consequences of deployment to Iraq and Afghanistan on the mental health of the UK armed forces? A cohort study // The Lancet. – 2010. – Vol. 375, no. 9728. – P. 1783–1797; [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(10\)60672-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(10)60672-1).

5. Matthews L. R., Alden L. E., Wagner Sh., Carey M. G. [et al.]. Prevalence and predictors of posttraumatic stress disorder, depression, and anxiety in personnel working in emergency department settings: a systematic review // The Journal of Emergency Medicine. – 2022. – Vol. 62, no. 5. – P. 617–635; <https://doi.org/10.1016/j.jemermed.2021.09.010>.

6. Merians A. N., Spiller T., Harpaz-Rotem I., Krystal J. H. [et al.]. Post-traumatic Stress Disorder // Medical Clinics of North America. – 2023. – Vol. 107, no. 1. – P. 85–99; <https://doi.org/10.1016/j.mcna.2022.04.003>.

7. Elhai J. D., Palmieri P. A. The factor structure of posttraumatic stress disorder: A literature update, critique of methodology, and agenda for future research // Journal of Anxiety Disorders. – 2011. – Vol. 25, no. 6. – P. 849–854; <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2011.04.007>.

8. McLaughlin K. A., Koenen K. C., Friedman M. J., Ruscio A. M. [et al.]. Subthreshold posttraumatic stress disorder in the world health organization world mental health surveys // Biological Psychiatry. – 2015. – Vol. 77, no. 4. – P. 375–384; <https://doi.org/10.1016/j.biopsych.2014.03.028/>

9. Cukor J., Wyka K., Jayasinghe N., Difede J. A. The nature and course of subthreshold PTSD // Journal of Anxiety Disorders. – 2010. – Vol. 24, no. 8. – P. 918–923; <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2010.06.017/>.

10. Kehle-Forbes Sh. M., Nelson D., Norman S. B., Schnurr P. P. [et al.]. Comparative effectiveness of trauma-focused and non-trauma-focused psychotherapy for PTSD among veterans with comorbid substance use disorders: Protocol & rationale for a randomized clinical trial // Contemporary Clinical Trials. – 2022. – Vol. 120. – P. 106876; <https://doi.org/10.1016/j.cct.2022.106876>. – URL: www.elsevier.com/locate/conclintrial.

11. Lewis C., Roberts N. P., Andrew M., Starling E. [et al.]. Psychological therapies for posttraumatic stress disorder in adults: systematic review and meta-analysis // European Journal of Psychotraumatology. – 2020. – Vol. 11, no. 1. – P. 1729633; doi:10.1080/20008198.2020.1729633. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20008198.2020.1729633>.

12. *Demkin A. D., Ivanov V. V., Kruglov V. I.* Novyye metody reabilitatsii voyennosluzhashchikh s boyevoy psikhicheskoy travmoy v armiyakh zarubezhnykh gosudarstv // *Izvestiya Rossiyskoy Voenno-Meditsinskoy akademii.* 2019. – T. 38, № 3. – S. 125–131; <https://doi.org/10.17816/RMMAR26080-20224>.

13. *Cusack K., Jonas D. E., Forneris C. A., Wines C. [et al.]*. Psychological treatments for adults with posttraumatic stress disorder: A systematic review and meta-analysis // *Clinical Psychology Review.* – 2016. – Vol. 43. – P. 128–141; <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.10.003>.

14. *Ichitovkina Ye. G., Zlokazova M. V., Solov'yev A. G.* Effektivnost' mediko-psikhologicheskoy reabilitatsii kombatanov // *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S. S. Korsakova.* – 2013. – № 5 (113). – S. 42–47.

15. *Sergeyev V. A., Gracheva L. V.* Analiz kliniko-psikhopatologicheskikh i psikhosotsial'nykh proyavleniy otdalennykh posledstviy boyevoy psikhicheskoy travmy // *Psikhiiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya.* – 2020. – T. 11, № 1. – S. 22–32. <https://doi.org/10.34883/pi.2020.11.1.002>.

16. *Edeh A. N., Uwakwe R., Obindo T. J., Agbir M. T. [et al.]*. A comparative study of posttraumatic stress disorder in two post-conflict communities in Benue state Nigeria // *Dialogues in Health.* – 2023. – Vol. 71, no. 2. – P. 100105; <https://doi.org/10.1016/j.dialog.2023.100105> Get rights and content. – URL: www.elsevier.com/locate/dialog.

17. *Shalev A. Y., Tuval R., Frenkiel-Fishman S., Hadar H. [et al.]*. Psychological responses to continuous terror: a study of two communities in Israel // *American Journal of Psychiatry.* – 2006. – Vol. 163, no. 4. – P. 667–673; <https://doi.org/10.1176/ajp.2006.163.4.667>.

18. *Moye J., Kaiser A. P., Cook J., Pietrzak R. H.* Post-traumatic Stress Disorder in Older U.S. Military Veterans: Prevalence, Characteristics, and Psychiatric and Functional Burden // *The American Journal of Geriatric Psychiatry.* – 2022. – Vol. 30, no. 5. – P. 606–618; <https://doi.org/10.1016/j.jagp.2021.10.011>.

19. *French L. M., Brickell T. A., Lippa S. M., Rogers A. A. [et al.]*. Clinical relevance of subthreshold PTSD versus full criteria PTSD following traumatic brain injury in U.S. service members and veterans // *Journal of Affective Disorders.* – 2024. – Vol. 358. – P. 408–415; <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.05.015>.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 12.09.2024.

The article was submitted May 14, 2024; approved after reviewing August 22, 2024; accepted for publication September 12, 2024.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>

Юрий Александрович Шаранов

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, niospba@mail.ru

Евгения Геннадьевна Зуева

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Постпенитенциарный идеал личности с «чистой совестью», субъектностью и «технологией работы с собой»

Аннотация: Введение. Рассмотрен процессуальный подход в исследовании постпенитенциарного субъекта. В процессуальном подходе самым важным считается анализ становления, динамики и новизны личностных образований. **Цель исследования** – постановка проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта, начиная со смены его криминальной установки, конструктивного переживания вины и устойчивой переориентации поведения на реализацию ценностей правопослушной деятельности. **Методы.** В качестве методов исследования выступили диалектический метод и принцип развития. Основным методологическим подходом исследования был определен системный подход. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта. **Результаты.** Определяется понятие «постпенитенциарного идеала личности» через осознание и принятие на себя вины за содеянное, всей ответственности за свое будущее существование и деятельность. Рассмотрена проблема самопроектирования идентичности постпенитенциарной личности как объект исследования юридической психологии, который предполагает адаптацию личности к «постнасильственной стадии» ее свободного существования в обществе. При этом новая идентичность, как результат работы постпенитенциарного субъекта с самим собой, выходит за пределы индивидуального «Я», так как охватывает более широкие контексты жизни человека. Такие личностные трансформации возможны путем внедрения эффективных психологических практик (коррекционных программ), самопроектирования и саморазвития постпенитенциарного субъекта. Анализ зарубежного опыта позволил выделить ряд «эффективных практик» пенитенциарных психологов для взрослых и несовершеннолетних.

Ключевые слова: постпенитенциарный субъект, пробация, личностная идентичность, самопроектирование, криминальные установки, вина

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Постпенитенциарный идеал личности с «чистой совестью», субъектностью и «технологией работы с собой» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 336–345; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>.

Original article

Yuri A. Sharanov

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Evgeniya G. Zueva

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0001-6919-0306>, zueva.eg@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Post-penitentiary ideal of a personality with “clear conscience”, subjectivity and “technology of working over oneself”

Abstract: Introduction. The procedural approach in the study of a post-penitentiary subject is examined. In the procedural approach the most important is considered to be the analysis of formation, dynamics and novelty of personal entities. The aim of the research is to set the problem of designing a new identity of a post-penitentiary subject, starting from the change of his criminal attitude, constructive experience of guilt and stable reorientation of behaviour to the realisation of values of law-abiding activity. **Methods.** The dialectical method and the principle of development constituted the research methods. The main methodological approach of the study was the system approach. The study used general scientific research methods aimed at the collection, analysis, systematisation and generalisation of data, in particular, the analysis of normative legal acts and literature references directly related to the study of the problem of designing a new identity of a post-penitentiary subject. **Results.** The concept of “post-penitentiary ideal of a personality” is defined through the realisation and assumption of guilt for the deed, all responsibility for their future existence and activity. The article considers the problem of self-projecting of an identity of a post-penitentiary personality as an object of legal psychology research, which implies the adaptation of a personality to the “post-violent stage” of its free existence in society. In this case, a new identity, as a result of the post-penitentiary subject’s work over himself, goes beyond the individual self, as it covers broader contexts of a person’s life. Such personal transformations are possible through the introduction of effective psychological practices (correctional programs), self-design and self-development of a post-penitentiary subject. The analysis of foreign experience allowed identifying a number of “effective practices” used by penitentiary psychologists for adults and juveniles.

Keywords: post-penitentiary subject, probation, personal identity, self-projection, criminal attitudes, guilt

For citation: Sharanov Yu. A., Zueva E. G. Post-penitentiary ideal of a personality with “clear conscience”, subjectivity and “technology of working over oneself” // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 336–345; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-336-345>.

Введение

Основное внимание в современной психологии уделяется метаперсональному и духовно-практическому направлениям развития субъектности человека, которые различаются по концептуальным основаниям. Если первое, метаперсональное, развивает теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта со всем человечеством, который осознает себя как часть природного и социального мира, то второе направление исследований субъекта заключается в том, что в психологии субъекта деятельностные, саморефлективные и трансцендентные компоненты находят свое воплощение в одной категории – в категории «духовно-практического знания» [1]. Главная идея исследования заключается в следующем постулате: постпенитенциарный субъект как он есть, без самопреобразований, без «работы над собой» не способен адекватно ресоциализироваться и реинтегрироваться в обществе. При этом самопроектирование новой идентичности непосредственно связано с его образом жизни.

Ключевым механизмом самопреобразования выступает взаимосвязь субъекта и характера переживаемой вины, которые соотносятся через выбор субъектом своего

будущего и развитие уровня ответственности за его реализацию. Ресурсами развития новой идентичности постпенитенциарного субъекта является субъективизация личности, т. е. приобретение субъектных качеств: самостоятельность, ответственность, активность, забота о своем будущем.

Постпенитенциарному субъекту не навязывают образ его будущей идентичности, а формируют навык выбора экзистенциальных предпочтений, ведущего к освобождению его индивидуальности. При этом субъект «создает себя» посредством когнитивных, нравственных и других практик, фокусируя внимание на том, что зависит от самого субъекта и позволяет ему обратиться к добру.

Понимание современного «постпенитенциарного идеала личности» в определенном смысле только начинает складываться. Своеобразной точкой отсчета процесса институционализации данного феномена выступает Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹. Обновленный институт пробации преследует цели создания модели ресоциализации и реинтеграции указанных в законе лиц, способных по своим качествам быть адекватными идеалам, ценностям и смыслам новой исторической эпохи развития страны. Возникает вопрос: а какие социально-психологические качества согласно ожиданиям общества должны быть определяющими в структуре образа «постпенитенциарного идеала личности»? Кто будет эти качества формировать и по каким критериям оценивать? В чем состоит специфика образа «постпенитенциарного идеала личности»?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, мы обратимся к рефлексии близких к этой теме научных публикаций.

Методы

В качестве основного метода исследования выступил диалектический метод, а методологическим подходом исследования был определен системный подход. В исследовании применялись общенаучные методы исследования, направленные на сбор, анализ, систематизацию и обобщение данных, в частности, анализ нормативных правовых актов и литературных источников, непосредственно связанных с исследованием проблемы проектирования новой идентичности постпенитенциарного субъекта.

Результаты исследования

Очевидно, что процесс рефлексии заявленной темы статьи целесообразно начинать с совокупности тех определений, концептов и подходов, в отношении которых среди ученых и практиков уже существует своего рода консенсус. Наибольшей популярностью среди исследователей² пользуются фундаментальные понятия морального сознания – «совесть», «ответственность», «вина», «долг» [2]. Как в свое время подчеркивал Е. Н. Трубецкой, без определенного представления о добре и зле, без господствующей морали становится невозможной всякая нравственная оценка, т. к. для этого отсутствуют внятные критерии [3, с. 252]. Вместе с тем повседневная реальность, в границах которой действует индивид, демонстрирует очевидный парадокс жизни – стремление делать добро неизбежно сопровождается также и риском разрушения, т. е. проявлением зла. Отсюда этика делания добра и необходимость жизни находятся в непримиримом, напряженном противостоянии. По общему признанию, человек является существом «неидеальным», он не может не наносить вреда другим жизням даже в тех случаях, когда он действует или воздерживается от поступка. Поэтому, как утверждал А. Швейцер, человек обречен жить с нечистой совестью, «чистая совесть – изобретение дьявола». Раздвоенное состояние нравственной личности идентифицируется через осознание вины. Идеального, универсального правила, задающего для всех этический стандарт поведения, не существует, поэтому человек должен раскрывать себя как нравственное существо через конкретные ситуации своей жизни, принимая на себя всю ответственность за полноту такого раскрытия и сводя к минимуму возможный вред, сопряженный с собственным существованием и деятельностью.

Процесс конструирования образа «постпенитенциарного идеала» морального сознания встречается с трудноразрешимой проблемой адаптации личности к «постнасиловственной стадии» ее свободного существования в обществе. В определенном смысле личность действительно как бы вновь приглашается на «сцену социального», и эта сцена обладает как дидактичным, так и репрессивным потенциалом, т. к. «на сцену» личность призывают представители власти. «Этот призыв “конституирует” (создает) того, к кому

¹ О пробации в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

² Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян ; [пер. с нем. Я. Бермана и др.]. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 461.

он адресован и кому указывает на его место, сцена имеет отчетливо дисциплинарный характер» [4]. Тем самым необходимые качества субъектности личности во многом запрашиваются и задаются культурой имплицитного, а также дискурсивного и редуцированного насилия со стороны существующего закона. Освобожденный юридически от пенитенциарного травматического опыта субъект может реагировать на «призыв» правоуполномоченного лица пассивно (ничего не делать из-за страха или прокрастинации), стремиться к конформности вследствие избегания, боязни самостоятельности (Э. Фромм), так как такая конформность придает чувство идентичности с другими «сильными» людьми, их группами, решая тем самым проблемы индивидуальной ответственности за свои поступки. Постпенитенциарный субъект также может демонстрировать ситуативную агрессию и насилие, искать обидчиков, врагов и виновников в своих бедах, демонстрировать ненасильственное сопротивление социальным нормам, правилам и стандартам, государственным организациям и учреждениям, требованиям представителей власти. Вместе с тем без глубоко выношенной установки прощать других и винить себя, быть одновременно моральным и практически деятельным субъекту невозможно органично вписаться в новую для него «постнасильственную» среду.

Одновременно с этим сам факт признания несовершенства человеческих нравов является условием, содержанием и оправданием юридически нормированной модели пробации, задающей иную, безальтернативную, законопослушную перспективу поведения субъекта в отношении «нового для него общества». Как представляется, наличие нормативного пространства для субъекта полезно в ситуации неопределенности: сталкиваясь с объективно нестабильной, неструктурированной, неоднозначной ситуацией, когда все основания для сравнения отсутствуют, субъект не поддается хаосу, а напротив нормы придают смысл ситуации, структурируют ее, путем выработки общей нормы [5].

В любом случае перед субъектом возникает проблема социальной реадaptации в условиях кризиса собственной идентичности: можно приступить к формированию новой идентичности или возвратиться к старой, допенитенциарной. Известно, что одной из особенностей зрелой личности является способность к индивидуально осмысленному самопостроению, самоконструированию, самопроектированию, а способность человека осмысленно выбирать из многих путей, понимая основания собственного выбора, является одним из проявлений субъектности [1]. Однако здесь возникают некоторые вопросы. Во-первых, возможен ли вариант, когда субъект идентифицирует себя с автором своей собственной судьбы, своей линии жизни, или для постпенитенциарной личности это не характерно?³ Во-вторых, исчерпывается ли выбор личной идентичности только этими двумя формами или в обществе их предлагается гораздо больше? В-третьих, сам процесс переформатирования идентичности обязательно ли должен сопровождаться кризисом психоэмоционального состояния человека, а если это действительно кризисный период, то какие варианты модусов развития идентичности можно прогнозировать?

Проблема самопроектирования идентичности не является новой для юридической психологии, она обладает онтологическим статусом, давно исследуется в контексте пенитенциарной, криминальной и экстремальной психологии, прежде всего с позиции процессуального подхода, в котором главным является не онтология бытия, а онтология становления, закономерности трансформации субъекта и его бытия в многообразном мире (А. В. Брушлинский⁴). Другими словами, когда мы ставим вопрос о самопроектировании новой идентичности постпенитенциарной личности, то тем самым приходится отвечать на традиционный для психологии вопрос о соотношении изменчивости и границах тождественности личности⁵. Как правило, проблема изменчивости понимается в контексте развития человека. Вместе с тем остаются нерешенными вопросы об источниках развития человека. Если развитие стимулирует сам человек, т. е. фактор развития располагается внутри самого субъекта, то представления о самоизменении связываются с понятиями саморегуляции и саморазвития. Вместе с тем до сих пор в психологии продолжают дискуссии о статусе самопроцессов: одна группа ученых утверждает, что наиболее разработанными в отечественной психологии являются понятия саморегуляции и саморазвития (Н. В. Гришина [6] и др.), другая группа ученых с этим не согласна и относит эти понятия к наименее изученным в психологической науке (А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко

³ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., перевод с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой; под общ. ред. А. Пузыря. – Москва: Касталь, 1996. – С. 40.

⁴ Брушлинский А. В. Избранные психологические труды / ред.-сост. Т. К. Мелешко-Брушлинская, В. В. Знаков. – Москва: Институт психологии РАН, 2006. – 623 с.

⁵ Рубинштейн С. Л. понимал личность как субъекта, создающего в едином процессе себя и свою жизнь в ее осмысленной целостности, то есть в смысловых координатах самопроектирование личности и самопроектирование жизни – единое целое.

и др. [7]). С нашей точки зрения, действительно, окружающий мир содержит все меньше возможностей для непрерывного самосовершенствования личности. В связи с этим вполне убедительно и логично смотрятся аргументы сторонников самопроцессов, когда на самого субъекта возлагаются задачи не только адаптации к вызовам окружающего мира, но и собственного саморазвития. Тогда постпенитенциарный субъект в контексте данного подхода будет вынужден самостоятельно, а порой и в одиночку преодолевать стереотипы, установки и недоверие по отношению к нему со стороны общества. При этом он, безусловно, будет испытывать открытое и скрытое социальное давление на его индивидуальную ценностно-нормативную систему. В целях психологической защиты он будет прибегать к личностному усмотрению в ситуациях уточнения, прояснения и «подработки» своей позиции под желаемый обществу результат путём искусственного конструирования или «доставивания» своего опыта и смысла поведения под всеобщую норму. И далеко не всегда только угроза социального принуждения и страх перед санкциями со стороны правоуполномоченных лиц могут составлять мотивацию постпенитенциарного субъекта к соблюдению институциональных норм. Существует еще и моральный долг перед самим собой, ответственность перед собственным будущим.

Приходится считаться с тем, что задачи института пробации решаются сегодня в основном именно в условиях экстремального и во многом креативного характера повседневного существования постпенитенциарного субъекта. В связи с утратой некоторых важных ценностей и традиций, информационно-психологическим состоянием общества, увеличением числа и масштаба различного рода рисков и опасностей сама жизнь современного человека носит проблематичный характер. Достижение стабильности и целостности, выживания и развития человеческой личности в поликультуральной, к тому же транзитной ситуации, становится уделом самого субъекта, требующей от него осуществления континуальной, имеющей бытийно-темпоральный план, психологической работы над собой⁶, «заботы о себе» или, по терминологии М. Фуко, «технологии работы с собой» [8]. Необходимость такой работы над собой возникает только тогда, когда приходит осознание нарушения цельности личности и ее существования. Именно о таких экзистенциальных ситуациях, в которых оказывается человек, писал Федор Михайлович Достоевский. Имеется в виду его понимание того, что мы живем в не очень хорошем мире, который мы не в силах изменить к лучшему, но можно попытаться прожить в нем более-менее достойно. Естественно, что жизненную драму человек может пережить только с помощью времени или с помощью начала нового времени. В. В. Бибихин в этом смысле утверждает следующее: «Время должно вернуть “полноту, покой, согласие, которые сейчас, когда я потерял и растерял, меня покинули”, и далее надо “преодолеть возвращение”». «В данном случае важно, где находится будущее – впереди или позади»⁷. Настоящее не бывает без будущего. Задача человека – дать место этому новому, узнав в нем «то самое», о чем мечтал, что хотел бы обрести, но для этого необходимо сформулировать для себя пусть даже иллюзорную, но благую цель, объединяющую его с другими людьми. В этом случае прошлые причины и цели будущего будут притягиваться и усиливать друг друга, актуализировать внутреннюю работу на смыслы, направленную в будущее. При этом скорее всего постпенитенциарный субъект будет ориентироваться на самопереинтерпретацию и переопределение существующих смыслов, чтобы подогнать себя под те стандарты, которые культивируются в социуме [9].

Так как самопроектирование касается не только движения к осознанному целям, но и осознанного образа Я, для какого бы то ни было изменения такая личность должна обладать известными умениями согласовывать диапазон текущих жизненных интересов и личных стремлений, иметь в той или иной мере осознанный и проработанный план того, что она будет делать в ближайшем и отдаленном будущем. Последовательная и цельная реализация внутреннего «замысла себя» как предельная «практика себя» [10], стремление жить определенным образом выражает ключевые отношения субъекта к своему бытию, к своим возможным Я [11]. Познание смысла, назначения своего существования есть важнейшая человеческая потребность. «Без твердого представления: себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы»⁸. Наличие не только положительных, но и отрицательных переживаний

⁶ См. Магомед-Эминов М. Ш. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Москва, 2009. – 52 с.

⁷ Бибихин В. В. Мир. Язык философии. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015. – С. 96.

⁸ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собрание сочинений : в 15 т. / под общ. редакцией Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, В. В. Ермилова, В. Я. Кирпотина [и др.]. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – Т. 9. – С. 232.

свидетельствует о том, что субъект обладает желаниями, стремлениями, целями, т. е. что он живет достойной человека жизнью.

Постепенитенциарный субъект, переживший травматический опыт лишения свободы⁹, «столкнувшись со свободой», неизбежно будет преодолевать различные стадии трансформации личности, в т. ч. стадию сопротивления попыткам его «жестко» или «мягко» «переформатировать», а также стадии переозначивания и подчинения власти¹⁰. По мнению Джудит Батлер, «индивид становится субъектом только тогда, когда пройдет через процедуру властной субординации. Внутреннее принятие власти и формирование субъекта (или субъекция), таким образом, выступают взаимосвязанными амбивалентными явлениями»¹¹.

Изменение личности постепенитенциарного субъекта возможно при условии корректного, персонифицированного оказания воздействия на него, и только в том случае, когда возникнет осознание необходимости определенных изменений.

Проектирование новой идентичности постепенитенциарного субъекта предполагает развитие эффективных практик, направленных на коррекцию противоправных установок и стимулирование конструктивного переживания вины. Зарубежный опыт исследования различных психопрактик в работе с лицами, в отношении которых осуществляется пробация, позволяет выделить в этой сфере некоторые тенденции. Так, на протяжении нескольких десятилетий перед учеными и практиками в области уголовного правосудия ставится закономерный вопрос: «Что работает?» [12]. Речь идет о психопрактиках, которые действительно должны приводить к необходимым изменениям. При этом некоторые исследования являются результатом любопытства ученых к конкретным проблемам; некоторые исследования представляют собой проверку инновационных идей, а некоторые основаны на административных нуждах [13].

Практически оценить эффективность используемых программ пока сложно, т. к. они представляют собой разрозненные рефлексии опыта, которые свидетельствуют о неясных целях и отсутствии четкого понимания эффективности предпринимаемых мероприятий. Таким образом, достижение так называемого «реабилитационного идеала» ранее осужденных лиц было невозможным. Вместе с тем в рамках социальной и криминальной психологии, когда криминальные установки были положены в основу проведения научных исследований, удалось осуществить успешное прогнозирование антисоциального поведения [14]. Одновременно с этим в последнее время результаты некоторых публикаций позволяют сделать вывод об эффективности коррекционных программ, основанных на когнитивно-поведенческой терапии. Было также выявлено, что наиболее значимыми предикторами рецидива среди взрослых были связи со сверстниками-преступниками, криминальные установки и криминальное прошлое взрослых [15].

Переход субъекта в пространство самоизменения и экзистенциального поиска нуждается в согласованных целях с обеих сторон: со стороны правоуполномоченных лиц, социальных органов и общественных движений, а также со стороны самого постепенитенциарного субъекта. Напомним, что в ФЗ «О пробации в Российской Федерации» сформулированы две основные цели: ресоциализация и реинтеграция перечисленных в законе лиц. При этом государственные органы на первое место ставят задачи обеспечения общественной безопасности, а отнюдь не нравственную реабилитацию личности и «принцип полагания ценностей» (М. Хайдеггер). Другими словами, представители властных структур сохраняют за собой централизованный контроль над самим процессом достижения поставленных законодателем целей не столько в интересах оказания помощи и поддержки субъекту, сколько для того, чтобы средствами административного надзора обеспечить профилактику рецидивной преступности. Подобного рода императивная стратегия не ставит целью обращения к глубинным структурам личности, она просто поддерживает уже имеющиеся когнитивные структуры, которые хорошо себя зарекомендовали в экстремальных ситуациях пенитенциарного учреждения.

В свою очередь цели проектирования новой или адекватной вызовам среды личностной идентичности ориентированы на долгосрочный эффект, на изменение личности и осуществляются в процессе длительного диалогового контакта с человеком. Именно диалоговое воздействие выступает атрибутом процесса формирования у личности мотивов «идентификации» – желания походить на воздействующую сторону, или «интернализации» – стремления к более глубокому освоению определенных ценностей, взглядов и убеждений (Э. Аронсон) на фоне удовлетворения потребности личности в собственной безопасности.

⁹ Сочивко Д.В. Расколотый мир : Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. – Москва : Per Se, 2002. – 303 с.

¹⁰ Батлер Дж. Подчинение, сопротивление, переозначивание. Между Фрейдом и Фуко // Психика власти: теории субъекции / пер. с англ. З. Баблюна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 72.

¹¹ Там же.

Заключение

По сути дела вопросы, поставленные перед наукой об исправлении и возвращении людей к полноценной жизни в обществе после пребывания в местах лишения свободы, никогда и не уходили из психологического дискурса. Большинство авторов публикаций, как правило, следовали и следуют в логике позитивной теории, в которой по умолчанию культивировался принцип: если в местах лишения свободы создать гуманные условия для отбывания наказания осужденными, то они после освобождения будут правопослушными гражданами. Однако периодические всплески рецидивной преступности ставят под сомнение подобное убеждение. Оказалось, во внимание необходимо брать не только внутренние проблемы мест лишения свободы, но и нравственно-психологическое состояние общества, уровень его правовой культуры, экономики, политики и морали. От юридических психологов по-прежнему требуют ответы на вечные вопросы о путях и средствах совершенствования пенитенциарной политики, о соотношении свободы и правопорядка. Дискуссии ведутся давно, но с небольшим прогрессом: пока взвешенной позиции фактически нет. Поэтому в рамках существующих представлений о работе Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) и с помощью принятых теоретических подходов в психологической науке главные проблемы постпенитенциарного субъекта быстро решены быть не могут. Очевидно, что постпенитенциарному субъекту необходима избыточная «неадаптивная активность» не столько для адаптации, сколько для экзистенциальной переориентации, стабилизации нормативного поведения (В. В. Знаков), ускорения процесса формирования личной идентичности, другими словами, для более сложной человеческой деятельности.

Имманентно институт пробации как социальная система обладает неравновесной структурой, т. к. в нее закладываются различные типы противоречий между целями и стратегиями их достижения, ценностными установками центральной бюрократии, службами пробации, дискурсивными практиками и особенностями поведения и деятельности самого постпенитенциарного субъекта. Внутренним источником самодвижения субъекта к идеалу выступает диалектическое противоречие между двумя равноценными и противоположными по смыслу образованиями – идентификацией и обособлением, развивающим личность и «делающим ее психологически свободной». При этом необходимо понимать амбивалентную сущность бытия такого человека в мире социально-нормативных отношений, постоянное присутствие риска разворота личности в сторону отчуждения от других людей или от самого себя¹² [16].

Стремление включить постпенитенциарного субъекта в самопреобразующую деятельность изменяет линейную динамику согласования существующих социальных норм и его уникальной персональной и жизненной ситуации. Возникает вопрос о наличии определенных лиц и специальных организаций, способных «снимать» уникальность участников постпенитенциарных программ и социально-правовых ситуаций, организуя с каждым из них индивидуальную работу на смысл, тем более каждый постпенитенциарный субъект нуждается в диагностике, оценке и коррекции того психологического ущерба, который он мог получить в связи с личностными факторами, с внутренними факторами среды или случайно, находясь в местах лишения свободы. В связи с этим, начиная с уголовно-исполнительной системы, было бы целесообразно создать непрерывную систему, некий континуум социально-психологического, юридико-психологического сопровождения постпенитенциарных субъектов.

Именно в подразделениях ФСИН существует опыт, реализуются соответствующие программы подготовки осужденных к освобождению, в т. ч. используется метод моделирования личного будущего [17]. При этом психологи, работающие в пенитенциарных структурах, владеют информацией о психологических особенностях преступников различных типов, в т. ч. с деструктивной направленностью личности (террористы, маньяки, убийцы и др.) [18]. Такими знаниями и компетенциями могут не обладать сотрудники подразделений и служб пробации, сотрудники органов внутренних дел. Очевидно, необходимо создать такую систему формирования интегративных компетенций сотрудников института пробации, чтобы они были готовы осуществлять соответствующую работу с каждым типом постпенитенциарного субъекта. Одновременно потребуется разработка новых образовательных программ по повышению квалификации и служебной подготовки личного состава органов внутренних дел. Только создав такие условия, возможно будет,

¹² Мухина В. С. Отчужденные: абсолют отчуждения. – Москва : Прометей, 2009. – 702 с.

во-первых, контролировать и пресекать попытки некоторых лиц, указанных в законе, продолжить свою криминальную карьеру¹³ [19; 20], во-вторых, появится реальная возможность противостоять социальным угрозам «гибели субъекта» (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко) и преодоления кризиса идентичности постпенитенциарного субъекта.

Одновременно в юридической психологии возникает фундаментальный вопрос о единстве многообразия личности. Как проектировать человека изменчивого, текучего, как сама его жизнь, и вместе с тем сохранять его идентичность, свое постоянство? Остается также открытым и другой важный вопрос: не возникнет ли ситуация, когда сконструированную с нашей помощью новую идентичность человека мы будем произвольно стремиться подработать под существующий жизненный мир, который может быть не тождествен реальным помыслам и возможностям постпенитенциарного субъекта, в результате чего субъект будет «заброшен в мир» (М. Хайдегер). В этом смысле такие понятия морали и этики, как вина, совесть и стыд, должны по определению существовать в актуальном контексте «заботы о личности», выступать важными участниками научных дискуссий об ответственности и человеческом достоинстве постпенитенциарного субъекта.

Задача проектирования идентичности состоит в том, чтобы обеспечить непрерывность, динамику творения истории человека, продолжение линии его жизни с учетом «оставшегося в прошлом будущего», незавершенности его проекта и вариативной открытости его развития. Делать ставку не на то, что есть, а на то, что должно быть.

Изменчивость личностных структур зависит от познавательной активности, целей, ценностных ориентиров и актуальных практических действий самого субъекта. Предполагается, что субъектная ориентированность личности на моральные нормы, в т. ч. совесть, вину, стыд, облегчает правильный выбор среди конкурирующих в обществе различных типов этических систем. При этом центральным понятием оказывается понятие человеческого достоинства, в рамках которого актуализируется надежда постпенитенциарного субъекта на лучшее будущее, в котором не будет насилия, будет больше равноправия и справедливости, стимулируется этика практических действий и готовность взять ответственность за их последствия.

Список литературы

1. Знаков В. В. Самосозидание человека - новый этап развития психологии субъекта // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Психология. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 112–122; <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201>.
2. Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2024. – Т. 29, № 1 (96). – С. 6–11; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-000-000>
3. Кравец К. В. Е. Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46, № 4. – С. 715–721; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721>.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства, (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 3 (77). – С. 14–58.
5. Бовина И. Б., Бовин Б. Г. Нормы и их нарушение: классические и современные исследования // Современная зарубежная психология : электронный журнал. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 21–31; <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n3/jmfp_2021_n3_Bovina_Bovin.pdf.
6. Гришина Н. В. «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 8, вып. 2. – С. 126–138; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>.
7. Сергиенко Е. А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2016. – С. 84–115.
8. Фуко М. Технологии себя / перевод с англ. А. Корбуа // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 96–122.

¹³ Марьян М. И., Касперович Ю. Г. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности : учебное пособие. – Москва: Академия, 2007. – 202 с.

9. *Чепелева Н. В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве / Человек, субъект, личность в современной психологии : материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского, 10–11 октября 2013 г. : в 3 т. / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. – Москва: Институт психологии РАН, 2013. – Т. 3. – С. 342–346.
10. *Максимова Е. В.* Духовная практика как предельная «Практика себя» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – Т. 1, № 73. – С. 122–125.
11. *Сапогова Е. Е.* Жизненный опыт в автобиографических нарративах личности // Вопросы психологии. – 2014. – № 1. – С. 68–79.
12. *Sarre R.* Beyond “What Works?” A 25-year jubilee retrospective of Robert Martinsons famous article // Australian & New Zealand Journal of Criminology. – 2001. – № 34 (1). – P. 38–46; <https://doi.org/10.1177/000486580103400103>.
13. *Cohn A. W.* Managing the correctional enterprise – the quest for “what works” // Federal Probation. – 2002. – Vol 66, no 2. – P. 4–9.
14. *Stevenson S. F., Hall G., Innes J.* Socio-moral reasoning and criminal sentiments in Australian men and women violent offenders and non-offenders // International Journal of Forensic Psychology. – 2003. – Vol. 1, № 1. – P. 111–119.
15. *Хвостов А. А.* Моральное сознание личности : структура, генезис, детерминанты : монография. – Москва: Прометей, 2005. – 471 с.
16. *Boduszek D., Hyland P., Pedziszczak J., Kielkiewicz K.* Criminal attitudes, recidivistic behaviour, and the mediating role of associations with criminal friends: an empirical investigation within a prison sample of violent offenders // Europe’s Journal of Psychology. – 2012. – Vol. 8, № 1. – P. 18–31, <https://doi.org/10.5964/ejop.v8i1.296>.
17. *Зауторова Э. В.* Моделирование как метод формирования личного будущего осужденных женщин // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 4 (64). – С. 451–458; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.013>.
18. *Мухина В.* Меж двух огней: тюремный психолог // Развитие личности. – 2007. – № 4. – С. 106–120.
19. *Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм Социально психологический анализ : монография. – Москва: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
20. *Оганесян С. С., Габараев А. Ш., Годованец О. Г., Казберов П. Н. [и др.].* Проблемы противодействия религиозному экстремизму и пути формирования веротерпимости в местах лишения свободы : монография. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. – 167 с.

References

1. *Znakov V. V.* Samosozidaniye cheloveka - novyy etap razvitiya psikhologii sub’yekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 112–122; <https://doi.org/10.21638/spbu16.2019.201>.
2. *Sharanov Yu. A., Zuyeva Ye. G.* Psikhologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funktsiy viny v protsesse resheniya postpenitentsiarnoy problemy rossiyskogo obshchestva // Psikhopedagogika v pravookhranitel’nykh organakh. – 2024. – Т. 29, № 1 (96). – С. 6–11; <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-297-000-000>
3. *Kravets K. V. Ye. N.* Trubetskoy o sootnoshenii prava i npravstvennosti // NOMOTHETIKA : Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2021. – Т. 46, № 4. – С. 715–721; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721>.
4. *Al’tyusser L.* Ideologiya i ideologicheskiye apparaty gosudarstva, (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul’ture. – 2011. – № 3 (77). – С. 14–58.
5. *Bovina I. B., Bovin B. G.* Normy i ikh narusheniye: klassicheskiye i sovremennyye issledovaniya // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya : elektronnyy zhurnal. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 21–31; <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100302>. – URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2021_n3/jmfp_2021_n3_Bovina_Bovin.pdf.
6. *Grishina N. V.* “Samoizmeneniya” lichnosti: vozmozhnoye i neobkhodimoye // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika. – 2018. – Т. 8, вып. 2. – С. 126–138; <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.202>.
7. *Sergiyenko Ye. A.* Sovremennyye idei razvitiya v psikhologii // Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii / отв. ред. А. Л. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko. – Москва: Institut psikhologii RAN, 2016. – С. 84–115.
8. *Fuko M.* Tekhnologii sebya / perevod s angl. A. Korbuta // Logos. – 2008. – № 2 (65). – С. 96–122.

9. *Chepeleva N. V.* Samoprojektirovaniye lichnosti v diskursivnom prostranstve / Chelovek, sub'yekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii : materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu A. V. Brushlinskogo, 10–11 oktyabrya 2013 g. : v 3 t. / otv. red. A. L. Zhuravlev, Ye. A. Sergiyenko. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2013. – T. 3. – S. 342–346.
10. *Maksimova Ye. V.* Dukhovnaya praktika kak predel'naya «Praktika sebya» // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo. – 2013. – T. 1, № 73. – S. 122–125.
11. *Sapogova Ye. Ye.* Zhiznennyy opyt v avtobiograficheskikh narrativakh lichnosti // Voprosy psikhologii. – 2014. – № 1. – S. 68–79.
12. *Sarre R.* Beyond “What Works?” A 25-year jubilee retrospective of Robert Martinsons famous article // Australian & New Zealand Journal of Criminology. – 2001. – № 34 (1). – P. 38–46; <https://doi.org/10.1177/000486580103400103>.
13. *Cohn A. W.* Managing the correctional enterprise – the quest for “what works” // Federal Probation. – 2002. – Vol 66, no 2. – P. 4–9.
14. *Stevenson S. F., Hall G., Innes J.* Socio-moral reasoning and criminal sentiments in Australian men and women violent offenders and non-offenders // International Journal of Forensic Psychology. – 2003. – Vol. 1, № 1. – P. 111–119.
15. *Khvostov A. A.* Moral'noye soznaniye lichnosti : struktura, genezis, determinanty : monografiya. – Moskva: Prometey, 2005. – 471 s.
16. *Boduszek D., Hyland P., Pedziszczak J., Kielkiewicz K.* Criminal attitudes, recidivistic behaviour, and the mediating role of associations with criminal friends: an empirical investigation within a prison sample of violent offenders // Europe's Journal of Psychology. – 2012. – Vol. 8, № 1. – P. 18–31, <https://doi.org/10.5964/ejop.v8i1.296>.
17. *Zautorova E. V.* Modelirovaniye kak metod formirovaniya lichnogo budushchego osuzhdennykh zhenshchin // Penitentsiarnaya nauka. – 2023. – T. 17, № 4 (64). – S. 451–458; <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.013>.
18. *Mukhina V.* Mezhdvukh ogney: tyuremnyy psikholog // Razvitiye lichnosti. – 2007. – № 4. – S. 106–120.
19. *Sosnin V. A., Nestik T. A.* Sovremennyy terrorizm Sotsial'no psikhologicheskii analiz : monografiya. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2008. – 240 s.
20. *Oganesyan S. S., Gabarayev A. Sh., Godovanets O. G., Kazberov P. N. [i dr.].* Problemy protivodeystviya religioznomu ekstremizmu i puti formirovaniya veroterpimosti v mestakh lisheniya svobody : monografiya. – Moskva: FKU NII FSIN Rossii, 2017. – 167 s.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted March 26, 2024; approved after reviewing September 3, 2024; accepted for publication September 5, 2024.